

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

ИМЕНИ Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

Ю. И. СЕМЕНОВ

КАК ВОЗНИКЛО ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
· Н А У К А ·
М О С К В А
1 · 9 · 6 · 6

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ
Ю. П. АВЕРКИЕВА, Г. Ф. ДЕБЕЦ

1-5-1—1-6-2
108—1965

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одним из важнейших и до сих пор еще не решенных наукой вопросов является проблема становления человеческого общества. Говоря о нерешенности этой проблемы, мы, само собой разумеется, имеем в виду лишь конкретное ее решение. Принципиальное свое решение она давно уже получила в трудах классиков марксизма, создавших материалистическое понимание истории и раскрывших роль производства в жизни людей.

Кроме общего принципиального решения проблемы происхождения человеческого общества, в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина мы находим многочисленные положения частного характера, прямо и непосредственно относящиеся к этому вопросу. Эти положения классиков марксизма имеют величайшую методологическую ценность, ибо дают ключ к пониманию специфических особенностей самого раннего периода истории человечества.

Только исходя из данного классиками марксизма общего принципиального решения проблемы возникновения человеческого общества и основываясь на их частных положениях, непосредственно относящихся к этому вопросу, можно дать конкретное решение проблемы социогенеза, все предпосылки для которого в настоящее время имеются. Огромные успехи, достигнутые за последние десятилетия в области таких наук, как археология, этнография, антропология, дают теперь реальную возможность конкретизации общих принципиальных положений классиков марксизма по вопросу о становлении общества. Став возможным, конкретное решение проблемы становления человеческого общества стало и необходимым. Необходимость его диктуется потребностями развития таких наук, как история первобытного общества, этнография, археология, антропология, философия, этика, психология и целого ряда других.

Возникшая настоятельная потребность в осмыслении того огромного фактического материала, который накоплен наукой, вызвала к жизни многочисленные попытки обобщить этот материал, определенным образом его истолковать. Проблема становления человеческого общества в настоящее время выдвинулась в повестку дня науки как один из ее первоочередных вопросов, ждущих своего детального рассмотрения и конкретного решения. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что эта проблема на протяжении последних более чем десяти лет является предметом оживленной дискуссии между советскими учеными.

Попытки истолкования огромного накопленного по этому вопросу фактического материала предпринимаются и буржуазными учеными. Немалое число их, основываясь на тенденциозном и произвольном истолковании отдельных фактических данных, а иногда и на прямом извращении последних, пытается опровергнуть принципиальные положения марксизма по вопросу о возникновении труда, человека, общественных отношений, стремится доказать божественное происхождение человека и общества, извечность частной собственности, отношений эксплуатации и угнетения, моногамной семьи, религии, подвести «научную» базу под расистские измышления и т. п. (см., напр.: Zuckerman, 1932; Lowie, 1947; Broom, 1951; Murdock, 1949; Etkin, 1954; James, 1957; Coont, 1958; Bergounioux, 1961, и др.¹).

Подобного рода фальсификацию раннего этапа истории человечества нельзя до конца разоблачить, ограничиваясь лишь пересказом общих принципиальных положений марксизма по вопросу о возникновении труда, общества, человека и т. п. Им нужно противопоставить исходящее из этих принципиальных положений конкретное решение проблемы. Необходимость конкретного решения проблемы становления человеческого общества диктуется, таким образом, не только потребностями развития науки, но и потребностями той острой идеологической борьбы, которая идет в настоящее время между миром социализма и миром капитализма.

Дать конкретное решение проблемы становления человеческого общества — значит раскрыть внутреннюю необходимость, внутреннюю объективную логику процесса превращения стада животных в человеческий коллектив, представить этот исторический процесс в логической форме, в его самодвижении, в его самопроизвольном,

¹ В монографии принят следующий порядок библиографических ссылок: в тексте указывается лишь автор работы, год ее издания, том (часть, выпуск) и, если необходимо, страницы; полное же название работы и все ее выходные данные приводятся в имеющемся в конце алфавитном указателе литературы.

самостоятельном, спонтанейном, внутренне необходимом движении. Сделать это можно лишь путем обобщения с позиций диалектического материализма, путем диалектической обработки огромного фактического материала, накопленного значительным числом наук.

Процесс становления человеческого общества есть процесс становления производства, процесс формирования производительных сил, становления производственных и иных общественных отношений, становления общественного бытия и общественного сознания, процесс формирования человека как производительной силы и общественного существа. Сущность этого необыкновенно сложного и многостороннего процесса состоит в переходе от одной формы движения материи — биологической — к качественно иной, более высокой — социальной или общественной, в скачке от биологического к социальному. Все это делает совершенно необходимым привлечение для разрешения проблемы становления человеческого общества данных как биологических, так и социальных наук².

Совершенно невозможно при решении этой проблемы обойтись без учета данных таких биологических наук, как, например, дарвинизм, генетика, общая зоология, антропология, эволюционная морфология, физиология высшей нервной деятельности и физиология размножения, приматология, экология, зоопсихология, энтомология. Не менее необходимым является использование при решении этой проблемы данных и таких наук, как история первобытного общества, археология, этнография, фольклористика, политическая экономия, этика, психология, языковедение.

Само собой разумеется, что ни один человек не может быть специалистом одновременно во всех перечисленных областях знания. Необходимость привлечения для решения проблемы возникновения общества данных значительного числа наук неизбежно должна делать любую сколько-нибудь обстоятельную работу, посвященную этому вопросу, автором которой является один человек, уязвимой для критики со стороны специалистов.

Автор не ставил своей задачей дать сколько-нибудь подробное изложение истории становления человеческого общества и человека, истории первобытного стада и формирующихся людей. Не ставил он перед собой и задачу дать сколько-нибудь подробное изложение истории отдельных процессов, входящих в качестве моментов в этот общий процесс, таких, например, как развитие каменной индустрии раннего палеолита, изменение физического типа

² Говоря о данных наук, мы имеем в виду не только фактические данные, не только фактический материал, но и имеющиеся теоретические обобщения.

человека, становление морали, религии и т. п., — такая задача по плечу лишь коллективу, состоящему из большого числа специалистов. В работе предпринимается попытка сделать тот шаг, который необходимо должен предшествовать созданию подлинной истории становления человеческого общества, попытка выявить и проследить внутреннюю необходимость, объективную логику процесса превращения стада животных в человеческий коллектив, а там, где это возможно, и объективную логику процессов, входящих в качестве моментов в общий процесс.

Чтобы познать внутреннюю необходимость любого исторического процесса, необходимо «освободить» его от конкретно-исторической формы, «очистить» его от единичного, случайного. Процесс диалектической обработки конкретного материала об историческом процессе есть воспроизведение последнего в логической форме, в форме логического процесса. В логическом процессе, отражающем исторический, последний дан «извлеченным» из его исторической формы, «очищенным» от всего случайного, единичного, несущественного и тем самым в его спонтаннейшем, внутренне необходимом движении. В логическом процессе в отличие от отражаемого им исторического внутренняя необходимость этого исторического процесса существует в «чистом» виде, вне форм своего конкретного исторического проявления.

Раскрывая отношения между историческим и логическим, Ф. Энгельс указывал, что логическое есть историческое, но только освобожденное от исторической формы и от мешающих случайностей. Логическое, писал он, представляет собой «не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме; отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс...» (соч., т. 13, стр. 497).

Так как в настоящей работе делается попытка выявить и проследить внутреннюю необходимость процесса становления, формирования человеческого общества, то вполне понятно, что в ней данный процесс (и соответственно такие составляющие его процессы, как развитие каменной индустрии раннего палеолита, изменение физической организации человека, формирование морали и т. п.) дается «очищенным» от нарушающих его случайностей, «исправленным», дается не в исторической, а в абстрактной и теоретически последовательной логической форме.

В монографии прежде всего излагается теория, логика процесса формирования человеческого общества. Но сколько-нибудь убедительное и доказательное изложение логики развития любого исторического процесса немислимо без привлечения того

фактического конкретно-исторического материала, из которого она «извлечена» путем диалектической его обработки. Только фактами, причем не произвольно вырванными, а взятыми в системе, можно доказать, что излагаемое в работе логическое построение представляет собой не произвольную конструкцию мышления, а отражение объективной необходимости исторического процесса, имеет объективное значение. Во всей работе внутренняя объективная необходимость процесса становления человеческого общества дана не только в чисто логическом виде, но в определенной степени также и в своем конкретно-историческом проявлении, в своей конкретно-исторической форме. Поэтому работа содержит изложение не только логики становления человеческого общества, но в какой-то степени и истории этого процесса.

Фактический материал приведен в книге в подтверждение истинности всех выдвигаемых в ней положений. Вместе с тем в работе имеется целый ряд положений, носящих во многом гипотетический характер, что находит свое объяснение в отсутствии достаточного количества достоверных фактов, относящихся к данному вопросу. Ни одно научное положение, ни одна научная теория не возникает и не может возникнуть только как прямой и непосредственный логический вывод из имеющихся фактов. Первой формой систематизации фактов, первым шагом по пути проникновения в сущность явлений, во внутреннюю необходимость изучаемых процессов является гипотеза. В процессе дальнейшего развития, в процессе проверки и накопления фактов созданная гипотеза либо отбрасывается как ошибочная, либо, изменяясь и уточняясь, становится теорией. Возможно, однако, и такое положение, когда в течение определенного времени вследствие недостатка фактов гипотетическое объяснение остается единственно возможным.

Огромный фактический материал, накопленный социальными и биологическими науками, дает в настоящее время возможность конкретного решения проблемы возникновения человеческого общества, дает возможность проследить внутреннюю необходимость процесса социогенеза в целом. Однако для более или менее точного воссоздания некоторых отдельных звеньев этого процесса материала пока что еще недостаточно. Обойтись без воссоздания этих звеньев нельзя, ибо в таком случае пришлось бы вообще отказаться от мысли о выявлении объективной логики социогенеза. Ждать, когда наукой будет накоплено достаточное количество фактов и по этим вопросам, значит отложить по существу на неопределенное время всякую попытку дать конкретное решение проблемы становления человеческого общества. Остается лишь один возможный выход — ограничиться пока гипотетическим воссозданием тех

звеньев процесса становления человеческого общества, для достоверного воспроизведения которых не хватает фактов.

В процессе работы над монографией нами был широко использован обширный материал, имеющийся не только в трудах исследователей-марксистов, но и в работах буржуазных ученых, придерживающихся чуждых марксизму взглядов. В отношении к трудам последних мы руководствовались указаниями В. И. Ленина. Характеризуя в своем труде «Материализм и эмпириокритицизм» буржуазных специалистов в области философии и политической экономии как ученых приказчиков класса капиталистов, великий мыслитель указывал в то же время, что «задача марксистов и тут и там суметь усвоить себе и переработать те завоевания, которые делаются этими „приказчиками“ (вы не сделаете, например, ни шагу в области изучения новых экономических явлений, не пользуясь трудами этих приказчиков), — и *уметь* отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести *свою* линию и бороться *со всей линией* враждебных нам сил и классов» (ПСС, т. 18, стр. 364).

Несомненно, что в еще большей степени, чем к философии и политэкономии, выдвинутое В. И. Лениным положение о необходимости критической переработки и усвоения того ценного, что имеется в трудах буржуазных ученых, относится к таким наукам, как этнография, археология, не говоря уже об эволюционной морфологии, антропологии, экологии и др. Исходя из положения В. И. Ленина о диалектическом отрицании как отрицании с удержанием всего положительного, имеющегося в отрицаемом, мы ставили своей задачей не только использовать фактический материал, имеющийся в работах буржуазных исследователей, но и выявить то рациональное зерно, которое содержится в их теоретических построениях.

ВВОДНАЯ ЧАСТЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

1. Классики марксизма о становлении человеческого общества. Л. Морган и проблема социогенеза

К. Маркс и Ф. Энгельс, создав материалистическое понимание истории, раскрыли коренное отличие человеческого общества от объединений животных и тем самым впервые поставили вопрос о его возникновении на научную почву. Создание исторического материализма уже само по себе означало принципиальное решение проблемы происхождения человеческого общества. Но этим вклад основоположников марксизма в решение проблемы генезиса человеческого общества не ограничивается. Создав материалистическое учение об обществе, К. Маркс и Ф. Энгельс раскрыли ведущую роль труда в его возникновении и развитии. Ими было неопровержимо доказано, что именно труд создал человека и общество, что только в процессе производственной деятельности человек выделился из мира животных, а на месте биологического объединения возник человеческий коллектив.

Раскрыв всю глубину различий между стадом животных и человеческим обществом, классики марксизма указывали, что невозможно мгновенное превращение первого во второе, как невозможно и моментальное превращение животного в человека, что должен существовать длительный период формирования, становления, складывания человеческого общества. В работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» (соч., т. 20) Ф. Энгельс прежде всего указывает на существование периода превращения животных в людей, периода формирования человека, завершившегося возникновением готового человека, человека в полном смысле этого слова (стр. 487—490). Не ограничиваясь этим

положением, Ф. Энгельс идет дальше и теснейшим образом связывает проблему формирования человека с проблемой формирования человеческого общества. Границу, отделяющую формировавшегося человека от готового, Ф. Энгельс рассматривает не только как грань в физическом развитии человека, но и прежде всего как важнейшую грань в его общественном развитии. Лишь «с появлением готового человека, — указывает он, — возник вдобавок еще новый элемент — общество» (стр. 490).

Человеческое общество, по мнению Ф. Энгельса, не возникло сразу с изготовлением первых орудий труда, с появлением первых людей, людей формировавшихся. Оно возникло лишь с готовым человеком. Предшествовавшая возникновению готового человека эпоха была не только периодом формирования человека, но и периодом формирования человеческого общества. Формировавшиеся люди жили в формировавшемся обществе. Подчеркивая отличие коллективов формировавшихся людей от подлинного человеческого общества, Ф. Энгельс (соч., т. 34, стр. 138) в письме к П. Л. Лаврову назвал их стадами. Своим утверждением о существовании периода формирования человека, являвшегося одновременно и периодом становления общества, Ф. Энгельс намного опередил свое время. Современная ему наука не давала материала для обоснования и конкретизации этого положения. Поэтому в классическом труде Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (соч., т. 21) мы не находим схемы периодизации первобытной истории, которая основывалась бы на этом положении. Как указывал сам Ф. Энгельс (стр. 28—29), в этой его работе была приведена в несколько доработанном виде та схема периодизации первобытной истории, которая была создана на основе обобщения имевшегося в распоряжении науки того времени фактического материала крупнейшим американским этнографом Л. Г. Морганом и изложена последним в труде «Древнее общество» (1934а).

Хорошо известна та высокая оценка этой работы Л. Морган, которая была дана основоположниками марксизма¹. «Относительно первобытного состояния общества, — писал Ф. Энгельс (соч., т. 36, стр. 97), — существует книга, имеющая решающее значение, такое же решающее, как Дарвин в биологии; открыл ее, конечно, опять-таки Маркс: это — Морган, „Древнее общество“, 1877 год... Морган в границах своего предмета самостоятельно вновь открыл марксово материалистическое понимание истории... Впервые рим-

¹ Подробнее об этом см. нашу работу «Учение Морган, марксизм и современная этнография» (1964в).

ский и греческий gens получил полное объяснение на примере родовой организации дикарей, в особенности американских индейцев; таким образом, найдена прочная база для первобытной истории». Величайшая заслуга Л. Моргана перед наукой состоит в том, что он открыл основную ячейку доклассового общества. Как доказал он, этой ячейкой является род. Понимание доклассового общества как родового, как общества, в организации которого «род является первичной формой, составляя как основание, так и единицу этой системы» (1934а, стр. 134), открыло совершенно новую эпоху в разработке проблем первобытной истории.

Нельзя, однако, пройти мимо противоречий, имеющих у Л. Моргана во взглядах на древнее (т. е. предшествовавшее классовому) общество. В его работах мы встречаем немало утверждений, что родовое общество является первой и наиболее древней формой существования человеческого общества, что термины «родовое общество» и «древнее общество» совпадают, что, кроме общества родового и следующего за ним политического (т. е. классового), мы не знаем иных человеческих общественных форм (Л. Морган, 1934а, стр. 27, 28, 214 и др.).

Но, выдвигая это положение, Л. Морган в полном противоречии с ним буквально тут же рядом признает существование общества более древнего, чем родовое, — дородового. Более древней общественной формой, чем родовая, является, по мнению Л. Моргана, брачно-классовая организация австралийцев (стр. 32). В других местах работы Л. Моргана как на первую форму человеческого общества указывает на кровнородственную семью (стр. 234).

Указанное противоречие во взглядах Л. Моргана не является случайным. Понять его причину можно, обратив внимание на один факт. Кровнородственной семье, по Л. Моргану, предшествовала орда, характерной чертой которой было первобытное состояние неупорядоченных половых отношений. Промискуитетную орду, являющуюся, по мнению Л. Моргана, первой формой объединения людей, он нигде не называет человеческим обществом, нигде не характеризует как первую форму общества, как это было бы естественно ожидать. Объяснить это обстоятельство невозможно, не допустив, что Л. Морган, сам того четко не сознавая, приближался к пониманию необходимости отграничения периода становления человеческого общества от периода развития уже возникшего подлинно человеческого общества. Естественно, что перед ним вставал вопрос, где проходит грань между формирующимся обществом и готовым, в какой форме возникло подлинно человеческое общество. И на этот вопрос Л. Морган дал ответ, вернее, два (если не три) разных ответа. Первый — период становления человеческого об-

щества завершился возникновением родового общества, второй — процесс становления общества завершился появлением кровнородственной семьи. Наличие двух ответов отчасти объясняется тем, что Л. Морган лишь смутно сознавал необходимость отграничения периода становления общества от периода его последующего развития, а поэтому он не мог в сколько-нибудь ясной форме осознать и стоящий перед ним вопрос и, следовательно, не мог сознательно поставить перед собой задачу найти критерий, позволяющий с достоверностью установить грань, отделяющую первый период от второго. Однако главная причина состояла не в этом. Она заключалась в том, что современная Л. Моргану наука не давала материала для решения этого вопроса.

О правильности такого объяснения свидетельствует то обстоятельство, что ответа на вопрос, когда возникло подлинно человеческое общество, мы не находим и у Ф. Энгельса, четко и ясно сформулировавшего положение о существовании периода формирования человеческого общества, совпадающего с периодом формирования человека. Если Л. Морган в «Древнем обществе», сам того ясно не сознавая, дает два ответа на вопрос, где проходит грань, отделяющая общество формирующееся от общества сформировавшегося, то Ф. Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» вообще воздерживается от ответа на него.

Примкнуть ко взгляду на родовое общество как на первую форму человеческого общества Ф. Энгельсу, надо полагать, во многом помешала неверная оценка Л. Морганом общественного строя полинезийцев вообще, гавайцев в частности, которая была основана на несовершенстве имевшегося в распоряжении последнего фактического материала. В этнографической литературе того времени полинезийцы вообще, гавайцы в частности, рассматривались как стоящие по уровню развития ниже всех остальных племен и народов, за исключением лишь австралийцев. Л. Морган отнес их вместе с аборигенами Австралии к средней ступени дикости. Основанием для этого было отсутствие у них гончарного производства, а также лука и стрел. Это было расценено Л. Морганом как признак необычайно низкого уровня материальной культуры и соответственно культуры вообще. Со взглядом на полинезийцев как на один из наиболее примитивных народов мира полностью гармонировали те сведения об общественных отношениях гавайцев, которыми располагал Л. Морган. На Гавайских островах не было обнаружено признаков родовой организации. Так как у всех народов, относимых Л. Морганом к более высоким ступеням развития древнего общества, родовая организация существовала, то у него

не могло возникнуть даже сомнения в том, что гавайцы стояли на стадии, предшествующей возникновению рода, что их общество было родовым. Характеристика общественного строя полинезийцев как родового была принята Ф. Энгельсом.

Было указывалось, что с точки зрения Ф. Энгельса человеческое общество возникло тогда, когда на смену формирующимся людям пришли готовые, сформировавшиеся. Так как полинезийцы ни в коем случае не могли быть отнесены к людям формирующимся, то из этого необходимо вытекало, что они жили в готовом обществе. Согласившись с данной Л. Морганом характеристикой полинезийского общества как родового, Ф. Энгельс должен был неизбежно прийти к выводу, что процесс становления общества завершился до возникновения рода, что родовое общество не является первой формой существования готового человеческого общества.

Но как показали дальнейшие исследования, оценка Л. Морганом уровня развития полинезийцев была ошибочной. Выяснилось, что полинезийцы вообще, гавайцы в особенности, стояли на довольно высокой ступени общественного развития. К моменту открытия их европейцами на Гавайях существовали уже классы и государство. Рода у гавайцев действительно не было, но не потому, что он у них еще не возник, как полагал Л. Морган, а потому, что родовое общество было для них уже пройденным этапом. Высоко была развита и материальная культура полинезийцев. Они в большинстве своем были земледельцами, причем техника земледелия была доведена у них до высокой степени совершенства. Развита была у них и ремесла (Handy, Emory, Buck, Wise and other, 1933; Sahlin, 1958; «Народы Австралии и Океании», 1956; Токарев, 1958; Тумаркин, 1958, 1964; Теранги Хироа, 1959). Все это, вполне понятно, не могло быть известно Ф. Энгельсу. Он пользовался теми данными, которыми располагала современная ему наука.

Придя к выводу, что процесс формирования человеческого общества и самого человека завершился до возникновения рода, Ф. Энгельс не говорит о времени его завершения, ибо антропология не располагала данными по вопросу о том, когда возник готовый человек. Ничего не могли сказать ни археология, ни этнография и о времени возникновения таких предшествовавших, по мнению Л. Морган, роду социальных организаций как кровнородственная семья и семья пуналуа. Поэтому Ф. Энгельс в первом издании «Происхождения семьи, частной собственности и государства», повторивший вслед за Л. Морганом, что кровнородственная семья была первой организованной формой общества (Вип-

ников, 1936, стр. 146), подготавливая четвертое издание своей работы, снял это утверждение, оставив, таким образом, вопрос о том, когда возникло человеческое общество и какова была первая форма его существования, без ответа.

Положение о существовании периода формирования человеческого общества, отличного от периода сформировавшегося общества, выдвинутое Ф. Энгельсом, было развито и конкретизировано В. И. Лениным. У В. И. Ленина нет работ, специально посвященных проблемам первобытной истории, мы находим у него всего лишь несколько высказываний по этим вопросам, но они стоят многих томов. Важнейшее из этих высказываний содержится в его письме А. М. Горькому, написанном в ноябре 1913 г. (ПСС, т. 48, стр. 230—232). Раскрывая сущность данного А. М. Горьким определения бога как комплекса идей, будящих и организующих социальные чувства, имеющих целью связать личность с обществом и обуздать зоологический индивидуализм, В. И. Ленин писал: «Почему это реакционно? Потому что подкрашивает поповско-крепостническую идею „обуздания“ зоологии. В действительности „зоологический индивидуализм“ обуздана не идея бога, обуздано его и первобытное стадо и первобытная коммуна» (стр. 232).

Это ленинское высказывание заслуживает подробного анализа. Прежде всего уясним, что понимал В. И. Ленин под первобытным стадом. Как видно из контекста, этим термином В. И. Ленин обозначал первую форму объединения людей, первоначальный человеческий коллектив, непосредственно возникший из предшествовавшего ему стада животных. Этот первоначальный человеческий коллектив отличался, по мнению В. И. Ленина, от стада животных. Это отличие В. И. Ленин видел в том, что первобытное стадо людей не было, как всякое стадо любых животных, чисто биологическим объединением. Если бы оно было таким объединением, то не имело бы никакого смысла говорить об обуздании им зоологического индивидуализма. Биологические инстинкты может обуздать лишь объединение, отличное от чисто биологического. Биологическое может быть обуздано лишь своей противоположностью — социальным. Процесс обуздания зоологического индивидуализма не может быть ничем иным, кроме как процессом борьбы социального и биологического. Первобытное стадо было объединением, в котором шла борьба социального и биологического, шел процесс обуздания биологического социальным. Поэтому оно никак не может быть названо чисто животным, биологическим объединением. Но по этой же причине оно не может быть охарактеризовано и как подлинно человеческий коллектив, как подлинно человеческое общество. Первобытное стадо обуздывало зоологический инди-

видуализм, но не могло его обуздать до конца. Полностью обуздала зоологический индивидуализм лишь первобытная коммуна. Возникновением первобытной коммуны завершился занявший весь период существования первобытного стада процесс обуздания зоологического индивидуализма, процесс борьбы социального и биологического. Первобытная коммуна является, таким образом, первой формой объединения людей, в которой был полностью обуздан зоологический индивидуализм, в которой безраздельно господствовало социальное,— первой формой чисто социального объединения, короче говоря, первой формой существования подлинно человеческого общества. Предшествовавшая возникновению первобытной коммуны эпоха первобытного стада была периодом превращения стада животных в человеческое общество, периодом становления, формирования человеческого общества. Первобытное человеческое стадо является формой, переходной между чисто биологическим и чисто социальным объединениями, является формирующимся обществом.

Развивая положение о существовании периода формирования человеческого общества, В. И. Ленин идет дальше Ф. Энгельса. Прежде всего он раскрывает сущность периода становления человеческого общества, характеризуя его как эпоху обуздания зоологического индивидуализма. Далее В. И. Ленин вводит для обозначения формирующегося общества ясный и определенный термин — «первобытное человеческое стадо». И, наконец, он, намного опережая современную ему науку, указывает на грань, отделяющую период становления человеческого общества от периода развития сформировавшегося общества, дает ответ на вопрос, в какой форме возникло подлинно человеческое общество. Человеческое общество возникло в форме первобытной коммуны.

Смысл, который вкладывал В. И. Ленин в термин «первобытная коммуна», станет ясным, если мы обратимся к другим его трудам. В своей рецензии на книгу А. Богданова «Краткий курс экономической науки», написанной в 1898 году, В. И. Ленин, перечисляя последовательные этапы экономического развития общества, первым называет первобытный родовой коммунизм (ПСС, т. 4, стр. 36). Уже это достаточно ясно свидетельствует о том, что под первобытной коммуной В. И. Ленин понимал родовую коммуны, род, что именно родовое общество он рассматривал как первую форму подлинно человеческого общества, пришедшую на смену первобытному стаду. Можно привести еще одно важное для понимания взглядов В. И. Ленина на проблемы первобытной истории высказывание. В работе «Государство и революция», относящейся к 1917 году, В. И. Ленин, указывая на раскол общества на

непримиримо враждебные классы как на причину невозможности существования «самодействующей вооруженной организации населения», писал: «Не будь этого раскола, „самодействующая вооруженная организация населения“ отличалась бы своей сложностью, высотой своей техники и пр. от примитивной организации стада обезьян, берущих палки, или первобытных людей, или людей, объединенных в клановые общества, но такая организация была бы возможна» (ПСС, т. 33, стр. 10). Как видно из этого высказывания, В. И. Ленин рассматривал клановое (т. е. родовое) общество как этап развития, непосредственно сменяющий стадо первобытных людей. Важно отметить, что в данном высказывании мы находим не только противопоставление родового общества первобытному стаду, но и противопоставление людей, объединенных в кланы (роды), как просто людей, людям, объединенным в стада, как первобытным людям.

Здесь налицо прямое перекликанье с положением Ф. Энгельса о том, что человеческое общество возникло вместе с готовым человеком.

Рассматривая эпоху первобытного стада как период формирования человеческого общества, В. И. Ленин не мог смотреть на людей, объединенных в первобытное стадо, людей, у которых еще не были до конца обузданы биологические инстинкты, иначе, как на людей формирующихся, еще становящихся подлинно социальными существами.

Таким образом, В. И. Ленин дал ответ на вопрос, когда и в какой форме возникло подлинно человеческое общество. Оно возникло со сменой первобытного человеческого стада родом в форме родового общества. Родовое общество является первой формой существования подлинно человеческого общества. Смена первобытного стада родовым обществом была в то же время сменой первобытных людей людьми готовыми.

2. Дискуссия по проблеме становления человеческого общества в советской науке

Положение классиков марксизма о том, что труд создал человека и человеческое общество, было сразу принято на вооружение советскими учеными. Иначе обстояло дело с выдвинутым Ф. Энгельсом и развитым В. И. Лениным положением о существовании особого периода становления человеческого общества, являвшегося одновременно и временем формирования человека. Такое понимание лишь постепенно пробивало дорогу под давлением накапливающихся фактических данных.

Одним из первых попытался обосновать и конкретизировать положение Ф. Энгельса и В. И. Ленина о существовании периода становления человеческого общества, совпадающего с периодом становления человека, В. К. Никольский. В статье «Первобытно-коммунистическая формация» (1933) он одним из первых в советской науке предложил заменить моргановскую периодизацию новой, в основе которой лежит деление первобытной истории на два основных периода: эпоху первобытного стада и эпоху первобытной коммуны. Первую из этих эпох он охарактеризовал как переходную от животного состояния к первобытному коммунизму. «Объединяя в одно целое указания основоположников марксизма-ленинизма, — писал он, — мы должны принять длительный переходный период — первобытностадное состояние — от животного мира к первобытному... Это — зародышевый, утробный период первобытного коммунизма... Первобытностадная экономика характеризуется борьбой двух укладов — осколка, конечно измененного, от звериного мира и первобытноэкономического уклада, создаваемого новыми отношениями, активным приспособлением к природе, трудом, формирующим человеческое общество. Победа первобытно-коммунистического уклада и ликвидация им остатков звериных отношений и есть переход к первобытному коммунизму... Переходный период кончится, когда кончится промискуитет; и только тогда начнется первобытный коммунизм, только тогда сформируется первобытнокоммунистическая формация» (стр. 28—29).

Не ограничиваясь общей характеристикой эпохи первобытного стада, В. К. Никольский делает попытку наметить ее хронологические рамки и связать с этапами развития человека. Согласно его взгляду, который впоследствии полностью подтвердился, эпоха первобытного стада охватывает нижний и средний палеолит (ранний или нижний палеолит других авторов) — время существования питекантропов, синантропов и неандертальцев — и завершается на грани среднего и верхнего (позднего) палеолита. Тем самым В. К. Никольский связал переход от первобытного стада к первобытной коммуне с превращением неандертальца в человека современного физического типа — *Homo sapiens*.

Наряду с правильными положениями, получившими свое подтверждение в ходе развития науки, в концепции В. К. Никольского имелись и ошибочные моменты. Основная ошибка его состояла в том, что он не сумел связать завершение процесса становления первобытного коммунизма с возникновением рода. Согласно его точке зрения на рубеже среднего и верхнего палеолита на смену первобытному стаду пришла родовая возрастно-половая коммуна, которая лишь в дальнейшем развитии уступила место родовой.

И в этом отношении В. К. Никольский не был одинок. Взгляда, согласно которому возникновение рода должно быть отнесено к мезолиту или даже к неолиту, придерживалось в 20-х и начале 30-х годов подавляющее большинство советских ученых (Толстов, 1931; Равдоникас, 1931; Бернштам, 1932; Шмидт, 1932; Быковский, 1933, и др.).

Однако еще до появления статьи В. К. Никольского возникла и другая точка зрения. Советскими археологами П. П. Ефименко (1931) и П. И. Борисовским (1932) почти одновременно было выдвинуто предположение, впоследствии полностью подтвердившееся, что род возник в верхнем палеолите, что смена раннего палеолита поздним кладет начало истории родового общества. Но, совершенно правильно указав на время появления родовой организации, П. П. Ефименко не смог подняться до понимания того, что вся предшествовавшая этому событию эпоха была не чем иным, как единым в своей сущности периодом становления человека и общества. Еще в 1938 г. в книге «Первобытное общество» он отстаивал схему периодизации первобытной истории, в которой эпоха, предшествовавшая появлению рода, была разделена на два качественно отличных периода: стадию первобытного стада и стадию эндогамной коммуны с кровнородственной семьей, грань между которыми рассматривалась как не менее важная, чем грань между последней из них и стадией родовой коммуны.

Значительно ближе к правильному пониманию сущности родового периода подошел П. И. Борисовский. В его работе «Исторические предпосылки оформления так называемого *Homo sapiens*» (1935, 1—2, 5—6) переход к верхнему палеолиту характеризуется как крутой перелом и в развитии материальной и духовной культуры, и в развитии общественных отношений, и в эволюции человека (5—6, стр. 4 сл.). В статье четко противопоставляются питекантропы и неандертальцы как люди формирующиеся *Homo sapiens* как человеку готовому, сформировавшемуся, как человеку, физическая организация которого в отличие от физической организации питекантропов и синантропов не ставит преград безграничному развитию производства (стр. 4). Характеризуя весь родовый период в целом как эпоху первобытного стада, П. И. Борисовский подчеркивает, что первая устойчивая и определенная общественная организация возникла лишь с родом (стр. 4, 19). Таким образом, хотя в его работе мы и не находим прямого утверждения, что эпоха первобытного стада была временем становления общества и человека, тем не менее вся она пронизана именно таким пониманием. Следует в этой связи сказать, что прямой характеристики эпохи первобытного стада как периода становления человека и

общества мы не находим и в рассмотренной выше статье В. К. Никольского.

Автор везде определяет эпоху первобытного стада только как период становления первобытного коммунизма и лишь тем, косвенно, и как эпоху становления общества.

Следующий шаг в развитии представлений о начальном этапе человеческой истории связан с исследованиями советских антропологов. Обратиться к проблемам общественного развития человека их заставила потребность в осмыслении того огромного фактического материала, который был накоплен антропологией к середине 30-х годов текущего столетия. Без признания существования периода становления общества, отличного от периода развития готового, сформировавшегося общества, было совершенно невозможно выделить период формирования человека. Действительно, если исходить из того, что человек с первых своих шагов был полностью общественным существом, что все изменения в его общественном развитии сводились лишь к смене одного этапа существования готового человеческого общества другим этапом, то в таком случае все различия между людьми современными и первобытными неизбежно сводятся к различиям лишь в их физической организации и тем самым фактически снимается противопоставление людей готовых людям формирующимся. В результате проблема формирования человека подменяется вопросом о складывании физического типа человека, точнее даже, вопросом об изменении физической организации человека.

Наиболее ярко взгляд на процесс формирования человека как на процесс изменения его физического облика проявился в господствовавшей до недавнего времени и защищаемой некоторыми антропологами и сейчас трехчленной схеме периодизации человеческой эволюции (Бунак, Нестурх, Рогинский, 1941, стр. 93—113; Нестурх, 1960а, стр. 152—153). Согласно этой схеме в эволюции человека выделяются три стадии: 1) стадия питекантропов, 2) стадия палеантропов, 3) стадия неантропов (людей современного физического типа). Все эти стадии рассматриваются как равноправные. Грань, отделяющая питекантропа от неандертальца, рассматривается как не менее важная, чем грань, отделяющая последнего от человека современного физического типа.

Период формирования человека в этой схеме не выделяется и не противопоставляется периоду развития готовых людей, формирующиеся люди не противопоставляются готовым.

Антропологи лишь тогда оказались в состоянии выделить период формирования человека и определить его границы, когда они

пришли к выводу, что человек не сразу возник как подлинно общественное существо, что изменения в общественном развитии человека невозможно свести лишь к смене этапов существования готового общества. Само развитие антропологической науки доказывало неотделимость проблемы формирования человека от проблемы формирования общества и необходимо приводило антропологов к выводу о существовании периода формирования человека, совпадающего с периодом становления общества. И такой вывод ими был сделан. С учетом всех достижений исторической и археологической науки и на основе обобщения фактического материала была создана так называемая теория двух скачков в антропогенезе.

Согласно этой теории в эволюции человека необходимо выделить два узловых пункта, два переломных момента. Первый и наиболее важный из них — это отмеченный началом изготовления орудий переход от стадии животных предшественников человека к стадии формирующихся людей, которыми являются питекантропы (и сходные с ними формы) и неандертальцы. Второй скачок — происшедшая на грани раннего и позднего палеолита смена неандертальца *Homo sapiens*, являющимся подлинным, готовым человеком.

Первый скачок означает появление социальных закономерностей, второй — установление их полного и безраздельного господства в жизни людей. Коллектив питекантропов и неандертальцев — первобытное человеческое стадо, уже не являвшееся чисто биологическим объединением, — в то же время не представлял собой и подлинно человеческого общества, в нем все еще действовали силы естественного отбора. Подлинно человеческое общество сложилось, причем в форме родового, лишь с появлением человека современного типа, неантропа. Нетрудно понять, что оба рассмотренных скачка представляют собой не что иное, как начальный и конечный моменты того грандиозного скачка, каким является вся эпоха становления человека и общества в целом, — скачка от биологического к социальному.

Так совместными усилиями советских историков, археологов и антропологов были обоснованы и конкретизированы, во-первых, положение Ф. Энгельса о том, что период формирования человека является и периодом формирования общества, что общество возникло лишь с готовым человеком, во-вторых, положение В. И. Ленина о том, что период формирования человеческого общества завершился возникновением первобытной родовой коммуны, что родовое общество является первой формой бытия подлинного, сложившегося человеческого общества.

Изложенные впервые в трудах советского антрополога Я. Я. Рогинского (1936, 1938, 1947а) основные положения теории двух скачков нашли поддержку и развитие в работах А. М. Золотарева (1938), А. Н. Юзефовича (1939), С. П. Толстова (1946), В. В. Гинзбурга (1946), Г. Ф. Дебеца (1948), М. Г. Левина (1950, 1951). Однако в течение довольно длительного периода времени концепция двух скачков в основном являлась достоянием сравнительно узкого круга специалистов. Перелом наступил с появлением сборника «Происхождение человека и древнее расселение человечества» (ГИЭ, т. 16, 1951), в котором в статьях Я. Я. Рогинского и В. П. Якимова положения, лежащие в основе теории двух скачков, были четко и ясно изложены, обоснованы на большом материале и противопоставлены господствовавшей точке зрения.

Реакция не замедлила последовать. В журнале «Вестник древней истории» (1953, № 2) появилась рецензия на сборник, принадлежащая перу археолога А. Я. Брюсова, в которой нашли свое отчетливое выражение преобладающие в науке взгляды. Рецензент подверг резкой критике гипотезу о наличии второго скачка в процессе человеческой эволюции. «Если очистить, — писал он, — эту гипотезу от шелухи той научной терминологии, которая, по замечанию А. И. Герцена, нередко затемняет смысл, то в обнаженном виде она представляется, как утверждение, что настоящий человек возник не с изготовлением первых орудий труда, а только в верхнем палеолите» (стр. 112). Приведя выдержку из работы В. П. Якимова, в которой питекантропы и неандертальцы характеризуются как формирующиеся люди, развитие которых привело к возникновению готового человека — *Homo sapiens*, А. Я. Брюсов объявил взгляды, изложенные в ней, ревизией марксистского положения о том, что со времени изготовления «самого грубого каменного ножа» мы имеем дело уже с людьми. А. Я. Брюсов подверг критике выдвинутое Я. Я. Рогинским и В. П. Якимовым положение о качественном различии в общественной жизни между человеком современного типа, с одной стороны, и его предшественниками (питекантропами и неандертальцами) — с другой, и категорически выступил против применения термина «первобытное стадо» к объединениям древних и древнейших людей. «Никакого качественного скачка в общественном развитии человека на грани между нижним и верхним палеолитом вводить не следует, — заявил он, — что не исключает возможности значительного изменения в физическом строении человека. Различие между нижним и верхним палеолитом не больше, чем между палеолитом и неолитом, во всяком случае в области развития производительных сил и производственных отношений» (стр. 113—114). Таким образом, согласно взглядам

А. Я. Брюсова, подлинно человеческое общество возникло вместе с питекантропом, являющимся человеком готовым.

После ответа Я. Я. Рогинского (1954а) на рецензию А. Я. Брюсова дискуссия затихла, чтобы разгореться с новой силой после появления статьи Б. Ф. Поршнева (1955в), в которой излагалась третья точка зрения по вопросу о становлении человеческого общества. В статье Б. Ф. Поршнева было выдвинуто положение о существовании, кроме человеческого труда, труда дочеловеческого, инстинктивного. Инстинктивным трудом он назвал деятельность бобров, пчел, муравьев, а также питекантропов и ранних неандертальцев. Исходя из того, что труд последних в принципе столь же отличен от человеческого труда, как и деятельность любого животного, Б. Ф. Поршнева пришел к выводу, что питекантропы и неандертальцы (кроме поздних, для которых он сделал исключение) являются не людьми, даже формирующимися, а животными и только животными, только биологическими существами, а их объединение — первобытное стадо — представляет собой не низшую стадию общества, как его обычно рассматривают, а явление чисто биологическое, и в этом смысле полностью противоположное обществу. В первобытном стаде, согласно Б. Ф. Поршневу, безраздельно господствуют биологические закономерности, ни о каких общественных отношениях в нем не может быть и речи. Переход к обществу начался во всяком случае не ранее середины мустье, и оно возникло лишь в конце мустье — начале позднего палеолита, причем еще многие тысячелетия верхнего палеолита были эпохой борьбы биологических и вновь возникших социальных закономерностей. Б. Ф. Поршнева в своей статье подверг критике концепцию двух скачков, но с позиций, противоположных тем, с которых ее критиковал А. Я. Брюсов. Он заявил, что необходимо отказаться от первого скачка и считать единственным тот, который произошел при переходе к неантропу. Обоснование и защиту этих взглядов мы находим и в целом ряде его последующих работ (1957, 1958а, 1958б).

Концепция Б. Ф. Поршнева не является оригинальной. Сходные взгляды были высказаны в тридцатые годы М. П. Жаковым (1933, 1934а, 1934б) и тогда же подвергнуты критике А. П. Сагадким (1936). М. П. Жаков, как и Б. Ф. Поршнева, утверждал, что первобытное стадо было чисто биологическим объединением.

Статья Б. Ф. Поршнева не осталась без ответа. Его концепция возникновения труда и общества была подвергнута резкой критике в значительном числе работ (Ю. Семенов, 1956а, 1958г; Я. Рогинский, 1956, 1957, Окладников и Борисковский, 1956; Дебец, 1957; Бадер, Брюсов, Киселев, Фор-

мозов, 1957; Сорокин, 1958; Окладников, 1958а, и др.). Не встретила поддержки и точка зрения А. Я. Брюсова. В ходе развернувшейся дискуссии большинство ее участников либо прямо высказалось в пользу теории двух скачков или оказалось на позициях, близких к ней².

Таким образом, теория двух скачков одержала в ходе дискуссии победу и стала общепринятой. Победа эта явилась не случайной. Она была обусловлена всем предшествовавшим развитием науки. Создание советскими учеными теории двух скачков, синтезировавшей все предшествовавшие достижения науки в этой области и наполнившей конкретным содержанием принципиальные положения классиков марксизма по вопросу о становлении человеческого общества, заложило прочный фундамент для конкретного решения проблемы социогенеза. До создания этой теории конкретное решение проблемы становления человеческого общества было невозможным. С ее появлением оно стало не только возможным, но и необходимым. Вследствие этого проблема возникновения человеческого общества медленно, но неуклонно стала выдвигаться в повестку дня науки как один из важнейших вопросов, требующих детального рассмотрения и конкретного решения.

Дискуссия по проблеме становления человеческого общества сыграла огромную роль, ибо она привлекла к этому вопросу внимание научной общественности. Однако, и это нужно подчеркнуть, в ходе дискуссии конкретного решения проблемы формирования человеческого общества дано не было. На вопрос о том, как конкретно протекал процесс становления человеческого общества, в ходе дискуссии ответ получен не был, да этот вопрос участники дискуссии в большинстве своем и не ставили. Фактически в основном дискуссия шла по вопросу о том, существует ли особый период становления человеческого общества, отличный от периода развития сформировавшегося общества, или не существует, и если существует, то каковы его рамки, где его начало и конец. Правильный ответ на этот вопрос был дан теорией двух скачков. Теперь, когда существование периода становления человеческого общества, являвшегося одновременно и периодом формирования человека, неопровержимо доказано на огромном фактическом материале, когда установлены рамки этого периода, необходимо идти дальше и дать конкретное решение проблемы социогенеза.

² Помимо рассмотренных трех точек зрения, в ходе дискуссии было выдвинуто еще несколько (Зыбковец, 1958а, 1959; Чулков, 1958), но они носят столь путанный характер и находятся в таком противоречии с фактами, что не заслуживают рассмотрения (критический разбор их см.: Хрустов, 1960; Крывелев, 1962).

3. Постановка проблемы становления человеческого общества

Нельзя правильно ни поставить, ни решить проблемы становления человеческого общества, проблемы скачка от биологического к социальному, не преодолев до конца тех взглядов на ранний период истории человечества, которые преобладали до недавнего времени в советской науке и которые нашли свое наиболее четкое выражение в упоминавшейся выше рецензии А. Я. Брюсова (1953а). А между тем эти взгляды до сих пор все еще далеко не полностью преодолены даже теми учеными, которые являются сторонниками теории двух скачков. Об этом свидетельствуют все предлагаемые в настоящее время схемы периодизации первобытной истории (Равдоникас, 1939, I, 1947, II; Толстов, 1946; Борисковский, 1950б, 1953, 1957а; Горбачева, 1952; Косвен, 1952, 1957, 1960; Ефименко, 1953; Монгайт и Першиц, 1955; Монгайт, 1955; «Всемирная история», 1955, I; Першиц, 1955, 1959, 1960; Sellnow, 1961, и др.). Во всех этих схемах без исключения грань, отделяющая первобытное стадо от родового общества, рассматривается как грань между двумя этапами развития одной общественно-экономической формации — первобытнообщинной, т. е. как грань менее важная, чем граница между общественно-экономическими формациями, а период первобытного человеческого стада соответственно рассматривается как первый этап развития первобытнообщинной формации.

Подобного рода схемы периодизации первобытной истории кажутся на первый взгляд вполне обоснованными. Предшествовавший родовому обществу период первобытного человеческого стада безусловно является эпохой становления рода. Вполне естественным кажется взгляд на эпоху становления родового общества и эпоху расцвета и разложения родового общества, как на разные этапы одного единого периода истории человечества, противостоящего остальным ее периодам, как на разные ступени развития одной формы существования человеческого общества — одной общественно-экономической формации. Однако правильным признать его, по нашему мнению, нельзя.

Прежде всего следует отметить, что взгляд на эпоху становления той или иной общественной формации как на первый этап развития данной формации не является полностью оправданным даже в применении к зрелому человеческому обществу. Эпоха становления классового общества, например, большинством историков-марксистов рассматривается не как начальный этап развития первой антагонистической формации, а как последний этап

эволюции бесклассового общества, первобытнообщинной формации.

Таким образом, установление того факта, что эпоха первобытного стада есть период становления родового общества, не дает еще достаточного основания для объединения эпохи первобытного стада с эпохой родового общества в одну общественно-экономическую формацию даже в том случае, если мы не будем принимать во внимание то обстоятельство, что период первобытного стада был временем превращения стада животных в человеческий коллектив. Если же мы примем во внимание последнее обстоятельство, то от взгляда на первобытное стадо и родовое общество как на два подразделения одного единого периода истории человечества придется отказаться.

Период первобытного стада несомненно представлял собой период становления родового общества. Но процесс становления родового общества качественно, принципиально отличается от процессов становления рабовладельческого, феодального и других обществ. Процесс становления феодального, например, общества есть процесс изменения сложившегося готового человеческого общества, есть процесс смены одной конкретно-исторической формы существования человеческого общества другой его конкретно-исторической формой. Становление общественного бытия и сознания феодального общества есть процесс изменения уже существующего общественного бытия и общественного сознания. Становление феодального базиса и надстройки есть процесс смены одних базиса и надстройки другими базисом и надстройкой. То же самое можно сказать и о процессах становления рабовладельческого, капиталистического и коммунистического обществ.

Совсем иной характер носит процесс становления родового общества. Становление бытия и сознания родового общества не представляет собой процесса изменения уже существующих общественного бытия и общественного сознания. Процесс становления бытия и сознания родового общества есть процесс становления самих общественного бытия и общественного сознания как таковых. Становление базиса и надстройки родового общества представляет собой не смену одних базиса и надстройки другими базисом и надстройкой, а процесс становления базиса и надстройки человеческого общества как таковых. Процесс становления родового общества качественно отличается от становления рабовладельческого, феодального и других обществ, ибо является процессом не изменения сложившегося человеческого общества, не превращения одной конкретно-исторической формы существования человеческого общества в другую конкретно-историческую форму его

существования, а становления самого человеческого общества как такового.

Отсюда следует, что сущность периода первобытного человеческого стада состоит не в том, что он является эпохой становления родового общества, а в том, что он представляет собой период становления человеческого общества, период скачка от биологического к социальному. Являясь эпохой превращения стада животных в общество людей, период первобытного человеческого стада качественно отличается от всего последующего периода истории человечества, представляющего собой эпоху развития готового, сформировавшегося человеческого общества, эпоху смены конкретно-исторических форм существования сложившегося человеческого общества. Качественная грань, отделяющая первобытное стадо от родового общества, таким образом, не только не менее значительна, чем рубежи между родовым обществом и рабовладельческим, рабовладельческим и феодальным и т. д., т. е. между общественно-экономическими формациями, но, наоборот, является несравненно более глубокой, ибо она отделяет формирующееся общество от готового, в то время как последние отделяют одну конкретно-историческую форму существования готового общества от другой его формы.

История человечества, таким образом, прежде всего делится на два основных крупных периода: историю первобытного стада (период формирования, становления, складывания человеческого общества) и историю человеческого общества (период развития сложившегося, сформировавшегося, готового человеческого общества).

Человеческое общество всегда существует в исторически определенной конкретной форме. Формами существования человеческого общества, ступенями его исторического развития являются общественно-экономические формации. Пока человеческое общество не сложилось, не имеет смысла говорить о какой-либо исторической форме его существования. Поэтому категория «общественно-экономическая формация» имеет смысл только в применении ко второму основному периоду истории человечества — периоду развития сформировавшегося человеческого общества. Общественно-экономические формации являются формами существования готового человеческого общества.

Все это требует пересмотра понятий «первобытнообщинная общественно-экономическая формация», «первобытнообщинный строй». Под термином «первобытнообщинная формация» в настоящее время объединяются и рассматриваются как единое целое две несоизмеримых величины: один из двух основных периодов исто-

рии человечества — период скачка от зоологического объединения к человеческому обществу и один из этапов следующего основного периода — периода развития готового, сформировавшегося общества. Объединение периода первобытного стада с начальным этапом истории сложившегося человеческого общества и противопоставление этой конструкции как первой общественно-экономической формации всем остальным этапам истории человеческого общества нельзя считать в настоящее время оправданным. В действительности первой общественно-экономической формацией является период, который во всех схемах периодизации первобытной истории рассматривается как второй этап развития первобытнообщинного строя, — родовое общество, родовой строй. Родовой общественно-экономической формацией и открывается история человеческого общества.

Все эти выводы, необходимо следующие из теории двух скачков, были изложены и обоснованы нами в упоминавшейся работе «Возникновение и основные этапы развития труда (в связи с проблемой становления человеческого общества)» (1956а) и в несколько ранее вышедшем автореферате этой работы (1956б). С этими выводами полностью солидаризировался совершенно независимо от нас пришедший к ним советский антрополог В. П. Якимов (1960а). В известной степени выводы эти были предвосхищены в упоминавшейся выше статье В. К. Никольского «Первобытнокоммунистическая формация» (1933), в которой эпоха первобытного стада, характеризующаяся как период становления первобытного коммунизма, рассматривалась как предшествовавшая первой общественно-экономической формации — первобытнокоммунистической (стр. 28—29).

Выводы о том, что история человечества прежде всего делится на два крупных периода: историю человеческого стада и историю человеческого общества, что понятие «общественно-экономическая формация» неприменимо к первому из них, ни в малейшей степени не находятся в противоречии с марксистским взглядом на историю человечества. Они прямо следуют из положения о существовании особого периода формирования человеческого общества, выдвинутого Ф. Энгельсом и развитого В. И. Лениным. Можно полагать, что сами эти выводы впервые были сделаны В. И. Лениным. В пользу подобного предположения говорит тот факт, что В. И. Ленин, неоднократно подчеркивавший, что первобытной родовой коммуне предшествовало первобытное человеческое стадо (ПСС, т. 33, стр. 10; т. 48, стр. 232), в то же время как на первую общественно-экономическую формацию указывал на первобытный родовой коммунизм (ПСС, т. 4, стр. 36). Это, на наш взгляд, сви-

детельствует о том, что В. И. Ленин за начало первой формации принимал смену первобытного стада родовым обществом, а последнее рассматривал как первую общественно-экономическую формацию.

Установление того факта, что история человечества прежде всего делится на два крупных качественно отличных друг от друга периода: период человеческого стада, являющийся эпохой становления, возникновения человеческого общества, и период человеческого общества, являющийся эпохой смены конкретно-исторических форм существования готового, сложившегося общества, дает возможность конкретизации самой постановки проблемы становления человеческого общества. Прежде всего из него следует вывод, что дать конкретное решение проблемы возникновения человеческого общества можно, лишь выявив внутреннюю объективную логику процесса развития первобытного человеческого стада, лишь раскрыв закономерности, определявшие это развитие. Вторым выводом, который естественно напрашивается, это вывод о качественном отличии закономерностей, действовавших в период первобытного человеческого стада, от закономерностей, определяющих развитие готового человеческого общества.

Выявить специфику закономерностей, действовавших в эпоху первобытного человеческого стада, невозможно, не учитывая того обстоятельства, что данная эпоха была не только периодом становления человеческого общества (социогенеза), но и периодом становления человека (антропогенеза). Нельзя ни конкретно поставить, ни конкретно решить проблему становления человеческого общества, не раскрыв истинного отношения между социогенезом и антропогенезом.

Процесс становления общества и процесс становления человека рассматривали, да в значительной степени и до сих пор продолжают рассматривать как два связанных между собой, но разных процесса. Проблему социогенеза и проблему антропогенеза рассматривали и рассматривают обычно как две связанные, но различные проблемы. В свое время такой взгляд был исторически оправдан. До создания теории двух скачков невозможно было ни конкретно поставить, ни тем более конкретно решить вопрос о становлении общества, нельзя было конкретно выяснить соотношение социогенеза и антропогенеза; что же касается выдвинутых классиками марксизма положений о совпадении периода становления общества с периодом формирования человека, то они оставались не понятыми. Все их значение раскрылось лишь после создания теории двух скачков. Вследствие этого проблема социогенеза ставилась лишь в работах специалистов по общественным наукам,

в работах историков и философов, причем ставилась крайне абстрактно, в полном отрыве от вопросов антропогенеза. В работах же антропологов ставилась лишь проблема антропогенеза, причем она рассматривалась в отрыве от проблемы становления общества. Отдельные попытки связать воедино социогенез и антропогенез были чисто декларативными (Ананьев, 1930).

С созданием теории двух скачков, возникшей в результате привлечения для решения вопросов антропогенеза материалов по становлению общества, было доказано предсказанное Ф. Энгельсом совпадение периодов становления человека и общества, было доказано, что начало процесса становления человека является и началом процесса становления общества, что завершение первого является одновременно и завершением второго. После появления этой теории нет больше оправдания для рассмотрения проблемы социогенеза и антропогенеза как двух связанных между собой, но разных проблем. Нельзя более рассматривать отношение между социогенезом и антропогенезом как отношение между двумя самостоятельными, одновременно протекающими, хотя и взаимодействующими процессами. Процесс становления человека и процесс становления общества представляют собой не два самостоятельных процесса, а две стороны одного единого процесса — процесса становления человека и общества (антропосоциогенеза).

Взгляд на антропогенез и социогенез как на две стороны единого процесса необходимо вытекает из марксистского понимания сущности человека. Именно последнее обстоятельство и дало возможность классикам марксизма задолго до появления теории двух скачков предсказать совпадение периодов становления человека и общества. Процесс становления человека — антропогенез — не может не быть прежде всего процессом становления человеческой сущности. «Но сущность человека, — писал К. Маркс, — не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» (соч., т. 3, стр. 3). Отсюда следует, что процесс становления человека (антропогенез) есть прежде всего процесс становления совокупности общественных отношений, т. е. процесс становления общества (социогенез). Процесс становления человека в своей сущности есть процесс становления общества. Это значит, что нельзя до конца решить проблему антропогенеза, не разрешив проблему социогенеза. Антропологи, заложив созданием теории двух скачков основу для конкретного решения проблемы становления общества, тем самым заложили основу для более глубокого проникновения в сущность антропогенеза. Как нельзя решить проблему антропогенеза, не решив проблемы социогенеза, так и обратно, решение проблемы

социогенеза невозможно без решения проблемы антропогенеза. Проблема становления человека и проблема становления общества — две стороны одной и той же проблемы.

Из положения, что антропогенез и социогенез являются двумя сторонами одного единого процесса, необходимо вытекает, что одни и те же факторы определяли как формирование человека, так и формирование общества, что становление человека и общества шло по единым закономерностям, что движущие силы процесса антропогенеза совпадали с движущими силами социогенеза. Процесс становления человека и общества (антропосоциогенез), процесс превращения биологических существ в социальные, биологического объединения в общество, процесс перехода от биологической формы движения материи к общественной не мог качественно не отличаться как от процесса развития животного мира, процесса развития и смены биологических видов, так и от процесса развития общества, процесса смены общественно-экономических формаций. Поэтому он не мог определяться и направляться ни только чисто биологическими, ни только чисто социальными закономерностями, он должен был иметь и свои собственные специфические законы. В то же время процесс антропосоциогенеза не мог в определенных чертах не быть сходным и с процессом развития биологических видов, и с процессом развития общества. Отсюда следует, во-первых, что специфические закономерности антропосоциогенеза не могли не быть сходными в определенных отношениях как с законами биологическими, так и с законами социальными, во-вторых, что в период становления человека и общества должны были в какой-то степени действовать как чисто биологические законы, так и чисто социальные.

Выявление движущих сил антропосоциогенеза, раскрытие специфических для него закономерностей является важнейшей задачей, без решения которой невозможно дать конкретный ответ на вопрос, как возникло человеческое общество. Конкретное решение проблемы социогенеза необходимо предполагает и требует выявления факторов и закономерностей антропосоциогенеза и невозможно без него.

Эпоха первобытного человеческого стада была периодом становления человеческого общества. Но человеческое общество может существовать и всегда существует лишь в определенной конкретно-исторической форме. Общечеловеческое может существовать и всегда существует лишь в конкретно-историческом³. Поэтому процесс

³ Подробнее по вопросу о соотношении общечеловеческого и конкретно-исторического см. работы П. Е. Кряжева (1959, 1960, 1962).

становления человеческого общества не мог не быть процессом становления определенной конкретно-исторической формы его существования, определенной общественно-экономической формации. Человеческое общество возникло в форме родового общества. Процесс становления человеческого общества был процессом становления родового общества.

Из этого следует, что проблема становления человеческого общества является одновременно и проблемой становления родового общества, что нельзя дать решения проблемы становления человеческого общества, не решив проблемы возникновения рода, не раскрыв диалектику превращения первобытного стада в родовую коммуну. Так как необходимейшим и существеннейшим признаком рода является экзогамия, то конкретное решение проблемы социогенеза неизбежно включает в себя решение вопроса о происхождении экзогамии.

Если процесс становления человеческого общества завершается возникновением рода, то процесс формирования человека завершается возникновением человека современного физического типа — *Homo sapiens*. Так как становление человека и общества является двумя сторонами одного процесса, то из этого следует, что возникновение рода и неантропа также является двумя сторонами одного процесса, что действие одних и тех же факторов привело к возникновению рода и современного человека, что невозможно поэтому решить проблему возникновения экзогамии и рода, не разрешив вопрос о происхождении *Homo sapiens*, и, наоборот, решение проблемы возникновения человека современного типа немислимо без разрешения вопроса о возникновении экзогамии и рода.

Подводя итоги всему изложенному выше, можно коротко сказать, что дать конкретное решение проблемы возникновения человеческого общества — это значит раскрыть закономерности и движущие силы процесса становления человека и общества, дать решение проблемы возникновения экзогамии и рода и проблемы происхождения неантропа.

Такая постановка вопроса делает необходимым хотя бы самый краткий обзор современного состояния вопроса о породовом человеческом коллективе (первобытном стаде), вопроса о происхождении экзогамии и рода, проблемы движущих сил и закономерностей становления человека и связанного с ней вопроса о происхождении *Homo sapiens*.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ВОПРОСА О ДОРОВОДОМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ КОЛЛЕКТИВЕ И ПРОБЛЕМЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЭКЗОГАМИИ И РОДА

1. Современное состояние вопроса о дородовом человеческом коллективе. Проблема кровнородственной семьи

Мы не будем останавливаться на тех взглядах, которые имели хождение среди советских ученых в 20-х и начале 30-х годов, когда возникновение рода относилось к концу верхнего палеолита, мезолиту и даже неолиту. В настоящее время общепризнано в советской науке, что род возник при переходе к верхнему палеолиту и что, следовательно, временем дородового состояния человечества является ранний палеолит, включающий в себя шельскую, ашельскую и мустьерскую эпохи. Однако в вопросе о том, что из себя представляет дородовой коллектив, такое единство мнений отсутствует. Можно выделить три основные точки зрения по этому вопросу.

Первая точка зрения состоит в том, что вплоть до возникновения рода человеческим коллективом было первобытное стадо, в котором на протяжении всего периода его развития существовал промискуитет. Род возник непосредственно из предшествовавшего ему состояния неупорядоченного общения полов. Сторонниками этой точки зрения являются А. М. Золотарев (1940а, 1940б, 1964), С. П. Толстов (1946, 1950а, 1951) и С. А. Токарев (1946).

Согласно второй точке зрения в дородовом состоянии человечества следует выделить две стадии развития, из которых лишь первая характеризуется состоянием промискуитета. Наиболее ярко эта точка зрения представлена работами В. И. Равдоникаса (1934а, 1939, I). Основным признаком первобытного стада В. И. Равдоникаса

кас считал промискуитет. Так как, по его мнению, неупорядоченное общение полов имело место только у питекантропов и синантропов, то термин «первобытное стадо» он относил к коллективам лишь этих первобытных людей. Первобытное человеческое стадо существовало, по его мнению, в течение дошелльской, шелльской, отчасти ашельской эпох (1939, I, стр. 154, 161). В ашельскую эпоху на смену первобытному стаду питекантропов-и синантропов пришел коллектив неандертальцев, в котором существовал запрет половых отношений между людьми, принадлежавшими к разным поколениям, т. е. коллектив с кровнородственной семьей. Временем существования первобытной общины с кровнородственной семьей были поздний ашель и мустье (стр. 183—184). На грани позднего палеолита она уступила место роду (стр. 206—208).

Аналогичная точка зрения излагалась во втором издании работы П. П. Ефименко «Первобытное общество» (1938). Единственное отличие взглядов последнего от взглядов В. И. Равдоникаса состояло лишь в том, что в его работе объединение неандертальцев именовалось не «первобытной общиной с кровнородственной семьей», а «эндогамной коммуной с кровнородственной семьей». В настоящее время сторонником этой точки зрения является В. Ф. Зыбковец (1961). Вариант данной точки зрения представляют взгляды В. С. Сорокина (1951), утверждающего, что на смену первобытному стаду пришла первичная эндогамная родовая община с кровнородственной семьей и лишь из последней возник род. Близка к этому взгляду Н. А. Тих (1956), противопоставляющая в своей схеме периодизации первобытное стадо питекантропов и синантропов первобытному обществу неандертальцев.

Третья точка зрения соединяет в себе черты первой и второй. Сторонники ее, с одной стороны, утверждают, что роду непосредственно предшествовало первобытное стадо, а с другой — выделяют в развитии последнего две стадии, из которых первая, охватывающая время питекантропов и синантропов — шелль, ранний ашель, — характеризуется наличием промискуитета, а вторая, — обнимающая время неандертальцев — поздний ашель и мустье, — существованием кровнородственной семьи. Таковы взгляды П. И. Борисковского (1950б, 1957а), М. О. Косвена (1957), А. П. Окладникова (1949; «Всемирная история», 1955, I, стр. 33, 46). В третьем издании своего «Первобытного общества» (1953) к этой точке зрения примкнул и П. П. Ефименко, хотя и не вполне последовательно. С одной стороны, он характеризует весь период, предшествующий роду, как эпоху первобытного стада (стр. 14, 19, 304 и др.), с другой — называет первобытным стадом лишь объединения питекантропов и синантропов, противопоставляя

им объединение неандертальцев, именуемое им «первобытной общиной» или «первобытной кровнородственной общиной» (стр. 16, 148, 216, 241—244 и др.).

Кроме изложенных выше трех основных, существует еще несколько точек зрения, не имеющих распространения (Жаков, 1933, 1934а, 1934б; Поршнева, 1955в, 1958а, 1958б; Чулков, 1958; Анисимов, 1958а, 1959).

Точка зрения, согласно которой роду предшествовало не состоявшееся неупорядоченного общения полов, а кровнородственная семья, в обоих своих вариантах имела и имеет особое распространение среди археологов. Однако никаких археологических данных, которые свидетельствовали бы о существовании в прошлом кровнородственной семьи, не имеется. Все археологи либо глухо говорят о данных этнографической науки, свидетельствующих о существовании этой формы семейно-брачных отношений, либо прямо ссылаются на авторитет Л. Моргана и Ф. Энгельса. На авторитет последних ссылаются и те из этнографов, которые придерживаются данной точки зрения.

Как известно, положение о существовании кровнородственной семьи, встречающееся в работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», заимствовано им у Л. Моргана. Поэтому, чтобы выяснить, насколько верной является точка зрения, согласно которой роду предшествовала кровнородственная семья, нужно обратиться к трудам последнего и выяснить, на основании каких данных пришел он к выводу о существовании такой стадии в развитии семейно-брачных отношений.

Крупнейшим вкладом Л. Моргана в этнографию является введение им в эту науку нового очень важного объекта исследования — систем родства. Он первый показал значение систем родства как первоклассного источника по истории брака и семьи. Основная мысль, выдвинутая и обоснованная Л. Морганом, состояла в том, что каждая система родства представляет собой не что иное, как отражение тех семейно-брачных отношений, которые фактически существовали во время ее возникновения. Указывая на тесную связь систем родства с общественными отношениями, Л. Морган в то же время подчеркивал, что вследствие отставания развития систем родства от эволюции семейно-брачных отношений соответствия между существующими на данном этапе системами родства и формами брака и семьи может и не быть. Системы родства могут сохраняться длительное время и после смены вызвавших их к жизни семейно-брачных отношений новыми. В таких случаях путем анализа систем родства, находящихся в противоречии с существующими семейно-брачными отношениями, можно

восстановить предшествовавшую этим отношениям форму брака и семьи. Выдвинутое Л. Морганом положение о системах родства как отражении общественных, именно брачно-семейных, отношений было высоко оценено К. Марксом и Ф. Энгельсом. Все последующее развитие этнографической науки полностью подтвердило правоту Л. Морган в этом вопросе.

Все существующие системы родства Л. Морган свел к двум основным типам. Этими типами являются: описательные системы родства, к числу которых относятся системы родства большинства цивилизованных народов, и классификационные системы, являющиеся характерными для народностей и племен, находящихся на стадии доклассового общества¹. Основное внимание Л. Морган уделил классификационным системам родства, среди которых он выделил две разновидности: турано-ганованскую систему родства и малайскую.

Турано-ганованскую систему родства Л. Морган нашел у американских индейцев. В результате его дальнейших исследований выяснилось, что эта система характерна для всех народов, имеющих родовую организацию. Обнаружилось также, что у всех этих народов существовавшие брачные отношения находились в противоречии с турано-ганованской системой родства. У всех у них существовал парный брак и парная семья, в то время как в турано-

¹ Характерной чертой классификационных систем родства является групповой характер их терминов. Каждый из терминов относится не к отдельному лицу, находящемуся в родственных отношениях с другим лицом, а к определенной группе (классу) лиц, находящихся в родство с другими группами (классами) лиц, и лишь тем самым к каждому лицу, входящему в состав данной группы (класса) людей. Так, например, в классификационных системах родства одним термином обозначаются отец, братья отца (родные и отдаленных степеней родства), мужья сестер матери, вместе с матерью классифицируются все ее сестры (родные и отдаленных степеней родства) и некоторые другие родственники и т. п. Классификационные системы родства не знают индивидуального родства, родства между отдельными лицами. Они знают родство лишь между группами лиц, лишь групповое родство.

В отличие от терминов классификационных систем родства основные термины описательных систем относятся к строго определенным лицам, носят отчетливо индивидуальный характер. Таковы термины: «мать», «отец», «муж», «жена», «тесть», «теща» и некоторые другие. Описательные системы знают лишь родство между отдельными лицами, лишь индивидуальное родство. Различие классификационных и описательных систем родства имеет под собой глубокую основу. Классификационные системы в своей классической форме возникли, как отражение отношений, реально существовавших в обществе, в котором бытовал групповой брак, брак между группами (классами) лиц. Описательные системы в своей завершенной форме отражают отношения, существующие в семье, основанной на моногамии (Л. Морган, 1934а; Rivers. 1907. 1914а, 1932).

ганованской системе родства нашли отражение такие отношения, которые могли иметь место лишь при групповом браке. Это позволило Л. Моргану сделать вывод, что у всех племен, у которых была обнаружена турано-ганованская система родства, парной семье предшествовала семья, основанная на групповом браке. Когда он сделал такой вывод, перед ним естественно стал вопрос, не сохранилась ли такая семья у народов, стоявших на более низком уровне развития.

Анализ уровня развития материальной культуры племен, у которых были обнаружены развитая родовая организация, парный брак и турано-ганованская система родства, привел Л. Морган к выводу, что самые примитивные из них стоят во всяком случае не ниже высшей ступени дикости. Из этого следовало, что групповой брак нужно было искать у народов, стоящих не выше средней ступени дикости. К этой ступени Л. Морганом были отнесены, как уже указывалось, австралийцы и полинезийцы. Мы уже говорили о тех причинах, которые заставили Л. Моргана отнести полинезийцев вообще, гавайцев в частности, к средней ступени дикости и рассматривать их как находящихся на стадии, предшествовавшей возникновению родового строя. С этими выводами не расходились сведения о форме брака и семьи на Гавайских островах, которые были почерпнуты Л. Морганом из книг и писем американских миссионеров. Американские церковники, подвизавшиеся на Гавайях, очень много писали и говорили о полной безнравственности туземцев, об их беспримерной развращенности, нашедшей, в частности, выражение в обычае пуналуа, заключавшемся, по их утверждениям, в том, что группа мужчин состояла в брачных отношениях с группой женщин.

Базируясь на этих данных, Л. Морган пришел к выводу, что на Гавайских островах еще в XIX в. существовал групповой брак и соответствующая ему форма семьи, которую он назвал семьей пуналуа. Свое представление о пуналуальной семье Л. Морган составил на основе сообщений миссионеров и анализа турано-ганованской системы родства. Эта семья, по его мнению, основывалась на групповом браке нескольких сестер, родных и отдаленных ступеней родства, с мужьями каждой из них, причем общие мужья не были обязательно в родстве друг с другом, или на групповом браке нескольких братьев, родных и более отдаленных ступеней родства, с женами каждого из них, причем эти жены не были обязательно в родстве друг с другом, хотя это часто бывало в обоих случаях. Семья пуналуа, по Л. Моргану, дала начало роду.

В пуналуальной семье Л. Морган нашел те отношения, которым соответствовала турано-ганованская система родства. Но си-

стема родства гавайцев была не турано-ганованской, а малайской. Малайская система родства находилась в противоречии с теми семейно-брачными отношениями, которые, как полагал Л. Морган, существовали у гавайцев, — отношениями пуналуа. Отсюда следовало, что она возникла на основе семьи более древней, чем семья пуналуа. Малайская система родства была несомненно более простой, чем турано-ганованская, она была проще всех остальных систем родства. Это, по мнению Л. Моргана, неопровержимо свидетельствовало о том, что малайская система является самой примитивной из всех могущих существовать систем родства, является самой древней, первоначальной системой. Из этого в свою очередь вытекало, что соответствующая малайской системе форма семьи является самой древней, первоначальной. На основе анализа малайской системы родства Л. Морган попытался реконструировать эту древнейшую, по его мнению, форму семьи, возникшую непосредственно из первобытного состояния неупорядоченного общения полов. Тот факт, что гаваец своими детьми называл не только собственных детей, но и детей своих братьев и сестер, позволил Л. Моргану сделать вывод, что формой брака, на которой основывалась древнейшая форма семьи, был групповой брак между братьями и сестрами, родными и отдаленных ступеней родства. Эту гипотетическую форму семьи Л. Морган назвал кровнородственной семьей.

Так на основе анализа систем родства и имевшегося в его распоряжении материала о брачно-семейных отношениях разных племен и народностей была создана Л. Морганом его схема развития форм брака и семьи и эволюции систем родства. Самой ранней формой объединения людей он считал орду, живущую в промискуитете. Из этого состояния довольно рано в результате запрета половых отношений между лицами, принадлежащими к разным поколениям, возникла кровнородственная семья и вместе с ней малайская система родства. Результатом последовавшего в дальнейшем исключения из брачного общения братьев и сестер явилась смена кровнородственной семьи пуналуальной семьей. Она не сразу привела к изменению малайской системы родства и превращению ее в турано-ганованскую. Это произошло лишь с возникновением из семьи пуналуа рода. Дальнейшее развитие родовой организации повлекло за собой смену семьи пуналуа парной семьей. Турано-ганованская система родства надолго пережила породившую ее форму семьи. Лишь с превращением парной семьи в моногамную она уступила место описательным системам родства.

С самого начала слабейшим местом в моргановской схеме была кровнородственная семья. Никаких иных доказательств ее былого

существования, кроме указания на малайскую систему родства, Л. Морган привести не мог. Но малайская система родства сама по себе не являлась достаточным основанием для такого вывода. Более того, как неоднократно отмечалось, целый ряд ее особенностей был несовместим с признанием ее отражением отношений, которые должны были существовать в кровнородственной семье (А. Максимов, 1908а, стр. 2—3; Золотарев, 1940а, стр. 145). В малайской системе родства имелись различные термины для сестры и для жены, для брата и для мужа (Л. Морган, 1934а, стр. 235, 243). Между тем при тех порядках, которые должны были существовать в кровнородственной семье, когда братья женились на сестрах, жена и сестра совпадали в одном лице и должны были обозначаться одним термином, так же как брат и муж.

Несовпадение этих терминов, совершенно необъяснимое с точки зрения гипотезы кровнородственной семьи, Л. Морган обошел полным молчанием.

Сильный удар как по гипотезе кровнородственной семьи, так и по представлениям Л. Моргана о семье пуналуа был нанесен, когда раскрылась вся ошибочность его взгляда на полинезийцев, как на один из самых примитивных народов, когда выяснилось, что гавайцы давно уже миновали стадию родового строя и переживали эпоху раннеклассового общества. Ошибочным также явилось утверждение Л. Моргана, что у гавайцев существовал групповой брак. Выяснилось, что Л. Морган был введен в заблуждение своими информаторами — американскими миссионерами, которые в стремлении очернить гавайцев и представить их настоящими дикарями не останавливались перед прямыми измышлениями (Тумаркин, 1954, стр. 113—116). Господствующей формой брака на Гавайских островах был парный брак, начинавший превращаться в моногамный (Rivers, 1932, p. 60; Тумаркин, 1954, стр. 110; «Народы Австралии и Океании», 1956, стр. 653). Наряду с парным браком существовало и многоженство, распространенное лишь в среде знати. Встречались и отдельные случаи многоженства, которое было привилегией женщин особо знатного происхождения (Тумаркин, 1954, стр. 111; 1957, стр. 204). Никакого группового брака у гавайцев не было. Вполне естественно, что у них не было и не могло быть семьи, описанной Л. Морганом под названием семьи пуналуа.

Все это не могло не поставить под сомнение утверждение Л. Моргана о том, что система родства, существовавшая у гавайцев, является самой древней из всех существующих, не могло не повлечь за собой пересмотра вопроса об отношении малайской (гавайской) и турапо-ганованской систем родства.

Характерной чертой турано-ганованской системы родства, отличающей ее от малайской, является резкое разграничение материнской и отцовской линий родства. В турано-ганованской системе родственники с материнской стороны именовются иначе, чем родственники с отцовской. Существуют различные термины для обозначения брата отца и брата матери, сестры отца и сестры матери и т. п. (Rivers, 1914a, p. 72—73; 1932, p. 59—61). Крупнейший английский этнограф В. Риверс (Rivers, 1914a, p. 71—72) убедительно показал, что эта и другие особенности турано-ганованской системы родства находят свое объяснение в родовой организации общества, что турано-ганованская система родства по своему существу является клановой (родовой) системой. Род, как известно, экзогамен и поэтому унилатерален, принадлежность к роду считается либо только по матери (материнский род), либо только по отцу (отцовский род). Родственники по материнской линии и родственники по отцовской линии никогда не могут принадлежать к одному роду, они всегда являются членами разных родов. Это и находит свое отражение в существовании различных терминов для обозначения родственников по матери и отцу.

В малайской системе отцовская и материнская линии не различаются. Для обозначения родственников по отцу и родственников по матери применяются одни и те же термины. Брат матери называется так же, как брат отца, и т. д. Малайская система родства несовместима с родовой организацией общества. Она могла быть отражением либо дородовой стадии развития, как полагал Л. Морган, либо послеродовой. Гавайцы находились на ступени классового общества, родовой строй у них уже разложился. Уже из этого естественно напрашивается вывод, что в малайской системе родства нашла отражение не дородовая, а послеродовая ступень развития. Но имеются и другие более убедительные данные, свидетельствующие в пользу этого положения. Эти данные были приведены в работах В. Риверса (Rivers, 1907, 1914a, 1932), впервые выдвинувшего и обосновавшего положение о том, что малайская (гавайская) система родства возникла из предшествовавшей ей турано-ганованской в результате упрощения последней и что причиной превращения турано-ганованской системы родства в малайскую является разложение родового строя и исчезновение экзогамии. Положение В. Риверса о вторичном характере малайской системы родства нашло поддержку и дальнейшее обоснование в работах Дж. Фрезера (Frazer, 1914, II, p. 171), Л. Я. Штернберга (1933a, стр. 152 сл.), А. М. Золотарева (1940a, 1940б, стр. 29—31), С. А. Токарева (1929, 1933, 1946), Д. А. Ольдерогге (1951, 1958).

Особенно наглядно и убедительно положение о вторичном характере малайской системы родства было обосновано на материалах этнографии народов Океании. На островах Фиджи существовала система родства турано-ганованского типа. В системах родства Онтонг-Джава, Тикопия и Тонга наблюдается сочетание малайских и турано-ганованских черт. В ротуманской системе отцовская и материнская линии почти совсем сливаются. Гавайская и маорийская системы родства являются классическими образцами систем малайского типа. Перед нами непрерывный генетический ряд, связывающий фиджийскую систему родства с гавайской, системы турано-ганованского типа с системами малайского типа. В каком же направлении идет развитие в этом ряду — от турано-ганованских систем родства к малайским или, наоборот, от малайских к турано-ганованским? Исчерпывающий ответ на этот вопрос дают данные сравнительной этнографии.

На островах Фиджи существовала родовая организация. На островах Онтонг-Джава и Тикопия приближался к завершению процесс разложения родового строя. Гавайцы стояли на вершине социального и культурного развития народов Океании. Родовой строй и экзогамия у них давно исчезли. Таким образом, на материалах океанийской этнографии наглядно прослеживается, как «по мере упадка родового строя и исчезновения экзогамии теряет смысл и исчезает противопоставление родственников матери родственникам отца, отцовская и материнская линии сливаются, турано-ганованская система превращается в малайскую» (Золотарев, 1940а, стр. 156—157). Убедительнейшим доказательством того, что малайская система родства представляет позднейшее образование, является факт ее распространения исключительно лишь среди народов с разложившейся родовой организацией: гавайцев, маори, ротуманцев, даяков Калимантана, игоротов, малайцев Сулавеси и Молуккских островов, эве, дагомейцев, йоруба, ибо, чукоч, коряков, юкагиров (Штернберг, 1933а, стр. 152—158; Золотарев, 1934, стр. 36—38; 1940а, стр. 152—153; Вдовин, 1948, стр. 58—59; Ольдерогге, 1951, стр. 32—44).

С доказательством вторичного характера малайской системы родства гипотеза кровнородственной семьи, как совершенно справедливо указывал В. Риверс (Rivers, 1907), лишилась единственного своего обоснования. Уже сам по себе тот факт, что рухнуло все, основываясь на чем построил Л. Морган гипотезу кровнородственной семьи, что не осталось никаких данных в пользу того, что эта форма семьи когда-либо вообще существовала, дает достаточное основание для вывода о необходимости отказа от этой гипотезы. Но это далеко не единственное основание для такого вывода.

Этнографическая наука в настоящее время располагает фактами, убедительно говорящими о том, что запрет половых отношений между лицами, принадлежащими к разным поколениям, не является первой формой брачного запрета, что исключение из взаимных брачных отношений лиц разных поколений произошло не до возникновения экзогамии, а после ее возникновения, после появления рода. Об этом, в частности, свидетельствует широкое распространение в этнографическом мире браков между лицами разных поколений и явная архаичность этой формы брачных отношений (Золотарев, 1940а, стр. 157—169). Этот факт, находящийся в непримиримом противоречии с гипотезой кровнородственной семьи, не могут не признать и ее сторонники (Кричевский, 1934б; Косвен, 1946а).

Всем приведенным выше доводам противников гипотезы кровнородственной семьи ее сторонники ничего по существу противопоставить не могут. Большинство советских ученых, продолжающих в полном согласии с Л. Морганом рассматривать кровнородственную семью как определенный этап в развитии семейно-брачных отношений, даже ничего и не пытаются противопоставить этим доводам: они пишут так, как если бы вообще никаких возражений против этой гипотезы выдвинуто не было (Равдоникас, 1939, I, стр. 161, 168, 183—185; Окладников, 1949, стр. 80; «Всемирная история», 1955, I, стр. 33, 46; Ефименко, 1953, стр. 244; Косвен, 1957, стр. 25, 126; Зыбковец, 1959, стр. 244).

Лишь этнограф Е. Ю. Кричевский в свое время сделал попытку отстоять гипотезу кровнородственной семьи. «Он,— писал Е. Ю. Кричевский (1934а, стр. 40—41), критикуя В. Риверса,— аргументирует свою точку зрения тем фактом, что ряд народов, имеющих гавайскую систему родства в целом или в ее отдельных элементах, либо находятся на поздней стадии развития родового строя (австралийские курнаи, обитатели островов Торрессова пролива), либо уже потеряли родовую экзогамию (полинезийцы). Он указал, что гавайцы стоят на более высокой ступени развития, чем это казалось Моргану, и что они знали в свое время и гончарное производство и металлургию. Однако даже если принять эти все факты, то говорят ли они о позднем и вторичном характере гавайской системы родства? Думать так, значит стоять на грубо-эволюционистской точке зрения и не учитывать возможности неравномерного развития отдельных сторон общественной жизни и, в частности, отставания надстроек от развития базиса и неравномерной степени сохранения их в качестве пережитков. Думать так, значит не учитывать руководящего указания Энгельса, что не грубость, а степень сохранения старых кровных связей является пока-

зателем первобытного состояния. И если среди гавайских туземцев еще до половины XIX в. сохранялась пуналуальная семья, как вырождающаяся форма группового брака, почему там не могла уцелеть еще более древняя система родства».

Те же самые доводы были приведены П. И. Борисковским (1957а, стр. 139—140). Неубедительность возражений Е. Ю. Кричевского и П. И. Борисковского в свете приведенных выше данных этнографии очевидна. Как уже указывалось, поздний характер гавайской системы родства доказан, твердо установлено также, что у гавайцев не было ни группового брака, ни семьи пуналуа.

Большинство ученых, являющихся сторонниками теории кровнородственной семьи, пытаются опереться на Ф. Энгельса. Однако Ф. Энгельс не был ни создателем, ни безоговорочным последователем этой гипотезы. Если в первом издании «Происхождения семьи, частной собственности и государства» он полностью присоединяется ко взглядам Л. Моргана на кровнородственную семью, то в четвертом, ознакомившись с исследованиями Л. Файсона и А. Хауитта, он видоизменяет свою точку зрения. Обратив внимание на тот факт, что двухклассовая (двухфратриальная) система австралийцев в том виде, как мы ее знаем, не ставит препятствий для брачных отношений между лицами, принадлежащими к разным поколениям, Ф. Энгельс указывает на возможность возникновения этой системы непосредственно из состояния промискуитета. «Таким образом,— пишет он,— или эта организация возникла в ту пору, когда, при всем смутном стремлении ограничить кровосмешение, люди не видели еще ничего особенно ужасного в половых связях между родителями и детьми,— и в таком случае система классов возникла непосредственно из состояния неупорядоченных половых отношений,— или же половая связь между родителями и детьми была уже воспрещена обычаем к моменту возникновения брачных классов, и в таком случае современное состояние указывает на существование перед тем кровнородственной семьи и представляет первый шаг к отказу от нее. Последнее более вероятно. *Насколько мне известно, примеров брачных отношений между родителями и детьми в Австралии не приводится...*» (соч., т. 21, стр. 48. Подчеркнуто мною.— Ю. С.). Ф. Энгельс, как видно из приведенного выше, допускает две равноправные гипотезы: одну — отрицающую кровнородственную семью, другую — признающую ее. Гипотезу кровнородственной семьи он принимает условно, поскольку ему неизвестны факты, ей противоречащие. Для Ф. Энгельса, таким образом, вопрос о том, существовала или не существовала кровнородственная семья, не является вопросом принципиального характера.

К этому добавим, что вызывала у Ф. Энгельса серьезные сомнения и семья пуналуа. Если в первом издании своей работы он примыкает ко взгляду Л. Моргана на пуналуальную семью как на всеобщую стадию в развитии семейно-брачных отношений, то в дальнейшем он отходит от такой точки зрения. В четвертом издании своего труда Ф. Энгельс неоднократно подчеркивает, что семья пуналуа всего лишь одна из многих форм семьи, основанной на групповом браке, что суть не в семье пуналуа, а в групповом браке. «Когда Морган писал свою книгу,— указывает Ф. Энгельс в четвертом издании (стр. 47),— наши сведения о групповом браке были еще весьма ограничены. Кое-что было известно о групповых браках у организованных в классы австралийцев, и, кроме того, Морган уже в 1871 г. опубликовал дошедшие до него данные о гавайской пуналуальной семье... Понятно поэтому, что Морган рассматривал ее как ступень развития, которая необходимо предшествовала парному браку, и приписывал ей всеобщее распространение в древнейшее время. С тех пор мы ознакомились с целым рядом других форм группового брака и знаем теперь, что Морган здесь зашел слишком далеко». При подготовке четвертого издания своего труда Ф. Энгельс везде, где это было возможно, слова «семья пуналуа» заменил словами «групповый брак» (Винников, 1936).

Как мы видели выше, Ф. Энгельс был прав в своих сомнениях. Кровнородственная семья и семья пуналуа действительно были слабейшими местами в моргановской схеме развития семейно-брачных отношений. Подмечены были эти слабые места в схеме Л. Моргана и К. Марксом. Как показывает конспект «Древнего общества», принадлежащий перу К. Маркса, последний отнюдь не был сторонником положения Л. Моргана о том, что роду предшествовали три стадии развития (промискуитетная орда, кровнородственная семья и семья пуналуа). «По своему происхождению род,— читаем мы в конспекте,— древнее *моногамной и синдиасмической* семей; в сущности он является современником *пуналуальной семьи*, но ни одна из этих форм семьи не служила *основанием* рода. Каждая семья, безразлично, *архаическая или более развитая*, находилась *наполовину внутри, наполовину вне* данного рода, так как *муж и жена принадлежали к различным родам*. Но род необходимо возникает из *группы с беспорядочными половыми сношениями*; только после того, как внутри этой группы *от брака* начинают отстраняться *братья и сестры*, из недр ее может вырасти род, но не раньше. *Предпосылкой* рода является выделение братьев и сестер (родных и боковых) из среды других кровных родственников. *Род*, раз возникнув, продолжает оставаться *единицей* общест-

венной системы, в то время как *семья подвергается большим изменениям*» (Маркс, 1941, стр. 135).

Что прежде всего привлекает внимание в этом отрывке, это содержащаяся в третьем предложении мысль о том, что род непосредственно возник из группы с беспорядочными половыми сношениями, мысль, находящаяся в полном противоречии с основными положениями работы Л. Моргана. Сравнивая эту выдержку из конспекта с соответствующим местом «Древнего общества» (1934а, стр. 132, третий абзац сверху), мы видим, что если первое, второе, пятое предложения содержат изложение мыслей Л. Моргана, то ничего подобного тем положениям, которые содержатся в третьем и четвертом предложениях, мы в работе Л. Моргана не находим. Положение о том, что род возник из группы с неупорядоченными половыми сношениями, целиком принадлежит К. Марксу. К. Маркс, таким образом, отвергает кровнородственную семью и семью пуналуа как стадии, предшествовавшие роду; роду, по его мнению, непосредственно предшествовала группа с промискуитетом, которую он в другом месте конспекта (стр. 9) назвал ордой с беспорядочными половыми сношениями. Эти мысли К. Маркса получили полное подтверждение в ходе развития этнографической науки.

Но если утверждение Л. Моргана о том, что роду предшествовала кровнородственная семья и семья пуналуа, оказалось ошибочным, то осталось незабытым и получило полное подтверждение его положение о коллективе с беспорядочными отношениями полов, как древнейшей форме объединения людей, о промискуитете, как исходной стадии в развитии семейно-брачных отношений². С исчезновением кровнородственной семьи и семьи пуналуа как стадий, стоящих между древнейшей формой объединения людей и родом, коллектив, который Л. Морган именовал ордой, живущей в промискуитете, оказался прямо предшествующим роду. Положение о том, что род непосредственно возник из состояния неупорядоченного общения полов, подтверждается всем ходом развития этнографической науки. Таким образом, в первобытном стаде вплоть до его превращения в род существовали промискуитетные отношения. На всем протяжении времени своего существования первобытное человеческое стадо было промискуитетным коллекти-

² Получила подтверждение и основная мысль Л. Моргана, лежащая в основе его схемы развития семейно-брачных отношений, именно мысль о том, что развитие этих отношений шло от промискуитета через групповой брак к парному и далее к моногамному (см. по этому вопросу нашу работу «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса и современные данные этнографии), 1959).

вом. Разделяемая целым рядом советских ученых точка зрения, согласно которой роду предшествовало объединение с кровнородственной семьей, в обоих своих вариантах не имеет под собой основания и не может быть признана правильной.

Возникает вопрос, чем объяснить довольно широкое распространение среди советских ученых давно уже не имеющей под собой основания гипотезы кровнородственной семьи. Причин несколько. Одна из них состоит в том, что данная гипотеза, будучи изложенной в работе Ф. Энгельса, многими учеными рассматривалась как необходимая составная часть марксистского взгляда на развитие брака и семьи. Соответственно всякая критика этой гипотезы расценивалась чуть ли не как ревизия марксизма. Другая, неразрывно связанная с ней, заключалась в том, что многие ученые, не являвшиеся специалистами в области этнографии, почти совсем ничего не знали о тех возражениях, которые были выставлены против гипотезы кровнородственной семьи. За последние полвека на русском языке было опубликовано всего лишь восемь работ, в которых отмечалась выявившаяся в ходе развития науки несостоятельность гипотезы кровнородственной семьи (Токарев, 1929, 1946; Золотарев, 1940а, 1940б; Левин, 1951; Толстов, 1951; Ю. Семенов, 1959; «Ф. Энгельс и проблемы современной этнографии», 1959), причем лишь в двух из этих работ (Золотарев, 1940а, Ю. Семенов, 1959) были изложены основные возражения против этой гипотезы и она была подвергнута обстоятельной критике.

Однако главная причина популярности гипотезы кровнородственной семьи, особенно среди археологов, состояла в том, что имеющийся в их распоряжении материал свидетельствовал о каком-то сдвиге в развитии общественных отношений, имевшем место в ашельскую эпоху раннего палеолита, о существовании какого-то довольно значительного различия между объединениями питекантропов и синантропов, с одной стороны, и коллективами неандертальцев — с другой. В коллективах питекантропов и синантропов, рассуждали археологи, господствовал промискуитет. Признание того, что промискуитет существовал и в коллективах неандертальцев, равносильно отрицанию различия между объединениями древнейших и древних людей, равносильно отрицанию сдвига в формировании социальных отношений, происшедшего при переходе к позднему ашелю и мустье. Но такой сдвиг несомненно имел место. Следовательно, в коллективах неандертальцев были как-то отношения, отличные от промискуитетных. Какие же именно? И здесь на помощь приходила схема Л. Моргана, в которой за ордой с промискуитетом следовала кровнородственная семья. Эта

схема, казалось, находила подтверждение в археологическом материале, говорящем о наличии двух этапов в развитии родового человеческого коллектива.

Отбрасывая представление о кровнородственной семье как стадии, предшествовавшей роду, мы в то же время не должны игнорировать доказанного археологией факта существования двух основных этапов в развитии первобытного человеческого стада. Так как промискуитет существовал в течение всего периода первобытного стада, то из этого следует, что промискуитетные отношения в коллективах неандертальцев чем-то отличались от промискуитетных отношений в объединениях питекантропов и синантропов. Раскрыть то отличие, которое несомненно существовало между первобытным стадом питекантропов и синантропов, с одной стороны, и неандертальцев — с другой, является важнейшей задачей. Именно то обстоятельство, что сторонники точки зрения, согласно которой род непосредственно возник из состояния промискуитета, по существу игнорировали наличие двух этапов в развитии промискуитета и первобытного стада, во многом способствовало популярности гипотезы кровнородственной семьи.

2. Проблема возникновения экзогамии и рода

Экзогамия, как известно, состоит в строжайшем запрете как брачных, так и внебрачных половых отношений внутри определенного человеческого коллектива и тем самым, следовательно, в обязанности всех членов данного коллектива вступать в брак с людьми, к нему не принадлежащими. Термин «экзогамия» был введен в науку Дж. Мак-Леннаном, большая заслуга которого состоит в том, что он указал на повсеместное распространение и большое значение этого и ранее известного этнографам явления. Однако сущность экзогамии Дж. Мак-Леннан раскрыть не смог. Абсолютно противопоставив экзогамию эндогамии, экзогамные коллективы эндогамным, он запутал как сам себя, так и многих других исследователей. Ясность в вопрос об экзогамии была внесена лишь Л. Морганом, убедительно доказавшим, что экзогамия неотделима от рода и является его необходимейшим признаком, что род всегда является экзогамным коллективом и что иных экзогамных коллективов, кроме рода и фратрии, представляющей собой первоначальный род, не существует (1934а, стр. 41—45, 306—310).

С тех пор, как было установлено, что экзогамия является необходимым и исключительным признаком рода, вопрос о возникновении рода в сущности своей совпал с вопросом о происхождении экзогамии. Ответить на вопрос, как возник род.— значит раскрыть,

как возник коллектив, между членами которого воспрещены половые отношения, т. е. выявить, как возникла экзогамия. Это, конечно, не значит, что всякая теория возникновения экзогамии является одновременно обязательно и теорией происхождения рода. Как указывалось выше, связь экзогамии и рода была раскрыта лишь Л. Морганом. Но и после появления его работ целый ряд ученых вплоть до нашего времени продолжал и продолжает рассматривать экзогамию как явление, не связанное исключительно лишь с родом. Но даже те теории возникновения экзогамии, авторы которых не решают вопрос о возникновении рода, могут представить определенную ценность для понимания проблемы происхождения родовой коммуны.

Теорий происхождения экзогамии существует очень много. Вполне понятно, что изложение и критический анализ каждой из них невозможен не только в рамках раздела, но даже специальной главы. Для этого потребовалась бы специальная работа. Но в изложении всех теорий экзогамии и нет необходимости. Многие из них давно отвергнуты наукой и не представляют ценности.

Мы не будем рассматривать ни теорий, авторы которых видели источник экзогамии в похищении женщин, принадлежащих к чужому коллективу (Леббок, 1876, стр. 69, 89; Меленап, 1886, р. 75—76; Спенсер, 1898, II, стр. 19—25; Кунов, 1930, стр. 102—103; Зибер, 1959, стр. 280), ни теорий, объяснявших экзогамию отсутствием полового влечения между людьми, с детства живущими вместе (Вентхэм, 1864, р. 220; Н. Эллис, 1906, IV, р. 205; Кроули, 1907, р. 52—53; Преображенский, 1929, стр. 123; Хэйл, 1935, стр. 119), ни примыкающей к последней теории, выводящей экзогамию из инстинктивного отвращения к индусту (Ловие, 1949, р. 14), ни теорий, объяснявших экзогамию ревностью старого самца — главы первобытной патриархальной семьи (Ланг, Аткинсон, 1903; Ланг, 1905, р. 114—143; Н. Томас, 1906, р. 62—63; 1907, р. 353), ни стоящих особняком теорий Э. Дюркгейма (Дюркгейм, 1898, р. 47), Н. Н. Харузина (1903, II, стр. 124—125), К. Н. Старке (1901, стр. 312), З. Фрейда (1923, стр. 150—153), Р. Брифффо (Брифффо, 1927, I, р. 201, 250—259), М. К. Слэтера (Слэтер, 1959), Т. Парсонса (Парсонс, 1954), ни огромного числа всевозможных эклектических теорий (Уестермарк, 1925, II, р. 192—193, 235; Мукерjee, б. г., р. 229; Мурдок, 1949, р. 288—301; Уашбурн и Де Воре, 1961, р. 99—100; Колт, 1963; Аберле, Бронфенбреннер, Несс, Миллер, Шнейдер, Спюхлер, 1963; Мюллер-Лиер, 1924, стр. 96—97; Шурц, 1923, I, стр. 121—123; Вольфсон, 1937, стр. 48—50 и др.).

Мы ограничимся рассмотрением лишь важнейших теорий экзогамии, имеющих определенную научную ценность и являющихся и в настоящее время предметом оживленной дискуссии между исследователями. Эти теории можно разделить на три основные группы.

Первая группа — теории, объясняющие возникновение экзогамии необходимостью предотвращения вредных последствий браков между кровными родственниками. Такого взгляда придерживался, в частности, Л. Морган (1934а, 1934б). С точки зрения Л. Моргана, возникновение рода является одним из моментов процесса исключения кровных родственников из полового общения. Вначале брачные отношения были воспрещены между родителями и детьми, и из промискуитетной орды возникла кровнородственная семья. Затем возник запрет половых отношений между братьями и сестрами, и кровнородственная семья уступила место семье пуналуа. На основе семьи пуналуа возникла родовая организация, навсегда исключившая сестер и братьев из брачного общения, причем не только родных, но и боковых. Исключение братьев и сестер из полового общения и тем самым возникновение экзогамии Л. Морган объясняет потребностью предотвращения вредного влияния кровосмешения (1934а, стр. 41, 45, 254 и др.). Но на вопрос о том, каким же именно образом возникло запрещение браков между братьями и сестрами, ясного ответа он не дает. С одной стороны, он объясняет возникновение этого запрета сознательной деятельностью людей, обнаруживших вред инцеста и принявших меры к его предотвращению (1934а, стр. 45, 229, 245). С другой стороны, он рассматривает возникновение экзогамии и рода как результат «великих социальных движений, совершающихся бессознательно, путем естественного отбора» (1934а, стр. 30—31). Вообще в вопросе о возникновении рода у него много неясностей. Почти совсем не объяснен им переход от семьи пуналуа к роду. Это сознавал он и сам. Вслед за утверждением, что род образовался из женской ветви семьи пуналуа, Л. Морган замечает, что «объяснить, каким образом в точности произошел род, конечно, невозможно» (1934а, стр. 250).

Позицию, близкую к морганической, занимал Л. Файсон (F i s o n and H o w i t t, 1880, p. 99—117), видевший причину возникновения экзогамии в сознательном стремлении предотвратить вредные последствия кровосмешения. Однако взгляды его на возникновение рода не совпадают со взглядами Л. Моргана. По Л. Файсону, роду предшествовало не три стадии развития, как утверждал Л. Морган, а всего лишь одна. Человеческий коллектив, предшествовавший роду, Л. Файсон называл неразделенной коммуной. Характеристи-

ка этого коллектива у него не отличается ясностью. С одной стороны, он писал, что в неразделенной коммуне брачные отношения существовали лишь между лицами, принадлежавшими к одному поколению (1880, р. 117). С другой стороны, мы встречаем у него утверждение, что «„неразделившаяся коммуна“ значит не более и не менее как промискуитет» (Файсон, 1935, стр. 117). Когда перед обществом встала задача исключить возможность брачных отношений между братьями и сестрами, то эта цель, по Л. Файсону, была достигнута разделением первоначальной коммуны на две взаимобрачующиеся половины, внутри каждой из которых половые отношения были запрещены (1880, р. 99—100). На тех же позициях, что и Л. Файсон, стоял и А. Хауитт (Fison and Howitt, 1880, р. 364—365; Howitt, 1904, р. 88—89, 173—174).

Сторонниками взгляда, согласно которому экзогамия явилась результатом сознательных усилий людей, подметивших вред кровосмешения, были также Г. Мэн (1884, р. 174—175), Л. Я. Штернберг (1933а, стр. 112—113), А. Джолли и Ф. Роз (1947а, 1947б).

Против точки зрения, объяснявшей возникновение экзогамии сознательным стремлением предотвратить вред инцеста, было уже во времена Л. Моргана выдвинуто немало очень веских возражений. Указывалось, в частности, что в биологической науке до сих пор нет единого мнения по вопросу о последствиях близкородственных браков, что многие ученые отстаивают положение о безвредности кровосмесительных связей. Сам по себе этот факт и в том случае, если правы были исследователи, считавшие инцест вредным, свидетельствовал не в пользу этой точки зрения. Действительно, если даже ученые, располагающие огромным фактическим материалом, доставляемым как практикой разведения более быстро, чем человек, размножающихся животных и растений, так и специально поставленными экспериментальными исследованиями, не смогли прийти к единому мнению по этому вопросу, то как могли осознать вред кровосмешения первобытные люди, не имевшие иных объектов наблюдения, кроме самих себя? Ученые, признававшие вредное влияние близкородственного скрещивания на потомство, указывали, что накопление вредных последствий происходит постепенно на протяжении ряда поколений. По этой причине вредные последствия кровосмешения, если они имели место, не могли быть замечены первобытными людьми.

Все эти доводы не могли не быть учтены сторонниками рассматриваемого взгляда на экзогамию. К. Каутский, который в одних своих работах соединял теорию похищения с теорией вреда кровосмешения (1923а), а в других объяснял экзогамию только вредом инцеста (1923б, 1925а, 1925б), выдвинул объяснение, основывав-

шея на том факте, что если вред близкородственного спаривания мало заметен, то легко заметно благоприятное влияние неродственных браков на расу, пришедшую в упадок вследствие вредного влияния первого. Люди осознали, причем не обязательно в адекватной форме, вред кровосмешения, когда им бросилось в глаза резкое различие между потомством, происходившим от случайных вначале связей с представителями других коллективов, и потомством от браков между членами коллектива. Те коллективы, которые не ввели экзогамию, неизбежно погибли. Получили преимущество в жизненной борьбе и победили те, которые ее ввели.

Несколько иное объяснение возникновения экзогамии выдвинул Дж. Фрезер (F r e z e r, 1914, IV, p. 157—169). Согласно Дж. Фрезеру, экзогамия возникла непосредственно из состояния промискуитета без каких-либо посредствующих этапов (p. 109, 137). Кровосмесительные связи, неизбежные при промискуитете, отрицательно сказывались на потомстве. Возникла настоятельная потребность исключить возможность половых отношений между близкими родственниками. И эта необходимость была осознана, но не в адекватной, а в иллюзорной, фантастической форме, в форме суеверия, предрассудка (p. 153—154, 169). Возникший суеверный страх перед половыми союзами между близкими родственниками побудил первобытных людей разделить общину, живущую в промискуитете, на две экзогамные взаимобрачующиеся группы (p. 107—114). Те общины, которые не смогли осознать необходимость введения экзогамии, погибли в борьбе за существование. Победили в этой борьбе общины, которые ее ввели.

Ф. Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», принимая моргановскую теорию возникновения экзогамии и рода, нигде не говорит об адекватном осознании вреда кровосмешения и о сознательном введении экзогамного запрета. Мы находим у него по вопросу о возникновении экзогамии лишь замечание вскользь о «смутном стремлении ограничить кровосмешение» (соч., т. 21, стр. 48) и указание на то, что «в этом проводимом все дальше исключении кровных родственников из брачного союза тоже продолжает проявляться действие естественного отбора» (стр. 51; см. также стр. 43, 49). Эта точка зрения была безоговорочно принята Е. Ю. Кричевским (1932, стр. 30; 1934а, стр. 42—44, 48).

Авторам теорий, объяснявших возникновение экзогамии бессознательным стремлением ограничить кровосмешение и действием естественного отбора, удалось более или менее успешно обойти некоторые из тех затруднений, с которыми не могли справиться ученые, считавшие экзогамию результатом сознательных усилий,

направленных к предотвращению вреда инцеста. Но в ходе развития этнографической науки против всех без исключения теорий вреда кровосмешения были выдвинуты такие возражения, на которые сторонниками этих теорий ответа найдено не было.

Крупнейшим английским этнографом Э. Тэйлором (Tylor, 1889, 1896) одним из первых, наряду с Л. Файсоном и А. Хауиттом, было доказано, что простейшей, первоначальной, исходной формой экзогамии является дуальная ее форма, когда существуют только две экзогамные взаимобрачующиеся группы. Выявив это, Э. Тэйлор далее открыл, что порядок, который он назвал дуальной экзогамией, неизбежно ведет к постоянному кросс-кузенному браку, т. е. браку между детьми брата и детьми сестры. Таким образом, выяснилось, что в то время как, с одной стороны, экзогамия исключает возможность браков между параллельными кузенами любых степеней, вообще исключает возможность браков между сородичами, даже между теми, родственные связи между которыми вообще не могут быть прослежены, с другой стороны, она в своей первоначальной форме предполагает и даже делает обязательными браки между перекрестными кузенами, между детьми брата и сестры, т. е. ближайшими родственниками. Это явление находится в противоречии со всеми теориями, объясняющими экзогамию стремлением предотвратить вред кровосмешения.

В результате в настоящее время общепризнанным среди советских этнографов является мнение, что возникновение экзогамии нельзя объяснить ни сознательным, ни бессознательным стремлением предотвратить кровосмешение. Это мнение было высказано и обосновано в выступлениях участников дискуссии по проблеме экзогамии, состоявшейся в Институте этнографии АН СССР в 1947 г. (Золотаревская, 1947). Это мнение нашло отражение и в редакционной статье журнала «Советская этнография» — «Ф. Энгельс и проблемы современной этнографии» (1959), в которой прямо было сказано, что «не подтвердилось данными современной этнографии и биологии приведенное в „Происхождении семьи, частной собственности и государства“ моргановское объяснение возникновения экзогамии из стремления избежать кровосмешения» (стр. 14). В настоящее время сторонниками теории кровосмешения, в том ее варианте, который нашел выражение в работе Ф. Энгельса, остаются лишь П. И. Борисковский (1935, 1950б, 1957а, стр. 195), П. П. Ефименко (1953, стр. 244—245, 308—309), и А. П. Окладников («Всемирная история», 1955, I, стр. 46; 1958а, стр. 143).

Вторая обширная группа теорий экзогамии, к анализу которой мы переходим, рассматривает экзогамию как средство установле-

для закрепления связей между коллективами первобытных людей. Одним из первых такое объяснение экзогамии было выдвинуто Э. Тэйлором (Tylor, 1889, 1896). Первоначально, по Э. Тэйлору, существовали небольшие полуоседлые изолированные эндогамные орды. По мере роста плотности населения все более частыми явлениями становились войны между этими коллективами, которые в конце концов поставили под угрозу само их существование. Возникла настоятельная необходимость в установлении прочных дружественных связей между отдельными ордами. Единственным средством, дававшим в то время возможность тесно связать орды друг с другом, могли быть лишь взаимные браки. Экзогамия сделала браки между ордами принудительными и тем самым привела к возникновению постоянных и прочных объединений человеческих коллективов, которым оказались не в состоянии противостоять группы, сохранившие эндогамию и оставшиеся поэтому изолированными. Дикие племена, таким образом, оказались перед выбором: или сохранить эндогамию и оказаться истребленными, или ввести экзогамию (1896, р. 93). В результате экзогамия стала повсеместным явлением (1889, р. 267). Среди современных зарубежных ученых точку зрения Э. Тэйлора разделяют или близки к ней Р. Фортун (Fortune, 1932), В. Томас (W. Thomas, 1937, р. 181—196), А. Кизс (Keith, 1948, р. 152—155), Л. Уайт (White, 1948, р. 424—426; 1949, р. 315—316, 329), К. Леви-Страс (Levi Straus, 1956, р. 277—279), М. Шахлинз (Sahlins, 1959, р. 59), Р. и Л. Макариусы (R. et L. Makarius, 1961, р. 30—50). Среди советских ученых сходные взгляды мы находим у Д. А. Ольдерогге (1945, стр. 299—300; 1947, стр. 22—24), точка зрения которого отличается от тэйлоровской только тем, что необходимость установления прочных связей между коллективами он выводит прежде всего из трудностей борьбы с природой, а также у М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова («Очерки общей этнографии», 1957, стр. 24) и В. С. Сорокина (1951, стр. 149).

Особое место в данной группе составляют «экономические» теории возникновения экзогамии. Одна из таких теорий была выдвинута А. М. Золотаревым (1931, 1932). Экзогамия, по мнению последнего, возникла потому, что заключение браков вне данного коллектива было экономически выгодным на стадии охотничье-собирательского хозяйства. Каждая группа людей имела свою охотничью территорию, доступ на которую был запрещен для членов других коллективов. Мужчина, заключая брак с женщиной из другой орды, получал право охотиться на территории группы жены. За брак с чужой женщиной стояла и родня охотника, получавшая большую долю его добычи. Заинтересованы были в таком

браке и родители женщины, ибо, отдавая дочь в чужую орду, они получали много подарков от жениха и его родни, в то время как в случае ее брака с мужчиной своей орды они не получали ничего. Заключение брака было своеобразной формой завязывания экономических связей. Экзогамия, таким образом, по мнению А. М. Золотарева, была не чем иным, как формой экономического сцепления, радикальным средством экономической экспансии (1931, стр. 49). Искусственность этой теории бросается в глаза. Сам А. М. Золотарев в дальнейшем пересмотрел свои взгляды и отказался от этой теории (1940а, 1940б, 1964). Различные варианты «экономической теории» экзогамии мы находим у Г. Эйльдермана (1923, 1930), Ш. Эншлена (1954, стр. 73), в первом томе «Исследований по истории древнегреческого общества» Дж. Томсона (1958, стр. 38), а также у А. Донни (1962, стр. 40).

В заключение необходимо отметить, что авторы всех теорий, принадлежащих к этой группе, как «экономических», так и неэкономических, за исключением одного лишь А. М. Золотарева ограничились высказыванием самых общих положений о возникновении рода. Ни один из них, исключая А. М. Золотарева, даже не попытался показать, как конкретно возникли экзогамия и род.

В основе теорий возникновения экзогамии, принадлежащих к третьей группе, лежит взгляд на экзогамию, как на средство урегулирования отношений внутри человеческого коллектива. Одним из первых такой взгляд на экзогамию был высказан крупнейшим русским социологом М. М. Ковалевским. На ранних стадиях развития женщина, по мнению последнего, неизбежно «должна была явиться яблоком раздора между членами одного и того же сообщества». «Но всякое сообщество, в том числе и родовое, может держаться лишь под условием внутреннего мира — и этим обстоятельством объясняется, почему на разнообразнейших концах земного шара эта общая всем причина привела к установлению системы экзогамных браков» (1886, I, стр. 111). И в последующих своих работах М. М. Ковалевский (1905, стр. 175—185; 1910, II, стр. 100—110; 1914, стр. 52—53) объяснял введение экзогамии (как и запрещение кровной мести внутри рода) стремлением устранить всякие поводы для столкновения между сородичами. «...Система экзогамных запретов, — указывал он, — устраняя возможность столкновения между членами рода из-за факта аппроприации женщин, необходимо вела к тому же последствию [что и запрет кровной мести внутри рода. — Ю. С.], т. е. к обращению рода в замкнутую среду» (1905, стр. 181). «...Род, как мы понимаем его, — подводит он итог своим взглядам, — есть первобытное человеческое стадо, понемногу преобразованное благодаря дейст-

вию экзогамии и применению системы запретов или „табу“ одинаково к бракам и осуществлению кровной мести. Благодаря этому род становится очагом мира» (1910, стр. 106; см. также: 1905, стр. 188; 1914, стр. 52—53).

Связывал возникновение экзогамии с необходимостью урегулирования отношений внутри человеческого коллектива Б. Малиновский (Malinowski, 1927, 1931). Сексуальный импульс является, по его мнению, силой социально разрушительной. Он не только дезорганизует семью, но вообще разрушает узы родства, на которых покоится первобытное общество и которые служат базой для его дальнейшего развития. Поэтому общество, чтобы существовать и развиваться, должно контролировать и обуздывать половой инстинкт. Этой цели служит система половых табу, важнейшим из которых является экзогамия, полностью исключая возможность половых отношений внутри родового коллектива (1927, р. 195). Обуздывая и подавляя разрушительное действие полового инстинкта, экзогамия обеспечивает возможность успешной совместной деятельности его членов (1931, р. 630). Сходные взгляды мы встречаем у Б. Зелигман (Seligman, 1929, р. 243—246, 268—269; 1950), но у последней речь идет собственно не о происхождении экзогамии, а о возникновении запрета инцеста внутри семьи, которую она считает основной ячейкой общества.

Из советских ученых первым сделал попытку взглянуть на экзогамию как на средство обуздания полового инстинкта и тем самым средство предотвращения столкновения внутри коллектива М. П. Жаков (1933), однако он, как и все упомянутые выше авторы, ограничился высказыванием лишь самых общих соображений по вопросу о возникновении экзогамии.

Несравненно более глубокую и конкретную разработку получила эта концепция в статье крупнейшего советского этнографа С. П. Толстова «Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен» (1935), в которой возникновение экзогамии впервые было поставлено в связь с появлением и развитием половых производственных табу, а происхождение последних было объяснено как результат нарастания противоречий между беспорядочными промискуитетными половыми отношениями и потребностями развития производственной деятельности дородового коллектива. Исходя из этих принципиальных положений, С. П. Толстов попытался нарисовать конкретную картину возникновения экзогамии и рода. По его мнению, основная тенденция развития возникших в дородовом коллективе половых табу заключалась в полной ликвидации всех проявлений половой жизни внутри коллектива вплоть до исключения бытовых отношений между мужчинами и женщинами. Разви-

тие этой тенденции привело на стадии кровнородственной семьи к распаду ранее единого двуполого коллектива на два однополых: мужской и женский, каждый из которых самостоятельно вел хозяйство. Изоляция этих коллективов нарушалась лишь один раз в году, когда на определенный срок снималось табу и мужчины и женщины соединялись для коллективного брака. В период снятия табу производственные и иные функции отходили на второй план. Возникновение экзогамии было связано с тем моментом, когда рост производительных сил сделал необходимым появление межполового разделения труда и, следовательно, образование двуполого коллектива. Возникшая опасность возврата к промискуитету была избегнута путем сохранения старой системы половой табуации, запрета половых отношений внутри коллектива и смягчения бытовой табуации общения полов. Каждый из двух существовавших лагерей — мужской и женский — стал постепенно обрастать представителями противоположного пола, включавшимися в хозяйственную жизнь коллектива. Постепенно два лагеря — мужской и женский — превратились в два находящихся во взаимных брачных отношениях двуполых экзогамных коллектива — два рода. Брак первоначально был «алокальным». «Мужья» и «жены» принадлежали к различным хозяйственным коллективам. Их соединение происходило лишь в период снятия табу.

Если общее принципиальное положение С. П. Толстова по вопросу о возникновении экзогамии представляется нам в основном совершенно правильным, то с предложенной им конкретной схемой развития, несмотря на наличие в ней ряда ценных моментов (положение об ограничении промискуитета во времени, об «алокальности» первоначального брака), в целом согласиться, на наш взгляд, трудно. Самым слабым ее местом является тезис о происшедшем в определенный период времени распаде дородового коллектива на две самостоятельные в хозяйственном отношении однополые группы.

По-видимому, и сам С. П. Толстов не был вполне удовлетворен набросанной им картиной перехода от стада к роду. Неоднократно подчеркивая в своих последующих работах, что его основные положения по вопросу о возникновении экзогамии остались неизменными, он в то же время нигде больше не излагает этой схемы и не настаивает на ней (Толстов, 1950а, стр. 17; см. также: Золотарева, 1947, стр. 152—153). Отказываясь по существу от предложенной им в 1935 году картины развития, С. П. Толстов новой не дает, оставляя, таким образом, вопрос о том, как конкретно возникла экзогамия, каким образом произошло превращение первобытного стада в род, нерешенным.

Попытка, исходя из положений С. П. Толстова, дать решение проблемы возникновения экзогамии была предпринята Н. А. Бутиновым (1951). Однако последний не сумел показать, каким образом возникла экзогамия, как протекал процесс становления рода, ограничившись общими рассуждениями по этому вопросу.

На этом обзор важнейших теорий возникновения экзогамии и рода можно закончить. Как видно из него, среди ученых, не исключая советских, нет единства мнений по вопросу о возникновении экзогамии и рода. Ни один из авторов существующих теорий не смог раскрыть внутреннюю объективную логику процесса, приведшего к возникновению экзогамии и рода, не смог дать конкретную внутренне непротиворечивую и согласующуюся с имеющимся фактическим материалом картину возникновения экзогамии и рода. Проблема происхождения экзогамии и рода до сих пор все еще не получила своего конкретного решения. В вышедшей в 1957 году книге советского этнографа М. О. Косвена «Очерк истории первобытной культуры» прямо признается, что «вопрос о том, как возник род, не поддается приемлемому объяснению» (стр. 120). «Советскими учеными А. М. Золотаревым, С. П. Толстовым и Н. А. Бутиновым, — говорится в уже упоминавшейся редакционной статье журнала «Советская этнография» — «Ф. Энгельс и проблемы современной этнографии» (1959), — был сделан ряд попыток уяснить и конкретизировать историю возникновения экзогамии, однако в целом эта сложная проблема не может считаться решенной и требует дальнейшей разработки» (стр. 14).

Причиной нерешенности этой проблемы во многом является не всегда верная ее постановка. Большинство авторов теорий возникновения экзогамии и рода эта проблема рассматривалась или как вопрос о возникновении одного из многих общественных институтов или, в лучшем случае, как вопрос о переходе от одной стадии развития человеческого общества к другой, в то время как в действительности это есть вопрос о завершении процесса формирования человеческого общества. Дать конкретное решение проблемы возникновения экзогамии и рода невозможно, не выявив движущих сил и закономерностей процесса формирования человеческого общества, который одновременно является и процессом формирования человека. Вопрос о возникновении экзогамии и рода всеми авторами рассматривается в отрыве от вопроса о происхождении человека современного типа, в то время как эти две проблемы неразрывно связаны и не могут быть решены друг без друга. Существенным недостатком подавляющего большинства теорий возникновения экзогамии и рода является абстрактный подход к решению этой проблемы. Вопрос о происхождении

экзогамии и рода в них рассматривается в отрыве от тех конкретно-исторических условий, в которых происходило превращение первобытного стада в родовую коммуну. Этот недостаток объясняется во многом тем, что сам вопрос о времени возникновения родовой организации был окончательно решен совсем недавно.

В заключение необходимо подчеркнуть, что, хотя имеющиеся в настоящее время теории возникновения экзогамии и рода не содержат решения этой проблемы, многие из них несомненно представляют большую ценность, ибо в них нашли отражение отдельные стороны процесса становления человека и общества. Особенно ценными нам представляются те принципиальные положения по вопросу о возникновении экзогамии, которые мы находим в трудах С. П. Толстова. На наш взгляд, только исходя из них можно дать конкретное решение этой сложной и важной проблемы.

3. Проблема первоначальной организации родового общества

Если проблема возникновения экзогамии и рода в целом все еще является нерешенной, то целый ряд вопросов, связанных с ранним периодом родового общества, получил свое решение. Окончательно подтвердилось на огромном фактическом материале положение Л. Моргана и Ф. Энгельса о том, что первоначальный род был матрилинейным. Крупнейшим достижением этнографической науки является установление того факта, что на заре родового общества все роды были связаны попарно, что все они существовали только в составе своеобразных систем, каждая из которых состояла лишь из двух взаимобрачующихся родов. Объединение, состоящее из двух связанных перекрестным браком матрилинейных родов, получило в этнографической науке название дуально-родовой организации.

Дуально-родовая организация в ее исходном виде, вполне понятно, не могла уцелеть ни у одного из народов. Но одним из неопровержимых доказательств ее существования в далеком прошлом является наличие у многих народов, стоящих на стадии родового общества, деления всех родов на две группы — фратрий. Каждая из фратрий является объединением родов, образовавшихся в результате деления одного исходного рода. Дуально-фратриальная организация является более поздней формой дуальной организации, возникшей из более ранней — дуально-родовой в результате сегментации двух первоначальных родов.

Все необходимое для вывода о дуально-родовой организации как архаической форме организации родового общества мы находим у Л. Моргана (1934а, 1934б). Им было выдвинуто положение об универсальном характере фратриального деления, им было отмечено существование деления на две фратрии у целого ряда индейских племен (сенека, кайюга, тускарора, ошондага, чокта, чиказа), им даже была высказана мимоходом мысль о начальной паре взаимобрачующихся родов (1934а, стр. 42, 59; 1934б, стр. 8). Но вывод этот им так и не был сделан.

Впервые этот вывод в достаточной мере четко был сделан Л. Файсоном (Fison and Howitt, 1880, p. 99—117). Как уже отмечалось, первоначальной формой объединения людей Л. Файсон считал эндогамную неразделенную коммуну, которая в дальнейшем в результате исключения из брачного общения братьев и сестер распалась на две экзогамные взаимобрачующиеся половины или класса. Деление на два класса он рассматривал как самое раннее деление, а сами эти классы характеризовал как архаичную форму родов (1880, p. 108). В дальнейшем эти два первоначальных экзогамных класса — рода распались на дочерние роды и превратились в две фратрии (p. 108, 117).

Крупный вклад в решение проблемы начальной структуры родового общества был внесен Э. Тэйлором (Tylor, 1889, 1896), прямо указавшим на дуальную экзогамию как на первоначальную, исходную форму экзогамии и раскрывшим ее связь с кросскузенным браком и классификационной системой родства.

Глубокую разработку нашли проблемы дуальной организации в трудах В. Риверса (Rivers, 1907; 1914а, 1914б, I—II; 1932). В. Риверс не только на большом фактическом материале, главным образом меланезийском, показал широкое распространение дуальной организации, но, и в этом его главная заслуга, теоретически доказал ее универсальность как самой древней формы организации родового общества. Подвергнув детальнейшему анализу классификационные системы родства турано-ганованского типа, В. Риверс убедительно показал, что целый ряд важнейших черт турано-ганованской системы родства невозможно объяснить, не допустив, что она возникла в обществе, в котором существовало лишь два матрилинейных экзогамных коллектива, связанных отношениями группового брака (1914а, p. 72—77; 1932, p. 66—77). Из положения, что дуально-родовая организация могла быть единственным источником возникновения классификационных систем родства турано-ганованского типа, вытекал вывод не только о глубочайшей архаичности этой организации, но и об ее универсальном характере, ибо классификационные системы родства

несомненно представляют собой универсальное явление. «Если мои аргументы будут приняты,— писал В. Риверс (1914б, II, р. 83),— то ясно, что дуальная организация с материнским счетом родства была существеннейшим элементом социальной структуры самого раннего периода, о котором только имеются свидетельства». Необходимо отметить, что В. Риверс не всегда был последователен в своих выводах, однако это обстоятельство не может умалить его заслуг в постановке и разработке целого ряда важнейших проблем этнографии, в том числе такой, как вопрос о начальной форме родового общества.

Положение о глубокой архаичности и универсальности дуальной организации получало и получает все большее подтверждение в ходе развития этнографической науки. Наличие дуального деления или следов его было обнаружено по всей Австралии (Fison and Howitt, 1880; Spencer and Gillen, 1899а, 1904, 1927; Howitt, 1904; N. Thomas, 1906; Mathew, 1910; A. Brown, 1923; А. Максимов, 1930; Элькин, 1952 и др.), в Меланезии, Микронезии и Полинезии (Codrington, 1889, 1891; Rivers, 1914а, 1914б, 1932; G. Brown, 1910; Золотарев, 1964), в Индонезии (Золотарев, 1964) и Индии (Chugue, 1923; Волчек, 1959; Золотарев, 1964), в Средней Азии (Толстов, 1935, 1948; Абрамзон, 1946; Жданко, 1949), на Кавказе и в Закавказье (Косвен, 1946б, 1961), в Сибири и на Дальнем Востоке (Серошевский, 1896, I; Прокофьев, 1928; Долгих, 1934, 1950, 1952; С. Иванов, 1935; Чернецов, 1939; Вербов, 1939; Золотарев, 1939а, 1964), в Африке (Золотарев, 1939а, 1964; Ольдерогге, 1945), в Северной и Южной Америке (Tylor, 1899; Briffault, 1927, I; Sroeger, 1942; Л. Морган, 1934а, 1934б; Ольдерогге, 1948; Аверкиева, 1961; Файнберг, 1964; Золотарев, 1964).

Крупный вклад был внесен советскими учеными в разработку теоретических вопросов, связанных с дуальной организацией. В трудах А. М. Золотарева (1939а, 1964) и С. П. Толстова (1935, 1948) была глубоко раскрыта та огромная роль, которую играет дуально-родовая организация в жизни доклассового общества. Ими было убедительно показано, что дуальная организация является подлинным фундаментом социального строя народов, находящихся на стадии родового общества, что существование ее накладывает глубокий отпечаток на все мировоззрение и психологию людей этого общества.

В настоящее время в советской науке положение о дуально-родовой организации как начальной форме организации родового

стройка является общепризнанным. Из всех советских ученых лишь А. Ф. Анисимов придерживается иных взглядов.

«В рамках двух первичных родов, ставших позднее фратриями,— пишет он (1959, стр. 61),— дуальная организация была наиболее древней формой группового брака. Но эта родовая форма дуально-эзогамного брака не являлась исторически исходной формой. Судя по австралийскому материалу, ей предшествовала более архаичная система в виде двух брачных классов, которая, по-видимому, была исходной формой экзогамии группового брака, получившей свое завершение с установлением рода». Согласно точке зрения А. Ф. Анисимова, системе двух взаимобрачующихся матрилинейных родов предшествовала система двух брачных классов. Спрашивается, что же представляли собой эти два брачных класса? Это были два экзогамных матрилинейных коллектива — отвечает А. Ф. Анисимов (стр. 61—62). В таком случае, в чем же, собственно, состоит декларируемое им качественное отличие брачного класса от рода, системы двух брачных классов от системы двух родов?

Никакого ответа на этот вопрос мы у А. Ф. Анисимова не находим.

Между ними нет никаких различий. Это во многом понимает еще Л. Файсон (Fison and Howitt, 1880, p. 99—100, 108), указывавший, что первоначальные два класса, на которые распалась его неразделенная коммуна, являлись по сути дела архаичными родами. Совпадение двух первоначальных брачных классов с двумя первоначальными родами достаточно убедительно было показано И. Н. Винниковым (1934, 1935) и Е. Ю. Кричевским (1935, 1936). Возрождение А. Ф. Анисимовым давно отвергнутого наукой взгляда на австралийцев как на людей, живущих еще в родовом обществе, нельзя рассматривать иначе, как шаг назад от уровня, достигнутого этнографией. В заключение нужно указать, что взгляды А. Ф. Анисимова не являются оригинальными. Аналогичного мнения придерживался В. К. Никольский (1950а, стр. 33—64).

Установление этнографической наукой того факта, что на заре родового общества все роды существовали лишь в составе дуальных организаций, позволяет уточнить проблему возникновения экзогамии и рода. Проблема возникновения экзогамии и рода есть по существу проблема возникновения системы, состоящей из двух взаимобрачующихся родов,— дуально-родовой организации. Так как проблема происхождения экзогамии и рода не решена, то, вполне попятно, не разрешен и вопрос о том, как возникла дуально-родовая организация.

Большинство исследователей считало и считает, что дуальная организация возникла путем разделения первоначально эндогамного коллектива на два экзогамных. Такого мнения придерживаются Л. Файсон и А. Хауитт (Fison and Howitt, 1880, p. 100—117; Howitt, 1904, p. 174), Б. Спенсер и Ф. Гиллен (Spencer and Gillen, 1899a, p. 277; 1904; 1927), Дж. Фрезер (Frazer, 1914, IV, p. 107, 114), Л. Я. Штернберг (1933a, стр. 112, 113), Е. Ю. Кричевский (1934a, стр. 50), И. Н. Влищков (1934, стр. 14; 1935), В. И. Равдопикас (1939, I, стр. 208—209), В. К. Нпкольский (1950a, стр. 38—41), М. О. Косвен (1951, стр. 182), П. П. Ефименко (1953, стр. 308—309), А. И. Першиц (1956, стр. 7), П. И. Борисковский (1957a, стр. 195), А. Ф. Анисимов (1958, стр. 272).

Другие ученые считали, что дуально-родовая организация возникла путем соединения двух ранее совершенно самостоятельных коллективов. К их числу принадлежат Э. Тэйлор (Tylor, 1889, 1896), А. Ланг (Lang, 1905, p. 114—125), Н. Томас (N. Thomas, 1906, p. 65—75), В. Риверс (Rivers, 1914b, II, p. 560—561), С. А. Токарев (1933, № 2, стр. 72—73; № 3—4, стр. 29—30).

А. М. Золотарев в некоторых работах пытался занять среднюю позицию, утверждая, что соединение и разделение не исключают друг друга (1940b, стр. 44; 1964, стр. 65—66), но в общем склонялся к теории разделения (1939a, стр. 148; 1964, стр. 50—56). Колеблющуюся позицию в этом вопросе заняли А. Кизс (Keith, 1948, p. 152), Н. А. Бутинов (1951, стр. 15), Дж. Томсон (1958, стр. 52; 1959, стр. 42).

Разнобой во взглядах по вопросу о возникновении дуально-родовой организации является свидетельством нерешенности проблемы происхождения экзогамии и рода.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ВОПРОСА О ДВИЖУЩИХ СИЛАХ И ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА И ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ НОМО SAPIENS

1. Проблема движущих сил и закономерностей антропогенеза в трудах Ч. Дарвина и некоторых современных зарубежных ученых

Первая научно обоснованная теория антропогенеза была создана Ч. Дарвином (Д а р в и н, 1953). Будучи идеалистом во взглядах на общество, Ч. Дарвин не мог понять роли трудовой деятельности в становлении человека, не мог увидеть качественной грани, отделяющей человеческое общество от животного мира, человека от животного. Он был твердо убежден, что эволюция человека шла под действием тех же законов, которые определяют процесс развития биологических видов. Важнейшим фактором, обусловившим превращение обезьяны в человека, Ч. Дарвин считал естественный отбор. Процессу естественного отбора, по его мнению, также «много помогали унаследованные влияния усиленного упражнения частей, и оба эти процесса непрерывно действовали друг на друга» (стр. 184). Появление целого ряда менее важных человеческих особенностей Ч. Дарвин объяснял половым отбором.

Естественный отбор выступал у Ч. Дарвина как фактор, определявший не только изменение физической организации человека, но и совершенствование его умственных способностей и всей его деятельности, в том числе и трудовой (стр. 648). Однако точку зрения на антропогенез, как на процесс чисто биологический, определявшийся теми же закономерностями, которые действуют в животном мире, Ч. Дарвин до конца последовательно провести не мог. Сам того не сознавая, он отошел от нее. Это произошло, когда при рассмотрении вопроса о формировании нравственных

качеств человека Ч. Дарвин фактически столкнулся с проблемой формирования человека как общественного существа и тем самым с проблемой формирования человеческого общества. Сам Ч. Дарвин понял, что в данном случае ему пришлось заняться вопросом, во многом выходящим за рамки биологии. «Нравственным существом,— писал он,— мы называем такое, которое способно обдумывать свои прошлые поступки и побуждения к ним, одобрять одни и осуждать другие. То обстоятельство, что человек есть единственное существо, которое с полной уверенностью может быть определено, таким образом, составляет самое большое из всех различий между ним и низшими животными» (стр. 649).

Не мог не признать Ч. Дарвин, что формирование нравственных качеств человека не поддается объяснению действием естественного отбора. «Весьма сомнительно,— писал он,— чтобы потомки людей благожелательных и самоотверженных, или особенно преданных своим товарищам, были многочисленнее потомков себялюбивых и склонных к предательству членов того же племени. Тот, кто готов скорее пожертвовать жизнью, чем выдать товарищей..., часто не оставляет потомков, которые могли бы наследовать его благородную природу. Наиболее храбрые люди, идущие всегда на войне в первых рядах и добровольно рискующие жизнью для других, в среднем гибнут в большем числе, чем другие. Поэтому едва ли окажется вероятным..., чтобы число людей, одаренных такими благородными качествами, или уровень их развития мог возрасти путем естественного отбора, т. е. в результате переживания наиболее приспособленных» (стр. 243).

Попытка все же раскрыть движущую силу процесса формирования нравственных качеств человека приводит Ч. Дарвина к следующему представляющему несомненный интерес выводу: «Не следует забывать,— пишет он,— что хотя высокий уровень нравственности дает каждому человеку в отдельности и его детям лишь весьма небольшое преимущество над другими членами того же племени или вовсе не приносит им никаких выгод, тем не менее общее повышение этого уровня и увеличение числа даровитых людей несомненно дает огромный перевес одному племени над другим. Очевидно, что племя, заключающее в себе большое число членов, которые наделены высоко развитым чувством патриотизма, верности, послушания, храбрости и участия к другим,— членов, которые всегда готовы помогать друг другу и жертвовать собой для общей пользы,— должно одержать верх над большинством других племен, а это и будет естественный отбор» (стр. 244). Нетрудно заметить, что отбор, который, по мнению Ч. Дарвина, определяет развитие нравственности, далеко не тож-

дествен с обычным естественным отбором. Естественный отбор по своему существу есть отбор индивидов, отбор же, о котором идет речь в приведенном выше отрывке, представляет собой отбор не индивидов, а человеческих коллективов. Так Ч. Дарвин, сам того не сознавая, вынужден был прийти к выводу, что эволюция человека не может быть объяснена только действием чисто биологических законов, что в процессе формирования человека действовали какие-то законы, не сводимые полностью к биологическим.

Однако этот вывод не получил у Ч. Дарвина какого-либо развития. Теория антропогенеза Ч. Дарвина как была, так и осталась биологической теорией, основывающейся на положении об отсутствии качественных отличий между обществом человека и миром животных. Поэтому проблема факторов и закономерностей антропогенеза осталась у Дарвина нерешенной.

За время, прошедшее с момента выхода в свет труда Ч. Дарвина, буржуазными учеными было создано немало теорий антропогенеза. Общим признаком, роднящим все эти теории, является отказ от признания труда решающим фактором становления человека. Не признавая определяющей роли труда в антропогенезе, буржуазные ученые не смогли ни правильно поставить, ни тем более правильно решить вопрос о движущих силах и закономерностях этого процесса. Но было бы грубой ошибкой не видеть разницы между теориями антропогенеза, предложенными различными буржуазными учеными. Эти теории далеко не одинаковы. Прежде всего следует выделить откровенно идеалистические теории, авторы которых из всех сил стремятся примирить науку с религией. Близки к ним различные автогенетические теории антропогенеза. Останавливаться на всех этих теориях не имеет смысла, ибо они не представляют научной ценности. Но, кроме них, имеются в буржуазной науке и такие теории, авторы которых пытаются найти естественные движущие силы антропогенеза. Большинство авторов этих теорий, как и Ч. Дарвин, считают важнейшим фактором эволюции человека естественный отбор, но в отличие от последнего почти все они без исключения отрицают возможность наследования приобретенных признаков. Их теории антропогенеза в большинстве случаев являются формально-генетическими. В качестве примера можно привести взгляды на антропогенез американского генетика Т. Добжанского (Dobzhansky, 1955, 1956).

Биологическая эволюция человека, по мнению Т. Добжанского, как и эволюция любого биологического вида, определяется тремя факторами, которыми являются: мутации, рекомбинация

генов и естественный отбор. Последний является направляющим фактором эволюции. Но человек представляет собой особый продукт эволюции, не похожий на остальные биологические виды. Поэтому его развитие не может быть сведено лишь к биологической эволюции. Исключительность человека состоит, по Т. Добжанскому, в том, что он есть «единственный биологический вид, который высоко развил способность к символическому мышлению и использованию языка и который построил сложное здание традиций, известное под названием культуры» (1956, р. 9). Уникальность человеческой эволюции состоит в том, что она базируется на принципе, чуждом животному миру, — принципе передачи накопленных знаний от поколения к поколению.

Отдаленные предки человека обладали генетическими особенностями, делавшими их способными приобретать и передавать зародыши культуры. Это обеспечило им биологический успех. Наследственная основа, делавшая культуру возможной, была укреплена и усилена действием естественного отбора. Отбор непрерывно действовал в направлении совершенствования умственных способностей. Развитие мозга, разума было решающей силой эволюции человека (1955, р. 334). Рост способности мозга приобретать, накапливать и передавать опыт имел следствием передачу и накопление культуры, ее прогресс. Так биологическая эволюция создала тот генетический базис, который сделал возможной специфически новую, человеческую форму эволюционного процесса. Развитие культуры в свою очередь обратно воздействовало на ход биологической эволюции человека, причем все в большей и большей степени. Однако биологическая эволюция человека не прекратилась и в настоящее время и никогда не прекратится. Естественный отбор всегда действовал в человеческом обществе, действует и будет действовать, определяя направление биологической эволюции (Dobzansky and Allen, 1956). Идеалистический взгляд на отношение труда и мышления и обусловленное им непонимание качественного отличия человека от животного неизбежно привели Т. Добжанского к биологизации процесса человеческой эволюции, несмотря на все его попытки представить этот процесс, как отличный от процесса эволюции других видов.

Своеобразное место среди теорий антропогенеза, выдвинутых буржуазными учеными, занимает концепция английского антрополога А. Кизса (Keith, 1948). А. Кизс, как и Т. Добжанский, является сторонником мутационно-селекционной теории, но его взгляд на отбор отличается от взглядов последнего. На заре истории человечества, по мнению А. Кизса, существовало множе-

ство замкнутых, изолированных эндогамных групп, внутри каждой из которых имело место сотрудничество и кооперация. Между группами существовали враждебные отношения, шла борьба за существование, в ходе которой одни группы выживали, другие погибали. Важнейшим фактором человеческой эволюции был отбор, но не индивидов, а групп. Группа, а не индивид, была, по мнению А. Кизса, единицей отбора, подлинной эволюционирующей единицей (р. 37). В борьбе за существование выживали группы, в которых крепче были общественные связи. Групповой отбор не исключал существования отбора внутри группы, индивидуального отбора, но последний был всецело подчинен первому и определялся им. В процессе индивидуальной селекции отбирались наиболее общественные индивиды и погибали эгоистические. Групповой отбор поощрял рост у людей общественных качеств.

Заемствованное у Ч. Дарвина и несколько развитое А. Кизсом положение о групповом отборе, на наш взгляд, заслуживает внимания. Но взятая в целом «групповая теория человеческой эволюции» А. Кизса не выдерживает критики. А. Кизс не понял роли труда, производства в жизни людей. Поэтому, объявив основной единицей эволюции человечества не индивида, а группу, А. Кизс оказался не в состоянии ответить на вопрос, что лежит в основе существования человеческих коллективов. Объединения людей он пытается объяснить наличием «группового духа», «духа единства» и т. п. Теория А. Кизса проникнута эклектицизмом. Оказавшись не в состоянии выявить главное и основное в человеческой эволюции, он потонул в материале. В его работе процесс человеческой эволюции предстает как результат множества самостоятельных, друг с другом не связанных факторов. В качестве таких факторов им попеременно называются территориализм, патриотизм, групповой дух, плодовитость, выживаемость, отбор групповой и индивидуальный, сотрудничество, изоляция, инбридинг, месть, честолюбие, лояльность, мораль, гармония, фетализация и многое другое.

2. Проблема движущих сил и закономерностей антропогенеза в трудах советских ученых

Все без исключения советские антропологи являются сторонниками созданной К. Марксом и Ф. Энгельсом трудовой теории антропогенеза. Все они согласны с тем положением, что труд создал человека, что лишь в процессе трудовой деятельности жи-

вотное могло превратиться в человека. Все они считают труд важнейшим фактором антропогенеза. Трудовая теория антропогенеза получила в трудах советских ученых свое развитие и всестороннее обоснование. Но нельзя в то же время не отметить, что целый ряд теоретических вопросов антропогенеза не нашел своего сколько-нибудь полного раскрытия в нашей антропологической литературе. В частности, в советской науке очень мало разработанной является проблема движущих сил и закономерностей процесса становления человека.

В большинстве работ, затрагивающих теоретические вопросы антропогенеза, мы встречаем лишь самые общие положения по этому вопросу. В них обычно указывается, что главной движущей силой эволюции человека была трудовая деятельность, что в процессе становления человека действовали как социальные факторы и закономерности, роль которых все время возрастала, так и биологические, роль которых постепенно сходила на нет, и что окончательное вытеснение биологических факторов и закономерностей социальными произошло с возникновением неантропа (Бунак, Нестурх, Рогинский, 1941, стр. 118—120, 127—131; Рогинский и Левин, 1955, стр. 315—319). Как на один из биологических факторов, действовавших в процессе антропогенеза, указывается обычно на естественный отбор. С тем положением, что естественный отбор играл определенную и на ранних стадиях довольно значительную роль в становлении человека, согласно большинство советских антропологов (Бунак, Нестурх, Рогинский, 1941, стр. 118—120, 127—129; Нестурх, 1950, стр. 34—35; Левин, 1950, стр. 12; Якимов, 1950а, стр. 26—29; Рогинский и Левин, 1955, стр. 317 и др.). Все они согласны также с тем, что в ходе формирования человека роль естественного отбора постепенно уменьшалась и с возникновением неантропа сошла на нет. Однако у большинства из них мы не найдем сколько-нибудь развернутых высказываний по вопросу о том, как конкретно действовал отбор в процессе становления человека и какова конкретно была его роль в этом процессе. У М. Ф. Нестурха мы встречаем положение, что в результате естественного отбора строение человеческой кисти изменялось в направлении ее приспособления к труду (Бунак, Нестурх, Рогинский, 1941, стр. 129), у В. П. Якимова (1950б, стр. 74) — общее указание на то, что естественный отбор был значительным формирующим фактором на ранних стадиях антропогенеза.

Единственной в советской литературе работой, в которой сделана попытка детально рассмотреть вопрос о движущих силах

и закономерностях антропогенеза, является труд Г. А. Шмидта «Роль отбора в антропогенезе» (1948). Выдвинутая и обоснованная Г. А. Шмидтом своеобразная концепция движущих сил и закономерностей антропогенеза заслуживает того, чтобы на ней остановиться подробнее¹.

Видовая эволюция человека, указывает Г. А. Шмидт, есть процесс, качественно отличный от видовой эволюции животных и растений. Животные и растения полностью зависят от среды. Этот зависимый характер приспособления и лежит в основе естественного отбора (стр. 82). Что же касается людей, то уже у самых древних из них «вместо приспособления — „адаптации“ появляется преодоление неблагоприятных условий — „суперация“. Новый тип отношений к среде ставит на первое место общественно-производственный фактор, в зависимости от которого теперь находится и явление направленного выживания обладателей видовых биологических особенностей» (стр. 84). Поэтому «отныне уже нет речи, — пишет Г. А. Шмидт (стр. 85), — о естественном отборе, как о руководящем факторе видовой эволюции, но первостепенное значение имеет общественная жизнь и производственная деятельность человека, которая и определяет путь направленного выживания, „отбора“ обладателей известных биологических признаков, каковы, например, пропорции тела, строение руки и пр. На всем протяжении эволюции гоминид отбор имеет подчиненное значение; он остается необходимым, но недостаточным и, главное, не ведущим фактором видовой эволюции гоминид. Кроме того, ни на одной стадии этой эволюции не может быть речи о естественном отборе, который предполагает зависимый тип отношений к среде, приспособление. Если необходимо дать этой новой принципиально отличной форме отбора какое-либо название, то наиболее точным будет его назвать „общественно-трудовым“».

Не ограничиваясь общим определением общественно-трудового отбора, Г. А. Шмидт делает попытку конкретизировать это понятие. Основными факторами, определявшими направление отбора, утверждает он, были: 1) изготовление орудий, 2) использование орудий для добывания пищи, убивания животных и их свежевания, 3) коллективная защита от нападения хищников (стр. 88). Однако в дальнейшем изложении производство орудий оттесняется на второй план, и в качестве основного, главного

¹ Это тем более необходимо, что Г. А. Шмидт не одинок. Сходные взгляды еще до появления его работы были высказаны С. Н. Давиденковым (1947, стр. 111). В настоящее время аналогичные по существу взгляды развиваются В. М. Бахтой (1958, 1960).

фактора, определявшего направление отбора, Г. А. Шмидтом фактически выдвигается охота. Указывая, что изменение биологических особенностей человека направлялось общественно-трудовым отбором, Г. А. Шмидт подчеркивает, что главным образом менялись такие признаки, которые позволяли: 1) выслеживать добычу, 2) организовывать и осуществлять охоту за дичью, 3) защищать себя и коллектив от неблагоприятных факторов, таких, например, как хищники (стр. 89—90). Далее Г. А. Шмидт прямо указывает на охоту, как на главный фактор, определявший общественно-трудовой отбор, сводя последний тем самым по существу к «охотничьему отбору». «Опасные охоты, нередко на хищных зверей, неустанная борьба с крупными... хищниками, — пишет он, — были, по-видимому, характерны для всех стадий развития обезьянолюдей [так Г. А. Шмидт называет всех формирующихся людей. — Ю. С.] и вели к общественно-трудовому отбору людей, наилучше избегавших опасности и, вместе с тем, наилучше выполнявших свои общественные функции» (стр. 92). Из этого отрывка, как и из всей работы в целом, видно также, что общественно-трудовой отбор, как его понимает Г. А. Шмидт, является отбором индивидов, индивидуальным отбором.

Общественно-трудовой отбор, по мнению Г. А. Шмидта, действовал в течение всего периода антропогенеза. С возникновением неантропа он потерял свое значение как фактор видообразования, но полностью не исчез (стр. 118—126).

Работа Г. А. Шмидта была подвергнута резкой критике на совещании по проблеме происхождения *Homo sapiens*, состоявшемся в 1949 г. (Левин, 1950, стр. 11—12; Якимов, 1950б, стр. 73—74). Однако какие-либо конкретные положения о роли естественного отбора его взглядам противопоставлены не были.

Своеобразная позиция была занята на этом совещании П. И. Борисковским (1950а) и Г. В. Соболевой (1950). Первый в своем докладе резко противопоставил имеющемуся в работе Ф. Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» положение о передаче по наследству приобретенных в процессе труда усовершенствований в строении организма, разделяемому большинством антропологов, положению о значительной роли естественного отбора в формировании человека. Те антропологи, заявил он, которые признают, что «в процессе становления человека, в результате естественного отбора выживали особи с теми или иными особенностями строения, благоприятствующими труду» (стр. 16), заменяют энгельсовскую концепцию антропогенеза другой, принципиально от нее отличающейся. Однако эту точку зрения П. И. Борисковский до конца последова-

тельно не выдержал. «Что касается естественного отбора, выживания особей, лучше приспособленных к труду, — читаем мы дальше в тексте доклада (стр. 17), — то этот момент, несомненно, имел определенное значение в процессе антропогенеза, но значение, подчиненное основному процессу». Под последним его заявлением подписался бы любой из критикуемых им авторов, ибо никто из них никогда не утверждал, что отбор является главным фактором антропогенеза.

Если в концепцию Ф. Энгельса об изменении физического типа человека под влиянием трудовой деятельности путем наследственной передачи приобретенных признаков «включить теорию естественного отбора, действовавшего в направлении социального отбора, т. е. отбора особей, наиболее способных к трудовой деятельности и наиболее социальных по своей природе, — заявила в своем выступлении Г. В. Соболева (1950, стр. 35), — то это неизбежно ведет к биологизации первобытной культуры и первобытного общества». Заслуживает внимания ее аргументация этого положения. Искусственные орудия, подчеркнула она, всегда были не строго личным, а общественным достоянием. «Вследствие этого большое искусство или большая тонкость движений человеческой руки несли адаптивные преимущества как обладателю этих признаков, так и другим членам данной общественной группы, их не имеющим, но пользующимся орудием, сделанным другим лицом или группой лиц, либо непосредственно, либо путем подражания и обучения. Это обстоятельство исключало преимущественное выживание одних особей по сравнению с другими особями той же общественной группы и, таким образом, исключало естественный отбор, направленный на различия в способностях к трудовой деятельности» (стр. 36). Но если негативная часть выступления Г. В. Соболевой представляет интерес, то этого нельзя сказать о позитивной части. Здесь мы ничего не находим, кроме самых общих положений, причем в числе их мы встречаем положение о том, что в процессе антропогенеза какую-то роль играл и естественный отбор (стр. 36).

Взгляды, близкие к точке зрения П. И. Борисковского и Г. В. Соболевой, мы находим в статье В. А. Алексеева (1959).

Заключая по необходимости краткий обзор современного состояния проблемы движущих сил и закономерностей процесса становления человека, мы можем лишь повторить то, что было сказано в начале раздела: проблема эта остается почти совсем неразработанной. Причем нужно отметить, что такое положение имеет место в течение весьма длительного периода времени. Вот, например, что писал еще в 1934 г. антрополог М. А. Гремяцкий:

«Главнейшие усилия исследователей были направлены: а) к открытию и уяснению новых связей и признаков сходства между человеком и животным миром...; б) детальному сравнительному изучению приматов и уточнению систематического положения человека в отношении к ним; в) исследованию находок ископаемого человека и родства с ним ископаемых форм; г) установлению конкретной филогении человека. Во всех этих направлениях были достигнуты большие успехи, однако более общая и принципиальная проблема, которая смутно рисовалась перед Дарвином и была четко поставлена Энгельсом, указавшим и конкретный путь для ее разрешения,— проблема качественного своеобразия эволюции человека в связи с ведущей ролью труда в ней,— осталась вне сферы антропологической исследовательской работы» (стр. 41). Спустя 15 лет в докладе М. Г. Левина (1950), сделанном на совещании по проблеме происхождения *Homo sapiens*, было снова отмечено, что «одним из наиболее сложных и наименее разработанных в нашей литературе является вопрос о тех закономерностях, которые вели к изменению физического типа древних людей на протяжении сотен тысяч лет их развития в пределах первобытного стада» (стр. 11). Не изменилось положение в этом вопросе и к настоящему времени. «Проблема факторов антропогенеза, разрабатываемая некоторыми советскими антропологами, далеко не разрешена»,— читаем мы в статье М. Ф. Нестурха «Дарвин и современные проблемы антропогенеза» (1960б, стр. 16).

Основная причина застоя в решении столь важной проблемы заключается в неправильной ее постановке. Антропогенез есть, как указывалось, одна из сторон единого процесса становления человека и общества, другой стороной которого является социогенез. Антропологи же в большинстве своем рассматривали антропогенез в отрыве от социогенеза как самостоятельный процесс. Это не могло не привести к неудачам в попытке раскрыть движущие силы и закономерности антропогенеза, ибо нет таких факторов и закономерностей антропогенеза, которые бы не были одновременно факторами и закономерностями социогенеза.

Непонимание того, что антропогенез и социогенез являются двумя сторонами одного единого процесса становления человека и общества, обусловило и отрицание существования специфических закономерностей этого процесса, отличных как от чисто социальных, так и от чисто биологических (Рогинский и Левин, 1955, стр. 316). Господствовавшее в антропологии представление о том, что во время формирования человека не могло существовать закономерностей, отличных от тех, которые действу-

ют в обществе и природе, фактически ориентировало на отказ от поисков закономерностей, специфичных для этого периода.

Единственной работой, в которой признавалось существование закономерностей, специфичных для периода становления человека, и была сделана, правда не увенчавшаяся, по нашему мнению, успехом, попытка их раскрыть, является упомянутый выше труд Г. А. Шмидта. Основная причина неудачи попытки последнего — характерный и для его работы отрыв антропогенеза от социогенеза. Особенно наглядно неудовлетворительность выдвигаемых им основных положений по вопросу о закономерностях и движущих силах становления человека выявляется, когда он, исходя из них, делает попытку решить проблему происхождения человека современного физического типа.

3. Проблема происхождения Homo sapiens в трудах советских ученых

Главной причиной, определившей переход от неандертальца к человеку современного типа, явилось, по Г. А. Шмидту, «резкое изменение условий существования, которое, можно думать, сводилось в основных чертах к увеличению трудностей в охоте за крупной и нелегко добываемой дичью» (1948, стр. 124; см. также стр. 104—105). Это обстоятельство сделало необходимым изменение всех общественных отношений, потребовало применения метательного оружия, более совершенной организации как самой охоты, так и всей производственной жизни — и подготовки охоты, и реализации ее результатов, потребовало «нового типа поведения — организованного и взаимосогласованного, с включением новых моментов довольно отчетливого отвлеченного мышления» (стр. 105). Но новый тип поведения был невозможен без соответствующей перестройки физического строения человека, без совершенствования двигательного аппарата и развития и усложнения структуры мозга. Возникшее противоречие между морфофизиологическими особенностями организма людей неандертальского типа «и общественными отношениями, определенными тот или иной способ производства, понимаемая под этим приемы и способы добывания пасущих жизненных средств, прежде всего способы охоты, способы изготовления орудий труда и их применения» (стр. 109), было преодолено в процессе общественно-трудового отбора, трансформировавшего неандертальцев в людей современного физического типа.

Решение проблемы происхождения неантропа, предложенное Г. А. Шмидтом, на наш взгляд, нельзя признать удовлетворитель-

ным. Нельзя согласиться с гипотезой, в которой конечной причиной такого крупнейшего сдвига в истории человечества, каким явилось завершение процесса формирования человека и общества, объявляется увеличение трудностей охоты, вызванное уменьшением числа животных (стр. 104—108, 123—125). Ошибочно имеющееся в работе Г. А. Шмидта сведение общественных отношений к отношениям охотников в процессе подготовки и проведения охоты, т. е. к чисто техническим отношениям. Неверно неоднократно повторяемое им утверждение, что общественные отношения людей определяют способ производства (стр. 109, 111), и многое другое. Заслуживает, однако, внимания сделанный Г. А. Шмидтом на основе детального анализа различий между двигательным аппаратом неандертальцев и неантропов вывод о большом прогрессе в развитии и усложнении движений, происшедшем при переходе от первых ко вторым.

Решение проблемы происхождения неантропа, предложенное Г. А. Шмидтом, является не единственным в советской литературе. Сходные в целом ряде отношений взгляды мы находим в работах Г. А. Бопч-Осмоловского (1932, 1934, 1941, стр. 130 сл.). Сильное похолодание, имевшее место в эпоху, предшествовавшую появлению неантропа, сократило, по мнению Г. А. Бопч-Осмоловского, до минимума возможность собирательства и увеличило роль охоты. Это сделало необходимым появление нового охотничьего инвентаря. Возникли метательное оружие и новые более совершенные приемы обработки камня и других материалов. Следствием увеличения сложности трудовой деятельности явилось усовершенствование прямохождения и изменение строения тела. На смену неандертальцу пришел человек современного типа, который был способен к более тонким, точным и разнообразным движениям, чем его предок.

Иной характер носит концепция происхождения неантропа, выдвинутая П. П. Ефименко (1934а, 1938, 1953, стр. 414 и сл.) и поддержанная А. В. Арциховским (1947, 1955, стр. 36). «Можно думать, — писал первый, — что превращение неандертальца с его примитивным физическим строением в тип современного человека, — протекавшее, насколько мы знаем, в сравнительно не такой большой промежуток времени, поскольку оно, очевидно, было подготовлено предшествующим развитием палеолитического общества, — явилось, в основном, результатом перехода от эндогамии к экзогамии, от размножения „в себе“, в маленьких, замкнутых, кровнородственных ячейках, к широкому обновлению крови в экзогамных объединениях первобытных охотничьих общин» (1953, стр. 414).

Ценным в работах П. П. Ефименко является попытка связать проблему происхождения неантропа с проблемой возникновения экзогамии и рода. Однако, выдвинув положение о связи между появлением экзогамии и возникновением неантропа, П. П. Ефименко сколько-нибудь конкретно его не развил. Он вообще в своей работе не дал сколько-нибудь ясного ответа на вопрос, почему и как возникла экзогамия. Можно лишь догадаться, что, по мнению П. П. Ефименко, причиной возникновения экзогамии явилось стремление избежать вредных последствий кровосмешения. А. М. Золотарев (1936, 1939б, стр. 112), выступивший с поддержкой мысли П. П. Ефименко о связи происхождения неантропа и появления экзогамии, совершенно справедливо указал, что «автор обходит социальную сторону проблемы, совершенно не привлекая данных этнографии. В связи с какими материальными и экономическими сдвигами возникает экзогамный запрет? В какой форме он появляется и какой круг лиц охватывает? Распадается одна и та же орда на экзогамные половины или вновь установленный запрет охватывает целую орду, в силу чего каждая орда вступает в тесные брачные связи с соседней ордой и превращается в род? Все эти вопросы автор замалчивает, ограничиваясь утверждением, что введение экзогамии повлекло за собой прилив свежей крови и превращение неандертальца в биологически более совершенный тип, *Homo sapiens*». Не решив проблемы возникновения экзогамии и рода, П. П. Ефименко не решил и вопроса о происхождении неантропа. Как совершенно правильно отметил М. Г. Левин (1950, стр. 13—14), экзогамия сама по себе не может объяснить тех изменений физического типа человека, которые характеризуют переход от неандертальца к современному человеку.

Большинство советских антропологов является сторонниками теории происхождения неантропа, выдвинутой и обоснованной Я. Я. Рогинским (1936, 1938, 1947а, 1951). Глубокий анализ фактического материала привел Я. Я. Рогинского к выводу, что различие между неандертальцем и неантропом не может быть сведено к различию их морфологических типов. Сущность различия между ними состоит в том, что неантроп был существом полностью общественным, готовым человеком, в то время как неандерталец не был существом до конца общественным, был человеком формирующимся. «Только *Homo sapiens*, — писал Я. Я. Рогинский (1947а, стр. 13), — до конца разрешил задачу построения общества, чем и завершил тот „разрыв“ с животным миром, начало которого было сделано питекантропом».

Эти положения легли в основу созданной Я. Я. Рогинским теории двух скачков, которая в достаточной степени полно охаракте-

ризована в предшествующих главах. Исходя из этих же положений, Я. Я. Рогинский сделал попытку набросать свою концепцию происхождения неоантропа. «Дикий животный эгоизм,— писал он,— который в общем царит в обезьяньей стае, конечно оставался еще весьма силен и у первобытных людей. Развитие техники само по себе еще не охраняло орду от взрывов животной анархии, но, наоборот, делало эти взрывы неизмеримо опаснее. Оно расшатывало орду изнутри, так как последняя еще не умела достаточно хорошо предохранить себя от тех истребительных сил, которыми техника снабжала ее отдельных членов... Орудие в руках людей, привычных к убийству животных, не только усиливало смертоносность ударов, но и обостряло возможность конфликтов» (1938, стр. 129—130). В результате «развитие техники... в какой-то момент стало угрозой для целостности человеческих объединений» (стр. 129). Это произошло в мустьерскую эпоху. «Опасность самоистребления,— указывает Я. Я. Рогинский (1947а, стр. 20),— должна была принять острую форму с того периода, когда в результате совершенствования техники и более успешной охоты мустьерские орды стали делаться все более многочисленными и были, наконец, вынуждены вступить во взаимное соприкосновение».

На данном этапе развития возникла настоятельная необходимость преодоления сохранявшихся еще в первобытной орде животных отношений, формирования новой, более высокой формы социальных связей. Но возникновение подлинного общества было невозможно без появления человека, обладавшего свойствами, позволявшими ему построить такое общество. Таким человеком и явился неоантроп. В возникновении человека современного типа большую роль сыграл межгрупповой отбор, поощрявший выживание орд, в которых успешно преодолевались конфликты между членами и крепились социальные связи (1938, стр. 135; 1947а, стр. 20).

Если данную Я. Я. Рогинским характеристику сущности различия между неоантропом и предшествовавшими ему гоминидами нельзя не признать в основных чертах правильной, то с предложенной им гипотезой происхождения человека современного типа согласиться, на наш взгляд, невозможно. Нельзя, по нашему мнению, согласиться с лежащим в основе данной концепции положением, что на протяжении всего раннего палеолита развитие техники увеличивало опасность самоистребления формирующихся людей и расшатывало человеческие коллективы и что в конце этого периода оно стало прямой угрозой для целостности первобытных человеческих стад, для самого их существования.

Фактические данные, имеющиеся в распоряжении археологии и палеоантропологии, свидетельствуют о том, что на протяжении всего раннего палеолита в общем и целом шел процесс не расшатывания человеческих коллективов, а их сплочения и укрепления, процесс возрастания их единства, что опасность самоистребления формирующихся людей в течение всего этого периода в общем и целом не только не возрастала, а, наоборот, уменьшалась, что коллективы мустьерцев были не только не менее сплоченными, чем коллективы шельцев, а, наоборот, несравненно более крепкими и монолитными. И это закономерно. Возникновение производства сделало необходимым появление коллектива более сплоченного, чем стадо животных предшественников человека, дальнейшее развитие производства делало необходимым все более тесное сплочение коллектива и было невозможно без повышения степени сплоченности коллектива.

В первобытном человеческом коллективе несомненно имело место противоречие, которое имел в виду Я. Я. Рогинский, когда говорил о противоречии между ростом техники и отношениями людей, но результатом развертывания этого противоречия, которое точнее, на наш взгляд, можно было бы охарактеризовать как противоречие между развитием производственной деятельности и уровнем сплоченности первобытного стада, было не расшатывание коллектива и увеличение опасности самоистребления, а возрастание единства коллектива. Производственная деятельность, развиваясь, неизбежно должна была вступать и вступала в противоречие с существующим в стаде уровнем его сплоченности и требовала повышения этого уровня. Разрешение этого противоречия открывало возможность дальнейшего развития производственной деятельности и тем самым возможность возрождения этого противоречия на более высоком уровне. Весь период первобытного стада был эпохой постоянного возникновения и постоянного разрешения противоречия между развитием производственной деятельности и уровнем сплоченности человеческого коллектива и тем самым эпохой возрастания уровня сплоченности коллектива формирующихся людей. Без прогрессирующего возрастания единства первобытного стада было немыслимо развитие производства вообще, техники, в частности.

Наше несогласие с предложенной Я. Я. Рогинским гипотезой происхождения неантропа ни в коем случае не означает отрицания наличия в ней ценных моментов. Такие моменты в ней безусловно имеются. Помимо отмеченного выше положения о существовании в первобытном стаде противоречия между развитием техники и отношениями людей, заслуживает, на наш взгляд,

серьезного внимания предпринятая Я. Я. Рогинским попытка развить выдвинутую Ч. Дарвином мысль о междугрупповом отборе. Необходимо отметить, что дарвиновское положение о роли группового отбора в становлении человека не получило признания в советской литературе по антропогенезу. Кроме работ Я. Я. Рогинского, мы встречаем его лишь у С. Н. Давиденкова (1947, стр. 117—118) и В. П. Якимова (1950а, стр. 29).

Заключая обзор теорий возникновения неантропа, важно отметить, что если авторы теорий возникновения экзогамии и рода не связывали и не связывают эту проблему с проблемой происхождения человека современного типа, то у авторов ряда теорий происхождения *Homo sapiens* пробивается мысль о тесной связи этих проблем. Связывает проблему происхождения неантропа с проблемой происхождения рода не только П. П. Ефименко, но и Я. Я. Рогинский. Интересно также, что хотя последний совершенно не касается проблемы экзогамии, его концепция происхождения неантропа рядом моментов перекликается с теорией происхождения экзогамии, нашедшей развитие в трудах С. П. Толстова. Все это лишней раз свидетельствует о правильности взгляда на эти две проблемы как на две неразрывно связанные стороны одной единой проблемы — проблемы завершения процесса формирования человека и общества. Только такой взгляд может открыть дорогу для решения этих вопросов. П. П. Ефименко и Я. Я. Рогинский не смогли дать решения проблемы происхождения человека современного физического типа потому, что они не дали решения проблемы происхождения экзогамии и рода.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЗООЛОГИЧЕСКИЙ ИНДИВИДУАЛИЗМ И ЗООЛОГИЧЕСКИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ

1. Поведение высшего животного и факторы, его определяющие

Животное, чтобы жить, должно постоянно приспосабливаться к внешней среде, должно постоянно реагировать на внешние воздействия, причем так, чтобы результатом ответной деятельности было сохранение его существования. У высших животных реакции на внешние воздействия осуществляются через посредство нервной системы и носят название рефлексов. Каждый рефлекс есть осуществляемый при посредстве определенного отдела нервной системы ответ организма на воздействие среды, то есть связь организма и среды, есть акт приспособления к среде, акт поведения животного. Все без исключения акты поведения животного, все его связи со средой суть рефлексы. Все поведение животного является рефлекторной деятельностью, деятельностью нервной системы, нервной деятельностью.

Поведение не исчерпывает всей деятельности нервной системы, ибо последняя обеспечивает не только приспособление организма к внешней среде, но и объединение работы всех его частей. Деятельность нервной системы, направленную на внутренний мир организма, И. П. Павлов (1951, 1952а) называл низшей нервной деятельностью, а деятельность, обеспечивающую приспособление к внешней среде, — высшей нервной деятельностью. Поведение или высшая нервная деятельность млекопитающего является деятельностью высшего отдела центральной нервной системы — коры больших полушарий головного мозга. «Хотя в высшем животном, — писал И. П. Павлов (1951, стр. 302), — низшие отделы центральной нервной системы, рядом с их преимущественной задачей объединять деятельность отдельных частей организма, много делают и

для соотношения организма с окружающей средой, по тончайшее и точнейшее уравнивание организма с этой средой падает на долю больших полушарий... Ввиду этого является справедливым различить низшую нервную деятельность от высшей, относя последнюю к функции больших полушарий».

В отличие от нижележащих отделов центральной нервной системы, в которых происходит функционирование безусловных, постоянных, врожденных связей со средой, кора больших полушарий является органом временных связей со средой, органом условных рефлексов. Поведение животного, его высшая нервная деятельность по своему механизму представляет собой деятельность условнорефлекторную. Деятельность коры больших полушарий заключается в том, что она непрерывно разлагает сложность внешнего мира (и внутреннего мира организма) на отдельные моменты и элементы и непрерывно связывает анализированные моменты между собой и с определенными деятельностями организма, непрерывно образует и тормозит условные рефлексы.

Процесс анализа и синтеза внешней среды, осуществляемого корой полушарий, представляет собой не что иное, как процесс отражения внешнего мира в коре больших полушарий животного. Отражение внешнего мира в мозгу животного, так же как и его поведение, является деятельностью коры, высшей нервной деятельностью. Высшая нервная деятельность является, таким образом, единством поведения животного и отражения мира в его мозгу. Рефлекс есть единство акта поведения и акта отражения мира в мозгу животного. Он представляет собой ответ организма на воздействие среды и отражение объекта, воздействовавшего на организм. В коре мозга животного отражаются только такие явления, которые (или компоненты которых) вызывают рефлексы, и лишь тогда, когда они вызывают рефлексы. Все, что не может воздействовать на мозг животного и вызвать рефлекс, не может отразиться в его мозгу. Высшая нервная деятельность животного, представляя собой приспособление к внешней среде, реагирование на отдельное, на явления внешнего мира, выступающие в качестве раздражителей, является отражением отдельного, отражением мира явлений¹.

Кора больших полушарий, непрерывно анализируя и синтезируя, отражая внешние (и внутренние) явления, замыкая и размыкая условные рефлексы, определяет поведение животного. «...Бесконечная масса явлений природы постоянно обуславлива-

¹ Обоснование этих положений дано в нашей работе «Материнальное и идеальное в высшей нервной деятельности животных» (1958б).

ет,— писал И. П. Павлов (1952а, стр. 144),— посредством аппарата больших полушарий образование то положительных, то отрицательных условных рефлексов и тем подробно определяет всю деятельность животного, его ежедневное поведение».

Но изучение только явлений внешнего мира, отражаемых корой, не дает полного ответа на вопрос, что побуждает животное к деятельности. Ответить на этот вопрос нельзя, не обратившись к деятельности подкорки — органа безусловных, врожденных рефлексов. Именно сложнейшие безусловные рефлексy, или инстинкты, имеющие своим субстратом подкорковые узлы, и являются стимулами поведения животного, побуждают животное к деятельности. «Эти подкорковые узлы,— указывал И. П. Павлов (1952б, стр. 630),— являются центрами важнейших безусловных рефлексов, или инстинктов: пищевого, оборонительного, полового и т. д., представляя, таким образом, основные стремления, главнейшие тенденции животного организма. В подкорковых центрах заключен фонд основных жизнедеятельностей организма».

Между инстинктами существуют определенные различия. Одни из них, как, например, пищевой, представляют собой не что иное, как потребность организма в определенных условиях среды, именно таких, без которых вообще невозможно само его существование. Представляя собой испытываемую животным объективную пужду в определенном внешнем явлении, потребность необходимо предполагает и включает в себя стремление к этому явлению среды. Несколько иной характер имеет оборонительный сложный безусловный рефлекс, часто иначе называемый инстинктом самосохранения. Он представляет собой потребность не в овладении каким-либо объектом, а в избежании разрушающего влияния на организм опасных явлений среды. Потребность эта может выразиться как в стремлении отстраниться, уйти от вредного явления (пассивно-оборонительный рефлекс), так и в стремлении уничтожить опасный объект и тем предохранить себя от его разрушающего воздействия (активно-оборонительный или агрессивный рефлекс). Но независимо от этих различий все сложнейшие безусловные рефлексy (инстинкты) имеют между собой общее. Все они без исключения представляют собой требования организма к окружающей среде, основные потребности организма, основные его стремления. Все поведение животного направлено на удовлетворение его и только его инстинктов. Существовать для животного — значит удовлетворять инстинкты.

Инстинкты животного, его потребности, требования к среде не являются чем-то неизменным, от века заложенным в организме. Они сформировались в процессе приспособления к среде многих

предшествующих поколений данного вида животных. Подкорковые узлы как бы концентрируют в себе опыт приспособления к внешней среде данного вида, родовой опыт. Каждое животное появляется на свет, уже обладая сложнейшими безусловными рефлексам, переданным по наследству видовым опытом. Но врожденные рефлексы, врожденная деятельность, взятая сама по себе, не может обеспечить высшему млекопитающему приспособление к среде.

Собака с удаленной корой полушарий спустя несколько часов после кормления выходит из сонного состояния, в которое она обычно погружена, и начинает ходить, двигаться до тех пор, пока она не будет накормлена. Кроме того, у животного выделяется слюна. Движение животного и секреция являются проявлением пищевого инстинкта, являются деятельностью подкоркового пищевого центра (И. П. Павлов, 1951, стр. 94). Но животное, лишенное коры полушарий, несмотря на все свое стремление к пище, само не в состоянии найти ее, оно неспособно даже взять пищу, находящуюся перед ним: его нужно кормить. Нормальное животное, т. е. обладающее корой больших полушарий, легко находит пищу и удовлетворяет свою потребность. Это объясняется тем, что у него к внутренним раздражениям, заставляющим собаку без коры бродить в поисках пищи, добавляется множество условных раздражителей, сигнализирующих животному о наличии пищи, ведущих его к пище.

Только деятельность коры больших полушарий, высшая нервная деятельность может обеспечить удовлетворение пищевого и иных инстинктов высшего животного, обеспечить его существование в данной среде. «Этот прибор,— писал И. П. Павлов (1951, стр. 314) о коре больших полушарий,— глубоко и широко анализирует и синтезирует внешнюю среду, т. е. то выделяет, то сливает отдельные ее элементы, чтобы сделать эти элементы и комбинации из них бесчисленными сигналами основных необходимых условий внешней среды, на которые устремлена, установлена деятельность подкорковых узлов. Таким способом для этих узлов получается возможность тонко и точно приспособить их деятельность к внешним условиям, найти пищу, где она есть, верно избежать опасности и т. д.» У высших животных в отличие от низших безусловнорефлекторная деятельность является не самым поведением, а фундаментом поведения, представляющего собой деятельность коры, деятельность условнорефлекторную. У высших животных сложнейшие безусловные рефлексы, инстинкты, выступают не столько как акты поведения животного, сколько как требования организма к среде. Эти требования могут быть удовлетворены лишь в ходе поведенческих актов, являющихся по своему механиз-

му условными рефлексам. У высшего животного сложнее безусловные рефлексы, инстинкты², выступают как стимулы, как «цели» условнорефлекторного по своему механизму поведения животного.

Кора больших полушарий есть орган высшей нервной деятельности, орган поведения животного. Но в каждый данный момент она работает лишь незначительной своей частью — «активным полем» (Красногорский, 1939, стр. 133; 1954, стр. 316—317). «Активное рабочее поле» коры, являясь очагом оптимальной возбудимости, корковой (кортикальной) доминантой, индуцирует в остальных частях коры торможение, понижает их возбудимость и тем препятствует образованию в них условных рефлексов (И. Павлов, 1951, стр. 167). Анализ и синтез успешно осуществляются лишь клетками, входящими в «активное поле» коры; лишь в корковой доминанте легко и быстро образуются условные рефлексы. Доминантный процесс в коре является той подпочвой, которая лежит в основе образования рефлексов (Ухтомский, 1950, стр. 193, 301—303). Деятельность коры в каждый данный момент представляет собой деятельность «активного поля». Корковая доминанта в каждый момент является органом текущей высшей нервной деятельности, органом текущего поведения.

В возникновении и поддержании корковой доминанты большая роль принадлежит раздражениям, идущим из подкорковых центров (И. Павлов, 1951, стр. 321, 354). В каждый данный момент основная роль в поддержании корковой доминанты принадлежит доминирующему, господствующему в подкорке безусловнорефлекторному центру. Этот центр, тормозя, подавляя деятельность остальных центров, определяет деятельность коры, высшую нервную деятельность. Условные рефлексы, возникающие в «активном поле», образуются на основе господствующего сложного рефлекса и обслуживают его. Поведение животного направлено на удовлетворение господствующего в данный момент инстинкта.

Со сменой одной подкорковой доминанты другой, с переходом господствующей роли от одного безусловного центра к другому претерпевает изменения и корковая доминанта. В «активном поле» коры начинают образовываться условные рефлексы, являющиеся

² Нетрудно заметить, что термин «инстинкт» в применении к высшим животным означает не то же самое, что в применении к низшим, что он имеет два разных значения. Первое значение — сложная цепь безусловно-рефлекторных поведенческих актов, второе — сложный безусловный рефлекс, выступающий как стимул условнорефлекторного поведения животного. Инстинкты в первом смысле этого слова в поведении высших млекопитающих отсутствуют.

надстройкой над новым доминирующим центром. Поведение животного изменяется. Оно направляется теперь на удовлетворение инстинкта, ставшего сейчас доминирующим.

Подводя итоги изложенному выше, можно сказать, что деятельность подкорки определяет «цели» поведения животного, содержание его поведения. Что же касается коры больших полушарий, то она, анализируя и синтезируя, отражая внешнюю среду, замыкая и размыкая условные рефлексы, обеспечивает достижение тех «целей», которые ставит деятельность подкорки, обеспечивает удовлетворение инстинктов и тем самым существование организма.

Однако было бы грубой ошибкой рассматривать кору больших полушарий только как исполнителя «заказов» подкорки. Если бы роль коры сводилась лишь к пассивному обслуживанию совершенно независимо от нее сменяющих друг друга подкорковых доминант, то деятельность ее не смогла бы обеспечить приспособление организма к среде. Изменения во внешней среде, ее колебания могут привести и приводят к возникновению такой обстановки, в которой удовлетворение «заказа» подкорки является невозможным, в которой стремление во что бы то ни стало удовлетворить тот или иной инстинкт может привести организм к гибели. В таких условиях кора больших полушарий сможет обеспечить существование организма лишь в том случае, если она будет обратно воздействовать на деятельность подкорки, преобразуя и изменяя последнюю в направлении приспособления к создавшимся условиям. Совершенное приспособление к среде предполагает существование у коры больших полушарий способности контролировать и регулировать деятельность подкорковых центров, способности подавлять временно те или иные инстинкты. И такой способностью кора обладает. Кора больших полушарий, анализируя и синтезируя для подкорки внешнюю среду, регулирует и контролирует деятельность последней, «освобождая избирательно только то из ее работы, что требуется условиями места и времени» (И. Павлов, 1954, стр. 375).

Положение о регулирующей функции коры по отношению к подкорке нужно понять правильно. Способность коры больших полушарий регулировать и контролировать деятельность безусловно-рефлекторных центров, подавлять на время те или иные инстинкты ни в коем случае не есть способность животного обуздывать и подавлять свои инстинкты, свои основные тенденции и стремления. Животное не может регулировать свою жизнедеятельность, ибо оно совпадает с ней. «Животное,— писал К. Маркс (1956, стр. 565),— непосредственно тождественно со своей жизнедеятель-

ностью. Оно не отличает себя от своей жизнедеятельности. Оно есть *эта жизнедеятельность*.

Деятельность коры, высшая нервная деятельность, поведение животного определяется, с одной стороны, деятельностью подкорки, с другой — внешней средой, анализируемой и синтезируемой корой. Поведение животного есть результат взаимодействия влияния подкорковых центров и влияния внешних раздражителей, падающих на кору. Способность коры регулировать и контролировать деятельность подкорки есть не что иное, как способность внешних раздражителей, анализируемых и синтезируемых корой, подавлять влияние подкорки. Коровая доминанта обладает известной самостоятельностью по отношению к подкорковым центрам, обладает способностью регулировать их деятельность потому, что она имеет своим источником не только раздражения, идущие из этих центров, но и раздражения, поступающие в кору из внешних рецепторов. Чем больше энергии получает корковая доминанта из внешних рецепторов, тем больше ее самостоятельность по отношению к подкорке, чем более тонко кора анализирует и синтезирует мир, чем шире внешний мир отражается в пей, тем больше ее регулирующая роль. Возрастание регулирующей функции коры есть возрастание роли внешней среды в определении деятельности коры, определении высшей нервной деятельности, поведения животного. Чем больше регулирующая роль коры, чем больше поведение животного определяется внешней средой, тем совершеннее кора обеспечивает существование организма, тем совершеннее приспособление организма к внешней среде.

Поступательное развитие высшей нервной деятельности шло по линии возрастания роли внешней среды в определении деятельности коры, определении поведения животного, по линии возрастания регулирующей функции коры по отношению к подкорке, по линии возрастания регулирующей роли коры во всей жизнедеятельности организма. В этом поступательном развитии высшей нервной деятельности можно выделить три основных этапа, для каждого из которых характерным является существование особой формы условных корковых рефлексов³.

На первых порах развития высшей нервной деятельности кора больших полушарий управляла деятельностью организма через

³ Вопрос об основных этапах эволюции высшей нервной деятельности, так же как вопрос о взаимоотношении коры и подкорки, подробно рассмотрен в нашей работе «Объективная логика развития высшей нервной деятельности животных» (1958а). Здесь мы ограничиваемся лишь изложением основных выводов, к которым мы пришли в упомянутой работе, не обосновывая их сколько-нибудь подробно

посредство подкорки, пуская в ход или тормозя подкорковый аппарат. На этой ступени развития образовывались лишь самые низшие из условных корковых рефлексов, названные нами полукорковыми (1958а, стр. 12—14, 40). Переход к следующему этапу связан с развитием высших дистантных анализаторов и вызванным им возникновением пирамидной системы (Ухтомский, 1954, стр. 83—84). С появлением последней кора получила возможность управлять двигательной деятельностью организма в обход подкорковых центров. Возникла новая, более высокая форма условных рефлексов. В отличие от полукорковых эти рефлексy, названные нами цельнокорковыми (1958а, стр. 12—15, 41), связаны с безусловными рефлексами не прямо, а опосредствованно.

С возникновением пирамидных путей кора не только получила возможность управлять организмом, минуя подкорку, но у нее появился новый источник энергии — кинестезические раздражения. Увеличение потока энергии из внешних рецепторов и двигательного аппарата постепенно достигло такого уровня, что ее стало достаточно для поддержания очага оптимальной возбудимости в коре даже при отсутствии подкорковой доминанты. С этого момента кора стала подлинным регулятором всей деятельности организма. Корковая доминанта, в поддержании которой преобладающее значение принадлежит энергии внешних и кинестезических раздражений и которая поэтому обладает наивысшей возможной в животном мире степенью относительной самостоятельности по отношению к деятельности подкорки, была названа нами чистокорковой доминантой (1958а, стр. 41). С момента возникновения чистокорковой доминанты появилась возможность образования таких цельнокорковых рефлексов, которые не связаны ни с одним безусловным рефлексом, не связаны вообще непосредственно с деятельностью подкорки, которые представляют собой «чистую» деятельность коры. Эти условные рефлексy были названы нами чистокорковыми (1958а, стр. 41—42).

С появлением чистокорковой доминанты животное, таким образом, стало способно к действиям, не направленным непосредственно на удовлетворение сложнейших безусловных рефлексов, инстинктов, к многообразным действиям с предметами внешнего мира, не имеющими для животного непосредственного биологического значения. На этом уровне развития обособилась от пищевой, половой и других тенденций организма и окончательно оформилась новая тенденция — исследовательская, — потребность и стремление оперировать предметами внешнего мира независимо от того, имеют или не имеют эти предметы биологическое значение для организма. Эта тенденция организма в отличие от всех остальных

имеет своей основой не подкорковый центр, а чистокорковую доминанту, является тенденцией не подкорковой, а корковой.

Из всех животных только у обезьян высшая нервная деятельность достигла третьей ступени развития, только у них отмечено существование развитой исследовательской тенденции и исследовательской (чистокорковой) деятельности. Высшая нервная деятельность обезьян — последний и высший этап в развитии высшей нервной деятельности животных (Ю. Семенов, 1958а, стр. 45—46).

Результатом возрастания регулирующей роли коры явилось не только возникновение тенденции организма, не являющейся подкорковой, но и изменение самой деятельности подкорки. Редким явлением стало полное доминирование того или иного подкоркового центра. Во многом корковый характер приобрела такая важная тенденция организма как оборонительная. Если на ранних этапах развития подавление оборонительной тенденцией организма всех остальных осуществлялось почти исключительно лишь путем возникновения подкорковой оборонительной доминанты, тормозившей деятельность всех остальных подкорковых центров, то по мере возрастания регулирующей роли коры последняя начала во все большем числе случаев подавлять инстинкты сама и без возникновения подкорковой оборонительной доминанты.

Однако никакое возрастание регулирующей функции коры, возрастание роли среды в определении высшей нервной деятельности животного не могло изменить сущности его поведения, заключающейся в том, что оно должно путем удовлетворения инстинктов организма обеспечить его существование в той или иной среде. Возрастание регулирующей роли коры по отношению к подкорке, возрастание роли среды в определении поведения животного не могло изменить сущности поведения животного потому, что оно само было обусловлено потребностью обеспечения существования животного в данной среде, иначе говоря, потребностью более совершенного удовлетворения его инстинктов. Все поведение животного, не исключая и его исследовательской деятельности, всегда в конечном счете направлено к удовлетворению его и только его инстинктов.

У животных, принадлежащих к одному виду, одни требования к внешней среде, одни инстинкты. Поэтому их стремления к удовлетворению потребностей могут совпадать, могут и сталкиваться. У одиночных животных при столкновении стремлений двух особей к удовлетворению одних и тех же инстинктов вопрос о том, чьи стремления будут удовлетворены, решается путем борьбы. Победитель удовлетворяет свою потребность, потребность побежденного

остается неудовлетворенной. При явном превосходстве сил на стороне одного из животных, стремления которых столкнулись, зачастую один вид более сильного индивида подавляет инстинкт более слабого, и последний уступает без боя.

Подавление более сильным животным стремления к удовлетворению инстинктов более слабого — единственный способ согласования сталкивающихся инстинктивных стремлений, известный в животном мире. Животное удовлетворяет свои инстинкты, не только не считаясь со стремлениями других животных того же вида, но и нередко лишая последних возможности удовлетворить свои потребности. Всякое животное стремится удовлетворить свои и только свои инстинкты. Никаких других потребностей, кроме своих собственных, для животного не существует. По самой своей природе, по самой своей сущности животное является «индивидуалистом». В отношениях между животными безраздельно царит «зоологический индивидуализм».

2. Взаимоотношения особей в зоологических объединениях. Система доминирования

Хорошо известно, что далеко не все животные ведут одиночный образ жизни. У многих видов животных существуют разнообразные формы объединений. Можно отметить немалое число видов, особи, принадлежащие к которым, вообще не живут вне объединений. К числу их можно отнести почти всех обезьян, которые по праву считаются самыми «общественными» из всех высших животных.

Взаимосогласованность, взаимообусловленность и взаимозависимость поведения всех особей, образующих объединение, являются характерным признаком этой формы группировок животных, отличающим ее от таких, как, например, подвид, географическая и экологическая популяция, биологическая раса и т. д. Взаимосогласованность поведения животных, входящих в состав объединения, не может не означать взаимосогласованности их стремлений к удовлетворению инстинктов. Не останавливаясь пока на вопросе о факторах, лежащих в основе существования зоологических объединений, отметим лишь, что ни одно объединение не может существовать без известного совпадения стремлений к удовлетворению инстинктов всех составляющих его особей. Однако никогда ни в одном объединении это совпадение не может быть абсолютным. Наряду с совпадением стремлений обязательно должно иметь место

и их столкновение. Причем, если у видов животных, ведущих одиночный образ жизни, столкновение стремлений отдельных особей удовлетворить свои инстинкты происходит от случая к случаю, то у животных, входящих в объединение, т. е. живущих вместе, такого рода столкновения не могут не носить постоянного характера. Поэтому необходимым условием существования всякого скольконибудь прочного зоологического объединения является систематическое согласовывание сталкивающихся стремлений всех животных, входящих в состав объединения.

Наука в настоящее время располагает большим фактическим материалом, позволяющим составить ясное представление о том, как происходит это систематическое согласовывание. Особенно детально освещен в литературе, в частности в трудах Р. и А. Йерксов (R. Yerkes and A. Yerkes, 1929; Yerkes, 1943), С. Цукермана (Zuckerman, 1932), Н. Ю. Войтониса (1937, 1949), Ц. Карпентера (Carpenter, 1942), Н. А. Тих (1947, т. I—III), В. Келера (Kohler, 1948), вопрос о взаимоотношениях внутри объединений обезьян, что особенно для нас важно, ибо лишь на основе имеющихся о них материалов можно составить представление об объединениях животных предков человека.

Все основные особенности, характеризующие взаимоотношения внутри объединения обезьян, ярко проявляются даже в самом простейшем, состоящем всего лишь из двух животных (Yerkes, 1943, p. 47—48; Тих, 1947, I, стр. 41 сл.). Когда две обезьяны шимпанзе, примерно равные по силам, оказываются вместе, то между ними сразу же начинается борьба. Вначале они угрожают друг другу. Если это не приводит к цели, то в ход пускаются зубы, руки, ноги, которыми животные стараются нанести друг другу любые повреждения, какие только в силах причинить (Yerkes, 1943, p. 47—49). От исхода завязавшейся борьбы зависит характер последующих отношений между членами этого элементарного объединения. Победившее животное с этих пор может удовлетворять все свои потребности, совершенно не считаясь с другим членом объединения. Победенное животное удовлетворяет свои потребности лишь постольку, поскольку против этого ничего не имеет победитель. Малейшее проявление неудовольствия со стороны последнего обычно сразу подавляет стремление побежденного удовлетворить свои потребности. Между двумя членами объединения установились отношения, которые в литературе получили название отношений доминирования или соподчинения. Элементарные отношения доминирования есть отношения между двумя животными, из которых одно занимает положение (статус) доминирующего, а другое положение (статус) доминируемого.

Таким образом, у «общественных» животных, как и у одиночных, согласование сталкивающихся стремлений двух особей осуществляется путем подавления более сильным животным слабого. Но нельзя не видеть и различия. У одиночных животных от исхода борьбы зависит лишь, кому из них достанется данный конкретный объект потребности, кто из них в данный момент удовлетворит свою потребность и кто не сможет ее удовлетворить. У обезьян и других «общественных» животных исход борьбы определяет статус, положение, которое займет каждый из борющихся, и тем самым все их последующие отношения, определяет, кто из них в последующем сможет беспрепятственно удовлетворять инстинкты, не считаясь с другим, и кто вынужден будет частично или полностью, в зависимости от действий доминирующего животного, воздерживаться от их удовлетворения. Борьба между обезьянами есть не просто борьба из-за того, кому из них можно будет в данном конкретном случае удовлетворить свою потребность, она является борьбой за положение в системе доминирования, борьбой за статус.

Если животные в объединении примерно равны по своим возможностям, то доминируемое животное в дальнейшем может снова возобновить борьбу за статус. Если оно побеждает, то становится доминирующим, а ранее господствовавшее — доминируемым.

Драка является не единственным средством определения статуса. Очень часто отношения доминирования устанавливаются без физического столкновения (Уегкес, 1943, р. 47; Войтонис, 1949, стр. 200; Тих, 1947, I, стр. 41; Дембовский, 1963, стр. 248, 254). Иногда достаточно угрозы со стороны одного животного, чтобы превратить другое в доминируемое. В других случаях и угроз не требуется. Это обычно имеет место, когда животные резко отличаются друг от друга по своей силе. Нужно, однако, отметить, что доминирующим не обязательно становится более сильное животное. Им часто становится более решительное, агрессивное, более уверенно действующее (Войтонис, 1937, стр. 64; 1949, стр. 200, 206; Тих, 1947, I, стр. 114).

В объединении, состоящем не из двух, а из большего числа животных, отношения доминирования устанавливаются между всеми животными, исключая детенышей, на которых отношения доминирования не распространяются и которые пользуются защитой всех (Зускегман, 1932, р. 257—259; Тих, 1947, I, стр. 115 сл.). Любые два вышедших из детского возраста животных, входящих в состав объединения, находятся между собой в отношении доминирующего и доминируемого (Зускегман, 1932, р. 234—235; Войтонис, 1949, стр. 206—207). Все элементарные отношения

доминирования, существующие между каждым двумя членами объединения, вместе взятые, образуют сложную систему, в которой каждое животное занимает определенное место. Каждая особь занимает особое положение, имеет определенный статус в объединении. Одно из животных в объединении обычно является доминирующим по отношению ко всем остальным. Большинство членов объединения являются доминирующими по отношению к одним и доминируемыми по отношению к другим. Отдельные животные находятся в положении только доминируемых. Когда в объединение входит новое животное, то прежде всего в результате контактов (мирных и немирных) с другими членами объединения устанавливаются его отношения с ними, определяется его место в существующей в объединении системе доминирования, его статус.

Система доминирования определяет всю структуру любого объединения обезьян. Поведение любого животного, входящего в состав объединения, зависит от его места в системе отношений доминирования, от его статуса (Zuckerman, 1932, p. 232—239, 313; Carpenter, 1955, p. 96—97; Войтонис, 1949, стр. 206—207, 224; Тих, 1947, I, стр. 40 сл.).

Система доминирования, существующая в объединении, устанавливается обычно в результате целого ряда стычек, драк, столкновений, но, возникнув, она делает эти стычки, драки менее частыми, умеряет конфликты внутри объединения (Войтонис, 1949, стр. 205—206; Chance, 1961, p. 20; Hallowell, 1961, p. 240). Животное, которое после первого столкновения стало доминирующим, теперь подавляет доминируемое без столкновения. Доминируемое животное, как правило, уступает доминирующему без попыток реализовать свое стремление к удовлетворению инстинкта. Обычно одно присутствие доминирующего животного заставляет доминируемое частично или полностью отказаться от удовлетворения потребности.

Но из этого правила всегда имеются исключения. В объединениях обезьян то и дело вспыхивают схватки вокруг тех или иных объектов (Тих, 1947, I, стр. 115). Результатом их нередко бывает изменение взаимного отношения столкнувшихся особей. В объединении, таким образом, может происходить и постоянно происходит изменение статуса отдельных его членов. Раз установившаяся в объединении система доминирования не остается неизменной, она все время перестраивается (Zuckerman, 1932, p. 237—238; Тих, 1947, I, стр. 113). Но, перестраиваясь, она всегда в нем существует.

Без системы доминирования, представляющей собой систему согласования сталкивающихся стремлений к удовлетворению по-

требностей животных, входящих в объединение, сообщество таких животных, как, например, обезьяны, не могло бы существовать.

Представляя собой систему постоянного подавления стремлений слабых животных к удовлетворению инстинктов более сильными, доминирование является необычайно ярким проявлением зоологического индивидуализма. Зоологический индивидуализм проявляется в любом объединении обезьян, независимо от его количественного состава. Он проявляется при удовлетворении любых инстинктов, кроме оборонительного. Описания, которые мы находим в работах упомянутых выше авторов, не оставляют никаких сомнений на этот счет.

Если в клетку с несколькими животными, — пишет С. Цукерман (1932, р. 234—235), — подается пища, то доминирующее животное забирает все. Слабые, как правило, даже не пытаются приблизиться к пище. Всякая попытка слабого взять пищу пресекается сильным. Последнее отбирает пищу у слабого, пзвлекая ее даже из защечных карманов. Если в объединении несколько ярко доминирующих животных, то слабые буквально голодают. Они получают возможность нормально кормиться, лишь когда пищи более чем достаточно.

С наблюдениями С. Цукермана полностью согласуются данные, приводимые в работе Н. А. Тих (1947, I, стр. 113 сл.). При кормлении группы обезьян, указывает она, ни одно животное не рискует прикоснуться к пище, пока доминирующее животное не насытится и не поощрит его к этому своим поведением. Вслед за вожакom (или вместе с ним, если последний разрешает) едят самые сильные после него животные. Самые слабые получают доступ к пище, когда основная часть группы покидает место кормления. В самом худшем положении находятся подростки и старые животные. Большое число аналогичных фактов приводится и в работе Н. Ю. Войтониса (1949).

Не умножая числа примеров, можно в заключение отметить, что доминируемое животное, превращаясь в доминирующее, подавляет стремления других животных с меньшей силой, чем когда-то подавлялись его собственные. В этом отношении очень характерен пример с самкой — гамадрилом Верой, приведенный Н. А. Тих (1947, I, стр. 114). Вера занимала в объединении самое угнетенное положение. Она была совершенно лишена возможности нормально питаться, ибо получала доступ к пище, когда все остальные животные покидали место кормления. Только изредка она могла надеяться, но с огромными предосторожностями. Заняв доминирующее положение в другом объединении, она гнала от пищи всех остальных его членов и оставляла им лишь жалкие объедки.

Система доминирования наблюдается не только в объединениях обезьян. В той или иной степени она имеет место и в объединениях других животных (Zuckerman, 1932, p. 234; Allee, 1938, p. 175—195; 1942, p. 140—162; Dice, 1952, p. 277—283; Tinbergen, 1953, p. 71—72; Sahllins, 1959, p. 62). У обезьян она лишь достигает вершины своего развития, проявляется в своей классической форме.

Последнее обстоятельство объясняется прежде всего большей возможностью столкновений в обезьяньем объединении и вытекающей отсюда большей необходимостью согласования стремлений входящих в состав объединения животных. «Надо иметь в виду, — писал Н. Ю. Войтонис (1949, стр. 205), — что эта форма взаимоотношений [доминирование. — Ю. С.] отмечена не только у обезьян, но и у некоторых других высших позвоночных животных. Мы сказали бы, что она неминуемо должна проявляться у всех тех стадных животных, где в стаде может возникнуть столкновение двух или нескольких особей при устремлении к одному и тому же объекту, в первую очередь, конечно, к пище. Поэтому мы можем ожидать, что этот принцип будет слабее выражен в стадах травоядных животных, где пища обычно в избытке под ногами. У обезьян этих столкновений должно было бы быть еще больше, так как объектов устремления у них очень много. Любой предмет в окружении может быть желанным объектом манипулирования... Если бы всякая встреча при устремлении к общему объекту приводила конкурентов к столкновению, жизнь стада проходила бы в непрерывных боях».

Наряду с большей необходимостью согласования устремлений к объекту потребности у обезьян существует и большая возможность согласования этих устремлений. Высшая нервная деятельность обезьян достигла наивысшего совершенства, возможного в животном мире. У них больше, чем у каких-либо других животных, развита способность коры регулировать деятельность подкорки. Поэтому воздействия внешней среды, падающие на кору больших полушарий, с большей легкостью, чем у других животных, могут подавлять инстинкты. У обезьян один только вид доминирующего животного, малейшее выражение недовольства со стороны последнего сразу подавляет стремление доминируемого удовлетворить свою потребность.

Важно подчеркнуть, что систему доминирования ни в коем случае нельзя рассматривать как систему самоограничения животных, входящих в состав объединения. Нельзя согласиться с утверждением Н. А. Тих (1947, I, стр. 420), что система доминирования развивает у животных способность к саморегулированию поведения,

способность к самоограничению. Не доминируемое животное само подавляет, обуздывает свои инстинкты. Их подавляет внешняя среда, в данном случае такой ее компонент, как доминирующее животное.

Следствием существования системы доминирования является большее или меньшее ограничение возможности удовлетворения потребностей подавляющего большинства животных, образующих объединение. Возникает вопрос, чем же в таком случае объяснить сам факт существования биологических объединений, что же заставляет животных, все поведение которых направлено на удовлетворение инстинктов, образовывать объединения, в которых стремление к удовлетворению потребностей большинства из них ограничено более сильными индивидами.

3. Основа зоологических объединений и их типы

Одно из распространенных объяснений причин существования зоологических объединений состоит в утверждении, что у «общественных» животных существует врожденное стремление к объединению, существует особый инстинкт, побуждающий их образовывать объединения, — социальный, или стадный, или инстинкт взаимопомощи. Свое наиболее крайнее выражение эта точка зрения нашла в трудах К. Каутского (1907а, 1907б, 1922, 1923б), в которых утверждается, что прочность связей и единство в объединениях животных обеспечиваются целым рядом общественных, социальных инстинктов, к числу которых он относит: самоотверженность, преданность общему делу, храбрость при защите общих интересов, верность общине, подчинение воле общины — дисциплину, правдивость по отношению к общине, честолюбие (1922, стр. 58). Совокупность этих инстинктов образует один общий социальный инстинкт — нравственный закон. «Нравственный закон, — писал К. Каутский (1922, стр. 59), — такой же животный инстинкт, как инстинкт самосохранения и размножения». Идя дальше, К. Каутский обнаруживает у животного и долг, и совесть и т. п. (стр. 60).

В трудах большинства ученых теория социального инстинкта нашла гораздо более умеренное выражение (Сутерланд, 1900; Васманн, 1906; Кропоткин, 1922; Уегкес, 1943, р. 41—42; Грей, 1961 и др.). Среди советских ученых наиболее последовательным сторонником этой точки зрения является Н. А. Тих (1947, I; 1956, 1957), в трудах которой мы находим категорическое утверждение, что стадный инстинкт у обезьян является не менее силь-

ным, чем пищевой, половой и другие сложнейшие безусловные рефлексы (1947, I, стр. 429).

Данная точка зрения в том варианте, в котором она представлена в трудах К. Каутского, не выдерживает самой легкой критики. Ничего подобного тому, что он рисует, не отмечено даже в объединениях самых «социальных» животных — обезьян. Но и в более умеренных вариантах она вызывает серьезные сомнения.

Прежде всего следует подчеркнуть, что допущение существования социального инстинкта ни в малейшей степени ни может помочь ответить на вопрос, что является причиной возникновения и существования зоологических объединений. Предположив, что причиной возникновения зоологических объединений является социальный инстинкт, мы должны допустить, что этот инстинкт неизвестно каким образом появился у одиночных животных и, возникнув, превратил их в «общественных». Такую постановку вопроса, вполне понятно, нельзя признать серьезной. Остается, таким образом, одно допущение, а именно: что социальный инстинкт возник у животных, начавших еще до его появления образовывать объединения, начавших еще до его появления вести «общественный» образ жизни. Но, допустив появление зоологических объединений до возникновения социального инстинкта, мы должны допустить и существование каких-то иных, отличных от социального инстинкта факторов, обусловивших появление этих объединений. А это делает совершенно излишним предположение о существовании социального инстинкта. Если зоологические объединения возникли без социального инстинкта, тем более они могли существовать в дальнейшем без него.

Все без исключения явления, имеющие место в зоологических объединениях и истолковываемые обычно как проявления социального инстинкта, вполне объясняются и без допущения существования последнего.

В качестве доказательства правильности теории социального инстинкта нередко ссылаются на сотрудничество и взаимопомощь внутри объединений животных. Анализ фактического материала показывает, однако, во-первых, что даже у обезьян взаимопомощь, сотрудничество и кооперирование действий если и имеют место, то в самом зачаточном виде, во-вторых, что наблюдаемые в зоологических объединениях случаи сотрудничества и взаимопомощи можно объяснить, не прибегая к допущению существования социального инстинкта.

Единственным совершенно точно установленным фактом сотрудничества и кооперирования действий у обезьян является совместная защита от нападения извне. Все без исключения иссле-

дователи (Zuckerman, 1932; Yerkes, 1943; Kohler, 1948; Тих, 1947, I; Дембовский, 1963) единодушно утверждают, что при нападении на любого члена объединения извне все объединение в целом выступает на его защиту, независимо от того, какое положение в системе доминирования занимает атакованный индивид. «Эгоизм и жестокость, порожденные системой доминирования, стоят в бьющем контрасте с поддержкой, оказываемой один другому приматам, когда они атакованы», — пишет С. Цукерман (р. 296). Но указанная выше ситуация — единственная, в которой все без исключения члены объединения действуют совместно. Ни в каких других обстоятельствах объединение обезьян как единое целое не выступает.

Для объяснения этого факта нет необходимости обращаться к помощи стадного или социального инстинкта. Он вполне объясним как проявление оборонительного инстинкта. Опасность для одного — опасность для всех. Члены объединения действуют совместно, ибо их стремления к удовлетворению инстинкта совпадают.

Кроме совместных оборонительных действий, других сколько-нибудь развитых форм сотрудничества у обезьян исследователями не отмечено. Р. Йеркс (Yerkes, 1943, р. 41) прямо утверждает, что у шимпанзе, которые считаются самыми «общественными» из всех обезьян, не существует сотрудничества ни в сборе пищи, ни в сооружении гнезд и т. п. и что поэтому ошибочно было бы рассматривать их как естественно-кооперативных животных. Сходные утверждения мы находим и у других зарубежных ученых (Crawford, 1937; Warden and Galt, 1943, р. 216—218, 231; Sahlin, 1959, р. 64).

«Скажем сразу, — пишет Н. Ю. Войтонис (1949, стр. 215), касаясь вопроса о взаимопомощи у обезьян, — что в сколько-нибудь развитой форме этих явлений мы у обезьян не наблюдаем. Однако некоторые зачатки действий помощи установлены у них с несомненностью». Но последнее утверждение он тут же сопровождает оговоркой, что «во многих случаях действия этого рода неотделимы от того, что называют „заботой о потомстве“ и что наблюдается у других животных», объясняя, таким образом, большинство наблюдаемых зачаточных действий взаимопомощи проявлением материнского инстинкта. По существу ничего определенного не может сказать по этому вопросу и Н. А. Тих, посвятившая проблеме взаимопомощи и сотрудничества у обезьян целую главу (1947, I, стр. 181—225).

Важнейшим аргументом, приводимым в пользу существования стадного инстинкта у обезьян, является наличие у них тяготения друг к другу. Наиболее ярко оно проявляется в стремлении обезья-

ны, изолированной от других животных, вернуться в объединение. Обезьяна, лишенная общества других животных, очень тяжело переживает изоляцию: она кричит, рвется, зачастую отказывается от пищи и т. п. (Уегкес, 1943, р. 44—46; Кохлер, 1948, р. 283; Тих, 1947, I, стр. 51, 108; Войтонис, 1949, стр. 203).

Все эти факты несомненно имеют место, но все они полностью объяснимы и без допущения существования сложнейшего безусловного социального рефлекса. Ключ к их пониманию дает учение И. П. Павлова о динамическом стереотипе. Как указывал И. П. Павлов (1951, стр. 369 сл.), в коре больших полушарий головного мозга животных под воздействием внешней среды образуется постепенно динамический стереотип, т. е. слаженная, уравновешенная система нервных процессов. Образование динамического стереотипа есть возникновение привычки к жизни в определенной среде, привычки к определенному образу жизни. Чем больше продолжительность жизни в данных условиях, тем прочнее образовавшийся динамический стереотип. У обезьян, с самого момента своего рождения живущих в объединениях, постепенно вырабатывается прочная, устойчивая привычка к жизни в объединениях.

Образование в коре их головного мозга прочного, устойчивого стереотипа и является основой их тяготения к себе подобным. Тенденция к объединению, отмеченная у обезьян, имеет своей физиологической основой не какой-то никому не известный социальный безусловный подкорковый центр, а образовавшийся в коре больших полушарий прочный и устойчивый динамический стереотип. Она по своей природе является не подкорковой, врожденной, а корковой, индивидуально приобретенной. Ее источник не подкорка, а внешняя «общественная» среда, обусловившая образование динамического стереотипа.

Изолирование обезьяны от себе подобных, представляя собой изменение внешней среды, вызывает ломку старого сложившегося динамического стереотипа. Ломка же старого динамического стереотипа и установление нового, как показали опыты И. П. Павлова и его сотрудников, всегда происходит крайне мучительно. «Этот процесс,— писал И. П. Павлов (1951, стр. 397—398), характеризуя протекание эксперимента по замене старого стереотипа новым,— сопровождается чрезвычайным возбуждением животного: животное рвется из станка, срывает все на нем прикрепленные наши приборы, кричит, дело доходит до отказа от подаваемой еды... Это мучительное состояние продолжается целых два, три месяца, пока, наконец, животное не решает задачу; устанавливается стереотип».

К такой точке зрения, что тяготение обезьян друг к другу является вторичным явлением, возникшим на почве половых и материнских связей, обусловивших возникновение и существование объединений обезьян, склонялся и Н. Ю. Войтонис (1949, стр. 198—199).

Нужно отметить, что ученые, являвшиеся сторонниками теории социального инстинкта, по существу ничего конкретного об этом инстинкте сказать не могли. В тех местах их трудов, где речь заходит о социальном инстинкте, нельзя найти ничего, кроме самых общих положений, мало приближающих к пониманию сущности зоологических объединений. Чувствуя всю неудовлетворительность объяснения возникновения и существования зоологических объединений социальным инстинктом, большинство из них стремились выявить и раскрыть иные факторы, лежащие в основе объединений животных. И в этом отношении они многое сумели сделать. Ими фактически были раскрыты все реальные факторы, обуславливающие возникновение и существование зоологических объединений. Это сделало совершенно ненужной теорию социального инстинкта, так же как, например, выявление сущности процессов горения сделало ненужной теорию флогистона.

В ходе развития науки выяснилось, что объединения животных вызваны к жизни теми же факторами, которые определяют и поведение одиночных животных, самыми обыкновенными известными науке инстинктами, такими, как половой, оборонительный и др. «Общественные» животные образуют объединения, в которых инстинкты большинства из них ограничиваются более сильными особями, потому что вне этих объединений удовлетворение этих инстинктов было бы для них либо совсем невозможным, либо, по крайней мере, еще более затрудненным, чем в объединении.

Основываясь на указании И. П. Павлова (1951, стр. 219, 315), все инстинкты животных можно разделить на две группы: инстинкты, удовлетворение которых обеспечивает существование индивида, и индивидуальны е инстинкты (пищевой, оборонительный), и инстинкты, удовлетворение которых обеспечивает существование вида — видо вы е инстинкты (половой, материнский). Это деление, как подчеркивал И. П. Павлов, является во многом условным. Удовлетворение индивидуальных инстинктов, обеспечивая существование индивида, тем самым обеспечивает и существование вида. В этом смысле индивидуальные инстинкты являются одновременно и видовыми. С другой стороны, видовые инстинкты не могут существовать иначе, как инстинкты конкретного индивида, и в этом смысле всегда являются индивидуальными. Для самого животного нет разницы между индивидуальными

и видовыми инстинктами, и те, и другие одинаково являются его собственными инстинктами. К удовлетворению видовых инстинктов животное стремится не только не с меньшей, но даже с большей силой, чем к удовлетворению индивидуальных. И это понятно: если бы животное стремилось к удовлетворению видовых инстинктов с меньшей силой, чем индивидуальных, то вид мог бы вымереть.

Однако, несмотря на всю относительность, деление инстинктов на две группы имеет под собой объективную основу. Существенное различие имеется, в частности, между объектами видовых и индивидуальных инстинктов. Объектами видовых инстинктов всегда являются другие животные того же вида. Удовлетворение видовых инстинктов невозможно без установления связей между животными данного вида, без определенного согласования их поведения. Прочность и длительность существования этих связей зависят от особенностей функционирования данного конкретного видового инстинкта у животных определенного вида. В том случае, когда данный инстинкт функционирует в течение более или менее длительного периода времени, на этот срок образуется объединение животных этого вида. Это объединение возникает на базе данного видового инстинкта и для его удовлетворения. Вне такого объединения удовлетворение этого видового инстинкта у данного вида животных невозможно. Поэтому невозможно без возникновения и существования такого объединения само бытие данного зоологического вида.

Объектами индивидуальных инстинктов животные данного вида, как правило, не являются. Поэтому удовлетворение индивидуальных инстинктов не предполагает с необходимостью установление связей между особями данного вида, хотя в конкретных условиях без установления таких связей удовлетворение того или иного индивидуального инстинкта может стать и невозможным.

Все это дает возможность выделить два основных типа зоологических объединений, каждый из которых связан с одной из двух основных групп зоологических инстинктов.

К первому типу зоологических объединений относятся такие, без образования которых невозможно удовлетворение того или иного инстинкта и тем самым бытие данного зоологического вида, существование которых обусловлено не столько внешними факторами, сколько вытекает из самой сущности данного вида, из особенностей его биологии. Эти объединения, существование которых безусловно необходимо для бытия данного вида, мы будем именовать в дальнейшем безусловными зоологическими объединениями.

Ко второму типу зоологических объединений относятся такие, без которых в данных конкретных условиях может быть и невозможно удовлетворение тех или иных индивидуальных инстинктов, но существование которых не является абсолютной необходимостью для бытия данного вида, не вытекает из особенностей его биологии. Эти объединения, образование которых обусловлено не столько действием внутренних факторов, сколько внешних, которые в зависимости от конкретных условий обитания данного вида или части вида животных могут существовать, а могут и не существовать, мы в дальнейшем изложении будем называть условными зоологическими объединениями.

Рассмотрим каждый из двух основных типов зоологических объединений подробнее.

4. Безусловные зоологические объединения. Гаремная семья обезьян

К видовым инстинктам относятся материнский и половой. Так как объединения, возникающие на базе материнского инстинкта, являются более простыми, начнем рассмотрение с них.

У всех млекопитающих детеныши неспособны сразу после рождения начать самостоятельную жизнь. В течение более или менее длительного периода времени они не могут обходиться без материнского молока и вообще без материнской заботы. Поэтому у всех млекопитающих необходимостью является существование в течение определенного, иногда довольно длительного, срока времени отношений между матерью и детенышем — материнских отношений. Материнские отношения лежат в основе существования такой формы зоологического объединения, как **м а т е р и н с к а я с е м ь я** (Вагнер, 1929, стр. 48—52).

Материнская семья возникает с рождением детеныша (или детенышей) и существует до тех пор, пока он (или они) не станет способным к самостоятельному существованию. По достижении этого момента материнский инстинкт перестает функционировать и материнская семья распадается. С рождением нового детеныша снова возникает материнская семья. У тех млекопитающих, у которых период приобретения молодой особью способности к самостоятельному существованию настолько велик, что в течение его происходит рождение нового детеныша, материнская семья является постоянно существующим объединением. Типичные примеры материнских семей мы встречаем у медведей, соболей, некоторых грызунов (Мензбир, 1882, стр. 43; Огнев, 1951, стр. 199; Наумов, 1956, стр. 6; Бромлей, 1956).

Если на базе материнского инстинкта у млекопитающих возникает довольно прочное объединение, то на основе половых отношений у большинства из них сколько-нибудь прочных и долговременных объединений не образуется. У многих видов на базе полового инстинкта вообще никаких объединений не возникает, ни временных, ни постоянных. Это объясняется особенностями биологии размножения млекопитающих, на которых необходимо хотя бы кратко остановиться. Знакомясь с трудами, в которых рассматривается физиология размножения млекопитающих (Marshall, 1922; Zuckerman, 1932; Asdell, 1946; Bullough, 1951; Ford and Beach, 1951; Огнев, 1951; Киршенблат, 1951; Астанин, 1958), нельзя не заметить, что в этих вопросах имеется еще много неясного. О недостаточной разработанности проблемы говорит и тот факт, что авторы указанных работ не только противоречат друг другу, но иногда и сами себе. Все это делает трудной попытку дать краткую характеристику физиологии размножения млекопитающих. В такой характеристике уже в силу ее краткости сложные процессы размножения должны быть схематизированы и огрублены. Но другого выхода нет. Подробное рассмотрение физиологии размножения увело бы нас слишком далеко от темы.

У подавляющего большинства млекопитающих спаривание возможно лишь во время особого периодически наступающего сравнительно кратковременного полового, или брачного, сезона. В этот период у самок наступает так называемая течка (эструс) — состояние полового возбуждения, которое сопровождается набуханием наружных половых органов, слизистыми выделениями и т. п. и проявляется в стремлении отыскать самца. Во время течки у большинства млекопитающих происходит овуляция (Marshall, 1922, p. 131; Zuckerman, 1932, p. 72; Asdell, 1946; Barnett, 1957, p. 54; Мюллер, 1913; Огнев, 1951).

Течке (эструсу) предшествует период, в течение которого происходит подготовка половой системы самки к совокуплению и оплодотворению. Он носит название предтечки (проэструма). Если во время течки происходит оплодотворение, то дальше следует период беременности, завершающийся родами. Если оплодотворение не наступает, то за течкой наступает период, в течение которого половая система самки постепенно возвращается к исходному состоянию. Процессы, происходящие после течки в половой системе неоплодотворенной самки, носят различный характер и протекают по-разному у животных, принадлежащих к разным видам, а иногда даже протекают по-разному у животных одного вида. Отсюда различные и иногда противоречивые харак-

теристики периода, следующего за течкой, которые мы встречаем у различных авторов, существование различных терминов для обозначения этого периода или его подразделений («метаэструм», «диэструм», «псевдобеременность»). Не вдаваясь в детали, мы вслед за С. Асделом (Asdell, 1946, p. 20) будем называть этот период послетечкой (постэструмом), а цикл, состоящий из предтечки, течки и послетечки,— диэстральным циклом.

У самок одной части видов млекопитающих после окончания диэстрального цикла наступает длительный период покоя — анаэструм, который длится вплоть до наступления нового диэстрального цикла. Прекращение течки у самок данных видов млекопитающих приводит к окончанию брачного сезона. На смену ему приходит сезон полового покоя, который длится до наступления нового брачного сезона.

Цикл, состоящий из проэструма, эструса, остэструма и анаэструма, носит название эстрального цикла. Животные, у которых в течение брачного сезона течка имеет место только один раз, у которых эстральный цикл включает в себя лишь один диэстральный, носят название моноэстральных.

У самок другой части видов млекопитающих за послетечкой следуют не анаэструм, а снова предтечка и течка. Если и в это время второй течки оплодотворение не происходит, то за наступившей послетечкой могут последовать снова предтечки и течка и т. д. Животные, у которых наблюдается целая серия следующих непосредственно друг за другом диэстральных циклов, носят название полиэстральных. Среди полиэстральных животных следует выделить две группы. К первой группе относятся животные, у которых чередование диэстральных циклов происходит в течение ограниченного периода времени — брачного сезона. Это сезонно полиэстральные животные. Число диэстральных циклов, которые могут иметь место в течение одного брачного сезона, различно. У разных видов животных оно колеблется от двух до шести-семи. За последним в данном сезоне диэстральным циклом у сезонно полиэстральных животных наступает период покоя — анаэструм. У них, таким образом, эстральный цикл включает в себя несколько диэстральных и анаэструм. С прекращением чередования диэстральных циклов у самок данных видов млекопитающих брачный сезон заканчивается и наступает сезон полового покоя.

У другой группы полиэстральных животных диэстральные циклы повторяются непрерывно в течение всего года. Это постоянно полиэстральные животные. У них эстрального цикла как такового не существует, он растворился в непрерывно следующих друг за другом диэстральных циклах. Необходимо отметить, что

резкой грани между сезонно и постоянно полиэстральными животными не существует. Одни и те же животные в одних условиях могут быть постоянно полиэстральными, в других — сезонно полиэстральными (Asdell, 1946, p. 314—358).

Большинство млекопитающих являются моноэстральными и сезонно полиэстральными животными. Так как существование ограниченных во времени брачных сезонов отмечено и у постоянно полиэстральных животных (Zuckergaп, 1932, p. 33; Asdell, 1946, p. 331), то можно сказать, что брачные сезоны имеют место у подавляющего большинства млекопитающих.

Самка млекопитающих подпускает к себе самцов только в период течки, продолжительность которой у разных видов колеблется от нескольких часов до нескольких суток (Miller, 1931, p. 380—385; Киршенблат, 1951, стр. 41; Астанин, 1958, стр. 290, табл. 19)⁴. Только в это время возможно у большинства видов млекопитающих спаривание и оплодотворение (Zuckergaп, 1932, p. 125—136; Огнев, 1951, стр. 175). В остальное время половые отношения между самками и самцами исключены. Поэтому у большинства млекопитающих невозможно образование сколько-нибудь прочных и постоянных объединений на базе полового инстинкта.

У некоторых видов млекопитающих, в частности у зайцев, вообще никаких объединений на базе полового инстинкта не возникает (Огнев, 1951, стр. 178). У других они возникают, но время их существования ограничивается рамками брачного сезона.

У полигамных животных во время брачного сезона возникают так называемые гаремы — объединения, состоящие из одного самца и нескольких самок. Гаремы известны у буйволов, оленей, лосей, горных баранов, котиков и других животных (Мензбир, 1882, стр. 43; Машковцев, 1940, стр. 159; Огнев, 1951, стр. 180—182; Дісе, 1952, p. 268—270). У всех этих видов во время брачного сезона между самцами происходят ожесточенные драки из-за самок. Гаремы существуют только во время брачного сезона. С его окончанием они распадаются, ибо исчезает та основа, на которой они возникли, — половые отношения.

У моногамных животных во время брачного сезона образуются парные объединения, состоящие из самца и самки. С окончанием

⁴ Не следует смешивать период течки с половым сезоном. Брачный сезон есть период, в течение которого происходит течка у самок того или иного вида млекопитающих. Так как у различных самок течка происходит не одновременно, то брачный сезон даже у моноэстральных животных, не говоря уже о полиэстральных, продолжительнее, чем период течки у каждой из самок в отдельности.

этого сезона у части животных (соболь, например) эти объединения распадаются (О г н е в, 1951, стр. 183). У других животных (лисы, волки, шакалы, барсуки) они сохраняются и превращаются с появлением потомства в отцовско-материнские семьи (М е н з б и р, 1882, стр. 43; О г н е в, 1951, стр. 183, 199; D i c e, 1952, р. 269). Объединение, состоящее из самца, самки и потомства, не может быть названо в полном смысле слова безусловным объединением. Существование отцовско-материнской семьи у данного вида обусловлено не столько внутренними, сколько внешними факторами (правда, переходящими во внутренние). Эта семья в зависимости от конкретных условий может существовать, а может и не существовать в отличие от материнской семьи, которая не может не существовать. Отцовско-материнская семья является по существу скорее условным объединением, имеющим своим ядром безусловное объединение — материнскую семью, чем безусловным. Об условном во многом характере отцовско-материнской семьи говорит такой факт, как существование у одного и того же вида животных и только материнской, и отцовско-материнской семей (О г н е в, 1951, стр. 184).

Если у подавляющего большинства млекопитающих объединения на базе полового инстинкта либо совсем не возникают, либо носят неустойчивый и временный характер, то совершенно иную картину мы наблюдаем у части низших узконосых и всех высших обезьян, у которых на основе половых отношений возникают прочные и долговременные объединения. Причины такого различия кроются в отличии физиологии размножения большинства обезьян от физиологии размножения низших млекопитающих. У обезьян нет ни эстральных, ни диэстральных циклов. У них, как у человека, существуют менструальные циклы.

Менструальные циклы обезьян возникли из диэстральных циклов низших млекопитающих. У низших приматов нет менструальных циклов. Лемуры сезонно полиэстральны (Z u c k e r m a n, 1932, р. 66), долгопяты постоянно полиэстральны (M a r s h a l l, 1922, р. 225; A s d e l l, 1946, р. 97; B u l l o u g h, 1957, р. 16—17). Возникнув непосредственно из диэстральных циклов, менструальные циклы обезьян сохранили часть их особенностей, отсутствующих у человека.

Особое место в этом отношении занимают менструальные циклы обезьян Нового Света (широконосых обезьян), представляющие собой, по-видимому, переходную форму между диэстральными циклами и менструальными. В пользу такого предположения свидетельствует факт отсутствия у части видов обезьян Нового Света менструальных кровотечений (A s d e l l, 1946, р. 96; Н е с т у р х,

1960а, стр. 40). Соответственно спаривание у них, по-видимому, имеет место лишь в период цикла, соответствующий течке низших млекопитающих (Miller, 1931, p. 390; Carpenter, 1934, p. 82—94; Sahlin, 1959, p. 61).

У большинства низших узконосых обезьян и всех без исключения высших обезьян существуют более или менее ярко выраженные менструальные циклы. Менструальные циклы человекообразных обезьян мало чем отличаются от менструальных циклов человека (Marshall, 1922, p. 57—58; R. Yerkes and A. Yerkes, 1929, p. 260—261; Zuckerman, 1932, p. 83—93; Гартман, 1936; Елигулашвили, 1955, стр. 13—14, 48—55).

У самок обезьян Старого Света во время овуляции также наблюдаются явления, сходные с теми, которые имеют место во время течки низших животных. В этот период они, как и самки низших млекопитающих, находятся в состоянии полового возбуждения и стремятся к спариванию (Zuckerman, 1932, p. 84—93, 139—142; Yerkes, 1943, p. 64—66; Kohler, 1948, p. 303; Гартман, 1936, стр. 635—637; Тих, 1947, I, стр. 157, и др.). У части узконосых обезьян наблюдаются и внешние изменения, в частности набухание и покраснение половой кожи, достигающее максимума к моменту овуляции (Zuckerman, 1932, p. 83—84; Ноотоп, 1947, p. 252; Гартман, 1936, стр. 635—637; Елигулашвили, 1955, стр. 13 сл.; Алексеева и Нестурх, 1958, стр. 71—81; Лакин, 1959, стр. 51 сл.).

У части, и может быть даже значительной, низших узконосых обезьян, так же как и у обезьян Нового Света, спаривание осуществляется лишь во время овуляции. У другой части низших узконосых и всех высших обезьян оно, как и у человека, может иметь место в любое время, за исключением занимающего незначительную часть цикла периода менструального кровотечения (Miller, 1931, p. 381—389; Zuckerman, 1932, p. 45—50, 137, 147; Ноотоп, 1947, p. 254—255; Kohler, 1948, p. 303; Schultz, 1961, p. 69; Гартман, 1936, стр. 634; Тих, 1947, I, стр. 108)⁵. Эта особенность физиологии размножения части обезьян Старого Света

⁵ У части исследователей, наряду с положением о том, что обезьяны спариваются круглый год, мы встречаем указания на существование у них известной сезонности размножения (Marshall, 1922, p. 56, 57; R. Yerkes and A. Yerkes, 1929, p. 260; Гартман, 1936, стр. 638; Елигулашвили, 1955, стр. 80). Но имеющая, по-видимому, место у некоторых видов обезьян известная сезонность в размножении, имеет мало общего с сезонностью размножения низших млекопитающих. У обезьян нет сезонов полового покоя, перемежающихся с брачными сезонами. У них можно наблюдать лишь чередование периодов более интенсивного и менее интенсивного спаривания.

(прежде всего высших) и человека связана с наблюдающимся в отряде приматов по мере подъема по филогенетической лестнице постепенным высвобождением половых актов из-под чисто гармонального контроля и соответственно со столь же постепенным возрастанием роли коры больших полушарий в их регулировании (Beach, 1947; Ford and Beach, 1951; Spruhler, 1959, p. 6).

В силу описанной выше особенности физиологии размножения половые отношения у части низших и всех высших обезьян Старого Света носят прочный и постоянный характер. Будучи прочными и постоянными, они являются фундаментом, базисом постоянных и прочных объединений, состоящих из одного самца и, как правило, нескольких самок, — гаремов⁶.

«Полигиния» находит объяснение как в особенностях физиологии размножения, так и в особенностях взаимоотношений особей в их объединениях. Самец способен к спариванию в любое время. У самок есть периоды, в течение которых они не могут спариваться — менструации, беременность. Кроме того, даже у высших обезьян стремление самок к спариванию неодинаково интенсивно в течение всего менструального цикла. Наиболее интенсивно оно во время овуляции. В остальное время цикла оно значительно меньше (Zuckerman, 1932, p. 142—143; Yerkes, 1943, p. 64). Вследствие этого «полигиния» является необходимым условием постоянного нормального функционирования полового инстинкта самца. Стремясь обеспечить по возможности более полное удовлетворение своего полового инстинкта, самец применяет все усилия, чтобы закрепить за собой монопольное право на половые отношения с возможно большим числом самок. Гарем не возникает сам собой. Он создается самцом, достаточно доминирующим, чтобы подавить попытки других самцов завладеть данными самками. Самец всегда занимает доминирующее положение в своем гареме. Это исключает возможность для самок покинуть гарем и соединиться с другими самцами.

Возникая как объединение, состоящее из самца и самок, гарем с появлением потомства превращается в более сложное объединение, состоящее из самца, самок и молодых особей. Это объединение можно было бы назвать гаремной семьей. Если гарем имеет

⁶ О неразрывной связи гаремной формы организации половых отношений у обезьян с указанной выше особенностью физиологии размножения части обезьян Старого Света говорит тот факт, что у тех видов широкопосых и низших узконосых обезьян, у которых спаривание происходит в основном лишь во время периода, соответствующего течке низших млекопитающих, гаремы отсутствуют (Carpenter, 1934, 1942, p. 196, 197; Sahlin, 1959, p. 61). У последних отмечено существование лишь состоящих из материнских семей и самцов стад.

своей основой половые отношения, то в основе гаремной семьи лежат не только половые отношения, но и материнские. Половые отношения связывают самца и самок, материнские — самок и их детенышей. Гаремная семья представляет собой синтез гарема и нескольких материнских семей. Она совмещает в себе особенности гарема, материнской и отцовско-материнской семей низших млекопитающих.

У обезьян являются прочными не только половые отношения, более прочными, чем у других млекопитающих, являются у них и материнские отношения. Это вытекает из того, что у обезьян, особенно у высших, человекообразных, молодые животные приобретают способность к самостоятельному существованию сравнительно поздно. Р. Иеркс (Yerkes, 1943, p. 54) утверждает, что детеныши шимпанзе являются совершенно неспособными существовать без материнской заботы в течение первых двух лет жизни. Другие авторы (Griffault, 1927, I, p. 99; Keith, 1948, p. 151; Schultz, 1961, p. 70) повышают эту цифру до трех и даже четырех лет. У орангутанов детеныш остается беспомощным в течение четырех лет, у гиббонов — двух лет (Schultz, 1961, p. 70), у макаков и ревунов — восемнадцати месяцев (Zuckerman, 1932, p. 97; Carpenter, 1934, p. 60, 68—78).

Возникнув на базе полового и материнского инстинктов, гаремная семья облегчает удовлетворение и таких инстинктов, как, например, оборонительный и, возможно, пищевой. Половые и материнские отношения являются базисом, фундаментом, на котором зиждется гаремная семья. Но эти отношения не исчерпывают всех существующих в ней. Как надстройка на этих базисных фундаментальных отношениях возникают другие разнообразные отношения между особями, входящими в состав этого объединения (Zuckerman, 1932, p. 263—296; Тих, 1947, I, стр. 111, 182, 314, 419; Войтонис, 1949, стр. 203—221). Существование гаремной семьи вызывает возникновение соответствующего динамического стереотипа у всех ее членов, возникновение привычки к жизни в объединении и тяготение к себе подобным. Это в свою очередь способствует укреплению гаремной семьи.

Гаремная семья обезьян является самым прочным и постоянным объединением из всех существующих у млекопитающих. В ней наибольшего развития достигает взаимосогласованность поведения ее членов. Поэтому гаремная семья является также и объединением, в котором в наиболее крайней своей форме представлена система доминирования. Самец, являющийся главарем гаремной семьи, полностью доминирует над всеми ее остальными членами.

5. Условные зоологические объединения.

Стадо обезьян

По своим формам условные зоологические объединения крайне разнообразны. Различны и отношения особей внутри их. В одних объединениях существуют лишь крайне слабые зачатки взаимосогласованности и взаимообусловленности поведения, в других взаимосогласованность поведения достигает сравнительно большой степени развития.

Как на простейшую зачаточную форму зоологических условных объединений можно указать на кратковременные скопления животных, образующиеся на местах кормежек, водопоя и т. п. Связь особей в таких объединениях ограничивается предупреждением об опасности (Наумов, 1955, стр. 68). Более сложную форму представляют колониальные поселения и колонии (Наумов, 1955, стр. 88; 1956, стр. 7).

Однако подлинную взаимосогласованность и взаимообусловленность поведения мы наблюдаем лишь в высших формах условных объединений — стадах и стаях. Очень часто ядром, вокруг которого образуется условное объединение, является материнская или отцовско-материнская семья. У волков, например, на зиму к паре с выводком (отцовско-материнской семье) присоединяются одиночные животные. В результате образуется стая численностью иногда до 12 особей. Причиной образования волчьей стаи является необходимость приспособления к неблагоприятным для одиночной охоты зимним условиям (Огнев, 1951, стр. 161; Наумов, 1955, стр. 77, 84; 1956 стр. 8—9). Возникшие стаи к весне распадаются. Распадаются и служившие их ядром отцовско-материнские семьи.

Если стаи возникают для облегчения охоты, то стада обычно образуются для защиты от внешних опасностей (Вагнер, 1928, стр. 40—45). Стада копытных животных прежде всего представляют собой конгломерат материнских семей (Дисе, 1952, р. 273). У одних видов в состав стада входят и взрослые самцы, у других они образуют самостоятельные однополюе объединения (Мензбир, 1882, стр. 44; Наумов, 1956, стр. 5; Дисе, 1952, р. 273). Стада не являются объединениями с постоянным составом. Все время происходит перегруппировка и изменение величины стад. В такое неблагоприятное время года, как зима, стада копытных включают в себя значительное число особей. Летом крупные объединения распадаются на более мелкие (Наумов, 1955, стр. 86; 1956, стр. 5, 12—13). С наступлением брачного сезона стада рас-

падают, вместо них у копытных и некоторых других животных образуются гаремы.

Существуют такие условные объединения, как стада, и у обезьян. Стада обезьян прежде всего представляют собой конгломераты гаремных семей⁷. Кроме гаремных семей, в состав стада могут входить самцы, не успевшие или не сумевшие обзавестись гаремами (холостяки). Иногда молодые самцы образуют отдельные стада. Гаремная семья, входящая в состав стада обезьян, как правило, в нем не растворяется. Она сохраняет свою обособленность, самостоятельность (Zuckerman, 1932, p. 315).

Стада обезьян в отличие от гаремных семей являются более текучими по своему составу. Большие конгломераты гаремных семей и холостяков могут распадаться на меньшие; небольшие стада могут объединяться, образуя крупные. Гаремные семьи могут отделяться от стада и вести самостоятельное существование, могут, соединяясь с другими семьями, вновь образовывать стада, могут присоединяться к уже существующим стадам. Молодые самцы могут то отделяться от общего стада, образуя свое собственное — однополое, то вновь входить в его состав или состав другого стада. Самцы, отделяясь от стада, могут вести и одиночный образ жизни.

Подобную картину можно наблюдать у подавляющего большинства обезьян Старого Света, как низших, так и высших.

Низшие обезьяны, особенно наземные, живут чаще всего стадами, насчитывающими в своем составе иногда несколько сот особей. Встречаются у них и самостоятельно существующие гаремные семьи, и объединения молодых самцов, и одиночные самцы (Zuckerman, 1932, p. 189—204; Boulière, 1961, p. 7—9; Шапсе, 1961, p. 19; Нестурх, 1958, стр. 220 сл.). Часть гиббонов (хулоки и симианги) живет большими стадами, другая — небольшими стадами (до двадцати особей) и гаремными семьями (Zuckerman, 1932, p. 171—180; Шапсе, 1961, p. 19; Schaller and Emlen, 1963, p. 372, 376; Нестурх, 1958, стр. 225). Из крупных человекообразных обезьян **орангутаны** живут, по-видимому, только гаремными семьями, гориллы и шимпанзе как самостоятельными гаремами, так и стадами. Кроме того, у всех антропоидов отмечено существование одиночных самцов и объединений молодых самцов (R. Yerkes and A. Yerkes, 1929,

⁷ Здесь и в последующем изложении, где особо не оговорено, речь идет о стадах лишь тех видов обезьян Старого Света, у которых существуют гаремы. Состоящие, по-видимому, из материнских семей и самцов стада некоторых видов обезьян Нового и Старого Света здесь не затрагиваются.

р. 136, 247, 439; Zuckerman, 1932, р. 174—179; Yerkes, 1943, р. 40; Тих, 1947, I, стр. 18—19; Нестурх, 1958, стр. 226 сл.).

Уже приведенные выше данные свидетельствуют о том, что стада обезьян представляют собой условные объединения. Главной причиной существования стад у обезьян является потребность в защите от врагов (De Vore and Washburn, 1963, р. 341—342). Об этом, в частности, убедительно говорят данные, приводимые С. Цукерманом (1932, р. 213) и М. Чансом (Chapman, 1951, р. 19). Названные авторы обращают внимание на то важное обстоятельство, что гаремными семьями живут, как правило, обезьяны, обитающие в сердце тропического леса, далеко от людей, а стадами — обитающие вне лесной зоны и в близком соседстве с людьми. Живут стадами почти все (если не все) обезьяны, обитающие на земле. И это понятно. Жизнь на земле таит в себе больше опасностей для обезьян, чем жизнь на деревьях.

6. Антагонизм гаремной семьи и стада у обезьян

Некоторые авторы полагают, что в основе такой формы объединения обезьян, как стадо, лежит половой инстинкт. «Половой инстинкт, — писал, например, А. М. Золотарев, — постоянно, а не периодически связывает приматов в прочные стадные объединения» (1940б; см. также: 1964, стр. 46—47). В какой-то степени такого рода взгляд можно считать оправданным в отношении к безгаремным стадам некоторых видов обезьян Нового и Старого Света. Но с распространением его на стада большинства обезьян Старого Света согласиться, на наш взгляд, нельзя. Половой инстинкт у большинства обезьян Старого Света является базой для образования не стада, а гарема и тем самым гаремной семьи. Он не только не связывает обезьян в стада, но, наоборот, включает в себе тенденцию к разрушению уже существующего стада.

Существование гарема, состоящего из нескольких самок, является, как уже указывалось, необходимым условием постоянного и нормального функционирования полового инстинкта самца. Чем больше самок входит в состав гарема, тем полнее удовлетворяется половая потребность самца. Особенности биологии размножения обезьян порождают у самца стремление ввести в состав гарема как можно большее число самок.

Хотя у высших животных число представителей одного пола, как правило, никогда в точности не совпадает с числом представителей другого, однако в целом числовое соотношение полов обычно колеблется около пропорции 1 : 1, отклоняясь не очень значи-

тельно в ту или другую сторону (Рыжков, 1936, стр. 219—224; Жегалов, 1950, стр. 131; Теплов, 1954, стр. 174—176). Так как в целом у обезьян, как и у других высших животных, число самок если и превышает число самцов, то незначительно (Chapman and Mead, 1953, p. 418), то вполне понятно, что стремление любого самца обзавестись гаремом должно неизбежно сталкиваться с подобными же стремлениями остальных самцов, что между ними должны неизбежно происходить драки и столкновения.

Драки из-за самок имеют место у всех обезьян и носят обычно ожесточенный характер. В этих драках принимают участие все взрослые самцы. Наличие многочисленных конфликтов на половой почве отмечено у низших обезьян (Zuckerga, 1932, p. 182—230; Тих, 1947, I, стр. 169 сл.). О частоте и ожесточенном характере этих конфликтов красноречиво говорит хотя бы такой отмеченный С. Цукерманом (1932, p. 198) факт, что, например, все без исключения взрослые самцы павианов-чакма имели на теле следы драк. Имеют место драки из-за самок и у высших обезьян. Существование их отмечено у гиббонов (Тих, 1947, I, стр. 26; Schultz, 1961, p. 81—82). Тела взрослых самцов гориллы всегда носят следы конфликтов (Zuckerga, 1932, p. 175). Дерутся из-за самок самцы орангутанов, о чем свидетельствуют повреждения, имеющиеся на их телах (Briffault, 1927, I, p. 174; Zuckerga, 1932, p. 175; Schultz, 1961, p. 81—82).

Драки из-за самок имеют место не только в естественных условиях, но и в неволе. Когда в одной вольере оказывается несколько самцов и самок, то в результате целой серии столкновений и драк все самки оказываются распределенными между самцами. Сильные самцы обзаводятся большим гаремом. Менее удачливые довольствуются одной самкой. Образующаяся в таком случае пара является крайним случаем гарема. Слабые самцы остаются совсем без самок. С. Цукерман (1932, p. 211) приводит такие цифры. В колонии, состоящей из 25 взрослых самцов, 25 взрослых самок и 100 молодых животных, 5 самцов владели всеми самками, причем один из них имел в гареме 7 самок. В колонии, состоящей из 8 взрослых самцов, 10 взрослых самок и 42 незрелых самцов, 4 самца владели всеми самками, причем из них один имел в своем гареме 4 самки, другой 3 самки, третий 2 самки и четвертый — одну самку.

В стаде обезьян, как и в гаремной семье, существует система доминирования. Но она отличается целым рядом черт. В отличие от гаремной семьи, где система доминирования является прежде всего системой подавления пищевого инстинкта более слабых, система доминирования в стаде в первую очередь представляет со-

бой систему подавления и ограничения полового инстинкта слабых самцов более сильными. Система доминирования в стаде охватывает главным образом самцов — главарей гаремных семей и холостяков. Число самок в гареме того или иного самца зависит от его статуса, от его положения в системе доминирования, существующей в стаде. Самцы, занимающие самые низшие места в системе доминирования, самок вообще не имеют. Система доминирования в стаде не является столь абсолютной, как в гаремной семье. В отличие от гаремной семьи, в которой взрослый самец является полностью доминирующим над всеми остальными его членами, в стаде обезьян обычно нет абсолютно доминирующей особи (Z u s k e g m a n, 1932, p. 201).

Существующая в гаремной семье система доминирования ограничивает стремление слабых особей удовлетворить ту или иную свою потребность, но обычно не лишает их полностью возможности ее удовлетворения. Система доминирования в стаде полностью лишает значительное число особей возможности удовлетворить одну из важнейших и сильнейших потребностей — половой инстинкт. Это делает систему доминирования в стаде гораздо менее устойчивой, чем систему доминирования в гаремной семье.

Холостяки, побуждаемые стремлением удовлетворить половой инстинкт, то и дело пытаются изменить свое место в системе доминирования, пытаются обзавестись гаремом. Само вхождение холостяков в состав общего стада объясняется, вероятно, не только и, может быть, даже не столько потребностью в совместной защите от врагов, ибо такую защиту они могут найти в объединении, состоящем только из самцов, сколько стремлением держаться вблизи самок (Z u s k e g m a n, 1932, p. 214).

Стремление холостяков овладеть самками заставляет главарей гаремов быть все время настороже. Все исследователи указывают, что вожак гарема ревниво следит за своими самками, пресекая угрозами и применением силы всякие попытки сближения между ними и другими самцами (R. Y e r k e s and A. Y e r k e s, 1929, p. 260; Z u s k e g m a n, 1932, p. 213—255; Т и х, 1947, I, стр. 112). Вожак пресекает и попытки самок объединиться с подрастающими в семье самцами и в конце концов изгоняет последних (Т и х, 1947, I, стр. 25, 110, 170—173; C h a n s e and M e a d, 1953, p. 417; C h a n s e, 1961, p. 20).

Подрастая и набираясь сил, молодые самцы вступают в бой с главарями гаремов. Взрослые самцы — вожаки гаремов, старея, лишаются возможности успешно отстаивать свои права на самок от молодых. В стаде постепенно происходит изменение соотношения сил между самцами, что ведет к дракам, конфликтам, имею-

щим своим следствием изменение положения самцов в системе доминирования и перераспределение самок.

Над каждым вожаком в стаде всегда висит угроза лишиться гарема и тем самым возможности удовлетворения полового инстинкта. Все это побуждает его к отделению вместе с гаремом от стада. Везде, где условия среды делают возможным самостоятельное существование гаремных семей, стада не образуются. Гаремные семьи объединяются в стада лишь в тех условиях, когда изолированное существование гаремной семьи становится невозможным в силу внешней опасности.

Половой инстинкт, связывая гарем, расшатывает помимо него возникшее стадо и разрушает последнее при первой возможности. Гаремная семья и стадо обезьян находятся в антагонизме. Антагонизм, существующий у высших животных между объединениями, имеющими своей основой половой инстинкт, и объединениями, имеющими другую базу, был подмечен еще А. Эспинасом (1887, стр. 393), писавшим, что нет общества у млекопитающих, состоящего из семейств, которое если и не разрушалось совсем, то по крайней мере не расшатывалось бы половыми факторами.

Если теперь коротко подвести итоги всему изложенному выше, то прежде всего следует сказать, что в мире животных безраздельно царит зоологический индивидуализм. Любое животное стремится удовлетворить свои и только свои инстинкты, свои и только свои потребности, не считаясь со стремлением всех остальных животных, и часто за их счет. Животное неспособно обуздать само свои инстинкты. Неспособно подавлять их и зоологическое объединение. Все без исключения объединения животных независимо от их типа и формы порождены потребностью в удовлетворении инстинктов составляющих их индивидов и невозможностью удовлетворения этих инстинктов без объединения. Ни в одном из них нет и не может быть потребностей, отличных от биологических индивидуальных потребностей входящих в его состав особей. В силу этого ни одно зоологическое объединение неспособно обуздать и ограничить зоологический индивидуализм своих членов.

То подавление инстинктов, которое наблюдается в объединениях животных, не имеет ничего общего с обузданием зоологического индивидуализма. Наоборот, оно является ярчайшим проявлением зоологического индивидуализма, ибо всегда представляет собой подавление сильным животным более слабого для обеспечения более полного удовлетворения инстинктов первого. Ничем не обуздываемый зоологический индивидуализм в полной мере господствует во всех зоологических объединениях.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПРЕДЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТРУДА, ПРЕДЛЮДЕЙ И ПРЕДЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СТАДА

1. Проблема возникновения труда

Человек и человеческое общество возникли в процессе трудовой деятельности. Естественно, что решение проблемы становления человека и общества немислимо без обращения к вопросу о возникновении и развитии труда. Последний вопрос был подробно рассмотрен нами в работе «Возникновение и основные этапы развития труда (в связи с проблемой становления человеческого общества)» (1956а) и целом ряде примыкающих к ней публикаций (1956б, 1958а, 1958б, 1958г). Это освобождает нас от необходимости подробного рассмотрения проблемы возникновения и развития труда во всем ее объеме в настоящей работе и позволяет сосредоточиться лишь на тех ее моментах, которые прямо нужны для понимания процесса превращения зоологического объединения в человеческое общество. В то же время это делает необходимым изложение основных положений по вопросу о возникновении и развитии труда, содержащихся в указанных выше работах.

Коротко они сводятся к следующему:

Обезьяны вообще, человекообразные в частности, являются высшими представителями животного мира. У обезьян высшая нервная деятельность животных достигает своего последнего, третьего этапа развития, характеризующегося появлением исследовательской тенденции и исследовательской (чистокорковой) деятельности — стремления и способности животного к многообразным действиям с предметами внешнего мира, не имеющими для него непосредственного биологического значения (Ю. Семенов, 1956а, стр. 145—172; 1958а, стр. 31—59). Закономерным и неизбежным следствием высокого развития исследовательской деятельности является возникновение у человекообразных обезьян

(и не только человекообразных) отдельных, случайных актов использования естественных предметов для овладения объектами потребностей (1956а, стр. 150—162; 1958а, стр. 55—59). Многочисленные примеры такого рода актов приведены в трудах ученых, занимавшихся изучением поведения обезьян (Ладыгина-Котс, 1928, 1935, 1958, 1959; Келер, 1930; Войтонис, 1936, 1940, 1948, 1949; Вацуро, 1947, 1948; Г. Рогинский, 1948, 1955; Протопопов, 1950; Хильченко, 1953; Фабри, 1958; Новоселова, 1960; Yerkes, 1943; Kohler, 1948).

Анализ акта использования обезьяной естественного предмета для овладения объектом потребности (например, использования палки для доставания плода) убеждает, что в данном случае мы имеем дело с актом труда, но труда не человеческого, а животного, дочеловеческого. «Простые моменты процесса труда,— писал К. Маркс (1953, I, стр. 185—186),— следующие: целесообразная деятельность, или самый труд, предмет труда и средства труда.

Земля (с экономической точки зрения к ней относится и вода), первоначально снабжающая человека пищей, готовыми средствами жизни, существует без всякого содействия с его стороны как всеобщий предмет человеческого труда. Все предметы, которые труду остается лишь вырвать из их непосредственной связи с землей, суть данные природой предметы труда... Средство труда есть вещь или комплекс вещей, которые рабочий помещает между собою и предметом труда и которые служат для него в качестве проводника его воздействий на этот предмет. Он пользуется механическими, физическими, химическими свойствами вещей для того, чтобы в соответствии со своей целью заставить их действовать в качестве орудия его власти. Предмет, которым рабочий овладевает непосредственно,— мы оставляем в стороне захват готовых жизненных средств, напр. плодов, причем только органы тела рабочего и служат средствами труда,— есть не предмет труда, а средство труда. Таким путем предмет, данный самой природой, становится органом его деятельности, органом, который он присоединяет к органам своего тела, удлиняя таким образом, вопреки Библии, естественные размеры последнего».

В случае использования обезьяной палки для доставания плода палка в руках обезьяны есть вещь, которую она помещает между собой и другим природным объектом и которая служит в качестве проводника ее воздействия на этот предмет. Палка — предмет, данный природой,— является органом деятельности обезьяны, органом, который она присоединяет к органам своего тела, удлиняя таким образом естественные размеры последнего. Предмет, которым обезьяна овладевает непосредственно, палка, не

является готовым жизненным средством, она функционирует в данном случае как средство труда, является не чем иным, как средством труда. Объект, который обезьяна при помощи средства труда вырывает из его непосредственной связи с землей, в данном случае плод, является предметом труда. Два момента труда здесь налицо. Из этого следует, что акт использования одного природного предмета (средства труда) для овладения другим предметом (предметом труда) является не чем иным, как актом труда.

Однако нельзя не видеть, что трудовой акт обезьяны не отвечает полностью данному К. Марксом определению труда. Трудовой акт обезьяны, как и все ее действия, как и все поведение любого животного, является деятельностью не целесообразной, а рефлекторной. Действие обезьяны есть акт труда, но труда не человеческого, не целесообразного, а животного, рефлекторного. Являясь актом животного, рефлекторного, инстинктивного (в смысле несознательного) труда, действие обезьяны не подходит полностью под определение К. Маркса, ибо последний, не затрагивая, как он сам предупреждает, в данном месте «первых живоотнобразных инстинктивных форм труда» (стр. 185), дает определение не труда вообще, а труда лишь «в такой форме, в которой он составляет исключительное достояние человека» (стр. 185).

Необходимыми моментами всякого труда являются деятельность, или самый труд, средство труда и предмет труда. Это то общее, что позволяет как животный, так и человеческий труд как труд противопоставить всем остальным формам внешней деятельности. В то же время животный и человеческий труд качественно отличаются друг от друга. В процессе человеческого труда при помощи средства труда подвергается заранее намеченному изменению предмет труда. В конце процесса труда получается предмет, отличный от предмета труда. Результат процесса труда, существуя к его началу в голове работника, т. е. идеально, как цель, определяет течение процесса труда и его результат. В конце процесса труда начинает существовать объективно то, что к началу его существовало только в голове работника. Человеческий труд есть целесообразная, сознательная деятельность по преобразованию природы. Акт человеческого труда есть акт производства. Процесс животного труда, как и вся внешняя деятельность животного, является деятельностью рефлекторной и, как всякая рефлекторная деятельность, может направляться лишь такими явлениями, которые существуют объективно к началу процесса труда. Из этого следует, что результат животного труда, чтобы определить процесс труда, должен существовать объектив-

но к его началу, или, иными словами, продукт животного труда не должен отличаться от предмета труда.

Таким образом, если в процессе человеческого труда получается то, что существовало в его начале лишь идеально, то в конце процесса животного труда должно получиться то же, что существовало к его началу реально. Если акт человеческого труда есть акт производства, то акт животного труда есть акт присвоения готовых, доставляемых природой продуктов. Если человеческий труд есть сознательное, целенаправленное преобразование природы, то животный — рефлекторное по своему механизму приспособление к среде. Животный труд по самой своей природе предполагает не изготовленные, а готовые средства труда. Если труд вообще начинается с использования готовых, данных природой средств труда, то человеческий труд начинается с сознательного (пусть в самой зачаточной степени) изготовления орудий. Сущность различия между трудом животным и человеческим заключается в том, что первый есть условнорефлекторная по своему механизму деятельность по присвоению предметов природы при помощи естественных, природных средств труда, есть приспособление к среде, а второй — сознательная деятельность по изменению предметов природы при помощи предварительно подвергнутых обработке орудий труда, есть целенаправленное преобразование природы, производства. Только человеческий труд является трудом в полном и точном смысле этого слова. Что же касается животного труда, то он является трудом и не является им, это труд, но труд не в полном смысле этого слова.

Говорить о существовании животного, рефлекторного труда у обезьян нет оснований. У них встречаются лишь отдельные, спорадические, случайные акты животного труда, не имеющие сколько-нибудь существенного значения в приспособлении этих животных к среде. Несомненно, что отдельные спорадические акты животного труда были присущи далеким предкам человека — крупным антропоидам миоцена. На последней стадии развития высшей нервной деятельности животных необходимо возникает возможность животного труда, выражающаяся в появлении отдельных рефлекторно-трудовых актов. Эта возможность превратилась в действительность, когда в результате имевшего место в миоцене биологического процветания крупных человекообразных обезьян начался переход наиболее высокоорганизованных из них на землю. Физическую слабость, недостаток естественного вооружения антропоиды, принадлежавшие к наиболее развитой из всех пород обезьян, переходивших на землю, стали восполнять использованием для защиты от хищников тех предметов, которыми они

манипулировали раньше и которые они использовали в отдельных случаях в качестве средств труда. Постепенно рефлекторно-трудо-вые акты из случайности стали правилом, а с переходом к охоте на крупных животных превратились в необходимость. На смену отдельным случайным рефлекторно-трудо-вым актам, биологическое значение которых ничтожно, пришел живот-ный труд, являющийся необходимым условием существования.

Возникновение животного труда имело своим следствием пре-вращение крупных человекообразных обезьян, развитие которых пошло в этом направлении, в прямоходящие существа, обладаю-щие свободными верхними конечностями. Существа, основным видом деятельности которых был рефлекторный труд, были не людьми, а животными, но такими, которые сделали первый шаг к человеку, встали на путь, ведущий к человеку. Этим они качест-венно отличались от всех обезьян, не исключая и человекообраз-ных. Для их обозначения нами был предложен термин «предлю-ди» (прегоминиды, проантропы) (1956а, стр. 177; 1958г, стр. 121). К числу предлюдей должны быть отнесены южноафри-канские австралопитеки¹. Рефлекторный труд является основным видом деятельности предлюдей, присущ только им. Поэтому его можно именовать предчеловеческим трудом.

Эпоха существования и развития предчеловеческого труда и предлюдей является периодом подготовки условий для становле-ния человека и общества. Развитие предчеловеческого труда зако-номерно подготавливает и на определенном этапе требует перехода от использования готовых средств труда к их изготовлению, что в свою очередь делает необходимым освобождение труда от реф-лекторной формы, возникновение человеческого труда. На смену

¹ Взгляд на предлюдей, как на существа, отличные от антропоидов, находит свое подтверждение в работах целого ряда антропологов. Дж. Робинсон (Robinson, 1953а, 1953в, 1954, 1955, 1963) подчеркивает, напри-мер, в своих работах, что австралопитеки представляют собой группу, мор-фологически отличную как от истинных гоминидов (эугоминидов), так и от понгидов (антропоидов), но имеющую родственные связи и с той, и с другой группами при большей близости к первой. По его мнению, все австралопитеки составляют подсемейство австралопитековых, образующее вместе с подсемейством эугоминин, или гоминин, единое семейство гоминин или гоминид. Такой же точки зрения придерживается и Г. Хеберер. Единственное расхождение между ним и Дж. Робинсоном заключается в том, что он везде в своих работах называет австралопитеков прегоминидами (т. е. предлюдьми) и соответственно пишет не о «подсемействе австрало-питековых», а о «подсемействе прегоминидных» (Heberer, 1962). Термин «прегоминиды», или «прегоминины» для обозначения австралопитеков не-редко употребляет и Дж. Робинсон (1953в, р. 490; 1955, р. 430—432; 1962, р. 480).

этапу предчеловеческого труда приходит период освобождения, труда от животной, рефлексорной формы, период становления человеческого труда, становления производства. Этот период является эпохой социогенеза и антропогенеза. На грани раннего и позднего палеолита труд окончательно освобождается от животной формы, становится подлинно человеческим трудом. Начинается третий этап развития труда — развитие труда в его исключительно человеческой форме. Завершение процесса освобождения труда от животной, рефлексорной формы есть вместе с тем завершение процесса антропогенеза и социогенеза.

Сходные в ряде положений взгляды мы находим в статье О. Н. Бадера, А. Я. Брюсова, С. В. Киселева и А. А. Формозова «Некоторые вопросы возникновения человеческого общества» (1957), в работах А. П. Окладникова «Становление человека и общества» (1958а) и П. Ф. Протасени «Происхождение сознания» (1959), в которых систематическое использование естественных орудий австралопитеками характеризуется как животный труд.

Положение о существовании, кроме человеческого труда, труда животного, дочеловеческого, инстинктивного мы находим также в работах Б. Ф. Поршнева (1955в, 1957, 1958а), однако взгляды последнего на животный труд расходятся с изложенными выше. Б. Ф. Поршневу отказывается признать систематическое использование готовых предметов природы для овладения объектами потребностей, имевшее место у австралопитеков, трудом, даже животным, дочеловеческим. Как животный, инстинктивный труд он рассматривает деятельность пауков, муравьев, бобров, а также питекантропов, синантропов и ранних неандертальцев (1955в, 1958а, стр. 147—154). Взгляды Б. Ф. Поршнева на животный труд нам представляются неверными. То, что он именует животным, инстинктивным трудом, либо совсем трудом не является (деятельность муравьев, бобров и т. п.), либо не является животным трудом (деятельность ранних гоминид)².

2. Возникновение предчеловеческого стада

Первый этап в развитии труда — период существования и эволюции рефлексорного, предчеловеческого труда, период существования и развития предлюдей — представлял собой эпоху подготовки условий для становления человека и человеческого общества,

² Подробный критический разбор концепции Б. Ф. Поршнева см. в наших работах «Возникновение и основные этапы развития труда» (1956а) и «К дискуссии по проблемам возникновения труда и становления человеческого общества» (1958г).

эпоху вызревания предпосылок антропосоциогенеза. Он может быть назван периодом предантропогенеза и предсоциогенеза. Именно предлюди, а не какие-либо другие существа превратились в формирующихся людей, именно из объединения предлюдей возникло первобытное человеческое стадо. Поэтому нельзя понять, как начался процесс формирования человеческого общества, не выяснив предварительно, что из себя представляло предшествовавшее первобытному человеческому стаду объединение предлюдей. Однако прямыми данными, которые позволили бы дать ответ на последний вопрос, наука не располагает. Предлюди были животными, но своеобразными животными, вступившими на путь, ведущий к человеку, а поэтому отличавшимися от всех остальных представителей зоологического мира, в том числе и от человекообразных обезьян. Это делает невозможным прямую аналогию между объединениями предлюдей и объединениями всех других животных, в том числе и объединениями обезьян.

Но предками предлюдей были крупные человекообразные обезьяны миоцена, прямая аналогия между объединениями которых и объединениями современных крупных антропоидов вполне законна и правомерна. Это открывает возможность выявления природы предчеловеческих объединений. Нужно выяснить, что из себя представляли объединения человекообразных обезьян, являвшихся предками предлюдей, а затем попытаться представить, какие изменения могло внести в эти объединения возникновение рефлекторного труда.

В вопросе о том, что из себя конкретно представляли миоценовые антропоиды, давние начало ветви, развитие которой завершилось возникновением человека, много спорного и неясного. Не вдаваясь в детали существующих в науке разногласий, коротко суммируем выводы, которых придерживается в настоящее время подавляющее большинство ученых.

Прежде всего более или менее твердо установленным можно считать факт, что миоценовые антропоиды, являвшиеся предками предлюдей (и тем самым людей), вели в основном древесный образ жизни (Clark Le Gros, 1955, p. 170; 1959, p. 337; Hockett and Ascher, 1964, p. 137—138; Рогинский и Левин, 1955, стр. 285; Нестурх, 1957, стр. 163—166; 1958, стр. 47—56; 1960а, стр. 8—9; 1960б, стр. 100—105; Якимов, 1949б, стр. 232; В. П. Алексеев, 1960, стр. 184—188). Столь же твердо установленным можно считать положение, что у них отсутствовала специализация к древесному образу жизни, в частности они не были специализированными брахиаторами (Clark Le Gros, 1955, p. 169; 1956, p. 64; 1959, p. 340; Spuhler, 1959, p. 3; Якимов,

19496, стр. 232; Бонч-Осмоловский, 1941, 1944а, 1944б, 1954, стр. 184—186; Бунак, 1954, стр. 368, 375—384; 1959, стр. 21, 125—126; Рогинский и Левин, 1955, стр. 285; В. П. Алексеев, 1960, стр. 184—188). Крупные миоценовые антропоиды обладали способностью к разным видам передвижения, главным из которых была круриация (Якимов, 19496, стр. 232; Нестурх, 1957, стр. 167; 19606, стр. 8—9). Брахиация у них либо полностью отсутствовала (Бонч-Осмоловский, 1954, стр. 184—186; Бунак, 1954; 1959, стр. 21, 125—126), либо носила умеренный характер (Нестурх, 1957, стр. 167—169; 19606, стр. 9; Patterson, 1955, р. 29). Будучи в основном древесными животными, миоценовые предки предлюдей в то же время часть своего времени и, может быть, даже довольно значительную проводили на земле, по которой свободно передвигались (Бунак, 1954, стр. 368, 381—382; 1959, стр. 21, 125—126; Clark Le Gros, 1955, р. 169; 1956, р. 61; Hockett and Ascher, 1964, р. 138). По образу жизни к миоценовым предкам человека из современных человекообразных обезьян ближе всего стоит, по-видимому, шимпанзе, который, будучи в основном древесной формой, часть времени бодрствования, т. е. активного периода суток, и даже большую, проводит на земле (Рогинский и Левин, 1955, стр. 161; Нестурх, 1957, стр. 165; Schaller and Emlen, 1963, р. 371).

Переходя к вопросу о формах объединений у миоценовых антропоидов, необходимо прежде всего остановиться на проблеме существования у них гаремной семьи. Некоторые ученые (Золотарев, 19406, стр. 32—36; Нестурх, 1958, стр. 231—232) утверждают, что у человекообразных обезьян, являвшихся предками человека, гаремная семья отсутствовала, что половые отношения у них носили беспорядочный, промискуитетный характер. Мнение это находится в столь разительном противоречии со всем имеющимся фактическим материалом о половых отношениях у многих низших узконосых и у всех без исключения высших обезьян (R. Yerkes and A. Yerkes, 1929; Zuckerman, 1932; Yerkes, 1943; Kohler, 1948; Sahllins, 1959; Войтонис, 1937, 1949; Тих, 1947, I и др.), в том числе и с тем, который содержится в указанной выше работе М. Ф. Нестурха (1958, стр. 220—231), что согласиться с ним, на наш взгляд, невозможно.

Отсутствие гаремной организации половых отношений отмечено лишь у части широконосых и низших узконосых обезьян (Sapreter, 1934, 1942; Sahllins, 1959). Оно обусловлено такой особенностью физиологии размножения этих видов, как ограничение времени спаривания в основном лишь кратковременным периодом, соответствующим течке низших млекопитающих.

Как уже указывалось, характерным для приматов является постепенное высвобождение по мере подъема по филогенетической лестнице половых актов из-под гормонального контроля и столь же постепенное возрастание роли коры в их регулировании. В результате у высших представителей этого отряда спаривание может происходить и происходит в любое время, за исключением лишь кратковременного периода менструального кровотечения. Этой особенностью их физиологии размножения и обусловлено существование у них гаремной организации. Гаремные семьи являются у них безусловными объединениями. Вряд ли, на наш взгляд, могут быть сомнения в том, что физиология размножения миоценовых человекообразных обезьян была ближе к физиологии современных антропоидов, чем к физиологии широконосовых и части низших узконосовых обезьян. Это дает основание с большей степенью достоверности полагать, что у миоценовых человекообразных обезьян существовала такая форма объединения, как гаремная семья.

Кроме гаремной семьи, можно предположить существование у миоценовых предков человека стадных объединений. Известно, что из всех современных крупных человекообразных обезьян стада отсутствуют лишь у орангутанов, являющихся узко специализированными животными, ведущими исключительно древесный образ жизни (Schaller and Emlen, 1963, p. 371—373). Вероятным является также существование у миоценовых предков предлюдей объединений молодых самцов и отдельных самцов, ведущих одиночный образ жизни.

Все, что было сказано в предшествующей главе о гаремной семье и стаде обезьян, а также о взаимоотношении особей внутри этих объединений, должно быть отнесено и к объединениям миоценовых антропоидов. Гаремная семья и стадо миоценовых крупных человекообразных обезьян ничем существенным не могли отличаться от соответствующих объединений современных крупных антропоидов.

Миоцен был эпохой биологического процветания крупных человекообразных обезьян. Они необычайно размножились в числе и заняли все области Старого Света с жарким и теплым климатом. Быстрое увеличение численности обезьян имело своим следствием нехватку привычных пищевых ресурсов. Естественный отбор в условиях возросшей конкуренции между крупными антропоидами неизбежно привел к возникновению среди них специализированных древесных форм. Специализация к древесному образу жизни давала обезьянам, развитие которых пошло по этому пути, известные преимущества перед формами, оставшимися неспециализированными. Последние не могли при поисках пищи на деревьях ус-

пешно конкурировать со специализированными древесными формамп. Это обстоятельство толкало их к изысканию иных источников пищи, причем находящихся вне сферы, в которой начали господствовать специализированные к древесному образу жизни антропоиды. Путь этот в конечном счете вел неспециализированные формы высших обезьян к переходу на землю, где пища была обильней и где легче было ее найти. Переход к наземному образу жизни был облегчен тем, что они и раньше никогда не вели исключительно древесного образа жизни. Им поэтому было нетрудно перейти сначала к полуназемному образу жизни, а затем и к полностью наземному. Объяснение причины перехода части антропоидов на землю конкуренцией другой их части, приобретшей специализацию к жизни на деревьях, полностью согласуется с данными палеонтологии, свидетельствующими о том, что появление специализированных к древесному образу жизни крупных человекообразных обезьян совпадает во времени с переходом другой части антропоидов к жизни на земле (Бунак, 1954, стр. 382—383, 385—386; Нестурх, 1954, стр. 45).

Жизнь на земле таила в себе огромные опасности для животных, не отличавшихся большой физической силой и не обладавших мощным естественным вооружением, какими были миоценовые человекообразные обезьяны. Они могли стать легкой добычей для хищников, которыми изобиловали леса. Необходимым условием перехода человекообразных обезьян к полностью наземному образу жизни являлось приобретение ими таких качеств, которые позволили бы им успешно противостоять опасностям, угрожавшим им на земле.

Приспособление одной части крупных человекообразных обезьян к наземному образу жизни пошло по линии возрастания размеров тела и соответственно физической силы, по линии совершенствования естественного вооружения — по пути гигантизма (Якимов, 1951, стр. 42—43; Ю. Семенов, 1956а, стр. 167—168). Из числа гигантских форм человекообразных обезьян третичного периода можно указать на гигантского дриопитека, из числа современных — на гориллу.

Эволюция другой части человекообразных обезьян, переходивших на землю, пошла по линии возникновения и утверждения предчеловеческого труда и завершилась возникновением предлюдей. Детальный анализ процесса возникновения предчеловеческого труда и превращения крупных антропоидов в предлюдей был дан нами в работе «Возникновение и основные этапы развития труда» (1956а, стр. 169—186). Отсылая желающих подробно ознакомиться с этими вопросами к ней, мы остановимся в настоящем труде лишь

на тех моментах процесса становления и развития предчеловеческого труда, без которых невозможно понять те изменения, которые произошли в объединении обезьян в ходе превращения последних в предлюдей.

Как уже указывалось, развитие предчеловеческого труда началось с того, что антропоиды, переходившие на землю, стали восполнять физическую слабость и недостаточность естественного вооружения использованием для защиты от хищников тех предметов природы (камней, палок и т. п.), с которыми они манипулировали ранее и которые они в отдельных случаях использовали в качестве средств труда³. По мере перехода к наземному образу жизни акты самозащиты с использованием естественных орудий из случайных становятся правилом и, наконец, необходимостью. За палкой, камнем и другими им подобными предметами постепенно закрепляется функция орудий труда, орудий самозащиты. Предлюди уже не могут без них обходиться.

Однако само по себе одно лишь использование естественных орудий для защиты не могло гарантировать существования предлюдей. Сам по себе отдельный предчеловек, даже вооруженный камнем или палкой, не мог успешно противостоять нападению хищников. Вряд ли им могла противостоять и отдельная гаремная семья, состоящая всего лишь из одного взрослого самца и нескольких самок, большая часть которых либо уже была обременена заботой о детенышах, либо ждала их появления. Нападению хищников могло противостоять лишь более крупное объединение — стадо. Лишь стадо предлюдей, вооруженных камнями и палками, могло представлять силу, способную не только отразить нападение даже самого опасного хищника, но и уничтожить его.

В том, что предлюди должны были жить стадами, а не самостоятельными гаремными семьями, убеждают и имеющиеся данные об объединениях обезьян.

Целым рядом исследователей было обращено внимание на то, что самостоятельными гаремными семьями живут, как правило, лишь обезьяны, ведущие древесный образ жизни, в то время как обезьяны, обитающие вне пределов лесной зоны, ведут стадное существование. Все крупные человекообразные обезьяны, не исключая горилл, в том числе горных, живут в лесах (Вебер, 1936, стр. 223; Экли, 1923, стр. 159—200; 1935, стр. 127—167; Нестурх, 1958, стр. 39—40). Однако, как уже указывалось, из всех них исключительно древесный образ жизни ведут лишь орангутаны

³ Значительное число фактов использования обезьянами камней, палок, ветвей для защиты от врагов приведено в статье А. Шульда (Schultz, 1961, p. 67—68).

(Рогинский и Левин, 1955, стр. 157; Нестурх, 1960а, стр. 34). Шимпанзе ведет полудревесный — полуназемный образ существования (Рогинский и Левин, 1955, стр. 161; Нестурх, 1957, стр. 165; 1960а, стр. 29). Гориллы ведут в основном наземный образ жизни, причем особенно это относится к горным, являющимся почти исключительно наземными животными (Рогинский и Левин, 1955, стр. 158; Нестурх, 1958, стр. 40; 1960а, стр. 29—31). Если сопоставить эти сведения с имеющимися данными об объединениях упомянутых выше антропоидов, то получится весьма убедительная картина. Орангутаны живут исключительно семьями, существование общих стад у них не отмечено (Zuckerman, 1932, p. 174—179; Тих, 1947, I, стр. 18—19; Нестурх, 1958, стр. 226). Шимпанзе живут как самостоятельными гаремными семьями, так и стадами. Число особей в стаде обычно не превышает 20—30 (Yerkes, 1943, p. 40; R. Yerkes and A. Yerkes, 1929, p. 247). Гориллы тоже живут и самостоятельными гаремными семьями, и стадами. Но число особей в стаде доходит у них до 30—40 и даже 50 (R. Yerkes and A. Yerkes, 1929, p. 430; Zuckerman, 1932, p. 174—176; Тих, 1947, I, стр. 18; Нестурх, 1958, стр. 227), причем у горных горилл стада крупнее, чем у береговых (Экли, 1923, стр. 154—201; Zuckerman, 1932, p. 174).

Несколько иные данные приводятся в работе Г. Шаллера и Дж. Эмлена «Наблюдения над экологией и социальным поведением горных горилл» (Shaller and Emle, 1963). Согласно их материалам, размеры стад горных горилл варьируют от 5 до 30 особей, составляя в среднем около 17 животных. Одним из важнейших факторов, определяющих численность групп, являются внешние условия. Стада горилл, обитающих в открытых горных лесах и, как следствие, ночующих на земле, значительно превышают по размерам стада этих же антропоидов, живущих в густых равнинных лесах и ночующих, как правило, на деревьях (p. 370—373). Авторы подчеркивают также, что стада горных горилл, являющихся животными наземными, представляют собой гораздо более сплоченные и замкнутые объединения, чем стада ведущих полуназемный образ жизни шимпанзе (p. 373). Обращается внимание в статье и на то обстоятельство, что ведущие исключительно древесный образ жизни орангутаны образуют неустойчивые группы, редко насчитывающие в своем составе более 3—4 особей (p. 373).

Если стадо имеет столь важное значение в жизни такой наземной человекообразной обезьяны, как горилла, обладающей могучим телосложением, огромной физической силой и большими клыками, живущей, добавим к этому, в лесах и имеющей возможность в слу-

чае опасности забраться на дерево, то тем более было оно необходимо для обеспечения существования предлюдей, покинувших в большинстве своем после перехода на землю леса и перешедших к обитанию в безлесной местности. Все южноафриканские австралопитеки являлись обитателями открытых, безлесных и даже (в западной части ареала их распространения) полупустынных областей, характеризовавшихся довольно суровыми климатическими условиями. Все это вместе взятое позволяет сделать заключение, что предлюди жили стадами, численностью, вероятно, во всяком случае не менее 35—50 особей.

Систематическое использование естественных орудий сделало стадо предлюдей грозной силой. И эта сила, возрастая, формируясь в борьбе с хищниками, получила вскоре и другое применение.

Человекообразные обезьяны были по преимуществу растительноядными животными. Переход на землю, побудительной причиной которого было стремление изыскать новые источники пищи, имел своим следствием значительное расширение круга природных пищевых ресурсов. Результатом его явилось не только употребление в пищу новых растений, но и мелких животных, которые в изобилии водились на земле⁴. В охоте за мелкими животными предлюди использовали орудия, употреблявшиеся ими для защиты от хищников. С употреблением мясной пищи возникла потребность в этом ценнейшем пищевом продукте, стремление иметь его в достаточном количестве. Охота на мелких животных эту потребность удовлетворить не могла. Она могла быть удовлетворена лишь путем охоты на более или менее крупных животных.

Человекообразные обезьяны по своим природным данным мало приспособлены к образу жизни хищников. У предлюдей отсутствие естественных органов нападения было восполнено искусственными органами — орудиями, недостаток физической силы отдельной особи — силой значительного по размерам стада. По мере расширения масштаба использования предметов природы в качестве средств труда они из орудий самозащиты превращаются в орудия охоты на крупных животных. Охота на крупных зверей, развиваясь, приобретает все большее значение в жизни предлюдей, становится ведущей формой их приспособительной деятельности.

⁴ Спорадическое употребление в пищу мяса отмечено у некоторых наземных низших обезьян, в частности у павианов. Известны случаи, когда павианы, являющиеся в основном животными растительноядными, убивали и ели птиц, зайцев, даже детенышей антилопы (Schultz, 1961, p. 83; Washburn and De Vore, 1961, p. 94; De Vore and Washburn, 1963, p. 360—364). Аналогичные данные имеются и о полуназемных шимпанзе.

В настоящее время можно считать доказанным, что южноафриканские австралопитеки, являющиеся наиболее изученными представителями предлюдей, вели довольно систематическую охоту на различных животных, в том числе и крупных, причем в качестве охотничьего оружия они применяли различные предметы, в частности кости и рога копытных животных (Broom and Sheregs, 1946, p. 31; Broom, 1951, p. 34—37, 86; Dart, 1948, 1949, 1957).

Особенно убедительные данные по этому вопросу были приведены в работах Р. Дарта (Dart, 1948, p. 260—279; 1949, p. 1—38). В Таунге (месте находки австралопитека африканского), Стеркфонтейне (месте находки плезиантропа — австралопитека — трансваальского) и Макапансгате (месте находки австралопитека прометея) было найдено 58 черепов павианов (21 в Таунге, 22 в Стеркфонтейне и 15 в Макапансгате). Из этих черепов более чем на 50 (80%) были обнаружены радиальные трещины, подобные тем, которые образуются при ударе острым камнем, и различного рода проломы, которые могли быть причинены лишь сильными хорошо нацеленными ударами тяжелых орудий типа дубин. Анализ особенностей проломов, обнаруженных на черепах павианов, позволил Р. Дарту сделать вывод, что австралопитеки в качестве орудий использовали длинные кости конечностей копытных животных, в большом количестве найденные вместе с проломленными черепами павианов. Кроме костяных орудий, австралопитеки использовали также деревянные дубины и камни (Dart, 1949, p. 9). О более или менее систематическом характере охотничьей деятельности австралопитеков говорят данные, приведенные в другой работе Р. Дарта (Dart, 1957). Только в сравнительно небольшой части брекчии в Макапансгате были обнаружены остатки 433 животных, из которых 293 были бычьими. Статистический анализ костных, зубных и роговых фрагментов, извлеченных из брекчии, свидетельствует в пользу предположения об использовании австралопитеками в качестве орудий костей, челюстей и рогов животных, особенно копытных.

По мере того, как у предлюдей все большее развитие получала охота с использованием в качестве орудий камней, деревянных и костяных дубин, все большее значение в их жизни приобретало стадо. О стадном характере охоты предлюдей в достаточной степени убедительно говорят находки в их логовищах черепов павианов. Охота на павианов, живущих большими стадами и оказывающих ожесточенный коллективный отпор врагам (Zuckerman, 1932, p. 194—207; Dart, 1949, p. 9), могла быть успешной только в том случае, если велась довольно крупными объединениями — стадами.

Только наличие стада сделало возможной успешную охоту на более или менее крупных животных. Только наличие стада делало возможной успешную защиту от нападения хищников и других опасностей наземной жизни. Только в стаде могла успешно осуществляться предчеловеческая трудовая деятельность — основной и важнейший вид деятельности предлюдей, обеспечивающий их приспособление к внешней среде, их существование. С тех пор, как предчеловеческий труд стал основным и необходимым способом приспособления к среде, важнейшим условием приспособления к среде стало и стадо. Предлюди не могли существовать ни в одиночку, ни самостоятельными гаремными семьями, они могли жить только стадами. Предчеловеческое стадо в отличие от обезьяньего было не условным, а безусловным объединением.

Превращение антропоидов в предлюдей имело своим следствием развитие коллективных действий. У обезьян мы знаем по существу лишь одну форму коллективной деятельности — оборону от врагов. У предлюдей не только получила развитие и усложнилась коллективная оборонительная деятельность, но и возникла новая форма коллективной деятельности — охота. У обезьян объединение выступает как единое целое лишь в момент отражения нападения извне. Стадо предлюдей выступало как единое целое и при нападении на животных, являющихся объектами их охотничьих устремлений. По мере того, как возрастало значение охоты в жизни предлюдей, становились все более частыми и все более сложными их коллективные действия. Развитие охоты требовало все большего сплочения стада, все большей согласованности действий отдельных его членов.

Но следствием возникновения и совершенствования предчеловеческого труда явилось не только развитие тенденции к сплочению стада. Следствием его явилось развитие и противоположной тенденции — тенденции к развалу предчеловеческого стада.

3. Антагонизм предчеловеческого стада и гаремной семьи предлюдей

Физиология размножения предлюдей не могла отличаться сколько-нибудь существенно от физиологии размножения антропоидов. Предлюди были животными и, как все животные, стремились лишь к удовлетворению своих инстинктов. Это делало неизбежным существование у предлюдей гаремных семей и системы доминирования как в гаремной семье, так и в стаде. Как и стадо обезьян, предчеловеческое стадо состояло из гаремных семей и самцов-хозяев.

У обезьян обычно лишь часть холостяков входит в состав общего стада, остальные либо образуют однополые стада, либо ведут одиночный образ жизни. Для предлюдей одиночный образ жизни был невозможен. Вряд ли также можно предполагать существование у них однополых стад самцов-холостяков. Чтобы такие стада могли существовать, они должны были представлять собой сравнительно большие по размерам (хотя и меньше, чем общие стада), прочные и постоянные объединения. Но стада холостяков прочными и постоянными объединениями быть не могут. Кроме того, существование больших стад холостяков должно было бы обессиливать общие стада, делая их неспособными ни успешно защищаться, ни успешно охотиться, обрекая их на гибель и тем самым всех предлюдей на вымирание. Общие стада поэтому были единственной самостоятельно существующей формой объединения предлюдей. Даже если учитывать только указанное выше обстоятельство, то и в этом случае мы должны прийти к выводу, что процент самцов, лишенных существующей системой доминирования возможности удовлетворения полового инстинкта, должен был в стаде предлюдей значительно превышать процент холостяков в стаде обезьян. Но, помимо его, были и другие, не менее важные.

Известный французский антрополог А. Валлуа в одной из своих статей (Vallois, 1961) на основании анализа большого фактического материала пришел к выводу, что в эпоху раннего и позднего палеолита и мезолита продолжительность жизни женщин была меньше продолжительности жизни мужчин и что поэтому в течение данного длительного периода времени число взрослых мужчин в человеческих коллективах превышало, причем довольно значительно, число взрослых женщин. Причиной более ранней смертности женщин А. Валлуа считает осложнения во время беременности и родов. Интересно в этой связи напомнить сделанный А. В. Немиловым в книге «Биологическая трагедия женщин» (1929) вывод о том, что переход к прямохождению и связанная с ним перестройка организма неизбежно должны были повлечь за собой возрастание числа осложнений при беременности и родах, а, следовательно, и повышение женской смертности. Если принять во внимание, что у всех видов обезьян число взрослых самок превышает, как правило, число взрослых самцов, то данное А. Валлуа объяснение большей женской смертности в ранний период истории человечества представляется весьма вероятным.

Предлюди были прямоходящими существами. Однако в отличие от людей двуногий способ передвижения был у них еще далек до совершенства. Организм у них не был еще полностью перестроен в направлении приспособления к прямохождению (Washburn,

1960). Поэтому следует ожидать у них наличие значительно большего, чем у ранних людей, числа осложнений при беременности и родах и соответственно большей смертности среди самок.

Сочетающаяся с вхождением всех взрослых самцов в состав общего стада резкая диспропорция между их числом и числом взрослых самок неизбежно должна была делать попытки со стороны холостяков изменить свое положение в системе доминирования и обзавестись гаремами гораздо более частыми, чем в стаде обезьян, должна была делать систему доминирования в стаде предлюдей крайне неустойчивой. Стычки и драки из-за самок, представляющие нередкое явление и среди обезьян, должны были быть очень частыми в предчеловеческих стадах. Возможность драк усугублялась и тем обстоятельством, что вожаки гаремных семей не могли избежать столкновений с холостяками путем отделения вместе с семьей от стада.

Стадо должно было представлять собой, за исключением лишь времени обороны от хищников и коллективной охоты, арену постоянных драк и стычек между самцами.

Косвенным подтверждением такого предположения могут послужить наблюдения С. Цукермана (Zuckerman, 1932, p. 215—230) над жизнью колоний павианов в Лондонском зоологическом саду в 1925—1930 гг. и на Парижской выставке 1931 г. Эти колонии были ненормальными по своему составу. Так, например, в колонии павианов на Парижской выставке были 81 самец и всего лишь 29 самок. Самки были распределены между 12 самцами, причем один из них имел девять самок, три самца по три самки каждый, три самца по две самки, пять самцов по одной самке. Остальные 69 самцов были холостяками. Не менее ненормальным было положение и в Лондонском зоологическом саду. В этих колониях битвы из-за самок происходили почти каждый день в течение всего времени существования этих колоний. Результатом этих битв была большая смертность среди павианов.

Сам С. Цукерман (p. 217, 220) указал, что битвы в наблюдаемых колониях были несомненно более частыми, чем в природных условиях, в силу неестественного соотношения полов в колониях и неестественности обстановки. Сосредоточенные на малой площади животные не могут отделиться друг от друга, как в естественных условиях. Самец, не настолько доминирующий, чтобы сохранить гарем в большом стаде, не может даже временно отделиться от него, как это имеет место в природных условиях (p. 217). Резонно поэтому думать, пишет далее С. Цукерман (p. 220), что в этих колониях семейные группы приходят в контакт с холостяками много чаще, чем на воле. Большое число холостяков в колониях

также было обстоятельством, способствовавшим «социальному разрушению» (р. 220).

Аналогия между ненормальными по составу колониями павианов, описанными С. Цукерманом, и стадом предлюдей бросается в глаза. В стаде предлюдей, как и в этих колониях, число взрослых самцов значительно превышало число взрослых самок; вожаки предчеловеческих гаремных семей также были не в состоянии отделиться вместе со своим гаремом от стада, как и вожаки гаремных семей павианов описанных колоний.

Драки в стадах предлюдей были не только более частыми, чем у обезьян, но и носили более жестокий характер. Обезьяны в большинстве своем являются растительноядными животными. Единственными орудиями, которые они пускают в ход во время драк, являются руки, ноги и зубы. Предлюди были хищниками, владевшими искусством убивать довольно крупных животных дубинами из дерева и кости и камнями. Несомненно, что эти орудия они должны были пускать в ход и во время драк между собой. Использование дубин и камней в драках имело следствием серьезные ранения и нередко вело к смертельному исходу. Мнения о том, что во время вспыхивавших в стаде австралопитеков на почве полового соперничества конфликтов между самцами широко применялось оружие, придерживается ряд ученых (Bartholomew and Birdsall, 1953, p. 490—491).

В работах Р. Брума и Г. Шеперса (Broom, Schepers, 1946) и особенно Р. Дарта (Dart, 1948, 1949) приведены многочисленные данные, доказывающие, что в стадах австралопитеков имели место частые кровавые конфликты, завершавшиеся нередко смертью. Об этом достаточно красноречиво говорит хотя бы такой, особо отмеченный Р. Брумом (Broom, Schepers, 1946) и Р. Дартом (Dart, 1948, 1949) факт, что практически все найденные черепа австралопитеков носят следы повреждений, аналогичных тем, что были обнаружены на черепах павианов. Черепа австралопитека африканского и одного из плезиантропов носят следы бокового удара, черепа двух других плезиантропов — вертикального удара, причем один из этих черепов проломлен использованной в качестве дубины длинной костью конечности копытного животного (Dart, 1949, p. 5, 37—38). Череп австралопитека прометет вначале был проломлен тяжелым косым ударом дубиной по макушке, а затем от него была отделена затылочная кость (р. 38). В черепе парантропа массивного был обнаружен кусок камня около 5 см в диаметре. Камень этот пробил кость и застрял во внутренней полости черепа (р. 5, 38). На основании этих данных Р. Дартом был сделан вывод, что австралопитеки использовали

костяные и деревянные дубины и камни не только для охоты на животных, но и в «истребительной междуусобной борьбе» (1948, р. 278).

С. Цукерман (1932) указал, что смерть любого члена колонии павианов неизбежно влекла за собой новые драки, ибо нарушала систему доминирования, сложившуюся в объединении. Новая система не могла сложиться без стычек и столкновений. Подобное положение должно было иметь место и в стаде предлюдей. Смерть одного из членов стада должна была повлечь за собой новые драки, которые также могли приводить к смертельному исходу, что в свою очередь закладывало основу для новых столкновений, и так без конца. К нарушению системы доминирования приводили и ранения.

Непрерывные, непрекращающиеся драки в стаде предлюдей подрывали систему доминирования. Последняя не столько существовала в стаде предлюдей, сколько ломалась, нарушалась, перестраивалась. Зоологический индивидуализм в стаде предлюдей достиг своего наивысшего развития и подрывал сам себя, ибо все в большей и большей степени становился угрозой самому существованию предлюдей. Вся жизнь предчеловеческого стада представляла собой чередование периодов междуусобных конфликтов, подрывавших и расшатывавших стадо, и периодов совместной обороны от врагов и коллективной охоты, когда стадо выступало как единое целое. В жизни стада брала верх то имевшая своей основой оборонительный и пищевой рефлекс тенденция к объединению и сплочению, то имевшая основой половой инстинкт тенденция к его расшатыванию и разрушению. И последняя тенденция в части стад угрожала стать преобладающей. Бесконечные кровавые конфликты могли приводить и приводили в некоторых случаях к сокращению размеров стада до такой степени, что оно становилось неспособным ни к успешной обороне, ни к успешной охоте. В таком случае стадо рано или поздно неизбежно погибало.

Антагонизм между гаремной семьей и стадом, отмеченный у обезьян, принял у предлюдей необычайно острые формы. Для тех стад, в которых он достиг такой степени развития, что превратился в угрозу для самого существования предлюдей, разрешение конфликта между гаремной семьей и стадом стало насущной жизненной необходимостью. Конфликт этот мог быть разрешен либо путем разрушения гаремных семей и растворения их в стаде, либо путем распада стада на отдельные ведущие самостоятельное существование гаремные семьи. Первый путь предполагал постоянное и прочное подавление полового инстинкта всех входящих в состав стада самцов, второй — выработку у предлюдей таких

качеств, которые делали возможным их существование небольшими объединениями.

Предлюди были животными. Их эволюция определялась теми же закономерностями, которые действуют в животном мире, и прежде всего естественным отбором.

Факты показывают, что естественный отбор в определенных условиях может привести и приводит к постоянному и прочному подавлению полового инстинкта большинства членов биологического объединения. В «обществах» муравьев, пчел и т. п. половой инстинкт большинства особей полностью подавлен. Почти все индивиды, входящие в состав этих «обществ», являются бесполоыми. Эта бесполость подавляющего большинства «общественных» насекомых является необходимым условием существования их «обществ».

Бесполость большинства членов «обществ» насекомых является необычайно ярким проявлением господствующей в этих «обществах» специализации особей к выполнению лишь нескольких или даже одной функции из тех, что имеются у «необщественных» животных. Эта специализация не представляет выгоды для каждого индивида, взятого в отдельности, ибо она лишает его возможности существовать самостоятельно. Она выгодна для объединения, для вида и тем самым для индивида. Специализация эта, как и другие формы приспособления к среде, несомненно возникла под действием естественного отбора, но отбора не вполне обычного, отбора, объектом которого были не индивиды непосредственно, а их объединения и лишь тем самым они. В результате этого отбора каждое объединение, состоявшее первоначально из особей, обладавших всеми функциями, биологически полноценных, превратилось в своеобразный коллективный биологический организм, внутри которого отдельные особи и группы их выполняют функции различных его органов. «Общества» животных являются по своей природе не объединениями, а коллективными биологическими организмами, сверхорганизмами, сверхиндивидами.

Такой взгляд на «общества» насекомых полностью согласуется с новейшими данными энтомологии. Вот, например, что пишет крупнейший специалист в этой области Р. Шовен, обобщая результаты своих исследований над пчелами: «Попробуем отвлечься от привычного понятия о рое и представить себе (рой) пчел как организм нового типа. Эти живые существа, место которых на одной из верхних ступеней эволюции, могут быть сопоставлены с животными класса губок, занимающими одну из низших исходных ступеней ее. Сравним их с устойчивым организмом, полости которого заполнены скоплениями газов с большим содержанием углекис-

лоты, в котором сильнодействующий механизм вентиляции работает лишь от случая к случаю. Обмен некоторых веществ, например витаминов или различных питательных веществ, по всей вероятности, высокоактивен. Никсон и Риббандс дали шести пчелам радиоактивный фосфор. Через 24 часа 40 процентов всего населения улья (составляющее до 40 тысяч пчел) было радиоактивным. Это яркий показатель активности обмена питательными веществами внутри сверхорганизма. Организм этот — двуполой (ведь в каждом улье есть самцы и самки), но двуполость эта носит сезонный характер, так как самцы исчезают с наступлением холодов. Он обладает органами защиты (сторожевые пчелы), органами, выделяющими воск (строительницы), и своеобразной маткой (масса кормилиц), внутри которой расплод развивается до конца стадии куколки» (1960, стр. 197—198).

Стать объектом естественного отбора и начать эволюцию могут лишь объединения, способные превратиться в биологический коллективный организм, сверхиндивид. Первым результатом действия естественного отбора на объединение, первым шагом в эволюции объединения является его превращение в сверхорганизм, пусть самый зачаточный, пусть самый примитивный, но сверхорганизм. Последующие шаги будут состоять в дальнейшем развитии и совершенствовании этого первичного сверхорганизма. Объединения животных могут развиваться, лишь превращаясь в сверхорганизм.

Естественный отбор, действием которого определяется эволюция сверхорганизма, отличается от обычного индивидуального естественного отбора, но это отличие не носит принципиального характера. И в том, и в другом случае мы имеем дело с отбором биологических индивидов, но в одном — с отбором обычных биологических индивидов, в другом — с отбором биологических сверхиндивидов. Отбор индивидов и отбор «обществ» насекомых представляют собой не два совершенно различных вида отбора — отбор биологический и отбор «социальный», а две разновидности естественного отбора — отбор индивидуальный и отбор сверхиндивидуальный.

Таким образом, естественный отбор может привести к постоянному и прочному подавлению полового инстинкта членов зоологического объединения, лишь выступая в форме сверхиндивидуального отбора.

Иного пути постоянного и прочного подавления полового инстинкта животных, кроме превращения их объединения в коллективный биологический организм, а подавляющего большинства его членов в бесполое существа, нет. Но превращение объединения высших млекопитающих животных в сверхорганизм, а их самих в

бесполое существа является делом невероятным. Поэтому разрешение конфликта между стадом предлюдей и предчеловеческой гаремной семьей путем подавления полового инстинкта и растворения семей в стаде было немыслимо, пока предлюдии оставались животными, пока предлюдии оставались предлюдьми.

Что же касается второго пути разрешения конфликта между стадом и гаремной семьей предлюдей, предполагающего приобретение предлюдьми таких качеств, которые делали возможным самостоятельное существование отдельных гаремных семей, то он вполне мог иметь место. Сами бесконечные конфликты в стаде предлюдей подготавливали возможность такого пути разрешения указанного конфликта. В условиях, существовавших в стаде предлюдей, выживали и получали возможность оставить потомство главным образом самцы, обладавшие наибольшими размерами и наибольшей физической силой. Естественный отбор неизбежно вел к развитию у предлюдей полового диморфизма и общей их эволюции по линии гигантизма.

У той части предлюдей, в стадах которых конфликты происходили чаще и носили более ожесточенный характер, развитие по линии гигантизма пошло быстрыми темпами и довольно скоро привело к такому возрастанию размеров тела и физической силы, что сделало возможным в конце концов отделение гаремных семей от стада. С возникновением возможности отделения гаремных семей от стада начали образовываться и самостоятельные объединения самцов-холостяков. Общее стадо у этой части предлюдей если и продолжало существовать, то в виде текучего по своему составу, неустойчивого условного объединения.

Гигантизм и распад стада имел своим следствием умаление роли предчеловеческого труда и в конечном счете его деградацию. Гигантские предлюдии, обладавшие огромной физической силой, могли успешно обороняться от врагов и не прибегая к помощи орудий. Они, вероятно, продолжали по-прежнему пользоваться орудиями, но это использование орудий перестало быть для них жизненной необходимостью. Если в процессе перехода на землю использование орудий из случайности превратилось в правило, а затем стало необходимостью, то у этой части предлюдей эволюция предчеловеческого труда пошла в обратном направлении. Следствием деградации предчеловеческого труда явилось развитие естественного вооружения — челюстного аппарата, клыков и т. д. В целом эволюция этой части предлюдей пошла в сторону от пути, ведущего к человеку.

Предлюдии, у которых развитие пошло по линии деградации предчеловеческого труда, собственно, уже не могут быть названы

предлюдьми в полном и точном смысле этого слова. В отличие от истинных, настоящих предлюдей, их можно было бы именовать бывшими предлюдьми или мнимыми предлюдьми.

Высказанное выше предположение находит свое подтверждение в палеонтологическом материале.

В настоящее время всеми без исключения учеными в группу австралопитеков (т. е. в число предлюдей) включаются австралопитек африканский (место находки — Таунг), плезиантроп (австралопитек) трансваальский (Стеркфонтейн), австралопитек прометей (Макапансгат), парантроп крупнозубый (Сворткранс) и парантроп массивный (Кромдраай близ Стеркфонтейна). Существует много иногда довольно значительно отличающихся друг от друга классификаций австралопитеков (Dart, 1948, 1955a; Broom, 1950; Washburn and Patterson, 1951; Robinson, 1953a, 1953b, 1954, 1955, 1962, 1963; Oakley, 1954; Howell, 1955; Clark Le Gros, 1955; Leakey, 1959; Бунак, 1959; Зубов, 1964; Якимов, 1964). Однако, несмотря на все различия, большинство указанных ученых в той или иной форме выделяют среди австралопитеков две основные группы: группу собственно австралопитеков (австралопитек африканский, плезиантроп трансваальский и австралопитек прометей) и группу парантропов (парантроп крупнозубый и парантроп массивный).

Значительные расхождения существуют и в вопросе о датировке австралопитеков (Broom, Schepers, 1946; Broom, 1951; Robinson, 1953a, 1954; Oakley, 1954, 1957a; Howell, 1955; Singer, 1958; Dietrich, 1958; Leakey, 1959), однако большинство ученых считают группу австралопитеков геологически более древней, а группу парантропов более молодой (Oakley, 1954, 1957a; Howell, 1955; Leakey, 1959; Washburn, 1960; Washburn and Clark, 1960; Якимов, 1964).

Парантропы значительно отличаются от австралопитеков большими размерами тела, сильным развитием челюстей и зубов и, вероятно, соответственно большей физической силой (Washburn, 1960, p. 67; Robinson, 1962, p. 483; 1963, p. 393). Как указывал В. П. Якимов (1951, стр. 43), развитие парантропов шло по пути приобретения признаков гигантизма. Эти данные вместе с имеющимися указаниями, что парантропы больше отличались от людей, чем австралопитеки (Robinson, 1962, p. 481; 1963, p. 286), дают основания полагать, что парантроп крупнозубый и парантроп массивный должны быть скорее отнесены к числу не истинных предлюдей, а мнимых, что они представляют собой боковую ветвь в развитии предлюдей. Как представителей поздней боковой ветви в развитии австралопитеков, ветви, развитие которой

отклонилось от пути, ведущего к человеку, рассматривал парантропов В. Ле Гро Кларк (Clark Le Gros, 1955, p. 157).

В пользу взгляда на парантропов как на представителей той ветви предлюдей, у которых предчеловеческий труд начал претерпевать обратное развитие, свидетельствует и тот факт, что несомненные доказательства использования орудия для охоты на животных обнаружены лишь в местах находок представителей группы австралопитеков — Таунге, Стеркфонтейне и Макапангате (Dart, 1948, 1949).

К выводу о том, что использование орудий было у парантропов развито значительно слабее, чем у австралопитеков, пришел Дж. Робинсон (Robinson, 1962, 1963). Имеются также основания полагать, что в отличие от всеядных австралопитеков парантропы были существами растительноядными (Robinson, 1962, p. 484; 1963, p. 393, 406).

Но наиболее типичным представителем мнимых или бывших предлюдей следует, по-видимому, считать гигантопитека. По вопросу о природе этого очень своеобразного существа имеется несколько точек зрения. Ф. Вейденрейх (Weidenreich, 1946, p. 58—61) видел в гигантопитеке представителя гигантской стадии в эволюции людей. В. П. Якимов (1947б, 1951), М. Ф. Нестурх (1948, 1954, 1958), У Жу-кан и Н. Н. Чебоксаров (1959) рассматривают его как гигантского антропоида, Г. Кенигсвальд (Бунак, 1959б, стр. 65) и А. Валлуа (Vallois, 1957) как азиатского представителя австралопитековых.

Многие ученые считают гигантопитека двуногим прямоходящим существом (Weidenreich, 1946, p. 58—61; Pei Wen-Chung, 1957, p. 836; Vallois, 1957). Тот факт, что гигантопитеки были прямоходящими существами, обладавшими освобожденными верхними конечностями, говорит о том, что они в своем развитии прошли стадию систематического использования естественных орудий, ибо только возникновение и развитие предчеловеческого труда могло привести к освобождению передних конечностей и появлению двуногой локомоции (Ю. Семенов, 1956а, стр. 172—184). Огромные размеры гигантопитека позволяют предположить, что он был представителем боковой ветви предлюдей, развитие которой пошло по линии отказа от стадного образа жизни и умаления роли предчеловеческого труда.

Это предположение подтверждает находка, сделанная в провинции Гуанси (КНР), где в пещере горы Лэнцзай была обнаружена нижняя челюсть гигантопитека (Pei Wen-Chung, 1957). В пещере были найдены также остатки оленей, кабанов и других животных. Животные эти не могли сами попасть в пещеру, найдив-

шуюся на склоне крутой горы на высоте 90 м. Они могли попасть в нее лишь как объекты охотничьей деятельности обитавших в этом месте гигантопитеков. Пэй Вэнь-чжуном (р. 837) было обращено особое внимание на то обстоятельство, что в пещере не было обнаружено ничего, напоминающего орудия, ни камней, ни дубин. На основании изложенных выше данных им был сделан вывод, что гигантопитеки в своей охотничьей деятельности не использовали орудий. С этим выводом хорошо согласуется и другой отмеченный Пэй Вэнь-чжуном факт, что добычей гигантопитеков были только либо молодые, либо одряхлевшие животные, т. е. такие, которых можно было убить при помощи естественных органов, не прибегая к помощи орудий.

Судьба парантропов и гигантопитеков служит наглядным опровержением всех теорий, в которых животная семья рассматривается как отправной пункт развития человеческого общества (Мэн, 1884; Ратцель, 1901, I — II; Старке, 1901; Westermarck, 1925, I — III; Seligman, 1929, 1950; Zuckerman, 1932; Murdock, 1949; Etkin, 1954; Count, 1958; Sahlins, 1960; Bergounioux, 1961; Washburn and De Vore, 1961 и др.).

Таким отправным пунктом может быть только стадо. Переход от стада животных к первобытному человеческому стаду предполагает иной путь решения конфликта между стадом предлюдей и гаремной семьей, чем тот, который имел место у мнимых предлюдей. И он стал возможным потому, что у той части предлюдей, в стадах которых стычки были менее частыми и носили менее ожесточенный характер, ранее приобретенные ими качества, делавшие возможным обособленное существование гаремных семей, произвели существенные изменения характера их деятельности, именно: произошел переход от систематического использования естественных орудий к изготовлению средств труда.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВА И ПЕРВОБЫТНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СТАДА

1. Возникновение рефлекторной производственной деятельности

Предчеловеческий рефлекторный труд, возникнув, в своем развитии рано или поздно неизбежно должен был дойти до такого предела, за которым его дальнейшее совершенствование было невозможно без совершенствования используемых орудий, т. е. без перехода к изготовлению орудий труда. Эволюция предчеловеческого приспособительного труда сделала этот переход не только необходимым, но и возможным, подготовив все условия для него.

В деятельности современных человекообразных обезьян (и не только человекообразных) можно наблюдать многообразные акты «обработки» различных предметов при помощи зубов, рук и других органов тела (Ладыгина-Котс, 1959, стр. 92 сл., 127 сл.). В экспериментальных условиях неоднократно наблюдались случаи использования обезьяной в качестве средств труда предметов, которые были приспособлены для выполнения этой функции подобного рода обработкой (Келер, 1930; Г. Рогинский, 1948; Вацуро, 1948; Ладыгина-Котс, 1959). Вполне понятно, что такого рода действия по обработке предметов не могут быть охарактеризованы как трудовые, ибо в них отсутствуют орудия труда. Кроме непосредственной обработки, т. е. обработки предметов при помощи лишь органов тела, у обезьян отмечены отдельные случаи и опосредствованной обработки, т. е. обработки одних предметов при помощи других. Так, например, обезьяны палками разбивали стекла, электрические лампочки, ковыряли стены и т. д. (Хильченко, 1953, стр. 52; Ладыгина-Котс, 1959, стр. 128—130, и др.). Эти акты также не могут быть названы трудовыми, ибо они не направлены на овладение объектами потребностей и носят чисто игровой

характер. К этому можно добавить, что в результате подобных актов не возникают предметы, которые были бы использованы в дальнейшем в качестве орудий труда. Не являются действиями по изготовлению средств труда и другие акты опосредствованной обработки предметов, отмеченные у обезьян, хотя некоторые из них, как, например, разбивание капушинам орехов при помощи камней, и могут быть названы актами рефлекторного труда.

Использование обезьяной в качестве средства труда предмета, который был бы приспособлен к выполнению этой функции предшествующим процессом опосредствованной обработки, не было ни разу зарегистрировано ни одним исследователем. Все отмеченные у обезьян действия по «изготовлению» средств труда не являются актами предчеловеческого труда, все отмеченные у них акты рефлекторного труда не являются действиями по «изготовлению» средств труда. Трудовые акты, которые представляли бы собой действия по «изготовлению» орудий труда, у обезьян полностью отсутствуют, хотя возможность добиться их осуществления в условиях эксперимента, конечно, не может быть исключена.

Возникновение и развитие рефлекторного труда прочно закрепило за определенными предметами функции средств труда и сделало эти предметы необходимыми условиями существования. Став у предлюдей важнейшим и необходимейшим средством удовлетворения потребностей, орудие труда и само стало объектом потребности. У предлюдей возникла потребность в орудиях труда и стремление иметь орудия и их использовать. Эта потребность не могла быть удовлетворена всяким предметом, ибо не каждый предмет может успешно функционировать в качестве средства труда. Предлюди из многих предметов выбирали такие, которые могли успешно выполнять роль орудия труда. Эти поиски не всегда могли приводить к удаче. Поэтому предлюди наряду с поисками подходящих предметов неизбежно должны были заниматься приспособлением имеющихся палицо вещей к исполнению функций орудий труда путем предварительной их обработки.

Эта обработка первоначально осуществлялась, вероятно, лишь органами тела. Но такая обработка не могла получить развития. Уже дерево в незначительной степени поддается обработке невооруженными руками. Что же касается камня, то обработка его без применения средств труда является практически невозможной. Неэффективность непосредственной обработки побуждала к переходу к опосредствованной, к обработке при помощи предметов, к трудовой обработке. Систематическое использование орудий, в ходе которого вырабатывались навыки их разнообразного применения, делало возможным такой переход.

Можно предположить, что первоначально обработке подвергалось в основном лишь дерево, из которого изготовлялись такие орудия охоты, как дубины. В качестве орудий для обработки дерева могли применяться кости и челюсти крупных животных (D a r t, 1957). Однако использование костей для обработки дерева вряд ли могло получить развитие. Единственно подходящими для обработки дерева орудиями могли быть лишь каменные. К использованию камня толкала предлюдей не только потребность в орудиях, пригодных для обработки дерева. Каменные орудия более, чем какие-либо другие, подходили для выполнения таких операций, как сдирание шкуры с убитого зверя, разделка его туши, раздробление костей (Толстов, 1931, стр. 79).

Большинство кусков камня, находимых в природе, мало подходит к использованию в качестве орудий обработки. Найти камень, пригодный для функционирования в качестве средства труда, не всегда легко. Это обстоятельство делало необходимым обработку самого камня, изготовление из него орудий, пригодных для обработки дерева и совершения указанных выше операций.

На первых порах обработка камня носила крайне примитивный характер. Предлюди, по-видимому, просто ударяли один камень о другой и подбирали случайно получившиеся удобные для использования в качестве орудий куски камня. Первоначальноой техникой обработки камня скорее всего была техника разбивания. Мнения, что разбивание и раскалывание было древнейшим приемом обработки камня, придерживаются многие археологи (Обермайер, 1913, стр. 131; Равдоникас, 1939, I, стр. 194; Замятнин, 1951, стр. 117; Паничкина, 1953, стр. 13, 26; С. Семенов, 1957, стр. 56). Возникнув как первоначальный прием обработки камня, разбивание долгое время сохранялось наряду с более совершенными приемами и у некоторых народов дожило чуть ли не до нашего времени. Так, например, тасманийцы изготовляли орудия, ударяя камнем о скалу или другой камень и выбирая из получившихся кусков наиболее подходящие. Бросая один камень на другой, лежащий на земле, тасманиец отскакивал, широко расставляя ноги, чтобы не быть раненным осколками (Roth Ling, 1899, p. 151; Пиотровский, 1933, стр. 168). Наряду с разбиванием у тасманийцев существовали и более совершенные приемы (Roth Ling, 1899, p. 150 — 152; Пиотровский, 1933, стр. 169; Ефименко, 1934а, стр. 149—150).

Степень пригодности полученных приемом разбивания кусков камня для функционирования в качестве средств труда, степень совершенства полученных таким путем орудий зависела от случая. Результаты подобного рода актов изготовления орудий не могли

первоначально качественно отличаться от результатов «обработки», которой могли подвергнуться камни в естественных условиях, без вмешательства предлюдей. Поэтому подобного рода орудия не могут быть отличены от кусков камня, подвергшихся естественной обработке, — эолитов. Но хотя орудия, полученные приемом разбивания, не могли первоначально отличаться от кусков камня, найденных в природе, тем не менее появление техники разбивания было огромным прогрессом, ибо она могла доставлять куски камня, пригодные для использования в качестве орудий, в значительно большем количестве, чем их можно найти в природе.

Предлюдям, когда у них возникала потребность в орудиях, не нужно было бродить в поисках подходящих каменных осколков или валунов. Они могли удовлетворить эту свою потребность, разбивая один камень за другим и выбирая из большого числа полученных кусков такие, которые могли служить в качестве орудий. Хотя куски камня, подходящие для использования в качестве орудий, составляли незначительную часть всех полученных в результате подобного рода обработки каменных обломков, тем не менее таким путем удовлетворить потребность в орудиях можно было скорее и легче, чем путем поисков таких кусков камня в природе.

Получение в сравнительно большом количестве каменных орудий, пригодных для обработки дерева, сделало систематическим изготовление деревянных орудий, являвшихся прежде всего орудиями охоты. Применение в широком масштабе изготовленных деревянных охотничьих орудий не могло не способствовать успеху охоты. Результатом было возникновение настоящей потребности в изготовленных деревянных и тем самым изготовленных каменных орудиях. Прогресс охотничьей деятельности и прямо требовал дальнейшего развития производства каменных орудий. Будучи более успешной, чем раньше, охота стала доставлять все большее число туш крупных животных, разделка которых могла успешно осуществляться лишь при помощи искусственных каменных орудий.

В результате всего этого производство орудий как деревянных, так и каменных постепенно превратилось из случайности, чем оно было раньше, в правило, а затем стало и необходимостью. С превращением случайных, спорадических актов производства в необходимость, с началом систематического и массового изготовления орудий в развитии рефлекторного предчеловеческого труда произошел крутой перелом. Если раньше рефлекторный труд представлял собой деятельность по присвоению объектов биологических потребностей с помощью готовых естественных орудий, то теперь он превратился в единство двух видов деятельности: деятельности

по изготовлению орудий труда и деятельности по присвоению объектов потребностей с помощью этих изготовленных орудий.

Деятельность по присвоению объектов потребностей с помощью орудий была животным трудом как по форме, так и по содержанию. Она была животным трудом по содержанию, ибо представляла собой приспособление к внешней среде; она была животной по форме, ибо была деятельностью рефлекторной. Деятельность по изготовлению орудий также была рефлекторной. В этом смысле она также была трудом рефлекторным, животным. Но, не отличаясь по форме от предшествующей деятельности по использованию естественных орудий, она отличалась от нее по своему содержанию. По своему содержанию она была деятельностью не животной, а человеческой, была трудом не животным, а человеческим, ибо представляла собой не присвоение готовых существующих в природе объектов потребностей, а производство новых, не существовавших в природе предметов, не приспособление к внешней среде, а ее преобразование.

Таким образом, первоначальная производственная деятельность представляла собой крайне противоречивое явление. По своему содержанию она была трудом уже человеческим, но по своей форме она все еще оставалась трудом животным, предчеловеческим. Новое, человеческое по своему существу содержание было облечено в старую, животную по своему существу, рефлекторную форму. Будучи облеченным в старую, животную форму новое содержание было человеческим лишь в потенции, в возможности, а не в действительности. Первоначальная деятельность по изготовлению орудий была трудом человеческим лишь в потенции, в возможности, в действительности же она представляла собой труд рефлекторный, предчеловеческий. Но, оставаясь предчеловеческим, рефлекторным трудом, она представляла новую его форму, отличную от предшествовавшей ей деятельности по использованию естественных орудий. В развитии предчеловеческого рефлекторного труда можно выделить две основные стадии. Первая стадия — эпоха существования такого рефлекторного труда, который является животным и по форме, и по содержанию, труда полностью животного. Вторая стадия — эпоха существования такого рефлекторного труда, который является животным по форме, человеческим по содержанию, который, оставаясь в действительности трудом животным, предчеловеческим, в возможности был уже трудом человеческим. В отличие от чисто животного, присваивающего, приспособительного труда эту форму рефлекторного предчеловеческого труда можно было бы назвать преобразующим, производящим предчеловеческим трудом.

Переход от стадии приспособительного рефлекторного труда к стадии преобразующего не мог не сказаться на тех существах, деятельностью которых был предчеловеческий труд. Существа, деятельностью которых был преобразующий рефлекторный труд, не могли не отличаться от существ, деятельностью которых был приспособительный предчеловеческий труд. В отличие от последних они не только присваивали готовые жизненные средства, но и производили не существующие в природе предметы, не только приспосаблились к среде, но и преобразовывали ее. В этом смысле они являлись уже людьми. Однако людьми, даже формирующимися, они названы быть не могут, ибо их поведение было рефлекторной деятельностью и как всякая рефлекторная деятельность определялось биологическими и только биологическими потребностями, инстинктами. Они были не социальными существами, даже формирующимися, а чисто биологическими. В этом смысле они были животными. Но это были такие биологические существа, такие животные, которые вплотную подошли к грани, отделяющей их от людей, стояли на этой грани. Хотя в действительности они оставались животными, биологическими существами, в потенции, в возможности они уже были людьми, существами социальными. Характерным для этих существ было резкое противоречие между их поведением во многом уже чисто человеческой деятельностью и чисто животным ее механизмом, их животной морфологической организацией.

Для обозначения этих существ еще в большей степени, чем для обозначения их предшественников подходит термин «предлюди» (проантропы, прегоминиды). Они прямо, непосредственно предшествовали формирующимся людям. Не желая отказываться от термина «предлюди» для обозначения существ, основным видом деятельности которых был приспособительный рефлекторный труд, мы будем называть предлюдьми и тех, и других: одних — ранними предлюдьми, других — поздними. Общим признаком, роднящим первых и вторых и позволяющим обозначать их одним термином, является то, что основной деятельностью и тех, и других был предчеловеческий рефлекторный труд. Отличие между ними состоит в том, что ранние предлюди только присваивали объекты потребностей, только приспосабливались к среде, в то время как поздние предлюди не только присваивали готовые природные предметы, но и производили новые, не только приспосабливались к среде, но и преобразовывали ее.

Предположение о существовании стадии поздних предлюдей находит свое подтверждение в фактическом материале, в первую очередь в том, который был доставлен открытиями известного

английского исследователя Л. Лики в Олдовайском ущелье в Танганьике.

В 1959 г. в слое Олдовай I был обнаружен почти полный череп существа, получившего название зинджантропа. Вместе с черепом были найдены остатки многих мелких животных (грызунов, ящериц и др.), кости свиней и антилоп, а также галечные орудия, относящиеся к так называемой олдовайской культуре, что позволило Л. Лики выступить с утверждением, что зинджантроп был существом, изготовлявшим орудия и охотившимся на животных. Изучение морфологических особенностей черепа привело Л. Лики к выводу, что зинджантроп должен быть включен в подсемейство австралопитековых в качестве особого рода, отличного как от рода австралопитеков, так и парантропов (Leakey, 1959, 1960a).

Однако далеко не все ученые согласились с мнением Л. Лики. Большинство из них сочло более правильным отнести зинджантропа к числу парантропов (Washburn and Howell, 1960; Oakley, 1962; Robinson, 1962, 1963; Mayr, 1963; Napier, 1964b). В одной из работ Дж. Робинсона зинджантроп охарактеризован не только как типичный парантроп, но и как вегетарианец (1962, p. 485), что, конечно, плохо согласуется с представлением о нем, как о существе, изготовлявшем орудия. Некоторые ученые, в частности В. П. Якимов (1960b), прямо заявили, что морфологические особенности зинджантропа чрезвычайно противоречат приписываемой ему способности изготовлять орудия. Новые открытия заставили в дальнейшем и самого Л. Лики пересмотреть свои взгляды на зинджантропа.

В последующие годы в том же слое Олдовай I, но в горизонте, расположенном ниже того, где была сделана описанная выше находка, были обнаружены остатки существа, за которым постепенно закрепилось название «презинджантропа» (Leakey, 1960b, 1961a, 1961b). Уже в довольно ранних публикациях Л. Лики (Leakey, 1961b, 1963a) высказал предположение, что презинджантроп, отличающийся от зинджантропа и меньшей специализацией, и большим объемом мозга, является представителем не австралопитековых, а гоминин и что именно в нем следует видеть истинного творца галечных орудий, причем не только тех, что были найдены вместе с ним, но и связанных с остатками зинджантропа. Что же касается самого зинджантропа, то он был объектом охоты со стороны ранних гоминин. Этим и объясняется связь черепа с орудиями и костями животных (1963a, p. 453—455). В дальнейшем остатки существ, сходных, по мнению Л. Лики и ряда других ученых, с презинджантропом, были найдены и в горизонте, лежащем ниже того, в котором был обнаружен презинджантроп, и в том, к которому

относится находка зинджантропа, и, наконец, в нижних горизонтах Олдовой II (Leakey and Leakey, 1964). Все это дало основание Л. Лику, Ф. Тобиасу и Дж. Нэпиру (Leakey, Tobias, Napier, 1964; Tobias, 1964) выступить с утверждением, что все эти находки образуют новый вид рода *Homo*, которому ими было присвоено наименование «*Homo habilis*».

Однако рядом ученых это утверждение было встречено критически (Campbell, 1964; Robinson, 1965). В скором времени и один из авторов указанной выше совместной работы вынужден был несколько пересмотреть свои позиции. В появившейся в том же году статье Ф. Тобиаса и Г. Кенигсвальда (Tobias, Koenigsward, 1964) был сделан вывод, что остатки из Олдовой I, с одной стороны, и из нижних горизонтов Олдовой II — с другой, относятся не к одному типу гоминид, а к двум, отличным друг от друга. Существа из нижних горизонтов Олдовой II относятся к той же стадии человеческой эволюции, что питекантроп IV и телантроп, которых большинство исследователей рассматривает как самых ранних людей. Существа из Олдовой I представляют форму более примитивную. Они образуют особую группу гоминин, уже поднимающуюся выше стадии австралопитеков, но еще не достигшую стадии питекантропов. Морфологические данные позволяют рассматривать их как находящихся на гоминидной линии, идущей от австралопитека африканского и, возможно, ведущей к питекантропу. К этой же стадии, следующей за стадией австралопитеков и предшествующей стадии питекантропов, должен быть, по мнению Ф. Тобиаса и Г. Кенигсвальда, отнесен также мегантроп древнеяванский. По вопросу о положении этой группы в систематике мнения авторов статьи разошлись. Г. Кенигсвальд рассматривает ее как особый род или по меньшей мере подрод, Ф. Тобиас — как вид рода *Homo*.

Значительно более решительно высказался Дж. Робинсон (Robinson, 1965). По его мнению, не имеется никаких оснований для выделения олдовайских находок в особый вид (p. 121). Так же, как Ф. Тобиас и Г. Кенигсвальд, он различает среди них две морфологически отличные группы, одну из которых образуют находки в Олдовой I, а другую — находки в нижних горизонтах Олдовой II. Остатки из Олдовой II обнаруживают большую близость к телантропу, несомненно, по мнению Дж. Робинсона, являющемуся человеком, и относятся к той же стадии, что и последний, — к самой ранней стадии в человеческой эволюции. Они представляют собой самые ранние формы *Homo erectus*. Остатки из Олдовой I обнаруживают близость не к питекантропу, а к австралопитеку африканскому и представляют собой группу австралопитеков, лишь

несколько продвинувшихся в своем развитии по сравнению с остальными. В морфологическом отношении сходство между австралопитеком африканским и остатками из Олдовой I, с одной стороны, и *Homo erectus* и остатками из Олдовой II — с другой, является значительно большим, чем между находками в Олдовой I и находками в Олдовой II. Данные морфологии говорят в пользу отнесения Олдовой I и Олдовой II к двум различным родам (р. 123). Однако в то же время имеются черты, сближающие находки в Олдовой I с находками в Олдовой II и отличающие их от остальных австралопитеков. Существа из Олдовой I изготовляли орудия, в то время как все остальные австралопитеки их лишь использовали (р. 123). Они находились на стадии перехода от использования естественных орудий, что было существенно для австралопитеков, к изготовлению орудий, характерному для человека (р. 123).

Мимо того факта, что существа из Олдовой I по своей морфологии стоят ближе к австралопитекам, чем к людям, не могли пройти и сторонники выделения *Homo habilis*. Так, например, Дж. Нэпир (N a p i e r, 1964а, 1964в) прямо признает, что руки существ из Олдовой I имеют «странно нечеловеческий» характер (1964в, р. 88), и рассматриваемые сами по себе никак не могут навести на мысль об их причастности к изготовлению орудий, даже столь примитивных как олдовайские (1964а, р. 35—36), что объем мозга и многие другие особенности черепа и зубной системы этих существ в принципе не выходят за пределы вариаций, возможных у австралопитеков (1964в, р. 89). В результате, стремясь обосновать выделение *Homo habilis*, Дж. Нэпир напирает не столько на морфологические различия между существами из Олдовой I и австралопитеками, сколько на то несомненное обстоятельство, что они в отличие от австралопитеков изготовляли орудия, а не просто пользовались ими.

Таким образом, имеющиеся в настоящее время материалы о существах из Олдовой I позволяют сделать два основных вывода: во-первых, о том, что они изготовляли орудия, во-вторых, о том, что по своему морфологическому облику они были еще австралопитеками, хотя уже и продвинувшимися по направлению к человеку. Именно такими и должны были быть поздние предлюди. Возникшая производственная деятельность еще не могла на этой стадии существенным образом преобразовать морфологическую организацию предлюдей, но она уже должна была в какой-то степени наложить на нее свой отпечаток. В пользу предположения о том, что в основе определенного отличия морфологической организации существ из Олдовой I от морфологических обликов и австралопите-

ков, и парантропов лежит прежде всего отличие характера их деятельности от характера деятельности последних, говорит и то обстоятельство, что нет достаточных оснований приписывать австралопитекам и парантропам способность изготавливать орудия. Находки орудий в Стеркфонтейне и Макапансгате относятся к слоям более поздним, чем те, в которых были обнаружены остатки плезиантропа и австралопитека (Brain, Lowe, Dart, 1955; Dart, 1955b; Robinson, Mason, 1958; Robinson, 1962)¹.

Открытие существ из Олдовой I вместе с другими пмеющпмся данными об австралопитеках позволяет прийти к выводу, что ранние предлюди дали начало двум ветвям развития. Развитие одной пошло по линии отказа от стадного образа жизни и умаления роли предчеловеческого труда и завершилось возникновением мнимых предлюдей, наиболее типичным представителем которых является гигантопитек. Развитие второй пошло по пути перехода от приспособительного труда к преобразующему рефлекторному труду и привело к возникновению поздних предлюдей, представителей которых, по-видимому, и были найдены в Олдовой I.

Трудовая деятельность поздних предлюдей не сводилась к рефлекторному производству. Она представляла, как указывалось, единство двух видов деятельности: деятельности по изготовлению орудий и деятельности по присвоению объектов потребностей с помощью изготовленных орудий. Деятельность по присвоению объектов потребностей с помощью искусственных орудий, как и предшествовавшая ей деятельность по присвоению объектов потребностей с помощью естественных орудий, представляла собой не преобразование среды, а приспособление к ней, была трудом животным не только по форме, но и по содержанию. В то же время она отличалась от своей предшественницы. Отличие это состояло в том, что она была опосредствована деятельностью по изготовлению орудий, производственной деятельностью. Деятельность по

¹ В последнее время некоторые ученые выступили с утверждением, что уже австралопитеки начали изготавливать орудия (Oakley, 1957a; Washburn, 1959, 1960; С. Семенов, 1958). Но это их утверждение не только не расходится с выдвинутыми выше положениями, как это кажется на первый взгляд, но, наоборот, по существу с ним совпадает. Чтобы правильно понять их высказывания, необходимо принять во внимание, во-первых, что все они, говоря об австралопитеках, имеют в виду не группу, состоящую из австралопитека африканского, австралопитека проретей и плезиантропа трансваальского, а употребляют этот термин в том же смысле, в каком мы употребляем термин «предлюди», во-вторых, что способность изготавливать орудия они приписывают, как правило, не всем австралопитекам, понимаемым в самом широком смысле этого слова, а лишь самым поздним из них, т. е. по существу тем из них, которых мы выделяем под названием поздних предлюдей.

присвоению объектов биологических потребностей с помощью искусственных орудий была приспособлением к внешней среде, но таким, которое было опосредствовано производством, преобразованием внешней среды.

В результате возникновения деятельности по изготовлению орудий и раздвоения единой трудовой деятельности на производственную и присваивающую успех приспособления к внешней среде начал все в большей степени зависеть от уровня развития производственной деятельности. Совершенствование производственной деятельности стало важным условием совершенствования деятельности по приспособлению к внешней среде, по удовлетворению биологических инстинктов, стало необходимым условием существования поздних предлюдей. Но развитие производственной деятельности существенно отличалось от развития приспособительной трудовой деятельности.

2. Особенности развития рефлекторной производственной деятельности

Развитие приспособительного предчеловеческого труда, как и развитие всякой приспособительной деятельности, шло под действием естественного отбора. В процессе оборонительной и охотничьей деятельности, в процессе внутривидных конфликтов выживали и оставляли потомство индивиды, наиболее приспособленные по своей физической организации к использованию орудий, обладающие наибольшим боевым и охотничьим опытом.

Совершенствование производственной деятельности под действием такого отбора происходить не могло, ибо лучшая по сравнению с другими членами стада приспособленность к совершению производственных операций и больший производственный опыт сами по себе не могли обеспечить данному конкретному индивиду преимущества перед ними ни в охотничьей и оборонительной деятельности, ни во внутривидных конфликтах. Преимущество в охоте, обороне и драках давала большая физическая сила, ловкость, лучшая приспособленность к использованию орудий, большее умение ими оперировать, что не всегда могло совпадать с большим умением их изготовлять. Не могло дать преимуществ и использование более совершенных орудий, ибо последние не могли быть монопольным достоянием тех, кто их изготовлял. Более совершенные приемы и навыки производства быстро усваивались другими членами стада; более совершенные орудия, изготавливаемые более приспособленными к этой операции индивидами, могли использоваться и другими, менее способными к производственной деятельности.

Большая приспособленность к производственной деятельности и больший производственный опыт некоторых членов стада не давали им преимуществ перед другими членами стада, но наличие таких индивидов в стаде давало преимущества в приспособлении к среде всем членам данного стада по сравнению с членами стада, в котором таких индивидов было меньше и они обладали меньшим производственным опытом.

Большая приспособленность индивида к присваиваемому рефлекторному труду прежде всего давала ему преимущества перед всеми другими индивидами и только в конечном счете давала и определенные преимущества объединению, членом которого он являлся, перед другими объединениями. Приспособительный предчеловеческий труд, несмотря на то, что он был невозможен вне объединения, оставался деятельностью по своему существу индивидуальной, деятельностью, направленной на удовлетворение инстинктов той или иной особи. Иначе обстоит дело с производственной трудовой деятельностью. Большая приспособленность индивида к ней прежде всего давала преимущества объединению, членом которого он являлся, перед другими объединениями и только тем самым ему самому. Производственная деятельность с самого момента своего возникновения по своему существу была деятельностью не индивидуальной, а коллективной, деятельностью, направленной на удовлетворение потребностей всех членов стада вместе взятых и только тем самым к удовлетворению индивидуальных потребностей каждого из его членов, взятых в отдельности. Опосредствование возникшей производственной деятельностью деятельности по приспособлению к среде означало опосредствование деятельности, направленной на удовлетворение биологических инстинктов каждого из индивидов, деятельностью, направленной на удовлетворение потребностей всех индивидов, входящих в объединение, взятых вместе.

Будучи по своей природе не индивидуальной, а коллективной, производственная деятельность с момента своего возникновения не могла совершенствоваться под действием индивидуального естественного отбора. Но, обусловив выход производственной деятельности из сферы индивидуального естественного отбора, коллективный ее характер породил возможность иной формы отбора. Как указывалось, лучшая приспособленность тех или иных членов стада к производственной деятельности, наличие у них большого производственного опыта давало значительные преимущества всем индивидам, принадлежащим к данному объединению, перед всеми членами объединения, в котором таких индивидов было меньше и они обладали меньшей приспособленностью к производственной

деятельности. Это обстоятельство открывало возможность совершенствования способности к производственной деятельности и тем самым самой производственной деятельности путем отбора всех членов объединений, в состав которых входило больше индивидов, обладавших лучшей приспособленностью к производственной деятельности и большим производственным опытом, т. е. путем своеобразного группового отбора. Эту форму отбора мы предпочитаем называть не стадным отбором, а групповым, потому что, хотя в процессе его отбирался стада, но отбирался он не как что-то единое целое, а лишь как сумма, совокупность индивидов. Истинными объектами отбора были не стада как таковые, а индивиды, их составлявшие. В результате отбора происходило совершенствование способности индивидов к производственной деятельности, но не развитие стада. Стадо предлюдей не могло эволюционировать и не эволюционировало, ибо представляло собой зоологическое объединение, а не организм.

Групповой отбор способствовал совершенствованию производственной деятельности, но его роль в развитии этой деятельности отличалась от роли индивидуального естественного отбора в совершенствовании приспособительного рефлекторного труда, в совершенствовании любой формы приспособительной деятельности. Это отличие обуславливалось еще одной особенностью производственной деятельности, делавшей ее качественно отличной от приспособительной деятельности. Производственная деятельность отличалась от любой формы приспособительной деятельности своей способностью развиваться независимо от какой-либо формы отбора, способностью к саморазвитию, самодвижению. Чтобы понять суть этого различия, нужно хотя бы коротко остановиться на вопросе о путях совершенствования приспособительной деятельности.

Совершенствование приспособительной деятельности (поведения) может происходить двояко: путем совершенствования способности животного к этой деятельности, что связано с совершенствованием его морфологической организации, и путем совершенствования только самой деятельности без изменения организации животного. Первый путь предполагает фиксирование и накопление из поколения в поколение изменений морфологической организации, делающих животное более способным к приспособительной деятельности, второй — закрепление и накопление из поколения в поколение действий, обеспечивающих более успешное приспособление организма к среде, фиксирование и накопление опыта приспособительной деятельности.

В животном мире как фиксирование и накопление морфологических признаков, делающих организм более способным к приспособ-

собительной деятельности, так и фиксирование и накопление приспособительных действий невозможно без превращения их в наследственные, без передачи их от поколения к поколению при помощи механизма наследственности.

У низших животных сочетаются оба пути совершенствования приспособительной деятельности. Примерами наследственно фиксированных приспособительных действий являются инстинкты — сложные цепи безусловных рефлексов. Выработка и изменение инстинктов, так же как и изменение морфологической организации животного, происходят в процессе смены поколений под действием естественного отбора. Вполне понятно, что наследственно фиксированная деятельность животных не может не отличаться консерватизмом. Преобладание наследственно predetermined деятельности в поведении животного делает его мало способным реагировать на быстрые и неожиданные изменения внешней среды. Второй путь совершенствования приспособительной деятельности, таким образом, необходимо предполагает понижение пластичности поведения животного и тем самым сужение его приспособительных возможностей.

Повышение пластичности и гибкости приспособительной деятельности невозможно без превращения ее в наследственно не фиксируемую. Такой деятельностью является поведение высших млекопитающих, представляющее собой условнорефлекторную деятельность, деятельность коры больших полушарий. «Развитие наследственно не фиксируемых действий, — писал А. Н. Северцев (1949), — шло прогрессивно в ряду млекопитающих. Приспособление посредством изменения поведения в течение индивидуальной жизни имеет огромное биологическое значение, ибо позволяет высшим млекопитающим быстро приспособиться к изменениям, вносимым в их жизнь другими животными и человеком» (стр. 214; см. также: 1945б, стр. 289—311).

У высших млекопитающих индивидуально приобретенные действия, являющиеся по своему механизму условными корковыми рефлексами, не могут стать наследуемыми, не могут передаваться по наследству. Это отнюдь не значит, что у них вообще невозможно передача опыта деятельности от одного индивида к другому. Возникновение высшей нервной деятельности повлекло за собой развитие такой формы передачи опыта, как подражание, имитация. Опыты показывают, что даже у животных, стоящих по уровню развития высшей нервной деятельности ниже обезьян, возможно образование условных рефлексов на основе подражания (В. Кражев, 1955; Л. Воронин, 1957). У обезьян на основе подражания могут образовываться самые разнообразные рефлексы и цепи

рефлексов. Обезьяны подражают друг другу как в отдельных движениях, так и в сложной направленной деятельности (Штодин, 1947; Войтонис, 1949; Л. Воронин, 1957; Harlow, 1959). Жизнь в объединениях при наличии развитого подражания ведет к тому, что жизненный опыт обезьяны складывается не только из ее индивидуального опыта, но и из опыта товарищей по объединению. Путем подражания происходил обмен трудовым опытом и у предлюдей.

Но если у млекопитающих возник новый способ передачи опыта приспособительной деятельности, то нового способа фиксации, закрепления и накопления из поколения в поколение опыта приспособительной деятельности у них не возникло. Естественный отбор действий, наилучше обеспечивающих приспособление к среде, и накопление этих действий из поколения в поколение у высших млекопитающих было невозможным, ибо эти их действия не являлись ни наследственными, ни способными превращаться в наследственные. Приспособительная деятельность высших млекопитающих, взятая сама по себе, выпадает из сферы действия естественного отбора (Кремьянский, 1941). У высших млекопитающих невозможно закрепление и накопление из поколения в поколение опыта приспособительной деятельности, невозможно совершенствование приспособительной деятельности, взятой самой по себе. Совершенствование их приспособительной деятельности может осуществляться лишь одним путем — путем совершенствования способности организма к такой деятельности, путем совершенствования морфологической организации животного. Совершенствование приспособительной деятельности высших млекопитающих осуществляется путем отбора животных, морфологическая организация которых делает их более способными к совершению приспособительных действий. Естественный отбор совершенствовал приспособительную деятельность, поведение высших млекопитающих путем совершенствования их морфологической организации, прежде всего структуры головного мозга и двигательного аппарата. Таким путем шло совершенствование и предчеловеческого приспособительного труда.

Положение начало меняться с переходом от использования готовых орудий к изготовлению средств труда. Каждое изготовление орудия в принципе является не чем иным, как материальной, объективной фиксацией, закреплением деятельности по его изготовлению. С началом фиксации в орудиях производственного опыта каждое новое поколение, вступая в жизнь, получало в свое распоряжение материализованный, закрепленный в орудиях опыт производственной деятельности предшествовавших поколений.

В процессе деятельности этого поколения опыт предшествующего обогащался и в таком виде передавался следующему и т. д. Возникновение производственной деятельности означало по существу появление совершенно нового, не имеющего места в животном мире способа фиксирования, передачи и накопления опыта деятельности, нового способа совершенствования деятельности. Развитие производства есть совершенно новая форма движения, качественно отличная от развития приспособительной деятельности. Если приспособительная деятельность может развиваться и совершенствоваться только под определяющим действием естественного отбора, то развитие и совершенствование производственной деятельности никакой формой отбора не определяется. Производство имеет источник развития в себе и поэтому способно к самодвижению, саморазвитию.

Однако это не значит, что развитие производственной деятельности вообще могло обходиться без действия какой бы то ни было формы отбора. Забегая несколько вперед, мы должны сказать, что вплоть до возникновения человека современного физического типа совершенствованию производства неизбежно ставила преграды морфологическая организация тех существ, которые занимались изготовлением орудий. Возникающее противоречие между потребностью дальнейшего развития производственной деятельности и морфологической организацией могло быть преодолено лишь путем совершенствования этой организации, а это не могло произойти без действия отбора. Но отбор, под действием которого шло совершенствование способности организма к производственной деятельности, отличался от того, который определял совершенствование способности к приспособительной деятельности. Он не только не определял направление развития и совершенствования производственной деятельности, направление изменения морфологической организации, но, наоборот, само направление его действия определялось развитием производственной деятельности.

Однако все, что было сказано выше, в полной мере относится лишь к производственной деятельности, уже начавшей освобождаться от рефлекторной, животной формы. К рефлекторной производственной деятельности все это приложимо лишь с определенными оговорками. Рефлекторная форма, в которую была облечена на первых порах возникающая производственная деятельность, мешала проявлению ее способности к саморазвитию, мешала ее прогрессу.

В том случае, когда средство труда является результатом акта изготовления средства труда, степень его совершенства определяется течением самого этого акта, акта производства. Течение акта производства может с необходимостью привести к появлению

нию желаемого результата, т. е. предмета, обладающего желаемыми свойствами, лишь в том случае, если оно будет направлено к этому результату, будет определяться этим результатом. Иначе говоря, течение акта производства может с необходимостью привести к желаемому результату, если этот результат будет существовать к его началу и определять его течение. Вполне понятно, что результат акта производства не может существовать к его началу в действительности, материально. Он может существовать лишь в голове работника, лишь идеально. Существоющий в голове работника к началу производства идеальный результат этого процесса — цель — определяет течение этого процесса и тем самым его материальный результат. В конце процесса производства начинает существовать в действительности, материально то, что существовало в его начале лишь идеально, лишь в голове работника.

Цель — идеальный результат процесса производства — не может быть чем-либо иным, кроме как результатом идеального процесса производства. Для успешного развития и совершенствования производственной деятельности, таким образом, требуется, чтобы, кроме материальной обработки предмета, имела место его идеальная переработка и чтобы эта идеальная переработка предмета обгоняла его материальную переработку и направляла ее. Производство по своей природе предполагает и требует существования активного отражения мира, такого отражения мира, которое способно опередить и направить процесс преобразования мира. Таким отражением мира является человеческое мышление, человеческое сознание и воля. Акты производства могут успешно осуществляться и развиваться лишь при условии, если они будут действиями целенаправленными, сознательными, волевыми. Такими целенаправленными, сознательными, волевыми являются акты человеческого труда.

У поздних предлюдей, как и у ранних, и у других высших животных, формой отражения мира была высшая нервная деятельность, представляющая собой неразрывное единство отражения и поведения. В их мозгу могли отражаться лишь раздражители рефлексов. Образы еще не существующих в данный момент явлений не могли возникнуть в их мозгу². Они, как и другие животные, не могли предвидеть течение и результаты своих действий, представлявших собой рефлекторные акты. Отсюда крайне резкое противоречие между содержанием и формой имевшихся

² Подробнее по этому вопросу см. раздел 2 главы IV настоящей работы, а также нашу статью «Материальное и идеальное в высшей нервной деятельности животных» (19586).

у них актов изготовления орудий. Будучи актами производства, актами преобразования природы, а не приспособления к ней, они по содержанию не отличались от актов человеческого труда и поэтому могли успешно развиваться лишь при условии существования процесса идеальной переработки предметов, обгоняющего и направляющего материальную их переработку. Но будучи по содержанию актами человеческого труда, по своей форме они оставались актами животного труда и как любые рефлекторные акты могли определяться лишь внешними явлениями, существующими к началу этих актов. Это обуславливало во многом случайный характер результатов этих актов, полностью преодолеть который было невозможно без возникновения качественно иной формы отражения мира.

Как уже указывалось, результаты рефлекторных актов, направленных на изготовление орудий, носили первоначально чисто случайный характер. Степень пригодности полученных приемом разбивания каменных осколков для функционирования в качестве орудий зависела от случая. Вполне понятно, что полученные таким образом орудия не могут рассматриваться как подлинная фиксация результата деятельности по их изготовлению, как подлинная материализация трудового опыта. Возникающая рефлекторная производственная деятельность обладала способностью к самодвижению, саморазвитию не столько в действительности, сколько в возможности. Поэтому на первых шагах своего развития она во многом совершенствовалась под определяющим воздействием группового отбора, обуславливавшего совершенствование способности к производственным операциям. Но по мере развития производственной деятельности ее способность к самодвижению начала все в большей и большей степени превращаться из возможности в действительность, что неизбежно вызывало изменение роли группового отбора. Последний из фактора, определявшего развитие рефлекторной производственной деятельности, начал все в большей и большей степени превращаться в фактор, направление действия которого определялось развитием самой производственной деятельности, в фактор, подчиненный производственной деятельности и выполняющий «заказы» последней.

Рефлекторная форма, в которую была облечена первоначальная производственная деятельность, с самого начала мешала, препятствовала ее развитию. Однако определенное совершенствование производственной деятельности было возможно и в рефлекторной форме. О том, какого уровня развития оказалась способной достигнуть производственная деятельность до начала ее освобож-

дения от рефлекторной формы, позволяют судить орудия, найденные вместе с существами из Олдовой I. Они единодушно были отнесены к олдовой культуре (Leakey, 1961a, 1961b, 1963a; Clark, 1961; Leakey, Tobias, Napier, 1964, и др.).

Как полагает ряд исследователей, олдовая каменная индустрия Африки не является самой древней из известных науке. Она, по их мнению, выросла из предшествовавшей ей на этой же территории кафуанской индустрии³. Кафуанская и олдовая культуры по существу представляют две последовательно сменяющиеся стадии развития одной (Cole, 1954, p. 1034—1035), относящейся к периоду, предшествовавшему шелльской археологической эпохе, переход к которой связан с появлением первого каменного орудия, имеющего выработанную, устойчивую стандартизированную форму, — ручного рубила (Childe, 1944, p. 4; Равдоникас, 1939, I, стр. 157—158; Ефименко, 1953, стр. 107; Паничкина, 1953, стр. 31—32; Арциховский, 1955, стр. 26, и др.).

Г. Мортилье (1903, стр. 189), давший первую четкую схему периодизации палеолита, рассматривал ручное рубило как первое орудие, изготовленное человеческой рукой, а шелль — как первую эпоху в развитии человеческой каменной индустрии, как первую эпоху древнекаменного века. Орудия, относимые к эпохе, предшествовавшей шелльской, Г. Мортилье рассматривал как продукты деятельности не человека, а теоретически конструируемого им существа, промежуточного между животными и человеком, — антропитека или гомосимиуса.

Трудами последующих исследователей периодизация Г. Мортилье была дополнена введением дошелльской эпохи. Однако многие ученые до сих пор не признают эту эпоху за самостоятельную. Первой общепризнанной археологической эпохой по-прежнему остается шелльская (Арциховский, 1947, стр. 8—9; 1955, стр. 26; Ефименко, 1953, стр. 109—110). Исследователи, признающие за первую археологическую эпоху дошелльскую, нигде не дают ей развернутой характеристики, ограничиваясь самыми общими положениями. В их трудах подчеркивается, что орудия дошелльской эпохи обычно имеют случайную, неустойчивую, крайне неопределенную форму и с трудом могут быть отличены от осколков камня, подвергшихся естественной обработке (Осборн, 1924, стр. 103; Борисковский, 1957а, стр. 40; Паничкина, 1953, стр. 18).

³ Другие исследователи считают, что никакой кафуанской культуры не существует, что так называемые «кафуанские» орудия имеют естественное происхождение (Leakey, 1960a).

Из всех археологов более развернутую характеристику дошелльской эпохи дает лишь Л. Лики (Leakey, 1953, p. 57, 66—68), детально изучивший относящуюся к ней олдовайскую культуру, но и он подчеркивает, что характерной чертой этой индустрии является отсутствие каких бы то ни было выработанных устойчивых форм каменных орудий (p. 68). Несколько более выработанную форму имеют, пожалуй, лишь поздние олдовайские орудия, прямо предшествующие раннешелльским.

Случайность, неустойчивость форм дошелльских орудий позволяет, на наш взгляд, с достаточным основанием считать их, за исключением, может быть, лишь самых поздних, непосредственно предшествующих шелльским рубилам, результатами деятельности не людей, даже формирующихся, а поздних предлюдей, продуктами рефлекторной производственной деятельности, преобразующего предчеловеческого труда. Каменную индустрию поздних предлюдей, которой является, по всей вероятности, почти вся дошелльская индустрия, исключая, может быть, лишь самую позднюю, лучше всего было бы назвать эолитической, а эпоху ее существования и развития эолитом. Орудия, обнаруженные в Олдовай I, позволяют с большой степенью вероятности отнести к эолиту всю или почти всю олдовайскую индустрию и всю кафуанскую.

Кафуанские орудия очень просты. Они представляют собой обкатанные водой гальки (или иногда желваки кремневого известняка или кварцитовые валуны), от которых отделены один-два отщеп, чтобы заострить конец. Олдовайские орудия отличаются от кафуанских лишь несколько ббльшим числом сколов (Leakey, 1953, p. 57, 67—68; Алиман, 1960, стр. 169—170, 236—238, 274, 314; Clark, 1961, и др.). Гальки и валуны, заостренные одним-двумя-тремя сколами, встречаются не только в Африке. Они были найдены и в дошелльских слоях Европы и Азии (Ефименко, 1953, стр. 109—110; Паничкина, 1953, стр. 18—20; «Всемирная история», 1955, I, стр. 24—25; M o v i u s, 1944, p. 3, 104—107). Вместе с подобного рода орудиями, которые часто именуются грубыми рубящими орудиями, встречается большое число отщепов чисто случайных очертаний.

Находка вместе с существами из Олдовай I орудий одноименной культуры свидетельствует о том, что уже в эпоху эолита наряду с техникой разбивания камня возник и получил развитие новый прием обработки камня, заключающийся в отбивании от каменного желвака или гальки осколков и тем самым в оббивании желвака или гальки. Можно предполагать, что первоначально этот прием возник как средство устранения какого-нибудь де-

факта, мешавшего успешному использованию куска камня в качестве орудия (Городцов, 1930, стр. 10; 1935, стр. 69—70). В дальнейшем этот прием приобрел самостоятельное значение и положил начало новому виду техники обработки камня — технике оббивки, которая одновременно была и техникой отбивки. В качестве орудий использовались как отбитые от гальки (валуна) осколки, так и оббитая галька (валун).

Возникновение и развитие техники оббивки-отбивки открыло возможность получения более совершенных орудий, чем могли дать техника разбивания. Кроме совершенствования приемов обработки камня, прогрессу каменной техники способствовала и выработка умения выбирать для изготовления орудий из большого числа камней самых разнообразных пород и размеров наиболее подходящие.

Орудия, полученные в результате техники оббивки-отбивки, хотя и продолжали носить во многом случайные очертания и не имели выработавшейся формы, тем не менее в определенной степени уже могут быть охарактеризованы как фиксация деятельности по их изготовлению, как материализация производственного опыта. С возникновением техники оббивки-отбивки производственная деятельность получила возможность проявить свою способность к саморазвитию, возможность превратить отбор в фактор, ей подчиненный. Однако, несмотря на все это, прогресс техники обработки камня в эолитическую эпоху шел крайне низкими темпами и был не столько качественным, сколько количественным. Он состоял не столько в повышении качества изготавливаемых орудий, сколько в повышении процентного отношения числа кусков камня, пригодных для использования в качестве орудий, к общему числу каменных осколков, получаемых в результате обработки.

Качественному совершенствованию производственной деятельности мешала рефлекторная форма, в которую были облечены акты производства. Чем дальше развивалась производственная деятельность, тем в большей степени рефлекторная форма, в которую она была облечена, мешала ее саморазвитию. Новое содержание до поры, до времени могло развиваться и в старой форме, но рано или поздно последняя должна была стать непреодолимым препятствием для дальнейшего развития содержания. Производство, развиваясь, рано или поздно должно было достигнуть такого предела, за которым его дальнейшее развитие было совершенно невозможно без освобождения его актов от рефлекторной формы, без превращения их из рефлекторных в волевые, сознательные, без возникновения мышления и воли.

Но рефлексорная форма, в которую была облечена производственная деятельность, была не единственным препятствием для ее развития. Другим не менее, а может быть, и более важным препятствием был господствовавший в стаде поздних предлюдей ничем не обуздываемый зоологический индивидуализм.

3. Конфликт между производственной деятельностью и зоологическим индивидуализмом в стаде поздних предлюдей

Поведение поздних предлюдей, так же как и поведение ранних предлюдей и других животных, было рефлексорной деятельностью и, как всякая рефлексорная деятельность любого животного, могло быть направлено лишь к удовлетворению биологических потребностей, инстинктов. Поэтому отношения внутри стада поздних предлюдей не могли сколько-нибудь существенно отличаться от тех, которые имели место в стаде ранних проантропов. У поздних предлюдей, как и у ранних, существовал антагонизм между стадом и гаремной семьей. В стаде поздних предлюдей, как и в стаде ранних, шла постоянная ломка и перестройка системы доминирования, имели место кровавые конфликты, завершавшиеся нередко смертью. В стаде поздних предлюдей, как и в стаде ранних, существовали лишь зоологические отношения, господствовал зоологический индивидуализм. Стадо поздних предлюдей было зоологическим объединением.

И в то же время оно отличалось от всех предшествовавших ему зоологических объединений, в том числе и от стада ранних предлюдей. Будучи зоологическим объединением, оно было в то же время объединением существ, которые не только приспособлялись к среде, но и производили, существ, у которых приспособление к внешней среде было опосредствовано производством. И это обстоятельство делало зоологический индивидуализм в стаде поздних предлюдей явлением, препятствовавшим совершенствованию их приспособления к внешней среде и тем ставившим под угрозу их существование.

Определенное противоречие между зоологическим индивидуализмом и потребностью приспособления к среде существовало, как отмечалось в главе V, уже в стаде ранних предлюдей. Происходившие в нем бесконечные конфликты могли ставить и ставили под угрозу существование стада и тем самым его членов. Но прямо осуществлению и совершенствованию приспособительного пред-

человеческого труда, осуществлению и совершенствованию деятельности по приспособлению к внешней среде они не мешали.

Во время отражения нападения извне и во время охоты все конфликты внутри стада прекращались и оно выступало как единое целое. Единство действий всех членов стада во время обороны и охоты обуславливалось совпадением их стремлений к удовлетворению инстинктов. Нападение извне угрожало всем членам стада и поэтому все они стремились его отразить. Совпадение стремлений всех членов стада удовлетворить пищевой инстинкт лежало в основе единства их действий в момент охоты. Пока животное не было убито, стремления всех членов стада совпадали. Столкновение их стремлений к удовлетворению пищевого инстинкта начиналось уже после успешного завершения охоты.

Конфликты и стычки в стаде ранних предлюдей не только прямо не мешали протеканию приспособительного предчеловеческого труда, но даже в определенном отношении способствовали его совершенствованию. Как правило, из внутростадных конфликтов победителями выходили индивиды, которые по своей физической организации были в большей степени, чем остальные, способны к использованию палок, камней и других орудий, которые обладали наибольшим опытом их использования, которые наиболее ловко и умело ими оперировали. В результате стычек происходил отбор особей, наиболее приспособленных к рефлекторному приспосабливающему труду. Отбор, происходивший в результате внутростадных конфликтов, совпадал с направлением отбора, приспособившего ранних предлюдей к внешней среде.

Бесконечные конфликты внутри стада ранних предлюдей могли мешать и мешали их деятельности по приспособлению к среде лишь косвенно — путем уменьшения размеров стада до уровня, делавшего его мало способным или совсем не способным к обороне и нападению. В стаде поздних предлюдей бесконечные конфликты начали мешать приспособлению к среде не только этим, но и другим путем.

Как уже указывалось, приспособление поздних предлюдей к внешней среде было опосредствовано производством. Успех их деятельности по приспособлению к внешней среде прямо зависел от уровня развития деятельности по изготовлению орудий, от ее успешности. Все, что расстраивало производственную деятельность и мешало ее развитию, расстраивало и препятствовало приспособлению поздних предлюдей к среде. А бесконечные конфликты в стаде поздних предлюдей прямо расстраивали производственную деятельность, прямо препятствовали ее совершенствованию.

Стычки и столкновения в стаде поздних предлюдей, как и в стаде ранних, прекращались на время обороны от врагов и охоты.

Эти периоды были резко очерчены во времени. Период обороны открывался нападением извне и завершался уничтожением или бегством врага. Период охоты начинался с момента обнаружения животного, которое могло быть добычей, и завершался либо убийством этого животного, либо отказом от его дальнейшего преследования, если оно оказывалось безнадежным. Во время этих резко очерченных периодов, характеризовавшихся единством действий членов стада и прекращением конфликтов внутри его, осуществление производственной деятельности было, разумеется, невозможно. Она могла осуществляться лишь в остававшиеся свободными от охоты и обороны периоды времени, т. е. в периоды, в течение которых происходили конфликты внутри стада.

Производственная деятельность не могла сама по себе вызвать такого единства действий, как охота и оборона. В основе единства действий животных лежит прежде всего совпадение их стремлений к удовлетворению инстинктов. Такого совпадения стремлений производственная деятельность вызвать не могла, ибо в отличие от охотничьей и оборонительной прямо к удовлетворению инстинктов направлена не была. Она способствовала удовлетворению инстинктов лишь косвенно, обеспечивая поздних предлюдей более совершенными орудиями обороны и охоты. К этому нужно добавить, что, будучи по своей природе коллективной, производственная деятельность в то же время не требовала с необходимостью, чтобы ею занимались все без исключения члены стада и в одно время. Если оборона и охота могли быть успешными лишь при условии, если все или почти все члены стада принимали в них участие, то производственная деятельность могла завершиться успешно и в том случае, если в ней принимало в данный момент участие лишь некоторое количество членов объединения.

Вследствие всего этого начало производственной деятельности не могло быть столь резко и прямо отмечено, как начало периодов обороны и охоты, и не могло повлечь за собой прекращение внутростадных конфликтов. Производственная деятельность не могла строго локализоваться во времени и образовать свой собственный период, свободный от всякой иной деятельности. Внутростадные конфликты, продолжавшиеся и во время протекания производственной деятельности, неизбежно должны были нарушать ее ход, расстраивать ее, мешать передаче трудового опыта, препятствовать ее дальнейшему совершенствованию.

Внутристадные конфликты препятствовали успешному развитию производственной деятельности и тем, что в результате их могли погибать и погибали индивиды, наиболее приспособленные к ней и обладавшие наибольшим производственным опытом. Если качества, делавшие индивида более приспособленным к использованию орудий, совпадали с теми, которые давали ему возможность выходить победителем из междоусобных стычек, то этого нельзя сказать о качествах, делавших индивида более способным к производственной деятельности. Лучшая приспособленность к совершению производственных операций, большой производственный опыт сами по себе не давали преимуществ в драках и стычках.

Таким образом, конфликты, бытовавшие в стаде поздних предлюдей и являвшиеся проявлением зоологического индивидуализма, прямо расстраивали производственную деятельность и препятствовали ее совершенствованию. Тем самым они мешали ее приспособлению к среде и в том случае, когда не вели к сколько-нибудь значительному уменьшению размеров стада и даже вообще не вели к уменьшению размеров стада. Даже тот уровень остроты конфликтов, который ни в малейшей степени не мешал бы стаду ранних предлюдей успешно обороняться и охотиться, вообще никак не сказался бы на их деятельности по приспособлению к среде, был опасным для поздних предлюдей, ибо расстраивал их производственную деятельность и мешал ее развитию, не говоря уже о том уровне остроты конфликтов, который делал стадо ранних предлюдей менее способным к обороне и нападению.

Стадо обезьян, явившееся той основой, на которой возникло стадо ранних предлюдей, и тем самым и стадо поздних предлюдей, было вызвано к жизни потребностью приспособления к внешней среде, прежде всего потребностью удовлетворения такого биологического инстинкта, как оборонительный. Вызванное к жизни потребностью приспособления к внешней среде стадо обезьян вполне удовлетворяло эту потребность. Возникшее из стада обезьян стадо ранних предлюдей также было призвано обеспечить удовлетворение потребности приспособления к внешней среде. Только в стаде могла успешно осуществляться такая форма приспособительной деятельности, как присваивающий рефлекторный труд, могло успешно обеспечиваться удовлетворение двух таких важнейших биологических инстинктов, как пищевой и оборонительный. Вызванное к жизни потребностью приспособления к среде стадо ранних предлюдей в целом способствовало удовлетворению этой потребности, но не вполне. Стадо ранних предлю-

дей, как и предшествовавшее ему стадо обезьян, было конгломератом гаремных семей и холостяков. Это обстоятельство в условиях, когда основной формой приспособления к внешней среде стал присваивающий животный труд, неизбежно превратилось в источник кровавых конфликтов, которые могли приводить и в определенных случаях приводили к распаду стада и гибели предлюдей.

Переход от ранних предлюдей к поздним был связан с возникновением совершенно новой формы деятельности — производственной, качественно отличной от приспосовительной. Этой новой формой деятельности было опосредствовано приспособление поздних предлюдей к среде. Но если отношение поздних предлюдей к природе носило иной характер, чем отношение к ней ранних предлюдей, то отношение их друг к другу не отличалось сколько-нибудь существенно от отношения последних друг к другу. Стадо поздних предлюдей по своей структуре не отличалось от стада ранних предлюдей и стада обезьян. Оно также представляло собой конгломерат гаремных семей и холостяков.

Возникшее из потребности приспособления к внешней среде стадо, состоящее из гаремных семей и холостяков, уже не вполне соответствовало такой форме деятельности, как животный присваивающий труд, несмотря на то, что он являлся деятельностью приспосовительной, деятельностью, хотя и не могущей осуществляться вне объединения, но тем не менее по самому своему существу индивидуальной. Тем более не могло оно отвечать потребности функционирования и развития такой качественно отличной от приспосовительной формы деятельности, как производственная, бывшей по самой своей сущности коллективной. Безраздельное господство зоологического индивидуализма в стаде поздних предлюдей находилось в резком противоречии с коллективной по своей природе производственной деятельностью, подрывало и расстраивало ее, мешало, препятствовало ее развитию. Тем самым оно подрывало и расстраивало приспособление поздних предлюдей к среде, мешало его совершенствованию.

Коллективная по своей природе производственная деятельность не могла успешно развиваться в оболочке возникшего из потребности удовлетворения индивидуальных по своей сущности биологических инстинктов зоологического приспосовительного объединения. Чем дальше развивалась производственная деятельность, тем в большей степени зоологический, приспосовительный по своему существу характер объединения, в котором она осуществлялась, становился тормозом для ее развития, тем в меньшей степени это объединение удовлетворяло потребностям производства, а тем самым и потребностям приспособления к

среде. Рано или поздно развитие производственной деятельности неизбежно должно было дойти до такого предела, за которым ее дальнейшее совершенствование в оболочке зоологического объединения, в обстановке безраздельного господства зоологического индивидуализма стало абсолютно невозможно. С этого момента насущной жизненной необходимостью, настоятельной потребностью стало ограничение зоологического индивидуализма, перестройка объединения, в котором осуществлялась производственная деятельность, превращение последнего из объединения биологического, приспособительного в объединение производственное, экономическое.

Так как основой и источником большинства конфликтов в объединении поздних предлюдей, как и в предшествовавшем ему объединении ранних предлюдей, был антагонизм между стадом и гаремной семьей, то эта производственная по своему существу необходимость, экономическая по своему существу потребность проявилась прежде всего в форме потребности, необходимости преодоления антагонизма между стадом и гаремной семьей. Производство, развиваясь, на определенном этапе своей эволюции, таким образом, неизбежно потребовало разрешения антагонизма между гаремной семьей и стадом, причем разрешения его одним строго определенным способом — путем разрушения гаремных семей, путем растворения их в стаде. Никакой другой путь разрешения антагонизма между гаремами и стадом не мог отвечать потребностям развития производственной деятельности. Распад стада на самостоятельные гаремные семьи, приведший к деградации даже приспособительного труда, неизбежно положил бы конец не только развитию, но и самому существованию производственной деятельности. Только стадо без гаремных семей могло быть объединением, в котором производственная деятельность получила бы возможность дальнейшего развития.

Ликвидация гаремов, растворение их в стаде было невозможно без прочного подавления полового инстинкта всех самцов, входивших в стадо. Порожденная развитием производственной деятельности настоятельная потребность в коренной перестройке объединения, в котором она осуществлялась, в ограничении зоологического индивидуализма прежде всего проявилась в форме потребности обуздания такого биологического инстинкта, как половой.

Возникшая в объединении поздних предлюдей объективная потребность в перестройке этого объединения, в ограничении зоологического индивидуализма качественно отличалась от всех существовавших в нем остальных потребностей. Все остальные су-

ществовавшие в стаде поздних предлюдей потребности были биологическими потребностями, зоологическими инстинктами входивших в состав этого объединения существ. Возникшие и оформившиеся в процессе приспособления к среде предшествующих поколений, эти потребности могли существовать и существовали лишь как потребности отдельных конкретных индивидов, как индивидуальные потребности. В отличие от них потребность в ограничении зоологического индивидуализма, возникшая и оформившаяся в процессе развития производственной деятельности, была потребностью не биологической, а производственной, т. е. экономической. Имея своей основой коллективную по своей природе производственную деятельность, эта потребность была не индивидуальной, а коллективной. Она существовала как потребность всех членов объединения, вместе взятых, как потребность социальная, общественная.

Между производственной, социальной потребностью и биологическими, индивидуальными потребностями существовало противоречие. Удовлетворение социальной потребности требовало и предполагало ограничение такой важнейшей биологической потребности, как половая, требовало и предполагало обуздание полового инстинкта. Но это противоречие не было и не могло быть абсолютным. Между социальной, производственной потребностью и биологическими, индивидуальными существовало не только противоречие, но и совпадение. У поздних предлюдей, как уже неоднократно отмечалось, деятельность, прямо направленная к удовлетворению биологических потребностей, была опосредствована производственной. Все, что расстраивало производственную деятельность, препятствовало и приспособительной деятельности, мешало удовлетворению биологических потребностей.

Важнейшим фактором, расстраивавшим производственную деятельность поздних предлюдей, было ничем не ограничиваемое проявление полового инстинкта. Все в большей и большей степени расстраивая производственную деятельность, ничем не обуздываемое стремление к удовлетворению полового инстинкта все в большей и большей степени расстраивало приспособительную деятельность, все в большей и в большей степени препятствовало удовлетворению таких важнейших инстинктов, как пищевой и оборонительный, все в большей и большей степени ставило под угрозу существование поздних предлюдей, а тем самым и удовлетворение самого полового инстинкта. Неизбежно поэтому на определенном этапе удовлетворение производственной, социальной потребности в обуздании полового инстинкта стало необходимым условием удовлетворения всех индивидуальных, биологиче-

ских потребностей, не исключая и половой, необходимым условием существования поздних предлюдей. Опосредствование приспособительной деятельности производственной необходимо привело к опосредствованию удовлетворения индивидуальных, биологических инстинктов удовлетворением социальной, производственной потребности.

Удовлетворение этой потребности состояло, как указывалось, прежде всего в подавлении полового инстинкта. Чтобы подавить такой стимул поведения каждого из поздних предлюдей, как половой инстинкт, социальная производственная потребность сама должна была стать фактором поведения каждого из них, стимулом их индивидуального поведения, причем более сильным, чем биологические потребности.

Поведение поздних предлюдей было высшей нервной, рефлекторной деятельностью и могло определяться и определялось прежде всего двоякого рода факторами: инстинктами и внешними раздражениями, падавшими на кору больших полушарий головного мозга. Оно представляло собой прежде всего результат взаимодействия влияния подкорковых безусловных центров и влияния внешних раздражителей. Известную роль в определении поведения поздних предлюдей, как и поведения ранних предлюдей и обезьян, играла исследовательская тенденция, имевшая своей основой чистокорковую доминанту.

Социальная, производственная потребность не могла, разумеется, стать подкорковой тенденцией, не могла обрести центр в подкорке. Не могла она стать и чистокорковой. Она могла влиять на поведение поздних предлюдей, лишь проявляясь в форме различного рода внешних явлений. Проявляясь, как и всякая необходимость, в форме случайностей, производственная, социальная потребность в обуздании полового инстинкта могла приводить и приводила к подавлению этого инстинкта, могла заставлять и заставляла членов стада подавлять половые инстинкты друг друга. Но такое подавление, будучи внешним, не могло быть ни прочным, ни сколько-нибудь длительным. Чтобы это подавление стало прочным и длительным, необходимо было превращение его из внешнего и во внутреннее. Необходимо было, чтобы производственная потребность, которая была потребностью всех индивидов, взятых вместе, но ни одного из них, взятого в отдельности, продолжая оставаться социальной, коллективной, стала бы в то же время внутренней потребностью каждого из членов стада, стала наряду с зоологическими инстинктами их индивидуальной потребностью, причем более важной, чем потребности биологические.

Однако пока поведение поздних предлюдей было рефлекторной деятельностью, это было невозможно. Невозможен был у поздних предлюдей, как и у других высших животных, и тот известный в животном мире путь прочного подавления полового инстинкта, который состоял в превращении зоологического объединения в коллективный биологический организм, а большинства его членов в бесполое существа.

Но производство, сделав настоятельной необходимостью в прочном и постоянном подавлении полового инстинкта, открыло дорогу для превращения этой социальной, производственной потребности в индивидуальную. Эта дорога была открыта начавшимся освобождением производственной деятельности от рефлекторной формы.

4. Начало освобождения производства от рефлекторной формы и возникновение первобытного человеческого стада

Можно с большой долей вероятности полагать, что потребность в обуздании зоологического индивидуализма, в превращении зоологического объединения в производственное созрела примерно в то же время, когда настоятельной необходимостью стало освобождение производственной деятельности от рефлекторной формы, возникновение мышления и воли.

В отличие от высшей нервной деятельности животных, представляющей единство поведения и отражения и являющейся в сущности отражением отдельного, явлений, человеческое мышление есть в своей сущности отражение общего. Только отражение общего, сущности может быть активным отражением, только отражение общего может дать возможность заглянуть в будущее, предвидеть течение объективных процессов и своих собственных действий и, следовательно, направить свою деятельность по преобразованию мира.

Высшая нервная деятельность животных, являясь в своей сущности отражением отдельного, в то же время таит в себе возможность возникновения мышления. Эта возможность заключается в появлении у высших животных «группированного представительства явлений внешнего мира» («Павловские среды», 1949, III, стр. 8; см. также стр. 135, 152, 193, 284, 325, 357, 367, 382, 396, 414), появлении своеобразных очень неглубоких и непрочных образов общего, которые можно было бы назвать «предположениями», в появлении зачатков индукции и дедукции, обобщениями».

ния и отвлечения (Ю. Семенов, 1958б, стр. 101—108). На третьей ступени развития высшей нервной деятельности животных «предпонятия» достигают своего высшего развития и становятся необходимыми. На третьей ступени эволюции высшей нервной деятельности животных оформляется возможность возникновения человеческого понятийного мышления (там же, 1958б, стр. 108—110).

Понятия человека могут существовать только в материальной языковой оболочке. Человеческое мышление не могло возникнуть без появления языка. Рефлекторная производственная деятельность, развитие которой сделало настоятельной необходимостью перехода к мышлению, создала все необходимые предпосылки для возникновения языка.

Необходимым условием не только совершенствования, но и вообще существования всякой производственной деятельности, в том числе и рефлекторной, является обмен производственным опытом и координация действий производящих существ. Производственные акты до возникновения мышления были по своему механизму индивидуально приобретенными условными корковыми рефлексам и цепями таких рефлексов. У поздних предлюдей, как и у ранних, основным средством передачи трудового опыта была имитация, подражание. Но навыки и приемы производственной деятельности были настолько сложны по сравнению с приемами и навыками использования орудий, что имитация не могла удовлетворить все более возрастающую потребность в обмене производственным опытом. Не могла она более удовлетворять и возрастающую потребность в координировании действий. Необходимо было возникновение нового средства общения — звукового языка. И он начал возникать. Базой, на которой начал формироваться звуковой язык, была звуковая сигнализация, посящая довольно разнообразный характер у обезьян (Гарнер, 1899; Тих, 1947, II—III; Бунак, 1951б, 1951в; Спиркин, 1957, 1960) и, несомненно, в гораздо более развитой форме существовавшая у предлюдей.

С возникновением слов «предпонятия» стали превращаться в понятия, с началом становления языка начали формироваться человеческое мышление и человеческая воля⁴. «Сначала труд,

⁴ Подробнее на вопросе о возникновении и развитии языка и мышления мы не останавливаемся, ибо это увело бы нас в сторону от основной проблемы — становления человеческого общества. Желающих ознакомиться с предлагаемыми решениями этого вопроса отсылаем к работам Л. С. Выготского (1934), С. М. Доброгаева (1945, 1946, 1947), Л. О. Резникова (1943), В. В. Бунака (1951б, 1951в), А. Г. Спиркина (1957, 1960), П. Ф. Протасени (1959, 1961), А. А. Леонтьева (1963), М. С. Войно (1964) и др.

а затем и вместе с ним членораздельная речь явились двумя самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг», — писал Ф. Энгельс (соч., т. 20, стр. 490).

С началом становления языка, мышления и воли началось освобождение производственной и всей вообще деятельности от рефлекторной, животной формы, превращение ее в деятельность целенаправленную, сознательную, волевою, началось становление труда человеческого как по содержанию, так и по форме, началось формирование человека. С началом освобождения производства от рефлекторной формы поздние предлюди превратились в людей, но людей еще не готовых, людей формирующихся.

«Животное, — писал К. Маркс (1956, стр. 565), раскрывая различие между поведением животных и поведением человека, — непосредственно тождественно со своей жизнедеятельностью. Оно не отличает себя от своей жизнедеятельности. Оно есть *эта жизнедеятельность*. Человек же делает самоё свою жизнедеятельность предметом своей воли и своего сознания. Его жизнедеятельность — сознательная. Это не есть такая определенность, с которой он непосредственно сливается воедино. Сознательная жизнедеятельность непосредственно отличает человека от животной жизнедеятельности». Процесс формирования сознания и воли был процессом превращения жизнедеятельности из рефлекторной в сознательную, волевою, в предмет сознания и воли, превращения ее из определяемой инстинктами и внешними раздражениями, в управляемую и контролируемую волей и сознанием. С началом становления воли и сознания возникла, правда в самой зачаточной форме, способность управлять своими действиями, своим поведением, своей жизнедеятельностью. Тем самым возникла возможность обуздания, подавления своих инстинктов, возможность самообуздания, самоограничения. И, возникая, эта возможность сразу же стала превращаться в действительность.

Превращение этой возможности в действительность так же, как и освобождение производственной деятельности от рефлекторной формы, началось под действием уже упоминавшегося выше подчиненного производству и обеспечивавшего удовлетворение потребностей производства группового отбора. Ставшая насущной необходимостью в ограничении зоологического индивидуализма, появляясь в форме сменившего групповой стадного отбора, все в большей и большей степени заставляла формирующихся людей обуздывать половые инстинкты друг друга, все в большей и большей степени заставляла их разрушать уже существующие гаремы и препятствовать образованию новых, все в большей и большей

степени вбивала в головы формирующихся людей практическое, проявляющееся в действиях сознание того, что стремление любого самца обзавестись гаремом таит в себе опасность для всех остальных членов стада, угрожает гибелью всем им, что избежать этой опасности можно лишь путем обуздания подобного стремления, путем его подавления силами всех остальных членов коллектива. Это сознание опасности было не теоретическим, а практическим. Оно возникало, проявляясь в действиях, направленных на подавление опасных стремлений, и только проявляясь в этих действиях, формировалось.

Трудно сказать что-либо конкретное о том, как протекал этот процесс. Но несомненно одно: обусловленная развитием производственной деятельности объективная потребность в разрешении конфликта между стадом и гаремной семьей путем растворения гаремов в стаде выразилась первоначально в форме стремления каждого члена объединения подавить ощущаемое им как опасное для него действие любого другого самца, направленное на то, чтобы обзавестись гаремом. Первоначально каждый из членов объединения, действуя вместе со всеми остальными, обуздывал инстинкты каждого из остальных членов объединения, взятого в отдельности. Такое обуздание биологических инстинктов носило внешний характер и, возможно, было еще до начала превращения жизнедеятельности в предмет воли и сознания. С началом этого процесса, с возникновением у каждого из формирующихся людей потенциальной способности регулировать и контролировать свою деятельность внешнее подавление инстинктов начало во все большей степени превращаться во внутреннее, внешнее обуздание биологических потребностей начало во все большей степени дополняться внутренним, самообузданием.

В процессе обуздания всеми членами объединения вместе взятыми всех членов объединения, взятых в отдельности, у каждого из его членов стала вырабатываться способность обуздывать самого себя, заставлять себя воздерживаться от тех действий, которые подавлялись объединением. Обуздывая вместе со всеми остальными членами коллектива, взятыми вместе, всех остальных членов коллектива, взятых в отдельности, каждый член коллектива учился обуздывать самого себя, подавлять свои инстинкты в соответствии с требованиями коллектива, в которых находила свое выражение производственная, экономическая необходимость в ограничении зоологического индивидуализма.

Таким образом, воля каждого из членов коллектива, его практическое, проявляющееся в действиях сознание формировалось как выражение выступающей как коллективная и в действи-

тельности являющейся коллективной производственной потребности, как частичка социальной, коллективной воли, как форма существования общественного сознания. Общественное сознание, сознание коллектива, как и формирующееся индивидуальное сознание, носило на первых порах своего развития не теоретический характер, а чисто практический. Оно представляло собой имеющую своим содержанием производственную, экономическую потребность, волю коллектива, общественную волю, формирующуюся мораль. Первым требованием коллектива к индивиду было требование не допускать образование гаремов внутри стада, первой моральной пормой был запрет обзаводиться гаремами, гаремный запрет.

Объективная производственная, коллективная потребность в разрешении конфликта между гаремной семьей и стадом путем растворения гаремов в стаде, проявляясь в деятельности формирующихся людей, отражалась и закреплялась в форме требований коллектива к своим членам воздерживаться от попыток образования гаремов, требований, являвшихся одновременно и требованиями индивидов к самим себе. Чем больше эта потребность закреплялась в требованиях коллектива к своим членам и членов коллектива к самим себе, чем больше она становилась содержанием общественной воли, а тем самым и являвшейся ее частичкой индивидуальной воли членов коллектива, тем в большей степени она, оставаясь социальной, становилась и внутренней потребностью каждого из индивидов, внутренним стимулом их поведения, тем в большей степени внешнее подавление полового инстинкта дополнялось внутренним подавлением, самоподавлением, тем в большей степени длительным и прочным становилось это обуздание.

Объективная коллективная потребность в ликвидации главного источника конфликтов внутри стада — антагонизма между гаремной семьей и стадом, став содержанием коллективной и тем самым индивидуальной воли, отразившись в требованиях коллективной воли не допускать образования гаремов, закрепившись в форме гаремного запрета, обусловила полное и окончательное растворение гаремных семей в стаде. Результатом было окончательное оформление первобытного человеческого стада, начало становления которого было положено началом освобождения производства от рефлекторной, животной формы.

Возникшее первобытное человеческое стадо, несомненно, было более единым и сплоченным, чем предшествовавшее ему стадо поздних предлюдей, значительно более отвечавшим потребностям развития производственной деятельности. Растворение гаремных

семей в стаде прежде всего в значительной степени способствовало смягчению конфликтов внутри коллектива. Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что с ликвидацией гаремных семей рухнули перегородки, которые существовали между членами стада. Из конгломерата гаремной семьи и холостяков стадо превратилось в единый аморфный коллектив. С уничтожением такой формы биологической организации отношения полов, какой был гарем, половые отношения внутри стада приняли неорганизованный, неупорядоченный характер. Возникновение первобытного человеческого стада было возникновением промискуитета. Таким образом, совершенно правильным является впервые четко сформулированное И. Я. Бахофеном (Bachofen, 1861, S. XVIII—XIX) и развитое Л. Морганом (1934а, стр. 33, 234) и Ф. Энгельсом (соч., т. 21, стр. 37 сл.) положение о промискуитете как начальной и универсальной стадии в развитии человеческих половых отношений, разделяемое в настоящее время всеми советскими учеными.

Но если положение о промискуитете как исходной стадии в развитии человеческих семейно-брачных отношений является верным, то этого, по нашему мнению, полностью нельзя сказать о взгляде на промискуитет только как на пережиток животного состояния, взгляде, которого придерживается в настоящее время большинство ученых (Золотарев, 1940б, 1964, стр. 48; «Всемирная история», 1955, I, стр. 33; Нестурх, 1958, стр. 231—232; Зыбковец, 1959, стр. 227—228 и др.). В объединениях предков людей (антропоидов и прегоминид) не было промискуитетных отношений. Возникновение промискуитета было результатом развала животной семьи, которая распалась потому, что, как совершенно правильно указывал Ф. Энгельс (соч., т. 21, стр. 39), она была несовместима с человеческим обществом. Промискуитет, таким образом, представляет собой отрицание той формы отношения полов, которая была присуща животным предкам человека. Нельзя согласиться и со взглядом на эпоху промискуитета как на период ничем не ограничиваемого, ничем не обуздываемого проявления инстинктов вообще, полового инстинкта в частности (Золотарев, 1940а, стр. 163—164; Ефименко, 1953, стр. 120; «Всемирная история», 1955, I, стр. 33; Зыбковец, 1959, стр. 214, 224, 227).

Возникновение промискуитета является результатом проявления в деятельности людей производственной, коллективной потребности в разрешении антагонизма между стадом и гаремной семьей, нашедшей свое отражение и закрепление в форме гаремного запрета. Возникновение имеющего своим содержанием про-

изводственную, коллективную потребность гаремного запрета было первым ударом по зоологическому индивидуализму вообще, по системе доминирования в частности. Требованию коллектива воздерживаться от попыток обзавестись гаремом должны были подчиниться все самцы независимо от их физической силы, величины, умения пользоваться оружием. Ни один из них не мог не считаться с этим требованием, ибо на страже данной первой моральной нормы стояло все стадо в целом.

* * * * *

Промискуитетное первобытное человеческое стадо качественно отличалось от всех предшествовавших ему объединений. Все эти объединения возникали из потребности приспособления к среде, были приспособительными, биологическими объединениями. Первобытное человеческое стадо было вызвано к жизни потребностью развития производственной деятельности. Производственная деятельность, зародившаяся в недрах биологического, приспособительного объединения, развиваясь, неизбежно пришла в противоречие с существовавшими в нем зоологическими отношениями, с господствовавшим в нем зоологическим индивидуализмом, неизбежно на определенном этапе потребовала возникновения новых отношений между индивидами, отличных от биологических, обуздания зоологического индивидуализма, возникновения такого объединения, в котором она получила бы возможность дальнейшего развития. И таким объединением явилось первобытное человеческое стадо.

Первобытное человеческое стадо возникло как объединение не приспособительное, биологическое, а производственное, экономическое.

В отличие от всех предшествовавших ему объединений первобытное человеческое стадо имело свои потребности, не сводившиеся к биологическим потребностям составлявших его членов. Этими его потребностями были потребности производственные. Потребности производства не могли не быть потребностями производственного объединения. Имея свои потребности, не сводящиеся к потребностям составляющих его членов, первобытное человеческое стадо имело свое бытие, не сводимое к бытию составлявших его членов, бытие по своей сущности производственное, экономическое. Тем самым оно представляло собой не просто объединение индивидов, а коллективный организм, обладающий способностью к изменению и развитию.

Но этот возникший из зоологического объединения коллективный организм качественно отличался от коллективных организ-

мов, сверхорганизмов типа «обществ» насекомых. «Общества» насекомых и им подобные вызваны к жизни потребностью приспособления данного вида животных к внешней среде. Они представляют собой коллективные приспособительные биологические организмы. Первобытное человеческое стадо представляло собой организм совершенно иной природы — организм производственный, экономический, социальный, или, точнее сказать, организм, становящийся социальным, формирующийся социальный организм.

Различие между коллективным социальным организмом и коллективным биологическим резко проявляется в различии между отношением социального организма и образующих его членов и отношением сверхорганизма и составляющих его индивидов. Основным признаком биологического коллективного организма является биологическая специализация его членов, превращение их в органы или части органов сверхорганизма. Производство, вооружив индивида способными к совершенствованию искусственными орудиями, сделав возможным и необходимым возникновение у индивида способности контролировать и регулировать свою жизнедеятельность и тем самым способности обуздывать свои инстинкты в соответствии с требованиями коллектива, сделало возможным и необходимым появление такого коллективного организма, в котором отсутствует биологическая специализация составляющих его индивидов, появление коллективного организма, состоящего из биологически равноценных индивидов. Если в коллективном биологическом организме подавление инстинктов составляющих его индивидов происходит путем их упразднения, то в социальном — путем обуздания этих биологических стимулов поведения качественно отличными от них новыми стимулами. Этими новыми факторами поведения являются производственные по своей природе потребности социального организма.

Производственные по своей природе потребности коллективного организма, каким было первобытное человеческое стадо, не могут быть сведены к потребностям составляющих его членов. И в то же время они не могут быть удовлетворены без их превращения в потребности членов коллектива, в стимулы поведения членов коллектива, причем более мощные, чем биологические потребности. Поведение членов первобытного человеческого стада с самого начала его становления определялось не только биологическими инстинктами, но и обуздавшими, подавлявшими их социальными, экономическими потребностями. Первобытное человеческое стадо с самого начала не представляло собой чисто биологического объединения. Оно было становящимся социаль-

ным организмом. Соответственно и члены его с самого начала уже не являлись чисто биологическими существами. Они были становящимися социальными существами, формирующимися людьми.

В поведении формирующихся людей, в их отношениях друг к другу проявлялись не только биологические инстинкты, но и обуздывавшая их социальная, производственная необходимость.

С самого начала в отношениях между формирующимися людьми уже не господствовал безраздельно зоологический индивидуализм, они уже не были чисто зоологическими. С самого начала отношения между формирующимися людьми были в определенной степени уже социальными, производственными. Начало становления первобытного человеческого стада было началом становления производственных отношений, общественного бытия и тем самым началом становления производства в полном смысле этого слова.

Производство есть единство производительных сил и производственных отношений. До начала становления первобытного человеческого стада, которое, как указывалось, совпадало с началом освобождения производственной деятельности от рефлекторной формы, производственных отношений как таковых не существовало. Поэтому о производстве в полном смысле этого слова до начала освобождения труда от рефлекторной формы, являвшимся одновременно и началом становления первобытного человеческого стада, не может быть и речи. Можно говорить лишь о производственной деятельности. Становление производства в полном смысле этого слова началось с того момента, когда производственная деятельность начала освобождаться от двойной животной формы, в которую она была облачена при своем зарождении, — от рефлекторной формы и от оболочки зоологического объединения.

Начало процесса становления производства было началом процесса становления человека и общества. Процесс становления человеческого общества есть процесс становления социальных, прежде всего производственных отношений, становления общественного бытия и общественного сознания, процесс становления человека как общественного существа. Становление производственных отношений, общественного бытия является одной стороной процесса становления производства, другой стороной которого является формирование производительных сил. Поэтому невозможно понять процесс становления общественного бытия без рассмотрения процесса формирования производительных сил.

Производительные силы, как известно, являются неразрывным единством двух элементов, одним из которых являются орудия производства, а другим — люди, оперирующие этими орудиями.

Формирование производительных сил есть поэтому неразрывное единство процесса формирования человека как производительной силы, прежде всего процесса формирования морфологической организации человека и процесса развития орудий труда.

Процесс становления производительных сил является основой процесса формирования производственных и тем самым всех вообще общественных отношений. Поэтому естественно начать анализ процесса формирования человеческого общества с рассмотрения того, как протекал процесс развития орудий труда в период формирования общества и как шло формирование человека как производительной силы, формирование физического типа человека.

Начать рассмотрение становления человеческого общества с анализа формирования производительных сил необходимо еще и потому, что об этом процессе в отличие от процесса формирования общественных отношений, общественного бытия и общественного сознания имеются прямые данные, позволяющие составить более или менее полное представление о том, как он протекал. Проследить процесс развития средств труда в период формирования общества позволяют находки орудий труда, относимых к этой эпохе. Они же позволяют косвенно судить и об уровне развития человека как производительной силы. Прямыми данными, позволяющими представить, как шел процесс формирования человека как производительной силы, процесс формирования физического типа человека, являются костные остатки формирующихся людей.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ. РАЗВИТИЕ КАМЕННОЙ ИНДУСТРИИ В ЭПОХУ СТАНОВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА

1. Развитие производства орудий труда — ведущий, определяющий момент процесса формирования производительных сил, процесса становления производства

Ведущим моментом в развитии производительных сил всегда является совершенствование такого их элемента, как орудия производства. Вполне естественным поэтому представляется начать анализ формирования производительных сил с выявления внутренней объективной логики происходившего в период становления человека и общества процесса эволюции орудий труда. Процесс совершенствования орудий труда в эпоху становления общества не мог быть ничем иным, кроме как совершенствованием деятельности формирующихся людей по изготовлению этих орудий. Поэтому выявление внутренней объективной логики эволюции орудий труда есть выявление объективной логики развития деятельности по изготовлению этих орудий.

Трудовая деятельность формирующихся людей не исчерпывалась, само собой разумеется, изготовлением орудий. Они не только выделывали орудия, но и использовали их для обороны, охоты и других целей. Трудовая деятельность формирующихся людей представляла собой единство изготовления орудий труда и присвоения объектов потребностей с помощью этих орудий. Деятельность по изготовлению орудий с самого момента своего появления была не приспособлением к среде, а преобразованием среды. Она являлась производственной в узком и точном смысле этого слова. Сложнее обстоит с деятельностью по присвоению предметов потребностей с помощью искусственных орудий.

Являвшаяся специфической для ранних предлюдей деятельность по присвоению объектов потребностей с помощью естественных, природных орудий была чисто биологическим отношением к среде, была приспособлением и только приспособлением к среде. Как приспособление к внешней среде в общем и целом может быть охарактеризована и возникающая с появлением рефлекторного производства деятельность поздних предлюдей по присвоению предметов потребностей с помощью первых изготовленных орудий. Но данный вид приспособления к среде отличается от того, который был присущ ранним предлюдям, не говоря уже об обыкновенных животных. Это было такое приспособление к среде, которое было опосредствовано своей противоположностью — преобразованием среды, производством. И в этом была заложена возможность превращения данного вида приспособления к среде в свою противоположность, возможность, которая постепенно и стала превращаться в действительность.

С началом освобождения труда от рефлекторной формы началось сравнительно быстрое совершенствование деятельности по изготовлению орудий, т. е. собственно производственной, и соответственно возрастание ее роли в жизни формирующихся людей. Чем больше совершенствовалась эта деятельность, тем в большей степени зависимой от нее становилась деятельность по присвоению объектов потребностей с помощью произведенных орудий, тем в большей степени развитие деятельности по изготовлению орудий становилось необходимым условием совершенствования деятельности по присвоению объектов потребностей.

Производственная деятельность зародилась первоначально как момент деятельности по приспособлению к среде, но, возникнув, она в своем дальнейшем развитии начала во все большей и большей степени преобразовывать последнюю, превращая ее в свой собственный момент, своеобразную форму своего проявления. Формирование производства (понимаемого в узком смысле слова, как отношение к природе) было процессом не только освобождения от животной формы и совершенствования деятельности собственно производственной, т. е. изготовления орудий, но и превращения деятельности по присвоению объектов потребностей из формы приспособления к среде в форму производственной деятельности — в производство предметов потребления. Процесс формирования производства был процессом формирования его как единства двух подразделений: производства средств производства и производства предметов потребления¹.

¹ О двух подразделениях общественного производства см.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 24, стр. 441—448.

Превращение деятельности по присвоению объектов потребностей с помощью изготовленных орудий из формы приспособления к среде в форму производственной деятельности завершилось лишь с завершением формирования человека и общества. Вплоть до этого момента деятельность по присвоению предметов потребностей с помощью орудий уже не была приспособлением в полном смысле этого слова, но еще не была и производством. Этим она отличалась от деятельности по изготовлению орудий, которая была производством в полном смысле слова. Чтобы подчеркнуть это различие, мы в дальнейшем изложении будем именовать производственной деятельностью только изготовление орудий, производство средств труда. Что же касается деятельности по присвоению предметов потребностей, которая переставала, но не перестала быть приспособлением, ставившаяся, но еще не стала производством, то мы будем именовать ее в отличие от изготовления орудий присваивающей или приспособительной трудовой деятельностью².

В эпоху становления человека и общества особенно наглядно проявлялась общая закономерность соотношения двух подразделений производства — определяющая роль производства средств производства по отношению к производству предметов потребления. Возникшее как первая и единственная форма производственной деятельности производство орудий производства, развиваясь, преобразовывало присвоение предметов потребностей с помощью орудий из формы приспособления к среде, из формы животного отношения к среде в человеческую деятельность, во второе подразделение общественного производства и тем самым формировало себя как первое его подразделение. На всем протяжении эпохи становления человека и общества развитие деятельности по изготовлению орудий труда определяло и направляло развитие деятельности по присвоению объектов потребностей с помощью орудий и процесс изменения физического типа человека, формирование человека как производительной силы. Формирование производства было прежде всего процессом развития собственно производственной деятельности, деятельности по изготовлению орудий. Именно это обстоятельство и нашло свое выражение в факте совпадения ведущего момента в формировании производи-

² Такое употребление терминов «производство», «присвоение», «приспособление» является не вполне точным, ибо, с одной стороны, деятельность формирующихся людей по присвоению объектов потребностей с помощью орудий не была приспособлением в полном смысле этого слова, а, с другой стороны, всякое производство одновременно является и присвоением, но нам не хотелось бы вводить новые термины.

тельных сил — процесса совершенствования орудий труда в эпоху антропосоциогенеза с процессом совершенствования деятельности формирующихся людей по изготовлению орудий.

2. Ранний палеолит (археолит) — эпоха формирования человека и общества

Формирующиеся люди изготовляли и использовали не только каменные, но и деревянные орудия. Но проследить развитие деревянных орудий в период становления человека и общества не представляется возможным. До нас от этой эпохи дошли лишь каменные орудия. Однако это обстоятельство не является препятствием для выявления объективной логики эволюции орудий труда в этот период. Дело в том, что именно развитие каменных, а не деревянных орудий, совершенствование техники обработки камня, а не дерева было главным и определяющим в эволюции первобытных орудий труда. Факт определяющей роли развития каменных орудий в эволюции техники эпохи становления производства, человека и общества общепризнан в науке. Согласно археологической периодизации эта эпоха относится к каменному веку истории человеческой индустрии, поэтому выявление внутренней объективной логики развития каменной техники в период становления производства, человека и общества является и выявлением внутренней объективной логики развития орудий труда в эту эпоху вообще.

Как уже указывалось, эпоха становления человека и общества примерно совпадает с тем периодом в развитии каменной индустрии, который в настоящее время большинством советских ученых называется ранним, древним или нижним палеолитом. Твердо установленным можно считать, что процесс формирования производства, человека и общества завершился с переходом от раннего (нижнего) палеолита к позднему (верхнему) палеолиту. Завершение этого процесса было ознаменовано грандиозным скачком в развитии материальной и духовной культуры. За небольшой сравнительно промежуток времени произошли такие сдвиги в развитии каменной индустрии, которые не идут ни в какое сравнение с теми изменениями, которые произошли в течение всего предшествовавшего периода.

«От расколотого камня к трем-четырем установленным формам каменных орудий, еще не имевшим строго дифференцированного назначения,— этим,— писал С. Н. Замятин (1951, стр. 117),— исчерпывается развитие техники обработки камня на протяжении нижнего палеолита, эпохи, длившейся сотни тысяч

лет». С переходом от раннего (нижнего) палеолита к позднему возникла новая техника обработки камня, радикально усовершенствовались приемы изготовления орудий, совершенно изменился характер каменного инвентаря. Примитивный, бедный формами инвентарь раннего палеолита сменился необычайно богатым и разнообразным набором специализированных орудий. Появились всевозможные скребки, резцы, тесла, проколки, ножи, пилки, острия, наконечники копий и дротиков. Наряду с каменной индустрией развилась и достигла расцвета техника обработки кости и рога. Из бивней мамонта, оленьего рога и кости изготавливались разнообразные наконечники копий, дротиков, мотыг и орудия домашнего обихода (шилья, иглы, лопаточки и т. п.). Впервые возникают разнообразные составные орудия. Появляются гарпуны, копыя, дротики с костяными и кремневыми наконечниками. Огромным достижением явилось и изготовление орудий, специально предназначенных для изготовления орудий. Очень важным орудием такого рода явились резцы, которые возникли из потребности в прочном режущем инструменте, предназначенном для обработки наиболее твердых материалов — кости, камня (Бопч-Осмоловский, 1928, стр. 157; Борисковский, 1935, 5—6, стр. 4—5; Замятнин, 1951, стр. 119—120; Ефименко, 1953, стр. 320—321, 373—381; Чайльд, 1957, I, стр. 32—33; Child, 1944, p. 4—5).

Резкий перелом в развитии материальной культуры, происшедший при переходе к позднему палеолиту, служит прямым свидетельством завершения процесса освобождения труда от животной, рефлекторной формы, формирования мышления, воли, языка, процесса формирования человека и косвенным свидетельством завершения формирования человеческого общества (Ю. Семенов, 1956а, стр. 202—206).

Предшествующая позднему палеолиту эпоха развития каменной индустрии, являющаяся временем становления человека и общества, одними исследователями рассматривается как состоящая из двух периодов — нижнего (древнего) и среднего палеолита, каждый из которых по своему значению равен верхнему палеолиту (Равдоникас, 1939, I; Ефименко, 1953; Дикшит, 1960), другими — как один период — ранний (нижний, древний) палеолит (Паничкина, 1950; Замятнин, 1951; Борисковский, 1953, 1957а; Арциховский, 1955; Косвен, 1957; Любич, 1960 и др.). Из этих двух точек зрения, на наш взгляд, более близкой к истине является вторая, ибо различия между теми периодами, которые именуются сторонниками первой точки зрения нижним и средним палеолитом, несравненно

менее глубоки, чем различия, существующие между этими двумя периодами, вместе взятыми, с одной стороны, и поздним палеолитом — с другой. Однако и со второй точкой зрения полностью согласиться нельзя.

Сдвиги, которые произошли в развитии каменной индустрии при переходе к позднему палеолиту, не имеют себе равных не только в течение всего предшествующего периода истории каменного века, но и в течение всего последующего периода этой истории. Поэтому даже с чисто археологической точки зрения каменный век должен быть прежде всего разделен на два крупных, основных периода, первый из которых совпадает с ранним палеолитом одних авторов, нижним и средним других, а второй включает в себя верхний палеолит, мезолит и неолит. Если же принять во внимание, что грандиозный скачок в развитии материальной культуры, происшедший при переходе к позднему палеолиту, связан с крупнейшим переломным моментом в истории человечества — сменой эпохи становления, формирования человека и человеческого общества эпохой развития сформировавшегося человека и сформировавшегося человеческого общества, — то тем более настоятельной представится необходимость и законность выделения раннего палеолита в качестве самостоятельного периода, равного по значению всем последующим этапам каменного века, взятым вместе.

Деление каменного века на два основных периода требует внесения изменений в принятую терминологию. Для обозначения первого периода каменного века лучше всего было бы принять предложенный Г. Чайльдом (Childe, 1951, p. 73) термин «археолит»; второй период каменного века, состоящий из позднего палеолита, мезолита и неолита, можно было бы именовать кайнолитом.

Из этих двух основных периодов истории каменного века предмет нашего рассмотрения явится исключительно лишь первый.

Начало археолита совпадает с началом освобождения производственной деятельности от рефлекторной формы, началом становления производства в полном и точном смысле этого слова, началом становления человека и общества. Весь предшествовавший началу освобождения труда от рефлекторной формы период развития каменной индустрии не относится к археолиту. Он составляет самостоятельную эпоху, которая была названа нами в предшествующей главе эолитом. Выше уже отмечалось, что, по всей вероятности, к эолиту следует отнести почти всю дошпелльскую эпоху, за исключением, может быть, лишь самого позднего ее отрезка, непосредственно предшествовавшего шеллю.

Переход к шелльской эпохе связан, как указывалось, с появлением первого каменного орудия, имевшего выработанную, устойчивую, стандартизированную форму,— ручного рубила. Такое орудие не могло быть продуктом рефлекторного труда. Столь крупный перелом в развитии каменной индустрии мог быть связан лишь с начавшимся освобождением труда от рефлекторной формы.

Появление ручного рубила является показателем крупного сдвига не только в развитии производственной деятельности, но и в области отношений между производящими существами. Возникновение орудия, имевшего устойчивую, стандартизированную форму, было невозможно в зоологическом объединении. Оно могло возникнуть лишь в коллективе, в какой-то степени уже приспособленном к нуждам развития производственной деятельности, лишь в первобытном человеческом стаде. «Стандартизированное орудие,— писал Г. Чайльд,— есть само по себе ископаемая концепция. Оно является археологическим типом именно потому, что в нем воплощена идея, выходящая за пределы не только каждого индивидуального момента, но и каждого отдельного индивида, занятого конкретным воспроизведением этого орудия: одним словом, это понятие социальное. Воспроизвести образец, значит знать его, а это знание сохраняется и передается обществом» (1957, I, стр. 30; см. также: Child, 1944, p. 4). Появление первого стандартизированного орудия свидетельствует о том, что к этому времени возникло первобытное человеческое стадо, окончательно утвердился промискуитет.

Одним из сложнейших вопросов является проблема периодизации археолита. Г. Мортилье, создавший первую четкую схему периодизации палеолита, выделил в периоде, который мы называем археолитом, первоначально лишь две эпохи — шелль и мустье (1903, стр. 189). В дальнейшем им была введена между шеллем и мустье третья эпоха — ашельская, переходная от первой ко второй. «Орудия, оббитые с двух сторон,— писал Г. Мортилье (1903, стр. 133),— характеризуют шелльскую эпоху. Орудия с одной оббитой стороной характерны для... мустьерской эпохи. Смешение обоих родов орудий характеризует ашельскую, переходную между низшей и средней палеолитической эпохами». Заменяя двухчленное деление археолита³ (шелль, мустье) трехчленным (шелль,

³ Точнее, периода, выделенного нами под названием археолита. Сам Г. Мортилье этого периода никогда не выделял и не обозначал одним термином. Однако для краткости мы в дальнейшем изложении будем говорить не о периоде, названном нами археолитом, а просто об археолите.

ашель, мустье), Г. Мортилье в то же время не считал возможным отказаться и от двухчленного. Одновременно с введением ашеля археолит был им разделен на два основных периода: на нижний и средний палеолит. Но это последнее деление, которое Г. Мортилье считал главным, более важным, чем дробное, трехчленное, им не было доведено до конца, ибо из него выпала ашельская эпоха. Последнюю Г. Мортилье не отнес ни к нижнему палеолиту, ни к среднему.

Отчетливо сознавая необходимость деления археолита на два основных периода, Г. Мортилье в то же время видел, что граница между ними не совпадает ни с гранью между шеллем и ашелем, ни с гранью между ашелем и мустье. Ответить на вопрос, где проходит эта граница, он не мог. Собственно, и сама ашельская эпоха была введена им потому, что он не мог уловить, где кончается первый и начинается второй этап археолита.

Если сам Г. Мортилье не решался отнести ашель ни к нижнему, ни к среднему палеолиту, то в позднейшей литературе установился взгляд, что грань между нижним и средним палеолитом совпадает с рубежом, отделяющим ашель от мустье, что к нижнему палеолиту относятся шелль и ашель, а к среднему — мустье. Однако эта точка зрения расходится с фактическим материалом. Нет никаких данных, позволяющих считать грань между ашелем и мустье более глубокой, чем грань между шеллем и ашелем. Граница между ашелем и мустье носит настолько неопределенный характер, что вообще не может быть установлена. Многие археологи прямо утверждают, что раннее мустье совпадает с поздним ашелем (Обермайер, 1913, стр. 183; Арциховский, 1947, стр. 13—14; Окладников, 1958б, стр. 69). «Следует отметить, — пишет П. П. Ефименко, — что в пещерных местонахождениях с хорошо выраженными напластованиями соответствующего времени, как, например, в нижнем гроте Мустье, слои с инвентарем мустьерского и позднеашельского характера, с ручными рубилами и без рубил часто взаимно чередуются, указывая тем самым на одновременное существование в данной части Европы двух различных приемов изготовления орудий — „ашельского“ и „мустьерского“» (1953, стр. 150; см. также стр. 245). Невозможно также отделить и поздний шелль от раннего ашеля (Паничкина, 1950, стр. 43—44; Арциховский, 1955, стр. 28).

Накопление данных, свидетельствующих о неразрывной связи между шеллем и ранним ашелем, с одной стороны, и поздним ашелем и мустье, с другой стороны, привело целый ряд археологов к выводу, что грань между нижним и средним палеолитом проходит между ранним и поздним ашелем. Одним из первых к такому

выводу пришел А. В. Арциховский, прямо отнесший (1947, стр. 11) шелль и ранний ашель к нижнему палеолиту, а поздний ашель вместе с мустье к среднему палеолиту. То же деление, хотя и не вполне последовательно, было несколько ранее проведено В. И. Равдоникасом (1939, I, стр. 185). П. П. Ефименко в третьем издании своей монографии «Первобытное общество» (1953) в целом придерживается традиционной точки зрения, но весь приводимый им фактический материал убедительно свидетельствует о том, что переломным моментом в развитии археолита является не смена ашеля мустье, а переход от раннего ашеля к позднему (стр. 148—149, 156—159, 179 и др.). Да и сам П. П. Ефименко часто объединяет шелль и ранний ашель, противопоставляя их рассматриваемым также вместе позднему ашелю и мустье. Нужно отметить, что в первых двух изданиях своего труда (1934а, 1938) П. П. Ефименко был более последователен. «...Состояние культуры, которое обычно определяется как поздний ашель, — читаем мы в первом издании, — в действительности должно быть отнесено к мустьерской эпохе... Таким образом, мустьерская стадия истории палеолитической культуры... в противоположность обычным представлениям должна начинаться приблизительно с середины ашельской эпохи, если пользоваться этим термином в обычном понимании» (1934а, стр. 167; см. также: 1938, стр. 227).

Все это вместе взятое дает достаточно оснований для деления археолита на два основных периода, из которых первый включает шелль и ранний ашель, а второй — поздний ашель и мустье.

Выделение основных этапов археолита дает прочную основу для выявления внутренней объективной логики развития каменной индустрии в период становления человека и общества. Эта задача в значительной степени облегчается тем обстоятельством, что развитие каменной индустрии в эту эпоху носило в основном одинаковый характер по всей территории расселения формирующихся людей.

«Повсюду, где только прослеживаются памятники нижнепалеолитического времени, эти наиболее ранние памятники человеческой культуры, дошедшие до нас, — пишет С. Н. Замятин (1951, стр. 117), — они рисуют совершенно сходную картину, поражающую своей однородностью... Везде этот процесс шел от простейшего раскалывания камня к повторному скалыванию нескольких отщепов от одного куска породы, более пригодной для обработки (и к возникновению, таким образом, примитивного ядрища), далее — к постепенному увеличению правильности формы отщепов и ядрища, затем — к приспособлению того и другого путем подправки для лучшего использования в работе, и, наконец, в ре-

зультате этой подправки, появились три-четыре устойчивые, намеренно изготавливаемые формы орудий (ручное рубило, остро-конечник, скребло)». Этот взгляд, разделяемый большинством советских археологов, находит свое все большее и большее подтверждение в накапливаемом наукой фактическом материале.

Новые археологические данные заставили, например, отказаться от представления о своеобразии пути развития крымского палеолита (Крайнов, 1947, стр. 29). Несостоятельной оказалась и предпринятая А. Брейлем и целым рядом других зарубежных ученых попытка противопоставить технику рубил технике отщепов (Замятин, 1951; Борисковский, 1953; Формозов, 1958а, 1958б). Все больше выясняется ошибочность выдвинутого Х. Мовиусом (Movi^us, 1944) положения о существовании в эпоху раннего палеолита (археолита) двух совершенно самостоятельных культурных областей, из которых одна (Западная и Южная Европа, Африка, Передняя Азия и Индостан) характеризуется употреблением ручных рубил, а другая (Северо-Западная Индия, Верхняя Бирма, Китай, Малакка, Ява) — употреблением вместо рубила грубого рубящего орудия, обработанного с одной стороны (чоппера).

Сам Х. Мовиус не может не признать, что грубые рубящие орудия встречаются вместе с ручными рубилами по всей территории, рассматриваемой им как область ручных рубил (р. 104—107). Не может он также не признать факта находки ручных рубил в Северо-Западной Индии, на Яве и Малакке, т. е. на территориях, характеризуемых им как область грубых рубящих орудий (р. 21—28, 91—107, 111—113). Ручные рубила найдены и в других районах этой области — в Китае, Верхней Бирме (Замятин, 1951, стр. 115—116; У Жу-кан и Чебоксаров, 1959, стр. 8—9; Pei Wen-Chung, 1937, р. 224 и др.). В результате новых археологических открытий, пишет В. Е. Ларичев (1960, стр. 115), «старые представления о нижнем палеолите Китая, который традиционно считался особым культурным миром, где развитие шло особыми путями, вне связи с западными культурами, коренным образом меняются. Новые находки свидетельствуют о том, что ни о какой изолированности и резком своеобразии нижнего палеолита Китая говорить не приходится».

Положение об единстве развития техники обработки камня в археолите нельзя понимать как полное отрицание существования какого бы то ни было своеобразия каменного инвентаря разных стоянок, относящихся к одному времени. Некоторое своеобразие не могло не иметь места. Оно находит выражение, в частности, в различии процентного соотношения разных типов орудий (Па-

ничкина, 1952, 1953; Борисковский, 1957а; Формозов, 1958а, 1958б). Более ярко своеобразие проявлялось в тех случаях, когда для изготовления орудий использовался материал, по своим качествам значительно отличавшийся от кремня, являвшегося породой, наиболее пригодной для этой цели (Арциховский, 1947, стр. 9). Свообразием отличается, например, аньятская культура Верхней Бирмы, большая часть орудий которой изготовлена из ископаемого дерева (Mövius, 1944, р. 34—44; Сорокин, 1953). Однако это своеобразие является относительным. «Сделанные из ископаемого дерева шелльские отщепы, грубые рубящие орудия и ручные рубила Бирмы,— пишет П. И. Борисковский (1957а, стр. 55),— в чем существенным не отличаются от изготовленных из обсидиана отщепов, грубых рубящих орудий и ручных рубил Армении и от кремневых отщепов, грубых рубящих орудий и ручных рубил Франции».

3. Эволюция каменной индустрии первой половины археолита (раннего палеолита)

Еще в эпоху эолита наряду с техникой разбивания возник и получил развитие новый прием обработки камня, состоящий в отбивании от каменного желвака (пли гальки) осколков и тем самым в оббивании желвака (гальки). Деятельность поздних предлюдей, у которых зародился данный прием обработки камня, была не целенаправленной, сознательной, а рефлекторной. Первоначально она была направлена не к получению орудия определенного типа (осколка или оббитого валуна), а вообще к получению куска камня, пригодного для использования в качестве орудия. Что оказывалось более пригодным для использования в качестве средства труда — отбитые от гальки осколки или сама оббитая галька, определял первоначально случай. Чаще всего в дело шли и осколки, и оббитый желвак. Техника отбивания поздних предлюдей была одновременно и техникой оббивания, она первоначально представляла собой единую технику отбивки-оббивки.

Следующий шаг в развитии деятельности по обработке камня должен был состоять в ее дифференцировании. С одной стороны, развитие должно было пойти по линии получения все более совершенных орудий из оббиваемого каменного валуна и привести в конце концов к превращению отбивки осколков от валуна лишь в средство придания ему определенной формы, т. е. к выделению техники оббивки. С другой стороны, развитие техники отбивки-оббивки могло пойти по линии получения отщепов, как можно

более пригодных для функционирования в качестве орудия относительно к тому, какую форму примет валун, от которого они отбивались, т. е. по линии, ведущей к появлению самостоятельной техники отбивки.

Выделение техники оббивки началось, можно полагать, еще на стадии поздних предлюдей, однако свое настоящее развитие она смогла получить лишь с началом освобождения производственной деятельности от рефлекторной формы, с началом ее превращения из рефлекторной в сознательную, целенаправленную. Развитие техники оббивки по линии увеличения числа отбиваемых осколков и уменьшения размеров каждого из них привело на определенном этапе к появлению первого орудия, имевшего вполне законченную форму,— ручного рубила. Появление ручного рубила знаменовало начало первой эпохи археолита — шелльской. Дальнейшее совершенствование техники оббивки, шедшее в течение всей шелльской эпохи по линии уменьшения размеров отбиваемых осколков, привело к появлению простейшего приема вторичной обработки — отбивки или ударной ретуши. «Переход к ударной ретуши,— пишет С. А. Семенов (1957, стр. 60),— означает по существу возникновение нового, более тонкого способа оббивки орудий, требующего очень многих легких и более частых ударов, направленных к удалению небольших частиц материала с поверхности обрабатываемого орудия». Наличие ударной ретуши несомненно в раннем ашеле (Замятин, 1937, стр. 14, 23; Паничкина, 1950, стр. 30—39; С. Семенов, 1957, стр. 60). Возникновение ее нужно отнести, вероятно, к концу шелля — началу раннего ашеля.

В отличие от техники оббивки, развитие которой было самостоятельным процессом, мало зависевшим от совершенствования других приемов обработки камня, техника отбивки, взятая сама по себе, не была способна к сколько-нибудь значительному прогрессу. Сколько-нибудь совершенные орудия не могли быть получены путем отбивки осколков от находимых в природе каменных желваков. Совершенствование техники отбивки было невозможно без подготовки ядрищ для скалывания путем их предарительной оббивки, т. е. без ее соединения на новой основе с техникой оббивки. Технику изготовления отщепных орудий, представляющую собой синтез техники отбивки и техники оббивки, мы будем называть техникой скалывания.

Соединение техники отбивки и техники оббивки и образование техники скалывания не могло начаться раньше достижения техникой оббивки сравнительно высокого уровня развития, по-видимому, такого, какого она достигла лишь к концу шелля. Об этом говорит

тот факт, что на протяжении всей шельской эпохи не замечается сколько-нибудь заметного совершенствования отщепных орудий (Ефименко, 1953, стр. 145). В течение всего шелля наблюдается прогрессивное развитие лишь ядрищных орудий, прежде всего ручных рубил. Совершенствование техники оббивки, которая первоначально развивалась преимущественно как техника изготовления ручных рубил, подготовило к концу шелля возможность появления зачатков техники скалывания. «По техническим признакам рубило,— пишет М. З. Паничкина (1953, стр. 31), характеризуя роль этого орудия в развитии всей ранней техники обработки камня,— является руководящей формой и наиболее эффективным орудием среди остального инвентаря древнего палеолита. Приемы его обработки определяют дальнейшее направление в развитии первобытной техники».

С конца шелля наряду с совершенствованием ручного рубила начинается становление техники скалывания и совершенствование отщепных орудий. Прогресс последних обуславливается не только началом становления техники скалывания, но и применением ударной ретуши как средства вторичной обработки отбиваемых отщепов. Архаическая ретушь носила крайне примитивный характер. Она не формировала края орудия, а следовала за его естественным очертанием (Замятнин, 1937, стр. 14, 23; Паничкина, 1950, стр. 30—39). Но тем не менее ее появление способствовало совершенствованию как ручных рубил, так и отщепных орудий.

Примером каменной индустрии конца шелля — начала ашеля является древний комплекс орудий Сатани-Дара. М. З. Паничкина, описавшая его, первоначально охарактеризовала его как шельско-раннеашельский (1950, стр. 29), позднее она отнесла его к шеллю (1952, 1953). Начало совершенствования отщепных орудий, выразившееся, в частности, в появлении первых крайне грубых и примитивных остроконечников и скребел (Паничкина, 1953, стр. 16), позволяет считать более близкой к истине первую датировку. Такой же, может быть только несколько более архаичный характер, носит каменный инвентарь Луки Врублевцевой, относимый П. И. Борисовским (1953, стр. 45—55; 1957а, стр. 64) к концу шелля или раннему ашелю. Более совершенным по своему облику является древний комплекс орудий Яштуха, относимый С. Н. Замятниным (1937, стр. 27) к ашелю.

Если переход к раннему ашелю был ознаменован дальнейшим совершенствованием ручного рубила и началом совершенствования отщепных орудий, то в дальнейшем развитие каменной индустрии в этот период приобрело иной характер. Прежде всего

Началось ухудшение техники изготовления ручных рубил. Одной из причин этого явился, вероятно, перенос центра тяжести с изготовления рубил на производство отщепных орудий, преимущества которых перед рубилами все более выявлялись по мере их дальнейшего совершенствования. Этому переносу способствовало начавшееся примерно с конца шелля возрастание роли охоты, которое привело к тому, что с середины ашеля (т. е. начала второй половины археолита) охота стала главным источником жизни формирующихся людей (Ефименко, 1953, стр. 147, 149, 157). Возрастание роли охоты требовало развития в первую очередь отщепных орудий (Равдоникас, 1939, I, стр. 169; Арциховский, 1947, стр. 13; Сардарян, 1954, стр. 88).

Признаки начавшейся деградации ручного рубила ярко проявляются в каменном инвентаре появляющихся в раннем ашеле первых настоящих охотничьих стойбищ. Ручные рубила одного из самых ранних известных охотничьих стойбищ — Торральбы — в своей массе настолько массивны и грубы, что многие ученые по этому признаку относят данную стоянку к шеллю. Но этой датировке противоречит весь облик этого настоящего лагеря охотников за слоном, носорогом, быком, оленем. На более позднее — ашельское время — указывают и отдельные экземпляры рубил, отличающиеся правильностью форм и хорошей оббивкой. Это делает более обоснованным отнесение Торральбы не к шеллю, а к раннему ашелю (Равдоникас, 1939, I, стр. 168; Ефименко, 1953, стр. 123, 158; «Всемирная история», 1955, I, стр. 28).

Следующий шаг представлен нижними слоями грота Обсерватории, в которых ручных рубил значительно меньше, и все они носят очень грубый и примитивный облик. Это также дает основание части ученых относить их не к раннему ашелю, а к шеллю (Борисковский, 1957а, стр. 50; Любин, 1960, стр. 63). Однако, вероятно, более правильной является датировка грота Обсерватории ранним ашелем (Равдоникас, 1939, I, стр. 169; Ефименко, 1953, стр. 123, 158; «Всемирная история», 1955, I, стр. 29). По всем признакам к раннему ашелю должны быть, на наш взгляд, отнесены также охотничьи стойбища Бурбах и Шпихерн, датируемые обычно шеллем (Борисковский, 1957а, стр. 50; Замятин, 1960, стр. 95).

Ближайшую аналогию с Торральбой и гротом Обсерватории представляет каменный инвентарь Чжоукоудяня — места находки синантропа (Бонч-Осмоловский, 1940, стр. 150; Ефименко, 1953, стр. 123, 148, 158). Суждения ученых об орудиях синантропа крайне противоречивы. В. И. Равдоникас (1939, I, стр. 149) рассматривал эти орудия как наиболее примитивные из всех, сде-

ланных рукой человека. Сходную оценку мы находим в работах других исследователей (Childe, 1944, p. 3; Чайльд, 1949; Бонч — Осмоловский, 1928, 1940). Другие ученые отмечают наличие в инвентаре Чжоукоудяня орудий, приближающихся к мустьерским (Ефименко, 1953, стр. 139). В целом в настоящее время большинство археологов склоняется к датировке спантропа ранним ашелем (Ефименко, 1953, стр. 139—144, 160; «Всемирная история», 1955, I, стр. 31; Борисковский, 1957а, стр. 35).

Для конца второй половины археолита характерно не только вырождение и постепенное исчезновение ручного рубила. Постепенно замедляется начавшееся с переходом к раннему ашелю совершенствование отщепных орудий и в их развитии также начинают проявляться черты деградации. И это закономерно.

Вырождение производства ручных рубил означало деградацию техники оббивки вообще, ибо последняя существовала главным образом в форме техники изготовления рубил. Прекращение развития и ухудшение техники оббивки имело своим закономерным следствием деградацию техники подготовки нуклеуса (ядрища), являвшейся одним из моментов техники скалывания, и тем самым деградацию всей техники скалывания в целом. Центр тяжести производственной деятельности переместился на технику скалывания. Но та еще не достигла такого уровня развития, чтобы техника оббивки могла развиваться только как ее составная часть, и поэтому не могла прогрессировать без продолжавшегося самостоятельного развития техники оббивки. Техника скалывания еще не оформилась, еще не сложилась как самостоятельная форма, поэтому деградация техники рубил сказалась и на ней.

Деградация техники изготовления каменных орудий в раннем ашеле постепенно приняла общий характер. «Чрезвычайно интересно, — писал П. П. Ефименко, — что почти на всем пространстве Европы первые известные нам охотничьи стойбища рисуют по большей части не прогресс и усложнение, а, наоборот, как будто громадный упадок кремневого инвентаря» (1938, стр. 208—209; см. также: 1953, стр. 163). Этот упадок носит столь глубокий характер, что не может быть объяснен только теми причинами, которые были приведены выше, и позволяет предположить действие каких-то других, более важных причин. Не останавливаясь на этом вопросе, отметим лишь, что такие причины действительно существовали.

4. Эволюция каменной индустрии второй половины археолита (раннего палеолита)

Движение вспять, наметившееся в развитии каменной индустрии раннего ашеля, должно было, можно предполагать, привести к почти полному исчезновению техники двухсторонней обработки и еще большей деградации техники скалывания. И это действительно наблюдается. Примером стоянки, где нет не только ручных рубил, но и почти полностью отсутствуют какие бы то ни было двухсторонне оббитые орудия, является нижний горизонт стоянки Ля Микок. Изделия из кремня представлены здесь исключительно лишь мелкими грубыми сколами. Громадное большинство орудий представляет собой бесформенные отщепы, шедшие в употребление без какой-либо подретушовки и приспособления. Нуклеусов, т. е. кусков камня, подготовленных предварительно для снятия отщепов, здесь не встречается (Ефименко, 1953, стр. 168—169). В целом кремневый инвентарь Ля Микок носит явные признаки деградации. Он крайне аморфен и атипичен. И в то же время в нем встречаются орудия, являющиеся грубыми прообразами изделий верхнего палеолита (Бонч-Осмоловский, 1940, стр. 152; Ефименко, 1953, стр. 169). Это говорит о том, что здесь уже началось преодоление деградации, снова началось поступательное развитие техники обработки камня.

Самая низшая точка деградации каменной техники и отделяет ранний ашель от позднего. Все, что предшествует ей, относится к первой половине археолита (шелль, ранний ашель), все, что следует за ней, относится ко второй (позднему ашелю и мустье). Нижний горизонт Ля Микок относится к началу второй половины археолита.

Памятники типа нижнего горизонта Ля Микок характерны для начала позднего ашеля. Они получили название стоянок с «атипичным», «аморфным» или «премустье́ским» инвентарем. К числу их, кроме Ля Микок, относятся нижние горизонты стоянок Киик-Коба, Умм-Катафа, Шипка, Зиргенштейн, Гуденус, Эрингсдорф, Таубах, Комб-Капель, Ля Ферраси, Белькэр, Кастильо, стоянки Аман-Кутан, Круглик, Ненасытец, Крапина, Рюбеланд, Котеншер, Вильдкирхли, Драхенлох, первый слой нижнего грота Ле Мустье (Бонч-Осмоловский, 1928, стр. 147—160; 1934, стр. 139; 1940, стр. 154—155; Борисковский, 1935, 1—2, стр. 38; 1953, стр. 57—60; Ефименко, 1953, стр. 163—180, 190; Лев, 1949, 1953).

Каменный инвентарь этих стоянок не менее противоречив, чем инвентарь Ля Микок. Отсутствие хорошо отделанных ручных

рубил и примитивный, аморфный характер отщепов дали части ученых основание относить их даже к дошелльскому времени (Бонч-Осмоловский, 1928, стр. 148, 183; 1940, стр. 155). Эта точка зрения не встретила поддержки. Большинство ученых датирует их ранней порой позднего ашеля (Ефименко, 1953, стр. 163 сл.) или гранью между ашелем и мустье (Борисковский, 1953, стр. 57—60; 1957а, стр. 66). Каменный инвентарь стоянок типа нижнего горизонта Ля Микок обнаруживает родство с инвентарем раннеашельских памятников типа Торральбы, грота Обсерватории и Чжоукоудяня, причем настолько близкое, что Г. А. Бонч-Осмоловский (1934, стр. 139; 1940, стр. 155) прямо включает грот Обсерватории и Чжоукоудянь в их число. Неопределенную позицию занимает П. П. Ефименко, то относящий грот Обсерватории и Чжоукоудянь к раннему ашелю, то причисляющий их к стоянкам типа Ля Микок (1953, стр. 142, 144, 174). Отделить стоянки типа Ля Микок от раннеашельских позволяет то обстоятельство, что в отличие от последних они обнаруживают признаки подъема от нижней точки деградации каменной индустрии, имевшей место в конце раннего ашеля. Одним из таких признаков является наличие в каменном инвентаре многих из них, в частности в инвентаре нижнего горизонта Киик-Кобы, Ля Ферасси, в наборе орудий Белькэра, Ненасытца, Шипки, Вильдкирхли, нижнего слоя Мустье, черт, сближающих их с позднепалеолитическим инвентарем (Бонч-Осмоловский, 1934, стр. 133; 1940, стр. 74, 85, 90—91, 115, 152; Ефименко, 1953, стр. 167—170, 177, 199). Во всех этих стоянках следы прогрессивного развития каменной индустрии гораздо более заметны, чем в нижнем слое Ля Микок, хотя и признаки предшествующей деградации дают себя еще знать.

Более высокую ступень развития, чем техника нижнего горизонта Ля Микок, представляет набор орудий нижнего слоя Ля Ферасси (Ефименко, 1953, стр. 169—170). Еще более развитой является индустрия Круглика и особенно нижнего горизонта Киик-Кобы (Бонч-Осмоловский, 1928, стр. 175). Хотя в целом каменный инвентарь Круглика и Киик-Кобы отличается аморфностью и атипичностью, однако наличие специально отретушированных ударных площадок у ряда нуклеусов, следы довольно правильной хорошо формирующей рабочий край ретуши на некоторых орудиях (Бонч-Осмоловский, 1940, стр. 73, 75, 83; Борисковский, 1953, стр. 58—59) свидетельствуют об определенном прогрессе техники по сравнению с ранним ашелем. Среди грубых, аморфных отщепов нижнего горизонта Киик-Кобы обнаружено более десятка пластинок, близких к: поздне-

палеолитическим. На ряде орудий, кроме ретуши, проступают намеки на новый прием вторичной обработки — резцовые сколы, — характерный для позднего палеолита. Несколько орудий по своей форме напоминают орудия, совершенно не свойственные раннему палеолиту, — скребки (Бонч-Осмоловский, 1940, стр. 74, 85, 90—91).

Для Круглика и нижнего горизонта Киик-Кобы, как и для нижних горизонтов Ля Микок и Ля Ферасси, характерно отсутствие подлинных типичных рубил. Но отсутствие последних не означает отсутствие вообще двухсторонне оббитых орудий. В инвентаре нижнего горизонта Киик-Кобы ручные рубила заменяют изготовленные из отщепов двухсторонние обтесанные массивные орудьяца неправильной овальной формы (Бонч-Осмоловский, 1940, стр. 73). Такие «рубильца» являются одним из характерных элементов инвентаря стоянок описываемого типа (Ефименко, 1953, стр. 164). Их нет, пожалуй, лишь в Ля Микок.

Дальнейшее развитие каменной техники от уровня, представленного нижним горизонтом Киик-Кобы и Кругликом, идет по линии превращения ее в мустьерскую. П. П. Ефименко (1953, стр. 178), характеризуя «премустьерский» инвентарь нижнего горизонта Ля Ферасси, который является менее развитым, чем соответствующий инвентарь Киик-Кобы, указывал, что его с достаточным основанием можно рассматривать как непосредственно предшествующий мустьерскому набору орудий. П. И. Борисковский (1953, стр. 59) все стоянки с «атипичным» инвентарем характеризовал как относящиеся к эпохе, непосредственно предшествовавшей мустьерской.

Следующий шаг в развитии каменной индустрии представлен нижним слоем нижнего грота Мустье. Г. А. Бонч-Осмоловский (1928, стр. 160—162; 1934, стр. 139; 1940, стр. 152), в целом относивший этот горизонт к числу стоянок с «атипичным» инвентарем, в то же время отмечал, что индустрия нижнего слоя Мустье в целом более развита, чем индустрия нижних горизонтов Киик-Кобы, Ля Ферасси и т. п., представляя собой переход к более высокой стадии. П. П. Ефименко (1953, стр. 183—184), отмечая близость первого слоя Мустье к «премустьерским» памятникам типа Ля Ферасси, подчеркивал, что каменный инвентарь его обнаруживает черты большего усложнения и усовершенствования. Здесь встречаются орудия, напоминающие настоящие мустьерские скребла и остроконечники, удлиненные ножевидные пластины с подретушевкой, хорошо оформляющей рабочий край инструмента. В довольно большом количестве встречаются дисковидные

нуклеусы, переходящие в грубые скребла или в ручные рубила (Ефименко, 1953, стр. 183—184).

Явный прогресс техники скалывания, бросающийся в глаза при сравнении нижних слоев Ля Микок, Ля Ферасси, Киик-Кобы и Ле Мустье, несомненно должен быть связан с устранением тех причин, которые повлекли за собой ее деградирование в конце первой половины археолита. Одной из причин деградации техники скалывания был упадок техники двусторонней оббивки и тем самым вообще техники оббивки. Прогресс техники скалывания был невозможен без возрождения и развития техники двусторонней обработки. И она возрождается, но первоначально не как техника обработки ядрищ, а как техника обработки отщепов.

Возрождение и развитие техники двусторонней обработки, техники оббивки дало толчок к развитию техники скалывания. Зависимость прогресса техники скалывания от развития техники двусторонней оббивки ярко видна при сравнении стоянок с «атипичным» инвентарем. Наиболее примитивной является Ля Микок, за ней следует Ля Ферасси, еще выше Киик-Коба и, наконец, Ле Мустье. Среди изделий нижнего горизонта Ля Микок орудия с двусторонней обработкой почти полностью отсутствуют, в Ля Ферасси — составляют 3% всех орудий, в Киик-Кобе — 5%, в нижнем слое Ле Мустье — 13% (Бонч-Осмоловский, 1928, стр. 163, табл. II).

В нижнем слое Ле Мустье мы наблюдаем довольно широкое распространение возродившейся в форме техники двусторонней обработки техники оббивки. Двусторонней оббивке начинают подвергаться не только отщепы, но и ядрища. Развитие техники оббивки приводит к появлению очень своеобразного приема изготовления каменных орудий, обычно именуемого техникой Леваллуа (Ефименко, 1953, стр. 178, 183—184).

Исходя из общей тенденции развития каменной техники начала второй половины археолита, можно ожидать, что дальнейший ее прогресс от уровня, представленного первым слоем Ле Мустье, должен выразиться в еще большем возрастании роли двусторонне обработанных орудий и появлении среди них орудий из ядрищ — настоящих ручных рубил. Это и наблюдается. Следующий шаг в развитии каменной индустрии представлен средним (вторым) слоем нижнего грота Ле Мустье. Среди общей массы изделий этого слоя двусторонне обработанные орудия составляют 50,5% (Бонч-Осмоловский, 1928, стр. 163, табл. II). Останавливают внимание многочисленные ручные рубила миндалевидной или овальной, переходящей в округлую формы разнообразных размеров, большей частью тонко отделанных двусторонним стесы-

ванием. Встречаются скребла, грубые остроконечники, дисковидные нуклеусы. Ретушь еще грубоватая, но отдельные типы начинают приобретать правильные стойкие формы. Среди отщепного инвентаря встречаются пластинки, близкие к типу Леваллуа (Бонч-Осмоловский, 1928, стр. 164; Ефименко, 1953, стр. 184). Близок к инвентарю среднего слоя Ле Мустье поздний комплекс Сатани-Дара, относимый М. З. Паничкиной (1950, стр. 45 сл.) к позднему ашелю. В этом комплексе двусторонне обработанные орудия составляют 60% (там же, стр. 45).

Развитие двусторонней обработки и соответственно развитие техники оббивки вообще не могло не способствовать прогрессу техники скалывания, складывающейся из техники отбивки и техники оббивки. Процесс синтезирования техники оббивки и техники отбивки, процесс становления техники скалывания, начавшийся с переходом к раннему ашелю и затем оборвавшийся в конце этого периода, после своего возрождения в начале позднего ашеля — раннего мустье пошел быстрыми темпами и в конце концов завершился. Возникла оформившаяся, созревшая, самостоятельная техника скалывания.

Такой оформившейся техникой скалывания является техника типичного, зрелого, развитого, классического мустье. Не останавливаясь на характеристике зрелой мустьерской техники, ибо ее можно найти в любом труде по археологии палеолита (Равдоникас, 1939, I; Арциховский, 1947, 1955; Ефименко, 1953), напомним лишь, что типичными мустьерскими орудиями являются скребло и остроконечник. С момента завершения синтезирования техники отбивки и техники оббивки в единую технику скалывания ее дальнейшее развитие перестает зависеть от развития техники двусторонней обработки, ибо теперь техника оббивки может развиваться как момент техники скалывания. С появлением зрелой техники скалывания отпадает необходимость в дальнейшем самостоятельном развитии техники двусторонней обработки. Оформившаяся и созревшая техника скалывания начинает вытеснять технику двусторонней обработки. Причина победы техники скалывания над техникой двусторонней обработки лежит в том, что она позволяла с меньшей затратой сил и материала получать орудия не только не менее, но даже более совершенные, чем техника двусторонней обработки.

Показателем завершения процесса становления техники скалывания, показателем окончательного оформления этой техники является снижение числа двусторонне обработанных орудий. Одной из первых стоянок, представляющих новый этап развития, является верхний горизонт Ля Микок. Каменный инвентарь этого

слоя имеет черты сходства с инвентарем среднего слоя Ле Мустье (Бонч-Осмоловский, 1928, стр. 162—163). Среди кремневых изделий большое место занимают орудия с двусторонней обработкой. Встречается множество мелких «ручных рубил», но особого рода. Небольшие размеры, тонкость отделки указывают на то, что они меньше всего были пригодны для выполнения функций, о которых говорит их название (Ефименко, 1953, стр. 180). Остальные орудия являются типично мустьерскими и если чем-либо замечательны, то, указывает П. П. Ефименко (1953, стр. 180), разве лишь относительно высоким качеством своей отделки. В целом индустрия верхнего горизонта Ля Микок несомненно представляет собой более высокую ступень развития, чем индустрия среднего слоя Ле Мустье. В то же время число двусторонне обработанных орудий падает с 50,9% в среднем слое Ле Мустье до 30% в верхнем горизонте Ля Микок (Бонч-Осмоловский, 1928, стр. 163, табл. II).

В каменном инвентаре верхнего горизонта Киик-Кобы, сходном с соответствующим горизонтом Ля Микок (Бонч-Осмоловский, 1928, стр. 147; Ефименко, 1953, стр. 192), но свидетельствующем о более высоком уровне развития, двусторонне обработанных орудий еще меньше. Они составляют всего лишь 13,5%—14% (Бонч-Осмоловский, 1928, стр. 163, табл. II). Инвентарь верхнего слоя Киик-Кобы складывается в основном из вполне определившихся типов орудий, сводящихся к скреблу и остроконечнику. Пережиточное бытование двусторонней техники обработки почти полностью подчинено выработавшимся типам. Двусторонне обработанные орудия изготовлены по типу мустьерских, копируют последние. Особой тонкостью отличается ретушь, оформляющая орудие и все его рабочие элементы (Бонч-Осмоловский, 1940, стр. 99—115).

Еще меньше двусторонне обработанных орудий в верхнем слое нижнего грота Мустье, а также в Ля Кице и Плякаре. В первом двусторонне обработанные орудия составляют 5—7% всех изделий, во второй — 5%, в третьем — 3,5% (Бонч-Осмоловский, 1928, стр. 163, табл. II). В верхнем горизонте Ля Ферасси двусторонне обработанные орудия полностью отсутствуют (там же).

Это обстоятельство, однако, не означает, что последние четыре стоянки обязательно являются более поздними, чем верхний горизонт Киик-Кобы. Дело в том, что процесс вытеснения техники двусторонней обработки протекал не одинаково в различных коллективах формирующихся людей. В одних этот процесс довольно быстро привел к полному исчезновению двусторонне об-

тых орудий, в других — они продолжали сохраняться в качестве пережиточных форм наряду с господствующими типично мустьерскими орудиями вплоть до конца мустье. Так, например, в Чокурче, относимой большинством советских археологов к самому концу раннего палеолита (Ефименко, 1953, стр. 196, 200, 261; Формозов, 1958а, стр. 110 и др.), двусторонне обработанные орудия составляют 24% всех изделий (Эрнст, 1934, стр. 196; Бонч-Осмоловский, 1934, стр. 139). То же самое наблюдается с техникой Леваллуа. В одних стоянках она исчезает сразу после оформления типично мустьерской техники, в других — продолжает существовать рядом с последней вплоть до конца мустье.

Подводя итоги всему изложенному выше, мы видим, что в развитии техники второй половины археолита довольно отчетливо выделяются два этапа. Первый этап представляет собой эпоху складывания, становления техники скалывания. Характерным для него являются поиски новых приемов обработки камня, неустойчивость техники изготовления орудий, отсутствие законченных, выработанных форм изделий и множественность типов каменного инвентаря. Этот этап в основном совпадает с поздним ашелем — ранним мустье. Второй этап характеризуется господством уже сложившейся, стабилизовавшейся, отлившейся в определенные формы техники скалывания — типичной зрелой мустьерской техники, существованием законченных, выработанных форм отдельных орудий, какими являются скребло и остроконечник.

В одних стоянках, относящихся к этой эпохе, мустьерская техника скалывания является единственно или почти единственно существующей (верхний горизонт Ля Ферасси, Плякар, Ля Кина). Эти стоянки относятся к так называемому классическому или типичному мустье. В других наряду с господствующими типично мустьерскими орудиями продолжают сохраняться двусторонне обработанные (верхние горизонты Ля Микок и Киик-Кобы). Эти стоянки относятся к так называемому развитому мустье с ашельской традицией. В третьих наряду с типично мустьерскими орудиями продолжают существовать орудия, изготовленные техникой Леваллуа (Спи, Ля Шапелль). Эти стоянки относятся к так называемому развитому мустье с леваллуаской традицией или развитому леваллуа-мустье. В четвертых стоянках отмечается наличие как леваллуаской, так и ашельской традиций. Зарубежные археологи относят их к ашело-леваллуа-мустье (Леакееу, 1953, стр. 115—116). Но несмотря на существующие различия, все эти стоянки имеют общий признак — господство сложившейся зрелой мустьерской техники скалывания. Все они принадлежат к одной стадии последней половины археолита — ко второй, которая, та-

ким образом, совпадает в общем и целом с эпохой, именуемой зрелым, развитым, типичным или поздним мустье (Ефименко, 1953, стр. 216, 217).

Переход от эпохи позднего ашеля — раннего мустье к эпохе зрелого, позднего мустье в целом несомненно был крупным шагом в развитии каменной индустрии. И в то же время, как это ни странно, в определенном отношении этот переход представлял собой и некоторый шаг назад, был связан с известным регрессом. С переходом к развитому мустье почти совсем исчезли те черты техники позднего палеолита, которые были присущи инвентарю стоянки типа нижних горизонтов Ля Микок, Ля Ферасси, Кипк-Кобы. Как отметил Г. А. Бонч-Осмоловский (1940, стр. 115), в нижнем слое Кипк-Кобы резцовые орудия многочисленнее, чем в верхнем, хотя индустрия верхнего горизонта является несравненно более развитой, чем индустрия нижнего. И это не случайность. То же самое явление было отмечено Д. Пейрони в стоянках Ля Микок и Ля Ферасси. В нижнем слое Ля Ферасси с атипичным инвентарем «резцы, — писал он, — более часты, чем в мустье из вышележащего слоя» (цит. по: Бонч-Осмоловский, 1940, стр. 115). Такое же уменьшение числа резцов отмечено им и для Ля Микок.

С переходом к развитому мустье эволюция каменной индустрии приобрела консервативный, застойный характер. В течение всего позднего, зрелого мустье обработка камня развивалась с трудом, топталась на месте. Признаки прогресса в ее эволюции совмещались с чертами регресса. Явно преувеличивая замеченные в развитии мустьерской техники черты регресса, Г. Осборн (1924, стр. 149) писал: «Следующая культурная эпоха, мустьерская, представляющая, несомненно, заключительный период в искусстве неандертальской расы изготовлять орудия, отличается заметным ухудшением техники в противоположность ее совершенствованию, которое мы до сих пор наблюдали. Мы видим, действительно, несколько последующих эпох, отмеченных улучшением в технике, за которыми следует мустьерская эпоха упадка».

Более, на наш взгляд, правильная характеристика состояния каменной индустрии этого периода была дана П. П. Ефименко (1953), указавшим на противоречивость ее развития, на совмещение в ней регрессивных и прогрессивных моментов. Рассматривая эпоху позднего мустье в целом как более прогрессивную, чем предшествующая ей, П. П. Ефименко в то же время обращает внимание «на исключительную медленность развития общества в мустьерское время и крайний консерватизм его материального уклада» (стр. 242). «Следует заметить, — пишет он, — что прими-

тивность мустьерской культуры и чрезвычайно медленный темп ее развития находятся как будто в известном противоречии с фактом растущего значения охоты на крупных животных уже со сравнительно ранней поры, по крайней мере с конца древнего палеолита. Растущая продуктивность охоты, в большей мере обеспечивавшей существование человека, казалось бы, должна была явиться предпосылкой достаточно быстрого расцвета культуры».

Однако этот расцвет долго не наступал. Только в самом конце мустьерской эпохи начинаются сдвиги в развитии каменной индустрии, происходит возрождение на новой основе приемов, характерных для позднего палеолита. Черты нового все больше растут, умножаются и, наконец, на смену раннему палеолиту (археолиту) приходит поздний палеолит. Происходит тот грандиозный скачок в развитии материальной культуры, который был нами охарактеризован в начале главы.

Таким образом, к двум охарактеризованным выше этапам развития каменной индустрии второй половины археолита следует добавить еще один этап, представляющий собой переход к позднему палеолиту. К числу стоянок, относящихся к этой переходной эпохе, именуемой обычно позднейшим, самым поздним или финальным мустье, относятся Морго (Любиц, 1960), Ильская (Ефименко, 1953; Борисковский, 1957а), Шайтан-Коба (Бонч-Осмоловский, 1930, 1934; Борисковский, 1957а), Чаграк-Коба (Бадер, 1940а, 1940б; Ефименко, 1953), верхний горизонт Волчьего грота (Бадер, 1940в), Чокурча (Ефименко, 1953; Формозов, 1958а), Староселье (Формозов, 1954, 1958а), Бахчисарайская стоянка (Крайнов, 1947; Ефименко, 1953), Ле Извор (Борисковский, 1957б), Чертова Дыра (Замятин, 1934), Абри-Оди (Бонч-Осмоловский, 1928, 1930; Ефименко, 1953), Ла Верриер (Ефименко, 1953) и целый ряд других.

Таким образом, выявление внутренней объективной логики развития каменной индустрии археолита (раннего палеолита) — эпохи становления человека и общества — дало возможность установить наличие в нем двух основных периодов, последний из которых делится на три этапа: поздний ашель — раннее мустье (1), позднее мустье (2) и финальное мустье (3).

Теперь, прежде чем перейти к рассмотрению формирования второго элемента производительных сил — самого человека, следует хотя бы очень коротко остановиться еще на одном моменте, причем очень важном в процессе становления производительных сил человеческого общества. Мы имеем в виду освоение огня, первой силы природы, которую человек сумел поставить под свой

контроль и использовать для достижения своих целей (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 20, стр. 116, 117, 430).

Из всех существующих в настоящее время концепций освоения огня особого внимания заслуживает, на наш взгляд, та, которая развивается в работах Б. Ф. Поршнева (1955а, 1955б). Наибольший интерес вызывает высказанная им мысль о неразрывной связи освоения огня человеком с развитием его каменной индустрии. Б. Ф. Поршнева считает, что знакомство человека с огнем произошло в процессе его деятельности по изготовлению каменных орудий. Искры, возникавшие при ударе камнем о камень, неизбежно то и дело вызвали воспламенение всегда имевшихся в стоянках человека горючих материалов. Постоянно сталкиваясь в своей повседневной деятельности с огнем, человек научился пользоваться им и сохранять его, а в дальнейшем и намеренно добывать. К выводу о том, что первым способом добывания огня было высекание, вслед за Б. Ф. Поршневым пришел видный английский исследователь К. Оукли (Oakley, 1958, 1961). В статьях Б. Ф. Поршнева немало положений, с которыми, на наш взгляд, нельзя согласиться. Но основная его мысль является совершенно правильной. Только становясь на такую точку зрения, мы получаем возможность понять освоение огня не как случайную везучую случайность, а как закономерный результат развития человеческой производственной деятельности.

Имеющиеся данные говорят о том, что формирующиеся люди научились пользоваться огнем еще в первой половине раннего палеолита. Несомненным, например, является систематическое использование огня синантропами, относимыми к раннему ашелью, и обитателями раннеашельской стоянки Торральба (Oakley, 1958, p. 267; 1961, p. 179—180). Однако нет оснований считать, что люди этой эпохи уже умели намеренно добывать огонь (Oakley, 1958, 1961; Борисковский, 1957а, стр. 75). Овладение приемами добывания огня совпадает, можно полагать, с выявленным выше переломом в развитии каменной индустрии раннего палеолита, с переходом от первой его основной стадии ко второй. Во всяком случае общепризнанно, что люди мустьерского времени не только использовали огонь, но и добывали его (Равдоникас, 1939, I, стр. 180; Ефименко, 1953, стр. 240; Борисковский, 1957а, стр. 73—75; Oakley, 1958, p. 267; 1961, p. 181).

Таким образом, данные об освоении огня человеком, как и материалы об эволюции каменной индустрии, говорят в пользу выделения в процессе формирования производительных сил человеческого общества двух основных стадий.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ. СТАНОВЛЕНИЕ ФИЗИЧЕСКОГО ТИПА ЧЕЛОВЕКА

1. Основные стадии формирования человека — стадия протантропов и стадия палеантропов. Этапы развития протантропов

В развитии формирующихся людей еще более отчетливо, чем в эволюции каменной индустрии археолита, выделяются два основных этапа — стадия питекантропов, синантропов и атлантропов и стадия людей неандертальского типа. За последними в антропологической литературе довольно прочно закрепился термин «палеантропы», которым мы и будем в дальнейшем пользоваться наряду с термином «неандертальцы». Признанного всеми общего термина для обозначения питекантропов, синантропов и атлантропов пока не существует. Одни авторы называют их протерантропами (Гремяцкий, 1948; Нестурх, 1948; Хрисанфов, 1958) или протантропами (У Жу-кан и Чебоксаров, 1959; Ю. Семенов, 1960; Якимов, 1960в), другие — архантропами (Weidenreich, 1956; Я. Рогинский, 1956; Урысон, 1957; Бунак, 1959а). На наш взгляд, более удачным является термин «протантропы» (перволюди), которым мы и будем пользоваться. Что же касается термина «архантропы» (пралюди), то мы предложили бы его в качестве общего термина, обозначающего всех формирующихся людей, как питекантропов, синантропов и атлантропов, так и всех палеантропов. Такой термин в антропологической литературе отсутствует, хотя необходимость в нем имеется.

Самыми поздними из протантропов являются синантропы, у которых ряд авторов отмечает наличие черт, сближающих их с неандертальцами (Трофимова и Чебоксаров, 1932, стр. 35—36; У Жу-кан и Чебоксаров, 1959, стр. 10).

Большинство ученых относят их к раннему ашелю (Ефименко, 1953, стр. 136—144; «Всемирная история», 1955, I, стр. 31; Борисковский, 1957а, стр. 33—37). Первые люди неандертальского типа появляются в позднем ашеле — раннем мустье. Это свидетельствует о том, что превращение протантропов в палеантропов произошло на грани раннего и позднего ашеля. Две стадии в развитии каменной индустрии раннего палеолита полностью совпадают с двумя стадиями в развитии архантропов. Первая половина раннего палеолита является эпохой протантропов, вторая — эпохой палеантропов.

Синантропы несомненно являются представителями самой поздней стадии в развитии протантропов. Поэтому их можно было бы назвать позднейшими протантропами. Самая поздняя стадия в развитии протантропов совпадает во времени с самой поздней стадией в развитии каменной индустрии первой половины раннего палеолита. Временем существования ранних протантропов является ранний ашель. Кроме синантропов, к числу позднейших протантропов должны быть, по всей вероятности, отнесены датированные ранним и грубым средним ашелем атлантропы (Arambourg, 1955; Arambourg and Biberson, 1956; Straus, 1956; Mc Burney, 1958; Якимов, 1956; Урысон, 1957; Алиман, 1960).

Сложнее обстоит дело с питекантропами. Прежде всего следует отметить, что под этим термином объединяются существа, принадлежащие к двум отличающимся друг от друга группам. К первой из этих групп относятся питекантроп I, найденный Е. Дюбуа в 1891—1893 гг., и питекантропы II и III, обнаруженные Г. Кенигсвальдом в 1937—1938 гг. Именно представители этой группы обычно и имеются в виду, когда речь заходит о питекантропах. Это, если можно так выразиться, классические, типичные питекантропы. По своему морфологическому облику классические питекантропы очень близки к синантропам, хотя в целом являются более примитивными (Якимов, 1951, стр. 64; Рогинский и Левин, 1955, стр. 230; Ужу-кан и Чебоксаров, 1959, стр. 7 и др.). Их нельзя рассматривать иначе, как представителей стадии в развитии протантропов, прямо предшествующей позднейшим протантропам.

Представителем второй группы является найденный Г. Кенигсвальдом в 1939 г. питекантроп IV. Относящийся к более раннему времени, чем классические питекантропы, питекантроп IV отличается от них значительно большей близостью к антропоидам. Если в настоящее время нет учевых, которые бы сомневались в человеческой природе классических питекантропов, то принад-

лежность питекантропа IV к числу гоминид не является столь бесспорной. Наличие на черепе питекантропа IV большого числа чисто обезьяньих особенностей позволило М. Ф. Нестурху (1948, стр. 13) выступить с утверждением, что этот череп основан в значительной степени на фрагментах черепа крупного ископаемого антропоида, родственного классическому питекантропу Дюбуа. Остальные ученые, в большинстве своем относящие питекантропа IV к числу формирующихся людей, не могут в то же время не отметить существование морфологических различий между ним и классическими питекантропами. Эти морфологические различия столь велики, что часть ученых выделяет питекантропа IV в особый вид «питекантропа массивного» (Weidenreich, 1945b) или «питекантропа моджокертского» (Koenigswald, 1950). И Ф. Вейденрейх и Г. Кенигсвальд относят к этому виду ребенка из Моджокерто, также обнаруженного в слоях, более древних, чем те, где были найдены классические питекантропы, и челюсть Сангиран В. В особый вид выделяет питекантропа IV М. А. Гремяцкий (1952), рассматривающий его как самого примитивного из всех гоминид.

Если классические питекантропы являются представителями стадии в развитии протантропов, непосредственно предшествовавшей позднейшим протантропам, то моджокертских питекантропов нельзя рассматривать иначе, как представителей стадии, непосредственно предшествовавшей классическим питекантропам. Как представителей не просто особого вида, а стадии человеческой эволюции, предшествовавшей классическим питекантропам и синантропам, рассматривают питекантропа IV и Сангиран В в одной из последних работ Ф. Тобиас и Г. Кенигсвальд (Tobias, Koenigswald, 1964). К этой же стадии они относят телантропа и гоминид из нижних горизонтов Олдовой II. Следует отметить, что принадлежность телантропа к числу формирующихся людей не является бесспорной. В первых публикациях Р. Брум и Дж. Робинсон (Broom, Robinson, 1950) охарактеризовали его как человека. В последующих статьях Дж. Робинсона (Robinson, 1953a, 1953b, 1955) мы находим характеристику телантропа как существа, обладающего чертами, роднящими его как с прегоминидами, так и с гоминидами, но в целом уже завершившего или почти завершившего переход от прегоминидной стадии к гоминидной. Наконец, в последних своих работах Дж. Робинсон (Robinson, 1962, 1963) безоговорочно включил его в число людей, в связи с чем переименовал его в *Homo erectus*. К взгляду на телантропа как на человека склоняется большинство советских ученых (Дебец, 1951; Дебец, Трофимова и Чебоксар

ров, 1951; Якимов, 1951, 1956; Нестурх, 1951, 1960; Рогинский и Левин, 1955; Борисковский, 1955, 1957а). Иную позицию занимают Р. Дарт (Dart, 1955а) и В. Ле Гро Кларк (Clark Le Gros, 1955), включающие телантропа в группу австралопитеков.

Спорность вопроса о принадлежности питекантропа IV и телантропа к числу гоминид свидетельствует в пользу положения, что стадию, представителями которой они являются, следует рассматривать как самую раннюю в развитии протантропов, непосредственно следующую за стадией поздних предлюдей. Это предположение находит свое подтверждение в рассмотренных в главе VI находках в Олдовой I и II.

Таким образом, в развитии протантропов следует, по нашему мнению, выделить три стадии: стадию ранних протантропов, представителями которой являются питекантроп IV, ребенок из Моджокерто, телантроп и гоминиды из нижних горизонтов Олдовой II, стадию поздних протантропов, представленную классическими питекантропами, и стадию позднейших протантропов, представителями которой являются синантроп и атлантроп. Временем существования позднейших протантропов является ранний ашель. Это дает основание для вывода, что временем существования ранних и поздних протантропов был шелль и, может быть, самый поздний дошелль.

На грани раннего и позднего ашеля позднейшие протантропы типа синантропов трансформировались в неандертальцев, палеантропов. Если вопрос об отношении разных форм перволудей является во многом еще полностью не решенным, то еще сложнее обстоит дело с палеантропами. В частности, в неандертальской проблеме невозможно разобраться, не принимая во внимание данных об относительной и абсолютной датировке тех или иных относящихся ко второй половине раннего палеолита находок. Это делает необходимым предварительное, хотя бы очень краткое, рассмотрение вопроса о датировке ступеней процесса становления человека и развития его каменной индустрии вообще.

2. О датировке ступеней формирования человека и развития его каменной индустрии

Эта проблема является одной из самых сложных и запутанных. Расхождения между точками зрения отдельных ученых зачастую столь велики, что буквально ставят в тупик, не позволяя сделать какого-либо определенного вывода. Единство между ними существует, пожалуй, лишь по одному вопросу: все они без исключе-

ния относят ранний палеолит к плейстоценовому периоду, подразделяемому ими на нижний, средний и верхний плейстоцен. Однако сами представления о плейстоцене не остаются неизменными. Еще сравнительно недавно за нижнюю границу плейстоцена принималось начало гюнцского альпийского оледенения¹. В настоящее время большинство зарубежных исследователей включает в плейстоцен все виллафранкское время, что по меньшей мере удваивает, а то и утраивает его продолжительность. Но и среди них нет единства в вопросе о грани между виллафранкским и поствиллафранкским временем. Одни связывают конец виллафранка с началом гюнца, другие — с началом гюнц-минделя. В результате всего этого в изданных только за последние 15—20 лет работах в термипы «нижний», «средний», «верхний плейстоцен» вкладывается далеко не одинаковый смысл. Еще больше разногласий в частных вопросах. Так, например, отложения, относимые одними авторами к Вюрму I, рассматриваются другими как рисские и т. п.

Большие расхождения существуют между предлагаемыми различными авторами датировками археологических культур. Как на две крайности в этом вопросе можно указать на датировку Г. Обермайера, с одной стороны, и М. В. Воеводского и В. И. Громова — с другой. Г. Обермайер (1913) относил дошелль и шелль к рисс-вюрму, а ашель и мустье к первой половине вюрма. М. В. Воеводский (1952) и В. И. Громов (1948, 1950) отнесли дошелль и шелль к минделю и миндель-риссу, мустье — к первой половине и до максимума рисса, ориньяк — к максимуму рисса, солютре — к рисс-вюрму и мадлен — к вюрму. Таким образом, если Г. Обермайер принимал за границу между ранним и поздним палеолитом середину вюрма, то М. В. Воеводский и В. И. Громов — максимум рисса.

¹ В настоящее время большинством ученых признается существование четырех ледниковых эпох (гласиалов) в плейстоцене: гюнцского, миндельского, рисского и вюрмского, и соответственно трех межледниковых эпох (интергласиалов): гюнц-миндельской, миндель-рисской и рисс-вюрмской. Внутри некоторых из них в свою очередь выделяется несколько стадий (стадиалов), разделяемых эпохами некоторого отступления ледника — интерстадиалами. Так, например, две стадии выделяются в миндельском оледенении (Миндель I и II). В вюрмском оледенении одни авторы выделяют четыре стадии (Вюрм I, II, III, IV), другие — лишь три (Вюрм I, II, III). Соответственно выделяется несколько промежуточных эпох — интерстадиал Готтвейга (Вюрм I—II), Паудорфа (Вюрм II—III) и др. Некоторые ученые рассматривают готтвейговский интерстадиал как Вюрм II—III. Другие сомневаются в его существовании и принимают за первый интерстадиал вюрма паудорфовский.

Не менее огромные различия существуют в ряде случаев между предлагаемыми абсолютными датировками тех или иных культурных остатков, а также тех или иных находок ископаемых людей. Так, например, один и тот же автор приводит для пещеры Староселье столь отличные друг от друга цифры, как 31 и 110 тыс. лет, для Ильской — 34—39 и 155 тыс. лет, для Сухой Мечетки — 51—70 и 10 тыс. лет (Чердынцев и Мешков, 1954; Чердынцев, 1955, 1956). Из всех методов определения абсолютного возраста наиболее надежным является радиоуглеродный (по C^{14}), но он может применяться лишь для определения возраста находок, отстоящих от нашего времени не более чем на 60000 лет (Heinzel, 1963).

Приведенные выше примеры (а число их можно было бы увеличивать беспрестанно) говорят о том, что ко всем как относительным, так и абсолютным датировкам и культурным остаткам, и находкам людей нужно подходить крайне осторожно. При выявлении места той или иной находки формирующихся людей в эволюции нужно учитывать все данные, причем морфологические и археологические не в меньшей, а, может быть, даже и в большей степени, чем все остальные.

Не рассматривая всех предлагаемых в настоящее время схем датировки археологических культур и находок ископаемых людей, ибо это увело бы нас слишком далеко, попытаемся, сводя все едино мнения современных исследователей и следуя за большинством из них, наметить приблизительную датировку начальных этапов формирования человека и развития каменной техники. В соответствии с мнением большинства исследователей гюнцскую эпоху мы будем рассматривать как заключительную фазу виллафранка.

Находки австралопитеков в Таунге, Стеркфонтейне, Макапангате одними исследователями датируются догюнцским временем (Howell, 1955, p. 651; 1962, p. 409; Washburn and Howell, 1960, p. 36; Kurten, 1962, p. 489—490), другими — поздним виллафранкским (Leakey, 1960a, p. 22; Oakley, 1954, 1962, p. 419). Это позволяет рассматривать виллафранкское время как эпоху существования ранних предлюдей. Находки парантропов в Сварткрансе и Кромдраай датируются верхним виллафранком (Howell, 1955, p. 651; Washburn and Howell, 1960, p. 36) или началом гюнц-минделя (Kurten, 1962, p. 490). Зинд-жантроп большинством исследователей относится к позднему виллафранкскому времени (Leakey, 1960a, p. 24; 1963, p. 448—449; Washburn and Howell, 1960, p. 36; Kurten, 1962, p. 490). Соответственно к позднему виллафранкскому времени относятся

и существа из Олдовой I типа президжантропов (поздние предлюди). Это дает основания для предположения, что превращение одной части ранних предлюдей в поздних, а другой в мнимых произошло где-то скорее всего в конце виллафранкской эпохи.

Моджокертских питекантропов (ранних протантропов) некоторые ученые датируют поздним виллафранком (Hooijer, 1951, p. 270—272; Breitingер, 1962a), некоторые — началом минделя (Washburn and Howell, 1960, p. 36), но большинство гюнц-минделем (Movius, 1944, p. 87; Oakley, 1962, p. 419; Kurten, 1962, p. 489). Абсолютный их возраст определяется в 600000 лет (Oakley, 1962, p. 420). Питекантропов I, II, III (поздних протантропов) часть ученых относит к гюнц-минделю и минделю (Zeuner, 1952, p. 285), другие — только к минделю (Movius, 1944, p. 87; Washburn and Howell, 1960, p. 36; Kurten, 1962, p. 489). Абсолютный их возраст определяется в 500000 лет (Oakley, 1962, p. 420). К гюнц-минделю большинство авторов относит появление первых настоящих шельских орудий (Zeuner, 1952, p. 285; Movius, 1956, p. 55).

Атлантропов почти все исследователи относят к минделю (Washburn and Kurten, 1962, p. 36; Kurten, 1962, p. 489).

Синантропов (позднейших протантропов) одни авторы датируют Минделем II (Oakley, 1962, p. 434; Kurten, 1962, p. 489), другие — миндель-риссом (Movius, 1944, p. 68; Washburn and Howell, 1960, p. 36; Kwang-chin Chang, 1961, p. 758). Возраст их определяется в 400000 лет (Oakley, 1962, p. 424). В этой связи следует отметить, что именно с миндель-риссом связывают обычно появление ашельской индустрии (Sollas, 1924, p. 202; Zeuner, 1952, p. 285; Movius, 1956, p. 59).

Так как к миндель-риссу же относится появление первых людей неандертальского типа, то все сказанное выше дает достаточные основания считать, что первая половина раннего палеолита — эпоха протантропов охватывает гюнц-миндель, миндель и первую половину миндель-рисса. С середины, а может быть, и с конца миндель-рисса начинается вторая половина раннего палеолита — эпоха палеантропов.

В настоящее время подавляющее большинство ученых связывает смелу раннего палеолита поздним и появление современного человека с первым интерстадиалом вюрма (Vallois, 1954, 1962; Movius, 1956; Zeuner, 1958; Washburn and Howell, 1960; Breitingер, 1962a; Heinzelн, 1963 и др.). Если стать на такую точку зрения, то вторую половину раннего палеолита — эпоху неандертальцев — следует рассматривать как охватываю-

пую часть мидель-ресса, ресс, ресс-вюрм и Вюрм I. Позднее, классическое мустье появляется лишь с началом Вюрма I (Bordes, 1961). Предшествующее время является эпохой позднего ашеля — раннего мустье.

3. Неандертальцы и неандертальская проблема

Сделанный выше, по необходимости более чем краткий, экскурс в область датировки этапов человеческой эволюции делает возможным переход к рассмотрению неандертальской проблемы — одного из самых сложных вопросов антропологической науки, до сих пор не получившего своего решения. Не останавливаясь сколько-нибудь подробно на ее истории, ибо она в достаточной степени освещена в антропологической литературе (Якимов, 1949а, 1957б; Войно, 1959; Грасе, 1964 и др.), отметим лишь наличие двух основных этапов в постановке и разрешении вопроса о месте людей неандертальского типа в человеческой эволюции.

На первом этапе люди неандертальского типа были представлены главным образом значительным числом находок в Западной Европе (Неандерталь, Ля-Ноллет, Спи I и II, Баньолас, Малярно, Ля Шапелль-о-Сен, Ле Мустье, Ля Ферасси I, II, III, IV, V, VI, Ля Кина и др.), образовавших морфологически сравнительно однородную группу так называемых типичных, классических, крайних, консервативных, специализированных, поздних неандертальцев. Все без исключения палеантропы, принадлежавшие к этой группе, жили в Вюрме I и были связаны с индустрией позднего, классического, типичного мустье.

Вполне понятно, что на том этапе развития науки вопрос об отношении неандертальцев к людям современного физического типа сводился по существу к вопросу об отношении к последним классических неандертальцев. И на этот вопрос ученые давали два диаметрально противоположных ответа. Одни из них утверждали, что люди неандертальского типа являются предками современного человека. Наиболее последовательно эта точка зрения была развита А. Грдличкой (Hrdlička, 1929), четко сформулировавшим положение о существовании в эволюции человека неандертальской фазы. Другие рассматривали неандертальцев как боковую, тупиковую ветвь в эволюции гоминид, истребленную вторгшимися в Европу на грани мустье и ориньяка людьми современного физического типа. В качестве доказательства последние указывали на глубокую морфологическую специализацию классических неандертальцев, не позволяющую видеть в них промежуточное звено между древнейшими гоминидами и *Homo sapiens*, на

резкое различие между мустьерским и раннеорпнякским населением Европы и необычайно быструю смену неандертальцев человеком современного физического типа. Наиболее последовательным защитником изложенной точки зрения был М. Буль (Boule, 1921 и др.).

Наступление нового этапа в постановке и разрешении вопроса о месте неандертальцев в человеческой эволюции было обусловлено выявлением того обстоятельства, что палеантропы типа Шапелль представляют собой не всех неандертальцев, а являются лишь одной из нескольких групп людей этого типа.

Этот сдвиг прежде всего был связан с учащением находок в Западной Европе остатков палеантропов, которые хронологически предшествовали классическим неандертальцам и в то же время отличались от них отсутствием специализации и наличием, с одной стороны, черт, сближавших их с людьми современного физического типа, а с другой — архаичных, питекоидных признаков. Они получили название ранних, атипичных, умеренных, генерализованных, прогрессивных неандертальцев или пренеандертальцев. У разных представителей этой группы архаичными и сапиентными являются не одни и те же черты, но они всегда присутствуют наряду с неандерталоидными (Дебец, 1934; Нестурх, 1937, 1960; Гремяцкий, 1948; Якимов, 1949а; Рогинский и Левин, 1955; Clark Le Gros, 1955; Sergi, 1962; Vallouis, 1962 и др.).

Почти все антропологи относят к этой группе находки в Штейнгейме, Эрингсдорфе, Крапине, а большинство также Саккопасторе I и II и Гибралтар I (Гремяцкий, 1948; Brodrick, 1948; Howell, 1951, 1952; Bach, 1955; Gieseler, 1956; Montagu, 1955; Blanc, 1958, Sergi, 1962а). Вопрос о датировке черепа из Штейнгейма является спорным. Его относят и к миндельрису, и рису, и ресс-вюрму. Однако в последнее время большинство исследователей все более и более склоняется к тому, чтобы датировать его миндель-риссом (Montagu, 1955; Zeuner, 1958; Washburn and Howell, 1960; Oakley, 1962 и др.). Что же касается людей из Эрингсдорфа, Крапины и Саккопасторе, то подавляющее большинство ученых датирует всех их ресс-вюрмом (Zeuner, 1952, 1958; Howell, 1954; Clark Le Gros, 1955; Ozegovic, 1958; Blanc, 1958 и др.).

Там, где вместе с остатками людей были найдены орудия, то все они были либо позднеашельскими, либо примитивномустьерскими (Гремяцкий, 1948, стр. 54; Ефименко, 1953, стр. 123; Рогинский и Левин, 1955, стр. 243—246; Keith, 1931, p. 315, 323, 337; Leakey, 1953, p. 99, 191).

Кроме перечисленных выше находок, к этой же группе должны быть отнесены также датированный миндель-риссом человек из Сванскомба и относимые к рисс-вюрму люди из Фонтешевада (Vallois, 1949, 1954; Zeuner, 1952; Clark Le Gros, 1955; Montagu, 1955; Washburn and Howell, 1960 и др.). Частью зарубежных антропологов они выделяются в особую группу «пресапиенс-форм», принципиально, по их мнению, отличных от неандертальцев (Vallois, 1949, 1954; Montagu, 1952, 1955; Bach, 1955; Gieseler, 1956). Однако реальных оснований для противопоставления этих находок пренеандертальцам не имеется. Я. Я. Рогинский в целом ряде своих работ (1947б, 1951, 1956) убедительно показал, что отдельные сапиентные черты, имеющиеся у Сванскомба и Фонтешевада, сочетаются с резко выраженными неандертальскими признаками и чертами, роднящими их с питекантропами и синантропами. Включают эти находки в группу пренеандертальцев и многие зарубежные антропологи (Howell, 1951, 1958; Weinert, 1955; Drennan, 1956; W. L. S., 1956; Julien, 1957; Twisselman, 1957; Singer, 1958; Weiner, Campbell, 1962; Sergi, 1962в; Maug, 1962; Breitinger, 1962в; Brace, 1964). Стирает грань между Штейнгеймом и Эрингсдорфом, с одной стороны, и Сванскомбом и Фонтешевадом — с другой, В. Ле Гро Кларк (Clark Le Gros, 1955), включающий их в одну группу — примитивного, премутьерского Homo sapiens.

В пользу включения Сванскомба и Фонтешевада в одну группу с пренеандертальцами говорят также и археологические данные.

Вместе со сванскомбским черепом найдены среднеашельские орудия, с остатками людей из Фонтешевада — премутьерские (Vallois, 1949, 1954; Montagu, 1955; Oakley, 1957в; Clark Le Gros, 1955; Sergi, 1962в).

К числу пренеандертальцев должны быть отнесены связанные с премутьерской индустрией находки в Монморене и Квинцано, из которых первая предположительно, а вторая твердо датируется рисс-вюрмом (Vallois, 1954, 1956; Clark Le Gros, 1955; Montagu, 1957, Howell, 1958).

Некоторые исследователи относят к ранним неандертальцам и гейдельбергского человека (Трофимова и Чебоксаров, 1932; Гремяцкий, 1948; Нестурх, 1948; Mc Cown and Keith, 1939, p. 181; Drennan, 1955). Однако этому противоречит принятая большинством антропологов датировка его минделем (Vallois, 1959; Howell, 1951; Washburn and Howell, 1960; Oakley, 1962).

Сходные во многих отношениях формы были найдены и за пределами Европы. Характерное для пренеандертальцев сочетание архаичных, неандерталоидных и сапиентных черт обнаруживается и у относимых частью исследователей к рессу (M o v i u s, 1944; Vallois, 1949, 1954), а другими — к ресс-вюрму (M o n t a g u, 1955; Washburn and Howell, 1960) людей из Нгандонга (Гремяцкий, 1948; Рогинский и Левин, 1955; Нестурх, 1958; Montagu, 1955). К группе ранних неандертальцев, возможно, должны быть также отнесены датируемые поздним ашелем — ранним мустье люди из Эясси и человек из Салданья, на черепах которых также обнаруживается сочетание архаичных и сапиентных черт (Г. Петров, 1940; Рогинский и Левин, 1955; Алиман, 1960; Drennan, 1953; Singer, 1954; Straus, 1957).

Из сказанного видно, что все перечисленные выше находки неандертальцев (Эрингсдорф, Штейнгейм, Крапина, Саккопасторе, Гиблартар I, Монморен, Квинцано, Нгандонг, может быть, Эясси и Салданья) относятся к одному периоду времени — миндель-рессу, рессу, ресс-вюрму. Но это далеко не единственное, что их объединяет. Все они связаны с одной и той же стадией в развитии каменной индустрии — поздним ашелем — ранним мустье. И, наконец, характерным для всех них является крайне своеобразное сочетание в морфологическом облике архаичных, неандертальских и сапиентных черт. Наличие питекоидных, архаичных черт позволяет рассматривать эту группу как наиболее древнюю из всех групп неандертальцев, как непосредственно следующую за протантропами.

У таких представителей пренеандертальцев, как, например, явантропы и африкантропы, архаичные черты носят столь ярко выраженный характер, что некоторые авторы склоняются к тому, чтобы считать их не неандертальцами, а существами промежуточными между питекантропами и синантропами, с одной стороны, и палеантропами — с другой (Weidenreich, 1943в, р. 275; 1947в, р. 388; 1956, р. 39—40; 1962; Нестурх, 1948, стр. 25—26; Якимов, 1951, стр. 78—80).

В пользу положения о том, что пренеандертальцы являются прямыми и непосредственными преемниками протантропов, говорят и приведенные выше данные археологии и стратиграфии. Они жили в эпоху (миндель-ресс, ресс, ресс-вюрм), непосредственно следующую за временем существования самых высших представителей протантропов — синантропов (минделем, миндель-рессом). Стадия развития их каменной индустрии (поздний ашель — раннее мустье) является непосредственно следующей

за стадией, которой достигла каменная техника синантропов (ранний ашель).

Все это вместе взятое позволяет сделать вывод, что пренеандертальцы представляли собой не просто одну из групп людей неандертальского типа, а определенную стадию в развитии палеантропов, а именно первую. В дальнейшем изложении мы будем называть их ранними палеантропами.

Как уже указывалось, переход от первой стадии постановки и разрешения неандертальской проблемы ко второй был прежде всего связан с выявлением существования, кроме палеантропов типа Шапелль, неандертальцев типа Эрингсдорф-Сванскомб-Нгандонг. Однако, помимо названных выше находок, были сделаны и такие, которые не могут быть отнесены ни к первой, ни ко второй из указанных выше групп. Мы прежде всего имеем в виду остатки людей, обнаруженных в пещерах Мугарет-эт-Табун и Мугарет-эс-Схул горы Кармел. В первой из них в слое С были найдены остатки двух индивидов (Табун I и II), во второй — в слое В — более десяти (Схул I—X).

Авторы двух монографий (Garrod and Bate, 1937; Mc Cown and Keith, 1939), в которых обстоятельнейшим образом были описаны и проанализированы стратиграфия, каменная индустрия пещер и остатки людей, найденных в них, единодушно охарактеризовали связанную со скелетами индустрию как нижнее леваллуа-мустье, а сами находки столь же единодушно отнесли к ресс-вюрму, т. е. ко времени существования людей из Эрингсдорфа, Краины, Саккопасторе. Если добавить к этому, что у всех кармелских палеантропов и особенно у схулцев ярко выраженные неандертальские черты сочетались с признаками, сближавшими их с людьми современного типа, то невольно напрашивается вывод, что они должны быть включены в одну группу с пренеандертальцами. Именно к такому выводу и пришли некоторые исследователи (Howell, 1951; Clark Le Gros, 1955).

Однако необходимо отметить, что часть ученых, принимая предложенную Д. Гаррод и Д. Бэйт датировку кармелцев ресс-вюрмом, в то же время подчеркнули, что, если не все они, то по крайней мере схулцы, не могут быть включены в одну группу с неандертальцами типа Эрингсдорф, ибо по своему морфологическому облику являются несомненно более поздними, чем первые (Montagu, 1940). Для неандертальцев типа Эрингсдорф характерно сочетание архаичных, неандертальских и сапиентных черт. У по крайней мере схулских неандертальцев архаичные черты отсутствуют. В отличие от пренеандертальцев они не мо-

гут быть охарактеризованы как архаичная группа. Пренеандертальцев, несмотря на наличие у них отдельных сапиентных черт, нет оснований рассматривать как формы, переходные к неантропу. Что же касается схулцев, то они во многом являются по столько неандертальцами, сколько существами, промежуточными между последними и современными людьми.

В своей работе «Некоторые проблемы, связанные с древними людьми», Ф. Вейденрейх (Weidenreich, 1940), соглашаясь со включением Табун I в одну группу с Эрингсдорф, в то же время подчеркнул, что люди из Схул должны рассматриваться не как неандертальцы, а как формы, промежуточные между палеантропами и неантропами. Но взгляды его на место Табун I в человеческой эволюции не остались неизменными. В своих более поздних работах он включил эту находку в группу классических неандертальцев (Weidenreich, 1943a, 1947a). В этом отношении он не одинок. Как почти классического, типичного неандертальца характеризовали Табун I многие ученые (Ноотон, 1947; Маур, 1963; Дебец, 1951a). Как «консервативного» неандертальца рассматривает Табун I Р. Солецкий, противопоставляя ее «прогрессивным» неандертальцам из Схул (Solecki, 1960, p. 631). И основания для такого заключения имеются. Несомненной является близость Табун I к палеантропам типа Шапелль. Наличие ее отмечают и те из ученых, которые людей из Табун относят к одной группе с людьми из Схул и рассматривают всех кармелцев как формы, переходные к неантропам (Рогинский и Левин, 1955, стр. 251). Взгляда на кармелцев как на формы, промежуточные между палеантропами и неантропами, придерживаются почти все советские и некоторые зарубежные антропологи (Гремяцкий, 1948; Якимов, 1949б, 1950а; Дебец, 1956; Нестурх, 1958; Урысон, 1964; Keith and Mc Cown, 1937; Keith, 1948).

Этот взгляд находит свое подтверждение в археологических данных. В процессе дальнейших исследований все более и более выяснялось, что «нижнее леваллуа-мустье» горы Кармел нельзя рассматривать как стадияльно соответствующее раннему мустье Европы, что оно должно рассматриваться как позднее, а частично и как финальное мустье. Об этом говорит наличие в нем черт позднепалеолитической техники (Garrod and Bate, 1937; Sauter, 1948; Формозов, 1958а). Я. Я. Рогинский (1951) датирует кармелцев поздним мустье, А. А. Формозов (1958а) относит их к концу мустье.

Но поздний характер и морфологического облика кармелцев, и их каменной индустрии остается совершенно необъяснимым,

если придерживаться их датировки ррисс-вюрмом. Однако эта датировка с самого начала была поставлена под сомнение.

Р. Вофре (Vaufreu) еще в 1939 г. на основании целого ряда данных пришел к выводу, что кармелские палеантропы жили не в ррисс-вюрме, а во время первого интерстадиала вюрма, т. е. в эпоху, к которой большинство исследователей относят смену неандертальцев людьми современного физического типа. Эта точка зрения получила свое развитие и обоснование в работах Ф. Борда (Bordes, 1955). К очень позднему вюрму отнес кармелцев В. Хоуэллс (Howells, 1954). Как самых поздних из всех палеантропов рассматривал палестинцев Г. Вейнерт (Weinert, 1955). Выразил сомнение в правильности датировки кармелцев ррисс-вюрмом Р. Брайдвуд (Braidwood, 1943). В свете новых данных пересмотрела свои взгляды и Д. Гаррод. Первоначально этот пересмотр выразился в том, что она стала относить людей из Табун и Схул не к ррисс-вюрму, а к ранней стадии вюрма (Garrod, 1958). В дальнейшем же она пришла к выводу, что леваллуа-мустье пещер горы Кармел следует датировать второй половиной раннего вюрма и первой половиной интерстадиала Готтвейга (Garrod, 1962).

Совершенно оригинальная датировка Табун и Схул была предложена недавно Э. Хиггсом (Higgs, 1961, 1962). Подавляющее большинство исследователей, следуя за Т. Мак Коуном и А. Кизсом, рассматривали людей из этих пещер как современников. Считалось, что, если люди из Схул и моложе людей из Табун, то не намного. Оба раннепалеолитических слоя Схул (В и С) рассматривались как хронологически соответствующие поздней части слоя С Табун, непосредственно перед слоем В Табун (Garrod and Bate, 1937, p. 147—149). Э. Хиггс же пришел к выводу, что названные слои Схул являются не только не более ранними, чем В Табун, а наоборот, более поздними, что людей из Схул отделяет от людей из Табун целая ледниковая стадия и что, следовательно, первые на 10—11 тыс. лет моложе вторых. Так как схулцы он относит к интерстадиалу Вюрма I—II, то тем самым табунцы попадают у него в ррисс-вюрм. Разделяющий его точку зрения Д. Бросвелл (Brothwell, 1961) прямо датирует Табун I—II ррисс-вюрмом или началом Вюрма I, а Схул I—X — первым интерстадиалом вюрма.

В свете всего изложенного выше датировка людей из Схул первым интерстадиалом вюрма представляется несомненно более близкой к истине, чем датировка их ррисс-вюрмом или началом вюрма. Сложнее обстоит дело с людьми из Табун. Вслед за Д. Гаррод (Garrod, 1962) нам представляется весьма сомни-

тельными, чтобы они были отделены от схулцев целой ледниковой фазой. Датировка первых рисс-вюрмом или даже началом вюрма находится в резком противоречии с установленным радиоуглеродным методом абсолютным возрастом слоев С и В Табун. Возраст первого из них оказался равным 41000, а второго — 39000 (Oakley, 1962, p. 425), в то время как начало вюрма, по мнению большинства авторов, отстоит от нас по меньшей мере на 50000, а то и на 70000 лет (Emiliani, 1960; Oakley, 1962; Mc Burney, 1962; Heinzeln, 1963). Если исходить из абсолютного возраста, то следует признать, что табунцы жили где-то в самом конце вюрма или даже в начале готтвейговского интерстадиала².

Абсолютный возраст Схул точно не установлен, но некоторые авторы считают его равным 37000 (Solecki, 1963) или даже 35000 лет (Brace, 1962), что дает еще одно основание для датировки людей из Схул первым интерстадиалом вюрма — эпохой смены палеантропов неантропами.

Взгляд на схулцев (а может быть, и всех кармелцев) как на формы, переходные к человеку современного типа, находит свое полное подтверждение в ряде находок, из которых самой интересной является старосельская. В кремневом инвентаре пещеры Староселье (Крым) обнаруживается множество черт, связывающих мустьерские типы орудий с позднепалеолитическими формами кремневых изделий. Если слои С Табун и В Схул относятся к началу или середине финального мустье, то стоянка Староселье относится к самому его концу (Формозов, 1958а). Вполне естественно ожидать, что обитатели этой стоянки были еще ближе к современному человеку, чем люди из Схул. И действительно, ребенок из Староселья во многом уже является почти современным человеком (Я. Рогинский, 1954б; Якимов, 1954; Формозов, 1958а). Близость его к современному человеку настолько велика, что Г. Ф. Дебец (1956, 1957) рассматривает его как настоящего *Homo sapiens*. Подобно тому, как каменная индустрия Староселья находится на самой грани, отделяющей ранний палеолит от позднего, человек из Староселья стоит на самой грани, отделяющей архантропа от неантропа.

Таким образом, если пренеандертальцы представляют собой первую, начальную стадию в развитии палеантропов, то схулцы и староселец являются представителями последней, завершающей стадии в эволюции поздних архантропов. Они являются палеант-

² Согласно мнению одних авторов, интерстадиал Готтвейга начался 44–45 тыс. лет тому назад (Garrod, 1962; Heinzeln, 1963), согласно мнению других, от его начала прошло 40 тыс. лет (Mc Burney, 1962; Oakley, 1962).

ропами, находящимися в процессе трансформации в неантропов. В дальнейшем мы будем именовать их позднейшими палеантропами.

К числу позднейших палеантропов должны быть, по всей вероятности, отнесены во всех отношениях сходные с людьми из Схул неандертальцы из пещеры Джебель Кафзах (Weidenreich, 1940, p. 379; Howell, 1958, p. 191; Garrod, 1962, p. 235, 245). В слоях, обнаруживающих близкое сходство с леваллуа-мустье Схул и Табун и несомненно относящихся ко времени после Вюрма I, были найдены остатки людей из Хауа Фтеах. Их абсолютный возраст оказался равным 34000 (Mc Burney, Trevor, Wells, 1953; Mc Burney, 1958). В эту же группу, возможно, должен быть отнесен человек из пещеры Мугарет-эль-Зуттие, найденный в слое, во многих отношениях сходном с леваллуа-мустье кармелских гротов (Keith, 1931; Garrod and Bate, 1937; Mc Cowan and Keith, 1939). Имеются основания полагать, что он жил во время еще более позднее, чем люди из Хауа Фтеах (Mc Burney, 1958, p. 261). Многие ученые к числу форм, переходных к современному человеку, относят ребенка из грота Тепик-Талп в Узбекистане (Weidenreich, 1945a; Бунак, 1951a; Дебец, 1956, 1957; Якимов, 1954, 1957б).

Очень сложным является вопрос о месте среди неандертальских форм людей из пещеры Шанидар в Ираке. В первом предварительном сообщении об этом открытии указывалось, что найденные неандертальцы относятся к типу, известному антропологам, как «консервативный», причем специально подчеркивалось их сходство с палеантропом из Ля Шапелль («Neanderthal found in Iraq», 1957). В ходе дальнейших исследований у шанидарцев было выявлено наличие, кроме большого числа черт, типичных для классических неандертальцев, ряда признаков, сближающих их с человеком современного физического типа (Slewart, 1959; Solecki, 1960, 1963; Коробков, 1963). Однако, несмотря на это, ни один из антропологов не рискнул их охарактеризовать как формы, промежуточные между неандертальцами и людьми современного типа. Объясняется это тем, что наличие у шанидарцев отдельных сапиентных черт не меняет факта глубокой специализации их морфологического облика в целом (Коробков, 1963). Против включения людей из Шанидар в группу позднейших палеантропов, т. е. неандертальцев, находившихся в процессе трансформации в людей современного физического типа, говорит и такое обстоятельство, как почти полное отсутствие изменений в их физической организации за более чем 15 тыс. лет, отделяющих Шанидара II от Шанидара I (Solecki, 1963, p. 187).

Оно же дает основания для характеристики их морфологического облика как консервативного.

Все это вместе взятое позволяет сделать вывод, что шанидарцы скорее всего должны рассматриваться как локальная, несколько смягченная разновидность типичных, классических неандертальцев типа Шапелль. В этой связи следует отметить, что и у отдельных представителей западноевропейских классических неандертальцев отмечено наличие ряда сапиентных черт. Такие признаки имеются у людей из Ле Мустье, Ля Ферасси, Спи, Ля Кины, Пеш де л'Азе (Осборн, 1924, стр. 202; Я. Рогинский, 1936, стр. 348; 1951, стр. 189; Урысон, 1959; Hrdlicka, 1929, p. 613—615; Вгасе, 1962, p. 731; 1964, p. 10).

В пользу включения шанидарцев в круг классических неандертальских форм говорят и другие данные. Их каменная индустрия характеризуется Р. Солецким как типичное мустье. Время их существования падает на Вюрм I. Абсолютный возраст ребенка из Шанидар равен 64000 лет, Шанидара II — 60000, Шанидара III — 50000, Шанидара I — 44000 лет (Solecki, 1960, 1963).

На наш взгляд, к этой же локальной азиатской разновидности классических неандертальцев должны быть отнесены и люди из Табун, о близости которых к палеантропам типа Шапелль уже говорилось. Р. Солецкий, противопоставляя в своих работах людей из Табун людям из Схул как «консервативных» неандертальцев «прогрессивным», подчеркивает, что шанидарцы по всем данным входят в одну группу с первыми (Solecki, 1960, p. 631—632). На бóльшую близость шанидарцев к Табун, чем к Схул, указывает и Т. Стюарт (Stewart, 1959, p. 474).

Не исключена, на наш взгляд, возможность и того, что представителем «смягченных» классических неандертальцев является и ребенок из Тешик-Таш, рассматриваемый в настоящее время большинством ученых как форма, переходная к *Homo sapiens*. Но следует подчеркнуть, что такой взгляд утвердился не сразу. Первоначально все без исключения советские антропологи безоговорочно охарактеризовали тешик-ташца как типичного неандертальца типа Шапелль (Дебец, 1939, 1947, 19486; Гремяцкий, 1949; Гинзбург, 1951; Герасимов, 1955). Да и в настоящее время никто не ставит под сомнение его необычайную близость к классическим неандертальцам.

Возможно, наконец, существование и еще одной локальной разновидности специализированных неандертальцев — южноафриканской, представленной находкой в Брокен-Хилле. Как «крайнюю» неандертальскую форму характеризуют родезийца, а вместе с ним и человека из Салданы Р. Сингер (Singer, 1958,

р. 53), Э. Майр (Maier, 1962), Э. Брейтингер (Breitinger, 1962a, 1962b).

Таким образом, все многообразие находок неандертальских форм можно в основном свести к трем основным группам: группе палеантропов типа Эрингсдорф-Сванскомб-Нгандонг, группе палеантропов типа Шапелль-Шанидар и группе палеантропов типа Схул.

Палеантропы типа Эрингсдорф-Нгандонг, жившие в миндельриссе, риссе и рисс-вюрме и связанные с каменной индустрией позднего ашеля — раннего мустье, представляют собой первую стадию в развитии палеантропов, непосредственно сменившую стадию позднейших протантропов типа синантропов. Палеантропы типа Схул, жившие в первом интерстадиале вюрма и связанные с индустрией финального мустье, представляют собой последнюю, завершающую стадию в развитии палеантропов, являются неандертальцами, превращающимися в людей современного типа. Несомненно, что позднейшие палеантропы являются потомками ранних, но столь же несомненно, что первые не являются непосредственными потомками вторых. Невозможно непосредственное превращение неандертальцев типа Эрингсдорф в неандертальцев типа Схул, так же как невозможен прямой переход от раннего мустье к финальному. Между ними должно было существовать промежуточное звено.

Неандертальцы, являвшиеся прямыми потомками ранних палеантропов и непосредственными предками позднейших, должны были жить в Вюрме I и быть связанными с позднемустьерской индустрией. Как уже указывалось, именно в эту эпоху жили классические неандертальцы и именно они были связаны с индустрией позднего мустье. Но против признания их промежуточным звеном существуют серьезные возражения.

Естественно признать классических неандертальцев потомками предшествовавших им во времени палеантропов типа Эрингсдорф. Такого взгляда на отношение пренеандертальцев и классических палеантропов придерживается в настоящее время большинство антропологов (Я. Рогинский, 1956; Howell, 1952; Howells, 1954; Clark Le Gros, 1955, 1956; Breitinger, 1962b и др.). Но если классические неандертальцы являются потомками пренеандертальцев, то их нельзя рассматривать иначе, как группу, уклонившуюся от линии, ведущей к современному человеку. Утрата классическими неандертальцами сапиентных черт, присущих их предкам, может быть расценена только как известное отклонение от пути сапиентного развития. В свете новых открытий необычайно ярко выступили отмеченные раньше

противниками неандертальской фазы в развитии человека черты далеко зашедшей специализации неандертальцев типа Шапелль.

В результате подавляющее большинство антропологов — сторонников неандертальской фазы в развитии человечества — признало справедливость доводов своих противников в части, относящейся к неандертальцам типа Шапелль, подчеркнув в то же время, что исключение последних из числа предков человека современного типа ни в коем случае не означает отказа от признания существования в человеческой эволюции неандертальской фазы, ибо классические палеантропы представляют собой не всех неандертальцев, а являются лишь одной из нескольких групп людей неандертальского типа. На такой точке зрения стоят в настоящее время почти все советские антропологи (Я. Рогинский, 1938, 1949, 1956, 1959; Гремяцкий, 1948; Якимов, 1949а, 1950а, 1950б, 1954, 1957а; Рогинский и Левин, 1955; Нестурх, 1958, 1960а; Войно, 1959; Бунак, 1959а; Урысон, 1964 и др.).

Открытие неспециализированных неандертальских форм заставило пересмотреть взгляды не только почти всех сторонников неандертальской фазы, но и ее противников. В результате часть из них пришла к выводу, что нет оснований исключать всех неандертальцев из числа предков современного человека, что исключены должны быть лишь палеантропы типа Шапелль.

В настоящее время в науке существует два основных направления в решении вопроса о месте неандертальцев в человеческой эволюции.

Сторонники первого вообще исключают всех неандертальцев из числа предков современного человека. Согласно их взглядам, довольно рано произошло разделение человеческого ствола на по крайней мере две ветви, которые в дальнейшем развивались совершенно самостоятельно. Эволюция одной из них — сапиентной — привела в конце концов к появлению человека полностью современного физического типа. Другая ветвь — неандертальская — оказалась тупиковой. В том или ином варианте эти взгляды излагаются в работах значительного числа зарубежных ученых (Vallois 1949, 1954, 1962; Weckler, 1954; Bach, 1955; Gieseler, 1956; Montagu, 1955; Hibben, 1959; Skerlj, 1960; Maug, 1963 и др.). Так как фактическая несостоятельность этой точки зрения в достаточной степени убедительно раскрыта в трудах советских исследователей (Я. Рогинский, 1951; Войно, 1959; Якимов, 1963 и др.), то, не задерживаясь на ней, обратимся ко взглядам сторонников второго направления.

Всех их объединяет признание предками современного человека одной части неандертальцев и исключение из их числа другой части, прежде всего западноевропейских палеантропов типа Шапелль. В то же время по отдельным вопросам между ними существуют разногласия.

Среди зарубежных антропологов наиболее распространен взгляд, согласно которому от ранних неандертальцев, обладавших сапиентными чертами, эволюция пошла по крайней мере в двух направлениях. Развитие одной ветви пошло по линии дальнейшей сапиентации и завершилось возникновением современного человека. Развитие другой ветви пошло по линии специализации и завершилось на территории Европы возникновением классических неандертальцев, которые, если и приняли участие в формировании *Homo sapiens*, то лишь путем метисации. Они представляют собой боковую, тупиковую ветвь в развитии палеантропов. Нетрудно заметить, что между изложенным выше взглядом и точкой зрения сторонников первого основного направления нет принципиальных различий. И здесь и там признается существование двух ветвей в развитии формирующихся людей: одной — прогрессивной, другой — тупиковой. Разногласия между ними по существу лишь в вопросе о времени разделения этих ветвей. Поэтому иногда очень трудно провести грань между этими точками зрения, тем более, что сторонники первого основного направления, заявляя о необходимости исключения всех неандертальцев из линии, ведущей к *Homo sapiens*, в то же время рассматривают как предков неантропов людей из Сванскомба и Фонтешевад (которых они не считают неандертальцами), а также иногда и человека из Штейнгема.

Существует и более смягченный вариант второй основной концепции, представленный главным образом трудами советских антропологов. Согласно их взглядам, хотя классические неандертальцы и не дали начало человеку современного типа, однако рассматривать их как зашедших в эволюционный тупик было бы ошибочным. «Европейские неандертальцы типа Шапелль приобрели, — писал, например, В. П. Якимов, — вследствие их существования в своеобразных условиях внешней среды, морфологические признаки специализации, отличающие их от *Homo sapiens*. Однако они не представляют собой тупика в эволюции гоминид.. Основное значение морфологической специализации неандертальцев этой группы заключается в том, что такая особенность, не являясь сама по себе препятствием к их преобразованию в человека современного физического типа, задержала и усложнила процесс „сапиентации“. Тем самым она дала возможность неан-

дертальцам, сходным с типом Эрингсдорф (например, Схул V из числа палестинских неандертальцев), опередить шапелльцев в историческом развитии. Эти группы, вследствие более благоприятных условий среды на внеледниковых территориях, быстрее превращались в *Homo sapiens*» (1950а, стр. 32). Сходные положения мы находим и в работах Я. Я. Рогинского (1947б, 1949, 1951).

С тем, что развитие разных локальных групп неандертальцев могло идти неодинаковыми темпами, что одни из них могли развиваться медленнее, а другие — быстрее, вряд ли можно спорить. Однако в случае с классическими неандертальцами, речь идет не просто о темпах развития, а об его направлении. Несомненно отклонение неандертальцев типа Шапелль от пути, ведущего к человеку современного типа. И вопрос стоит так: существовали ли в ту эпоху, кроме неандертальцев, отклонившихся от сапиентного направления (т. е. классических), палеантропы, продолжавшие развиваться в этом направлении. Отрицательный ответ на этот вопрос равнозначен признанию классических неандертальцев предками человека современного типа. Утвердительный ответ — равнозначен признанию существования двух ветвей в развитии палеантропов. Третьего же не дано. И Я. Я. Рогинский, и В. П. Якимов отвечают на этот вопрос положительно. И неудивительно, что в их работах мы встречаем положения, ничем не отличающиеся от тех, что выдвигаются сторонниками «крайнего» варианта. Так, например, В. П. Якимов пишет о двух «принципиально различных линиях», двух «путях» эволюционного развития палеантропов (1950а, стр. 25—26). «Последние находки в пещерах горы Кармел, а, может быть, и находка в Староселье, — читаем мы у Я. Я. Рогинского, — певольно направляют взоры исследователей на восток от Западной Европы и побуждают там искать те исходные формы палеантропов, от которых пошло развитие в сторону *Homo sapiens*. Можно предположить, что где-то в западной части азиатского материка, в обширной области Передней Азии и прилежащих территорий, начиная с первой половины мустьевого времени, а может быть, с начала мустье, от древних палеантропов обособилась линия, впоследствии закончившаяся появлением неантропа на рубеже мустье и позднего палеолита» (1956, стр. 17. Подчеркнуто мною — Ю. С. См. также: 1959, стр. 179).

Таким образом, между взглядами сторонников «крайнего» варианта и сторонников «смягченного» варианта нет принципиальных различий. И те и другие в одинаковой степени признают существование двух ветвей в эволюции палеантропов.

Но если допустить существование нескольких ветвей в развитии палеантропов, то, естественно, возникает вопрос, чем объяснить, что развитие части неандертальцев пошло в сторону от основной линии, в то время как другая часть продолжала развиваться по направлению к современному человеку. Большинство антропологов от ответа на этот вопрос уклоняются. Чуть ли не единственная в советской антропологии попытка объяснить специализацию части палеантропов была сделана В. П. Якимовым (1949а, 1950а, 1954, 1957а). В. П. Якимов объясняет отклонение классических неандертальцев от сапиентного направления их длительным изолированным существованием в неблагоприятных условиях приледниковой зоны, какой являлась в ту эпоху Западная Европа. К сходным взглядам пришел и американский антрополог Ф. Хоуэлл (Howell, 1951, 1952, 1958).

Внешние условия, в частности климатические, естественно, не могли не оказывать влияния на развитие формирующихся людей. Но их действие не могло иметь своим результатом разделение единого ствола палеантропов на несколько ветвей, развивающихся в разных направлениях. Влияние среды не могло изменить направления развития формирующихся людей, ибо последнее определялось внутренними закономерностями. Уже эти соображения заставляют поставить под сомнение концепцию В. П. Якимова и Ф. Хоуэлла. Но, главное, она находится в противоречии с фактами.

Дело в том, что классические неандертальцы не представляют собой группы, замкнутой в узких пределах Западной Европы. Они жили и в тех областях с благоприятными условиями, которые В. П. Якимов и Ф. Хоуэлл рассматривают как территории, где обитали более прогрессивные неандертальцы и где успешно шел процесс сапиентации. Из находок классических неандертальцев за пределами Западной Европы прежде всего следует назвать человека из Киик-Кобы. Детальные описания Г. А. Бонч-Осмоловского (1940, 1941, 1954) не оставляют сомнения в том, что мы имеем дело со специализированным неандертальцем классического типа, что полностью согласуется с оценкой верхнего горизонта Киик-Кобы, к которому относится находка, как позднемустье́рского. Принадлежность человека из Киик-Кобы к классическому типу никем не оспаривается, в том числе и В. П. Якимовым (1949а, 1950а). К числу классических неандертальцев, по всем имеющимся данным, должна быть отнесена находка в пещере Мугарет-эль-Алия (Танжер). Танжерский человек обнаруживает явные черты специализации (Senyuguek, 1940; Castillo-Fiel, 1955). Существенно, что в этой пещере была

обнаружена индустрия, относящаяся к позднему мустье (S e p u r e k, 1940).

Как уже отмечалось, черты далеко зашедшей специализации характерны для морфологического облика людей из Шанидар. Огромное сходство с классическими неандертальцами обнаруживает Табун I. Несомненно наличие большого числа специализированных, классических черт у ребенка из Тешик-Таша (Д е б е ц, 1947 и др.), а также у человека из Джебель Ирхуд в Марокко (У р ы с о н, 1964, стр. 144). Хотя и не классической, но тем не менее «гиперспециализированной» формой является родзиец (У р ы с о н, 1964, стр. 128).

Уже тот факт, что находки людей классического неандертальского или сходных с ним типов были сделаны в столь отдаленных друг от друга районах (Западная Европа, Крым, Палестина, Ирак, Узбекистан, Северная и Южная Африка), существенно отличавшихся по своим природным условиям, делает невозможным объяснение морфологической специализации классических неандертальцев климатическими и другими внешними причинами. Отклонение неандертальцев позднего мустье от сапиентного направления представляет собой явление, закономерно происходившее в самых различных условиях среды, и поэтому может быть объяснено лишь действием каких-то внутренних факторов эволюции формирующихся людей. Но если причина отклонения классических неандертальцев от сапиентного направления коренится не во внешних условиях, а обусловлена внутренними факторами развития, то из этого необходимо следует, что такого рода отклонения претерпели все позднемустьерские неандертальцы, т. е., что все они в той или иной степени были специализированными. Иное допущение ведет с неизбежностью к отрицанию единых закономерностей эволюции человека.

Действительно, допустив существование наряду с неандертальцами, отклонившимися от сапиентного направления, неандертальцев, продолжавших развиваться в этом направлении, мы должны неизбежно признать, что по крайней мере часть внутренних факторов, закономерно определявших развитие одной ветви, не действовала в другой и, наоборот, что развитие разных ветвей определялось различными внутренними факторами, различными закономерностями.

Однако нет никаких сомнений в том, что формирование человека и общества было единым процессом, определяемым едиными закономерностями. Вследствие этого в развитии формирующихся людей вообще, палеантропов в частности, не могло быть и не было нескольких ветвей. Отсюда следует вывод, что классические

неандертальцы были не только потомками палеантропов типа Эрингсдорф, но и предками палеантропов типа Схул, а тем самым и неантропов, что они представляют собой не просто одну из групп неандертальцев, а определенную стадию в развитии палеантропов, именно среднюю, следующую за стадией ранних палеантропов и предшествующую стадии позднейших. В дальнейшем изложении мы будем называть их поздними палеантропами.

4. Проблема места классических неандертальцев в развитии палеантропов и закон необратимости эволюции

Но все сказанное не снимает, однако, возражений морфологического и общебиологического характера. Несомненным фактом является специализация классических неандертальцев (Рогинский, 1938, 1956, 1959; Гремяцкий, 1948; Якимов, 1949а, 1950а; Vallouis, 1954 и др.), фактом является утрата ими сапиентных черт, присущих их предкам — пренеандертальцам³. Признание палеантропов типа Шапелль предками палеантропов типа Схул необходимо влечет за собой допущение возможности возвращения утраченных признаков. Нельзя признавать классических неандертальцев предками современных людей, не допуская того, что при переходе от них к неандертальцам типа Схул и далее к *Homo sapiens* произошло возвращение утраченных ими в процессе эволюции сапиентных признаков, произошла деспециализация. Большинство антропологов отрицает такую возможность, ссылаясь на закон необратимости эволюции. Однако достаточно хотя бы кратко ознакомиться с историей и современным состоянием проблемы необратимости эволюции, чтобы понять всю неосновательность этой ссылки.

Необратимость эволюции была открыта Ч. Дарвином. «Если вид однажды исчез с лица земли,— писал он в «Происхождении видов» (1939, стр. 540),— мы не имеем основания думать, что та же самая тождественная форма когда-нибудь появится вновь» (там же, стр. 541). Но фактически, открыв закон необратимости эволюции, Ч. Дарвин был далек от его абсолютизации. Отрицая возможность возрождения исчезнувших видов, он в то же время считал несомненным фактом явление возвращения давно утра-

³ Нельзя, однако, не отметить, что переход от пренеандертальцев к классическим палеантропам даже в морфологическом отношении был шагом не только в сторону, но и вперед. По целому ряду особенностей последние стоят выше первых.

ченных организмом признаков и стремился дать ему объяснение. «Я уже высказывал мнение,— читаем мы в «Происхождении видов» (1939, стр. 382),— что самой вероятной представляется гипотеза, объясняющая проявление очень древних признаков наличием у молодежи каждого следующего друг за другом поколения склонности к воспроизведению этих давно утраченных признаков — склонности, которая по неизвестной причине иногда оказывается преобладающей».

Фактически открытый Ч. Дарвином закон необратимости эволюции получил известность благодаря трудам бельгийского ученого А. Долло, который проиллюстрировал его палеонтологическими данными и дал ему сжатую формулировку. «Организм,— писал он,— не может вернуться, даже частично, к предшествующему состоянию, которое уже было осуществлено в ряду его предков» (Dollo, 1893, p. 164—165). Правильность закона необратимости эволюции была подтверждена на самом разнообразном материале. Поэтому он был принят на вооружение биологической наукой, причем первоначально принят большинством ученых безо всяких оговорок, как абсолютный закон.

Однако признание эволюции абсолютно необратимой не согласовывалось с целым рядом твердо установленных биологией фактов, свидетельствовавших о том, что в каких-то определенных пределах возвращение исчезнувших признаков возможно. Это заставило целый ряд ученых выступить против абсолютизации закона необратимости эволюции, а некоторых (Соболев, 1924) толкнуло и дальше — на путь полного отрицания этого закона.

Против безоговорочного принятия закона Долло еще в 1914 г. выступил А. Н. Северцев в работе «Современные задачи эволюционной теории» (1945б, стр. 279). Через год появилась статья П. П. Сушкина «Обратим ли процесс эволюции?» (1915), в которой были приведены многочисленные факты, говорящие о возможности возвращения утраченных примитивных особенностей. Не ограничиваясь перечислением фактов, автор предložил свое объяснение механизма возвращения утраченных признаков. Согласно взгляду П. П. Сушкина, возможность возврата признака дается его повторением в онтогенезе. В основе возвращения утраченных признаков лежит «помолодение», т. е. преждевременное окончание онтогенеза, как бы его преждевременный обрыв и закрепление эмбриональных особенностей во взрослом состоянии организма. Утраченные признаки возвращаются, всплывая из глубин онтогенеза и фиксируясь во взрослом состоянии. Возможен возврат не только единичных признаков, но и их комбинаций, что же касается возвращения всей организации, то, по

мнению П. П. Сушкина, такая возможность полностью исключена. В этом смысле он признает эволюцию необратимой.

Нельзя не признать, что приведенный в работе П. П. Сушкина фактический материал в достаточной степени убедительно обосновывает сделанный им вывод о том, что «специализация в тех или иных признаках, присущая взрослому состоянию данного организма, не представляет собой обязательной помехи к появлению у потомков его таких особенностей организма, которые морфологически необъяснимы из специализированных черт, присущих взрослому состоянию предка» (стр. 18). Важность этого вывода состоит в том, что с признанием его «отпадает необходимость представления об исходной форме как о чем-то обязательно лишенном признаков специализации» (стр. 18).

Во многом к сходным выводам в вопросе о возможности возвращения утраченных особенностей пришел Б. М. Житков (1922). «Вероятно,— писал последний,— что организм, если можно так выразиться, ничего не забывает. Он хранит в себе факторы всех признаков всей линии своих предков, и при условиях благоприятствующих древние признаки могут вновь вступать в жизнь сразу или постепенно» (стр. 39). Аналогичные высказывания мы находим в трудах Л. Бербанка (1955, стр. 61—64, 133).

Из последних работ, специально посвященных проблеме необратимости эволюции, можно указать на статьи А. М. Сергеева (1935) и С. И. Огнева (1945). Решительно выступая в защиту принципа необратимости эволюции, А. М. Сергеев в то же время далек от его абсолютизации. Формулировка закона Долло, указывает он, «вряд ли теперь применима, ибо хотя против того, что „организм... целиком... не может вернуться к состоянию, раз осуществленному в ряду предков“, нет возражений, то частичный возврат отдельных, иногда сразу многих предковых признаков имеет, по-видимому, место» (стр. 43). Выводы, к которым приходит А. М. Сергеев на основе обобщения большого материала, кратко сводятся к следующему: «1. Вид никогда не может вернуться к состоянию, раз осуществленному в ряду его предков. Эволюция вида необратима. II. Отдельные органы потомка могут прийти к состоянию, напоминающему предковое, но никогда к тождеству с ним. III. Отдельные признаки потомка могут прийти к состоянию, тождественному состоянию предка» (стр. 43—44).

В статье С. И. Огнева дается краткий очерк проблемы и подвергается анализу обширный фактический материал. На основе этого автор приходит к следующим выводам: «...2. Известны несомненные многочисленные факты, доказывающие необратимость эволюционного процесса... 3. Наряду с этим мы наблюдаем много-

численные случаи настоящей филогенетической реверсии, частично приводящей виды животных к некоторым чертам искомого морфологического состояния. Эта реверсия обычно захватывает только малое количество признаков, но может быть и более существенной... 4. Мы считаем допустимым, что в результате филогенетической реверсии вид или группа видов может быть выведена из эволюционного застоя, в который она попала вследствие процесса далеко зашедшей специализации» (стр. 15—16). С. И. Огнев, как и А. М. Сергеев, вслед за П. П. Сушкиным механизмом возвращения утраченных признаков считает выпадение конечных стадий онтогенеза, «помолодение».

Большой интерес для понимания механизма возвращения утраченных признаков представляют работы А. Н. Иванова (1945а, 1945б), в которых на большом материале доказывается, что сохранение потомком онтогенетической стадии предка в более позднем возрасте, называемое им брадигенией, является одним из всеобщих способов эволюционных изменений. Как на крайний случай брадигении, А. Н. Иванов указывает на превращение проходящей онтогенетической стадии предка в признак взрослого организма потомка.

Изложенное выше понимание закона необратимости эволюции является ныне господствующим в советской биологической науке. Возможность возвращения утраченных признаков и «деспециализации» признается большинством советских биологов (Давыташвили, 1940, 1948; Зенкевич, 1944; Парамонов, 1945; Громова, 1946; Быстров, 1957). Возможность «деспециализации» призывает и такой защитник закона необратимости эволюции, как И. И. Шмальгаузен (1946б). Против метафизического истолкования закона Долло выступают и многие антропологи (Вейнерт, 1935; Левин, 1950; Якимов, 1950б; Бунак, 1959а).

Из всего сказанного выше вытекает вывод, что допущение возможности «деспециализации» классических неандертальцев, возможности возвращения утраченных ими сапиентных признаков не находится в противоречии с правильно понятым законом необратимости эволюции. Классические неандертальцы, несмотря на всю свою специализацию, вполне могли быть предками палеантропов типа Схул и тем самым современных людей.

Что это допущение не находится в противоречии с данными морфологии, не могут не признать даже те ученые, которые сами исключают классических неандертальцев из числа предков неантропа. «Если исходить только из данных морфологии (безотносительно к палеонтологической последовательности), — писал, на-

пример, английский антрополог В. Ле Гро Кларк (Clark Le Gros, 1955, p. 45), — то нет никаких аргументов против признания неандертальцев [классических. — Ю. С.] предками *Homo sapiens*. Американский антрополог Э. Хутон (Hooton) еще в 1947 г. подчеркивал, что в настоящее время ссылка на специализацию классических неандертальцев не может рассматриваться как сколько-нибудь серьезное возражение против допущения их трансформации в *Homo sapiens*. «Это возражение снято, — пишет он, — за последние годы целым рядом находок ископаемых человеческих существ, скелет и зубной аппарат которых обнаруживает частичное замещение „специализированной“ неандертальской морфологии современной» (p. 336). Э. Хутон прежде всего имел в виду находки в гротах горы Кармел.

5. Проблема места классических неандертальцев в человеческой эволюции и некоторые данные антропологии и археологии

«Наиболее замечательной особенностью людей из пещер горы Кармел, — пишет Я. Я. Рогинский (Рогинский и Левин, 1955, стр. 252), — было сочетание в их строении нескольких резко выраженных основных неандертальских черт со множеством признаков человека современного типа. Палестинские неандертальцы, таким образом, заслуживают этого наименования лишь с некоторой оговоркой, так как точнее их следовало бы определять как формы, во многом промежуточные между неандертальцами и современными людьми». Ответ на вопрос, между неандертальцами какого типа и современными людьми представляют собой промежуточные формы кармелские палеантропы, дает палеантропологический материал.

Близость к западноевропейским неандертальцам типа Шапельль обнаруживают не только люди из Табун, которые, как указывалось, возможно, являются локальным вариантом поздних палеантропов. Черты классических неандертальцев имеются и у всех людей из Схул, несомненно являющихся формами, переходными к современному человеку. Это дало возможность Ф. Вейденрейху (Weidenreich, 1943a, 1945a, 1947a) сделать заключение, что группа Схул является переходной формой не просто между неандертальцами и современными людьми, а между классическими неандертальцами и людьми современного типа⁴.

⁴ Взгляды Ф. Вейденрейха на место классических неандертальцев в человеческой эволюции довольно противоречивы. С одной стороны, он рассматривает классических неандертальцев не как боковую ветвь, а как

К такому же выводу пришел и Кобберт (C o b b e r t, 1949, p. 143). На близость кармелцев к классическим неандертальцам указывал В. Ле Гро Кларк (C l a r k L e G r o s, 1955, p. 69), рассматривавший их как формы, переходные между премустьерским Homo sapiens и типичными неандертальцами, а также М. Ф. Нестурх (1937, стр. 64).

Т. Мак Коун и А. Кизс, рассматривая вопрос об отношении кармелцев и западноевропейских неандертальцев классического типа, подчеркивают различие между первыми и вторыми. И в то же время они не могут не отметить того поразившего их факта, что «через всю анатомическую структуру людей из пещер горы Кармел проглядывает подоснова из черт, связывающих их с классическими неандертальцами» (1939, p. 16). Все сапиентные черты, пишут они в другом месте (p. 322), кажутся выросшими на этом архаическом фундаменте. Я. Я. Рогинский (Р о г и н с к и й и Л е в и н, 1955, стр. 255) приводит целый ряд интересных данных, которые, как он сам указывает, позволяют прийти к выводу, что кармелским палеантропам предшествовали люди с еще более резко выраженными неандертальскими особенностями. Но людьми с еще более резко выраженными неандертальскими особенностями, чем, скажем, Схул VI и IX, могли быть только настоящие классические неандертальцы.

Если рассматривать Тешик-Таш не как локальный вариант классических неандертальцев, а как форму, переходную к неантропу, то его ближайших предков также нельзя представить себе иначе, кроме как в облике типичных неандертальцев типа Шапелль.

Важно отметить существование у Схул VI и Тешик-Таш тавродонтизма (M c C o w n and K e i t h, 1939, p. 197, 207; Г р е м я ц к и й, 1949, стр. 179). Как известно, наличие у классических неандертальцев тавродонтизма рассматривается многими антропологами как признак крайней специализации, исключающей возможность видеть в них предков современного человека (Г р е м я ц к и й, 1948; Р о г и н с к и й, 1949; V a l l o i s, 1954 и др.). Наличие тавродонтизма у форм, признаваемых почти всеми со-

фазу в развитии палеантропов (W e i d e n r e i c h, 1947a, p. 148), решительно подчеркивая, что «нет разумных оснований исключать европейских неандертальцев из эволюционных линий», что ни в коем случае «не может исключаться возможность их продвижения к Homo sapiens» (1943a, p. 133—134). С другой стороны, он не решается прямо признать европейских классических неандертальцев предками позднепалеолитического населения Европы (1943a, p. 133—134). Сходные позиции занимает Г. Вейнерт (W e i n e r t, 1955, 1957).

ветскими антропологами предками неантропов, снимает это выражение.

В пользу положения, что именно классические неандертальцы, а не какие-либо другие являются предками позднейших палеантропов и тем самым неантропов, говорит не только морфологический облик неандертальцев типа Схул, но и особенности морфологии человека современного физического типа. Превращение поздних палеантропов в позднейших и затем в неантропов немыслимо без утери специализированных признаков и возвращения утраченных сапиентных особенностей. Последнее же невозможно без «помолодения» организма. Если классические палеантропы были предками *Homo sapiens*, то морфологический облик современного человека обязательно должен носить следы «помолодения». И такие следы действительно обнаруживаются. Современный человек в известной степени отличается от своих предков чертами педоморфизма. На абсолютизации такого рода особенностей построена теория фетилизации Л. Болька. Но если сама теория Л. Болька несостоятельна, то факты, которые легли в ее основу, действительно имеют место. Сохранение некоторых эмбриональных и инфантильных особенностей в строении *Homo sapiens* не подлежит сомнению (П. Иванов, 1928; Я. Рогинский, 1933; Холден, 1935; Гексли, 1937; Де Веер, 1948; Нестурх, 1958; Монтэгу, 1955; Дебетц, 1961)⁵. В пользу признания палеантропов типа Шапелль предками *Homo sapiens* говорит появление на черепах современных людей отдельных черт классических неандертальцев (Яцута, 1935).

С выявлением того факта, что данные морфологии не только не находятся в противоречии с признанием классических неандертальцев предками неантропа, но, наоборот, его подтверждаю, противники этого положения все в большей и большей степени стали ссылаться на данные палеонтологии и стратиграфии. В частности, В. Ле Гро Кларк, признавая, что с чисто морфологической точки зрения не может быть возражений против взгляда на классических неандертальцев как на предков современного человека, в то же время заявил, что такое допущение находится в

⁵ В связи с этим возникает вопрос, не обусловлено ли наличие довольно значительного числа сапиентных черт у Тешик-Таш и ребенка из Шанидар молодым возрастом этих индивидов. В пользу такого предположения говорит тот факт, что у ребенка из Шанидар, возраст которого определен в 64 000 лет, обнаруживается большее число сапиентных черт, чем у значительно более поздних Шанидар I и III (Solecki, 1960). Возможно, что возрастом объясняется наличие черт, сближающих с современным человеком, и у ребенка из Пеш де л'Аве (Урысон, 1959).

противоречии с палеонтологической последовательностью. Однако это утверждение не соответствует действительности.

Как уже указывалось, классические неандертальцы жили в Вюрме I, т. е. в эпоху, предшествовавшую появлению людей современного физического типа. Причем важно отметить, что нет данных, которые свидетельствовали бы о существовании в это время палеантропов, сколько-нибудь существенно отличных от западноевропейских неандертальцев типа Шапелль. Все неандертальцы, жившие в этот период, являются специализированными. Все известные находки неспециализированных неандертальских форм либо датируются миндель-риссом, риссом, ресс-вюрмом и относятся к группе ранних палеантропов, либо датируются первым интерстадиалом вюрма и относятся к позднейшим палеантропам. Эти данные полностью подтверждают сделанный нами выше вывод о том, что в развитии палеантропов не могло быть и не было двух ветвей — «консервативной» и «прогрессивной».

Полностью в пользу признания классических неандертальцев предками современного человека свидетельствуют данные археологии. Как отмечалось, все палеантропы типа Шапелль были связаны с позднемустьерской индустрией, являющейся связующим звеном между поздним ашелем — ранним мустье, с одной стороны, и финальным мустье — с другой. Но археология располагает и прямыми доказательствами того, что палеантропы типа Шапелль трансформировались в неантропов.

Как совершенно справедливо указывал Г. Ф. Дебец (1950), если исходить из предположения, что в одной области люди позднего палеолита являются потомками предшествовавших им неандертальцев, а в другой области не являются, то следует ожидать, что характер перехода от раннего палеолита к позднему в этих областях будет различным. В первом случае между мустьерской и позднепалеолитической культурами должна существовать глубокая преемственность, во втором — такая связь должна отсутствовать. В частности, если согласиться с тем, что развитие классических неандертальцев Западной Европы не завершилось возникновением неантропа, что позднепалеолитическая индустрия на этой территории не возникла из предшествовавшей мустьерской, а была привнесена пришедшими извне людьми современного физического типа, то следует ожидать отсутствия следов превращения мустьерской техники в позднепалеолитическую, отсутствия стоянок, относящихся к финальному мустье, — эпохе перехода от раннего палеолита к позднему.

Однако археологический материал опровергает такое предположение. Во Франции давно уже известны стоянки (Абри Оди,

Ла Верриер и др.), кремневый инвентарь которых, сохраняя особенности, присущие инвентарю западноевропейских позднемустьерских стоянок, обнаруживает в то же время черты позднепалеолитической техники (Hrdlička, 1929, p. 604; Бонч-Осмоловский, 1928, стр. 182; 1930; Ефименко, 1953, стр. 261, 323). Подобного же рода инвентарь встречается и в гротах Испании. К этому можно добавить, что широкое распространение на территории Западной Европы имеют позднепалеолитические стоянки (Шаттельперрон, Ора, Гаргас, Рош-о-Лу, Жермолль, навес в Комб-Капелль и др.), в инвентаре которых новые виды орудий сочетаются с пережиточно сохраняющимися мустьерскими формами (Ефименко, 1953, стр. 261, 332 и сл.; Vallois, 1954, p. 117—118).

Известны и такие памятники, как Фестон и Истюриц, в позднемустьерских слоях которых отмечено постепенное появление позднепалеолитических орудий, а в позднепалеолитических — длительное бытование мустьерских (Григорьев, 1963).

Убедительные доказательства существования глубокой преемственной связи между мустье и поздним палеолитом Франции приведены были в последнее время в работах Ф. Борда (Bordes, 1960, 1961). На основании приведенных им многочисленных фактов последний пришел к выводу, что классические неандертальцы являются предками позднепалеолитического населения Западной Европы (1961, p. 810).

Свидетельством происходившего на территории Западной Европы процесса превращения палеантропа в неантропа является наличие у человека современного физического типа, найденного под навесом Комб-Капелль в раннеориньякском слое, содержащем пережиточные мустьерские формы орудий, некоторых иерезиточно сохранившихся типично неандертальских черт (Vallois, 1954, p. 117—118).

Заслуживает внимания и такой твердо установленный антропологической наукой факт, как сходство по значительному количеству признаков современных европейцев, классических неандертальцев и предшествовавших последним европейских неандертальцев типа Эрингсдорф (Рогинский, 1949, стр. 39—41; Дебец, 1957, стр. 19; Якимов, 1957а, стр. 152).

Все эти факты вместе взятые, по нашему мнению, в достаточной степени опровергают положение о том, что неантропы Западной Европы являются не потомками неандертальского населения этой области, а пришельцами с внеевропейских территорий. Несостоятельность «теории вторжения» была в свое время достаточно убедительно раскрыта А. Грдличкой (Hrdlička, 1929,

р. 604—605). Вгоржением в Западную Европу возникших за ее пределами неантропов многие антропологи пытались объяснить ту быстроту, с которой произошла на этой территории смена неандертальцев людьми современного физического типа. Однако быстрая смена неандертальцев пришедшими извне неантропами могла произойти лишь при том условии, если бы неантропы вторглись в Европу огромными организованными массами и истребили бы физически ее коренное население. Допущение существования у ранних неантропов организации, охватывавшей большую массу людей, является совершенно несерьезным. Даже если бы переселение людей современного типа в занятую классическими неандертальцами Западную Европу действительно имело место, то оно могло происходить лишь путем постепенного проникновения отдельных не связанных друг с другом групп неантропов в область обитания неандертальцев. Вполне понятно, что такое проникновение не могло бы иметь своим следствием быструю смену коренного населения пришедшими извне неантропами. Теория переселения не способна, таким образом, объяснить даже те факты, для объяснения которых она была создана.

Еще более наглядным опровержением взгляда на классических неандертальцев как на боковую, тупиковую ветвь в развитии палеантропов являются данные по археологии и антропологии Крыма. На территории Крыма обнаружены памятники, относящиеся ко всем стадиям развития каменной индустрии второй половины раннего палеолита: поздний ашель — раннее мустье представлены нижним горизонтом Киик-Кобы, позднее мустье — верхним горизонтом Киик-Кобы, нижним слоем Волчьего грота (Бадер, 1940а, 1940б), а также, вероятно, нижним горизонтом Аджик-Кобы (Трусова, 1940); финальное мустье — Чокурчей, Шайтан-Кобой, Чаграк-Кобой, Старосельем, Бахчисарайской стоянкой, Навесом в Холодной балке.

Уже само по себе наличие в Крыму большого числа финальномустье-ских стоянок, обнаруживающих теснейшую связь с предшествовавшими им позднемустьевскими, достаточно убедительно свидетельствует о том, что на этой территории шел процесс трансформации неандертальцев в *Homo sapiens*. Старосельская находка подтверждает правильность этого положения.

О том, что представляли собой палеантропы, жившие в предшествовавшую финальному мустье позднемустьевскую эпоху и являвшиеся предками позднейших палеантропов и тем самым неантропов, достаточно красноречиво говорит морфологический облик человека из Киик-Кобы. Открытие на одной территории

в непосредственной близости друг к другу классического специализированного неандертальца из Киик-Кюбы, датируемого поздним мустье, и относимого к финальному мустье ребенка из Староселья, стоящего на грани превращения в неантропа, служит наглядным подтверждением правильности положения о том, что именно классические, а не какие-либо другие неандертальцы дали начало людям современного физического типа.

Сказанное выше, на наш взгляд, в достаточной степени подтверждает вывод о том, что неандертальцы типа Эрипгсдорф-Сванскомб-Нгандонг (ранние палеантропы), неандертальцы типа Шапелль-Шанидар (поздние палеантропы) и неандертальцы типа Схул (позднейшие палеантропы) являются тремя последовательно сменявшимися стадиями в развитии людей неандертальского типа — палеантропов.

Данные, свидетельствующие в пользу признания классических неандертальцев предками *Homo sapiens*, столь многочисленны, что этот взгляд, одно время почти полностью оставленный учеными, начинает в последние годы снова завоевывать сторонников. Вслед за опубликованной в 1960 г. нашей статьей «О месте „классических“ неандертальцев в человеческой эволюции» появились работы американского антрополога К. Л. Брейса (Brace, 1962, 1964).

Отстаиваемый в них взгляд на классических неандертальцев как на предков людей современного физического типа встретил поддержку со стороны ряда зарубежных ученых (Ago g i n o, 1964; T o b i a s, 1964; M ü l l e r - B e s k, 1964).

6. Развитие архантропов и эволюция каменной индустрии археолита (раннего палеолита) — две неразрывно связанные стороны процесса формирования производительных сил

При рассмотрении эволюции архантропов бросается в глаза совпадение стадий в развитии формирующихся людей со стадиями в развитии каменной индустрии археолита — периода становления человека и общества. Два основных этапа в развитии каменной индустрии археолита полностью совпадают с двумя основными этапами в развитии архантропов — стадией протантропов и стадией палеантропов. Разительно совпадают три стадии в развитии палеантропов с тремя стадиями развития каменной индустрии второй половины раннего палеолита. В ее эволюции отчетливо обнаруживаются те же особенности, что и в развитии палеантропов.

Особенностью позднего ашела — раннего мустье является атипичность, аморфность каменного инвентаря, множественность его форм, очень своеобразное сочетание в каменной индустрии крайне примитивных, архаических признаков с чертами, сближающими ее с позднепалеолитической. Особенностью ранних палеантропов является неустойчивость их физического типа, большие различия в морфологическом облике разных представителей этой группы, очень своеобразное сочетание в морфологии архаичных, питекоидных черт с признаками, приближающими их к *Homo sapiens*. Археологи часто называют каменную индустрию этого периода атипичной, многие антропологи характеризуют ранних неандертальцев как атипичных.

Переход к позднему, зрелому мустье в целом явился шагом вперед в развитии каменной индустрии. Но этот шаг вперед сопровождался утерей тех позднепалеолитических черт, которые были присущи в целом гораздо более примитивной индустрии предшествовавшего периода. Развитие каменной индустрии позднего мустье носило крайне противоречивый характер, в нем сочетались черты прогресса и регресса. Характерным признаком этого этапа является стабилизация каменной индустрии, появление выработанных, устоявшихся форм каменных орудий.

Смена ранних палеантропов поздними, происшедшая на грани раннего и позднего мустье, явилась шагом не только вперед, но в определенном отношении в сторону и даже назад. Исчезли сапиентные черты, которые были присущи пренеандертальцам, появились признаки специализации, произошло отклонение развития от линии, ведущей к *Homo sapiens*. В то же время морфологический облик палеантропов стабилизировался, отлился в определенные формы.

Интересно отметить, что если антропологи говорят о консервативности морфологического облика типичных, классических неандертальцев, то археолог П. П. Ефименко (1953) подчеркивает консервативный характер каменной индустрии типичного, классического мустье.

Переход от позднего мустье к финальному был ознаменован возрождением на новой основе черт позднепалеолитической техники и началом того крутого перелома в развитии материальной культуры, каким явился переход от раннего палеолита к позднему. Совпадающая с переходом к финальному мустье смена поздних палеантропов позднейшими была ознаменована «деспециализацией», возрождением на новой основе сапиентных признаков, преодолением отклонения от линии, ведущей к человеку современного физического типа. Финальное мустье является периодом

перехода от раннего палеолита к позднему. Неандертальцы типа Схул являются палеантропами, находящимися в процессе превращения в неантропов.

Особо нужно отметить соответствие между характером перехода от раннего палеолита к позднему и характером превращения палеантропов в неантропов. Крутой перелом в развитии материальной культуры, которым был ознаменован этот переход, произошел в очень короткий промежуток времени. Трансформация неандертальца в человека современного физического типа, явившаяся крупнейшим переломом в развитии человека, произошла очень быстро, в тот же самый короткий промежуток времени.

Отмеченное совпадение этапов эволюции архантропов с этапами развития каменной индустрии археолита, как уже указывалось, было обусловлено тем, что процесс формирования физического типа человека и процесс развития каменной индустрии в период формирования человеческого общества представляли собой не два самостоятельных, параллельно протекавших процесса, а являлись двумя неразрывно связанными сторонами одного единого процесса формирования производительных сил человеческого общества.

Весь археолит был периодом освобождения производства от животной формы, был периодом становления человеческого труда. Морфологическая организация первых людей была не столько человеческой, сколько во многом животной, она была больше приспособлена к деятельности по присвоению предметов природы, чем к производственной деятельности. Процесс освобождения труда от животной формы непрерывно требовал все большего и большего приспособления физической организации человека к деятельности по изготовлению орудий, требовал преодоления таких черт в его морфологическом облике, которые служили препятствием для совершения трудовых, производственных операций.

Трудовая, производственная деятельность не могла совершенствоваться, не освобождаясь все больше и больше от рефлекторной формы, не превращаясь все больше и больше в деятельность сознательную, целенаправленную. Становление человеческого труда было невозможно без формирования мышления и воли, а следовательно, без формирования соответствующих физиологических механизмов, без перестройки структуры мозга. Процесс освобождения труда от рефлекторной, животной формы необходимо предполагал и требовал непрерывного развития познания, а так как развитию познания на определенном этапе ставило пределы строение мозга формирующихся людей, то он необходимо

предполагал и требовал непрерывного совершенствования строения мозга, совершенствования физиологических механизмов отражения объективного мира.

Развитие трудовой, производственной деятельности, которая прежде всего являлась деятельностью по изготовлению каменных орудий, в течение всего раннего палеолита было неразрывно связано с изменением физического типа человека и определяло направление этого изменения. Уровень развития физической организации формирующегося человека определялся степенью развития его производственной деятельности. С другой стороны, степень способности формирующегося человека к совершению трудовых, производственных операций зависела от уровня развития его морфологической организации. Это закономерно существовавшее в течение всего раннего палеолита более или менее прямое соответствие между уровнем развития производственной деятельности и уровнем развития физической организации формирующихся людей и проявилось в совпадении стадий развития архантропов и стадий эволюции каменной индустрии.

На неизбежность такого стадийного совпадения указывал в целом ряде своих работ Г. А. Бонч-Осмоловский (1932, 1941), подчеркивавший взаимосвязь между эволюцией техники обработки камня в древнем палеолите и изменением анатомического строения древнего человека. «Для древнего палеолита,— писал он,—...вырисовывается отчетливая связь прогрессирования технических навыков со все еще продолжавшейся эволюцией анатомического строения самого человека. Рука, усвершенствующаяся в процессе труда, тем самым создавала предпосылки для дальнейшего развития техники, производства и общественных отношений. Этой взаимной связью определялось и направление происходивших изменений — оно шло по пути очеловечивания, по пути становления *Homo sapiens*» (1941, стр. 9). Из этого он делал вывод, что «закономерность последовательных изменений техники и, в частности, приемов раскалывания камня, получает значение точного показателя ступени стадийного развития человека» (стр. 9). Из зарубежных ученых сторонниками взгляда о совпадении стадий развития каменной индустрии раннего палеолита со стадиями развития физического типа человека являются Ц. Арамбург (Arambourg and Viberson, 1956; Arambourg, 1956) и К. Л. Брайс (Brace, 1964).

Процесс изменения физического типа человека продолжался до тех пор, пока не возник человек, обладавший морфологической организацией, которая не ставит преград на пути развития трудовой деятельности. Безграничное развитие труда предполагает и

требует безграничной возможности развития познания. Изменение мозга, совершенствование его структуры продолжалось до тех пор, пока не возник человек, обладавший мозгом, строение которого не ставит границ развитию познания, до тех пор, пока не завершилось становление человеческого мышления и воли.

Таким человеком был человек современного физического типа — *Homo sapiens*. С возникновением *Homo sapiens* — человека, морфологическая организация и строение мозга которого не ставит границ на пути развития производства и познания, человека, обладавшего сформировавшимся языком, мышлением и волей, человека, для которого в мире нет непознаваемых вещей, а есть лишь непознанные, труд полностью освободился от рефлексорной, животной формы, стал подлинно человеческим трудом. Подлинно человеческая трудовая деятельность и сформировавшееся мышление могут безгранично развиваться, не требуя изменения физической организации человека. С возникновением *Homo sapiens* завершился процесс формирования человека как производительной силы и тем самым завершился процесс формирования производительных сил человеческого общества.

ОСОБЕННОСТИ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПРОЦЕССА СТАНОВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

1. Процесс становления общественного бытия и общественного сознания — процесс обуздания зоологического индивидуализма

Процесс формирования производительных сил есть процесс формирования специфически человеческого отношения к природе — производства. Но производство есть такое отношение к природе, которое невозможно без существования определенных отношений между производящими существами, есть единство отношения производящих существ к природе и друг к другу. Формирование специфически человеческого отношения к природе необходимо предполагало и требовало формирования специфически человеческих отношений между производящими существами, предполагало и требовало формирования общественных, прежде всего производственных отношений, становления общественного бытия и общественного сознания.

Характер отношений между производящими существами, которые требовало и предполагало производство, определялся уровнем его развития, уровнем развития производительных сил. Прежде всего производство, каким оно было на протяжении всего периода своего формирования и на первых этапах периода своего развития, требовало для своего существования и совершенствования наличия сравнительно крупного объединения, каким не могла быть ни животная, ни человеческая семья. Но не всякое, даже сравнительно крупное объединение отвечало потребностям производства. Им не отвечало, как мы уже видели, объединение, в котором безраздельно господствовал зоологический индивидуализм, в котором существовала система доминирования.

Производство, каким оно было до появления прибавочного продукта, предполагало и требовало такого объединения, в котором поведение каждого из его членов определялось бы не стремлением удовлетворить свои биологические инстинкты и местом в системе доминирования, а выражающими потребности производства и тем самым потребности производственного объединения нормами и правилами, одинаково обязательными для всех без исключения членов объединения, в котором все члены независимо от физической силы и других индивидуальных качеств обладали бы одинаковыми правами и обязанностями. Иначе говоря, производство, каким оно было до появления прибавочного продукта, предполагало и требовало такого объединения, которое было бы подлинным коллективом, было бы коммуной, требовало коллективистических, коммунистических отношений между производящими существами.

Процесс становления общественных отношений не мог быть чем либо иным, кроме как процессом становления коллективистических, коммунистических отношений, процессом становления первобытной коммуны. Отношения собственности, возникая, формировались как коммунистические отношения. Первой формой собственности была собственность общественная, коллективная. Отношения распределения, возникая, также формировались как отношения коллективистические, коммунистические, причем при существовавшем уровне производительных сил они, само собой разумеется, не могли не быть отношениями уравнительными.

В неразрывном единстве со становящимися производственными отношениями формировались и отношения идеологические. Процесс формирования общественного бытия был основой процесса формирования теснейшим образом с ним связанного общественного сознания. Формируясь как отражение становящегося общественного бытия, как выражение потребностей развития производства и тем самым потребностей производственного коллектива, общественное сознание в свою очередь активно обратно воздействовало на общественное бытие, способствуя его дальнейшему формированию. Общественное бытие и общественное сознание формировались в неразрывном единстве, в котором ведущим, определяющим было общественное бытие. Это делает невозможным рассмотрение процесса становления производственных отношений, общественного бытия в отрыве от процесса становления идеологических отношений, процесса становления общественного сознания. Только рассматривая эти процессы в их единстве, можно решить проблему становления общественных отношений, проблему становления человеческого общества.

Первоначальной и на ранних этапах развития самой важной формой общественного сознания, без возникновения которой было невозможно существование подлинно человеческого коллектива, первобытной коммуны, была воля коллектива, общественная воля, обычно именуемая нравственностью или моралью.

Подлинный человеческий коллектив, первобытная коммуна имела свою собственную волю, не сводимую к сумме волей составляющих его членов. Он имел ее потому, что у него были и свои потребности, не сводимые к потребностям его членов, потому, что он был не просто совокупностью отдельных членов, а коллективным, социальным организмом. Основой первобытной коммуны было производство. Она была организмом производственным, экономическим. Потребности первобытной коммуны, общественные, коллективные потребности были потребностями экономическими, производственными.

Социальные, экономические потребности являются объективными, не зависящими от воли и сознания людей. Характер их определяется существующими производственными отношениями, природа которых в свою очередь обуславливается уровнем развития производительных сил. Производственные отношения первобытной коммуны были коллективистическими. Такой же характер носили и потребности первобытной коммуны.

Производство может существовать и развиваться при условии удовлетворения его потребностей, являющихся социальными, коллективными потребностями. Важнейшей формой выражения производственных, коллективных потребностей является воля коллектива, общественная воля. Поэтому удовлетворение требований общественной воли есть необходимое условие существования и развития производства и тем самым необходимое условие существования коллектива и его членов. Ни один коллектив не может существовать и развиваться без подчинения поведения всех его членов требованиям общественной воли.

Коллектив направляет поведение своих членов, их действия и поступки, определенным образом их оценивая. Важнейшими категориями морали являются понятия «добро» и «зло». Как «зло» коллектив оценивает поступки, идущие вразрез с потребностями и интересами коллектива, наносящие ему ущерб. Как «добро» коллектив оценивает действия, направленные на удовлетворение потребностей коллектива, отвечающие интересам коллектива. Поступки первого рода осуждаются коллективом, поступки второго — одобряются им.

Оценивая поступки своих членов как «добрые» и «злые», коллектив предъявляет ко всем своим членам требования совершать

такие действия, которые могут получить одобрение коллектива, и не совершать таких, которые встречают осуждение. В процессе жизни коллектива вырабатываются определенные нормы и правила, регулирующие поведение членов коллектива и их взаимоотношения, правила, соблюдения которых коллектив требует от каждого своего члена. Эти нормы и правила закрепляются в традициях и обычаях.

Коллективная воля, мораль являются, таким образом, регулятором поведения всех членов коллектива.

Требования общественной воли, имеющие своим содержанием интересы, потребности коллектива, объективны. Они не зависят от желаний, намерений, стремлений индивида, к которому предъявляются. Человек, даже полностью сформировавшийся, ставший полностью общественным существом, не перестает в то же время быть и существом биологическим. Такие биологические потребности, как пищевая, половая и др., существуют и у него. Могут иметь место у человека и иные потребности, носящие узко личный, индивидуальный характер. Стремление человека удовлетворить свои индивидуальные потребности может вступить в противоречие с требованиями общественной воли. В таких случаях коллектив требует от человека, чтобы он поступился своими узко личными интересами ради интересов коллектива.

По отношению к каждому отдельному члену коллектива требование общественной воли выступает как то, чему он обязан, должен следовать независимо от своих собственных субъективных стремлений, желаний, намерений. И тем не менее эти требования не выступают перед индивидом как что-то совершенно постороннее ему, совершенно ему чуждое.

Общественная воля, как уже указывалось, есть выражение производственных по своему характеру потребностей коллектива. Удовлетворение этих потребностей является необходимым условием существования и развития производства, существования и развития коллектива и тем самым существования каждого из его членов. Поэтому потребности коллектива объективно являются и потребностями каждого из членов коллектива. Коллективные потребности, не переставая быть общественными, объективно являются и личными потребностями каждого входящего в состав коллектива индивида, причем потребностями более важными, чем его узко личные потребности, ибо без их удовлетворения невозможно существование самого индивида.

Именно потому, что общественные потребности объективно являются и личными потребностями, требования общественной воли, в которых эти потребности выражаются, выступают по отно-

шению к индивиду не как нечто постороннее и чуждое ему, а как его долг перед коллективом. Объективное совпадение интересов коллектива и личности делает возможным и их субъективное совпадение, превращение общественных потребностей из объективно личных и в субъективно личные и соответственно превращение требования коллектива к его члену в требование индивида к самому себе.

Когда интересы коллектива не только начинают сознаваться индивидом как его собственные интересы, но и ставятся им выше узко личных интересов, когда требования коллектива к своему члену становятся его требованиями к самому себе, начинают переживаться им как таковые и определять его поведение, возникает то, что обычно называется чувствами долга и чести. Честь человека заключается в неуклонном следовании велению долга. Одновременно оценка коллективом действий своих членов становится и внутренней оценкой человеком своих собственных поступков. Возникает совесть и чувство совести. Совесть есть способность оценить свои поступки в зависимости от того, согласуются ли они с велением долга или идут вразрез с ним, как честные или бесчестные, есть чувство ответственности за свои поступки перед коллективом. Человек, обладающий высоко развитым чувством долга, выполняет требования общественной воли не потому, что он боится быть осужденным коллективом, и не потому, что он стремится заслужить его одобрение. Он следует им потому, что не может поступить иначе, потому, что выполнение долга перед коллективом стало для него внутренней потребностью, стало для него делом чести, делом его совести. Выполнение долга перед коллективом само по себе доставляет такому человеку удовлетворение. Напротив, совершение поступка, идущего вразрез с велением долга и тем самым пятнающего честь человека, влечет за собой тяжелые переживания, называемые угрызениями совести.

Формируя чувства долга, чести и совести, общественная воля, имеющая своим содержанием экономические потребности, являющаяся отражением общественных отпошений, становится внутренним регулятором поведения членов коллектива, входит в их плоть и кровь. С возникновением чувства долга, чести и совести выражающиеся в общественной воле экономические потребности коллектива, его интересы становятся личными потребностями члена коллектива, его собственными интересами не только объективно, но и субъективно, начинают им самим осознаваться как свои собственные потребности, как свои собственные интересы. У подлинного человека, таким образом, наряду со старыми, биологическими потребностями существуют новые потребности — социальные, эконо-

мические по своему источнику, причем вторые являются главными, основными и ими прежде всего определяется его поведение. Биологические потребности человека, его инстинкты отличаются от соответствующих инстинктов животных, ибо они опосредствованы социальными потребностями, преобразованы под их влиянием и всецело им подчинены. Биологическое у человека подчинено социальному. Удовлетворение биологических потребностей человека происходит в рамках и формах, установленных обществом. Общество определяет как, где, когда и в каких формах могут быть удовлетворены те или иные биологические потребности человека. Удовлетворение всех потребностей, в том числе и тех, которые имеют своей основой биологические инстинкты, всегда носит у человека общественный характер.

Таким образом, в отличие от животного, поведение которого определяется его инстинктами, его биологической природой, поведение человека определяется «природой» того социального организма, в состав которого он входит, «природой» существующих в этом организме общественных, прежде всего производственных отношений. В поведении человека, в его действиях, поступках проявляется его сущность, и этой сущностью является совокупность общественных отношений, существующих в том социальном организме, к которому он принадлежит.

Положение о том, что поведение человека определяется «природой» того социального организма, в котором он живет, что сущность человека есть совокупность общественных отношений, правильно по отношению ко всем этапам существования сформировавшегося человеческого общества, не исключая и классового. Но в последнем процесс определения «природой» социального организма поведения его членов носит неизмеримо более сложный характер. В классовом обществе нет и не может быть единой общественной воли, единой морали. Воля господствующего класса выражается не только в морали, но и в праве. Производственные отношения в классовом обществе определяют поведение людей, проходя через их сознание и в других формах, кроме морали и права. Классовые отношения на новой основе возрождают индивидуализм. Все эти и многие другие обстоятельства затемняют в классовом обществе социальную природу человека, его сущность.

Прозрачно ясно эта сущность человека проявлялась в прошлом лишь в первобытной коммуне, представлявшей собой первую форму существования подлинно человеческого общества, и проявляется сейчас в идущем на смену классовому коммунистическом обществе. В первобытной коммуне не было иного регулятора поведения людей, кроме коллективной воли, морали. Коллектив сам не-

посредственно регулировал взаимоотношения своих членов, определял их поведение. Производственные отношения первобытной коммуны носили коллективистический, коммунистический характер. Воля первобытной коммуны, ее мораль была концентрированным выражением эконолических потребностей этого коллектива, порождением и отражением существовавших в нем коммунистических, коллективистических отношений.

Коллективистические производственные отношения, концентрированно выражаясь в общественной воле, кристаллизуясь в чувствах долга и совести, определяли поведение каждого члена первобытной коммуны. Совокупность этих отношений и составляла сущность каждого из членов первобытной коммуны. В первобытной коммуне не было места зоологическому индивидуализму. В ней господствовал коллективизм. Удовлетворение биологических потребностей членов первобытной коммуны могло осуществляться и осуществлялось лишь в рамках и формах, установленных коллективом. Каждый член первобытной коммуны в своих действиях прежде всего руководствовался требованиями коллектива, нормами морали, велениями долга и совести. Поведение каждого члена первобытной коммуны было направлено прежде всего на удовлетворение общественных потребностей, имеющих своим источником коллективистические производственные отношения. Первобытная коммуна была подлинно социальным организмом, подлинно человеческим обществом.

Члены первобытной коммуны были подлинно общественными существами, подлинными людьми.

Именно такого подлинно социального организма, каким была первобытная коммуна, и требовало производство вплоть до появления прибавочного продукта. Только возникновение такого объединения могло обеспечить успешное развитие производства. Но сразу с появлением производства такое объединение возникнуть не могло. Первобытная коммуна могла возникнуть лишь как конечный результат длительного развития, имеющего своим исходным пунктом зоологическое объединение, в недрах которого зародилась производственная деятельность. Сравнение исходного и конечного пунктов этого процесса позволяет уточнить представление о сущности процесса становления подлинно социального организма, формирования человеческого общества.

Исходным пунктом этого процесса было чисто зоологическое объединение, состоявшее из существ, поведение которых определялось биологическими инстинктами, т. е. существ чисто биологических, объединение, в котором безраздельно господствовал зоологический индивидуализм. Конечным результатом этого процесса

был подлинно социальный организм, состоявший из подлинно социальных существ. Подлинно социальная природа этого организма проявлялась в том, что поведение его членов определялось существовавшими в нем производственными отношениями, получившими свое концентрированное выражение в коллективной воле, кристаллизовавшимися в чувстве долга и совести, т. е. определялось самим коллективом. Подлинно социальная природа членов этого коллектива проявлялась в том, что их действия и поступки прежде всего определялись коллективом, к которому они принадлежали, волей коллектива, велениями долга и совести, имевшими своим содержанием производственные потребности коллектива.

Сказанное выше позволяет сделать вывод, что процесс, исходным моментом которого были биологические существа и зоологическое объединение, а конечным результатом — подлинно социальный организм и подлинно социальные существа, был прежде всего процессом превращения производства в фактор, определяющий поведение и взаимоотношения производящих существ, процессом становления производственных, социальных потребностей и их одновременного превращения в личные потребности каждого из членов производственного объединения, становления производственных отношений и их одновременного превращения путем формирования коллективной воли, чувства долга и совести в регулятор поведения всех членов производственного объединения, превращения существ, поведение которых определяется биологическими инстинктами, в такие, поведение которых определяется существующими в объединении производственными отношениями. Вполне понятно, что становление новых факторов поведения, какими являются производственные отношения, производственные, коллективные потребности, не могло не быть процессом отеснения на задний план старых, ранее безраздельно господствовавших биологических факторов поведения, — процессом их ограничения, подавления, обуздания социальными факторами. Становление подлинно социального организма, человеческого общества прежде всего было процессом борьбы социального и биологического, процессом обуздания зоологического индивидуализма становящимися производственными отношениями и формирующейся как их отражение коллективной волей, моралью.

Обуздание зоологического индивидуализма становящимися производственными отношениями и формирующейся как их отражение общественной волей является сутью процесса становления общественных отношений, становления общественного бытия и общественного сознания, сутью процесса становления человеческого общества и человека как общественного существа.

В борьбе с зоологическим индивидуализмом формировались отношения собственности и отношения распределения, носившие, как уже указывалось, коллективистический, коммунистический характер.

У животных нет собственности. Не было собственности и у предлюдей. Последние постоянно пользовались орудиями для удовлетворения своих потребностей, но говорить о наличии у них какой-либо собственности на орудия, коллективной или индивидуальной, нет оснований. Собственность, как известно, есть не всякое отношение индивида к вещам, а лишь такое, в котором проявляются его отношения к другим индивидам. Становление собственности, причем собственности коллективной, началось с момента возникновения между производящими индивидами отношений, отличных от зоологических, с момента возникновения первобытного человеческого стада. Завершилось становление отношений собственности с превращением первобытного стада в подлинно социальный организм — первобытную коммуны. Лишь тогда, когда был окончательно обуздан зоологический индивидуализм, когда все поведение каждого из индивидов, включая и деятельность по использованию орудий, стало всецело определяться коллективом, тогда орудия, используемые членами коллектива, окончательно стали собственностью коллектива, коллективной собственностью.

Одновременно с этим произошло и завершение процесса становления уравнительных распределительных отношений. Лишь когда окончательно был обуздан зоологический индивидуализм, когда поведение производящих существ стало полностью определяться коллективными, экономическими потребностями, смогла полностью проявиться и закрепиться в поведении людей объективная экономическая необходимость в уравнительном распределении.

Процесс обуздания зоологического индивидуализма возникающими производственными отношениями и формирующейся как их отражение коллективной волей, процесс борьбы социального и биологического был процессом развития первобытного человеческого стада. Первобытное человеческое стадо являлось формой, переходной между зоологическим объединением и первобытной коммуной, объединением, сочетающим в себе черты как первого, так и последней. Первобытное человеческое стадо, как уже указывалось, являлось не просто объединением, а коллективным организмом, причем не биологическим, а производственным и в этом смысле социальным. Однако подлинно социальным организмом оно не было. Оно было объединением, уже начавшим обуздывать, но

еще не обуздавшим зоологический индивидуализм, уже начавшим становиться социальным организмом, но еще им не ставшим, было формирующимся, становящимся человеческим обществом. Его можно было бы скорее всего охарактеризовать как социально-биологический организм. Для такой характеристики первобытного человеческого стада имеются и другие основания, кроме приведенных выше.

2. Изменение физического типа человека — необходимый момент процесса развития первобытного человеческого стада, процесса становления производства и общества

Зоологическое объединение, в недрах которого зародилась производственная деятельность, не отвечало потребностям развития этой деятельности. Производственная деятельность для своего существования и развития требовала объединения иного рода, в конечном счете первобытной коммуны. Первым шагом к такому объединению было возникновение гаремного запрета и превращение зоологического объединения поздних предлюдей в первобытное человеческое стадо. С возникновением первобытного человеческого стада началось формирование производства как единства отношения людей к природе и друг к другу, началось становление человеческого общества.

Уже рефлекторная производственная деятельность в какой-то мере обладала способностью к самодвижению, саморазвитию. Но по-настоящему эта способность производственной деятельности начала проявляться, причем все в большей и большей степени, лишь с началом ее освобождения от рефлекторной формы, с началом становления производственных отношений. Прежде всего с началом освобождения производственной деятельности от рефлекторной формы изготовленные орудия все в большей и большей степени начали становиться подлинной фиксацией, подлинным закреплением результатов деятельности по их изготовлению. Далее возникло такое средство фиксирования, закрепления и передачи трудового опыта, как язык. Наконец, более благоприятные, чем раньше, условия для обмена и передачи трудового опыта создало начавшееся обуздание зоологического индивидуализма. Все это открыло возможность для более быстрого, чем раньше, развития производственной деятельности.

Но на пути совершенствования производственной деятельности стояли большие препятствия. Одним из них, как уже указывалось, была морфологическая организация формирующихся людей, с ко-

торой то и дело приходила в противоречие развивающаяся производственная деятельность. Другим препятствием был несколько ограниченный с возникновением первобытного человеческого стада, но не преодоленный до конца зоологический индивидуализм.

И в первобытном человеческом стаде, особенно на ранних этапах его развития, имели место кровавые конфликты, приводившие нередко к смерти. Среди формирующихся людей бытовал и каннибализм. Об этом в достаточной мере красноречиво говорят данные палеантропологии.

Из четырех черепов питекантропов один, принадлежащий взрослому мужчине, имеет пролом, сделанный каменным орудием (Борисковский, 1956, стр. 35—36). Почти все черепа синантропов носят несомненные признаки насильственной смерти. На них обнаружены повреждения, нанесенные дубинами и острыми каменными орудиями. Основы черепов разрушены при извлечении мозга. Для извлечения костного мозга расколоты вдоль кости скелетов (Weidenreich, 1943в; 1948, p. 197—198; Якимов, 1950в).

То же наблюдаем мы и среди ранних палеантропов. Следы нескольких ран, нанесенных дубинами и острыми каменными орудиями, обнаружены на черепе из Эрингсдорф. Он был вскрыт для извлечения мозга (Keith, 1931, p. 319; Weidenreich, 1948, p. 203; Blanc, 1961, p. 129). Несомненными людоедами были неандертальцы из Крапины. Человеческие кости, найденные под навесом скалы, были расколоты, иногда обожжены, как и кости животных (Keith, 1929, p. 196—197; Weidenreich, 1948, p. 203). Поврежден сильным ударом, причинившим смерть, и вскрыт череп из Штейнгейма (Blanc, 1961, p. 129; Vallois, 1961, p. 331). Следы смертоносного ранения, причиненного ударом тяжелого тупого орудия, обнаружены на одном из фонтешевадских черепов (Vallois, 1949, p. 340; 1961, p. 331). Вскрыт для извлечения мозга один из черепов из Саккопасторе (Leakey, 1953, p. 201). Убит ударом по голове Нгандонг V. Повреждены тяжелыми ударами орудий и вскрыты для извлечения мозга и все остальные черепа явантропов (Koenigswald, 1937, p. 30—31; Weidenreich, 1948, p. 198).

На основании подобного рода фактов Ф. Вейденрейхом (Weidenreich, 1940) был сделан вывод, что «одной из главных причин смерти ранних людей было их убийство своими же собственными товарищами» (p. 203). В пользу предположения о том, что основной причиной насильственной смерти протантропов и ранних палеантропов были не столько стычки между стадами, сколько конфликты внутри стада, что каннибализм носил по преимуществу

внутристадный характер, говорит резкое изменение положения дел с переходом от ранних палеантропов к поздним и позднейшим.

Среди многочисленных находок классических неандертальцев лишь две — Монте-Чирчео I и Неандерталь — обнаруживают более или менее несомненные признаки насильственной смерти и следы каннибализма (В I а н с, 1961, р. 124; У р ы с о н, 1960, стр. 133). Фактами, которые бы говорили о бытовании каннибализма среди позднейших палеантропов, наука не располагает. Среди них отмечен лишь один несомненный случай убийства. Череп и скелет Схул IX носят следы ранений, вызвавших смерть (Мс С о w n а n d К e i t h, 1939, р. 76, 373). Спорным является вопрос о ребенке Схул I, на черепе и скелете которого обнаружены следы трех повреждений. Т. Мак Коун и А. Кизс (Мс С о w n а n d К e i t h, 1939, р. 374) допускают как возможность того, что эти повреждения вызвали смерть, так и возможность их посмертного происхождения. Д. Гаррод (G a r r o d а n d В a t e, 1937, р. 97) придерживается последнего мнения. Не менее спорен вопрос и о галилейском человеке, остатки которого были найдены в пещере Мугарет-эль-Зутти. А. Кизс (К e i t h, 1931, р. 182—185), отметивший наличие в трех местах на фронтальной кости галилейца свидетельства о повреждении, в то же время заявил, что череп не носит следов насилия. Два повреждения он рассматривает как следы воспаления. Относительно третьего, представляющего собой узкое круглое отверстие в кости, он категорически заявляет, что оно возникло задолго до смерти индивида. А. Бродрик (В r o d r i c k, 1948, р. 60), считающий повреждения на черепе галилейца результатом удара каменным орудием, также подчеркивает, что кость носит явные следы заживления.

Резкое уменьшение случаев насильственной смерти и каннибализма, происшедшее с переходом от ранних палеантропов к поздним и позднейшим, можно объяснить, лишь допустив, что с этим переходом был связан какой-то перелом в процессе формирования общественных отношений, в процессе обуздания зоологического индивидуализма, в процессе повышения уровня сплоченности первобытного человеческого стада.

Имеются данные и прямо свидетельствующие о высоком уровне сплоченности объединенный поздних и позднейших палеантропов. В этом отношении особый интерес представляют находки в пещере Шанидар в Ираке. Изучение скелета взрослого мужчины Шанидар I привело исследователей к выводу, что у него при жизни была ампутирована выше локтя правая рука. Это делало его по существу непригодным к труду калекой. У него же на левой стороне левой части черепа были обнаружены следы заживших тяжелых ран.

Следы зажившего или заживавшего ранения имелись и на ребрах скелета Шанидар III (Stewart, 1959, p. 476; Solecki, 1960, p. 617—619, 627; 1963, p. 187, 193). Следы срастания костей после перелома отчетливо видны у одного из обитателей пещер горы Кармел — Схул IV (Mc Cown and Keith, 1939, p. 274). Как уже указывалось выше, признаки заживления повреждений обнаруживаются и у галилейского неандертальца.

Вполне понятно, что выздоровление и последующее более или менее продолжительное существование индивидов, получивших столь тяжкие повреждения, как Шанидар III, Схул IV, галилеец и особенно Шанидар I, было возможно лишь в коллективе, в котором высоко была развита забота о каждом его члене, в котором существовали отношения товарищества и взаимной помощи.

Зоологический индивидуализм и обуславливаемые им конфликты внутри первобытного стада даже в том случае, если они не вели прямо к распаду стада, мешали, препятствовали развитию производства. Производство, формируясь, то и дело неизбежно приходило в противоречие с достигнутым в первобытном стаде уровнем обуздания зоологического индивидуализма и требовало дальнейшего повышения уровня сплоченности стада, дальнейшего его развития по направлению к первобытной коммуне.

Необходимым условием обуздания зоологического индивидуализма первобытным стадом являлось превращение выражающих производственные потребности требований первобытного стада к каждому своему члену в требования последнего к самому себе, являлось наличие у последнего способности обуздывать свои собственные зоологические инстинкты. Повышение уровня обуздания зоологического индивидуализма могло происходить и без совершенствования способности формирующихся людей управлять своим поведением, подавлять свои инстинкты, но лишь до определенного предела. По достижении его дальнейшее повышение уровня сплоченности первобытного стада становилось невозможным без совершенствования способности формирующихся людей управлять своим поведением, подавлять свои биологические потребности, что предполагало перестройку структуры их мозга, т. е. изменение их морфологической организации.

Таким образом, морфологическая организация формирующихся людей препятствовала совершенствованию производственной деятельности не только прямо, непосредственно, но и косвенно, опосредствованно, начиная мешать на определенном этапе дальнейшему повышению уровня сплоченности первобытного стада. Не только формирование человека как производительной силы, но и формирование человека как общественного существа требовало

и предполагало изменение морфологической организации пралюдей, причем, нужно отметить, что требования, предъявляемые к морфологической организации человека потребностями формирования человека как общественного существа, совпадали с требованиями, предъявляемыми к ней необходимостью формирования человека как производительной силы. Повышение способности человека управлять своими действиями не только открывало возможность дальнейшего обуздания зоологического индивидуализма, но и прямо способствовало развитию производственной деятельности.

Развитие производственной деятельности в течение всего периода становления человека и общества неизбежно рано или поздно приходило как прямо, так и опосредствованно, в противоречие с морфологической организацией формирующихся людей. Разрешение этого снова и снова возникавшего на протяжении всего периода первобытного человеческого стада противоречия являлось необходимым условием дальнейшего развития производства, дальнейшего развития процесса становления человеческого общества.

И это противоречие преодолевалось. Происходило изменение морфологической организации человека в направлении ее приспособления к потребностям развития производства. Рассмотренная в главе VIII трансформация ранних протантропов в поздних, а этих в свою очередь в позднейших (типа синантропов и атлантропов), позднейших протантропов в ранних палеантропов (неандертальцев типа Эрингсдорф), ранних палеантропов в поздних (классических неандертальцев), поздних в позднейших (неандертальцев типа Схул) и этих последних в людей современного физического типа была необходимейшим моментом процесса формирования производительных сил, общественного бытия и общественного сознания, процесса становления производства и человеческого общества.

Между протантропами, палеантропами и неантропами существуют значительные биологические различия, которые во всяком случае не могут быть оценены ниже, чем видовые. Согласно классификации, предложенной М. Ф. Нестурхом (Бунак, Нестурх, Рогинский, 1941, стр. 113; Нестурх, 1958, стр. 302; 1960а, стр. 152—153), все люди образуют один род, подразделяющийся на три подрода. Первый подрод — питекантропов, или обезьянолюдей, — включает в свой состав два вида — вид питекантропов и вид синантропов. Второй подрод — палеантропов — включает в свой состав несколько видов или подвидов. Третий подрод — неантропов — включает в себя лишь один вид — *Homo sapiens*. По классификации, предложенной Г. Ф. Дебецом (1948а), род *Homo* делится не на три, а на два подрода, из которых один включает в себя лишь вид *Homo sapiens*, а другой объединяет всех формирующихся лю-

дей. Последний подрод включает в свой состав вид питекантропов с подвидами питекантропов и синантропов и вид палеантропов с несколькими подвидами.

Из этих двух схем классификации ископаемых людей, на наш взгляд, более близкой к истине является классификация Г. Ф. Дебеца. Однако, независимо от согласия с той или другой схемой, несомненно, что трансформация протантропов в палеантропов и последних в неантропов с биологической точки зрения не может рассматриваться иначе, как процесс превращения одного биологического вида в другой биологический вид, иначе, как процесс видообразования, возникновения новых биологических видов.

И этот процесс биологической эволюции, процесс видообразования является необходимым моментом процесса становления производства и общества, процесса развития первобытного человеческого стада. Развитие первобытного человеческого стада предполагает и требует биологической эволюции человека, развития человека как биологического вида. В этом отношении оно качественно отличается от подлинно социального организма, каким является сложившееся человеческое общество. Развитие последнего, переход от одной общественно-экономической формации к другой, не предполагает и не требует изменения физического типа человека, эволюции человека как биологического вида. При этом переходе люди существенно изменяются, но не как биологические, а лишь как общественные существа.

Эти данные полностью подтверждают правильность характеристики первобытного человеческого стада как организма социально-биологического. Оно обладает не только чертами социального организма и зоологического объединения, но и рядом особенностей, сближающих его с коллективными биологическими организмами. Подобно коллективному биологическому организму первобытное стадо не может развиваться без биологического развития составляющих его индивидов. Будучи прежде всего становящимся социальным организмом, первобытное человеческое стадо в определенном отношении являлось и коллективным биологическим организмом.

Биологическая эволюция человека, трансформация одного биологического вида человека в другой была не самостоятельным процессом, а моментом, стороной более сложного — становления производства и общества, развития первобытного человеческого стада. Это делает невозможным поставить знак равенства между трансформацией одного вида человека в другой и развитием всех остальных биологических видов. Но, являясь стороной, моментом другого, более сложного процесса, развитие человека как вида в

то же время не переставало быть биологической эволюцией и, следовательно, не могло в какой-то степени не определяться теми же факторами, которыми определяется эволюция остальных биологических видов. Это делает необходимым хотя бы коротко остановиться на вопросе о факторах и закономерностях биологической эволюции. Без рассмотрения этой проблемы невозможно дать решение вопроса о закономерностях становления человека и общества (антропосоциогенезе).

3. Естественный отбор — главный фактор биологической эволюции

Ч. Дарвин, гениальный создатель научной теории эволюции, рассматривал развитие животного и растительного мира как результат действия естественного отбора, являющегося неразрывным единством трех таких факторов, как наследственность, изменчивость и собственно отбор. Учение об естественном отборе как творце новых форм является основой и сущностью дарвинизма.

Признавая естественный отбор движущей силой биологического развития, Ч. Дарвин в то же время не только не отрицал, но, наоборот, подчеркивал большое значение в эволюции наследования приобретенных признаков. Решение Ч. Дарвином вопроса о наследовании приобретенных признаков в положительном смысле не являлось случайным: оно вытекало из самой сущности дарвинизма. «Это, — писал К. А. Тимирязев (1949а, стр. 542) о принципе наследования приобретенных признаков, — можно сказать, основное положение эволюционного учения».

Однако признавая наследование приобретенных признаков, Ч. Дарвин и другие дарвинисты не смогли органически слить это положение с учением об естественном отборе как творце органических форм. В работах Ч. Дарвина и других дарвинистов наследование приобретенных признаков чаще рассматривалось не столько как момент направляемого естественным отбором эволюционного процесса, сколько как независящий от естественного отбора фактор эволюции, внешний по отношению к естественному отбору и лишь содействующий последнему. Подобное положение во многом объясняется тем обстоятельством, что в XIX и начале XX в. наука не располагала материалом, достаточным для решения вопроса об отношении естественного отбора и наследования приобретенных признаков.

Нерешенность этого вопроса сделала возможным отрыв положения об отборе как движущей силе эволюции от положения об огромной роли в эволюции наследования приобретенных призна-

ков, противопоставление этих положений как взаимно друг друга исключающих и абсолютизацию каждого из них, взятого в отдельности.

На абсолютизации роли естественного отбора в эволюции выросли различные варианты мутационно-селекционной теории. В большинстве из этих вариантов абсолютизация роли естественного отбора привела к своей противоположности — к полному отрицанию роли отбора как творца органических форм, к взгляду на отбор как на сито, решето, просеивающее готовые, без его участия возникшие органические формы (см., напр.: Т. Морган, 1936). Отвергая роль отбора как творца новых форм, сторонники этих теорий оказались не в состоянии раскрыть механизм приспособления к среде, объяснить существующую в природе целесообразность, открыть факторы биологической эволюции. Вполне ясно, что такого рода теории не могут рассматриваться как дарвинистские, на что претендуют сторонники некоторых из них.

Более близка к дарвинизму та разновидность мутационно-селекционной теории, в которой мутации рассматриваются как сырой материал, из которого отбор лепит, создает новые формы (Четвериков, 1926; Ромашов, 1931; Дубинин и Ромашов, 1932; Дубинин, 1931, 1932, 1940а, 1940б; Гаузе, 1937, 1939, 1940; Гексли, 1937; Шмальгаузен, 1938, 1940, 1946а, 1946б; Камшилов, 1939а, 1939б, 1939в, 1939г, 1941, 1947; Оленов, 1946, 1961; Тахтаджян, 1957). Однако противопоставление наследственных и ненаследственных изменений, отрицание возможности наследования приобретенных признаков, общее у этой разновидности мутационно-селекционной теории с другими ее вариантами, во многом делает признание ее сторонниками творческой роли отбора формальным. Стремление перейти от формального признания творческой роли отбора к фактическому необходимо толкало и толкает многих сторонников этой разновидности мутационно-селекционной теории к многочисленным попыткам преодолеть абсолютное противопоставление наследственных и ненаследственных изменений, к признанию существенной роли в эволюции не только мутаций, но и модификаций, к фактическому признанию возможности превращения ненаследственных изменений в наследственные, т. е. к фактическому признанию формально ими отрицаемого наследования приобретенных признаков (Дубинин, 1932, 1940а, 1940б; Кирпичников, 1935, 1940; Лукин, 1936, 1942; Шмальгаузен, 1938, 1940, 1946а; Гаузе, 1939, 1940; Камшилов, 1939в, 1941, 1947; Оленов, 1946; Зелигман, 1946). Это служит неопровержимым доказательством того, что не словесное, а фактическое признание творческой роли отбора, без кото-

рого нет дарвинизма, необходимо предполагает признание наследования приобретенных признаков.

Если на абсолютизации естественного отбора выросла мутационно-селекционная теория, то абсолютизация наследования приобретенных признаков легла в основу различных вариантов неоламаркистских теорий прямого приспособления к среде. Наиболее яркое выражение в нашей биологической литературе эти теории нашли в статьях Г. В. Никольского (1955, 1959; Г. Никольский и Пикuleва, 1958) и Ю. Г. Юровицкого (1957). В этих статьях утверждается, что естественный отбор не имеет отношения к возникновению приспособления организмов к среде, и выдвигается требование отказа от дарвиновского взгляда на отбор как на творческий фактор эволюции. И Г. В. Никольский, и Ю. Г. Юровицкий прямо выступают против дарвинизма, который ими рассматривается как учение механистическое, метафизическое и даже идеалистическое, и требуют его замены принципиально отличной от него «диалектико-материалистической теорией развития органического мира». На проверку предлагаемая ими теория оказывается не чем иным, как давно известным науке неоламаркизмом. Отказываясь от взгляда на естественный отбор как на фактор, обеспечивающий приспособление к среде, Г. В. Никольский и Ю. Г. Юровицкий оказываются не в состоянии раскрыть ни механизма приспособления организмов к среде, ни движущих сил эволюции органического мира. Вместо того, чтобы объяснить, как организмы приспособляются к среде, они, не приводя каких-либо доказательств, просто утверждают, что изменчивость всегда носит направленный характер и сама по себе является приспособительной к среде.

Разновидностью теории прямого приспособления являются взгляды Т. Д. Лысенко (1951, 1963; Лысенко и Нурдин, 1958 и др.) и его сторонников. Согласно точке зрения Т. Д. Лысенко, приспособление организмов к среде является не следствием действия естественного отбора, а представляет собой «результат и закона адекватной изменчивости и закономерных (а не случайных) взаимосвязей различных условий самой внешней среды, воздействующих на данное живое тело» (Лысенко и Нурдин, 1958, стр. 34), результат действия «закона адекватной изменчивости» и «закона приспособительной изменчивости» («закона возникновения наследственной приспособленности организмов к их среде существования») (стр. 34, 35, 59). «На самом деле,— пишет Т. Д. Лысенко (1963, стр. 18—19),— не живое тело приспособляется к новым условиям, а новые условия через процесс ассимиляции и диссимиляции вынуждают тело, в противовес его наслед-

ственности, изменяться, строиться из этих новых условий соответственно (адекватно) себе... Данное неживое, превращаясь при посредстве одного живого тела в другое, новое живое тело, всегда получается биологически адекватно (соответственно) тому неживому, из которого оно возникло... Только этим путем и получают органические формы, приспособленные, пригнанные к той внешней среде, из условий которой и в условиях которой они возникли».

В отличие от Г. В. Никольского и Ю. Г. Юровицкого, прямо и открыто выступающих с антидарвиновских позиций, Т. Д. Лысенко объявляет себя сторонником «творческого дарвинизма». Однако это ни в малейшей степени не меняет существа дела. Как совершенно справедливо подчеркивал К. А. Тимирязев (1949б, стр. 24—25), дарвинизм есть не просто учение о развитии органического мира, а учение о развитии органического мира путем естественного отбора. Невозможно отрицать творческую роль отбора в эволюции и быть в то же время дарвинистом.

Заканчивая этот по необходимости более чем краткий экскурс в современное состояние проблемы факторов эволюции, мы должны отметить, что дарвинизм с его учением об естественном отборе как творце органических форм, как факторе, определяющем приспособление организмов к внешней среде, был и остается единственной научной теорией эволюции. Это, конечно, ни в коем случае не значит, что учение Ч. Дарвина является абсолютной истиной в последней инстанции, не нуждающейся ни в каких исправлениях и дополнениях. Как всякая научная теория, дарвинизм нуждается в развитии и обогащении, в ходе которого неизбежно будут отбрасываться устаревшие положения.

Важнейшей задачей, стоящей в настоящее время перед дарвинизмом, является решение вопроса об отношении естественного отбора к наследованию приобретенных признаков. Не претендуя на решение этой проблемы, ограничимся несколькими замечаниями по этому вопросу. Прежде всего необходимо уточнение постановки самой проблемы. На наш взгляд, проблема наследования приобретенных признаков по существу является частью другой, более сложной проблемы — вопроса об отношении наследственных и ненаследственных изменений и тем самым наследуемых и ненаследуемых признаков.

Материал, которым располагает биологическая паука, достаточно убедительно опровергает положение сторонников классической генетики и мутационно-селекционной теории о существовании резкой, абсолютной грани между наследственными и ненаследственными изменениями. На деле, как неоднократно под-

черкивал, например М. Мензбир (1927, стр. 99, 121), принципиальной грани между наследственными и ненаследственными признаками, наследственными и ненаследственными изменениями не существует. Фактический материал свидетельствует, что почти все признаки являются наследуемыми, но степень их наследуемости может быть самой различной, начиная от небольшой доли процента и кончая полной, стопроцентной. В этом нетрудно убедиться, обратившись к трудам по зоотехнии, в которых давно уже принята оценка признаков в процентах по степени их наследуемости (см., напр.: Поттер, 1957).

Между признаками (или изменениями) с нулевой наследуемостью, т. е. абсолютно ненаследуемыми, и признаками (или изменениями) с полной, стопроцентной наследуемостью существует непрерывная цепь переходов. Такая цепь переходов существует не только в пространстве, но и во времени. В ходе развития происходит увеличение или уменьшение степени наследуемости того или иного изменения, того или иного признака, т. е. превращение ненаследственных признаков в наследственные и обратно. Превращение ненаследственных признаков в наследственные является столь несомненным фактом, что его, как уже указывалось выше, не могут игнорировать и многие сторонники мутационно-селекционной теории, стоящие на позиции отрицания наследования приобретенных признаков. Стремление примирить установленный наукой факт превращения ненаследственных признаков в наследственные с теорией, в основе которой лежит отрицание возможности наследования приобретенных признаков, породило немало попыток объяснить такое превращение отбором мутаций (Кирпичников, 1935, 1940; Лукин, 1936, 1942; Шмальгаузен, 1938, 1940, 1946а, 1946б; Оленов, 1946).

Попытки эти не увенчались, да и не могли увенчаться успехом, ибо были предприняты с позиций мутационно-селекционной теории, но тем не менее исследования, предпринятые как указанными выше, так и другими учеными (Дубинин, 1931, 1932, 1940а, 1940б; Гаузе, 1939, 1940; Камшилов, 1939в, 1941; Зелигман, 1946 и др.), сыграли большую положительную роль. В ходе их было доказано, что фактором, обуславливавшим повышение степени наследуемости изменений, обуславливавшим превращение признаков, бывших ненаследуемыми, в наследуемые, является естественный отбор.

Установление того, что естественный отбор является фактором, приводящим не только к накоплению наследственных изменений, но и к повышению степени их наследуемости, к превращению ненаследственных признаков в наследственные, дает возможность правильно понять отношение между естественным отбором и на-

следованием приобретенных признаков. Наследование приобретенных признаков является не самостоятельным фактором эволюции, не зависящим от естественного отбора и лишь содействующим ему, а моментом единого процесса эволюционного развития, направляемого естественным отбором. Естественный отбор, закрепляя и накапливая возникающие изменения, превращая их из ненаследуемых в наследуемые, приспособляет организмы к среде, формирует их. Естественный отбор является основным творцом органических форм, главной движущей силой эволюции органического мира.

Под действием естественного отбора происходит эволюция, совершенствование приспособления к среде как индивидуальных организмов, так и коллективных биологических. Совершенствование приспособления «сверхорганизма» к среде невозможно без совершенствования приспособления образующих его индивидов к выполнению функций органов коллективного индивида. Отбор сверхорганизмов, сверхиндивидуальный отбор необходимо включает в себя отбор организмов, является одновременно и отбором индивидуальным.

Отбор сверхорганизмов, выступая как отбор организмов, отличается от обычного отбора организмов. В отличие от последнего он приспособливает организмы к среде не прямо, а опосредствованно, путем приспособления их к выполнению функций органов сверхиндивида. Изменение организмов, образующих сверхиндивид, происходит не только под действием сверхиндивидуального (косвенного индивидуального) отбора, но и обычного прямого индивидуального отбора, однако последний не определяет в данном случае направление биологической эволюции организмов. Направление развития организмов, образующих сверхорганизм, определяется сверхиндивидуальным отбором.

Выявление особенностей эволюции коллективного биологического организма и образующих его индивидов помогает понять закономерности эволюции первобытного человеческого стада, которое, как уже указывалось, обладало некоторыми чертами коллективного биологического организма.

4. Становящееся производство, первобытное человеческое стадо, формирующиеся люди и отбор

Как отмечалось в главе VI, с самого момента зарождения производственная деятельность в силу своей коллективной природы не могла совершенствоваться под действием индивидуального естественного отбора. Ее появление вызвало к жизни групповой отбор, который по мере проявления способности производственной дея-

тельности к самодвижению, саморазвитию все в большей и большей степени превращался из фактора, определявшего развитие производственной деятельности, в фактор, ей подчиненный и выполняющий ее заказы.

В процессе группового отбора отбирались стада, однако истинными его объектами были индивиды, их составлявшие. Стада предлюдей не могли быть настоящими объектами отбора, ибо представляли собой не организмы, а просто зоологические объединения. Будучи только зоологическими объединениями, они не могли эволюционировать, развиваться. Под действием группового отбора шла эволюция только индивидов, но не их объединений — стад.

Положение изменилось, когда под действием выполнявшего «заказ» производства группового отбора началось освобождение производственной деятельности от рефлекторной формы и превращение предчеловеческого стада в первобытное человеческое. Последнее в отличие от стада предлюдей было не просто объединением, а организмом, способным развиваться, эволюционировать. Поэтому оно могло стать объектом отбора и стало им.

Формирующиеся люди не только производили, но и приспосаблились к среде. Первобытное человеческое стадо было организмом, не только преобразующим среду, но и приспосабливающимся к ней, организмом не только социальным, но в определенном отношении и коллективным биологическим. Поэтому развитие первобытного человеческого стада и его членов не могло происходить без отбора. Приспособление к среде необходимо предполагает существование отбора.

С возникновением первобытного человеческого стада групповой отбор претерпел изменения и превратился в новую форму отбора. Объектом этого отбора были первобытные человеческие стада и лишь тем самым индивиды, входящие в их состав. Объекты этого отбора — первобытные стада — были социально-биологическими организмами. Соответственно эту форму отбора можно было бы назвать социально-биологическим или биосоциальным отбором.

Биосоциальный отбор имел целый ряд черт, роднивших его с естественным отбором коллективных биологических организмов, естественным сверхиндивидуальным отбором. Подобно тому, как сверхиндивидуальный отбор был единством отбора сверхорганизмов и организмов, биосоциальный отбор был единством отбора первобытных человеческих стад — социально-биологических организмов — и составляющих их индивидов — формирующихся людей. Подобно сверхиндивидуальному отбору, биосоциальный отбор приспособлял индивидов к среде не прямо, а опосредствованно, путем приспособления их к возможно лучшему выполнению функ-

ций, необходимых для существования и развития коллективного организма.

В то же время между социально-биологическим и естественным сверхиндивидуальным отбором существовало глубокое различие, вытекавшее из того, что первобытные стада были организмами, не только приспособившимися к среде, но и преобразовывавшими ее, были прежде всего объединениями производственными, формирующимися социальными организмами. Существенной отличительной чертой производственной деятельности, как отмечалось, является ее способность к самодвижению, саморазвитию. В отличие от приспособительной деятельности, которая может совершенствоваться лишь под определяющим воздействием естественного отбора, производственная деятельность способна развиваться и совершенствоваться без отбора. Способность производственной деятельности к саморазвитию получала свое все большее и большее проявление по мере прогрессировавшего ее освобождения от рефлекторной формы.

Но, как уже отмечалось, на протяжении всего периода первобытного стада саморазвитие, самосовершенствование производственной деятельности рано или поздно вступало в противоречие с существующей морфологической организацией формирующихся людей, причем как прямо, так и косвенно. И это возникающее противоречие преодолевалось под действием биосоциального отбора, представлявшего собой единство отбора первобытных стад и их членов — формирующихся людей. Биосоциальный отбор совершенствовал физическую организацию формирующихся людей и тем открывал дорогу для дальнейшего саморазвития производства.

Таким образом, у формирующихся людей совершенствование производственной деятельности шло двояким путем: путем шедшего независимо от отбора саморазвития, самосовершенствования производственной деятельности и путем происходившего под действием отбора совершенствования морфологической организации архантропов. Эти два пути совершенствования производственной деятельности были неразрывно связаны, причем второй путь был целиком и полностью подчинен первому, включавшему его в себя в качестве своего необходимого момента вплоть до возникновения *Homo sapiens*. С возникновением человека современного физического типа, как уже указывалось, необходимость в дальнейшем совершенствовании физического типа человека отпала, ибо морфологическая организация *Homo sapiens* не ставит границ развитию производственной деятельности и общественных отношений.

Нетрудно заметить, что роль биосоциального отбора, под действием которого шла биологическая эволюция человека, существ-

венно отличалась от роли естественного отбора, не исключая и сверхиндивидуального естественного отбора. Этот отбор не определял ни направления развития и совершенствования производственной деятельности, ни направления развития морфологической организации пралюдей. Наоборот, само направление его действий определялось развитием производственной деятельности. Производство, развиваясь независимо от действия отбора, предъявляло определенные требования к физической организации человека; биосоциальный отбор, выполняя эти требования производства, совершенствовал способность формирующихся людей к производственной деятельности и к подавлению своих инстинктов. Тем самым биосоциальный отбор снимал препятствия на пути развития производственной деятельности и повышения уровня сплоченности первобытного стада.

Биосоциальный отбор был полностью подчиненным производству фактором, при помощи которого производство формировало человека как производительную силу, а в определенной степени и как общественное существо и тем самым все в большей и большей степени освобождало себя от животной формы, формировало себя как специфически человеческую деятельность. Вызвав к жизни биосоциальный отбор, производство превратило биологическую эволюцию человека, процесс трансформации одного биологического вида человека в другой в один из моментов становления человеческого общества ¹.

¹ Направляемый производством биосоциальный отбор был ведущим и определяющим фактором биологической эволюции человека. Однако он был не единственным фактором, влиявшим на его биологическую природу. Наряду с биосоциальным отбором на морфологическую организацию пралюдей продолжал в определенной степени оказывать воздействие и обычный индивидуальный естественный отбор. Как уже указывалось, индивидуальный естественный отбор определял совершенствование способности ранних предлюдей к предчеловеческому приспосабливающему труду и тем самым развитие этой формы приспособления к среде. Естественным отбором определялось и совершенствование способности поздних предлюдей к использованию изготовленных средств труда. На первых порах и у формирующихся людей совершенствование способности к использованию изготовленных орудий в большой степени определялось не биосоциальным, а естественным отбором, хотя в дальнейшем, по мере прогрессирующего превращения деятельности по использованию орудий в своеобразную форму проявления производственной деятельности совершенствование способности к использованию орудий начало все в большей и большей степени определяться и биосоциальным отбором, и прямо совершенствованием производственной деятельности. Целиком и полностью естественным отбором определялось поддержание и повышение уровня общей жизнеспособности формирующихся людей, а также выработка приспособлений, нейтрализующих неблагоприятное влияние на организмы разного рода факторов

Подчиненный производству и направляемый производством биосоциальный отбор был важнейшим фактором формирования человека и человеческого общества. Поэтому необходимо, не ограничиваясь общими положениями, рассмотреть детальнее механизм его действия. Для этого прежде всего нужно остановиться на вопросе о том, что собой конкретно представляло первобытное человеческое стадо, и, в частности, попытаться установить его размеры.

Вряд ли могут быть сомнения в том, что различные человеческие стада отличались друг от друга по числу входящих в их состав индивидов и что состав любого стада не оставался неизменным. Однако столь же несомненно, что существовали более или менее определенные верхняя и нижняя границы колебания числа членов первобытного стада, при выходе за которые первобытное стадо переставало быть тем, чем оно было. Стадо могло успешно жить и развиваться лишь при условии, что число его членов было не меньше какой-то более или менее определенной цифры. При падении числа членов стада ниже этого минимального размера стадо лишалось возможности нормально существовать и развиваться, неизбежно деградировало и рано или поздно исчезало как таковое. Размеры стада не могли и возрастать безгранично. Рано или поздно увеличение числа членов стада приводило к тому, что оно распадалось на два новых дочерних стада. Размеры каждого из двух новых возникших стад не должны были быть меньше минимального, поэтому максимальный размер первобытного человеческого стада должен был по крайней мере в два раза превышать минимальный.

Кроме минимального и максимального размеров первобытного стада, нужно выделить оптимальный, т. е. наиболее благоприятный для жизни и развития первобытного стада и соответственно формирующихся людей.

Одним из источников, позволяющих составить представление о минимальном, максимальном и оптимальном размерах первобытного стада, являются данные этнографии о составе хозяйственных коллективов для ежедневной жизни, как называет их Л. Крживиц-

внешней среды, устранить которое искусственным путем формирующиеся люди оказывались не в состоянии. Индивидуальный естественный отбор приводил к определенным изменениям морфологической организации людей, но он не определял и не мог определять направление их биологической эволюции. Последнее определялось направляемым производством биосоциальным отбором. Исключением из этого правила является лишь эволюция классических неандертальцев, которая будет детально рассмотрена в соответствующей главе.

кий (K r z y w i c k i, 1934, р. 5), остальных народов, существующих по преимуществу охотой и собирательством.

У тасманийцев отмечено существование групп в 10, 20, 30, 42, 48 человек (R o t h L i n g, 1899, р. 105, 165—167; П и о т р о в с к и й, 1933; «Народы Австралии и Океании», 1956, стр. 274). Согласно Г. Линг Роту (1899, р. 105), обычными размерами групп было 10—20—30 человек, согласно Л. Крживицкому (1934, р. 5) — 10—20, самое большое — 30. Исходя из этого, минимальный размер хозяйственного коллектива тасманийцев можно приблизительно определить в 10 человек, максимальный — в 30—50, а оптимальный — в 20—25.

Средний размер хозяйственных коллективов австралийцев Л. Крживицкий (1934, р. 5—6) определяет в 15—20 человек, указывая одновременно, что в Квинсленде такие коллективы насчитывали в своем составе обычно 20—25 человек. Ранние экспедиции встречали группы более значительных размеров, которые, однако, не превышали 53 человек. По свидетельству Б. Спенсера и Ф. Гиллена (S p e n c e r a n d G i l l e n, 1899, р. 9), самая большая из встреченных ими локальных групп племени арунта (аранда) насчитывала в своем составе до 40 человек, а остальные меньше. На основании этих весьма неполных и отрывочных данных можно определить минимальный размер австралийских локальных групп в 10—15 человек, максимальный — в 35—55 человек, а оптимальный — в 20—30 человек.

Тасманийцы и австралийцы, в отличие от формирующихся людей, которые уже, по крайней мере начиная с раннего ашеля, вели охоту на таких крупных животных, как слон, носорог, бык, олень, лошадь (стоянки Бурбах, Торральба, Чжоукоудянь), охотились лишь на небольших животных, самым крупным из которых был кенгуру. Охота на крупных и опасных животных, которая могла быть лишь коллективной, несомненно требовала более значительного по размерам объединения, чем локальные группы тасманийцев и австралийцев.

Как установлено исследованиями Б. О. Долгих (1960, стр. 13—14), взрослые мужчины-охотники составляют обычно около 25% состава всей хозяйственной группы у народов, ведущих охотничий образ жизни. У формирующихся людей по крайней мере на первых порах не было разделения труда между полами. В охоте принимали участие не только мужчины, но и женщины. Однако беременность и необходимость вскармливания детей не могли не мешать значительной части взрослых женщин принимать участие в охоте. Если учесть к тому же высокую смертность и меньшую продолжительность жизни формирующихся лю-

дей, то не будет, вероятно, слишком большой ошибкой предположить, что люди, способные участвовать в охоте, составляли не более 30—33% состава первобытного стада. В стаде, состоящем из 10—15—20 индивидов, охотники составляли бы соответственно 3—5—6 человек. Вполне понятно, что такая небольшая охотничья партия не могла бы успешно вести охоту ни на оленя, ни на быка, не говоря уже о носороге и слоне.

Правильное представление о численности первобытного человеческого стада могут дать лишь данные о составе хозяйственных групп у народов, основным видом деятельности которых является коллективная охота на крупных животных.

Как показал П. Н. Третьяков (1935), коллективная охота на крупных животных играла значительную роль в жизни народов Северной Сибири. Особое внимание он обратил на так называемую «поколку» или «поколюгу» — охоту на диких оленей при переправе их через реки. При помощи такого способа предки нганасан, юкагиры, эвенки обеспечивали себя мясом на весь год.

Коллективная охота на оленей, в особенности «поколка», играла столь важную роль в жизни целого ряда народов Северной Сибири, что, как это убедительно было раскрыто Б. О. Долгих (1958, 1960), прямо определяла размеры их хозяйственных коллективов. Реальные хозяйственные коллективы этих народов в XVII в. включали в свой состав такое количество мужчин-охотников, какое обычно участвует в коллективной охоте на оленей, в частности «поколке». Так, например, пять хозяйственных коллективов одной части предков нганасан, так называемых тавгов, в 1634 г. включали в свой состав 10, 14, 15, 15, 18 трудоспособных мужчин, шесть коллективов эвенков в 1682 г. насчитывали в своем составе — 16, 18, 19, 22, 22, 26 охотников, восемь коллективов хантайских энцев в 1625 г. включали в свой состав — 4, 9, 10, 15, 19, 21, 22, 33 охотника (Долгих, 1958, стр. 10; 1960; стр. 619). Соответственно полный состав указанных выше коллективов примерно равнялся — 16, 36, 40, 40, 55, 60, 60, 60, 72, 72, 76, 76, 84, 88, 88, 88, 104 и 132 людям. Если отбросить две крайние цифры как случайные, то минимальный размер хозяйственных коллективов народов Северной Сибири можно приблизительно определить в 35—40, максимальный — в 90—105 и оптимальный — в 60—75 человек.

В стаде формирующихся людей охотники составляли, вероятно, не одну четверть, а одну треть числа его членов. К этому можно добавить, что при том крайне низком уровне развития производительных сил, который имел место в первобытном стаде, возможность существования крупных коллективов была гораздо бо-

лее ограниченной. Все это вместе взятое дает основание полагать, что максимальные и оптимальные размеры первобытного стада были несколько меньше соответствующих размеров коллективов охотников Северной Сибири. Что касается минимальных размеров первобытного стада, то мы не должны ожидать, чтобы они были меньше соответствующих размеров коллективов северных охотников. В отличие от хозяйственных групп тасманийцев, австралийцев, народов Севера и т. п., являвшихся всегда частью другого более широкого объединения (фратрии, племени), первобытные стада были совершенно самостоятельными коллективами. Между первобытными стадами не существовало никаких сколько-нибудь регулярных связей. Слишком малые размеры стада даже в том случае, когда они не препятствовали его членам поддерживать свое существование, закрывали дорогу для развития производственной и иной деятельности и тем самым для развития самого стада.

Учитывая все это, мы, вероятно, не совершим грубой ошибки, если определим минимальную численность первобытного человеческого стада в 35—40, максимальную — в 75—90 и оптимальную — в 50—60 человек.

Это предположение находит свое подтверждение в данных археологии. По материалам Г. А. Бонч-Осмоловского (1940, стр. 95), площадь, занятая культурными остатками, относящимися к пшжену горизонту Киик-Кобы, равняется 70 м². Это дает ему основание для вывода, что население пещеры в эту эпоху не могло превышать указанной цифры и что скорее всего стадо, обитавшее в то время в Киик-Кобе, насчитывало в своем составе от 30 до 50 человек. По его же данным, площадь, занятая культурными остатками в других пещерах Крыма, колеблется от 25 м до 100 м² (Бонч-Осмоловский, 1934, стр. 137). Как сообщает О. Н. Бадер (1940б, стр. 141—142), площадь, занятая культурными остатками в пещере Чаграк-Коба, не намного превышает 66 м². По мнению Н. Л. Эрнста (1934, стр. 194), в пещере Чокурча, площадь которой равняется 125—135 м², не могло разместиться более 50 человек. Размеры стад, обитавших в других пещерах Крыма, колебались, по его мнению, от 50 до 70 человек.

Чтобы первобытное стадо могло успешно существовать и развиваться, его размеры должны были поддерживаться примерно на уровне, близком к оптимальному. При приближении размера стада к минимальному развитию его становилось все более затрудненным, а при падении числа членов ниже минимального оно лишалось возможности нормально существовать, деградировало и рано или поздно исчезало как таковое. Что же касается его членов,

то они либо погибали, либо соединялись с членами другого стада.

Как говорят данные этнографии, воспроизводство себе подобных в коллективах тасманийцев, австралийцев, веддов, бушменов, сакаев и целого ряда других племен и народов, ведущих бродячий охотничье-собираТЕЛЬский образ жизни, довольно близко к простому. У всех этих народов была отмечена высокая детская смертность. Из общего числа родившихся детей в первый год жизни у них погибало 40—45% и даже 50% (K r z y w i c k i, 1934, p. 129—151). До десятилетнего возраста доживала обычно лишь половина, а иногда и меньше половины родившихся детей (K r z y w i c k u, 1934, p. 270—275). Так как число детей, рожденных одной женщиной, равнялось у этих народов в среднем 5, то отсюда следует, что из них до взрослого состояния доживали в одном случае — 2, в другом — 3 человека (K r z y w i c k i, 1934, p. 119, 131, 135).

Мы не имеем повода предполагать, что в первобытном человеческом стаде, особенно на первых порах его существования, дело обстояло лучше. Скорее всего можно ожидать, что воспроизводство людей в нем было еще более близким к простому. В таких условиях кровавые конфликты внутри стада и каннибализм могли приводить и приводили к такой убыли членов стада, которая не могла быть восполнена полностью, к превращению простого воспроизводства людей в суженное и тем самым к падению размера стада ниже минимального и в конце концов к его исчезновению. К этому можно добавить, что формирующиеся люди вели охоту на крупных и опасных животных, в ходе которой неизбежно происходили несчастные случаи. Вполне понятно, что таких случаев было больше в стадах, в которых был ниже уровень обуздания зоологического индивидуализма, уровень внутренней сплоченности. Так как уровень обуздания зоологического индивидуализма определялся степенью совершенствования производственной деятельности, то в конечном счете главным фактором, от которого зависела судьба стада, был достигнутый в нем уровень развития производства.

Превращение простого воспроизводства членов стада в суженное могло иметь своей причиной не только конфликты внутри стада и несчастные случаи на охоте, но и нехватку пищи. Количество пищи, которое оказывалось в состоянии добывать стадо, опять-таки зависело от уровня развития производства. Чем более совершенным оружием были обеспечены члены стада и чем выше был уровень их сплоченности, тем успешнее могла осуществляться охота, которая всегда играла важную роль в жизни пралюдей и ко-

торая, начиная примерно с середины раннего палеолита, стала главным источником пищи.

Говоря об уровне развития производства как о решающем факторе, определявшем судьбу первобытного стада, нужно иметь в виду, что это понятие не совпадает полностью с понятием «уровень развития производственной деятельности». Говоря об уровне развития производства, мы имеем в виду уровень, достигнутый формирующимися производительными силами и формирующимися производственными отношениями. Судьба первобытного стада зависела не просто от достигнутого уровня совершенствования производственной деятельности, а от отношений, существовавших как между развитием двух элементов формирующихся производительных сил, так и между формирующимися производительными силами и формирующимися производственными отношениями.

Как уже указывалось, производственная деятельность, развиваясь, неизбежно вступала в противоречие с морфологической организацией формирующихся людей и существовавшим в первобытном стаде уровнем обуздания зоологического индивидуализма и тем самым в конечном счете опять-таки — с морфологической организацией пралюдей. С этого момента дальнейшее развитие производства становилось невозможным без преодоления возникших противоречий. В том случае, когда эти противоречия в течение длительного времени не могли быть преодолены, наступала постепенная деградация техники изготовления орудий.

Примером подобного рода деградации является та, которая произошла в конце раннего ашеля. Эту деградацию, как уже указывалось, невозможно объяснить только перемещением центра производственной деятельности с изготовления ядрищных орудий на отщепные. Она имела более глубокие причины. И этими причинами были противоречия между уровнем развития производственной деятельности и морфологической организацией позднейших протантропов, а также между уровнем развития производственной деятельности и существовавшим в первобытном стаде уровнем обуздания зоологического индивидуализма. Лишь с превращением позднейших протантропов в ранних палеантропов эти противоречия были преодолены и производство получило возможность дальнейшего развития. Преодолены были эти противоречия с помощью биосоциального отбора. Исчезли стада, оказавшиеся неспособными преодолеть деградацию производства, выжили и получили возможность дальнейшего развития стада, морфофизиологическая организация членов которых оказалась более пластичной.

Биосоциальный отбор, как и всякий отбор, являлся фактором сортирующим. Однако рассматривать его как фактор лишь сортирующий было бы совершенно неверным. Биосоциальный отбор, как и естественный отбор, преобразованной формой которого он являлся, был фактором творческим, причем еще в большей степени, чем естественный отбор. Сортирующая и творческая роли естественного отбора неразрывно связаны. Как сортирующий фактор естественный отбор выступает по отношению к одновременно существующим организмам. Как творческий фактор он выступает по отношению к сменяющим друг друга поколениям этих организмов. Сортируя из поколения в поколение организмы, естественный отбор изменяет их в определенном направлении, лепит, творит новые органические формы.

Первобытные человеческие стада были социально-биологическими организмами. По отношению к ним в определенном смысле также можно говорить о смене поколений, причем о смене поколений не членов этих стад, а самих стад как организмов. В процессе борьбы за существование побеждали и получили возможность дальнейшего развития лишь те стада, в которых успешно шел процесс развития производственной деятельности и определяемый им процесс обуздания зоологического индивидуализма, создавались благоприятные условия для расширенного воспроизводства их членов. Когда число членов этих стад начинало превышать максимальный размер, каждое из них распадалось на два новых, дочерних стада. Возникшие путем деления стада в свою очередь могли дать начало новым стадам и т. д. Сортируя одновременно существующие стада, биосоциальный отбор мог из поколения в поколение, выполняя заказы производства, изменять эти организмы и составляющих их индивидов в требуемом развитии производства направлении.

Но творческая роль биосоциального отбора проявлялась не только в отношении к последовательно сменяющимся «поколениям» первобытных стад. В отличие от естественного отбора он выступал как творческий, а не только как сортирующий фактор и по отношению к одновременно существующим стадам и тем самым к их членам — формирующимся людям. Он не только и не просто отбирал из существующих стад наиболее способные к развитию, обрекая на исчезновение неспособные к нему. Разрушая одни стада, он создавал новые, производил постоянную перегруппировку формирующихся людей.

Падение числа членов стада ниже минимального и утрата стадом способности к развитию имела своим необходимым следствием исчезновение данного коллектива как такового, но не вела с не-

избежностью к гибели всех его членов. Подобного рода стада могли соединяться и соединялись с другими такими же стадами, члены их могли входить в состав других стад и т. п. Образовавшиеся таким образом новые по существу коллективы могли оказаться способными к развитию и дать в дальнейшем путем деления начало новым стадам, могли оказаться и неспособными к нему. В последнем случае они неизбежно исчезали, а их члены или гибли, или входили в состав других коллективов.

На первых этапах становления человека и общества необходимым явлением было постоянное исчезновение и возникновение стад, их деление и соединение, постоянная перегруппировка их состава, постоянное перемешивание пралюдей. Взгляда на первоначальные человеческие стада как на коллективы с неустойчивым, перемешивающимся составом, коллективы, постоянно исчезающие и возникающие, придерживаются многие советские исследователи, в частности С. П. Толстов (1931, стр. 83), П. И. Борисковский (1935, 1—2, стр. 17; 1953; 1957а, стр. 129), В. С. Сорокин (1951, стр. 148), М. О. Косвен (1957, стр. 24).

Перемешивание состава первобытных человеческих стад создавало благоприятные условия для эволюции морфологической организации человека. Каждое первобытное стадо можно в определенном отношении рассматривать как миниатюрную популяцию. А согласно данным гепетики, наиболее благоприятные условия для быстрой прогрессивной эволюции создаются в тех случаях, когда большие популяции расчленены на значительное число полуизолированных небольших популяций (Дубинин, 1940а, стр. 58; 1940б, стр. 297—298; Тахтаджян, 1957, стр. 601).

В процессе направляемого производством биосоциального отбора, в процессе исчезновения и возникновения, разделения и соединения первобытных стад шло формирование человека и общества. Направляемый производством биосоциальный отбор формировал человека как производительную силу и тем самым освобождал производственную деятельность от ее животной, рефлекторной формы. Направляемый производством биосоциальный отбор совершенствовал способность формирующихся людей управлять своим поведением, подавлять свои животные инстинкты и тем самым открывал возможность дальнейшего повышения уровня сплоченности первобытного стада. Тем самым биосоциальный отбор выступал и как необходимый момент процесса формирования человека как общественного существа, процесса формирования общественных отношений.

Но повышение уровня сплоченности первобытного стада не всегда обязательно предполагало совершенствование способности

формирующегося человека подавлять свои биологические потребности, изменение морфологической организации человека. До определенного предела оно было возможно и без перестройки структуры мозга пралюдей. Вопрос о роли биосоциального отбора в таком повышении уровня сплоченности первобытного стада, которое не предполагало и не требовало изменения морфологии человека, несколько более сложен, чем вопрос о роли этого отбора в совершенствовании способности пралюдей подавлять свои инстинкты.

Можно полагать, что на первых этапах развития первобытного человеческого стада биосоциальный отбор был основным фактором, через посредство которого производство обуздывало зоологический индивидуализм и тем самым формировало человеческое общество и человека как общественное существо. В дальнейшем развитии производство наряду с обузданием зоологического индивидуализма через посредство биосоциального отбора начало все в большей степени обуздывать его прямо, непосредственно. Возможность такого прямого обуздания зоологического индивидуализма создавалась прогрессирующим сплочением первобытного стада и соответственно возрастанием роли формирующейся коллективной воли — стадной морали. Большое значение имело также развитие такого средства закрепления, накопления и передачи опыта как язык и совершенствование способности человека управлять своим поведением и подавлять свои инстинкты.

Производственная необходимость в обуздании зоологического индивидуализма, проявляясь первоначально через посредство биосоциального отбора, а затем и прямо в человеческой практической деятельности, заставляла первобытное стадо обуздывать зоологический индивидуализм своих членов, заставляла предлюдей подавлять инстинкты друг друга и свои собственные. В процессе практического подавления инстинктов друг друга и своих собственных формирующиеся люди приходили к сознанию опасности для существования их самих и всего коллектива тех или иных действий, представляющих проявление того или иного животного инстинкта, к сознанию необходимости отказа от этих действий. Первой формой осознания необходимости подавления зоологического индивидуализма была коллективная воля, стадная мораль. Практика формирующихся людей по обузданию зоологического индивидуализма, миллиарды раз повторяясь, закреплялась в их сознании прежде всего нормами морали.

Возникшие как отражение производственной необходимости в подавлении и ограничении зоологического индивидуализма, как закрепление практики формирующихся людей по подавлению инстинктов друг друга и своих собственных, первые моральные нор-

мы носили не столько позитивный, сколько негативный характер, представляли не столько предписания, как вести себя, сколько требования воздерживаться от определенных действий, в опасном характере которых убеждала практика. Первые нравственные нормы неизбежно были запретами. Негативный характер носила первая моральная норма, возникновением которой было положено начало формирования коллективной воли, нравственности. Этой нормой, как указывалось, был запрет создавать и иметь гаремы. Более или менее конкретное представление о том, что собой представляли первые моральные нормы, помогают составить данные этнографической науки.

5. Табу — первые моральные нормы, средства обуздания зоологического индивидуализма

Одной из важных категорий этнографии является понятие «табу». Это понятие не поддается краткому и четкому определению, ибо круг явлений, охватываемых им, довольно разнообразен. Термин «табу» прежде всего применяется для обозначения особого рода запретов совершать определенные действия и самих этих запретных действий. Кроме того, этот же термин применяется для обозначения особого рода состояний, в которых, по убеждениям примитивных народов, могут находиться люди и вещи, а также для обозначения людей и вещей, находящихся в таких состояниях. Второе значение термина «табу» неотделимо в большинстве случаев от первого, ибо состояние табу всегда связано с запретом совершения определенных действий по отношению к лицам и вещам, находящимся в состоянии табу, а если речь идет о людях, находящихся в состоянии табу, то и в запрете им совершать определенные действия, в их полной или частичной изоляции от остальных людей. Сущность табу, таким образом, состоит в запрете определенных действий. Поэтому она наиболее ярко проявляется в табу-запретах, являющихся первоначальной, исходной формой табу.

Если всякое табу есть запрет или связано с запретом, то не всякий запрет есть табу. Табу могут быть названы не все запреты, а лишь запреты особого рода. Черты, характеризующие табу, в достаточной мере выявлены в исследованиях целого ряда ученых (Hodson, 1906; Marett, 1909; Frazer, 1922в, 1931; Briffault, 1927, I—III; Webster, 1942; Murphy, 1952; Steiner, 1956; Рейнак, 1919, 1926).

Одна из важнейших особенностей табу состоит в том, что этот запрет ничем не мотивируется и ничем не обосновывается. Ясно лишь одно: нарушение табу грозит опасностью, но какова природа

этой опасности и почему совершение данного действия необходимо влечет ее за собой, — остается совершенно темным и непонятным. Нарушение табу не предполагает вмешательства с целью наказания нарушителя какой-либо разумной силы: естественной (коллектив) или сверхъестественной (дух, демон, бог и т. п.), установившей и санкционировавшей этот запрет и оскорбленной тем, что его нарушили. Акт нарушения табу автоматически освобождает какую-то неведомую опасность, находившуюся до этого акта в скрытом, потенциальном состоянии.

Само существование табу необходимо предполагает наличие какой-то опасности, которая остается скрытой, потенциальной до тех пор, пока табу соблюдается. Как только происходит нарушение табу, опасность из потенциальной автоматически превращается в реальную, проявляется и нередко угрожает гибелью, причем чаще всего не только нарушителю, но и коллективу, членом которого он является. Табу порождено опасностью, поэтому оно всегда связано с чувством страха и ужаса перед его нарушением. Соблюдение табу — единственное средство избежать опасности. Сущность табу состоит, таким образом, в нейтрализации, предотвращении какой-то реально существующей, но неведомой опасности. «Табу, — писал С. Рейнак (1926, стр. 28), — это запрет, не мотивируемый, не сопровождаемый угрозами вмешательства законодателя и имеющий целью охранить людей от неведомых им опасностей, особенно же смерти».

Отмеченные выше особенности табу говорят о том, что подобного рода запреты не были намеренно введены людьми, осознавшими вред тех или иных действий, что они стихийно и бессознательно возникли в ходе практической деятельности.

У целого ряда народов, стоящих на довольно высокой ступени развития, в частности у полинезийцев, отмечены факты сознательной отмены старых табу и введения новых жрецами и вождями. Однако в данном случае имеет место не что иное, как использование старого института табу в целях укрепления власти имущей верхушки. Сознательно вводимые представителями господствующего слоя запреты являются табу лишь по форме. На атипичность такого рода табу указывали многие исследователи (Briffault, 1927, II, p. 353—365; Webster, 1942, p. 6—7; Steiner, 1956, p. 141). Все это дает основание не учитывать подобного рода факты при решении вопроса о сущности и происхождении табу.

Настоящими табу могут быть признаны лишь запреты, которые возникли стихийно, бессознательно, были навязаны людям условиями их жизни, ходом их практической деятельности. Все эти табу могут быть разделены на две группы. Первую из них состав-

ляют табу, регулирующие отношения людей друг к другу, их поведение в коллективе, т. е. являющиеся нормами поведения, моральными нормами. Вторую составляют табу, не являющиеся нормами поведения человека в коллективе. Табу, относящиеся к первой группе, могут быть названы моральными или этическими табу.

Некоторые исследователи, в частности Г. Вебстер (Webster, 1942, p. 369), понимают под табу лишь такие запреты, которые пмеют значение регулятора человеческого поведения, т. е. лишь моральные табу. Согласиться с подобной точкой зрения трудно. Однако нельзя в то же время не видеть качественного различия, существующего между моральными табу и всеми остальными. Моральные табу образуют особую группу, отличную по своему происхождению от всех остальных.

Источником моральных табу, как и вообще всех нравственных норм, являются существующие в коллективе отношения, социальные потребности. Социальный характер моральных табу очень ярко проявляется в твердом убеждении, что нарушение такого табу влечет за собой опасность не только и не столько для нарушителя, сколько для коллектива, членом которого последний является, в убеждении, что человек, нарушивший табу, и сам находится в опасности, и представляет опасность для всего коллектива (Hodson, 1906, p. 103; 1911; Webster, 1942, p. 373; Murphy, 1952, p. 20; Steiner, 1956, p. 20—21, 147; Briffault, 1927, p. 251).

Страх перед опасностью, которую может навлечь на коллектив нарушение табу его членом, стремление уберечь себя от этой опасности заставляет коллектив принимать все меры для того, чтобы добиться от всех членов коллектива строжайшего соблюдения табу, в частности наказывать нарушителей табу как людей, социально опасных. Однако вмешательство коллектива в случае нарушения табу не изменяет существа последнего. Основным мотивом, удерживающим от нарушения табу, является не боязнь кары со стороны коллектива, а страх перед неведомой опасностью, которую навлекает на нарушителя и коллектив акт нарушения табу.

Представляя собой разновидность моральных правил, этические табу, как видно из сказанного выше, в то же время существенно отличаются от остальных норм нравственности, причем не только от позитивных, но и негативных. Обычные моральные запреты качественно отличаются от этических табу.

В случае нарушения обычного морального запрета (как и других нравственных норм) негодование коллектива вызывает сам по себе акт совершения действия, рассматриваемого коллективом по тем или иным причинам неопозволительным, и реальный более или менее зримый вредный результат этого акта. Вмешиваясь, коллек-

тив наказывает виновника и принуждает его соблюдать требования общественной воли. Существование обычного морального запрета не предполагает наличие какой-либо другой санкции, кроме наказания со стороны коллектива, не предполагает существование чего-либо другого, кроме коллектива и составляющих его индивидов. Обычные моральные нормы возникают в результате более или менее ясного сознания коллективом своих потребностей и интересов и представляют собой более или менее прямое отражение существующих в нем отношений.

Иной характер носят этические табу. Их существование необходимо предполагает, кроме существования коллектива и составляющих его членов, наличие какой-то неведомой, но грозной опасности, которая автоматически обрушивается на коллектив и его членов в случае нарушения одним из них табу. Этические табу являются нормами поведения, во многом как бы извне, насильственно навязанными коллективу и всем его членам. Все это говорит о том, что этические табу представляют собой более древнюю форму нравственных норм, чем обычные запреты, являются самыми древними из них. Именно такой характер и должны были носить первые моральные нормы, возникшие в первобытном стаде.

Реальной опасностью, угрожавшей первобытному стаду и всем его членам, был зоологический индивидуализм. Зоологический индивидуализм, прорываясь, мог привести стадо к гибели и во всяком случае всегда ослаблял стадо, делал его менее способным к производственной и иной хозяйственной деятельности и тем самым к борьбе за существование. Настоятельной экономической необходимостью было обуздание зоологического индивидуализма, возникновение норм, ограничивающих проявление животных инстинктов. Вполне понятно, что природа опасности, угрожавшей первобытному стаду, не могла быть адекватно осознана формирующимися людьми, не могла быть прямо осознана и потребность ограничения зоологического индивидуализма.

Самые первые моральные нормы были насильственно навязаны формирующимся людям слепой, непознанной ими и поэтому противостоящей им как стихийная внешняя сила производственной необходимостью в подавлении животного индивидуализма. Эта необходимость, проявляясь во всей практической деятельности формирующихся людей, вбивала им (первоначально через посредство биосоциального отбора, а в дальнейшем развитии все в большей степени и прямо) непоколебимое убеждение, что совершение определенных действий губительно для них и для стада и что единственным средством избежания опасности является воздержание от этих действий. В результате у формирующихся людей вы-

рабатывался страх перед совершением определенных действий как ими, так и другими членами стада и ненависть по отношению к тем, кто совершением подобных действий навлекал опасность на коллектив.

Таким образом, этические табу возникли как средство нейтрализации реальной опасности, которую представлял для первобытного стада и формирующихся людей зоологический индивидуализм. Как и в обычных моральных нормах, в этических табу нашли свое выражение социальные, производственные потребности, потребности коллектива, но в отличие от первых потребности коллектива, нашедшие свое выражение в табу, не были осознаны коллективом и его членами как их собственные. Коллектив требует от своих членов соблюдения табу не потому, что он осознает нашедшие выражение в табу потребности как свои собственные, а из страха перед последствиями, которые грозят коллективу в случае нарушения табу одним из его членов. Как свою собственную потребность коллектив осознает не ту, которая нашла свое выражение в табу, а необходимость соблюдения самого табу, природа которого остается совершенно неясной.

Понимание моральных табу как средства подавления животных инстинктов, как средства предотвращения опасности, угрожающей коллективу со стороны животного эгоизма его членов, проявляется в трудах целого ряда исследователей. Очень ярко оно выступает у Р. Бриффо (Briffault, 1927, II, p. 352—365; III, p. 251—253). «Наиболее характерной чертой человеческого ума и поведения, — пишет он, — является дуализм накопленных социальных традиций, с одной стороны, и унаследованных естественных инстинктов — с другой, и постоянный контроль первых над вторыми». В подавлении и регулировании естественных инстинктов и заключается, по его мнению, сущность морали. Запреты, налагаемые на естественные инстинкты, должны были впервые появиться в очень прямой и категорической форме. Они должны были быть навязаны человеку как неотвратимая необходимость. Табу и являются этими первыми навязанными человеку как неотвратимая необходимость запретами.

Такого же мнения придерживался С. Рейнак. «Табу, — писал он, — это преграда, возведенная против разрушительных и кровавых стремлений, являющихся наследством человека, полученным от животных» (1926, стр. 16). На табу как на важнейшую социологизирующую силу указывал Г. Вебстер (Webster, 1942, p. 373). Известную ценность представляет ряд замечаний о табу, высказанных З. Фрейдом (1922), хотя в целом его взгляды по этому вопросу являются совершенно для нас неприемлемыми.

«Табу, — писал он, — представляют собой очень древние запреты, когда-то извне наложенные на поколение примитивных людей, т. е. насильственно навязанные этому поколению предыдущим. Эти запреты касались деятельности, к которой имелась большая склонность» (стр. 45; см. также стр. 48).

В табу З. Фрейдом была отмечена одна важная особенность, мимо которой прошли многие другие исследователи. «Если мы не ошибаемся, — писал он, — то понимание табу проливает свет на природу и понимание совести. Не расширяя понятия, можно говорить о совести табу и сознании вины табу после нарушения его. Совесть табу представляет собой, вероятно, самую древнюю форму, в которой мы встречаемся с феноменом табу» (стр. 79; см. также стр. 42—43).

Обуздание зоологического индивидуализма, как указывалось, немислимо без самообуздания. Табу, являясь средством обуздания животного эгоизма, должно было обязательно быть и средством обуздания индивидом своих собственных зоологических инстинктов. Не сознавая прямо потребность, нашедшую свое выражение в табу, как свою собственную, коллектив осознает ее как таковую косвенно, опосредствованно — путем осознания как своей собственной потребности соблюдения табу. Осознание коллективом потребности соблюдения табу как своей собственной предполагает превращение ее в потребность каждого из членов коллектива. Возникновение первых табу означает появление у членов коллектива, кроме биологических потребностей, новых, социальных, появление первых зачатков чувства долга и совести. Человек воздерживается от нарушения табу не только потому, что боится навлечь на себя опасность, но и потому, что этого требует от него коллектив, потому, что он ощущает это как свой долг перед коллективом. К соблюдению табу формирующегося человека принуждал не только страх, но и зачатки долга и совести.

Моральные табу прежде всего были средствами обуздания и самообуздания животного индивидуализма. Отсюда следует, что основная масса моральных табу возникла в период обуздания зоологического эгоизма, в период первобытного стада. С завершением процесса обуздания зоологического индивидуализма вновь возникающие моральные запреты постепенно перестали носить характер табу, стали обычными нормами нравственности. Начали терять всякое значение и постепенно исчезать возникшие в период первобытного стада этические табу. Однако этот процесс затянулся на многие тысячи лет. Возникшие в первобытном стаде и в течение десятков и даже сотен тысяч лет существовавшие в нем моральные табу не могли не оказаться необычайно живучими. Мно-

гие из них в преобразованной форме, в виде различного рода пережитков сохранились вплоть до наших дней и были зафиксированы этнографами. Это обстоятельство делает попытку восстановить отношения, существовавшие в первобытном стаде, не таким уж безнадежным делом, как это может показаться.

К этому следует добавить, что производственная необходимость в обуздании зоологического индивидуализма, проявляясь в практической деятельности людей, отражалась и закреплялась в форме не только этических табу, но и различного рода обычаев, обрядов, убеждений, верований. Эти сформировавшиеся в первобытном стаде и существовавшие в нем на протяжении сотен тысяч лет сравнительно немногочисленные обряды, обычаи и верования оказались в большинстве случаев столь прочными и живучими, что, как и этические табу, не смогли исчезнуть в течение того сравнительно короткого периода времени, который прошел с момента смены человеческого стада родовой коммуной, и сохранились в виде различного рода пережитков кое-где до наших дней, причем иногда даже у народов, достигших высоких ступеней развития.

Огромный фактический материал, накопленный этнографической наукой, представляет собой важнейший источник, дающий возможность восстановить историю первобытного человеческого стада. Однако к этому материалу нужно относиться с осторожностью. Не следует забывать, что ни одно этическое табу, ни один обряд, обычай, верование, возникшие в первобытном стаде, не могли дойти и не дошли до нас в своем первоначальном виде. Важнейшей задачей является поэтому восстановление по сохранившимся до нашего времени пережиткам этих явлений их исходной формы, очищение их от позднейших наслоений, реставрация утраченных моментов, выявление их первоначального смысла.

Но все это невозможно сделать, если не привлечь данных, прямо относящихся к эпохе первобытного стада, а такими могут быть лишь данные археологии и палеантропологии. Археология и антропология располагают материалом, позволяющим сделать определенные выводы не только о том, как шел процесс формирования производительных сил, но и дающим возможность составить представление об основных моментах процесса становления общественных отношений. Превратить эту возможность в действительность можно лишь при условии дополнения археологических и антропологических данных этнографическими. Только этнография, археология и антропология вместе взятые могут помочь восстановить историю первобытного человеческого стада, воссоздать процесс становления общественных отношений, процесс формирования общественного бытия и общественного сознания.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ПЕРВОБЫТНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СТАДА

1. Подавление полового инстинкта — ведущий момент процесса обуздания зоологического индивидуализма

Сущность первобытного человеческого стада как формы, переходной от зоологического объединения к подлинному социальному организму, как организма социально-биологического наглядно проявлялась в присущем ему противоречии между социальным и биологическим. Борьба социального и биологического была основным, ведущим противоречием первобытного стада, противоречием, развертывание которого определяло его развитие. Отсюда следует, что выявить объективную логику эволюции первобытного человеческого стада, процесса становления общественного бытия и общественного сознания — это прежде всего проследить развертывание борьбы социального и биологического, процесса обуздания животного индивидуализма. Обуздание зоологического индивидуализма было процессом ограничения и подавления существовавших у формирующихся людей биологических, животных инстинктов. Эти инстинкты не в одинаковой степени мешали развитию производства и поэтому не в одинаковой степени нуждались в ограничении и подавлении со стороны формирующегося производства. Обуздание зоологического индивидуализма было процессом ограничения и подавления прежде всего тех инстинктов, проявление которых в деятельности формирующихся людей было основным препятствием на пути развития производства, действие которых представляло наибольшую опасность для существования первобытного стада.

К числу таких инстинктов прежде всего должен быть отнесен половой. Взгляда на последний как на самый антиобщественный и разрушительный из всех животных инстинктов, ограничение и

подавление которого является необходимым условием существования общества, придерживались и придерживаются многие исследователи (Эспинас, 1882; Ковалевский, 1886, I, 1905, 1910; Жаков, 1931; Толстов, 1935, 1950а; Malinowski, 1927, 1931; Briffault, 1927, I; Sahlins, 1960 и др.). Такой точки зрения придерживался, в частности, Ф. Энгельс (Соч., т. 21, стр. 39) и такой крупный марксист, как А. Грамши (1959). «Половые инстинкты,— писал последний,— это инстинкты, которые претерпели наибольшее давление со стороны развивающегося общества» (стр. 431).

И с этим положением нельзя не согласиться. Ограничение и подавление полового инстинкта было основным звеном в процессе борьбы социального и биологического, процессе развития первобытного стада, процессе становления человеческого общества.

Половой инстинкт или инстинкт размножения, воспроизведения является важнейшим видовым инстинктом. Необходимым условием его функционирования является установление отношений между индивидами, принадлежащими к одному виду, но разным полам, отношений по воспроизводству, отношений половых. Возникновение этих отношений всецело определяется стремлениями к удовлетворению полового инстинкта. Представляя собой проявление биологического инстинкта, половые отношения по своей природе являются отношениями биологическими, зоологическими. В них находит свое выражение зоологический индивидуализм.

Даже у тех высших животных, у которых функционирование полового инстинкта носит сезонный характер, половые отношения в большинстве случаев носят упорядоченный характер. Тем более они должны носить упорядоченный, организованный характер у таких животных, как обезьяны, у которых половой инстинкт функционирует постоянно. Формой биологической организации половых отношений у обезьян является, как отмечалось, гарем.

Существовавшая у обезьян, а также у ранних и поздних предлюдей гаремная организация половых отношений не только не ограничивала зоологический индивидуализм, но, наоборот, являлась его ярчайшим проявлением. С возникновением предчеловеческого труда эта биологическая организация половых отношений стала источником кровавых конфликтов внутри стада. Сохранившаяся и после превращения приспособительной трудовой деятельности в производственную и ранних предлюдей в поздних гаремная организация половых отношений на определенном этапе развития производственной деятельности необходимо превратилась в непреодолимую преграду на пути ее дальнейшего совершенство-

вания. Результатом было ее исчезновение. Обуздание зоологического индивидуализма началось с обуздания полового инстинкта и как обуздание полового инстинкта. Растворение гаремов в стаде привело к уменьшению числа конфликтов, возникавших на почве половых отношений, и смягчению их характера, однако оно не могло иметь своим следствием их полное прекращение.

С возникновением первобытного человеческого стада старая, биологическая организация половых отношений исчезла, но новая, социальная не появилась. Зародившиеся социальные отношения были столь еще слабы, что не могли организовать, упорядочить половые отношения. Половые отношения — отношения по своей природе чисто биологические — с возникновением первобытного стада приобрели совершенно неорганизованный, неупорядоченный характер. В таком виде они стали существовать рядом с формирующимися социальными отношениями. Будучи неорганизованными, неупорядоченными, половые отношения не могли не быть источником конфликтов между членами стада.

Промискуитет, таким образом, представляет собой крайне противоречивое явление. С одной стороны, его возникновение представляет собой начало социального регулирования половых отношений, а с другой — он означает не что иное, как отсутствие какой бы то ни было их социальной организации. С одной стороны, его появление говорит о начале ограничения проявления полового инстинкта и тем самым о начале обуздания зоологического индивидуализма вообще, а с другой — он сам по себе представляет яркое проявление зоологического индивидуализма. Поэтому, хотя появление промискуитета было результатом начавшегося обуздания зоологического индивидуализма, дальнейшее развитие в этом направлении неизбежно должно было пойти по линии ограничения, а затем и полного устранения промискуитета.

Как говорят данные этнографии, даже в родовом обществе, в котором существует строгая регламентация отношений между полами, столкновения между членами коллектива на почве полового соперничества представляют собой нередкое явление и составляют большую часть всех конфликтов, возникающих в коллективе (Malinowski, 1913, p. 95, 125; Westermarck, 1925, I; Briffault, 1927, II, p. 98—139, 203—209; R. Berndt and C. Berndt, 1951, p. 22). Тем более частым явлением должны были быть конфликты на половой почве в коллективе, в котором отсутствовали какие-либо другие нормы, регламентирующие отношения между полами, кроме запрета обзаводиться гаремами, в коллективе, состоявшем из людей, которые еще не обладали развитой способностью управлять своим поведением и обуздывать свои

инстинкты, которые еще не стали до конца общественными существами¹.

Исчезновение гаремной организации половых отношений, уменьшив число конфликтов внутри стада и смягчив их характер, сделало возможным дальнейший прогресс производственной деятельности. Развиваясь, она рано или поздно неизбежно должна была потребовать такого уровня сплоченности первобытного человеческого стада, который был несовместим с неограниченным промискуитетом, должна была потребовать таких отношений между формирующимися людьми, бытие которых было несовместимо с существованием между ними неограниченных промискуитетных отношений. С этого момента носящие неограниченный, неупорядоченный характер отношения по производству себе подобных стали преградой на пути дальнейшего развития производства материальных благ. Насущной необходимостью на данном этапе развития первобытного стада стало разрешение конфликта, возникшего между формирующимся производством и детопроизводством, между формирующимися производственными отношениями и существовавшими промискуитетными детопроизводственными отношениями. И конфликт этот был разрешен путем дальнейшего обуздания полового инстинкта, путем появления новых половых табу.

2. Возникновение и сущность половых производственных табу

Возникавшие главным образом на почве полового соперничества конфликты между членами стада даже в том случае, когда прямо не вели к уменьшению числа трудоспособных членов коллектива, расстраивали производственную деятельность. Тем самым они подрывали и становившуюся все более и более зависимой от производства деятельность по присвоению объектов потребностей, из которой все большее значение приобретала охота.

Возрастание роли охоты в жизни формирующихся людей прежде всего было следствием совершенствования производственной

¹ Наглядным примером тех последствий, к которым может привести отсутствие общепринятых норм и правил, регламентирующих отношения между полами, даже в объединении, состоящем из современных людей, могут послужить начальные этапы истории колоний на о. Питкери, основанной мятежниками с брига «Баунти». В этой колонии, состоявшей первоначально из 9 моржков с «Баунти», 8 таитян и 10 таитянок, конфликты, возникавшие главным образом на половой почве, продолжались до тех пор, пока из 17 мужчин в живых не остались лишь 2 (Ровинский, 1957, стр. 135—158).

деятельности. Поэтому оно неизбежно сопровождалось увеличением зависимости результатов охоты от результатов производственной деятельности. Производство, развиваясь, не только обуславливало увеличение значения охоты, но и изменяло ее характер.

Если раньше охотничья деятельность пралюдей начиналась обычно с того момента, когда бродившее в поисках пищи стадо сталкивалось с животными, которые могли стать его добычей, и носила стихийный характер, то в дальнейшем развитии она начала приобретать все более организованные формы. Процессу собственно охоты начал предшествовать все более и более длительный период подготовки к ней, в течение которого происходила разведка местности, выслеживание животных, выработка плана охоты, обновление и производство охотничьего вооружения.

По мере возрастания роли охоты период подготовки к ней, являвшийся прежде всего временем усиленной производственной деятельности, приобретал все большее значение. От того, как протекал процесс подготовки к охоте, все в большей и большей степени начинал зависеть успех собственно охотничьей деятельности. Вполне понятно, что в период напряженной подготовки к охоте конфликты между членами стада представляли собой особую опасность для коллектива. Даже в том случае, когда они не вели к сокращению числа лиц, способных принять участие в охоте, они наносили значительный ущерб стаду. Расстраивая и даже срывая деятельность по подготовке к охоте, эти конфликты уменьшали шансы на успех охоты и тем самым ставили всех членов коллектива перед угрозой голода.

Настоятельной необходимостью на определенном этапе развития первобытного человеческого стада стало полное устранение конфликтов между членами стада в период, предшествующий охоте, и самой охоты, а так как главным источником этих конфликтов были неупорядоченные половые отношения, то тем самым настоящей необходимостью стало запрещение половых отношений в этот период. И эта необходимость, эта объективная экономическая потребность начала постепенно осознаваться, хотя и не в прямой форме, пралюдьми. Сам процесс их практической деятельности начал постепенно все больше и больше навязывать им убеждение, что половые отношения в период охоты и подготовки к ней навлекают опасность на коллектив и что единственным способом избежать этой опасности является воздержание в этот период от половых актов. Так постепенно, шаг за шагом, начали возникать в первобытном стаде запреты половых отношений в период охоты и подготовки к ней — половые охотничье-производственные табу.

Появление и закрепление такого рода табу давало первобытно-му стаду большие преимущества в борьбе за существование. Стада, в которых возникли половые производственные табу, окрепли, стали более сплоченными и едиными и получили возможность дальнейшего прогрессивного развития. Стада, в которых половые производственные табу не возникли или по каким-либо причинам не получили развития, встали на путь деградации и рано или поздно исчезли. В результате действия биосоциального отбора половые охотничье-производственные табу получили всеобщее распространение и стали явлением универсальным.

Предположение о том, что обуздание полового инстинкта в первобытном стаде пошло по линии запрещения половых отношений в период, предшествовавший охоте, и самой охоты, находит свое полное подтверждение в данных этнографии. Наличие половых производственных табу зафиксировано этнографами у огромного числа племен и народов.

Воздержание от половых отношений перед и во время охоты отмечено, например, в Африке у пигмеев, бамбунду, байя, баила, батонга, васанье, охотников на слонов в Танганьике, готтентотов, мальгашей, жителей о. Гранд-Комор (Weeks, 1909, p. 458; Noble, 1911a, p. 31; Grazer, 1922в, p. 192—196; Westermarck, 1925, I, p. 409; Webster, 1942, p. 135—137; Ford, 1945, p. 28—29; Проспери, 1958, стр. 114—115); в Америке — у эскимосов, индейцев нутка, квакиютлей, томпсон, каррьер, цимшиан, хидатса, карок, юрок, хопи, пуэбло, хуичолей (Powers, 1877, p. 138; Grazer, 1922в, p. 197—198; Webster, 1942, p. 139; Ford, 1945, p. 29; Spranger, 1959, p. 335, 355); в Азии — у сванов Кавказа, шорцев и других народов Алтая, нивхов, лепча Гималаев, пага Ассама, жителей о. Ниас, кайянов о. Калимантан, эвенков, эвенков (Краулей, 1905, стр. 51; Зеленин, 1929, стр. 31; Штернберг, 1933б, стр. 334; Файнберг, 1964, стр. 192; Grazer, 1922в, p. 163, 193—196; Ford, 1945, p. 29), хантов и манси, нганасан, энцев, енисейских ненцев, юкагиров²; в Океании — у туземцев о. Новая Гвинея, о. Новая Ирландия, о. Новая Британия, о-вов Торресова пролива (Haddon, 1890, p. 325; Grazer, 1922в, p. 192—196; Powdermaker, 1933, p. 267; Краулей, 1905, стр. 51), в Европе — у коми (Зеленин, 1929, стр. 31) и ямальских ненцев³. Половое воздержание, так или иначе связанное с

² Сведения о существовании половых охотничьих табу у хантов и манси представлены в мое распоряжение В. Н. Чернецовым, у нганасан, энцев, енисейских ненцев, юкагиров — Ю. Б. Симченко, за что пользуюсь случаем выразить им свою признательность.

³ Сообщение В. Н. Чернецова автору настоящей работы.

охотой, отмечено также в Африке у масаи, вандоробо (Frazier, 1922в, р. 200; Webster, 1942, р. 134—136), в Америке — у алеутов Аляски и дживаро (Frazier, 1922в, р. 206—207; Webster, 1942, р. 138), в Азии — у айнов (Зеленин, 1929, стр. 31).

Продолжительность периода, в течение которого требовалось воздержание от половых отношений, была различной. У одних племен воздержание считалось обязательным лишь в ночь перед охотой (сваны, пигмеи, хуичоли, моту Н. Гвиней), у других — перюд воздержания начинался за 3—10 дней до начала охоты (байя, мальгаша, индейцы пуэбло, карок, хидатса), у третьих — за несколько недель и даже месяцев (карьер, нутка, меланезийцы о. Н. Ирландия). Но независимо от длительности времени, в течение которого требовалось воздержание от половых отношений, у всех народов, у которых отмечено бытование половых охотничье-производственных табу, существовала твердая вера в то, что такое воздержание является абсолютно необходимым условием успеха охоты, что нарушение табу неизбежно повлечет за собой неудачу.

Жители деревни Лезу (о. Новая Ирландия) были убеждены, что если кто-нибудь из охотников нарушит табу, то не только сам нарушитель, но и все его товарищи не будут иметь удачи в охоте (Rowdenaker, 1933, р. 267). Туземцы о. Ниас верили, что если кто-либо из охотников во время копания ловушек для зверей или в ночь после завершения этой работы нарушит табу, то все их труды пойдут прахом (Frazier, 1922в, р. 252). Индейцы нутка, если во время охоты на китов происходил несчастный случай, не сомневались, что причиной явилось нарушение одним из охотников полового табу, соблюдение которого требовалось в течение нескольких месяцев до начала охоты. Они искали виновного и строго его наказывали (Webster, 1942, р. 139).

Нельзя в связи с этим не отметить, что в среде целого ряда народов, у которых существование половых охотничье-производственных табу не обнаружено, отмечены поверья, которые, по нашему мнению, вряд ли можно истолковать иначе, как их отдаленные пережитки. Так, например, у эстонцев существовало поверье, что если недавно женившийся охотник за тюленями во время охоты будет думать о жене, то он ничего не добудет (Зеленин, 1929, стр. 35). Среди русских охотников существовал запрет во избежание неудачи не произносить слова «женщина» (Зеленин, 1929, стр. 34; 1935а, стр. 514). Смысл этих запретов раскрывается, если привести сравнительный этнографический материал. У коми, например, запрет думать на охоте о женщинах и произносить слово «женщина» был неразрывно связан с существовавшими у них настоящими половыми охотничье-производственными табу. Бытова-

ние запрета половых отношений перед выходом на промысел отмечено и у русских охотников Западной Сибири⁴. Как на пережитки половых охотничье-производственных табу можно указать также на существование у ненцев, якутов, пивхов поверья, что женщина обладает силой, способной помешать успеху охоты (Серошевский, 1896, I, стр. 575; Краулей, 1905, стр. 51; Крейнович, 1934, стр. 87), и на бытовавший у чукчей запрет женщинам принимать какое бы то ни было участие в приготовлении к охоте на оленей (Богораз-Тан, 1939, II, стр. 262).

Известно немало попыток объяснить возникновение и сущность охотничье-производственных и вообще половых производственных табу (Frazar, 1922в, р. 192—193; Griffault, 1927, III, р. 350—355; Краулей, 1905, стр. 76 сл.; Зеленин, 1929, стр. 23—27; Цейтлин, 1931, 5, стр. 32; Каждан, 1957, стр. 21; Токарев, 1959, стр. 63; 1964, стр. 138). Однако с предложенными этими исследователями объяснениями трудно согласиться. Правильный, на наш взгляд, путь к решению проблемы происхождения половых охотничье-производственных табу указал лишь крупнейший советский этнограф С. П. Толстов (1935, 1950а), выдвинувший в своей статье «Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен» (1935) положение о том, что половые производственные табу возникли в эпоху промискуитета и что появление их было обусловлено нарастанием противоречий между беспорядочными половыми отношениями, неизбежно порождавшими конфликты, и потребностями развития производственной деятельности первобытного коллектива.

Положение о том, что половые производственные табу возникли в эпоху первобытного стада, находит свое подтверждение в данных этнографии. Производственные половые табу принадлежат к числу табу, регулирующих отношения между людьми, т. е. к числу этических табу. Уже это само по себе дает известное основание для утверждения, что они возникли в эпоху обуздания зоологического индивидуализма, т. е. в эпоху первобытного стада. Далее. Все моральные табу стихийно возникли в процессе практической деятельности людей для предотвращения реальной опасности, которую представляли для коллектива те или иные действия его членов. Сам по себе факт существования производственных половых табу свидетельствует, что во время их зарождения половые отношения представляли собой реальную опасность для коллектива, что они на самом деле срывали производственную и охотничью деятельность людей, действительно обрекали ее на неудачу.

⁴ Устное сообщение В. Н. Чернецова автору настоящей работы.

Этнографический материал позволяет представить, в чем конкретно состояла опасность половых отношений, как конкретно они расстраивали деятельность коллектива. Производственными табу не исчерпываются все существующие половые табу. Среди последних выделяется очень своеобразная форма запретов половых отношений, не связанных прямо с хозяйственной деятельностью коллектива. Сущность табу, относящихся к этой группе, состоит в требовании воздержания от половых отношений, предъявляемого к лицам, соприкасающимся с ранеными или больными членами коллектива.

У бечуанов от людей, ухаживающих за больными, требовалось воздержание от половых отношений. Соблюдение этого запрета рассматривалось как необходимое условие выздоровления больного (Webster, 1942, p. 130). У батонга существовало поверье, что состоящие в браке мужчина и женщина опасны для больных (p. 130). Папуасы-кивай не позволяли женщинам, живущим половой жизнью, навещать больных, ибо, по их убеждениям, такие посещения угрожали жизни последних. Если мужчина хотел навещать больного, то он должен был предварительно прекратить сношения с женой (p. 129). У грузин во время болезни ребенка запрещались половые отношения между родителями (Зеленин, 1930, стр. 73). У коми-зырян отмечено существование требования воздержания от половых отношений в случае, если в доме находится больной, а также во время эпидемии (стр. 75). Индейцы квакиютль считали, что соприкосновение людей, имеющих половые отношения с раненым, угрожает жизни последнего. Поэтому они не разрешали молодоженам навещать больного (Webster, 1942, p. 132). Такое же убеждение существовало у криков (p. 132).

Имеются основания полагать, что первоначально людям, живущим половой жизнью, запрещалось приближаться не ко всем больным, а лишь к раненым. Г. Браун (G. Brown, 1910, p. 274) сообщает, что у туземцев о. Новая Ирландия ни мужчина, спавший с женщиной, ни женщина, имевшая сношения с мужчиной, не имеют права приближаться к раненому. Если это будет сделано, то, по всеобщему убеждению, последний обязательно умрет. Однако для обычного больного такое посещение никакой опасности не представляет. Заслуживает внимания утверждение крупного этнографа Ю. Липса (1954) о том, что многие племена убеждены также в прямой связи между половыми отношениями и смертью, в том, что «изобретение» физической половой связи привело к «возникновению» смерти (стр. 385).

Моральные табу, принадлежащие к рассматриваемой выше группе, могли возникнуть лишь в ту эпоху, когда половые отноше-

ния действительно угрожали жизни людей, когда они вели к конфликтам, завершавшимся нередко ранениями и даже смертью, т. е. в эпоху промискуитета. Только беспорядочные половые отношения могли представлять столь большую опасность для коллектива, лишь в эпоху первобытного стада конфликты на половой почве могли достигнуть такого уровня, который делал их несовместимыми с развитием производственной и охотничьей деятельности. Только в эпоху первобытного человеческого стада могли зародиться половые табу как связанные с ранениями, так и с хозяйственной деятельностью.

Против этого положения могут быть выдвинуты, на первый взгляд, очень серьезные возражения. Большинство известных этнографии половых охотничье-производственных табу носит конкретный характер. Воздержание в большинстве случаев требуется не перед охотой вообще, а перед охотой на конкретных, определенных животных, в том числе и на таких, которые заведомо не могли быть объектами охотничьей деятельности формирующихся людей. Совершенно невероятно, например, предположение, чтобы запрет половых отношений перед охотой на китов мог возникнуть в первобытном стаде. Кроме того, следует учесть, что этнографам известно огромное количество половых табу, связанных с такими видами хозяйственной деятельности, которые никак не могли существовать в эпоху первобытного стада (рыболовство, земледелие, скотоводство, гончарное производство и т. п.).

Однако эти факты, на наш взгляд, не только не колеблют положения о том, что производственные половые табу возникли первоначально в первобытном стаде, но, наоборот, свидетельствуют в его пользу. Они говорят о том, что в эпоху, когда зародились эти табу, половые отношения действительно представляли реальную и крайне серьезную опасность для коллектива. А такую опасность они могли представлять лишь для коллектива, в котором не был до конца обуздан зоологический индивидуализм, в котором не существовало регламентации отношений между полами, т. е. лишь для первобытного человеческого стада, но не для сменившей первобытное стадо родовой коммуны.

Возникшие как средства нейтрализации крайне серьезной опасности, нависшей над коллективом, половые производственные табу настолько прочно закрепились в общественном сознании, что продолжали существовать долгое время и после того, как всякая необходимость в них отпала. С изменением рода хозяйственной деятельности людей они автоматически переносились со старого вида деятельности на новый. У тех племен, у которых главным видом деятельности стала рыбная ловля, половые табу, сохраняясь в об-

ласти охоты, распространились и на рыболовство. С переходом к скотоводству и земледелию половые табу охватили и эти сферы хозяйственной деятельности.

Где бы и в какой бы форме мы ни встречали половые производственные табу, всегда их первоначальным источником являются половые охотничье-производственные табу, возникшие в первобытном человеческом стаде. Поэтому, чтобы выяснить действительное распространение половых охотничье-производственных табу, совершенно недостаточно ограничиться рассмотрением лишь их самих. Необходимо учесть все без исключения половые производственные табу независимо от того, с каким видом хозяйственной деятельности они связаны. Кроме того, необходимо также учесть примыкающие к половым охотничье-производственным табу половые табу, связанные с войной. Только это может дать верное представление о действительной роли в прошлом половых производственно-охотничьих табу.

Половые табу, связанные с рыболовством, скотоводством, земледелием, ремеслом, домашним хозяйством, путешествием, войной, имеют необычайно широкое распространение. В Америке их существование отмечено у индейцев Перу, Никарагуа, дживаро, кекчей, лагунеро, кайябонеро, пипилей, майя, ацтеков, индейцев Калифорнии, криков, нутка, квакиютлей, семинолов, дакота, хуичолей (Краулей, 1905, стр. 189; Вайян, 1949, стр. 216; Ланда, 1955, стр. 152, 186, 192; Frazer, 1922а, II, p. 98, 105; 1922в, p. 161—163; Briffault, 1927, III, p. 355; Webster, 1942, p. 138; Ford, 1945, p. 29); в Африке — у кикуйя, бапеди, баганда, вагого, багонга, баконго, азанде, баила, бамбала, масаи, зулусов, аконде, вагирьяма, ибибио, фанг, акамба, горных дамаров, бангала, рифов, (Weeks, 1909, p. 459; Barrett, 1911, p. 22; Frazer, 1922в, p. 163, 194—202; Westermarck, 1925, I, p. 409; Webster, 1942, p. 135—138; Ford, 1945, p. 28; Краулей, 1905, стр. 52); в Азии — у ительменов, якутов, мегрелов, удинов и некоторых других народов Кавказа, арабов, евреев, в Мирзапуре, у гондов, меитхеев, нага, лакхер, качинов, некоторых племен Лаоса и Малайи, в Индонезии, в частности на о. Хальмахера и на о-вах Кай (Краулей, 1905, стр. 190; Зеленгин, 1929, стр. 38, 42; Крашенинников, 1949, стр. 716; Hodson, 1906, p. 94; 1911, p. 167; Smith Robertson, 1907, p. 454—455; Frazer, 1922в, p. 164, 194, 200; Webster, 1942, p. 135; Ford, 1945, p. 29); в Океании — у многих племен Новой Гвинеи, в частности у папуасов моту, киваи, койта, мекео, на о. Новая Ирландия, о. Новая Британия, о-вах Адмиралтейства и Тробриан, о. Россель, о. Новая Каледония, о. Малекула, о. Эрроманга, о-вах Торресова пролива,

на Каролинских о-вах, в частности на о-вах Палау и на о. Яп, на о. Тикопия, на Маркизских о-вах и среди маори Новой Зеландии (G. Brown, 1910, p. 274; Seligman, 1910, p. 100, 140; Frazer, 1922в, p. 164—192; Westermarck, 1925, I, p. 409; Briffault, 1927, III, p. 35; Powdermaker, 1933, p. 267; Webster, 1942, p. 129—135; Ford, 1945, p. 29; Malinowski, 1948; p. 383, 415; Biggs, 1960, p. 13; Краулей, 1905, стр. 51); в Европе — у древних римлян, у немцев Трансильвании, в некоторых областях Венгрии, у коми (Frazer, 1922в, p. 105; Briffault, 1927, III, p. 354; Зеленин, 1929, стр. 31—34). Существование отдаленных пережитков производственных половых табу можно отметить у великорусов (Богатырев, 1916, стр. 50). Иначе, как пережиток половых производственных табу, нельзя, по нашему мнению, расценить своеобразное явление, наблюдавшееся еще в 20-х годах нашего века у обрусевших украинцев. — жителей села Новые Выселки Саратовской области. У них, если во время выполняемых сообща, артельно работ случалось какое-либо неприятное происшествие, отрицательно сказывавшееся на результатах коллективной деятельности, было обыкновение полусхутя, полусерьезно объяснять его тем, что кто-то из работавших прошедшей ночью согрешил с женой⁵.

Единственным исключением в этом отношении является лишь Австралия, хотя, казалось бы, именно там половые табу должны были иметь широкое распространение. Нам трудно сказать, является отсутствие данных по половым производственным табу у австралийцев результатом пробелов в имеющемся в нашем распоряжении материале или же следствием их действительного отсутствия у аборигенов Австралии. В последнем случае это лишний раз свидетельствует о том, что невозможно основывать реконструкцию древнейшего периода в истории человечества на основании данных, полученных в результате изучения племен одной ограниченной части света, даже если они стоят по уровню своего развития ниже всех остальных.

Иные явления, возникшие в древнейший период истории человечества, могут сохранились у народов, очень далеко продвинувшихся в своем развитии, и исчезнуть у племен, достигших менее высокой стадии. Поэтому даже полное отсутствие всех следов половых производственных табу у аборигенов Австралии само по себе не может служить опровержением положения об их глубочайшей древности. Однако о полном отсутствии каких-либо следов по-

⁵ Этими сведениями и рядом других я обязан Я. П. Носкову.

ловых производственных табу у австралийцев говорить не приходится.

Вряд ли можно истолковать иначе, как пережиток половых рыболовных табу, существовавший у арунта запрет женщинам проходить мимо рыболовов, когда они занимаются своим промыслом (Кушнер, 1924, стр. 185). Другим их пережитком является существовавший у кайтиш обычай, согласно которому главарь локальной группы обязан воздерживаться от половых отношений в течение церемонии интичума (Frazier, 1922a, II, p. 105; Webster, 1942, p. 132). Последний обычай не стоит совершенно особняком.

подавляющее большинство половых производственных табу несомненно носит коллективный характер; соблюдение их требуется от всех членов коллектива, причем существует убеждение, что нарушение табу любым членом коллектива принесет несчастье не только ему, но и всему обществу. Это является лишним доказательством их древнего происхождения. Однако у целого ряда племен и народов, в частности у папуасов Новой Гвинеи (Guise, 1899, p. 218; Frazier, 1922b, p. 193; Леви-Брюль, 1930, стр. 156—157), меланезийцев о-вов Тробриан (Malinowski, 1948, p. 198) и Новой Каледонии (Frazier, 1922b, p. 202) наряду с половыми производственными табу, обязательными для всех членов коллектива, отмечено существование половых табу, соблюдение которых требовалось лишь от вождя, колдуна или другого лица, представлявшего общину.

Вряд ли, на наш взгляд, можно сомневаться, что «индивидуальные» половые производственные табу представляют собой явление более позднее, чем «коллективные». Появление такого рода табу является выражением наметившейся с потерей половых табу реального значения тенденции к их постепенному смягчению. Одним из путей смягчения половых производственных табу и было переложение обязанности соблюдения полового воздержания со всех членов коллектива на одно лицо, представляющее коллектив. Все это дает достаточное основание полагать, что половое табу, соблюдаемое главарем локальной группы кайтиш, является пережитком более древних, подлинных половых производственных табу и свидетельствует об их существовании в прошлом и у аборигенов Австралии.

Таким образом, данные этнографии свидетельствуют об универсальном распространении половых производственных табу, которое можно объяснить, лишь допустив, что их возникновение явилось закономерным этапом в развитии общества.

3. Возникновение и сущность промискуитетных оргиастических праздников

По мере дальнейшего развития первобытного человеческого стада воздержание от половых отношений все в большей и большей степени становилось необходимым условием успешного протекания не только деятельности по подготовке к охоте и самой охоты, но и всякой вообще производственной и присваивающей деятельности коллектива. Производство, развиваясь, требовало непрерывного расширения сферы действия половых табу, увеличения длительности периодов, в течение которых обязательным было воздержание от половых отношений.

В результате этого жизнь первобытного стада, ранее довольно монотонная и однообразная, начала все в большей и большей мере складываться из чередования все более резко отличающихся друг от друга периодов: периодов полового воздержания и периодов половой жизни. Первые были временем усиленной хозяйственной деятельности коллектива, вторые — падали на время наименьшей интенсивности этой деятельности. По мере того, как периоды, свободные от действия половых табу, становились все более редкими и все менее продолжительными, половая жизнь коллектива начала приобретать столь интенсивный и бурный характер, что делала совершенно невозможным одновременное с ней существование какой бы то ни было хозяйственной деятельности. Это привело к тому, что периоды, в течение которых были возможны половые отношения, совершенно освободились от хозяйственной деятельности, превратились в периоды отдыха от нее, в своеобразные праздники. Характерной чертой этих праздников было интенсивное, бурное, ничем не ограниченное, никакими правилами не регулируемое общение между полами.

Возникновение такого рода оргиастических промискуитетных праздников было неизбежным и закономерным результатом развития половых производственных табу. Они были явлением столь же всеобщим, как и породившие их половые охотничье-производственные табу. Это положение находит свое полное подтверждение в данных этнографии и фольклористики, неопровержимо свидетельствующих о том, что такого рода праздники в прошлом имели универсальное распространение. У довольно значительного числа племен и народов исследователями были зафиксированы не просто отдельные пережитки промискуитетных оргиастических праздников, но сами эти праздники.

Ярко выраженный оргиастический промискуитетный характер носили связанные с инициациями и обрезанием юношей праздни-

ки, имевшие в прошлом место у жителей одной из областей о. Вити-Леву (о-ва Фиджи). Во время этих праздников мужчины и женщины одевались в фантастические одежды, обращались друг к другу с самыми непристойными фразами и открыто, публично, не считаясь ни с какими нормами, без всякого разбора вступали в половые отношения. В это время половые акты были не только возможны, но чуть ли даже не обязательны между братьями и сестрами, которые в обычное время не имели права даже разговаривать друг с другом, не говоря уже о каких-либо иных отношениях. Такого рода состояние ничем не ограниченной свободы общения полов длилось несколько дней, после чего все ограничения восстанавливались и жизнь входила в свою нормальную колею (Fison, 1884, p. 24—30).

То обстоятельство, что во время такого рода праздников происходило нарушение экзогамного запрета, на котором покоится род, свидетельствует о том, что их корни уходят в эпоху, предшествующую роду, в эпоху первобытного человеческого стада. Сами туземцы на вопрос о причинах нарушения во время праздников всех существующих брачных норм давали ответ, что так было у предков и что этими праздниками они хотят сделать приятное им (Fison, 1884, p. 30).

Существование подобного рода праздников или вообще периодов, в течение которых допускалась неограниченная свобода отношений между полами, отмечено в Австралии у арунта, кайтиш, ньянга, варрамунга, ильпирра, бингонгина, валльпари, лоритья, иллиаура, гевегал, племен нижнего течения р. Муррея и целого ряда других (Fison and Howitt, 1880, p. 280; Spencer and Gillen, 1899a, p. 92—111, 389; 1904, p. 137—139; 1927, II, p. 474—476; Howitt, 1904, p. 216—217; Malinowski, 1913, p. 95—97); в Океании, — кроме о. Вити-Леву, на Гавайях, Новой Гвинее, о-вах Тробриан, Банкс, Северных Новых Гебридах (Hartland, 1910, II, p. 149; Rivers, 1914v, I, p. 142; Wirz, 1924, S. 69—70; W. Thomas, 1937, p. 264; Malinowski, 1948, p. 217—219; Лисянский, 1947, стр. 127); в Азии — на островах Бабар, Лети, Сермата, Лакор, Моа, у даяков Калимантана, ифугао Филиппин, джакун Малайи, качинов Бирмы, нага, меитхев и других народов Ассама, кхондов, бхуйев и других племен Ориссы, хо и ораонов Чхота-Нагпур, санталов, мунда, котов Нильгири, кхарваров и других дравидийских племен Мирзапура, у раджастханцев и во многих других областях Индии, у тибетцев Кукунора, некоторых курдских племен, пшавов, азиатских эскимосов (Rothling, 1891, p. 126; Crooke, 1896, II, p. 325—326; Hahn, 1903, p. 12; Hodson, 1906, p. 94; 1911, p. 87, 167—168; Hartland,

1910, II, p. 126—172; Frazer, 1922a, II, p. 98—99; Westermarck, 1925, I, p. 86—88, 170, 234; Briffault, 1927, III, 196—200, 224; Ford, 1945, p. 30; Dalton, 1960, p. 195—196; Русселе, 1877, p. 143—145; Ковалевский, 1888, стр. 222—223; Краулей, 1905, стр. 284; Чаттопадхьяя, 1961, стр. 346—350); в Африке — у багешу Уганды, племен Танганьики, Малави, Замбии, Южной Годезии, басуто, балемба, бавенда, готтентотов, ибо, ашанти, племен Конго и Камеруна, нупе, хова Мадагаскара (A. Ellis, 1877, p. 140; Wake, 1883, p. 160—161; Ward, 1895, p. 288; Johnston, 1898, p. 708; Wheelwright, 1905, p. 254—255; Gottschling, 1905, p. 372—373; Roscoe, 1909, p. 187; Hartland, 1910, II, p. 213—218; Frazer, 1914, II, p. 403; Westermarck, 1925, I, p. 91; Briffault, 1927, III, p. 199; Norbeck, 1961, p. 173); в Америке — у карок, юрок, виютов, кабинапек, керес, майду, хидатса, племен нижней Миссисипи и плато, племен Мексики, в частности тарахумара и ацтеков, майя, племен Никарагуа, перуанцев, апинаже, уаупе, чороти, тежуэльчо, арауканов (Bancroft, 1875, I, p. 100—105, 206, 551; Powers, 1877, p. 57; Lumholtz, 1903, I, p. 352; Latham, 1909, p. 354, 361; Hartland, 1910, II, p. 238—241; Briffault, 1927, III, p. 196—197; Вайян, 1949, стр. 215; Ланда, 1955, стр. 142).

У некоторых племен и народов оргиастические праздники не носили полностью промискуитетного характера. Так, например, в селении Лезу (о. Новая Ирландия) во время оргиастических праздников требовалось соблюдение запрета половых отношений между лицами, принадлежащими к одной фратрии. Все остальные ограничения не соблюдались (Powdermaker, 1933, p. 113). Существование сходного рода ограничений отмечено в большинстве случаев у австралийцев (Spencer and Gillen, 1904, p. 137—139; Howitt, 1904, p. 195, 224, 260).

Существование праздников, хотя и не полностью идентичных тем, которые наблюдались у фиджийцев и других перечисленных выше народов, но также отличавшихся большой свободой общения полов, отмечено в Европе у древних римлян («История религии и тайных религиозных обществ...», 1871, V, стр. 149, 158; Бодянский, 1882, стр. 9—10, 20—34, 42; Ельницкий, 1964, стр. 85, 252), древних греков (Якушкин, 1875, стр. IV; Богораз-Тан, 1928, стр. 97), древних ирландцев (Сокольский, 1881, 4, стр. 220; Веселовский, 1913, стр. 541).

По сообщению летописца Переяславля Суздальского, праздники, отличавшиеся половой свободой, существовали у восточных славян, в частности у радимичей, вятичей и северян («Повесть временных лет», 1950, I, стр. 15; II, стр. 227). Как свидетельствуют

«Правила Кирилла митрополита» (XIII в.), послание игумена Памфила в Псков (1505 г.), «Стоглав» (1551 г.), челобитная старца Григория царю Алексею Михайловичу (1651 г.), а также и другие материалы, подобного рода праздники бытовали на Руси до весьма позднего времени (Снегирев, 1837, IV, стр. 36; Афанасьев, 1865, I, стр. 443—445; Якушкин, 1875, стр. V—VI; А. Смирнов, 1878, стр. 10—16, 20; Ковалевский, 1886, II, стр. 4—5; Соболевский, 1890, стр. 130; Харузин, 1903, II, стр. 46; Довнар-Запольский, 1909, стр. 397; Аничков, 1914, стр. 165—166, 246).

Красочное описание такого рода праздников мы находим в упомянутом выше «Послании Елизарова монастыря игумена Памфила Псковским наместнику и властям о прекращении народных игрищ в день Рождества св. Иоанна Предтечи». «Еда бо приходит великий праздник день Рождества Предтечева,— читаем мы в нем,— и тогда, во святую ту ночь, мало не весь город взмется и възбесится, бубны и сопели, и гудением струнным, и всякими неподобными играми сотонинскими, плесканием, плясанием..., стучат бубны и глас сопелий и гудут струны, женам же и девам плескание и плясание и глазам их наживание, устам их неприязнен клич и вопль, всескверненные песни, бесовские угодия свершахуся, и хребтом их вихляние, и ногами их скакание и топтание; ту же есть мужем же и отроком великое прелщение и падение, но яко на женское и девическое шатание блудное възрение, тако же и женам мужатым беззаконное осквернение, то же и девам растление...» («Дополнение к актам историческим», т. I, 1846, стр. 18—19; см. также: «Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских», 1846, IV, стр. 59—62).

Вплоть до XVII в. и даже более позднего времени отличались значительной половой свободой некоторые народные праздники во Франции и Италии (Griffault, 1927, III, 201). Не представляли исключения Германия и Швейцария. В старинном кодексе округа Клостер кантона Граубюнден, где обычное право не было зафиксировано вплоть до XVII в., М. М. Ковалевским, например, была обнаружена статья, запрещающая сходбища в селах, результатом которых, как указывалось в ней, являются блуд и прелюбодеяния (1886, II, стр. 8).

У многих народов наблюдается постепенное сужение круга лиц, пользующихся во время праздников правом на свободное половое общение. Если первоначально это право принадлежало всем, то в дальнейшем оно сохраняется в основном лишь за молодежью. Существование праздников или периодов времени, в течение которых обычаем разрешались неограниченные половые отношения

между юношами и девушками, или же их пережитков, причем иногда весьма отдаленных, отмечено у огромного числа народов, в частности, в Африке — у йоруба, баконго и вакамба; в Азии — у батаков, тувинцев, бурятов, якутов, народов Кавказа; в Европе — у марийцев, удмуртов, коми, мордвы, русских, украинцев, белорусов, болгар, хорватов, македонцев, немцев, англичан, ирландцев (Якушкин 1875, стр. VII; А. Смирнов, 1878, стр. 14—18; Сумцов, 18866, стр. 431—442; Ковалевский, 1886, II, стр. 5; И. Смирнов, 1890, стр. 133; 1891, стр. 209; Харузин, 1903, II, стр. 40—46; Кузнецов, 1904, 2, стр. 89—94; Каруновская, 1936, стр. 348—349; Худяков, 1936, стр. 399; Вайнштейн, 1964; Hazlitt, 1870, I, p. 121; Hartland, 1910, II, p. 195; Weeks, 1914, p. 161—166; Briffault, 1927, III, p. 199—201; Alford, 1952, p. 49).

Как свидетельствуют данные этнографии, у большинства народов имевшим место во время оргиастических праздников беспорядочным половым сношениям приписывалось свойство магическим образом способствовать размножению животных и развитию растений и тем обеспечивать обильную добычу или обильный урожай (Frazer, 1922a, II, p. 98—101; Westermarck, 1925, p. 84—180; Briffault, 1927, p. III, p. 185—209; Чаттопадхьяя, 1961, стр. 89, 315 сл., 346 сл.). Поэтому ограничение, а затем и полное запрещение во время праздников беспорядочных половых сношений не могло не сопровождаться появлением различного рода ритуальных действий, представлявших собой замену этих сношений и призванных оказывать такое же магическое влияние на природу. Беспорядочные половые отношения замещаются совершаемыми в определенное время и в определенном установленном порядке сношениями мужей и жен, ритуальным соединением жреца и жрицы и т. п. Заменой их могут также быть действия, представляющие собой иногда откровенную и грубую, иногда смягченную имитацию полового акта или намеки на него (частичное или полное обнажение, заголение и т. п.), различного рода непристойные телодвижения и жесты, игры и танцы, имеющие эротический характер, обычай носить во время праздничных процессий изображение половых органов, сквернословие и т. п. (Богаевский, 1916, стр. 57—60, 180—187; Кагаров, 19296, стр. 191—193; Briffault, 1927, III, p. 196—209). Все эти действия совершались в большинстве своем как во время праздников, ранее носивших промискуитетный характер, так и в иное время в качестве самостоятельных магических обрядов, чаще обрядов земледельческой магии.

Наличие подобного рода действий и обрядов свидетельствует о существовании в прошлом промискуитетных оргиастических

праздников. А такого рода действия и обряды бытовали как во время праздников, так и помимо них, у огромного числа народов, в частности у древних египтян, древних греков, древних римлян, этрусков, немцев, русских, украинцев, сербов, чехов, грузин, сванов, адыгейцев, кабардинцев, мордвы, эвенков, кетов, нанайцев, манчжур, японцев, кайянов Калимантана, племен Явы и Молуккских о-вов, маори, эве, бушменов, бахуана, эскимосов, пипилей, манданов, арапахо, зуны и многих других (Геродот, 1885, I, стр. 373—374; Афанасьев, 1869, III, стр. 730; Новосадский, 1887, стр. 25, 130; Аничков, 1903, I, стр. 268; С. Максимов, 1903, стр. 110, 296—300; Веселовский, 1913, стр. 241; В. Анучин, 1914, стр. 21—25; Богаевский, 1916, стр. 59—60; Кагаров, 1918, стр. 49; Харузина, 1927, I, стр. 59; 1928, I, стр. 22; «Религиозные верования народов СССР», 1931, II, стр. 89, 196; Штернберг, 1936, стр. 146—147; Файнберг, 1955, стр. 91—92; Элленбергер, 1956, стр. 215—222; Бардавелидзе, 1957, стр. 177—186; Анисимов, 1958а, стр. 34; Лавров, 1960, стр. 205; A. Ellis, 1890, p. 41—44; Crooke, 1896, II, p. 320; Torday and Joyce, 1906, p. 286; Hartland, 1910, II, p. 232—237; Frazer, 1922a, II, p. 98—100; Briffault, 1927, III, p. 205—206).

К числу пережитков оргиастических промискуитетных праздников должен быть также отнесен обычай заключения браков в одно и то же определенное время. Такого рода обычай был зафиксирован у крестьян чуть ли не всех стран Европы, а также у огромного числа народов Африки, Азии, Океании, Северной и Южной Америки (Снегирев, 1837, IV, стр. 18—30; А. Смирнов, 1878, стр. 12; Сумцов, 1881, стр. 61—69; Веселовский, 1894, стр. 318; Довнар-Запольский, 1909, стр. 82—83; Hutchinson, 1897, p. 5, 243, 261; Guise, 1889, p. 214; Westermarck, 1925, I, p. 83—84).

О существовании в прошлом оргиастических праздников говорят и данные фольклористики. В славянском и западноевропейском фольклоре следы их сохранились в легендах о шабашах ведьм (Афанасьев, 1869, III, p. 469—474; Штернберг, 1936, стр. 228—229; Runebegg, 1947, p. 225—239).

Многочисленные этнографические данные, часть которых была приведена выше, свидетельствуют не только о том, что исходным моментом в развитии человеческих семейно-брачных отношений был промискуитет, но и о том, что по крайней мере в эпоху, непосредственно предшествовавшую возникновению рода, промискуитет был ограничен во времени, что носившие беспорядочный характер половые отношения были в то время не постоянно суще-

ствовавшими, а периодически возникавшими. Тем самым они косвенно свидетельствуют о существовании в ту эпоху периодов воздержания от половых отношений, периодов действия половых производственных табу.

То обстоятельство, что этнографические материалы свидетельствуют о существовании в прошлом не просто промискуитета, а ограниченного во времени промискуитета, не осталось незамеченным. Положение о том, что в раннюю пору истории человечества беспорядочные половые отношения внутри человеческого коллектива имели место лишь в определенные более или менее ограниченные периоды времени, мы находим в трудах К. Д. Кавелина (1859, стр. 181), М. И. Кулишера (1885, стр. 664), М. В. Довнар-Запольского (1909, стр. 83), А. Н. Веселовского (1913, стр. 241, 258) и целого ряда других ученых. Однако никто из них не смог объяснить причин ограничения промискуитета во времени. Такое объяснение мы находим лишь в статье С. П. Толстова «Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен» (1935), в которой возникновение оргиастических праздников рассматривается как следствие появления половых табу.

Этнографическая наука располагает, помимо косвенных, и прямыми данными о теснейшей связи промискуитетных праздников и периодов действия половых производственных табу.

Оргиастическим праздникам или их пережиткам очень часто предшествуют периоды строжайшего полового воздержания, связанные с тем или иным видом хозяйственной деятельности. Очень ярко это проявляется в Индии, где, по словам Р. Бриффолта (Briffault, 1927, III, p. 359), ритуальное половое воздержание теснейшим образом связывается и переплетается с ритуальной половой свободой, как и повсюду в примитивном мире. В качестве примера можно указать на мейтхеев и нага Ассамы, у которых связанные с целым рядом сельскохозяйственных работ периоды строжайшего полового воздержания непосредственно сменялись праздниками, отличавшимися бурным оргиастическим характером (Hodson, 1906, p. 94, 1911, p. 167—168), на индейцев Перу (Briffault, I, 1927, III, p. 196), а также пипилей Центральной Америки (Frazier, 1922a, II, p. 98—99) ⁶.

⁶ Помимо материалов, прямо говорящих о внутренней связи между промискуитетными праздниками и периодами полового воздержания, имеется большое количество данных, свидетельствующих о существовании такой связи в далеком прошлом. К числу этих данных относится, в частности, теснейшее переплетение в обрядности большинства, если не всех, фаллических культов таких прямо противоположных моментов, как неистовый разгул и суровый аскетизм, выражающийся не только в воздержании от половых сношений, но и в самооскоплении (Штернберг, 1936, стр. 210—

Выше уже отмечалось, что все основные особенности половых производственных табу и оргиастических промискуитетных праздников говорят о том, что они возникли в эпоху первобытного человеческого стада. Универсальная распространенность как первых, так и вторых и существующая между ними теснейшая связь свидетельствуют о том, что на определенном этапе развития первобытного человеческого стада его жизнь начала состоять из чередующихся периодов интенсивной хозяйственной деятельности, во время которых половые отношения были строжайше воспрещены, и свободных от хозяйственной деятельности периодов интенсивной половой жизни — оргиастических промискуитетных праздников.

4. Возрастные инициации, их происхождение и сущность

Особенностью многих оргиастических промискуитетных праздников является отчетливо прослеживаемая их связь с возрастными инициациями, посвятельными обрядами. С инициациями связаны оргиастические праздники на о. Вити-Леву (Fison, 1884), о. Новая Гвинея (Wirz, 1924, S. 69—70; W. Thomas, 1937, p. 264), о. Новая Ирландия (Powdermaker, 1933, p. 130), Новых Гейбридах (Hartland, 1910, II, p. 149), на Мадагаскаре (Hartland, 1910, II, p. 155), у племен Южной Африки, в частности у басуто, бавенда, балемба (Gottschling, 1905, p. 372—375; Wheelwright, 1905, p. 254—255), Малави, Замбии и Южной Родезии (Johnston, 1898, p. 498), Уганды, в частности багешу (Roscoe, 1909, p. 41), баконго (Weeks, 1914, p. 163—166), арабов Аравийского полуострова, в Северной Америке у майду (Hartland, 1910, II, p. 222—223, 232). Связь между инициациями и пережитками промискуитета отмечена и у австралийцев. У последних посвятельные обряды сопровождалась праздниками, в которых принимали участие представители большого числа локальных групп. Во время такого рода сборищ допускалась значительная половая свобода (Spencer and Gillen, 1899a, p. 94—111; 1904, p. 137—139; 1927, II, p. 474—476). У племен Юго-Восточной Австралии юноши во время инициаций пользовались неограниченной половой свободой. Они даже могли иметь сношения с женщинами, принадлежащими к одному с ними тотему и брачному классу, что в обычное время было абсолютно воспреще-

212). К числу явлений того же порядка относится сочетание в земледельческой магии обрядов, представляющих собой имитацию половых актов, с обрядами, важнейшим моментом которых было воздержание от половых отношений (Kagarov, 1929b, стр. 192—193).

но под страхом сурового наказания вплоть до смерти (Howitt, 1904, p. 233, 566).

Уже то обстоятельство, что связь между инициациями и промискуитетом прослеживается у различных племен и народов, населяющих столь отдаленные друг от друга районы земного шара, наталкивает на предположение, что она является не случайной. Чтобы выяснить, насколько соответствует действительности это предположение, обратимся к имеющимся в распоряжении этнографии материалам об инициациях.

Возрастные инициации представляют собой систему обрядов, знаменующих переход юноши из ранга подростка в ранг взрослого мужчины. Только человек, прошедший посвятительные обряды, считался полноправным членом коллектива, взрослым мужчиной. Не прошедшие их рассматривались как мальчишки независимо от возраста. При всем различии посвятительных обрядов, имевших место у разных племен и народов, все они обладали общими чертами.

Общей особенностью мужских инициаций у всех племен и народов являлось наличие мучительных испытаний, которым подвергались посвящаемые юноши. Не приводя имеющегося по этому вопросу огромного фактического материала⁷, ибо это увело бы нас далеко в сторону, ограничимся одной цитатой из книги Л. Леви-Брюля «Первобытное мышление» (1930). «Испытания, — пишет Л. Леви-Брюль, характеризуя посвятительные обряды, — являются долгими и мучительными, а порой доходят до настоящих пыток. Тут мы встречаем и лишение сна, пищи, бичевание и сечение палками, удары дубиной по голове, выщипывание волос, соскабливание кожи, вырывание зубов, обрезание, подрезание, кровопускание, укусы ядовитых муравьев, душение дымом, подвешивание при помощи крючков, вонзаемых в тело, испытание огнем и т. д.» (стр. 238—239).

Смысл всех этих испытаний станет ясным, если учесть, что во время инициаций юношам, готовящимся войти в качестве полноправных членов в коллектив, сообщали существующие в нем нормы поведения (Howitt, 1885, p. 316—320; 1904, p. 220; Johnston, 1898, p. 409—410; Spencer and Gillen, 1899a, p. 212—381; Werner, 1906, p. 124—126; Frazer, 1914, I, p. 36; R. Berndt, C. Berndt, 1951, p. 22; Тахтарев, 1924, стр. 107—129; Косвен, 1928, стр. 19—24; Преображенский, 1929, стр. 148; Токарев, 1964, стр. 131 и др.). Посвящаемых подвер-

⁷ Сводку материалов по этому вопросу см. у Р. Бриффо (Briffault, 1927, II, p. 187—196).

гали мучительным истязаниям для того, чтобы добиться от них беспрекословного соблюдения этих норм в течение всей их последующей жизни. И прежде всего целью инициаций было довести до сведения юношей и добиться от них соблюдения норм, регламентирующих отношения между полами, половых запретов.

У всех народов, у которых отмечено существование посвященных обрядов, инициации совпадали с наступлением половой зрелости, т. е. с началом функционирования полового инстинкта. С возникновением у юношей стремления включиться в половую жизнь коллектива настоятельной необходимостью для последнего являлось ввести действие пробуждающегося полового инстинкта в определенные рамки, довести до юношей существующие правила половой морали и заставить их соблюдать эти правила.

Лишь после посвященных обрядов юноши получали все права, которыми пользовались взрослые мужчины, и прежде всего право вступать в брак. Инициации прежде всего знаменовали переход юноши из числа людей, не имеющих права жениться, в разряд людей, обладающих этим правом (Griffault, 1927, II, p. 197—203; Леви-Брюль, 1930, стр. 236—237). У подавляющего большинства племен и народов юношам до инициаций было строжайше воспрещено вступать в брачные отношения. У племен Центральной Австралии, например, попытка мужчины, не прошедшего инициацию, обзавестись женой каралась смертью (Sprenger and Gillen, 1899a, p. 264).

Все данные, таким образом, свидетельствуют, что инициации были порождены прежде всего необходимостью добиться от достигших половой зрелости юношей строжайшего соблюдения правил, ограничивающих действие полового инстинкта, половых запретов. Это делает, на первый взгляд, совершенно непонятной отмеченную выше у довольно большого числа племен связь между инициациями и промискуитетом. Но это лишь на первый взгляд. Связь инициаций и промискуитета нельзя понять только в том случае, если рассматривать эпоху, в течение которой существовал промискуитет, как период полного отсутствия каких бы то ни было норм, ограничивающих проявление полового инстинкта. Но с такой точкой зрения согласиться нельзя.

Как уже указывалось, само возникновение промискуитета было следствием появления первой моральной нормы, ограничивающей действие полового инстинкта, — гаремного табу. В процессе дальнейшего развития первобытного стада в нем возникли новые половые запреты — охотничье-производственные табу.

Весь ход жизни прайюдей формировал у них твердое убеждение, что нарушение табу любым членом первобытного стада гро-

зит опасностью всему коллективу, что человек, нарушивший табу, является существом социально опасным. Страх перед опасностью, которую могло навлечь на весь коллектив нарушение табу, заставлял первобытное стадо принимать все меры, чтобы добиться от своих членов строжайшего соблюдения всех существующих запретов. Человек, нарушивший табу и тем самым навлекший опасность на коллектив, подвергался суровому наказанию — его жестоко избивали и даже убивали. Лишь такими мерами первобытное человеческое стадо могло обуздать зоологический индивидуализм своих членов.

Вполне понятно, что ни о каком сознательном доведении до сведения членов коллектива всех существующих в нем табу первоначально не могло быть и речи. Знание о том, какие действия являются запретными, и убеждение в том, что от этих действий нужно воздерживаться, могло быть приобретено членом первобытного стада только в процессе его собственной практической деятельности. Естественно, что у юношей, только что достигших зрелости, не могло быть ни знания существовавших табу, ни убеждения в необходимости их соблюдения. Поэтому, начиная принимать участие в половой жизни коллектива, они неизбежно на первых порах допускали нарушения существующих половых табу, за что подвергались суровым наказаниям со стороны взрослых. Приобщение юноши к половой жизни коллектива, превращение его из подростка во взрослого мужчину неизбежно сопровождалось, таким образом, целой серией жестоких истязаний.

В дальнейшем эти избиения постепенно стали традиционными и начинали все в большей степени носить профилактический характер. Юношей начинали подвергать избиению не только после нарушения ими половых табу, но и до нарушения, еще до приобщения их к половой жизни коллектива. Избивая юношей, взрослые мужчины, совершавшие эту операцию, одновременно в той или иной форме доводили до сведения истязаемых существующие в стаде половые табу. Ставшие традиционными избиения юношей по достижении последними зрелости приобрели огромное значение как средство предотвращения нарушения табу и начинали рассматриваться как необходимое условие, предваряющее приобщение молодежи к половой жизни. Постепенно возникло новое табу — запрет юношам, не подвергшимся традиционному избиению, вступать в половые отношения. Приняв традиционный характер, избиения юношей по достижении ими зрелости по существу стали обрядом, знаменующим их приобщение к половой жизни коллектива, их превращение во взрослых мужчин, в полноправных членов коллектива.

Превращение избиения юношей в посвятительный обряд, возникновение инициаций связано, вероятно, с появлением половых охотничье-производственных табу. Нарушение гаремного табу со стороны молодежи если и имело место, что весьма сомнительно, то во всяком случае никак не могло носить массового характера. Иначе обстоит дело с половыми производственными табу. Попытки со стороны молодежи вступить в половое общение во время становившихся все более продолжительными периодов воздержания не могли не иметь первоначально массового характера и не могли не вызывать столь же массовых репрессий, с течением времени превратившихся в посвятительные обряды¹.

С возникновением половых производственных табу жизнь первобытного стада стала состоять из чередования периодов полового воздержания и периодов промискуитетных праздников. Принимать участие в последних имели право лишь взрослые, т. е. только люди, прошедшие инициацию. Подростки, не прошедшие посвятительных обрядов, участия в этих праздниках принять не могли. Так как инициация была таким событием в жизни формирующихся людей, после которого последние получали право принимать участие в промискуитетных праздниках, то вполне естественно, что они оказались теснейшим образом связанными с этими первобытными торжествами. Посвятительные обряды не могли совершаться в иное время, кроме как в начале очередного промискуитетного праздника. После этих обрядов начинался промискуитетный праздник, в котором инициированные юноши получали возможность впервые принять участие. Впрочем, не исключена возможность, что в некоторых стадах с целью проверки умения юношей обуздывать себя им разрешалось включиться в половую жизнь коллектива, начиная не с данного праздника, а со следующего за ним.

До сих пор речь шла исключительно лишь о мужских инициациях. Несомненно, однако, что первобытным стадом должны были приниматься определенные меры, чтобы добиться соблюдения половых запретов и от женщин. Наряду с посвятительными обрядами для юношей должны были возникнуть и инициации для девушек, знаменующие их переход в ранг взрослых женщин. И они дей-

¹ Возникнув как средство предотвращения нарушения со стороны молодежи половых производственных табу, инициации в дальнейшем по мере возникновения новых норм, регулирующих отношения между полами, а также различного рода норм, регламентирующих взаимоотношения людей в других сферах их жизни, становились средством предотвращения нарушения и этих новых возникших моральных правил. Во время инициаций у отсталых народов современности до сведения юношей доводятся не только нормы, регулирующие отношения полов, но и все остальные существующие в коллективе моральные нормы.

ствительно возникли. О том, какой характер они носили, дают возможность составить представление данные этнографии.

У племен Центральной Австралии над девушкой по достижении ею брачного возраста совершалась операция дефлорирования, а затем группа мужчин овладевала ею. Бросающейся в глаза особенностью является та, что во время дефлорирования к девушке получали доступ не только мужчины, принадлежавшие к той же группе, что и ее будущий муж, но и мужчины, которым в обычное время половые отношения с ней были строжайше воспрещены. Во всех 16 племенах Центральной Австралии к девушке имели доступ мужчины, для которых она в обычное время была табу, а в 9 из них (арунта, кайтиш, ильпирра, иллиаура, лоритья, бингонгина, вальпари, варраунга, воргайя) даже лица, принадлежащие к одной с ней фратрии и брачному классу, т. е. люди, которым за сношение с ней в обычное время грозила смерть (Spencer and Gillen, 1899a, p. 94—96; 1904, p. 133—137; 1927, I, p. 472—474).

Приведенные данные не оставляют сомнения в том, что подобного рода обычай возник до появления экзогамного запрета, т. е. в первобытном человеческом стаде. О связи этого обычая с промискуитетными праздниками первобытных стад говорит и то обстоятельство, что в большинстве случаев эта церемония приурочивалась ко времени больших праздничных сборищ, характеризовавшихся значительной половой свободой (Spencer and Gillen, 1899a, p. 92—93; 1927, I, p. 472).

Существование подобного рода обычаев отмечено у многих австралийских племен, в частности у племен Квинсленда, хотя не у всех из них к девушкам имели доступ мужчины, принадлежащие к запретным группам. Коллективная дефлорация девушек и у этих племен также приурочивалась к большим праздничным сборищам (Roth, 1897, p. 174).

Пережитком такого рода посвячительных обрядов является существовавший у целого ряда племен и народов (древние жители Киренаики и Балеарских о-вов, берега Эфиопии, ватеита и другие племена Восточной Тропической Африки, некоторые племена Центральной и Южной Африки, полинезийцы Маркизских о-вов, некоторые племена Новой Гвинеи, ряд племен Центральной и Южной Америки) так называемый насамонийский обычай, заключавшийся в том, что после свадьбы присутствующие на ней мужчины овладевали невестой и лишь после этого к ней получал доступ жених, а также имевший широкое распространение по всему миру обычай добрачной дефлорации девушки отцом, колдуном, жрецом, вождем и т. п., последним отзвуком которого являлось пресловутое

«право первой ночи» (Johnston, 1885, p. 7—8; French-Sheldon, 1892, p. 365—366; Stannus, 1910, p. 303; Hartland, 1910, II, p. 176; Westermarck, 1925, I, p. 167—168; Briffault, 1927, III, p. 224—238, 312—319; Геродот, 1885, I, стр. 140; Ковалевский, 1886, II, стр. 30—49; Краулей, 1905, стр. 347—349; Толстов, 1948, стр. 321—325; Миклухо-Маклай, 1951, III, ч. I, стр. 362 и др.). Следы насамонийского обычая зафиксированы в свадебных обрядах таких европейских народов, как ирландцы, французы, итальянцы, немцы, латыши, чехи, поляки, русские, украинцы, белорусы, южные славяне, коми, а также у народов Кавказа и китайцев (А. Смирнов, 1878, стр. 51—56, 165—166; Ковалевский, 1886, II, стр. 5; Шейн, 1900, I, вып. 2, стр. 668; Довнар-Запольский, 1909, стр. 78—81; Кагаров, 1929а, стр. 191; Briffault, 1927, III, p. 225—226).

Не у всех племен женские инициации исчерпывались коллективной дефлорацией. У некоторых они включали в себя моменты, напоминающие те мучительные испытания, которым подвергались юноши. Так, например, у некоторых австралийских племен девушкам во время инициации выбивали зубы. Однако в целом женские инициации носили значительно более мягкий характер, чем мужские. По-видимому, это объясняется тем, что нарушения половых табу со стороны девушек не носили столь яркого характера, как со стороны юношей.

Изложенный выше материал, на наш взгляд, дает достаточное основание для заключения, что женские инициации происходили, как и мужские, во время промискуитетных праздников и что главной их частью было коллективное овладение девушкой всеми мужчинами, принадлежавшими к данному коллективу. В пользу положения, что инициации возникли в эпоху первобытного стада, а не родового общества, говорит не только их теснейшая связь с промискуитетными праздниками, но и то обстоятельство, что мужские инициации включали в себя в качестве своего необходимейшего момента мучительные испытания. В родовом обществе не было необходимости прибегать к столь суровым мерам, чтобы добиться от юношей соблюдения норм морали. Этим объясняется наблюдаемое в нем постепенное смягчение этих испытаний. Иначе обстояло дело в эпоху обуздания зоологического индивидуализма, в эпоху первобытного стада. В то время применение столь жестоких средств было насущной необходимостью.

В заключение можно указать, что положение о возникновении инициаций в эпоху первобытного стада находит свое подтверждение в преданиях, бытовавших у аборигенов Австралии, в частности в мифах арунта. В этих преданиях рассказывается о событиях,

происходивших в мифическую эпоху — альчера (альтжира), во время которой жили и действовали тотемистические предки арунта (Spencer and Gillen, 1899a, p. 387—418).

В альчера выделяются четыре периода: первый носит название раннего альчера, второй и третий вместе образуют средний альчера, последний, четвертый, известен под названием позднего альчера. Согласно преданиям, в течение первых трех периодов (раннего и среднего альчера) не было тех брачных ограничений, которые имели место у современных арунта, в частности полностью отсутствовала экзогамия (p. 393, 418). Все эти запреты возникли лишь в позднем альчера.

В то же время, согласно преданиям, в течение всех первых трех периодов существовала операция обрезания, являвшаяся важнейшей составной частью посвятительных обрядов не только у арунта и многих других австралийских племен, но и у большого числа народов и племен земного шара. Как рассказывается в мифах, во втором периоде (первой половине среднего альчера) произошло существенное изменение в посвятительных обрядах. Если раньше операция обрезания производилась заостренной и обожженной на костре палкой, то, начиная с этого времени, она стала производиться с помощью каменного ножа. О возникновении самой операции в преданиях, даже относящихся к самой ранней эпохе, ничего не говорится. Это можно объяснить только тем, что происхождение этого обычая относится к эпохе, столь отдаленной, что о ней не сохранилось воспоминаний. Об исключительной древности обряда обрезания говорит и тот факт, что оно первоначально производилось не каменным орудием, а деревянным.

Таким образом, согласно австралийским преданиям, один из важнейших посвятительных обрядов существовал задолго до возникновения экзогамии, задолго до возникновения родового общества.

5. Основные этапы развития первобытного человеческого стада

Возникший на определенном этапе развития первобытного стада конфликт между производством и детопроизводством, между развивающимся производством, требовавшим возрастания уровня сплочения первобытного стада, и существовавшими в стаде неограниченными беспорядочными половыми отношениями был преодолен путем освобождения периодов напряженной хозяйственной деятельности от половых отношений, путем ограничения проявления полового инстинкта во времени. Формирующиеся производ-

ственные отношения были не настолько еще сильны, чтобы подчинить себе половые отношения, упорядочить и организовать их. Возникновение социальной организации половых отношений на том уровне развития не было еще возможно. Но формирующиеся социальные отношения к тому времени настолько окрепли, что уже были в состоянии частично вытеснить оставшиеся неупорядоченными половые отношения из жизни коллектива, превратить их из постоянно существующих в периодически возникающие.

Освобождение периодов интенсивной хозяйственной деятельности от половых отношений было невозможно без резкого возрастания способности первобытного человеческого стада регулировать поведение своих членов и без значительного совершенствования способности его членов контролировать свои действия, подавлять и обуздывать свои инстинкты, свои биологические потребности. Поэтому возникновение половых производственных табу следует рассматривать не только как огромный успех, достигнутый в обуздании полового инстинкта, но и как свидетельство о возникновении в первобытном стаде возможности сравнительно быстрого подавления любого биологического инстинкта. Подавление полового инстинкта проложило дорогу для ограничения всех остальных, для успешного обуздания зоологического индивидуализма вообще.

Вместе с появлением возможности обуздания любых зоологических потребностей в первобытном стаде возникла и настоящая необходимость в подавлении не только полового, но и других биологических инстинктов и прежде всего в ограничении и регулировании пищевого инстинкта.

Пищевой инстинкт, как и половой, всегда был источником конфликтов внутри первобытного человеческого стада. Стремление утолить голод неизбежно должно было порождать драки из-за пищи, а иногда толкать к убийству и каннибализму. Однако вплоть до возникновения половых производственных табу пищевой инстинкт как источник конфликтов не шел ни в какие сравнения с половым. Освобождение периодов хозяйственной деятельности от половых отношений и тем самым от конфликтов, имеющих своей основой половое соперничество, привело к тому, что конфликты, возникающие на почве пищевых устремлений, стали основным препятствием на пути дальнейшего развития производственной деятельности.

С возникновением половых производственных табу пищевой инстинкт выступил на первый план как источник конфликтов, расстраивавших производственную и тем самым и приспособительную деятельность коллектива. Ничем не контролируемое, его проявление начало по мере дальнейшего совершенствования производ-

ственной деятельности представлять все большую опасность для первобытного стада. Как средства нейтрализации этой опасности стали возникать пищевые табу — нормы, ограничивающие проявление пищевого инстинкта. Одним из первых пищевых табу явился, вероятно, запрет каннибализма внутри стада.

Ничем не регулируемое функционирование пищевого инстинкта в первобытном стаде было опасно не только тем, что порождало конфликты между членами стада. Оно было опасно и в том случае, когда не порождало конфликтов. При отсутствии норм, регулирующих проявление пищевого инстинкта, количество пищи, которое доставалось на долю каждого члена стада, зависело от его телосложения, физической силы, умения пользоваться оружием и других подобных качеств. Члены стада, обладавшие могучим телосложением и большой физической силой, завладевали почти всей пищей. На долю слабых членов стада приходились лишь остатки, а иногда они и вообще оставались без пищи. Подобное положение должно было иметь своим следствием гибель слабых членов стада, сокращение численности членов первобытного коллектива, что не могло не сказываться неблагоприятно на развитии производственной, а тем самым и приспособительной деятельности формирующихся людей.

Насущной производственной необходимостью на определенном этапе развития первобытного человеческого стада должно было стать возникновение более или менее уравнительного распределения пищи между членами своего коллектива. Вслед за запретом каннибализма должны были неизбежно возникнуть нормы, регулирующие распределение пищи между членами первобытного стада. И они возникли. Косвенным свидетельством этого является наличие у примитивных народов разнообразных пищевых табу — пищевых запретов. Эти пищевые табу считались зачастую столь важными, что требование соблюдения их было одним из основных, предъявляемых юношам во время инициаций (Howitt, 1885, р. 316; Spencer and Gillen, 1899а, р. 249; Левп-Брюль, 1937, стр. 193—194; Элькин, 1952, стр. 86). У целого ряда племен Восточной Тропической Африки, в частности у ваю (яю), к юношам во время инициаций предъявлялось требование всегда в течение всей жизни делиться пищей с остальными членами коллектива. О том, какое важное место занимала норма, обязывавшая делиться пищей с другими членами коллектива, среди других сообщаемых во время инициаций моральных правил, говорит тот факт, что на человека, отказавшегося поделиться пищей с другими, смотрели как на не прошедшего посвятельные обряды (W e g n e r, 1906, р. 126).

Итак, мы видим, что возникновение половых производственных табу было огромным шагом вперед не только в подавлении полового инстинкта, но и в обуздании животного индивидуализма вообще. Возникновение этих табу, освобождение периодов хозяйственной деятельности от оставшихся неупорядоченными половых отношений, последовавшее за этим появление пищевых табу свидетельствовали о том, что производство орудий стало в жизни первобытного стада явлением, более важным, чем даже воспроизводство себе подобных, что удовлетворение производственных, социальных потребностей стало для формирующихся людей делом большей важности, чем удовлетворение индивидуальных, биологических, что социальное одержало победу над биологическим. Возникновение половых производственных табу означало наступление крутого перелома в процессе обуздания животного индивидуализма, борьбы социального и биологического, в процессе развития первобытного человеческого стада.

С появлением половых производственных табу произошло своеобразное раздвоение первобытного стада. Последнее раздвоилось во времени. Во время периодов полового воздержания первобытное стадо представляло собой объединение, в котором по существу никаких других отношений, кроме социальных, не было, объединение, в котором зоологический индивидуализм был почти полностью обуздан, т. е. представляло собой почти полностью производственный коллектив. Во время действия половых производственных табу первобытное человеческое стадо являлось во многом почти чисто социальным организмом, почти настоящим человеческим обществом. Напротив, во время промискуитетных праздников первобытное стадо представляло собой объединение, в котором почти полностью господствовали беспорядочные половые отношения, в котором биологические отношения были преобладающими, являлось объединением по воспроизводству себе подобных, дето-производственным.

Вполне понятно, что это раздвоение не было и не могло быть абсолютным. С одной стороны, первобытное стадо не становилось во время промискуитетных праздников чисто зоологическим объединением, в нем продолжали действовать некоторые табу, в частности гаремный запрет, пищевые запреты и т. п. С другой стороны, и в периоды полового воздержания первобытное стадо не становилось полностью социальным организмом, подлинно человеческим коллективом. Тем не менее между первобытным стадом в период действия половых табу и им же в период промискуитетных праздников существовало значительное различие, которое нельзя не учитывать. В первый период оно было почти социальным органи-

мом, во второй — во многом чисто биологическим воспроизводительным объединением. В явившемся результатом борьбы социального и биологического раздвоения первобытного человеческого стада ярко проявилась его двойственная природа как социально-биологического организма.

Возникновение половых производственных табу не только привело к раздвоению первобытного человеческого стада, но и положило конец его аморфности и бесструктурности. Внутри ранее аморфного, бесструктурного первобытного стада возникло возрастное деление. Все члены стада разделились на две группы: группу взрослых полноправных членов стада, состоящую из мужчин и женщин, прошедших инициации и пользующихся правом участвовать в половой жизни коллектива, и группу детей и подростков.

В свою очередь группа взрослых постепенно разделилась на мужскую и женскую. Это обособление было связано с половыми производственными табу. Этнографический материал свидетельствует о том, что во время периодов действия половых производственных табу не только запрещаются половые отношения, но в той или иной степени ограничиваются остальные отношения между полами. Во время действия половых табу мужчинам часто запрещается прикасаться к женщинам, есть пищу, ими приготовленную, смотреть на женщин, разговаривать с ними, жить под одной крышей с ними и т. п. Можно думать, что какая-то табуация бытовых отношений между полами имела место и в первобытном стаде.

Одной из причин такой табуации была боязнь нарушения половых запретов. Формирующиеся люди, у которых еще недостаточно была развита способность контролировать свои действия, возможно, не могли в достаточной степени сдерживать свои инстинкты, когда находились слишком близко к существам другого пола. Некоторое разобчение полов было средством избежать возможных нарушений табу.

Однако обособление полов в первобытном человеческом стаде не могло быть слишком большим. Нельзя, на наш взгляд, согласиться с выдвинутым С. П. Толстовым в статье «Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен» (1935) положением о том, что табуация отношений между полами в первобытном стаде зашла так далеко, что привела к его распаду на два самостоятельных хозяйственных коллектива — мужской и женский. Самостоятельное существование коллектива, состоящего только из женщин и детей, немыслимо. Женщины, оставшиеся без мужчин с детьми на руках, не смогли бы ни вести охоту, ни успешно защищаться от нападения хищников. Такого рода коллектив, даже если бы он возник, неизбежно был бы обречен на гибель. О том, что первобыт-

ное человеческое стадо продолжало оставаться коллективом, включавшим в свой состав представителей обоих полов, говорят данные о неандертальских погребениях. В пещерах Спи, Ля Ферасси, Табун и Схул обнаружены вместе и мужские, и женские, и детские погребения (Обермайер, 1913, стр. 160—166; Люке, 1930, стр. 19—20; Окладников, 1952б, стр. 168—169; Garrod and Bate, 1937, p. 26, 63—65, 91—105; Mc Cown and Keith, 1939, p. 2—10).

Разобщение полов в первобытном человеческом стаде в самом крайнем случае не шло, по всей вероятности, дальше временного отделения мужчин от женщин в период подготовки к охоте, дальше возникновения временного мужского лагеря, поддерживавшего самые тесные отношения с основным стойбищем. Возникшее вместе с появлением половых производственных табу некоторое ограничение бытовых отношений полов явилось одним из факторов, способствовавших развитию разделения труда между мужчинами и женщинами, что в свою очередь оказало обратное влияние на табуацию бытовых отношений полов, закрепив и усугубив ее.

Во всяком случае независимо от того, какого мнения придерживаться по вопросу о степени разобщения полов в первобытном стаде, можно полагать, что взрослые мужчины и женщины составляли в нем две несколько обособленные группы. С учетом того, что было сказано выше о существовании в первобытном стаде деления на взрослых и детей, все члены его оказывались принадлежащими к одной из трех групп: группе взрослых мужчин, группе взрослых женщин, группе детей и подростков. Так как вскармливание детей и забота о них были делом женщин, то женская группа была неразрывно связана с группой детей. Что же касается взрослых мужчин, то они образовывали в составе первобытного человеческого стада несколько обособленную группу, в известном отношении противостоящую всем остальным членам стада. Деление первобытного стада на группу взрослых мужчин, с одной стороны, и группу, состоявшую из взрослых женщин и детей — с другой, было не только не менее, а, пожалуй, даже более важным, чем возрастное деление.

На основании всего изложенного выше можно сделать вывод о существовании в развитии первобытного человеческого стада двух основных этапов, из которых первый характеризуется наличием в нем одного лишь гаремного табу, неограниченным господством промискуитетных отношений и аморфностью, бесструктурностью человеческого коллектива, а второй — ограничением промискуитета во времени, раздвоением первобытного стада во времени на почти чисто социальный организм и на во многом

биологическое объединение, возникновением в нем нескольких более или менее обособленных групп, наличием в коллективе, кроме половых табу, также и пищевых запретов. На первом этапе развития первобытного человеческого стада социальное еще только начало обуздывать зоологический индивидуализм, на втором — оно взяло верх над биологическим.

Возникновение половых производственных табу, как уже указывалось, было связано с возрастанием роли охоты и изменением ее характера, с превращением охоты из деятельности во многом случайной и стихийной в деятельность систематическую, планируемую и организованную. Как свидетельствуют данные археологии, возрастание роли охоты началось примерно с конца шелля. К раннему ашелю относится появление первых настоящих охотничьих стойбищ (Равдоникас, 1939, I, стр. 168; Ефименко, 1953, стр. 149, 157—159; «Всемирная история», 1955, I, стр. 28). Резкий скачок в развитии охоты произошел с переходом от раннего ашеля к позднему ашелю — раннему мустье. Охота, как уже отмечалось, стала ведущей формой приспособительной деятельности еще у предлюдей. Формирующиеся люди с самого начала были не только и не столько собирателями, сколько охотниками. Никакой особой доохотничьей, собирательской стадии в истории человеческого хозяйства не существовало. Однако, с самого начала являясь ведущей формой присваивающей деятельности пралюдей, охота в силу своей относительной неразвитости вплоть до середины ашеля не могла еще стать главным источником средств существования. В течение всей первой половины раннего палеолита основную массу продуктов питания доставляло, по-видимому, собирательство. Начиная же с середины ашеля, охота, наконец, превращается в главный источник существования формирующихся людей, становится основой получения ими жизненных благ (Равдоникас, 1939, I, стр. 168—169; Ефименко, 1953, стр. 149—150, 179—180, 229; «Всемирная история», 1955, I, стр. 42—43; Борисковский, 1957а, стр. 87—93).

Если учесть, что смена раннего ашеля поздним совпадает с крутым переломом в формировании производительных сил, то естественно предположить, что именно к этому времени и относится начало крутого перелома в формировании общественных отношений.

В таком случае известная деградация каменной индустрии, имевшая место в конце раннего ашеля, получает объяснение не только как результат прямого противоречия между потребностями развития производственной деятельности и морфологической организацией человека, но и как следствие конфликта между по-

требностями развития производства и ничем не ограниченными промискуитетными отношениями. Не только первое, но и второе противоречие не могло быть преодолено без совершенствования физической организации человека. Половые производственные табу требовали для своего возникновения такого уровня развития способности формирующегося человека обуздывать себя, подавлять свои инстинкты, который не мог быть достигнут при сохранении существовавшей морфологической организации. Только превращение позднейших протантропов в ранних палеантропов сделало возможным появление и развитие половых производственных табу.

Как уже указывалось в главе II, к выводу о том, что где-то в ашеле или раннем мустье в развитии первобытного человеческого коллектива произошел крупный перелом, пришли на основе обобщения фактического материала почти все советские археологи (Равдоникас, 1939, I, стр. 154, 161; Ефименко, 1953, стр. 241—245; «Всемирная история», 1955, I, стр. 34—46; Борисковский, 1957а, стр. 137—140 и др.). Выдвинутое ими положение о том, что между объединениями питекантропов и синантропов, с одной стороны, и коллективами неандертальцев — с другой, существовало значительное различие, нельзя не признать совершенно правильным. Однако с имеющейся в их работах характеристикой сдвигов, происшедших в первобытном человеческом коллективе в ашельскую эпоху, полностью согласиться нельзя. Сдвиги эти, по нашему мнению, состояли не в превращении промискуитетного коллектива в общину с кровнородственной семьей, как они утверждают, а в превращении аморфного стада с неограниченным промискуитетом в стадо с ограниченным во времени промискуитетом, в стадо, обладающее определенной внутренней структурой.

Все это вместе взятое дает определенные основания для утверждения, что первая основная стадия становления человеческого общества — эпоха аморфного стада с неограниченным промискуитетом — совпадает с первой половиной раннего палеолита (шелль, ранний ашель) — временем существования протантропов (питекантропов, синантропов, атлантропов), а вторая — эпоха первобытного стада с ограниченным во времени промискуитетом — охватывает вторую половину раннего палеолита (поздний ашель и мустье) — время существования палеантропов (людей неандертальского типа). Выделить какие-либо этапы в развитии первобытного стада с неограниченным промискуитетом не представляется возможным. Иное дело — первобытное стадо с ограниченным во времени промискуитетом.

Породившая половые табу производственная деятельность, развиваясь, предполагала и требовала непрерывного расширения сферы их действия, освобождения все больших периодов времени от продолжавших оставаться беспорядочными половых отношений. Эволюция первобытного стада после возникновения половых производственных табу прежде всего состояла в том, что производственные, социальные отношения все в большей и большей степени вытесняли отношения половые, детопроизводственные из жизни людей, в том, что оно все в большей и большей степени становилось коллективом социальным, производственным и все в меньшей и в меньшей степени объединением детопроизводственным, биологическим.

Логическим завершением этого процесса должно было бы быть полное вытеснение отношениями социальными отношений половых, биологических из жизни первобытного стада, т. е. превращение его из организма биосоциального, каким оно являлось, в организм подлинно социальный. Однако в действительности процесс становления человеческого общества завершиться путем постепенного, плавного вытеснения половых, биологических отношений отношениями социальными не мог. Первобытное человеческое стадо с полным вытеснением половых отношений из жизни его членов не превратилось бы в подлинно социальный организм. Оно просто перестало бы существовать.

Биосоциальный организм не мог превратиться в социальный путем постепенного заполнения старой формы новым содержанием. Производственные, социальные отношения могли более или менее успешно формироваться в оболочке первобытного стада лишь до определенного предела. При переходе за него неизбежно должен был возникнуть острый конфликт между новым содержанием и старой формой, без разрешения которого дальнейшее развитие становилось невозможным. Исходя из этого, следует предположить существование в эволюции первобытного стада с ограниченным промискуитетом по крайней мере двух этапов, первый из которых характеризуется постепенным расширением сферы действия половых производственных табу и столь же постепенным укреплением коллектива, а второй — высоким уровнем сплоченности коллектива и в то же время наступлением кризиса в его развитии и тем самым кризиса в процессе становления человеческого общества.

Исходя из этого, в эволюции первобытного стада с ограниченным промискуитетом следует ожидать наступления какого-то крутого перелома, который должен быть ознаменован значительным прогрессом в обуздании зоологического индивидуализма, с од-

ной стороны, замедлением и даже в какой-то степени прекращением развития — с другой. И такой перелом действительно имел место. Им явился переход от позднего ашеля — раннего мустье (времени ранних палеантропов) к позднему мустье (эпохе поздних палеантропов).

Как указывалось в главе IX, смена ранних палеантропов поздними была связана с резким сокращением числа убийств, с почти полным исчезновением каннибализма, с появлением в человеческом коллективе взаимной заботы и помощи. В то же время переход, как уже говорилось, был ознаменован отклонением развития неандертальцев от сапиентного направления и появлением черт застоя и даже регресса в развитии каменной индустрии.

Все это дает основания рассматривать поздний ашель — раннее мустье как эпоху возникновения и постепенного расширения сферы действия половых производственных и пищевых табу, эпоху раздвоения первобытного стада во времени. Подобная характеристика этого периода не находится в противоречии с приведенными в главе IX данными, свидетельствующими о довольно частых конфликтах в среде живших в то время неандертальцев. В эпоху становления значительного числа новых запретов учащение столкновений между коллективом в целом и отдельными его членами было совершенно неизбежно и закономерно.

Столь же логично рассматривать позднее мустье — время поздних неандертальцев — как эпоху кризиса первобытного человеческого стада, а финальное мустье — время позднейших палеантропов — как эпоху разрешения этого кризиса, эпоху превращения первобытного стада в подлинно социальный организм, период завершения процесса становления человеческого общества.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ТОТЕМИЗМА — ПЕРВОЙ ФОРМЫ ОСОЗНАНИЯ ЕДИНСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КОЛЛЕКТИВА

1. Вызревание предпосылок осознания единства первобытного человеческого коллектива

Возникновение половых производственных табу было крупнейшим сдвигом в процессе обуздания зоологического индивидуализма, в процессе становления человеческого общества. По мере того, как возникали и развивались половые производственные, а вслед за ними пищевые и иные табу, социальное все больше брало верх над биологическим, все более прочными становились социальные узы, связывающие членов первобытного стада, все больше крепло единство первобытного человеческого коллектива. Сплоченность первобытного стада, прогрессируя, рано или поздно должна была достигнуть предела, за которым дальнейшее возрастание единства человеческого коллектива стало невозможным без осознания этого единства его членами.

Сделав необходимым осознание единства первобытного стада его членами, развитие производственной деятельности сделало его и возможным. В процессе практической деятельности члены первобытного человеческого стада все в большей и большей степени убеждались в том, что все они, вместе взятые, составляют единое целое, что судьба каждого из них неразрывно связана с судьбой всех остальных членов стада, с судьбой коллектива в целом.

Однако ставшее в результате развития производственной деятельности и необходимым, и возможным осознание единства первобытного стада формирующимися людьми не могло быть ни прямым, ни адекватным. Невозможно представить, чтобы пралюди смогли понять, что в коллектив их связывает производство, что их коллектив в своей основе является экономическим, производ-

ственным. Реально существующее экономическое в своей основе единство всех членов первобытного стада могло отразиться в головах формирующихся людей лишь в непрямой (опосредствованной) и неадекватной (иллюзорной) форме. В то же время осознание общности, существующей между членами первобытного коллектива, не могло носить абстрактной, отвлеченной формы. Первая форма осознания единства человеческого коллектива, таким образом, должна была одновременно носить наглядный, опосредствованный и иллюзорный характер. Возникновение этой одновременно наглядной, иллюзорной и опосредствованной формы осознания единства человеческого коллектива было подготовлено всем ходом предшествовавшей практической деятельности пра-людей, в частности развитием их охотничьей деятельности.

Охота, как уже указывалось, и неоднократно, играла огромную роль в жизни формирующихся людей. Необходимым условием успешного развития охотничьей деятельности была выработка приемов, которые могли бы обеспечить удачный исход охоты. Вполне понятно, что такие приемы должны были вырабатываться в зависимости от специфики животных, на которых шла охота. Выработка их требовала знания особенностей поведения животных данного вида, их повадок и привычек. Чем глубже знали охотники все особенности животных данного вида, тем совершеннее были приемы охоты и тем успешнее был ее результат.

В процессе своей практической деятельности пра-люди все в большей степени осознавали, с одной стороны, то общее, что было присуще всем животным, принадлежащим к одному виду, с другой стороны, различие между отдельными видами животных. Результаты этой обобщающей познавательной деятельности закреплялись в языке. На определенном этапе развития практической деятельности людей закономерно возникли названия как для важнейших видов животных, являвшихся объектами этой деятельности, так и для других классов предметов. «Как и всякое животное,— писал К. Маркс (т. 19, стр. 377—378), характеризуя первые этапы развития практической и познавательной деятельности людей,— они [люди.— Ю. С.] начинают с того, чтобы *есть, пить* и т. д., т. е. не „стоять“ в каком-нибудь отношении, а *активно действовать*, овладевать при помощи действия известными предметами внешнего мира и таким образом удовлетворять свои потребности. (Начинают они, таким образом, с производства). Благодаря повторению этого процесса способность этих предметов „удовлетворять потребности“ людей запечатлевается в их мозгу, люди и звери научаются и „теоретически“ отличать внешние предметы, служащие удовлетворению их потребностей, от всех

других предметов. На известном уровне дальнейшего развития, после того как умножились и дальше развились тем временем потребности людей и виды деятельности, при помощи которых они удовлетворяются, люди дают отдельные названия целым классам этих предметов, которые они уже отличают на опыте от остального внешнего мира. Это неизбежно наступает, так как они находятся в процессе производства, т. е. в процессе присвоения этих предметов, постоянно в трудовой связи между собой и с этими предметами, и вскоре начинают также вести борьбу с другими людьми из-за этих предметов. Но это словесное наименование лишь выражает в виде представления то, что повторяющаяся деятельность превратила в опыт, а именно, что людям, уже живущим в определенной общественной связи (это — предположение, необходимо вытекающее из наличия речи), определенные внешние предметы служат для удовлетворения их потребностей...

Итак: люди фактически начали с того, что присваивали себе предметы внешнего мира как средства для удовлетворения своих собственных потребностей и т. д. и т. д.; позднее они приходят к тому, что *и словесно* обозначают их как *средства удовлетворения своих потребностей*, — каковыми они уже служат для них в практическом опыте...»

Выше уже отмечалось, что роль охоты в жизни пралюдей начала быстро возрастать с конца шелля и что с переходом от раннего ашеля к позднему она стала главным источником их существования. Указывалось также, что переход от раннего ашеля к позднему был переломом не только в развитии каменной индустрии, но и в формировании физического типа человека. Превращение протантропов в палеантропов являлось крупным сдвигом в процессе формирования человека как производительной силы и как общественного существа, в процессе формирования морфологической организации человека, человеческого мышления и языка.

В. В. Бунак (1951б, стр. 44—50; 1951в, стр. 274—283), относящий появление начальных, зачаточных понятий к дошелльской эпохе, а более или менее оформленных общих понятий об основных видах деятельности как собирательской, так и охотничьей — к шеллю — ашелю, связывает с переходом к палеантропам возникновение довольно большого числа дифференцированных понятий, в том числе и о явлениях внешнего мира, непосредственно не доступных для практического воздействия на них человека. Схема развития языка и мышления, предложенная В. В. Бунаком, носит гипотетический характер. Против нее может быть выдвинуто немало возражений. Однако независимо от согласия с ней

приведенные выше данные дают достаточные основания для предположения о том, что у ранних палеантропов могли возникнуть и возникли понятия, отражающие то общее, что присуще всем животным, принадлежащим к тому или иному виду, могли возникнуть и возникли названия для отдельных видов животных, игравших большую роль в их жизни.

С возникновением видового названия чувственными, наглядными для человека стали не только индивидуальные особенности каждого животного, принадлежащего к данному виду, но и то общее, что всем им было присуще. Применяя к каждому животному, принадлежащему к данному виду, одно и то же слово, человек признавал тем самым всех животных данного вида тождественными друг другу. С возникновением видового названия все животные данного вида, продолжая оставаться для человека отдельными конкретными объектами, имеющими свои индивидуальные особенности, в то же время наглядно выступили перед ним как что-то единое, как общность. Общность между всеми животными одного вида, в существовании которой убеждал человека весь ход его практической деятельности, была для него наглядно, чувственно воплощена в слове, обозначающем всех без исключения животных, принадлежащих к данному виду.

Развитие охотничьей деятельности привело не только к сознанию того, что все без исключения животные, принадлежащие к одному виду, несмотря на все существующие между ними различия, имеют между собой общее, являются в определенном отношении тождественными друг другу, но и к возникновению убеждения в отсутствии резкой грани между людьми и животными, к возникновению веры в оборотничество.

Характеризуя приемы охоты формирующихся людей, П. П. Ефименко (1953) писал: «Нелегко представить себе приемы овладения такими крупными животными, как мамонт, носорог, лошадь, бык, приемы, столь успешно практиковавшиеся мустьерскими охотниками. Трудно было бы предполагать, как это делают некоторые авторы, что мустьерский человек мог широко пользоваться в качестве главного средства охоты таким относительно сложным приспособлением, как ямы-западни для масовой охоты, например, на такого зверя, как носорог и мамонт... Кажется гораздо более вероятным, что он должен был широко использовать всякого рода уловки, основанные на знании привычек зверя, так как его охотничье вооружение было слишком несовершенным для непосредственной борьбы, по крайней мере с более крупными и сильными представителями животного мира. Уже в ту эпоху, вероятно, возникла охота с помощью загона ог-

нем на выбранных участках степи, прилегавших к крутым ущельям, так же как использование для этой цели водоемов в местах, удобных для охоты» (стр. 228—229).

Вряд ли, на наш взгляд, можно сомневаться в том, что среди разнообразных уловок, к которым прибегали пралюди, важную роль играла охотничья маскировка, включавшая в себя два основных момента: ряжение охотников под зверя (собственно маскировка) и имитирование охотниками движений и повадок животного. Известно, что охотничья маскировка имела в прошлом, а отчасти и в настоящем, очень широкое распространение среди племен и народов Азии, Африки, Австралии, Северной и Южной Америки и отличалась высоким искусством¹. Прекрасным примером в этом отношении могут послужить бушмены. «Бушмены,— пишет В. Элленбергер (1956, стр. 144—145),— переряживались в тех животных, на которых они собирались охотиться. Охотник натягивал на голову своего рода капор из шкуры, снятой, например, с головы газели, вместе с рогами и ушами. Затем он, скрываясь в высокой траве, подползал медленно и осторожно к животному на расстояние выстрела, натягивал лук, выпускал отравленную стрелу и наверняка убивал животное. Но в иных случаях такое частичное переодевание считалось недостаточным из-за инстинктивной настороженности некоторых животных. Охотясь на пугливых и осторожных зверей, бушмены обычно прибегали к полному переодеванию, облачались в шкуру антилопы... или в шкуру зебры или перевоплощались в страусов; в последнем случае они продвигались вперед, имитируя неуклюжую походку этих гигантских птиц. Они ловко действовали палкой с привязанной к ней головой страуса, весьма реалистично подражая движениям этой птицы, когда она клюет или поднимает голову, осматриваясь. Подобный способ охоты... применяли бушмены при охоте на зебру...»

Будучи весьма эффективной охотничьей уловкой, маскировка под животное и имитирование его движений возникли очень давно. Корни охотничьей маскировки уходят в глубочайшее прошлое. О ее существовании в верхнем палеолите свидетельствуют относящиеся к этому периоду изображения на стенах пещер человеческих фигур в звериных масках и шкурах (Богаевский, 1933, 1934; Равдоникас, 1937, стр. 18—25; 1939, I, стр. 223; Гущин, 1937, стр. 94—96; Ефименко, 1953, стр. 520—523; Авдеев, 1959, стр. 42—44 и др.).

¹ Хорошая сводка материалов по этому вопросу имеется в работе А. Д. Авдеева «Происхождение театра» (1959, стр. 41—51).

Прямыми данными о существовании охотничьей маскировки в предшествующую верхнему палеолиту эпоху мы не располагаем. Однако допустить ее существование в этот период заставляет высокий уровень развития охотничьей деятельности палеантропов и огромная роль охоты в их жизни. Вся обстановка жизни пралюдей неизбежно должна была породить маскировку как прием охоты. Охота доставляла палеантропам не только пищу, но и материал для одежды (Равдоникас, 1939, I, стр. 180; Ефименко, 1953, стр. 241; Абрамова, 1960, стр. 149; С. Семенов, 1964, стр. 177). Ношение одежды из звериных шкур могло способствовать в определенных случаях успеху охоты, помогая охотникам приблизиться к животным. В результате из простого ношения шкуры постепенно развились различного рода способы намеренного ряжения охотников под зверей. Однако ряжение само по себе во многих случаях не могло обеспечить требуемой практикой степени сходства с животными. Практической необходимостью являлось дополнение ряжения подражанием движениям животного, под которого рядился охотник.

Имитирование движений животного получило тем большее развитие, что оно было не только одним из моментов охотничьей маскировки, но важным средством приобретения, передачи и накопления охотничьего опыта. Подражая движениям животного, охотник лучше усваивал детали поведения животного. Имитирование поведения животного было важнейшим средством передачи знаний об особенностях поведения зверей от одного поколения охотников к другому (Н. Токин, 1928, стр. 34). Особенно велика была роль имитирования как средства приобретения и передачи опыта у пралюдей, не обладавших еще сформировавшимися мышлением и языком.

Так как обмен охотничьим опытом и передача опыта новому поколению имели огромное значение в жизни первобытных охотников, то имитирование движений животных как средства передачи опыта постепенно выделилось в особый вид деятельности. Возникли своеобразные пляски, состоявшие в имитировании движений зверей. Подобно тому, как ряжение охотников под животных в процессе охоты дополнялось имитированием их движений, имитирование движений животных во время плясок дополнялось ряжением танцоров под животных. Пляски, представлявшие подражание движениям животных, совершались в звериных шкурах, а затем в масках, изображавших животных.

Маскируясь под животное, охотник практически уподоблялся зверю, практически становился тождественным зверю. Сбрасывая шкуру животного и переставая имитировать его движения, охот-

ник снова становился самим собой. Постепенно повторяющееся повседневное перевоплощение охотника в животное путем одевания шкуры зверя и подражания его движениям, а затем возвращение к своему прежнему образу путем сбрасывания шкуры и прекращения имитирования его действий неизбежно в условиях, когда человек не выделил себя еще из природы, должно было породить веру в оборотничество, убеждение в том, что между человеком и животным нет принципиальной разницы, что животное есть тот же человек, но одетый в звериную шкуру, что не только люди, облачившись в звериную шкуру, могут стать животными, но животные, сбросив свою шкуру, могут стать настоящими, подлинными людьми. «...Постоянно наблюдая,— пишет В. И. Авдеев (1959, стр. 70),— как в процессе охоты и в особенности во время исполнения охотничьей пляски и охотник сам, и его товарищи легко и быстро превращаются в животное, надевая шкуру, и, наоборот, снова становятся людьми, снимая шкуру, охотник приходит к убеждению, что этим путем он может якобы действительно стать животным. В этом охотник тем более убеждается потому, что во время охоты, на практике, в этом преображенном виде ему удается обманывать самых осторожных животных, действительно иногда принимающих его, охотника, за подобное себе существо. А если он, охотник, может „превращаться“ в животное, то почему бы и животному, из мира которых, как мы помним, человек еще себя не выделяет, не превращаться иногда в человека. Каким образом? Да тем же самым, что и человек, т. е. снимая и надевая шкуру. Тем более, что некоторые животные даже внешне (наблюдая охотник) походят на человека. На мир животных переносятся представления, выработавшиеся в результате наблюдения трудовой практики».

Прямыми данными, свидетельствующими о том, что вера в оборотничество возникла в эпоху первобытного стада, мы не располагаем. Но косвенные данные, говорящие в пользу этого предположения, имеются. О глубочайшей архаичности веры в оборотничество свидетельствует ее крайняя живучесть и универсальная распространенность. Нет на земном шаре ни одного племени, ни одного народа, у которого не была бы обнаружена в прошлом или даже настоящем вера в оборотничество или пережитки ее.

Существование веры в оборотничество и неотделимого от нее убеждения в отсутствии принципиальной грани между людьми и животными зафиксировано у всех племен и народностей, стоящих на стадии доклассового общества. «Что прежде всего поражает в современной психологии примитивного человека по отношению к животному миру,— писал Л. Я. Штернберг (1936),— это — то,

что он не видит никакой пропасти между собой и этим миром. Между собой и животными он проводит знак равенства: он переносит на этот мир свою собственную психологию и создает его, так сказать, по образу и подобию своему: он ни одного животного не считает ниже себя ни в умственном, ни в психическом отношении. Животное отличается от него только по своему внешнему виду, но по психике и образу жизни оно вполне с ним сходно... Мало того, примитивный человек представляет себе, что наружный вид животных — это только внешняя оболочка, под ней скрывается подлинный человек» (стр. 392—393; см. также: 1933б, стр. 52). Подобного рода высказывания мы находим у большого числа исследователей (см., напр.: Зеленин, 1929, стр. 10—20; Штейнен, 1930, стр. 140—142; «Религиозные верования народов СССР», 1931, I, стр. 113; Богораз-Тан, 1939, II, стр. 3—6; Попов, 1958, стр. 81—82; Арсеньев, 1960, стр. 33, 36; Сгооке, 1896, II, р. 201; Сренсег, 1959, р. 264 и др.).

В процессе исторического развития вера в реальное, могущее произойти в любое время, не исключая и настоящего, превращение человека в животное и обратно постепенно исчезала, становясь достоянием легенд, в которых рассказывалось о времени, когда такие превращения имели место, а затем и сказок. Мотив превращения людей в животных и обратно — один из самых распространенных в мировом фольклоре. Он имеет место и в европейском фольклоре, в частности, в устном народном творчестве русского, украинского, белорусского, болгарского, словацкого, чешского, немецкого, норвежского, английского, шотландского, ирландского, французского, итальянского, румынского, венгерского и многих других народов (Афанасьев, 1869, III, стр. 538, 544—547; 1957, II, стр. 149, 329—336; «Болгарские народные сказки», 1951, стр. 32—34, 82—84; «Румынские народные песни и легенды», 1953, стр. 131; Гримм, 1954, стр. 210; «Словацкие сказки», 1955, стр. 5; «Чешские народные сказки», 1956, стр. 60, 200—201; «Украинские народные сказки», 1956, стр. 167—169; «Венгерские народные сказки», 1958, стр. 79—80, 96—100; «Серебряная волынка», 1959, стр. 30, 36; «Французские народные сказки», 1959, стр. 226; «Итальянские сказки», 1959, стр. 38; «Английские народные сказки», 1960, стр. 143; «Ирландские сказки и легенды», 1960, стр. 104—105 и др.).

Однако даже у народов Европы, достигших сравнительно высокой ступени культурного развития, следы уходящего своими корнями в глубочайшую древность убеждения в отсутствии принципиальной разницы между человеком и животными и в возможность превращения человека в животное и обратно вплоть до

сравнительно недавнего времени сохранялись не только в фольклоре. Не в столь уж отдаленном прошлом у русских, украинцев, белорусов, поляков, чехов, словаков, болгар, хорватов, словенцев, сербов, литовцев, немцев, шведов, норвежцев, датчан, англичан, шотландцев, ирландцев, французов, итальянцев, испанцев, португальцев, греков было зафиксировано существование веры в оборотней (Афанасьев, 1869, III, стр. 525—557; Ляцкий, 1890; Балов, 1901, стр. 116; С. Максимов, 1903, стр. 105—108; Клиггер, 1907, стр. 224—270; Богатырев, 1916, стр. 60; Кагаров, 1918, стр. 22; Штернберг, 1936, стр. 407; Токарев, 1957а, стр. 43—47; Steward, 1823, р. 190—204; Hazlitt, 1870, II, р. 331—332; Bloom, 1929, р. 95—97; Runebeg, 1947, р. III, 104—105). О том, насколько прочной и распространенной была эта вера, говорят хотя бы такие факты, что во Франции в 1573 г. был издан закон об истреблении оборотней (Штернберг, 1936, стр. 407), а в России еще в 1714 г. была приговорена к смерти женщина, которой было вменено в вину, что она превращалась в сороку и дым (Татищев, 1768, I, ч. 1, стр. 110—111).

Этнографический и фольклорный материал говорит не только о глубочайшей архаичности веры в оборотничество², но и о ее генетической связи с охотничьей маскировкой, с ряжением под животное и с плясками, состоящими в имитации движений животного. Как в верованиях, так и в фольклоре превращение людей в животных (птиц) и животных (птиц) в людей происходит путем одевания звериной шкуры (птичьей шкурки) в первом случае и ее сбрасывания во втором. «Животные,— писал В. Г. Богораз-Тан (1939, II, стр. 3), характеризуя верования чукчей,— согласно этому представлению суть человеческие существа в оболочке из шкуры, которую они могли скинуть по своей воле. Человек, наоборот, может по своей воле превратиться в животное или неодушевленный предмет, надев на себя шкуру или покрывшись оболочкой, напоминающей внешний вид предмета. Затем, сбросив надетую маску, он становится прежним человеком». Очень ярко выступает связь между верой в оборотничество и охотничьей маскировкой в верованиях эскимосов Берингова про-

² Глубочайшую архаичность этой веры отмечали все ученые, занимавшиеся ее изучением. «Вера в превращение и оборотничество», — писал А. Афанасьев (1869, III, стр. 525), — принадлежит глубочайшей древности». В. Г. Богораз-Тан (1926, стр. 67—68) относил ее возникновение к «древнейшей охотничьей эпохе», А. Ф. Лосев (1957, стр. 12—13) — к самому начальному периоду истории человечества.

лива. По сообщению Э. Нельсона, у них существовало «верование, что в былые времена все животные обладали способностью превращаться по своему желанию. Когда они хотели принять человеческий облик, им оставалось только отбросить назад морду или клюв, чтобы тотчас же принять человеческий образ. Звериная морда оставалась в таком случае в качестве капюшона на макушке..., а для того, чтобы снова стать животным, надо было только надвинуть его» (Nelson, 1899, p. 425). Комментируя это высказывание, А. Д. Авдеев (1959, стр. 70) указывает, что именно таким образом поступал эскимосский танцор, когда, отдыхая в перерыве между плясками, он сдвигал маску на макушку и таким образом превращался опять в человека.

Согласно верованиям европейских народов, превращение людей в животных и обратно также происходило путем одевания и сбрасывания звериной шкуры (Афанасьев, 1869, III, стр. 531—556; С. Максимов, 1903, стр. 105—108; Кагаров, 1918, стр. 22—23; Рунберг, 1947, p. III). Подобным же образом происходило превращение героев и героинь в фольклоре всех народов мира, в том числе и в европейском. «Сила околдовывания и заклятия превращает сказочных героев различными зверями (волком, медведем, рысью, конем, собакой, козлом и бараном), чудовищными змеями и гадами (жабой, лягушкой и пр.) и во всех этих метаморфозах главное значение принадлежит шкуре животного», — писал А. Н. Афанасьев (1869, III, стр. 544).

Огромное количество примеров, говорящих о существовании веры в превращение людей в животных и обратно путем одевания и сбрасывания звериной шкуры или ее пережитков у самых разнообразных племен и народов имеется в работах А. Н. Афанасьева (1869, III, стр. 526—555); В. Г. Богораза-Тана (1900, стр. 176—177; 1939, II, стр. 3—8), Е. Г. Кагарова (1918, стр. 22—23), А. М. Золотарева (1934, стр. 44—45), Л. Я. Штернберга (1933б, 1936, стр. 390—403), Л. Леви-Брюля (1937, стр. 470 сл.), А. Рунберга (Рунберг, 1947, p. III), А. Д. Авдеева (1959, стр. 63—70), Ю. П. Аверкиевой (1959, стр. 259—261; 1961, стр. 24, 66, 72) и др. Не приводя всех этих примеров, ограничимся в заключение лишь выдержкой из работы А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». «Язык и предания, — указывал он, — ярко засвидетельствовали тождество понятий превращения и переодевания. Слова „оборотиться“, „обернуться“ (об-воротиться, об-вернуться) означают собственно: окутаться, покрыть себя платьем, а „превратиться“ — переодеться, изменить свою одежду (= свой внешний вид), надеть ее наизуворот» (1869, III, стр. 526).

Встречающаяся у отсталых народов вера в то, что все животные отличаются от людей лишь «одеждой», не может считаться исходной. Она возникла лишь в результате распространения на всех животных верований, первоначально касавшихся лишь животных некоторых видов, именно тех, в которых человеку приходилось практически перевоплощаться в процессе своей охотничьей деятельности. Данные этнографии говорят, что у тех народов, у которых вера в оборотничество носила универсальный характер, на первый план обычно выступает небольшое число видов животных, а чаще всего один вид. Даже у европейских народов, у которых сохранились лишь следы ранее бытовавшего убеждения в отсутствии принципиальной грани между людьми и животными, вера в оборотней была связана с определенными видами животных, главным образом с волками, реже с медведями и другими зверями (Афанасьев, 1869, III, стр. 527 сл.; Клиггер, 1907, стр. 244—270; Токарев, 1957а, стр. 44—45 и др.). Первоначально же вера во взаимопревращение людей в животных была связана прежде всего лишь с одним видом животных, именно тем, который являлся главным объектом охотничьей деятельности первобытных людей.

Опыт, без которого не могла быть успешной охота, мог быть приобретен лишь в процессе практической деятельности многих поколений первобытных охотников. Первобытный коллектив, как мы знаем, был невелик. Если бы пралюди занимались охотой в равной мере на несколько видов животных, то накопление опыта шло бы крайне медленно. Быстрое накопление опыта и возрастание продуктивности охоты могло происходить лишь при условии определенной специализации охотничьей деятельности первобытных стад. Вполне понятно, что о полной специализации не может быть и речи. Первобытное стадо не могло отказываться и не отказывалось от охоты ни на один вид животного, но главным объектом его охотничьих устремлений становился один определенный вид. Этот вид был главным объектом охоты, все остальные побочными.

Подобного рода специализация возникла стихийно. Первоначально пралюди в одинаковой степени охотились на всех животных, которые только могли стать их добычей. Но на разные виды животных в силу целого ряда причин (многочисленность или малочисленность в данной местности представителей того или иного вида, величина коллектива охотников, наличие или отсутствие у охотников опыта и т. д.) охота шла не одинаково успешно. Вполне понятно, что люди предпочитали охотиться на тех животных, охота на которых была более продуктивной. Предпочте-

ние одного вида животных всем остальным вело к более успешному накоплению опыта и соответственно к возрастанию продуктивности охоты. Специализация охотничьей деятельности первобытных стад не могла не возникнуть, и она необходимо на определенном этапе возникла.

Об этом свидетельствует преобладание среди обнаруженных в ашельских и мустьерских стоянках костных остатков животных, ставших добычей формирующихся людей, костей животных, принадлежащих к одному виду. Преобладание это в разных стоянках выражено в различной степени, но в подавляющем большинстве случаев оно имеет место.

Главным объектом охоты обитателей Бурбаха был гиппопотам, Торральбы — древний слон (Замятин, 1960, стр. 95), Чжоукоудяня — олень, которому принадлежит 70% всех найденных костных остатков (Mouius, 1944, p. 68). В гроте Аман-Кутан преобладают остатки барана (Бибикова, 1958, стр. 230—231), в нижнем горизонте Ля Ферасси и среднем слое Ле Мустье — быка (Бонч-Осмоловский, 1940, стр. 152; Ефименко, 1953, стр. 184), в верхнем слое Ля Микок и стоянке Кэвр — лошади (Обермайер, 1913, стр. 143; Ефименко, 1953, стр. 181), в стоянке Мон-Доль и Молодова V — мамонга (Ефименко, 1953, стр. 230; Черныш, 1951, стр. 77, 83), в Ля Шапель — северного оленя (22 особи из 37, кости которых обнаружены) (Люке, 1930, стр. 28; Замятин, 1961а, стр. 37), в Волгоградской стоянке — зубра (Верещагин, Колбутов, 1957, стр. 84—88), в Аджикобе — остатки сайги (Громов, 1948, стр. 232—233). В Ахштырской пещере из 3006 найденных костных остатков 2947 принадлежали медведю (Замятин, 1961а, стр. 111—112), в Темной пещере кости медведя составляли 75% всех обнаруженных костных остатков (Борисковский, 1957а, стр. 120), в Ильинке — медведи составляли 374 особи из общего числа в 464 (Підоплічко, 1949, стр. 324), в Кударо I из 942 костных остатков медведю принадлежало 820 (Любин, 1960, стр. 27). Преобладание костей медведя обнаружено в Навашинской, Ацинской, Хостинской, Воронцовской пещерах, а также в пещерах Вильдкирхли, Кумметсloch, Гайленрейт, Петерсхеле, Вильденманнслисloch, Котеншер, Драхенloch, Картштейн, Ирпфельдхеле, Зиргенштейн, Шипка, Игрит, Цикловина, Покала (Ефименко, 1953, стр. 233—237; Замятин, 1961а, стр. 102).

В гроте Тешик-Таш из 907 костных остатков (73 особи) 761 (38 особей) принадлежало горному козлу (Громова, 1949, стр. 88), в пещере Староселье из 59 945 костных остатков (379 осо-

бей) 58 909 (287 особей) принадлежало дикому ослу (Формозов, 1958а, стр. 53), в Ильской 60% костных остатков принадлежало зубрам (Замятнин, 1934, стр. 210). В Схул преобладали остатки дикого быка (Garrod and Bate, 1937, p. 148—149, 218; Mc Cowp and Keith, 1939, p. 11).

Преобладание одного вида животных отмечено также во многих стоянках верхнего палеолита (Ефименко, 1953, стр. 448—450, 490, 497; Формозов, 1958а, стр. 55 сл.; Замятнин, 1960, стр. 97—98).

Известная специализация охотничьей деятельности первобытных человеческих стад не осталась незамеченной исследователями. «Особый интерес для понимания хозяйственной жизни мустьерского человека,— писал А. П. Окладников («Всемирная история», 1955, I, стр. 43),— представляет тот факт, что в ряде случаев наблюдается как бы определенная специализация древних охотников: они охотятся преимущественно на тех или иных животных». Сходные высказывания имеются у П. П. Ефименко (1953, стр. 346) и А. А. Формозова (1958а, стр. 55).

2. Возникновение и сущность тотемизма

Приведенный выше фактический материал дает, на наш взгляд, достаточные основания полагать, что примерно к началу второй половины раннего палеолита более или менее отчетливо определилась специализация каждого из первобытных человеческих стад в охоте на один из видов животных. Жизнь каждого первобытного коллектива и тем самым всех его членов оказалась тесно связанной с животными, принадлежащими к одному определенному виду. Охота на животных данного вида была главным источником пищи для людей данного коллектива, главным источником жизненных благ. От успеха охоты на животных данного вида зависела судьба коллектива и всех его членов. Эта объективно существовавшая связь определенного человеческого коллектива с определенным видом животных не могла не быть осознанной членами этого коллектива.

Форму осознания этой связи дал сам процесс практической деятельности, в ходе которого у пралюдей постепенно вырабатывалось убеждение в том, что между ними и животными вида, являвшегося главным объектом охоты, нет существенной разницы, что животные данного вида являются людьми, но лишь в другой «одежде», что они сами могут перевоплощаться в животных данного вида, а последние могут превращаться в людей, подобных тем, что входят в состав их коллектива. К этому нужно добавить

еще одно важное обстоятельство. Мясо животных вида, являвшегося главным объектом охоты данного коллектива, было основным видом пищи его членов. Это не могло не привести к убеждению, что у всех членов коллектива и всех животных данного вида одна плоть и одна кровь, что все они существа одного «мяса», одной породы.

Одновременно процесс практической деятельности привел пра людей к сознанию общности, существующей, несмотря на все индивидуальные различия, между всеми животными, принадлежащими к данному виду, к возникновению слова, обозначающего всех животных, принадлежащих к этому виду. Первым видовым названием было название для животных вида, являвшегося главным объектом охотничьей деятельности членов данного охотничьего коллектива.

Таким образом, примерно в одно время с возникновением настоятельной экономической необходимости осознания единства человеческого коллектива, осознания объективной общности, существовавшей между всеми членами первобытного стада, возникли и все предпосылки для осознания этого единства.

Осознание общности между животными вида, являвшегося главным объектом охоты, и убеждение в существовании общности между всеми животными данного вида и всеми членами данного коллектива дало форму для осознания той объективной общности между всеми членами первобытного стада, в существовании которой убеждал пра людей весь процесс их практической деятельности.

Постепенно общность, которая предполагалась существующей между всеми животными вида, являвшегося главным объектом охоты, и всеми членами коллектива, все в большей и большей степени стала осознаться как тождественная той общности, которая существовала между всеми индивидами данного вида животных. Члены каждого человеческого коллектива все в большей и большей степени стали ставить знак равенства между собой и животными определенного вида, начали во все большей и большей степени рассматривать себя как индивидов данного зоологического вида, а животных данного вида — как членов человеческого коллектива, и соответственно начали ставить знак равенства между связями, существовавшими между индивидами данного вида, и связями, существовавшими между членами коллектива, между той общностью, которая имела место между индивидами животного вида, и той общностью, которая существовала между членами первобытного стада. В результате экономическая, социальная общность между членами первобытного коллектива

все в большей и большей степени стала осознаваться как тождественная той, которая существовала между животным и видом, являвшегося главным объектом охоты, как часть более широкой общности, включающей в себя и человеческий коллектив, и вид животных.

Единство человеческого коллектива, таким образом, было осознано как часть более широкого единства, включающего в себя всех членов данного первобытного стада и всех индивидов данного животного вида. Возникло убеждение, что человеческий коллектив и связанный с ним вид животных образуют вместе одну общность, что все члены данного коллектива и все индивиды данного вида животных, несмотря на все различия, в сущности тождественны друг другу, представляют единое целое. С возникновением такого убеждения слово, обозначающее вид животных и каждое животное, принадлежащее к этому виду, стало одновременно обозначать человеческий коллектив и каждого из его членов, стало чувственным, наглядным воплощением общности человеческого коллектива.

Так возникло то верование, которое в этнографической литературе получило название тотемизма. Вид животного, с которым оказался тесно связан человеческий коллектив, и тем самым каждое животное данного вида стали тотемом человеческого коллектива и тем самым тотемом каждого из его членов. Общность, объективно существующая между всеми членами первобытного стада, была осознана как общность тотема, как «родство» по тотему, как тотемистическая общность, тотемистическое «родство». С возникновением тотемизма члены первобытного человеческого стада осознали, что все они, вместе взятые, составляют единое целое, что все они имеют одну «плоть» и одну «кровь», что у всех у них одно «мясо», что все они по отношению друг к другу являются «своими», «родственниками».

С возникновением тотемизма возникло понятие об общности всех членов коллектива, понятие об их «родстве». Представление о тотемистическом родстве является первой формой представлений о родстве. Понятие о родстве в своей исходной форме не выражало родства в том смысле, как мы его обычно понимаем, т. е. физического, физиологического родства. Оно выражало экономическую общность, существовавшую между членами первобытного стада, экономическое в своей основе единство коллектива.

Необходимо сказать, что такой характер понятия о родстве носило и долгое время спустя после превращения первобытного стада в родовую коммуну. Это убедительно было показано в исследованиях М. А. Бодуэна де Куртене (1903, 5, стр. 19—21),

В. Риверса (Rivers, 1907, 1914а, 1914б, 1932), Р. Бриффо (Briffault, 1927, II), А. М. Золотарева (1934, 1940б; «Очерк истории родового строя»). «Во всех примитивных системах родства,— указывал Р. Бриффо (1927, II, р. 490),— основным понятием является не отношение одного индивида к другим индивидам, а солидарное единство, связывающее всех членов группы свойством глубокой и фундаментальной идентичности, которая отличает их всех от остальных человеческих существ». «Представление о родстве, связывающем членов рода,— писал А. М. Золотарев (1940б, стр. 43),— не выражает физиологического родства. Это — социальное понятие, выражающее единство данной группы».

Это, конечно, не значит, что между понятием о родстве в первобытном стаде и представлением о родстве в родовом обществе не существует различия. Различие существует и весьма существенное. Не останавливаясь на этом вопросе, укажем лишь, что в роде, например, в отличие от первобытного стада понятие о родстве отражало не только производственные отношения, но и отношения по детопроизводству, следствием чего явилось выделение внутри рода отличных друг от друга групп родственников и появление системы родства. В первобытном человеческом стаде степеней родства не существовало. Тотемистическое родство носило недифференцированный характер.

Тотемизм, таким образом, возник как иллюзорная форма осознания объективной, имеющей своей основой производство общности всех членов первобытного коллектива, как иллюзорное отражение и выражение реального единства человеческого коллектива. Такого понимания тотемизма придерживались или в той или иной форме к нему приближались многие исследователи, в том числе В. Робертсон-Смит (Smith Robertson, 1885, р. 186; 1907, р. 124—125), Э. Дюркгейм (Durkheim, 1912, р. 143, 158—159, 167), Дж. Фрезер (Frazer, 1914, IV, р. 38), Р. Бриффо (Briffault, 1927, II, р. 477—490), А. М. Золотарев (1934, стр. 8—10), С. П. Толстов (1935, стр. 46).

В пользу такого взгляда на тотемизм свидетельствует, в частности, и такой факт, что тотемом везде и всегда является не единичный предмет, а класс материальных объектов. «В отличие от фетиша,— указывал Дж. Фрезер (Frazer, 1914, I, р. 4),— тотемом никогда не является изолированный единичный объект, то всегда класс объектов, обычно вид животных или растений и очень редко класс искусственных объектов». Это обстоятельство подчеркивают С. Рейнак (1925, стр. 24), Э. Рейтерскиельд (1927, стр. 69), Л. Я. Штернберг (1936, стр. 197) и другие ученые.

Представляя собой в своей исходной форме только иллюзорное отражение единства человеческого коллектива, тотемизм первоначально не включал в себя ничего другого, кроме убеждения в том, что все члены коллектива и все животные тотемного вида образуют одну общность и что, следовательно, все они в определенном отношении тождественны друг другу. Это убеждение и представляет собой ядро, суть тотемизма, собственно тотемизм, тотемизм в узком смысле этого слова. Подобного взгляда придерживался, в частности, такой крупный специалист в этой области, как Дж. Фрезер. В своей четырехтомной монографии «Тотемизм и экзогамия» (1914) он определяет тотемизм как веру в «интимное отношение, которое предполагается существующим между группой родственных друг другу людей, с одной стороны, и видом естественных или искусственных объектов — с другой, каковые объекты называются тотемом человеческой группы» (IV, р. 3—4).

«Он, — пишет Дж. Фрезер, характеризуя отношения человека к своему тотему, — рассматривает животных и растения или любые объекты, являющиеся тотемом, как своих друзей и родственников, отцов, братьев и т. п.» (р. 3). Причем, говорит Дж. Фрезер, это заходит так далеко, что человек «ставит их на равную ногу с собой и своими товарищами — членами того же тотемистического клана. Он в сущности рассматривает их как ровню, как существа той же породы, что и он и его человеческие родственники по клану. Короче, так далеко, как это вообще возможно, он идентифицирует себя и своих сородичей с тотемом. Соответственно, если тотем есть вид животных, он смотрит на себя и своих сородичей, как на животных того же вида, с другой стороны, он рассматривает животное как человека, принадлежащего к его роду» (р. 3—4).

Сводясь первоначально лишь к убеждению в том, что все члены коллектива и все животные тотемного вида представляют вместе одну общность, являются тождественными друг другу существами, тотемизм в своей исходной форме не представлял собой религии. Несомненно, что всякая религия является иллюзорным отражением мира. Однако не всякое иллюзорное отражение действительности является религией. Особенно это относится к отражению общественного бытия, которое, вплоть до возникновения марксизма, всегда носило в значительной степени иллюзорный характер, хотя не всегда при этом было религиозным (К о р н ф о р т, 1956, стр. 355—378). Основным и характерным признаком религиозной иллюзии, отличающей ее от всякой другой, является вера в сверхъестественную силу, оказывающую влияние на исход практической деятельности человека.

Тотемизм, возникший как иллюзорное отражение формирующегося общественного бытия, как иллюзорное осознание реального единства человеческого коллектива, первоначально не включал в себя веру в сверхъестественную силу, и поэтому в своей исходной форме не может быть охарактеризован как религия. Это не осталось незамеченным Дж. Фрезером, неоднократно подчеркивавшим, что тотемизм в чистом виде, чистый тотемизм религией не является (1914, IV, p. 6). Религией тотемизм стал лишь в последующем своем развитии, когда на первоначальное его ядро наложились новые моменты. Поздний тотемизм, кроме убеждения в существовании общности между коллективом и видом животных, включает в себя, как правило, веру в тотемистических предков. Тотемистические предки обычно рассматриваются как существа, отличные от ныне существующих животных тотемного вида. Они есть существа, которые являются одновременно и людьми, и животными (растениями), оказываются то людьми, то животными (растениями), соединяют в себе черты человека и животного (растения), являются полулюдьми — полуживотными (или полурастениями). Жили тотемистические предки в какое-то особое мифическое время (альчера арунта). Жизнь и похождения этих предков в мифическое время являются содержанием многочисленных мифов, с верой в них связаны сложные обряды и церемонии (Spencer and Gillen, 1899a, p. 386—420; 1927, I, p. 304—330; Strehlow, 1947; Леви-Брюль, 1937, стр. 253—488 и др.).

Уже сама по себе сложность представлений о тотемистических предках говорит об их более позднем характере по сравнению с убеждением в тождестве человеческого коллектива и животного вида. Трудно представить, чтобы вера в существование иллюзорных существ, живущих в иллюзорном мире, была явлением более ранним, чем иллюзорное представление о реально существующих объектах. Развитие тотемизма шло в направлении от убеждения в существовании тождества между человеческим коллективом и видом животных, являвшегося ядром тотемизма, к вере в тотемистических предков. Такого взгляда, кроме Дж. Фрезера, придерживались Р. Брифффо (Briffault, 1927, II, p. 478—490), С. П. Толстов (1935) и некоторые другие исследователи.

Однако имеется и другая точка зрения на тотемизм и его эволюцию. Она нашла свое наиболее яркое выражение в работах Д. Е. Хайтуна (1954, 1956, 1957, 1958). Согласно взглядам последнего, наиболее архаичным в тотемизме, основным его ядром является «вера в происхождение от предков — фантастических существ — полулюдей, полуживотных, полурастений или объек-

тов неодушевленной природы, или людей, животных или растений одновременно, обладающих способностью реинкарнации» (1957, стр. 11; см. также: 1954, стр. 100; 1958, стр. 50, 116—117, 142—143 и др.). Что же касается убеждения в тождестве членов коллектива и животных тотемного вида, то, по мнению Д. Е. Хайтуна, оно является поздним явлением, возникшим после появления веры в тотемистических предков — фантастических существ (1957, стр. 21; 1958, стр. 143). Сходные взгляды мы встречаем в работах В. К. Никольского (1950а, стр. 19) и А. Ф. Анисимова (1958а, стр. 51—52; 1960).

В качестве доказательства правильности своей точки зрения названные авторы ссылаются на материалы о тотемистических представлениях австралийцев. Однако тотемистические верования аборигенов Австралии далеко не являются первоначальными, исходными; они представляют собой результат длительного исторического развития тотемизма, в них сосуществуют ранние архаические моменты и более поздние. Поэтому тот факт, что в тотемистических воззрениях австралийцев наряду с убеждением в тождестве человеческого коллектива и вида животных существует вера в происхождение от тотемистических предков — фантастических существ, сам по себе ничего не говорит в пользу признания последнего представления древнейшим и основным. Это нужно доказать, а такого доказательства ни в одной из указанных выше работ мы не находим.

3. Этнографические данные о времени возникновения тотемизма

Выдвинутая выше концепция происхождения тотемизма во многом расходится с преобладающими в настоящее время в советской науке взглядами. Расхождение, в частности, касается и вопроса о времени возникновения тотемизма. Общеизвестно в настоящее время в советской исторической науке, что тотемизм возник в эпоху родового общества. Такого взгляда придерживались и придерживаются А. М. Золотарев (1934), Д. К. Зеленин (1935б, 1937с), В. И. Равдоникас (1937, 1939, I), П. П. Ефименко (1953), Д. Е. Хайтун (1954, 1956, 1957, 1958), С. А. Токарев (1955, 1956, 1964), П. И. Борисковский (1957а), А. Ф. Анисимов (1958а, 1960), Ю. П. Францев (1959), А. Г. Спиркин (1960) и др.

Иной точки зрения придерживались многие крупнейшие зарубежные исследователи, в частности Дж. Мак-Леннан (Mac Lennan, 1886, p. 58), В. Робертсон Смит (Smith Robertson, 1885, p. 187), Б. Спенсер и Ф. Гиллен (Spencer and Gil-

Le n, 1899a, p. 418—421; 1899b; 1927, I, p. 71—73, 311, 320), A. Хауитт (H o w i t t, 1904, p. 151), Дж. Фрезер (F r a z e r, 1914, IV, p. 9—16). Все они относили возникновение тотемизма ко времени, предшествовавшему возникновению экзогамии, т. е. к до-родовой эпохе. Наиболее глубоко эта точка зрения была обоснована в трудах Б. Спенсера и Ф. Гиллена. Последние исходили из данных австралийской мифологии, прежде всего преданий племени арунта (аранда).

В преданиях арунта, как уже указывалось, речь идет о жизни и похождениях их тотемистических предков в мифическое время — альчера (альтжира). Согласно преданиям арунта, в эпоху альчера существовали тотемистические группы, причем иной организации людей, кроме тотемистической, в то время не было. «Мужчины и женщины альчера,— пишут Б. Спенсер и Ф. Гиллен (1927, I, p. 73),— представлены в традициях как объединенные в группы, каждая из которых состоит из определенного числа индивидов, принадлежащих к одному особому тотему».

В историческое время у аборигенов Австралии существовала строжайшая экзогамия. Нарушение экзогамного запрета рассматривалось как тягчайшее преступление против общества и сурово каралось. Виновных нередко убивали. Брачные отношения в эпоху раннего и среднего альчера носили совершенно иной характер. Согласно преданиям, экзогамия в это мифическое время полностью отсутствовала. Существовавшие тотемистические группы не были экзогамными. «Одна вещь кажется совершенно ясной,— пишут Б. Спенсер и Ф. Гиллен (1899a, p. 419).— Она состоит в том, что мы не видим в ранних преданиях ни следа того, чтобы в то время тотемы регулировали брак, как это характерно для многих австралийских племен. Не имеется ни одного факта, который указывал бы, что мужчины одного тотема должны были жениться на женщинах другого. Наоборот, мы постоянно встречаемся исключительно лишь с группами мужчин и женщин одного тотема, живущих вместе, и в этих ранних традициях кажется совершенно нормальным условием для мужчин иметь женой женщину своего тотема... Мы никогда не встречаемся со случаем, когда бы мужчина жил с женщиной не своего тотема». «Поражающая черта преданий об альчера,— подчеркивают они в другой работе,— состоит в том, что мужчины почти всегда описываются женатыми на женщинах своего собственного тотема» (1927, I, p. 71).

Столь разительное противоречие между брачными отношениями, реально существовавшими в историческое время у арунта, и теми, которые описываются в их преданиях, можно объяснить,

лишь допустив, что у далеких предков арунта действительно не было экзогамии и что данные мифы являются воспоминаниями о времени, предшествовавшем возникновению рода. Такое объяснение и было предложено Б. Спенсером и Ф. Гилленом. «Наиболее поражающий и наиболее интересный факт,— пишут они,— как уже отмечалось, состоит в том, что мужчины свободны жениться на женщинах своего тотема... Мы можем даже сказать, что свидетельства говорят о времени, когда мужчины действительно всегда женились на женщинах своего тотема. Ссылки на мужчин и женщин одного тотема, всегда живущих вместе группами, являются слишком частыми и настолько ясными, чтобы для них можно было бы найти какое-либо другое удовлетворительное объяснение» (1899а, р. 421).

На основании всех этих данных Б. Спенсером и Ф. Гилленом был сделан вывод, что тотемизм возник задолго до возникновения экзогамии (1899в, р. 277—278). И этот вывод нельзя не признать правильным. Предания арунта, рассказывая о времени, когда еще не было экзогамии, но уже существовал тотемизм, существовали тотемистические группы, свидетельствуют тем самым о том, что возникновение тотемизма предшествовало появлению экзогамии, что тотемизм возник до появления рода, т. е. в эпоху первобытного человеческого стада.

Необходимо отметить, что все ученые, придерживающиеся взгляда на тотемизм как на религию родового общества, обходят свидетельства австралийской мифологии о существовании тотемизма до экзогамии полным молчанием. Ни один из них даже не попытался дать этим фактам какое-либо другое объяснение.

4. Этнографические данные о генетической связи тотемизма с охотой и охотничьей маскировкой

В основе изложенной выше концепции возникновения тотемизма лежит положение о том, что вид животных, ставший тотемом человеческого коллектива, был первоначально главным объектом охотничьей деятельности членов этого коллектива. Это положение находится, на первый взгляд, в непримиримом противоречии с твердо установленным этнографической наукой фактом, что у многих племен существовал запрет убивать и поедать тотемное животное. На основании последнего многими учеными был сделан вывод, что табуация тотема является существеннейшей чертой тотемизма, изначально ему присущей. Отсутствие подобного

рода табуация у целого ряда племен было истолковано ими как явление позднейшее, связанное с начавшимся разложением тотемизма. «В начальной фазе, — пишет, например, М. О. Косвен (1957, стр. 158), — тотемизм предписывает не убивать и не употреблять в пищу животное или растение — тотем. В дальнейшем это предписание изживается». Подобного же взгляда придерживаются Ш. Энплен (1954, стр. 66), Д. Е. Хайтун (1958, стр. 91) и другие ученые.

Положение об изначальности табуации тотема и ее исчезновении по мере разложения тотемизма привлекает своей простотой. Однако правильным оно признано быть не может, ибо находится в противоречии с фактическим материалом, в частности с данными этнографии австралийцев.

У большинства племен Центральной Австралии тотем в большей или меньшей степени был табуирован. «В настоящее время, — пишут Б. Спенсер и Ф. Гиллен (1899а, р. 202), — отношения между человеком и тотемом являются ясными. Человек очень редко может есть тотем и даже, если ест немного, что позволительно ему, то он осторожен в этом случае; человек ему не ест лучшую часть — жир».

Совершенно иначе поступали тотемистические предки, жившие в эпоху альчера. В преданиях арунта, кайтшп и других племен Центральной Австралии тотемистические предки изображаются охотящимися почти исключительно на свой тотем и без каких-либо ограничений поедающими его (Spencer and Gillen, 1899а, р. 208—209; 1904, р. 320—322). Более того, в мифах принадлежность к группе, имеющей своим тотемом определенное животное, рассматривается как необходимое условие успешности охоты на представителей данного животного вида. Чтобы охотиться на какое-либо животное и поесть его, нужно принадлежать к группе, имеющей данное животное своим тотемом. Человек, желающий съесть животное (или растение), не являющееся его тотемом, должен предварительно изменить свой тотем. Его тотемом должно стать животное (или растение), которое он хочет употребить в пищу.

Так, например, в одном из преданий арунта рассказывается о мужчине тотема арунга, который, желая убить и съесть кенгуру, изменил себя в мужчину тотема кенгуру с тем, чтобы добиться успеха в выполнении этого намерения (Spencer and Gillen, 1899а, р. 198). В другом предании целая группа мужчин тотема дикой кошки, пожелав есть плоды сливового дерева, превратила себя в людей тотема сливового дерева (1899а, р. 208, 341; 1904, р. 320).

Все подобного рода мифы, подчеркивают Б. Спенсер и Ф. Гиллен (1904, р. 320), интересны тем, что никак не могут быть причислены к преданиям, изобретенным с целью объяснения существующих обычаев, к этиологическим мифам. Напротив, они описывают обычаи, противоположные существующим сейчас, причем описывают их без какой-либо попытки дать им объяснение. Поэтому их можно понять лишь как рассказы о предшествующем положении вещей, когда отношения к тотему были пни-ми, чем сейчас, когда поедание тотема было совершенно нормальным явлением (Spencer and Gillen, 1899a, р. 209; 1904, р. 320—321; 1927, I, р. 86).

Эти мифы подтверждают правильность положения о том, что в эпоху возникновения тотемизма существовала определенная специализация охотничьей деятельности человеческих коллективов и что эта специализация определила, какой именно вид животного стал тотемом человеческой группы. На основании их можно сделать вывод, что животное, ставшее тотемом человеческой группы, продолжало долгое время и после этого оставаться главным объектом охоты членов этой группы. В связи с этим можно обратить внимание еще на один факт: представители некоторых тотемистических групп австралийцев объясняли названия своих групп тем, что их предки когда-то существовали, питаясь главным образом животными или растениями, являющимися теперь тотемами их группы (Spencer and Gillen, 1899a, р. 209).

Австралийские мифы — не единственное доказательство генетической связи тотемизма с охотой. О ней говорят различного рода обычаи и обряды, связанные с тотемизмом. Большое число подобного рода обычаев приведено в работах Б. Спенсера и Ф. Гиллена (1899a, 1904, 1927). Один из таких обычаев состоял, например, в обязанности человека помочь представителям других групп в охоте на своего тотема (1927, I, р. 87). Согласно другому обычаю, человек, убивший какое-либо животное, не имел права съесть его, не получив на это разрешение членов группы, тотемом которой данное животное являлось. Он должен был принести убитое животное в лагерь группы, тотемом которой оно являлось, и положить у ног представителя этой группы. Лишь после того, как последний съедал кусочек мяса своего тотема, охотник получал право на добычу (1899a, р. 209—210; 1904, р. 159—160; 1927, I, р. 87). Эти обычаи Б. Спенсер и Ф. Гиллен рассматривают как свидетельства о том, что в прошлом члены тотемистической группы обладали почти исключительным правом охотиться на свое тотемное животное.

Но наиболее ярким свидетельством генетической связи тотемизма с охотой является центральная тотемистическая церемония австралийцев, за которой в этнографической литературе довольно прочно закрепилось название интичиумы. Церемония эта варьировала у разных племен, но сущность ее у всех у них оставалась неизменной. Везде цель этой церемонии состояла в умножении путем магических обрядов животного или растения, являвшегося тотемом данной группы, в обеспечении обилия тотемных животных или растений (Spencer and Gillen, 1899a, p. 169, 207).

Такую магическую «заботу» членов тотемистической группы об умножении своего тотема нельзя объяснить, не допустив, что тотем первоначально был основной пищей членов данной группы. О том, что когда-то предки членов тотемистической группы питались почти исключительно своим тотемом и что интичиума в своей исходной форме была магическим обрядом умножения запасов пищи, говорят все особенности этой церемонии.

Во время интичиумы тотемистической группы личинки длинного жука, например, главарь ударял каждого мужчину, участвовавшего в церемонии, по животу со словами: «Да будешь ты есть много пищи» (Spencer and Gillen, 1899a, p. 172—174). У многих тотемистических групп, если не у всех, интичиума происходила на том месте, где, согласно мифам, предки данной группы имели обыкновение есть свой тотем (p. 173, 194). Во время интичиумы всем членам группы или по крайней мере главарю группы вменялось в обязанность съесть небольшую порцию своего тотема. В противном случае церемония, считалось, не могла привести к достижению желаемого результата (Spencer and Gillen, 1899a, p. 166—168; 1899b, p. 278; 1904, p. 291; 1927, I, p. 147; Frazer, 1914, I, p. 120; Элькин, 1952, стр. 143 и др.). У некоторых групп, тотемом которых было животное, интичиума была прямо связана с временным возобновлением охоты на тотемное животное. Так, например, после окончания этой церемонии у тотемной группы кенгуру молодые мужчины отправлялись на охоту за кенгуру, в обычное время являвшимся табу. После их возвращения с добычей главарь группы, отведав мяса, натирает всех жиром кенгуру, затем распределяет мясо среди мужчин. Это повторялось и на следующий день (Spencer and Gillen, 1899a, p. 204—205).

Обряды, заключающиеся в церемониальном поедании тотемного животного, известны далеко за пределами Австралии, в частности в Африке, Азии, Америке (Touit, 1905, p. 151—152; Smith Robertson, 1907, p. 226—227, 289—295, 405—406; Briffault, 1927, II, 466—468).

Все эти данные, вместе взятые, заставили целый ряд ученых прийти к выводу о том, что табуация тотема в тех случаях, когда она имеет место, представляет собой явление вторичное, что тотемное животное первоначально было основным объектом охотничьей деятельности членов коллектива, считавшего его своим тотемом, основной пищей членов этого коллектива. Такого взгляда придерживались, кроме Б. Спенсера и Ф. Гиллена, М. М. Ковалевский (1910, II, стр. 270), Дж. Фрезер (Frazer, 1914, I, p. 111—120), К. М. Тахтарев (1924, стр. 103—104), Р. Бриффо (Briffault, 1927, II, p. 462—471), Н. И. Токин (1928, стр. 28; 1929, стр. 37), Д. К. Зеленин (1937б, стр. 7), Дж. Томсон (1958, стр. 32) и др.

Этнографический материал свидетельствует не только о связи тотемизма с охотничьей деятельностью вообще. Он подтверждает выдвинутое выше положение о генетической связи тотемизма с охотничьей маскировкой — ряжением под животное и имитированием его движений. Тем самым он свидетельствует о существовании охотничьей маскировки в эпоху возникновения тотемизма, т. е. в период первобытного человеческого стада. О генетической связи тотемизма с охотничьей маскировкой говорят тотемистические пляски, достаточно полную характеристику которых мы находим в уже упоминавшейся работе А. Д. Авдеева «Происхождение театра» (1959, стр. 70—75).

Тотемистические пляски заключались в том, что человек, надев костюм и маску, придававшие ему внешнее сходство тотемистическим животным, имитировал действия животного, воспроизводил его походку и движения. Сущность тотемистической пляски состояла в уподоблении человека своему тотему. Надев шкуру и маску тотемного животного и воспроизводя его движения, человек верил, что он реально преобразуется в свой тотем, уподобляется ему. Члены каждой тотемистической группы воспроизводили внешность и движения своего тотема. Каждая тотемистическая группа имела свою пляску. Тотемистических плясок зафиксировано огромное множество. У народов Африки мы находим пляски, в которых изображаются леопард, антилопа, обезьяна, бык, корова, слон, дикая коза, дикая свинья, павлин, лягушка, пчела и т. п. Североамериканские индейцы квакиютль плясали медведя, ворона, выдру, волка, собаку, кита, касатку, орла. У тлинкитов встречались пляски ворона, волка, лисы, морской чайки, совы, моржа, бобра, медведя, нерпы. В Индонезии отмечены пляски свиньи, тигра, крокодила, в Меланезии — казуара, собаки, акулы, крокодила, летающей собаки и т. п. (Авдеев, 1959, стр. 72—73).

Связь тотемистических плясок с тотемизмом и тотемистическими группами носит настолько глубокий и интимный характер, что у целого ряда народов, в частности у бечуанов, понятие «иметь какое-либо животное своим тотемом» или «принадлежать к группе, имеющей определенное животное тотемом», выражалось путем словосочетания, означающего «танцевать данное животное» (Willoughby, 1905, p. 297; Ливингстон, 1955, стр. 23). Не менее глубока связь тотемистических плясок с охотничьей маскировкой: с ряжением под животное и подражанием его движениям. Тотемистические пляски, таким образом, тесно связывают тотемизм с охотничьей маскировкой. Существование этих плясок лишний раз свидетельствует об имевшей место в эпоху возникновения тотемизма специализации охотничьей деятельности первобытных человеческих коллективов.

Существование тотемистических плясок отмечено и у австралийцев. Во время тотемистических церемоний, а также инициаций исполнители обрядов, придав себе путем раскрашивания тела и добавления целого ряда деталей (привешивания хвоста, например) сходство, зачастую, правда, весьма условное, с тотемным животным, необычайно искусно имитировали его движения (Spencer and Gillen, 1899a, p. 226—228, 296—317, 343—344; Nowitt, 1904, p. 544—545; Харузина, 1928, 2, стр. 14—15; «Народы Австралии и Океании», 1956, стр. 220—221). У арунта и лоритья зафиксировано воспроизведение во время церемоний внешности и движений эму, кенгуру, ворона, орла, динго, ящерицы, рыб, имитирование звуков мухи, пчелы.

О теснейшей связи тотемизма с охотничьей маскировкой говорят и данные австралийской мифологии. Выше нами были приведены два предания, в одном из которых повествовалось о том, как человек тотема арунга, желая убить и съесть кенгуру, изменил себя в человека-тотема кенгуру, а в другом — о превращении отряда мужчин тотема дикой кошки в людей тотема сливового дерева. Понять природу этих превращений помогает австралийский миф, в котором рассказывается о совместном путешествии двух женщин, из которых одна принадлежала к тотему хакеа, а другая — к тотему бандикут. Единственной пищей в дороге мог быть только бандикут. Чтобы дать возможность женщине тотема хакеа питаться мясом бандикута, женщина тотема бандикут разрисовала ее сообразно священным изображениям своего тотема. После этого женщина тотема хакеа превратилась в женщину тотема бандикут и получила возможность питаться этим животным.

Если учесть, что австралийцы путем разрисовки своего тела придавали себе сходство с тотемистическими животными или рас-

тениям, то сущность описанных выше превращений станет ясной. Как указывал в свое время еще Н. И. Токин (1928), превращение людей одного тотема в людей другого тотема представляет собой смену охотничьей маскировки³. Это объясняет, почему в австралийских преданиях необходимым условием успешности охоты на животное определенного вида считается принадлежность человека к группе, имеющей это животное своим тотемом.

Животные, являющиеся тотемом группы, были главным объектом охоты его членов. Члены группы обладали наибольшим опытом охоты на свой тотем. Они умели искусно маскироваться под свое тотемное животное, уподобляться ему. Поэтому члены каждой группы наиболее успешно охотились на свой тотем. В том случае, когда они охотились на другое животное, они должны были отказываться от маскировки под свой тотем, от уподобления своему тотему, должны были маскироваться под животное, являвшееся тотемом иной группы, уподобляться чужому тотему и временно становиться подобными членам другой группы. Только этот путь мог привести к успеху их охотничьей деятельности. Если бы они, охотясь на животное, не являющееся их тотемом, продолжали бы маскироваться под свой тотем, уподобляться ему, то неизбежно потерпели бы неудачу.

* * * * *

Возникновение тотемизма — первой формы осознания единства человеческого коллектива — было крупнейшим сдвигом в процессе формирования общественного сознания. Возникнув как отражение объективного единства первобытного человеческого стада, как отражение формирующегося общественного бытия, тотемизм оказал обратное воздействие на процесс формирования общественного бытия, процесс развития первобытного человеческого коллектива. Осознание единства первобытного человеческого стада в огромной степени способствовало дальнейшему росту сплоченности стада, способствовало появлению новых моральных табу, способствовало обузданию зоологического индивидуализма.

Тотемистические воззрения стали своеобразным центром, вокруг которого группировались все существующие и возникающие в первобытном стаде моральные нормы. С возникновением тотем-

³ Нас не должно смущать, что в одном случае речь идет не о животном, а о растении (сливовом дереве). Тотемистические представления, первоначально касавшиеся лишь животных, в дальнейшем с расширением круга тотемов за пределы животного мира были автоматически перенесены на растения.

мизма была проведена резкая грань между членами данного первобытного коллектива и всеми остальными людьми. Как совершенно правильно указывал целый ряд ученых, в частности Р. Бриффо (Griffault, 1927, II, p. 490) и С. П. Толстов (1935, стр. 26), тотемизм, представляя форму осознания единства коллектива, является тем самым и формой осознания его отличия от всех остальных человеческих коллективов. С возникновением тотемизма была проведена граница между своими (членами данного коллектива) и чужими (всеми остальными людьми). Тем самым был очерчен круг лиц, на которых распространялось действие существовавших в коллективе моральных норм и правил. Нормы и правила, действовавшие в коллективе, распространялись исключительно лишь на членов данного коллектива — лиц, имевших один тотем, тотемистических родственников. С возникновением тотемизма стадная мораль оформилась и приобрела тотемистический характер. С этого момента она по своей форме стала моралью тотемистической.

Приведенные в настоящей главе данные дают определенные основания для вывода о том, что временем становления тотемизма был период первобытного человеческого стада с ограниченным промискуитетом. Первобытное стадо с ограниченным промискуитетом на определенном этапе развития осознало свое единство и стало коллективом, имеющим тотем, тотемистическим стадом. Этот вывод находится в полном соответствии с имеющимися археологическими данными о духовной культуре пралюдей. Так как правильное истолкование этих данных невозможно без ответа на вопрос, какой характер носили взгляды формирующихся людей на окружающий их мир, то следующую главу мы посвятим проблеме возникновения религии.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ МАГИИ — ФОРМИРУЮЩЕЙСЯ РЕЛИГИИ

1. Две сферы человеческой практической деятельности

Проблема происхождения религии, нашедшая свое принципиальное решение в трудах классиков марксизма, до сих пор все еще не получила своего конкретного решения. Среди ученых, стоящих на марксистских позициях, нет единства мнений ни в вопросе о первоначальной форме религии, ни в вопросе о времени ее возникновения. П. Лафарг (1931), Г. В. Плеханов (1925, 1928), А. В. Луначарский (1923), И. И. Скворцов-Степанов (1959), В. К. Никольский (1931, 1950б, 1953), В. И. Равдоникас (1939, I), Ш. Эншлен (1954), Б. И. Шаревская (1950, 1955), А. Д. Сухов (1960, 1963) первой формой религии считали анимизм, А. И. Тюменев (1922а, 1922б) и А. Г. Спиркин (1960) — аниматизм, Ю. П. Францев (1940, 1959), А. Ф. Лосев (1958) и А. Ф. Анисимов (1958а, 1958б) — фетишизм, Дж. Томсон (1958, 1959) — магию и тотемизм, В. Холличер (1960) — магию. С. А. Токарев (1956, 1957б, 1960б) и вслед за ним В. Ф. Зыбковец (1958б, 1959) вообще отрицают существование какой-либо одной первой формы религии, полагая, что первоначально сразу возникли зачатки разных форм религий.

Часть советских ученых относит возникновение религии к мустьерской эпохе (Равдоникас, 1939, I; Францев, 1940, 1959; Окладников, 1949, 1952б; В. Никольский, 1950б, 1953, 1955; Борисковский, 1950б, 1957а; Анисимов, 1958а), другая часть выступает с резкой критикой этого взгляда (Плисецкий, 1952, 1957; Косвен, 1957; Шахнович, 1957; Зыбковец, 1958а, 1959). Однако и среди ученых, считающих, что религия возникла не раньше, чем с переходом к ро-

довому обществу, нет полного единства мнений. Одни из них относят возникновение религии к ориньякской эпохе (Ефименко, 1953; Спиркин, 1960), другие — к мадленской (Зыбковец, 1959).

Не лучше обстоит дело с вопросом о том, как конкретно протекал процесс возникновения религиозных верований. Во всех работах, посвященных этой проблеме, обычно говорится о причинах появления религии, далее рассматриваются религиозные представления, являющиеся, по мнению автора, первоначальными, но сам процесс становления религии остается нераскрытым. Нет ни одной работы, в которой была бы прослежена внутренняя объективная логика этого процесса, его внутренняя необходимость.

Одной из причин такого положения вещей является, на наш взгляд, то обстоятельство, что все авторы, совершенно правильно указывая на бессилie человека перед природой как на главную причину возникновения религии, в то же время отказываются от анализа как сущности, так и проявления бессилия человека перед природой. В результате этого некоторые из них подменяют объективно бессилie человека перед природой чувством бессилия перед ней и выводят религию не из первого, а из второго, тем самым фактически отходя от марксистского взгляда на происхождение религиозных верований. Без детального анализа сущности бессилия человека перед природой и его проявления невозможно правильное решение проблемы происхождения религии. Поэтому мы с этого анализа и начнем.

Бессилie прежде всего означает отсутствие силы. Вполне понятно, что оно проявляется в том же, в чем проявляется и сила, — в практической деятельности людей. Бессилie человека перед природой есть его практическое бессилie, бессилie его практической деятельности. Практическая деятельность всегда направлена на достижение определенной цели, носит целеустремленный характер. Бессилie человека прежде всего проявляется в том, что он не может добиться реализации намеченных целей, не может обеспечить успешного результата своей деятельности.

Абсолютно недостижимыми являются цели, находящиеся в противоречии с законами природы, природной необходимостью. Однако отсутствие противоречия между целью и объективной необходимостью природы само по себе не является еще достаточной гарантией ее реализации. Практическая деятельность может наверняка привести к желаемому результату только в том случае, если человеку хорошо известен путь, ведущий к реализации цели, если заранее известны препятствия, могущие помешать достижению результата, и заранее приняты меры к их устранению. Чтобы до-

биться реализации намеченной цели, необходимо предвидеть течение объективных процессов и результаты своих собственных действий, нужно иметь знания о внутренних связях явлений, иметь идеал, истинно отражающие объективную необходимость.

Не зная внутренней связи, внутренней необходимости явлений, человек оказывается не в состоянии предвидеть ход событий и результаты своих собственных действий, не в состоянии выявить, какой образ действий из всех возможных ведет к желаемому результату. Поэтому он оказывается не в состоянии свободно решить, как ему следует действовать, какой образ действий необходимо избрать, чтобы добиться реализации намеченной цели. Человек вынужден действовать ощупью, впотьмах, вслепую. Принятие того или иного решения, выбор того или иного образа действий зависит в данном случае не столько от сознания и воли человека, сколько от разного рода случайных, не зависящих от него обстоятельств.

Далее, приняв под влиянием тех или иных случайных обстоятельств тот или иной план действий, человек в том случае, когда он не знает внутренней связи явлений, их объективной необходимости, не сможет последовательно осуществить его. В процессе деятельности по претворению в жизнь этого плана он неизбежно столкнется с множеством случайностей, влияние которых на исход деятельности он не может предвидеть и предотвратить. Эти случайности неизбежно заставят его в той или иной степени отказаться от принятого плана действий, навяжут ему иной образ действий.

Когда человек не знает необходимости, образ его действий во многом определяется случайностями. Определяя во многом образ деятельности, случайности во многом определяют и ее результат. Не столько от сознания и воли человека, сколько от не поддающегося учету благоприятного или неблагоприятного стечения обстоятельств зависит, достигнет человек желаемой цели или не достигнет, будет его деятельность успешной или приведет к неудаче. Не зная объективной необходимости, человек запутывается в хаосе случайностей, всецело подпадает под власть необходимости, оказывается рабом случайностей, рабом слепой, непознанной необходимости. Объективная необходимость, как известно, существует в случайностях. Именно в форме случайностей слепая, непознанная необходимость господствует над человеком, порабощает его.

Бессилие человека перед природой, таким образом, есть проявляющееся в практической деятельности его бессилие перед слепой, непознанной необходимостью, его зависимость от случайностей, в которых эта необходимость проявляется. Бессилие человека перед

слепой необходимостью есть одна сторона явления, другой стороной которого является власть этой необходимости над человеком, гнет над ним случайностей, являющихся проявлением непознанной необходимости.

Природа господствует над человеком, человек бессилен перед природой, когда он не знает необходимости природы, когда его практическая деятельность несвободна, когда результат его деятельности зависит не столько от его сознания и воли, сколько от не поддающегося учету стечения случайных обстоятельств, когда результат его деятельности опосредствован не поддающейся контролю игрой случайностей. Гнет природы над человеком, бессилие человека перед случайностями, его зависимость от слепой, непознанной необходимости, несвобода человека — все это различные обозначения одного и того же. Бессилие человека перед природой, власть над ним случайностей является доказательством того, что человек не знает объективной необходимости природы, не знает внутренней связи явлений.

Когда человек познает объективную необходимость явлений, он получает тем самым возможность предвидеть ход событий и результаты своих собственных действий, получает возможность действовать не вслепую, не ощупью, а со знанием дела. Он знает в таком случае путь, ведущий к реализации поставленной цели, знает, какой образ действий нужно избрать, чтобы добиться желаемого результата. Человек в таком случае свободен: он свободно принимает решения и свободно действует.

Чем глубже и полнее мышление человека отражает объективную необходимость, чем более точно предвидит он ход событий, тем свободнее избирает он образ действий, тем свободнее его деятельность, тем больше ее результаты зависят от его воли и сознания, а не от случайного стечения благоприятных и неблагоприятных обстоятельств. Раскрывая внутренне необходимые связи явлений, человек все больше овладевает явлениями, получает все большую возможность их изменить и преобразовать, получает все большую власть над объективным миром.

Познание необходимости влечет за собой смену проявляющейся в практике власти случайностей над человеком также проявляющейся в практике властью человека над случайностями. Вырываясь из-под власти случайностей, человек кладет конец рабской зависимости от необходимости. На смену бессилия человека перед природой приходит его власть над ней «...Пока мы не знаем закона природы, — писал В. И. Ленин (ПСС, т. 18, стр. 198), — он, существуя и действуя помимо, вне нашего познания, делает нас рабами „слепой необходимости“». Раз мы узнали этот закон, дейст-

вующий (как тысячи раз повторял Маркс) *независимо* от нашей воли и от нашего сознания, — мы господа природы. Господство над природой, проявляющее себя в практике человечества, есть результат объективно-верного отражения в голове человека явлений и процессов природы, есть доказательство того, что это отражение (в пределах того, что показывает нам практика) есть объективная, абсолютная, вечная истина».

Познав необходимость объективного мира и действуя в соответствии с нею, человек подчиняет себе силы природы, заставляет их служить своим целям и превращается из раба природы в господина природы, перестает быть бессильным перед природой, становится свободным. «Не в воображаемой независимости от законов природы заключается свобода, — писал Ф. Энгельс (Соч., т. 20, стр. 116), — а в познании этих законов и в основанной на этом знании возможности планомерно заставлять законы природы действовать для определенных целей... Свобода воли означает, следовательно, не что иное, как способность принимать решения со знанием дела... Свобода, следовательно, состоит в основанном на познании необходимостей природы [Naturnotwendigkeiten] господстве над ними самими и над внешней природой; она поэтому является необходимым продуктом исторического развития».

Проблема бессилия человека перед природой и его власти над ней есть по существу один из аспектов проблемы свободы и необходимости. Когда человек не знает необходимости природы, результаты его деятельности зависят не столько от него самого, сколько от не поддающегося его контролю случайного стечения обстоятельств, он находится под гнетом случайностей, слепой, непознанной необходимости, он бессилен перед природой, несвободен. Когда человек знает необходимость природы, результаты его деятельности зависят не столько от стечения обстоятельств, сколько от его воли и сознания, он вырывается из-под власти случайностей, становится господином природы, становится свободным.

Всю практическую деятельность человека можно было бы грубо подразделить на два вида: 1) деятельность, результаты которой зависят прежде всего от самого человека, — свободную практическую деятельность и 2) деятельность, результаты которой опосредствованы не поддающейся контролю человека игрой случайностей, — несвободную, зависимую практическую деятельность. Грань между этими двумя видами деятельности является крайне относительной, ибо не может быть ни абсолютно свободной, ни абсолютно несвобод-

ной человеческой деятельности, и между ними имеются все степени перехода, но тем не менее она существует. Человеческая практика на всех этапах своего развития всегда включала и сейчас включает в себя как свободную, так и несвободную деятельность. Прогресс в развитии практической деятельности заключается в непрерывном расширении сферы свободной практики за счет сферы несвободной и возрастании степени свободы.

Расширение сферы свободной практической деятельности и возрастание степени свободы шло по мере познания объективной необходимости, по мере углубления человеческих знаний об окружающем мире. Однако глубочайшей ошибкой было бы считать, что в основе развития человеческой практики лежало развитие познания. Дело обстоит как раз наоборот: развитие практической деятельности определяло развитие познания. Только в процессе практической деятельности было возможно познание необходимости. В отношении практики и познания определяющим является практика, а определяемым, вторичным — познание. Незнание необходимости природы является причиной бессилия человека перед природой, но само незнание необходимости, неразвитость человеческого познания коренится в неразвитости человеческой практики. Конечной причиной проявляющегося в практике бессилия человека перед природой, конечной причиной зависимо-го, несвободного характера человеческой практики является ее недостаточная развитость. Развиваясь, практическая человеческая деятельность обуславливала развитие познания, обуславливала переход от незнания необходимости к знанию и тем самым превращала себя из несвободной, зависимой в свободную. В основе расширения сферы свободной практики и возрастания степени свободы всегда лежало и лежит в конечном счете развитие самой практической деятельности.

2. Раздвоение человеческой практики.

Возникновение символического, иллюзорного образа действий

Даже у современных народов, стоящих на стадии доклассового общества, сфера зависимой, несвободной практики необычайно широка. Успех их практической деятельности, прежде всего таких ее видов, как охота и рыболовство, во многом зависит от случайного стечения благоприятных или неблагоприятных обстоятельств. Не желая перегружать работу примерами, которые можно в изобилии почерпнуть из описаний путешествий и трудов по этнографии (см.,

напр.: Врангель, 1841, II, стр. 105—106; Нансен, 1926, стр. 71; Штернберг, 1936, стр. 3—4, 245—248; Расмуссен, 1958, стр. 81—83; Анисимов, 1958а, стр. 38—40; Токарев, 1959, стр. 38—40; Malinowski, 1922, р. 344—345, 393; 1926, р. 108—110; Firth, 1929, р. 257—259; 1939, р. 90—91, 168—181), ограничимся лишь одним обобщающим высказыванием крупнейшего русского этнографа Л. Я. Штернберга (1936). «Какими же методами, — писал он, — человек борется за свое существование? В первую голову он применяет свои собственные силы. Наряду с грубой физической силой он применяет свое великодушное орудие — свой интеллект, свои изобретения — орудия, которые существовали уже с древнейшего известного нам периода человеческого существования. Его основной метод борьбы за существование — это метод техники, изобретений. Но вот оказывается, что все его гениальные изобретения недостаточны для борьбы с природой. При всем своем искусстве, в одном случае он направляет стрелу в животное даже в самую плохую погоду и убивает его, а в другом случае при самых благоприятных условиях делает промах, стреляет и не попадает. В одном случае он может наловить рыбы в один день столько, что ее хватит надолго, а в другом случае могут пройти целые месяцы и он не поймает ни одной рыбы. Одним словом, перед ним в борьбе за существование встает „его величество случай“, то, что мы называем удачей, счастьем и т. д., явление для него совершенно непонятное, таинственное» (стр. 246—247. Подчеркнуто мною. — Ю. С.).

Если так велика роль случайностей в жизни людей современного типа, имеющих за своими плечами накопленный в течение сотен тысяч лет трудовой опыт, то тем более она была велика в жизни людей формировавшихся, людей, только еще перестававших быть животными. Формирующиеся люди были почти полностью бессильны перед природой, почти вся их практическая деятельность была несвободной, зависимой.

Это, однако, не значит, что у них вообще полностью отсутствовала какая бы то ни было свободная практическая деятельность. Люди с самого момента своего возникновения не только приспособлялись к среде, но и преобразовывали ее. Поэтому они никогда не были полностью беспомощны перед природой, поэтому их деятельность никогда не была полностью несвободной, зависимой. Возникновение человеческой практической деятельности было одновременно началом освобождения деятельности от власти случайностей, началом становления свободы. Сфера свободной практики была у формирующихся людей необычайно узка, но тем не менее она существовала.

Прежде всего освободиться от власти случайностей начала деятельность производственная, деятельность по изготовлению орудий. Что же касается деятельности присваивающей, прежде всего охоты, то она почти всецело носила зависимый, несвободный характер. Возникшее под влиянием потребностей развития производственной деятельности и в процессе этой деятельности мышление первоначально было неразрывно связано с производственной деятельностью, влетело в последнюю. Производственная деятельность первоначально была главным и основным объектом мышления. Предметы внешнего мира были объектами мышления лишь постольку, поскольку они были связаны с производственной деятельностью, были ее моментами. Они мыслились лишь в неразрывной связи с производственной деятельностью, как ее моменты.

Будучи неразрывно связанным с производственной деятельностью, мышление было ориентировано на раскрытие связей, без знания которых невозможно было развитие этой деятельности. Одной из самых первых связей, осознанных человеком, нашедших отражение в его мышлении, была связь между действиями человека и их результатом.

В процессе производственной деятельности человек все больше и больше убеждался в том, что, для того, чтобы добиться желаемого результата, он должен действовать так же, как он действовал в тех случаях, когда им был достигнут результат, подобный желаемому, и что для того, чтобы избежать нежелательного результата, нужно действовать иначе, чем он действовал в тех случаях, когда результат был нежелательным. Подобные, одинаковые действия влекут за собой подобные, одинаковые результаты; действия непохожие, неодинаковые влекут за собой непохожие, неодинаковые результаты — таково было первое широкое обобщение, которое было навязано человеку всем ходом производственной деятельности. Это обобщение может быть названо законом подобия деятельности-результата.

Вполне понятно, что этот закон существовал для прачеловека не как теоретически осознанное обобщение, а как чисто эмпирическое правило, которого он придерживался в своей практической деятельности. Чтобы добиться желаемого результата, человек старался действовать как можно более сходно с тем, как он действовал в тех случаях, когда результат, подобный желаемому, был достигнут. Неудача в достижении желаемого результата служила для него достаточным доказательством того, что его действия не были достаточно точным воспроизведением тех, которые имели место, когда результат был достигнут, и что необходимо более точное копирование последних.

В сфере свободной практики, в которой существует прямая зависимость между деятельностью человека и ее результатами, повышение точности воспроизведения действий приводило в конце концов к тому, что человек достигал желаемого результата. Вполне понятно, что для достижения желаемого результата не требовалось абсолютно точного копирования прошлой деятельности, завершившейся подобным результатом, необходимо было ее воспроизведение лишь в главном и основном, а не в деталях. В процессе свободной практической деятельности происходило отделение существенного, важного в ней от несущественного, неважного, второстепенного, отделение действий необходимых, без которых не мог быть достигнут желаемый результат, от действий, не являющихся необходимыми для достижения его. Свободная практическая деятельность, в ходе которой было выработано убеждение, что для достижения желаемой цели нужно действовать таким же образом, как действовал человек в том случае, когда цель была достигнута, одновременно убеждала человека в том, что для достижения цели нет необходимости в абсолютно точном воспроизведении всех без исключения действий, имевших место в последнем случае, что нужно отличать действия, без воспроизведения которых невозможно достигнуть желаемого результата, от действий, в воспроизведении которых нет необходимости.

Способствуя выделению и закреплению правильных производственных приемов, отсеиванию как ошибочных, так и лишних и бесполезных действий, передаче и накоплению производственного опыта, закон подобия деятельности — результата в огромной степени способствовал формированию и совершенствованию правильного образа действий, поступательному развитию производственной деятельности. Помимо прогрессивного влияния, этот закон оказывал на производственную деятельность и консервативное, затрудняя, в частности, отказ от когда-то оправдавших себя, но отживших в данный момент приемов деятельности и замену их новыми приемами; однако консервирующее влияние этого закона на развитие свободной практической деятельности было относительным, в то время как его прогрессивное воздействие — абсолютным.

Начавшееся первоначально в сфере производственной деятельности освобождение трудовых актов от рефлекторной формы в дальнейшем охватило всю практическую деятельность человека. Вслед за актами производства все действия человека начали постепенно превращаться из рефлекторных в сознательные, целенаправленные. По мере того как объектом мышления становилась вся практическая деятельность и связанные с ней предметы внешнего мира, обобщения, возникшие в процессе являвшейся во многом свобод-

ной производственной деятельности, распространялись на всю практическую деятельность, в том числе и на несвободную, зависимую.

Распространившись на сферу несвободной, зависимой деятельности, в частности охоты, убеждение в том, что одинаковые действия влекут за собой одинаковые результаты и что в основе различия результатов лежит различие действий, в определенной степени способствовало накоплению трудового опыта и совершенствованию этой деятельности и поэтому закрепились и в этой сфере. Но распространение и закрепление в сфере несвободной практики закона подобия деятельности — результата, кроме тех следствий, которые оно имело в сфере свободной практики, вело и к совершенно новым.

Как уже указывалось, в отличие от свободной практической деятельности образ несвободной практической деятельности и ее результаты определяются не столько волей и сознанием человека, зависят не столько от собственных усилий человека, сколько от случайного стечения благоприятных и неблагоприятных обстоятельств. Опосредствование образа и результата несвободной практической деятельности, не поддающейся контролю человека игрой случайностей делает в большинстве случаев невозможным и бесполезным, а иногда даже и прямо вредным точное воспроизведение действий, приведших в прошлом к желаемому результату.

Однако сам человек и в сфере несвободной практики продолжал руководствоваться законом подобия деятельности — результата и рассматривать всякую неудачу в достижении желаемой цели как результат того, что его действия не были достаточно точным воспроизведением тех, которые имели место, когда цель, подобная желаемой, была достигнута, и стремился, желая во что бы то ни стало достигнуть цели, к более точному копированию этих действий. Если человек опять не достигал желаемого результата, а это могло иметь место, ибо в сфере зависимой практики повышение точности копирования прошлых удачных действий в том случае, когда оно было возможным, само по себе, без вмешательства благоприятных случайностей не могло обеспечить достижения этого результата, он опять-таки рассматривал это как следствие недостаточно точного воспроизведения удачных действий и стремился к еще более точному их копированию.

Но никакое повышение точности воспроизведения прошлых удачных действий само по себе не могло гарантировать в сфере несвободной практики достижения желаемой цели. Это обстоятельство лишало человека объективного критерия, который мог бы позволить ему отделать действия, необходимые для достижения це-

лей, от действий второстепенных, несущественных. Отсутствие такого критерия находит свое объяснение в самой природе несвободной деятельности, в том, что ее результаты зависят не столько от собственных усилий человека, сколько от игры случайностей.

В условиях, когда никакое повышение точности копирования прошлых удачных действий не могло гарантировать достижение намеченных человеком целей, в условиях отсутствия объективного критерия, который бы мог позволить человеку отделить действия необходимые, существенные от несущественных, стремление человека обеспечить достижение желаемого результата, гарантировать успех своей деятельности не могло не породить тенденции к полному, абсолютному копированию прошлых удачных действий. Но такое копирование, как уже указывалось, было в большинстве случаев невозможным, бесполезным и даже вредным.

Так в сфере несвободной практической деятельности возникло и получило развитие крайне острое противоречие между тенденцией к абсолютному воспроизведению прошлых удачных действий и реальной невозможностью и бесполезностью такого воспроизведения. Накопленный практический опыт, с одной стороны, толкал человека в сфере несвободной практики к абсолютному копированию прошлых удачных действий, а с другой стороны, доказывал ему невозможность и бесполезность такого копирования.

Выход из такого противоречия был подсказан опять-таки накопленным практическим опытом. Как упоминалось выше, в процессе свободной практической деятельности у человека наряду с убеждением в том, что подобные действия влекут за собой подобные результаты, вырабатывалось убеждение в необходимости отличить действия, без воспроизведения которых невозможно достижение желаемого результата, от действий, в воспроизведении которых нет нужды. В результате распространения этого последнего убеждения на сферу несвободной практики противоречие между тенденцией к абсолютному копированию прошлых удачных действий и невозможностью и бесполезностью такого копирования нашло свое разрешение в дополнении диктуемых обстановкой действий, направленных к достижению желаемой цели, действиями, представляющими собой абсолютное воспроизведение части той деятельности, которая имела место в прошлом, когда был достигнут результат, подобный желаемому. Вследствие отсутствия объективного критерия, который мог бы позволить отделить необходимые действия от несущественных, абсолютному копированию могли подвергнуться и такие действия, которые никогда не оказывали сколько-нибудь существенного влияния на исход деятельности. Но даже и те действия, которые в своей первоначальной форме оказали существен-

ное влияние на исход деятельности, когда их начали копировать, не сообразуясь с обстановкой, неизбежно утратили всякое реальное значение.

Таким образом, на определенном этапе развития человеческой практической деятельности необходимо произошло ее раздвоение на деятельность, реально направленную к достижению желаемого результата, деятельность, объективно необходимую для достижения этого результата, и деятельность, направленную к достижению этого результата лишь символически, формально, деятельность ненужную и бесполезную, но рассматриваемую как абсолютно необходимую для достижения желаемого результата.

Символическая практическая деятельность была вызвана к жизни бессилием реальной практической деятельности. Символический образ практической деятельности возник как иллюзорное практическое восполнение бессилия реального образа практической деятельности. Он появился как паразит на теле живой человеческой практики. Отнимая время и силы, необходимые для реальной деятельности, паразитический, иллюзорный образ действия, начиная с самого момента своего возникновения, наносил ущерб развитию живой, реальной практической человеческой деятельности.

3. Раздвоение человеческого познания. Возникновение иллюзорного, магического образа мышления

Если в самом начале раздвоения практической деятельности люди, вероятно, не осознавали того объективного различия, которое существовало между действиями, реально необходимыми для достижения желаемой цели, и опутывавшими их действиями символическими, паразитическими, считая и те и другие в одинаковой мере способствующими достижению результата, то в ходе дальнейшего развития практической деятельности и определяемого им развития мышления это различие стало постепенно осознаваться.

Для успешного развития практической деятельности мало было осознания факта существования связи между действиями и результатом, факта зависимости результата от действия. Потребности развития практики требовали углубления познания существующей между действиями и результатами связи, требовали выявления того, в чем состоит влияние данного действия на результат, как и почему данное действие влияет на результат.

В сфере свободной практической деятельности связь между действием и результатом была более или менее ясной. В этой сфере

человек постепенно приобретал и совершенствовал свои знания о том, как и в какой мере различные его действия влияют на результат, в чем состоит зависимость результата от действия.

Иначе обстояло дело с символическим, паразитическим образом действий. При всем своем желании человек не мог получить никаких знаний о природе связи, существовавшей, по его глубокому убеждению, между символическими действиями и результатом реальных действий, о характере влияния, оказываемого, по его убеждению, символическими действиями на результат его практической деятельности. И вполне понятно, почему: потому что между символическими действиями и результатом действий не было иной связи, кроме временной и пространственной, потому что символические действия на деле не способствовали достижению результата, не оказывали реального положительного влияния на исход человеческой деятельности. Однако безуспешность попыток получить знание о связи между символическими действиями и результатами реальных действий, понять природу влияния символических действий на эти результаты не могла поколебать порожденного и питаемого бессилием человека перед природой убеждения, что возникшие как иллюзорное восполнение бессилия реального образа действий символические действия оказывают влияние на результат реальных действий, что символические действия не менее необходимы для достижения желаемого результата, чем реальные действия.

В результате объективное различие, существовавшее между реальными действиями, действительно влиявшими на исход человеческой деятельности, и символическими действиями, не оказывавшими на него влияния, было осознано человеком как различие между действиями, влиявшими на результат естественным образом, ясным и понятным человеку образом, и действиями, влиявшими на результат таинственным, непонятным образом. Произошло раздвоение человеческого познания: наряду со знанием о реальных связях, реальных влияниях возникла вера в существование качественно отличных от первых — таинственных, непонятных связей, таинственных, непонятных влияний.

Человеческое мышление является не только объективным процессом, но и творческой деятельностью человека, субъективной человеческой деятельностью¹. Именно то обстоятельство, что мышле-

¹ Подробнее об этом см. наши работы: «В. И. Ленин о тождестве логики, диалектики и теории познания диалектического материализма» (1958д, стр. 3 сл.) и «В. И. Ленин о творческом характере человеческого познания» (1960б).

ние, как и практика, представляет собой, помимо всего прочего, субъективную деятельность, дает основание говорить о том или ином способе мышления, о том или ином образе мыслительной деятельности человека. В отношении практики и мышления, как уже неоднократно указывалось, первичным, определяющим является практика, вторичным, определяемым — мышление. В основе идеальной мыслительной практики в конечном счете лежит практика материальная, в основе определенного образа мыслительной деятельности человека — определенный образ его практической материальной деятельности.

Раздвоение ранее единой живой, реальной практической деятельности человека на деятельность реальную и деятельность символическую, паразитическую неизбежно привело к раздвоению и мыслительной деятельности на деятельность, результатом которой является истина, деятельность логическую и деятельность, результатом которой является иллюзорный взгляд на мир, деятельность иллогическую, иррациональную.

Практическая иллюзия неизбежно породила иллюзию мыслительную. Паразитический, иллюзорный образ практической деятельности неизбежно вызвал к жизни и соответствующий ему иллюзорный взгляд на человеческую практику, иллюзорный, паразитический образ мысли, качественно отличный от логического способа мышления. Если логический образ мышления состоял в раскрытии реально существующих связей и влияний, прежде всего связей между реальными действиями и результатами, то иллюзорный образ мысли состоял в приписывании таинственных, непонятных влияний, в первую очередь в их приписывании символическим, паразитическим человеческим действиям.

Возникнув, иллюзорный, паразитический образ мысли образовал вместе с породившим его иллюзорным, паразитическим образом действий то, что получило в этнографической науке название магии. Магия есть единство иллюзорного, магического образа действий и иллюзорного, магического образа мысли. Первой формой магии была нерасчлененная подражательная магия, магия подобия действия, из которой в дальнейшем выделилась собственно подражательная магия, парциальная магия и инициальная ².

² Подражательная, парциальная и инициальная магия отличаются друг от друга тем, что магическое действие, представляющее собой подобие реального действия, в первом случае имеет своим объектом подобие, копию реального объекта, во втором — его часть, след и т. п., в третьем — сам реальный объект, но отсутствующий в момент совершения обряда в том месте, где этот обряд совершается.

Будучи порожденным паразитическим, иллюзорным образом деятельности, магический образ мышления в свою очередь оказал большое обратное влияние на развитие магической практики и прежде всего способствовал дальнейшему обрастанию несвободной практической деятельности магическими действиями. В сфере зависимой практики реально существующую связь между действиями и результатом было выявить очень трудно, ибо она опосредствована игрой случайностей. С появлением магического образа мысли человек в тех случаях, когда он оказывался не в состоянии выявить реально существующую между его действиями и результатами связь, приписывал этим действиям магическое влияние на результат. Это вело в конечном счете к превращению данных, первоначально, возможно, имевших реальное влияние на результат действий, в магические, паразитические.

Как в сфере свободной, так и особенно в сфере несвободной практической деятельности человек нередко терпел неудачу в попытках добиться желаемого результата. В сфере свободной практики человек мог выявить и выявлял, какое его действие, как и почему мешало достигнуть желаемого результата, и старался воздерживаться от таких действий в дальнейшем. В сфере несвободной практики выявление действий, мешавших достижению желаемого результата, было крайне затруднено, тем более что причиной нежелательного исхода деятельности чаще всего являлось неблагоприятное стечение случайных обстоятельств. Оказываясь не в состоянии выявить реальные связи между своими действиями и нежелательным результатом, человек приписывал некоторым, бросившимся ему по тем или иным причинам в глаза действиям, чаще всего действиям, резко отличавшимся от тех, которые имели место в случае, когда желаемый результат был достигнут, отрицательное магическое влияние на желаемый, но не достигнутый результат. Стремясь обеспечить успех своей деятельности, человек в дальнейшем стремился воздерживаться от этих действий, приписывая отказу от них магическое положительное влияние на исход деятельности.

Так наряду с магией действия, позитивной или положительной магией возникла магия отказа от действий — отрицательная или негативная магия. Возникновению и оформлению негативной магии способствовало существование моральных запретов — этических табу. Как уже указывалось в главе IX, этические табу предстают перед человеком как запреты, о которых он знает по существу лишь одно, а именно, что их нужно соблюдать, ибо нарушение этих запретов каким-то неведомым для него образом навлечет на него и на весь коллектив какую-то грозную, но совершенно непонятную опасность. С возникновением магического образа мышления опас-

ность, происходящая от нарушения табу, была осмыслена как отрицательное магическое влияние. Этические табу, продолжая оставаться по своему содержанию социальными, по форме стали магическими. Эти магически осмысленные этические табу можно было бы назвать маги́ко-этическими. С другой стороны, на возникшие чисто магические запреты стали переноситься некоторые черты этических табу. Так постепенно оформились две категории табу: маги́ко-этические и чисто магические, сходные по форме, но различные по содержанию. В дальнейшем развитии многие маги́ко-этические табу, потеряв значение как нормы поведения в обществе, превратились в чисто магические. Так, например, в родовом обществе половые производственные табу являются этическими лишь по своему происхождению, по существу же они давно уже стали чисто магическими.

Возникнув на основе магического образа действий и будучи первоначально вплетенным в него, магический образ мысли в дальнейшем постепенно приобрел относительную самостоятельность. Чтобы понять его эволюцию, необходимо предварительно хотя бы кратко коснуться вопроса о развитии логического образа мышления.

Логический образ мышления не возник сразу в готовом виде. Он мог сформироваться лишь в процессе длительного исторического развития практической человеческой деятельности. «...Практическая деятельность человека,— писал В. И. Ленин (ПСС, т. 29, стр. 172),— миллиарды раз должна была приводить сознание человека к повторению разных логических фигур, да бы эти фигуры могли получить значение аксиом». «...Практика человека,— указывал он в другом месте «Философских тетрадей» (стр. 198),— миллиарды раз повторяясь, закрепляется в сознании человека фигурами логики. Фигуры эти имеют прочность предрассудка, аксиоматический характер именно (и только) в силу этого миллиардного повторения».

Формирование логического способа мышления началось с того момента, когда производственная деятельность стала освобождаться от своей рефлекторной формы. Протекал этот процесс вначале на основе развития производственной, а в дальнейшем всей практической деятельности. С раздвоением практической деятельности на реальную и иллюзорную формирование логического образа мышления продолжалось на основе первой.

Первоначально главным объектом мышления была практическая деятельность. Предметы внешнего мира были объектами мышления лишь постольку, поскольку они являлись моментами этой деятельности. В дальнейшем развитии происходит дифференцирование в человеческом сознании предметов внешнего мира от че-

ловеческой деятельности. Предметы внешнего мира, мыслившиеся раньше лишь как моменты практической деятельности, становятся самостоятельными объектами мышления. В последующем объектами мышления становятся постепенно все предметы внешнего мира, не исключая и тех, которые прямо не связаны с практической деятельностью человека, весь объективный мир.

Отделение в мышлении предметов, являвшихся моментами практической деятельности, от самой практической деятельности было вызвано потребностями развития этой деятельности. Процесс практической деятельности, не исключая и свободной, не мог не зависеть от качества применяемых и используемых средств и предметов труда, от обстановки, в которой он протекал, короче говоря, от условий. Чтобы деятельность человека была подобна той, которая имела место в прошлом, когда был достигнут желаемый результат, необходимы были средства и предметы труда, подобные бывшим в том случае, нужны были в большей или меньшей степени сходные условия деятельности.

Первоначально подобие условий деятельности рассматривалось как момент подобия деятельности. В дальнейшем требование подобия условий деятельности выступило как во многом самостоятельное, хотя и подчиненное требованию подобия деятельности. В результате закон подобия деятельности — результата превратился в закон подобия условий — деятельности — результата.

Процесс свободной практической деятельности, в ходе которого вырабатывалось убеждение, что для достижения желаемой цели необходимы условия, подобные тем, которые имели место в том случае, когда был достигнут результат, подобный желаемому, убеждали в то же время, что для успеха действий нет необходимости в абсолютном подобии условий, что среди условий имеются такие, без которых желаемый результат не может быть достигнут, и такие, которые особой роли не играют.

Все эти обобщения, вырабатывавшиеся в процессе свободной практической деятельности, распространялись на всю вообще практическую деятельность, и так как они и в сфере несвободной практики в определенной степени способствовали достижению желаемых результатов, то естественно, что они закреплялись и в последней.

В сфере несвободной практики зависимость результатов человеческой деятельности от условий, в которых она протекала, была неизмеримо более велика, чем в сфере свободной. Весь ход несвободной практической деятельности все больше убеждал человека в том, что достижение желаемого результата зависит не столько от его собственных усилий, сколько от не зависящих от него обстоятельств.

Вполне понятно, что это порождало у человека стремление во что бы то ни стало выявить, какие именно объективные условия оказывают влияние на результаты деятельности, с тем, чтобы принять меры для обеспечения условий, положительно влияющих на исход деятельности, и устранения условий, оказывающих отрицательное влияние, или хотя бы предвидеть исход деятельности.

Однако в силу особенностей несвободной практической деятельности выявление связей между условиями и результатом действий, отделение условий, без которых желаемый результат не мог быть достигнут, от условий, не играющих существенной роли, было делом очень трудным. Сама несвободная практика не давала объективного критерия, который бы позволил отделить существенные условия от несущественных, тем более что в сфере этой практики грань между этими условиями носила во многом относительный характер. Все это порождало тенденцию рассматривать всю совокупность условий, имевших место в случае, когда был достигнут желаемый результат, как необходимую для успеха деятельности.

Бессилие практической деятельности, ее зависимость от случайного стечения обстоятельств обуславливали бессилие логического образа мышления проникнуть в реальные связи, существовавшие между условиями, в которых протекала несвободная деятельность, и ее результатами. И на «помощь» приходил магический образ мышления, представлявший собой иллюзорное восполнение бессилия логического образа мысли, подобно тому как магический образ деятельности представлял собой иллюзорное восполнение бессилия реального образа действия. Всей обстановке в целом стало приписываться магическое влияние на исход человеческой деятельности. Вполне понятно, что магическое влияние на исход человеческой деятельности стало приписываться и всякому необычному изменению обстановки, всякому необычному событию, причем влияние, противоположное тому, которое приписывалось обстановке в целом.

Так как жизненный опыт первобытного человека, задавленного непосильной борьбой с природой, учил его не столько надеяться на благоприятный исход событий, сколько опасаться различного рода неблагоприятных случайностей, то он чаще всего приписывал такого рода событиям не положительное, а отрицательное магическое влияние на исход его деятельности, вообще на течение всей его жизни. Приписывание всем необычным событиям отрицательного магического влияния на жизнь человека, страх перед ними зафиксирован этнографами у всех племен и народов, стоящих на стадии доклассового общества (Краулей, 1905, стр. 23 сл.; Лев и Брюль, 1930, стр. 188—191; 1937, стр. 30—60, 240—242).

С началом приписывания магического положительного или отрицательного влияния объективным событиям возникло то, что обычно называется верой в счастливые и несчастные приметы. Важно отметить, что на первых ступенях развития, да в значительной степени и на последующих, приметы рассматривались не столько как явления, возвещающие о наступлении тех или иных счастливых или несчастных событий в жизни людей, сколько как вызывающие своим влиянием последние.

Возникновению веры в приметы оказало обратное влияние на магическую практику, в частности привело к возникновению нового вида магии — гадательной (мантики).

В вере в приметы, т. е. в вере в положительное или отрицательное влияние на жизнь людей тех или иных чисто случайных событий в иллюзорной форме нашел свое необычайно яркое выражение факт зависимости исхода несвободной практической деятельности и тем самым всей жизни человека от случайного стечения благоприятных или неблагоприятных обстоятельств, зависимости человека от власти случайностей.

Приписывание магического влияния на исход деятельности всей обстановке в целом не могло не породить стремление к абсолютному воспроизведению всей обстановки, в которой в прошлом был достигнут желаемый результат. Но такое абсолютное воспроизведение прошлых условий было совершенно невозможным. Выход был найден в абсолютном воспроизведении некоторых из прошлых условий, которым стало приписываться положительное магическое влияние на деятельность и ее результат. Другим условиям, чаще всего тем, которые имели место в прошлом, когда человека постигла неудача, стало приписываться отрицательное магическое влияние. Втягиваясь в магическую деятельность, все подобного рода условия, даже в том случае, если они первоначально имели реальное влияние на исход человеческой деятельности, неизбежно теряли его и становились чисто магическими.

Магическая деятельность всегда была связана с теми или иными материальными объектами, но первоначально ни этим объектам, ни другим явлениям внешнего мира никакого магического влияния не приписывалось. Магическое влияние приписывалось лишь человеческим действиям. В дальнейшем, по мере того, как в ходе самой несвободной деятельности человек все в большей и большей степени убеждался в том, что ее результаты зависят не столько от его собственных усилий, сколько от во многом от него совершенно не зависящих обстоятельств, положительное или отрицательное магическое влияние начало во все большей степени приписываться не столько человеческим действиям, сколько объективным яв-

ниям, в том числе и таким, которые не были связаны с человеческой деятельностью. Объективными явлениями, которым начали приписываться магические влияния на исход человеческой деятельности, были не только события, т. е. изменения тех или иных материальных объектов, исчезновение или появление их и т. п., но и сами эти предметы, а также различного рода вещи, втянутые в магическую деятельность, в частности ее условия и средства. Наряду с верой в приметы возникла вера в существование у тех или иных предметов внешнего мира свойства магического влияния на исход человеческой практической деятельности и вообще на судьбу человека — примитивный, архаичный фетишизм.

Возникновение фетишизма привело к тому, что рядом с магическими действиями, которым приписывалось свойство прямого влияния на исход практической деятельности в желаемом направлении, появились магические действия, имеющие своей целью использование для обеспечения желаемого результата магических свойств материальных предметов, рядом с непосредственной магией возникла магия опосредствованная.

С возникновением веры в приметы и фетишизма магический способ мышления превратился из иллюзорного образа мысли о человеческой деятельности в иллюзорный взгляд на объективный мир.

4. Первобытная магия — формирующаяся религия

Магия, являющаяся единством магического образа мысли и магического образа действия, существенно отличается от развитых форм религии. Магия не удваивает мир, как это делает развитая религия: она не предполагает существование наряду с реальным, естественным миром мира иллюзорного, сверхъестественного, не предполагает бытия сверхъестественных существ, вообще не предполагает бытия каких-либо других существ и предметов, кроме естественных материальных существ и естественных материальных предметов. Но, отличаясь от развитых форм религии, магия в то же время имеет общее с ними. С развитыми формами религии магию роднит вера в существование, кроме естественных, реальных, доступных и понятных человеческому разуму влияний, влияний таинственных, сверхъестественных, иллюзорных.

Наличие в магии основного признака религии — веры в зависимость человеческой жизни от сверхъестественных, таинственных влияний, сил — позволяет рассматривать магию как религию. Однако магия не может быть названа религией в полном смысле этого слова. Это неразвитая религия, религия формирующаяся, ста-

новящаяся. Данная особенность магии была схвачена Г. Гегелем, первым выдвинувшим положение о том, что магия представляет собой первоначальную, наиболее архаичную форму религии. Магия (волшебство), согласно Г. Гегелю, «есть древнейший способ религии, самая дикая, самая грубая ее форма», есть «первая форма (религии), которая, собственно, еще не может быть названа религией» (H e g e l, 1928, S. 302, 306).

Г. Гегелем же впервые, правда в мистифицированной, идеалистической форме, было выдвинуто положение, что в отношении магической практики и магической «теории» первая является определяющей, а вторая — определяемой, что не магические взгляды породили магическую практику, а, наоборот, магическая практика породила магические взгляды. К сожалению, эти ценнейшие мысли не получили разработки в марксистской литературе. Одна из немногих известных нам попыток в этом направлении, предпринятая В. Рожициным (1925), не была доведена им до конца. Что же касается остальных авторов, то в большинстве своем они рассматривают магическую практику как производное от магических верований (Ф р а н ц е в, 1959, стр. 196 и др.). Тем самым они фактически отказываются от применения марксистского решения вопроса об отношении практики и мышления к проблеме происхождения религии и тем, на наш взгляд, закрывают себе дорогу к ее разрешению.

Из марксистского положения, что в отношении практики и мышления первичным, определяющим является практика, а вторичным, определяемым мышление, необходимо следует, что мыслительная иллюзия не могла предшествовать иллюзии практической, что нужно не практическую иллюзию выводить из мыслительной, а, наоборот, корни мыслительной иллюзии искать в иллюзии практической. Вывод о том, что магический образ мышления был порожден символическим, паразитическим образом действия, возникшим как иллюзорное восполнение бессилия несвободной практической деятельности человека, находит свое полное подтверждение в данных этнографической науки.

Как сообщают исследователи, много занимавшиеся изучением магии у примитивных племен и народностей, в частности Б. Малиновский (M a l i n o w s k i, 1922, p. 344—348, 393—395; 1926, p. 106—111) и Р. Ферс (F i r t h, 1929, p. 233—260; 1939, p. 90—92, 168—181), магические обряды опутывают не всю хозяйственную деятельность людей, а лишь ту ее область, в которой в значительной степени господствует случай, удача, в которой человек не может рассчитывать на свои знания и технику, а имеет дело с не поддающимися контролю факторами, в которой человек не уверен в благоприятном исходе своей деятельности, в которой велик про-

стор для надежды, страха и неуверенности. Что же касается той области хозяйственной деятельности, в которой техника проста и надежна, в которой применяются испытанные приемы, гарантирующие успешный исход деятельности, то в ней магические обряды полностью отсутствуют. Заметим, кстати, что эти и им подобные данные этнографии полностью опровергают выдвинутое Дж. Фрезером (1928, I, стр. 73 сл.) и разделяемое целым рядом ученых, в том числе и советских (Цейтлин, 1931, 5, стр. 24; К а ж д а н, 1957, стр. 20), положение о том, что магия связана не с чувством страха и неуверенности, а хотя и с ложным, но сознанием своего всемогущества, хотя и с ложным, но чувством уверенности в своих силах.

Практическое бессилие человека перед слепой, непознанной необходимостью природы, породившее религию, оставалось главным ее корнем вплоть до возникновения классов. С появлением классового общества главным корнем религии стало практическое бессилие человека перед слепой, непознанной необходимостью общественного развития, прежде всего проявлявшееся в бессилии эксплуатируемых в борьбе с эксплуататорами, в социальной придавренности трудящихся масс. Немалую роль в закреплении религиозных верований стал играть классовый интерес эксплуататоров.

Таким образом, на всех этапах эволюции религии корни ее заключались в бессилии человеческой практики, в зависимости этой практики от слепой, непознанной необходимости объективного мира. Никаких иных корней, кроме указанных выше, религия, по нашему мнению, не имела и не имеет. Нельзя поэтому, на наш взгляд, согласиться с положением о том, что религия, как и идеализм, имеет, кроме корней социальных, корни гносеологические, корни в самом человеческом познании, положением, которого придерживается в настоящее время большинство исследователей-марксистов (Окладников, 1952б; Плисецкий, 1952; Юровский, 1953; Эншлен, 1954; В. Никольский, 1955; Крывелев, 1956; 1958; «История философии», 1957, I; Шаревская, 1958; Сухов, 1961; Лебединец, 1959; Францев, 1959; Зыбковец, 1959; Спиркин, 1960; Угринович, 1961 и др.)³. А между тем между религией и идеализмом существует качественное различие, которое ярко проявляется в различии их корней. Если корни религии в трудностях практической, материальной деятельности человека, то корни идеализма в трудностях его мыслительной

³ Единственным известным нам исключением в этом отношении является Г. М. Гак, выдвинувший в одной из своих последних работ (1961), правда без сколько-нибудь подробного обоснования, положение об отсутствии у религии гносеологических корней.

деятельности, результатом которых является одностороннее раздувание одной из черточек, моментов познания, закрепляемое классовым интересом эксплуататорского меньшинства⁴.

Идеализм не мог возникнуть раньше, чем обнаружился трудности познавательной деятельности, а это произошло лишь тогда, когда сама познавательная деятельность, само познание стало объектом познания. Возникновение идеализма предполагает существование сравнительно далеко уже зашедшего отделения умственного труда от труда физического. Лишь на определенном этапе развития классового общества, характеризующегося достижением производительными силами уровня, достаточного для созревания рабовладельческих отношений («античная» формация), объектом познания наряду с природой становится и само познание, мышление. Когда объектами познания становятся и мир и познание, и природа и мышление, возникает вопрос об отношении бытия и мышления и появляются материализм и идеализм как два противоположных направления в философии. В обществе доклассовом, а также на первой стадии развития классового общества, характеризующегося незрелостью антагонистических производственных отношений («азиатская» формация)⁵, существовала только религия, что же касается идеализма, то его не было.

Поэтому нельзя, по нашему мнению, признать правильной имеющую распространение в нашей литературе характеристику религии доклассового общества как первобытного идеализма, так же как нельзя согласиться и со столь же распространенным применением терминов «идеализм», «идеалистический» для характеристики взглядов на мир людей родового общества и даже формирующихся людей (см., напр.: Равдоникас, 1939, I, стр. 233; Окладников, 1952б, стр. 174; Шаревская, 1953, стр. 18; «История философии», 1957, I, стр. 35; Шахнович, 1958, стр. 75. Францев, 1959, стр. 99—101; Зыбковец, 1959, стр. 116 и др.).

Упомянутые выше авторы в качестве доказательства правильности своих положений обычно ссылаются на известное высказывание В. И. Ленина о «первобытном идеализме», содержащееся в его конспекте книги Аристотеля «Метафизика» (ПСС, т. 29, стр. 329). Однако, внимательно прочитав соответствующие страницы книги Аристотеля (1934, стр. 218—219) и ленинского конспекта, нетрудно убедиться, что под «первобытным идеализмом» В. И. Ленин понимал не религию первобытного общества, а идеалистиче-

⁴ Подробнее по этому вопросу см. нашу работу «О корнях религии и философского идеализма» (1962).

⁵ По вопросу о ранних этапах развития классового общества см.: Ю. Семенов, 1957, 1960в, а также нашу работу «Проблема социально-экономического строя Древнего Востока» («Народы Азии и Африки», 1965, № 4).

скую философию пифагорейцев и Платона. Ленинскую характеристику идеализма пифагорейцев и Платона как первобытного идеализма невозможно объяснить, не допустив, что В. И. Ленин рассматривал эти философские учения как исторически первую форму идеализма, до возникновения которой идеализма вообще не существовало.

Имея различные корни, религия и идеализм качественно отличаются друг от друга. Идеализм всегда был и является теорией и только теорией, хотя, конечно, и связанной с практикой. Религия, порожденная трудностью, практической деятельности, практическим бессилием человека перед стихийными силами природы и общества, всегда носила и носит на себе отпечаток своего происхождения. Религия никогда не была и не может быть только «теорией». Она всегда включала и включает в себя в качестве своего необходимого момента наряду с религиозной «теорией» и религиозную «практику» — культ, обряды. Если идеализм является только извращенным воззрением на мир, то религия всегда была и является единством извращенного взгляда на мир и извращенной деятельности.

Особенно наглядно это видно на примере первой формы религии — магии. В магии ее практическая сторона выступает настолько ярко, что нередко магию понимают лишь как совокупность магических действий, как колдовство. Да и сама «теоретическая» сторона магии носит по существу практический характер. «Теоретическая» сторона магии есть не просто извращенное мировоззрение, она в сущности своей представляет извращенный образ мыслительной деятельности, извращенный способ мышления и только тем самым извращенный взгляд на мир.

5. Л. Леви-Брюль и проблема эволюции человеческого мышления

Нельзя сказать, чтобы идеальная, «теоретическая» сторона магии оставалась совершенно незамеченной исследователями. Дж. Фрезер (1928, I, стр. 37), например, неоднократно подчеркивал, что в магии существует не только практическая, но и теоретическая сторона, что она есть не только «ложное искусство», но и «ложная наука». Однако только крупнейший французский ученый Л. Леви-Брюль (1930, 1937) смог раскрыть сущность «теоретической» стороны магии и тем самым доказать, что логический способ мышления не является единственно существующим, что, кроме логического образа мышления, существует и другой способ мышления, качественно от него отличный. Этот второй способ

мышления, представляющий собой «теоретическую» сторону магии, был назван Л. Леви-Брюлем пралогическим (прелогическим) или мистическим мышлением.

Открытие пралогического способа мышления повлекло за собой открытие и двух основных стадий в развитии мышления: низшей — стадии сосуществования логического и пралогического (т. е. магического) способов мышления и высшей — стадии безраздельного господства логического образа мышления. Сосуществование и взаимопроникновение логического и пралогического способов мышления Л. Леви-Брюль считал характерным для «низших обществ», т. е. прежде всего для племен и народов, стоящих на стадии доклассового общества, почти безраздельное господство логического способа мысли — для народов, достигших высокого уровня развития, прежде всего для европейских.

«Логическое и пралогическое,— писал Л. Леви-Брюль (1930, стр. 71), характеризуя первую стадию развития мышления,— не наслаиваются в мышлении низших обществ друг на друга, отделяясь одно от другого, подобно маслу и воде в сосуде. То и другое мышление взаимно проникают друг в друга, и в результате получается как бы смесь, составные части которой нам трудно оставлять нераздельными. Так как в нашем мышлении логическая дисциплина исключает во что бы то ни стало все то, что ей очевидно противоречит, то мы не в состоянии приноровиться к такому мышлению, где логическое и пралогическое сосуществуют и одновременно дают себя чувствовать в умственных операциях. Пралогический элемент, который еще сохраняется в наших коллективных представлениях, слишком слаб для того, чтобы позволить нам воспроизвести такое состояние мышления, где пралогический элемент господствует, но не исключает логического элемента».

Переход от низшей стадии мышления к высшей происходит, по Л. Леви-Брюлю, путем постепенного вытеснения развивающимся логическим мышлением приходящего в упадок пралогического. О происхождении высшей формы от низшей свидетельствуют сохранившиеся в логическом мышлении высококультурных народов пережитки пралогического способа мысли. «Знание пралогического и мистического мышления,— пишет Л. Леви-Брюль в главе «Переход к высшим типам мышления» (стр. 302),— может, однако, служить не только изучению низших обществ. Высшие типы мышления происходят от низшего типа. Они должны еще воспроизводить в более или менее уловимой форме часть черт низшего мышления. Для того, чтобы понять эти высшие типы, необходимо, значит, обратиться сначала к этому относительно „первобытному“ типу».

Даже в изложенном выше виде теория Л. Леви-Брюля не может быть безоговорочно принята. В частности, невозможно согласиться с его утверждением, что на первой стадии развития мышления пралогический (магический) способ мышления был господствующим. Однако даже этой схемы Л. Леви-Брюль не придерживается последовательно. Во многих, если не в большинстве мест своей работы, он рассматривает мышление «низших обществ» как полностью и целиком пралогическое, что, естественно, приводит его к отрицанию существовавшей преемственной связи между «низшим» и «высшим» типами мышления, ибо происхождение логического способа мышления из магического действительно немислимо. Вполне понятно, что в таком виде взгляды Л. Леви-Брюля являются ошибочными.

Однако, несмотря на эти и другие ошибки, на которых мы еще остановимся, труды Л. Леви-Брюля несомненно представляют собой крупный вклад в науку. Великая заслуга Л. Леви-Брюля состоит в том, что он первым сумел порвать с традиционным взглядом на развитие мышления, нашедшим свое выражение в работах Э. Тэйлора (1939), Г. Спенсера (1898, I), Дж. Фрезера (1928, I), Ф. Боаса (1926), Л. Я. Штернберга (1936). Согласно этому взгляду, человеческое мышление на всем протяжении своей истории оставалось качественно одним и тем же. В частности, оно всегда было логическим и только логическим. Все изменения, происходившие в нем, носили чисто количественный характер. Отличие между мышлением первобытных людей и мышлением людей современных рассматривалось сторонниками традиционной точки зрения как различие лишь в степени зрелости, в степени развития одних и тех же моментов. Разумеется, они не могли не заметить проявлений магического способа мышления, но все эти проявления истолковывались ими как просто ошибки логического мышления, логические ошибки. Люди, стоявшие на более низких ступенях развития, имели меньше знаний о мире, были более невежественными, и вполне понятно, что они чаще впадали в логические ошибки, чаще заблуждались, чем люди, достигшие в своем развитии более высоких ступеней. Л. Леви-Брюль, открыв, что у людей, стоявших на низших ступенях развития, существовал, кроме логических ошибок, целый ошибочный способ мышления, сделал шаг вперед от этого плоско-эволюционистского представления о развитии мышления.

Теория Л. Леви-Брюля, в основе которой лежало положение о существовании в развитии мышления качественно отличных этапов, привлекла к себе большое внимание советских ученых. В 20-х и 30-х годах появилось большое число работ, в которых

она подвергалась более или менее обстоятельному рассмотрению (Выдра, 1924, 1925; А. Миллер, 1929; Мамлеев, 1930; Марр, 1930; В. Никольский, 1928, 1930, 1937; Выготский и Лурья, 1930; Колбин, 1932; Мегрелидзе, 1935). Одни из авторов, хотя и с целым рядом оговорок, принимали концепцию Л. Леви-Брюля (Р. Выдра, А. Миллер), другие подвергли ее резкой критике (А. Колбин), но все они без исключения пытались выявить и развить то ценное, что было в работах французского исследователя.

Из всех перечисленных выше работ наибольший интерес представляет статья К. Р. Мегрелидзе «О ходячих суевериях и „пралогическом“ способе мышления (реплика Леви-Брюлю)» (1935), в которой был сделан крупный шаг вперед в разработке проблемы магического образа мышления. В отличие от Л. Леви-Брюля, искавшего корни пралогического мышления в самом мышлении, т. е. подходившего к вопросу о причинах существования магического образа мышления с идеалистических позиций, К. Р. Мегрелидзе сделал попытку найти корни магического образа мысли в объективной реальности.

К. Р. Мегрелидзе в своей работе прежде всего подвергает анализу различного рода суеверия, имеющие распространение в современном обществе, и приходит к выводу, что эти суеверия представляют собой не что иное, как проявление магического способа мышления. Выявив это, он ставит вопрос: «Какое основание имеют эти формы мышления существовать и на сегодняшнем этапе развития, пусть даже как пережитки, и почему эти пережитки сохраняются нами, почему человек и ныне прибегает к этим формам и способам мысли...» (стр. 481) и отвечает на него: «Раз эти суеверия постоянно оживают, возрождаются, циркулируют в известных кругах, а многие из них создаются, „изобретаются“ как новые, раз они столь живучи,— очевидно, существуют определенные объективные условия, которые их поддерживают, и источники, которые их постоянно питают... Мы полагаем, что существование подобных суеверий имеет реальную основу в объективном составе и строении опыта. Они находят опору прежде всего в таких условиях жизни, где успех человека зависит не столько от его стараний, сколько от чуждых обстоятельств, воздействовать на которые он не в силах, где нет уверенности в том, что определенное действие и известное средство приведут непременно к цели, где по объективным причинам не может существовать наперед предусмотренного результата и точно рассчитанного целеосуществления, где очень часто все зависит от игры случая, не подлежащего контролю и воздействию... Такие условия по существу и

объективно суть „Условия судьбы“, „гадательные условия“» (стр. 463—464).

В основе существования двух способов мышления — логического и магического — как в прошлом, так и в настоящем, лежит, по мнению К. Р. Мегрелидзе, существование двух, как он выражается, «секторов опыта». «Это существование двух мыслительных структур, и в те и в наши времена, объясняется тем, — пишет он, — что в условиях жизни и деятельности всегда встречались в более или менее выраженной форме две структуры опыта: сектор опыта, где люди сами творили свое положение и определяли свое существование, и сектор опыта, где люди зависимы от игры случая, которую невозможно предвидеть. В последнем случае приходилось прибегать к магическим формам мысли, гаданиям, знамениям и т. д., что в общем составляет нереальный сектор, магический строй мыслей. В первом же случае, в той области опыта, где осуществление намерения и настойчивость человека являются решающим фактором, где человек практически ставит вещи в реальные зависимости друг к другу и сам создает свою судьбу, сам строит условия своего существования, во всей этой области человек и свои мыслительные связи строит реально, делает реальные сопоставления и, вообще говоря, мыслит в реальном плане» (стр. 482).

Совершенно правильно указав на сферу несвободной практической деятельности как на объективную основу существования магического способа мышления, К. Р. Мегрелидзе в то же время не смог показать, каким именно образом зависимость человеческой практической деятельности от власти случайностей породила магический способ мысли. И не мог он это сделать потому, что из его концепции выпало звено, связывающее несвободную практическую деятельность с магическим образом мышления, выпал магический образ действия. Магическую практику К. Р. Мегрелидзе совершенно не принимает в расчет, считая ее, видимо, производной, вторичной от магического образа мысли.

Игнорирование магического образа действий привело К. Р. Мегрелидзе к целому ряду серьезных ошибок. Рассматривая магический образ мышления как прямое, непосредственное порождение зависимой практической деятельности, он не мог не поставить соотношение логического и магического способов мышления в прямую зависимость от соотношения сфер свободной и несвободной практической деятельности. Так как в обществе доклассовом, в особенности на ранних ступенях его развития, сфера несвободной практики была неизмеримо более широка, чем сфера свободной практики, то из этого им был сделан вывод, что на первых этапах развития мышления магический его способ господст-

вовал (стр. 483). Сужение сферы несвободной практики и расширение сферы свободной в дальнейшем привело к тому, указывает он, что логический и магический способы мышления поменялись местами, первый стал господствующим, а второй — подчиненным, в каком виде последний и дожил до нашего времени.

На деле практическим аналогом магического образа мышления является не зависящая практическая деятельность, а магический образ действий. Подобно тому, как магический образ деятельности никогда не мог быть основным и главным видом человеческой деятельности, магический образ мысли никогда не мог быть основным способом человеческой мыслительной деятельности.

В развитии мыслительной деятельности, на наш взгляд, действительно можно выделить по крайней мере два этапа, но их различие состоит не в том, в чем его видел К. Р. Мегрелидзе. Первый этап характеризуется существованием двух способов мышления — логического и магического, из которых господствующим является первый. Существованию магического способа мышления на этом этапе способствует, кроме указанных выше причин, незавершенность формирования логического способа мышления. Второй этап характеризуется существованием окончательно оформившегося логического способа мышления и отсутствием магического способа мышления, потерявшего свою основу, — магический образ действия. От магического способа мышления на этой стадии сохраняются лишь пережитки, которые в определенных условиях и в определенной степени питаются и поддерживаются, хотя и сужившейся, но полностью не исчезнувшей сферой зависимой, несвободной практики.

В исключительных случаях и в современных условиях можно наблюдать как бы своеобразное «возрождение» магического образа действия и мысли. Оно имеет место у людей, страдающих навязчивыми страхами (фобиями). С навязчивыми страхами, т. е. с навязчивыми иллюзиями более или менее полной зависимости судьбы человека от каких-то не поддающихся его контролю сил, у невротиков обычно соединяются своеобразные «ритуальные» действия и вера в то, что эти действия в той или иной мере нейтрализуют грозящую опасность (Давиденков, 1947, стр. 47—69, 137—153) ⁶.

⁶ Признавая большую ценность фактического материала, имеющегося в работе С. Н. Давиденкова, мы в то же время никак не можем согласиться со сделанным им на основании этого материала выводом о том, что первобытная религия обязана своим происхождением неврозам, имевшим место у примитивных людей.

Возвращаясь к статье К. Р. Мегрелидзе, мы должны подчеркнуть, что ошибки, допущенные в ней, не должны заслонять от нас того ценного, что в ней имеется. К. Р. Мегрелидзе несомненно был сделан крупный шаг вперед по пути осмысления и разработки с материалистических позиций того рационального, что содержится в теории пралогического мышления Л. Леви-Брюля. Казалось бы, что за этим шагом должны были последовать следующие. Но этого, к сожалению, не случилось. Начиная примерно с 40-х годов советские исследователи встали на путь полного отрицания какой бы то ни было ценности концепции Л. Леви-Брюля (Шемякин, 1950; Каждан, 1957; Зыбковец, 1958а, 1959; Шаревская, 1959; Францев, 1959; Сухов, 1961 и др.). Ошибки Л. Леви-Брюля заслонили для них то рациональное, что имеется в его работах. В результате они вместо того, чтобы пойти вперед от Л. Леви-Брюля, на деле, по нашему мнению, пошли назад от него. Положения по вопросу об эволюции мышления, которые встречаем в их работах, зачастую ничем по существу не отличаются от тех, которые можно найти в трудах Г. Спенсера и Э. Тэйлора (Анпсимов, 1949, стр. 19—20; Попов, 1958, стр. 77—78; Зыбковец, 1958а, стр. 401 сл.; 1959, стр. 50 сл.; Шаревская, 1959, стр. 95; Сухов, 1961, стр. 89—92). И это представляется нам вполне закономерным явлением. Нельзя, на наш взгляд, продвинуться сколько-нибудь значительно вперед в разработке проблем эволюции первобытного мышления, не использовав и критически не переработав всего того ценного, что имеется в трудах Л. Леви-Брюля.

Однако не менее опасным, чем огульное отрицание ценности концепции Л. Леви-Брюля, является некритическое заимствование его положений. Концепция Л. Леви-Брюля в том виде, в каком она изложена в его работах, для нас неприемлема, ибо по существу своему является идеалистической. Помимо общих принципиальных ошибок, о которых немало говорилось в нашей литературе, Л. Леви-Брюль допустил много и частных. Так, например, характеризуя примитивное мышление, он не отделял тех его черт, которые обуславливались существованием магического образа мышления, от особенностей, вытекавших из незавершенности формирования логического способа мысли. Нельзя согласиться с ним и в характеристике самого магического способа мышления. Много ошибок он допускает и в других вопросах. Но, еще раз повторяем, все эти ошибки не должны заслонять от нас того безусловно ценного вклада в науку, который был сделан Л. Леви-Брюлем.

В заключение необходимо остановиться на вопросе о времени возникновения магического образа действия и магического образа мысли. Проблема эта необычайно сложна, и на вопрос этот можно дать лишь предположительный ответ.

Исходя из общей логики развития практической деятельности и мышления, можно было бы предположить, что раздвоение человеческой деятельности на реальную и символическую началось у позднейших протантропов, а раздвоение мыслительной деятельности на логическую и магическую у палеантропов, скорее всего еще у ранних. Во всяком случае имеются основания полагать, что у неандертальцев наряду с сформировавшимся логическим способом мышления существовал уже и магический.

Большое внимание исследователей привлекли находки в ряде мустьерских стоянок минеральной краски, причем частью в виде кусков со следами использования, и каменных валунов с намеренно нанесенными на них красными пятнами (В. Никольский, 1928, стр. 150; Гущин, 1937, стр. 50; Окладников, 1952а, стр. 14—15; Ефименко, 1953, стр. 247 сл.; Замятнин, 1961а, 1961б, стр. 13). Кусок камня со следами его раскраски в красный цвет был обнаружен, в частности, в мустьерской стоянке Ля Ферасси, в которой были найдены также камешные плиты с чашевидными углублениями и костяная пластинка с нанесенными на ней рядами параллельных нарезок.

С. Н. Замятнин и вслед за ним А. С. Гущин (1937, стр. 50, 97) высказали предположение, что камни со следами раскраски являются памятниками инсценировок охоты, во время которых самп камни изображали животных, а красные пятна — раны. В то же время С. Н. Замятнин подчеркивал, что, по его мнению, эти инсценировки не носили еще магического характера, они были репетициями, во время которых происходило распределение ролей в предстоящей охоте.

С предположением, что у формирующихся людей охоте предшествовала ее репетиция, нельзя не согласиться. Усложнение охотничьей деятельности неизбежно потребовало на определенном этапе предварительной выработки плана действий. В силу крайней конкретности мышления формирующихся людей выработка плана охоты и распределения ролей могла происходить только в виде инсценировки охоты, ее репетиции. Первоначально репетиция охоты не носила магического характера, но в дальнейшем она неизбежно такой характер приобрела, ибо инсценировка охоты в отличие от самой охоты легко поддавалась абсолютно точному

востроизведению. О том, что превращение инсценировки и охоты в магический обряд завершилось к тому времени, к которому относятся описанные выше находки, свидетельствуют красные пятна на камне, символизирующие собой раны, нанесенные животному. Символическое нанесение ран подобно зверя никак не может рассматриваться как необходимое реальное условие успеха реальной репетиции охоты, имеющей целью выработку плана и распределение ролей, и счастливого исхода самой охоты. Так как магическая инсценировка охоты не могла выполнять ту функцию, которую имела реальная репетиция, то вероятно, что наряду с первой продолжала существовать и последняя, хотя грань между ними на практике была крайне относительной.

Появление изображения ран на камне, представляющем собой подобие животного, нельзя расценивать иначе, как первое свидетельство о начале зарождения изобразительного искусства. Указанные выше находки служат, на наш взгляд, подтверждением правильности выдвинутого С. Рейнаком положения о том, что корни искусства, прежде всего изобразительного, уходят в магию, в магическую деятельность. Взгляда на палеолитическое искусство как на теснейшим образом связанное с магией придерживались и придерживаются многие советские исследователи (С. Иванов, 1934; Гущин, 1937; Равдоникас, 1937, 1939, I; Токарев, 1959; Замятнин, 1960, 1961а; Анисимов, 1960 и др.).

Эта точка зрения не находится в противоречии с фактом реалистического характера искусства палеолита. Как свидетельствуют данные этнографии, близость изображения к оригиналу считалась у многих народов необходимым условием успешности обрядов подражательной магии (см., напр.: Элленбергер, 1956, стр. 237—240).

При всем желании нельзя приписать реальной практической функции найденным в Ля Ферасси плитам с чашеобразными углублениями. В качестве этнографической параллели к аналогичному предмету из более поздних слоев французский исследователь П. Риве приводит употребляемую в одной из игр эскимосов пластинку или фигуру зверя с дырками. Саму игру, состоящую в том, чтобы воткнуть в одну из дыр привязанный шнурок к пластине (или фигуре зверя) колышек, П. Риве рассматривает как пережиток древнего магического обряда убивания животного (Фрапцев, 1959, стр. 221). Ю. П. Францев в качестве этнографической параллели приводит игру североамериканских индейцев, в которой участники катят по земле камень и стреляют в него из лука, отчего камень покрывается углублениями (стр. 221). С. Н. Замятнин (1961а, стр. 46—53) плиты с чашевидными углублениями,

как и камни с нанесенными на них красными пятнами, связывает с репетициями охоты, рассматривая сами плиты как зачаточные изображения животных, а углубления на них как изображения ран.

Имеются, наконец, факты и прямо свидетельствующие о появлении у неандертальцев обрядов охотничьей подражательной магии. Исследованиями, предпринятыми А. Бланком в пещере Басуа в Савоне (Италия), было выявлено, что один из сталагмитов, напоминающий по своим очертаниям животное, был объектом своеобразного воздействия со стороны неандертальцев: собравшись в этом месте, они бросали в него комьями глины (Blanc, 1961). Эти данные, по мнению А. Бланка, не только говорят о существовании у палеантропов магии, но и служат подтверждением теории магического происхождения искусства. Вначале люди в качестве объектов магического воздействия использовали естественные образования, например сталагмиты или пятна на стенах пещер, напоминающие по своим очертаниям животных, затем они стали придавать таким образованиям черты сходства с животными, что в конечном счете и переросло в создание произведений палеолитического искусства.

Кроме приведенных выше, имеются и другие данные, свидетельствующие о существовании у палеантропов наряду с формирующимся логическим мышлением магического способа мысли. С ними мы ознакомимся в следующих главах.

НЕАНДЕРТАЛЬСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ, ИХ ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СУЩНОСТЬ

1. Проблема существования неандертальских погребений

Пожалуй, ни одна проблема древнейшего периода истории человечества не вызывала больше споров, чем вопрос о неандертальских погребениях. Некоторые ученые вообще отрицали сам факт существования погребений в мустьерскую эпоху. Но и среди тех, кто не сомневался в их существовании, не было и до сих пор нет единства мнений по вопросу об их сущности и происхождении.

Среди советских ученых можно назвать только двух, выступивших с отрицанием самого факта существования неандертальских погребений. Это антрополог М. С. Плисецкий, перу которого принадлежат две статьи, специально посвященные этому вопросу (1952, 1957), и присоединившийся к его доводам этнограф М. О. Косвеп (1957).

М. С. Плисецкий в своих статьях прежде всего исходит из того, что погребения не могут возникнуть без появления религии и что, следовательно, признание существования мустьерских погребений равносильно признанию существования у неандертальцев религии. Однако религии у неандертальцев, по мнению М. С. Плисецкого, быть не могло, во-первых, потому, что неандертальцы были людьми не готовыми, а формирующимися, а религия может возникнуть лишь у готовых людей, во-вторых, потому, что признать существование религии у неандертальцев, значит признать ее плевальной, а это равносильно переходу на позиции идеализма. Поэтому у них, заключает М. С. Плисецкий, не могло быть и погребений.

Нетрудно заметить слабость аргументации М. С. Плисецкого. Совершенно недоказанным остается у него положение, что у фор-

мирующихся людей не могло возникнуть религии. Совершенно нельзя, на наш взгляд, согласиться с его утверждением о том, что признание существования религиозных верований у неандертальцев равносильно признанию извечности религии и означает измену материализму. Хорошо известно, что мустьерскую эпоху от времени появления первых людей отделяет промежуток времени по крайней мере в несколько сотен тысяч лет.

Положения о том, что неандертальских погребений не могло быть, М. С. Плисецкому доказать не удалось. Не намного более удачной оказалась, на наш взгляд, и его попытка, основываясь на фактическом материале, доказать, что их не было. Перебирая массу частных доказательств, приводимых в пользу существования мустьерских погребений, и объявляя каждое из них несостоятельным, М. С. Плисецкий в то же время обходит один важнейший факт, имеющий решающее значение.

Факт этот состоит в том, что тогда как от шелля — раннего ашеля и позднего ашеля — раннего мустье до нас дошли лишь отдельные разрозненные остатки человеческих скелетов, к позднему и финальному мустье относятся находки сравнительно большего числа почти полных скелетов (Ле Мустье, Ля Шапелль, Ля Ферасс I, II, III, IV, V, VI, люди из Схул). Его невозможно объяснить только большей древностью шелльских, ашельских и раннемустьерских находок по сравнению с позднемустьерскими, ибо различие во времени между поздним ашелем — ранним мустье и поздним мустье сравнительно невелико. Находки полных скелетов в позднемустьерских и финальномустьерских слоях могут быть объяснены только тем, что формирующиеся люди, начиная с этого времени, стали принимать какие-то меры, в большей или меньшей степени обеспечивающие сохранение человеческих остатков. Данные археологии позволяют составить представление об этих мерах. В большинстве случаев они состояли в том, что труп, положенный на пол пещеры, закладывался ветвями, землей и камнями, реже — труп помещался в вырытую в пещере яму, которая засыпалась землей (Обермайер, 1913, стр. 160—166; Бонч-Осмоловский, 1940, стр. 137—147; Окладников, 1952б, стр. 160—171; Ефименко, 1953, стр. 247—252; Люке, 1930, стр. 20—21).

Отсылая желающих подробно ознакомиться с данными о неандертальских погребениях к статье А. П. Окладникова «О значении захоронений неандертальцев для истории первобытной культуры» (1952б), в которой дана прекрасная сводка материалов по этому вопросу, отметим лишь, что эти данные носят столь убедительный характер, что подавляющее большинство ученых, в том

числе почти все советские исследователи, признают существование захоронений в мустьерскую эпоху за непреложный факт. К числу намеренных захоронений в археологической и антропологической литературе относят Спи I и II, Ле Мустье, Ля Шапелль, Ля Ферасси I, II, III, IV, V, VI, Киик-Кобу I и II, Тешик-Таш, Староселье, Табун I, Схул I, IV, V, VI, VII, IX, X (Обермайер, 1913, стр. 160—166; Люке, 1930, стр. 20—21; Бонч-Осмоловский, 1940; Окладников, 1949, 1952б; Формозов, 1958а; Замятин, 1961а, стр. 29—32; Keith, 1929, I, p. 169—185, Garrard and Bate, 1937, p. 64—65, 91—105). Из 22 перечисленных выше неандертальских погребений 9 захоронений (Ля Ферасси III, IV, V, VI, Киик-Коба II, Тешик-Таш, Староселье, Схул I и X) являются детскими, остальные — взрослыми.

2. Неандертальские погребения и осознание единства человеческого коллектива

Одной из, на наш взгляд, не вполне удачных, хотя и не лишенных рационального зерна попыток истолкования неандертальских погребений, является та, которую мы находим в трудах С. А. Токарева (1955, стр. 189; 1956, стр. 135—136; 1957б, стр. 191—192; 1960, стр. 3; 1964, стр. 164—166)¹.

¹ В настоящей работе мы не ставим своей задачей дать исчерпывающий обзор всех предложенных объяснений неандертальских погребений. В частности, мы не останавливаемся на тех попытках их истолкования, которые основаны на искажении имеющихся в распоряжении науки фактов. К числу последних следует отнести концепцию В. Ф. Зыбковца (1956, 1959). В основе этой концепции лежит положение о якобы имеющем место явном преобладании детских костяков в неандертальских погребениях. Стремясь во что бы то ни стало доказать это положение, В. Ф. Зыбковец не считается с фактами. Приведя в своей работе «Дорелигиозная эпоха» (1959, стр. 202—204) перечень 19 из 22 известных мустьерских погребений, из которых 11 бесспорно являются взрослыми и лишь 8 детскими (что было им самим признано в другой работе — 1956, стр. 107), В. Ф. Зыбковец далее так интерпретирует эти данные: «Бросается в глаза интересная особенность так называемых мустьерских погребений: из двадцати (?) костяков десять (?) принадлежат детям. Преобладание детских костяков в исследованных погребениях очевидно (?), если принять во внимание то немаловажное обстоятельство, что детские костяки менее устойчивы против разрушающего влияния времени» (стр. 207—208).

Другим важным положением, опираясь на которое В. Ф. Зыбковец строит свою концепцию, является тезис о том, что все погребенные неандертальцы были найдены в естественных позах (стр. 219—220). Это утверждение, как будет показано в дальнейшем изложении, также является не соответствующим действительности.

Наконец, как важнейшую особенность мустьерских погребений, резко отличающую их от погребений последующих эпох и не позволяющую их

Появление погребений последний приписывает совместному действию двух инстинктов: инстинкта опрятности, побуждающего даже некоторых животных стремиться избавиться от гниющего, разлагающегося тела особи своего вида, и инстинкта социальной привязанности, также действующего среди некоторых животных, особенно у обезьян (1957б, стр. 191—192; 1964, стр. 164—166).

Но если погребения являются результатом действия биологических по своему происхождению инстинктов, общих у человека с животными, то, спрашивается, почему же они возникли лишь с переходом от ранних неандертальцев к поздним, почему их не было у более близких, чем поздние неандертальцы, к животным питекантропов, синантропов и ранних палеантропов. На этот вопрос С. А. Токарев не отвечает, да на него и невозможно ответить, продолжая оставаться на занятых им позициях.

Дать правильный ответ на вопрос о причинах возникновения первобытных погребений невозможно, не учитывая того, что стимулы, побуждавшие пралюдей погребать мертвых, возникли лишь в мустье, что раньше их не существовало, что они носят исторический характер. Только та концепция неандертальских погребений может претендовать на истину, в которой их возникновение рассматривается как результат изменений в общественной жизни формирующихся людей и соответственно сдвигов в их сознании, происшедших где-то около этого времени.

С этой точки зрения привлекают внимание некоторые из высказываний В. К. Никольского, содержащиеся в его ранней работе «Очерк первобытной культуры» (1928, стр. 148—150). Возникновение неандертальских погребений В. К. Никольский связывает с появлением первых норм поведения, первых моральных запретов — табу, прежде всего с появлением запрета поедания тел членов своей общины. Нельзя согласиться с характеристикой моральных норм, возникших в мустьерскую эпоху, как первых, но нель-

считать погребениями. В. Ф. Зыбковец рассматривает ту их черту, что тела умерших оставались в жилищах. Однако в действительности захоронение в жилище никак не может рассматриваться как исключительная, специфическая особенность неандертальских погребений. Обычай погребения в жилище до самого позднего времени имел широкое распространение среди самых различных племен и народов мира (А. Ellis, 1890; Стооке, 1899; Grazer, 1933, I; Karsten, 1935; Штернберг, 1936; Миклухо-Маклай, 1950, II; 1951, III, ч. I; Бибиков, 1953; «Народы Австралии и Океании» и др.).

Обстоятельной и справедливой критике работы В. Ф. Зыбковца были подвергнуты в статье И. А. Крывелева (1962), к которой мы и отсылаем читателя.

зя в то же время не признать совершенно правильной догадку В. К. Никольского о появлении в эту эпоху запрета каннибализма внутри стада. Без возникновения такого запрета было бы невозможно появление погребений.

Однако объяснить появление неандертальских захоронений лишь возникновением запрета каннибализма нельзя, ибо сущность погребений состоит не столько в воздержании от действий по отношению к мертвецам, сколько в совершении каких-то определенных действий по отношению к ппм. Среди действий, совершаемых неандертальцами по отношению к мертвецам, в целом ряде случаев отмечено снабжение их пищей. Так, например, с правой стороны скелета из Ля Шапелль возле руки была найдена бычья нога с анатомически правильным расположением костей, позади нее — значительная часть позвоночника оленя также в правильном расположении и множество разнородных костей (Обермайер, 1913, стр. 159—160; Люке, 1930, стр. 22; Ефименко, 1953, стр. 250; James, 1957, p. 22). Вместе со скелетом Схул V была найдена нижняя челюсть очень большой свиньи. Как утверждает Д. Гаррод (Garrod and Bate, 1937, p. 100), все обстоятельства находки не оставляют сомнения в том, что челюсть была намеренно положена с трупом. Рядом со скелетом из Ле Мустье были обнаружены кости дикого быка (James, 1957, p. 21). Многие ученые настаивают на том, что орудия, найденные вместе со скелетами из Ле Мустье и Ля Шапелль, также были намеренно положены с трупами (В. Никольский, 1928, стр. 148—149; Люке, 1930, стр. 24).

Все эти факты вместе взятые и побудили В. К. Никольского выдвинуть наряду с первым объяснением неандертальских погребений второе, состоящее в том, что неандертальцы считали умершего живым и поэтому заботились о нем, как о живом (1928, стр. 149). Последняя точка зрения была подхвачена целым рядом авторов, в частности П. П. Ефименко (1953, стр. 249—250). Но по существу это объяснение мало что дает для уяснения вопроса. Если позднемустьерские неандертальцы не отличали мертвых от живых, то это еще в большей степени должно было пметь место у их предшественников, однако у последних никаких следов заботы о мертвых не обнаружено. Кроме того, эта точка зрения расходится с фактами, говорящими о том, что неандертальцы отличали мертвых от живых. «Как, например, — совершенно справедливо писал А. П. Окладников (1952б, стр. 173), критикуя П. П. Ефименко, — с этой точки зрения объяснить наличие особых могильных ям, и притом таких, которые совершенно непригодны для сна живым людям (Кипк-Коба)? Как, например, объяснить тот факт,

что трупы все-таки должны были быть покрыты землей, иначе они не дошли бы до нас в более или менее сохранным виде? Странной особенностью с этой точки зрения является и обычная подогнутость ног или даже скорченность скелетов неандертальцев».

Неандертальцы несомненно отличали мертвых от живых и тем не менее проявляли о них заботу. Почему они это делали? Потому, отвечает С. П. Толстов (1931, стр. 96), что они в силу диффузного типа мышления продолжали считать умершего и после смерти членом коллектива и отдавали ему долг взаимопомощи. Ссылка на диффузный тип мышления, разумеется, мало что дает, но мысль о том, что человек и после смерти продолжал считаться членом коллектива и что поэтому коллектив продолжал о нем заботиться и после этого события, нельзя не признать весьма ценной.

В более развернутой форме эту мысль мы находим в работах М. М. Герасимова (1955, стр. 178) и А. П. Окладникова (1952б, стр. 177; «Всемирная история», 1955, I, стр. 47; 1958а, стр. 143). «Как бы ни расценивать эти погребения, — писал последний, — как бы их ни объяснять, но в любом случае они свидетельствуют об осознании неандертальскими людьми взаимной социальной связи, о взаимопомощи и заботе членов первобытной общины друг о друге» (1958а, стр. 143).

Изложенный в предыдущих главах материал о развитии первобытного человеческого стада и сделанные на основе обобщения этого материала выводы позволяют свести воедино, уточнить и конкретизировать приведенные выше высказывания В. К. Никольского, С. П. Толстова и А. П. Окладникова.

Эпоха позднего ашеля — раннего мустье, непосредственно предшествовавшая появлению погребений, была, как указывалось, временем возникновения и постепенного расширения сферы действия половых производственных табу, возрастания сплоченности коллектива, сопровождавшегося постепенным осознанием его единства. В эту эпоху вслед за половыми производственными табу начали возникать нормы, ограничивающие проявление пищевого инстинкта, и прежде всего возник запрет каннибализма. Одновременно с последним или скорее всего несколько позже должен был неизбежно возникнуть и более широкий запрет — запрет убийства члена своего коллектива. Огромное влияние на оформление этих табу оказало прогрессирующее осознание единства коллектива, осознание того, что все члены коллектива представляют собой одноединое целое. О том, что такие запреты в основном уже оформились к концу позднего ашеля — раннего мустье, говорит не только появление в начале позднего мустье погребений, но и связанное с переходом от первого из этих периодов ко второму резкое

сокращение случаев насильственной смерти и почти полное исчезновение людоедства (см. главы IX и X).

Появление погребений является не только одним из доказательств возникновения в эту эпоху запрета каннибализма. Оно свидетельствует о большем — о возникновении, кроме негативных норм морали, норм, предписывающих воздержание от определенных действий по отношению к членам коллектива, позитивных моральных правил, норм, предписывающих совершение определенных действий по отношению к членам коллектива. Возникновение заботы о мертвых было невозможно без появления заботы о живых, без появления норм, обязывавших всех членов первобытного стада заботиться друг о друге и прежде всего делиться пищей.

Как свидетельствуют данные этнографии, у примитивных племен и народов забота о мертвых обусловлена тем, что они продолжают считаться членами коллектива и после смерти (Ковалевский, 1910, II, стр. 95; 1905, стр. 183; Чернецов, 1959, стр. 122—123; Шаревская, 1964, стр. 104). Заботу о мертвых, проявляющуюся неандертальцами, нельзя объяснить, не допустив, что покойников рассматривали как полноправных членов коллектива — первобытного стада. Но осознание связи между мертвым членом коллектива и коллективом невозможно без осознания связи между всеми живыми членами коллектива, без осознания единства коллектива. Возникновение погребений, таким образом, с несомненностью говорит о том, что к началу позднего мустье уже произошло осознание общности всех членов первобытного стада, что к этому времени завершилось становление тотемизма — первой формы осознания единства человеческого коллектива.

Целый ряд особенностей неандертальских погребений находит свое объяснение в том, что человек и после смерти продолжал считаться членом коллектива, в том, что на него и после смерти продолжало распространяться действие норм стадной морали. Каждый член коллектива имел право жить в пещере, являвшейся местом обитания первобытного стада. Поэтому покойника оставляли в пещере. Каждый член первобытного стада имел право на часть добычи коллектива. Это право продолжало сохраняться за ним и после смерти. Поэтому рядом с покойником клали причитавшуюся ему часть добычи. Продолжал сохранять покойник и право на орудия, принадлежавшие коллективу. Этим скорее всего и объясняются находки орудий рядом со скелетами неандертальцев.

В эту эпоху соблюдение по отношению к мертвым норм, которыми руководствовались живые в своих отношениях друг к другу, было насущной необходимостью. Человек, умирая, не пере-

ставал быть членом коллектива. Поэтому отказ от соблюдения в отношении него норм, которыми регулировались взаимоотношения членов коллектива, представлял собой опасный прецедент. Он мог в условиях, когда зоологический индивидуализм еще не был до конца обуздан, когда постоянно существовала опасность его прорыва, открыть дорогу для отказа от соблюдения этих норм в отношении живых членов коллектива.

3. Неандертальские погребения и страх перед мертвыми

Однако наряду с указанными выше особенностями неандертальских погребений имеются и такие, которые совершенно невозможно объяснить ни осознанием единства человеческого коллектива, ни появлением норм, предписывающих заботу о каждом члене коллектива.

К числу последних относятся особенности, свидетельствующие о том, что неандертальцы отличали мертвых от живых и принимали по отношению к ним такие меры, которые не принимались по отношению к живым. Выше они уже отмечались: паличпе могильных ям, закладывание трупа землей, камнями и ветвями, скорченность, точнее скрюченность, трупов.

Наличие этих особенностей побудило А. П. Окладникова дополнить приведенное выше его объяснение неандертальских погребений другим, отличным от первого. «...Отношение к трупам, сказавшееся в мустьерских погребениях, имело в своей основе прежде всего чувство коллективизма, рожденное совместной трудовой жизнью первобытных людей,— пишет он.— Но забота о сочлене мустьерского коллектива выражалась здесь в особых формах, обусловленных ложными, неправильными представлениями о человеке. Мы не знаем точно характера таких представлений. Не исключено, что здесь уже были зачатки анимизма, переплетавшиеся с представлениями о „живом мертвце“... Существенно одно: неандерталец уже убедился, что мертвец не просто „слящий“; что по отношению к нему нужны особые заботы, качественно иные, чем по отношению к живому человеку. Он не просто оставлял мертвца на поверхности земли в той позе, в какой его застала смерть, а придавал ему, пока еще не окоченело тело, определенную, строго выдержанную позу; клал его не как попало, не как пришлось, а в определенном направлении — головой на восток или на запад, наконец, помещал его в яму и засыпал землей. Отсюда следует, что у неандертальцев возникли какие-то идеи

о качественно иной форме существования умерших после смерти, т. е. первые идеи о „жизни за гробом“» (1952б, стр. 177).

Причины, заставившие А. П. Окладникова дополнить первое свое объяснение неандертальских погребений вторым, привели В. К. Никольского к полному отказу от тех взглядов по этому вопросу, которые он развивал в своих ранних работах. В более поздних своих трудах он объясняет возникновение мустьерских погребений появлением веры в души и загробную жизнь (1950б, 1953, 1955)². Такого взгляда придерживались Ш. Эншлен (1954) и подавляющее большинство зарубежных ученых (Обермайер, 1913; Осборн, 1924; Кунигвальд, 1961; Levy, 1952; James, 1957 и др.).

Однако ни один из названных исследователей, не исключая и А. П. Окладникова, не смог раскрыть провозглашаемую им связь между отмеченными выше особенностями неандертальских погребений и верой в души. Никто из них не смог сколько-нибудь убедительно доказать, основываясь на особенностях мустьерских погребений, существование у неандертальцев веры в душу и загробную жизнь, не смог вывести указанные выше особенности неандертальских погребений из веры в души и загробную жизнь.

Особое место среди теорий, связывающих возникновение неандертальских погребений с появлением веры в души, занимает концепция, выдвинутая и обоснованная Г. Люке (1930; L u c k e t, 1930, р. 150—180). Г. Люке, как и перечисленные выше авторы, ставит появление погребений в связь с верой в души и загробную жизнь, но не это определяет существо его концепции. Главная и основная мысль его состоит в том, что мустьерские и ориньякские погребения обязаны своим появлением прежде всего страху перед мертвыми. «Основным чувством по отношению к покойникам, — пишет Г. Люке (1930, стр. 32—33), — был, по-видимому, страх, и похоронные обряды в основном были мерами защиты против них. Ямы и могилы должны были служить покойникам не убежищем, а тюрьмой, и мы склонны принять в буквальном смысле замечание Вилльнева, что камни, положенные на труп женщины в детской пещере, имели своим назначением заточить покойни-

² Наряду с таким положением мы встречаем в данных работах В. К. Никольского утверждение, что неандертальцы самим трупам приписывали сверхъестественные свойства, рассматривали их как фетиши. Эту же мысль мы находим у Ю. П. Францева (1940, 1959, стр. 224 сл.). К сожалению, это положение в том виде, как мы его находим в работах В. К. Никольского и Ю. П. Францева, мало что дает для выяснения вопроса о причинах появления неандертальских погребений.

ка в могиле». Сходные мысли мы находим у Дж. Мерфи (Murphy, 1952, p. 41—42). Скрюченность трупов Г. Люке и Дж. Мерфи объясняют тем, что покойников связывали, чтобы они не смогли причинить вреда живым.

Выдвинутое Г. Люке объяснение тех особенностей неандертальских погребений, которые невозможно понять, рассматривая возникновение их как результат только осознания единства человеческого коллектива, полностью согласуется с данными этнографической науки.

Подавляющее большинство особенностей погребальных обрядов свидетельствует о том, что своим возникновением они обязаны имевшему в прошлом универсальное распространение страху перед покойниками. «Все... способы погребения и большая тщательность, с какой они совершаются,— пишет Ю. Липс (1954, стр. 386—387),— порождены не только заботой о покойнике, но и прежде всего страхом, как бы человек, вырванный из общества вследствие „несчастливого случая“ — смерти, не вышел вновь из своего состояния неподвижности и не напугал оставшихся в живых или не причинил бы им вреда. Представление о ревнивой мстительности мертвых проходит красной нитью через похоронные обряды человечества, начиная с доисторических времен и кончая нашей современной цивилизацией. Камни, которые наваливались на тасманийскую могилу, связанные мумии Египта и забитые гвоздями гробы наших дней — все это восходит к одному и тому же атавистическому страху. Приемы, которыми пользуются для того, чтобы заставить трупы оставаться в своих могилах, отличаются чрезвычайным разнообразием. В Австралии дуплистое дерево, служащее в качестве гроба, пронзается иногда еще копьем, чтобы прочнее „пришпилить“ шею мертвеца, в иных случаях все дерево сжигается после погребальной церемонии. Тасманийцы перед погребением связывали трупы по рукам и ногам, чтобы пресечь всякую попытку с их стороны освободиться. В доисторической Испании прибивание мертвых гвоздями к доскам, на которых их клали в могилу, было традиционным погребальным обычаем.

Были обнаружены целые кладбища, где скелеты похороненных людей носили все признаки „повторного убийства“. Чаще всего это были черепа, пробитые огромными гвоздями. Обычай этот существовал в течение очень длительного времени и позднее сохранился лишь у некоторых групп населения. Так первобытные народы во всем мире принимают меры к тому, чтобы лишить возможности немощного пленника покинуть его могилу и направить свои магические силы против общества».

Не умножая числа примеров, которые в огромном количестве можно найти в двухтомной сводке Дж. Фрезера «Страх перед мертвыми в примитивных религиях» (F r a z e r, 1933, I; 1934, II), в классической работе Д. Н. Анучина «Сани, ладья и кони как принадлежность похоронного обряда» (1890) и в трудах многих других исследователей (Шейн, 1900, I, вып. 2, стр. 778—780, 794; Харузин, 1905, IV, стр. 245 сл.; Клиндер, 1907, стр. 28 сл.; Звойко, 1914, стр. 87—100; Зеленин, 1914, I, стр. 217, 294; 1915, II, стр. 614 и др.; 1916; Богданов, 1916, стр. 99 сл.; Штернберг, 1936, стр. 314—340; Crooke, 1896, I, p. 230; Karsten, 1935, p. 289—298), остановимся несколько подробнее лишь на одном вопросе, непосредственно относящемся к неандертальским погребениям, именно на вопросе о причинах скорченности трупов.

Прежде всего следует указать на несостоятельность утверждения некоторых авторов, в частности В. Ф. Зыбковца (1959, стр. 219), о том, что одной из характерных особенностей неандертальских погребений, качественно отличавшей их от верхнепалеолитических, является естественность поз покойников. В действительности большинство скелетов неандертальцев (Ля Ферасси I, II, V, VI, Спи I, Ля Шапель, Схул I, IV, V, VI) были найдены в более или менее скорченном состоянии или по крайней мере с подогнутыми ногами (Обермайер, 1913, стр. 160—166; Люке, 1930, стр. 33; Окладников, 1952б, стр. 160—163; Чайльд, 1957, I, стр. 31). Не может вызвать ни малейших сомнений искусственность позы женского скелета из Ля Ферасси, у которого ноги были сильно подогнуты и прижаты к тазу, а руки плотно прижаты к груди (Обермайер, 1913, стр. 162; Окладников, 1952б, стр. 169; Ефименко, 1953, стр. 251). Столь же несомненна искусственность позы скелета из Схул IV, обе ноги которого были так круто согнуты в коленях, что ступни их лежали у сиделищной части (Окладников, 1952б, стр. 162).

Скорченность тел неандертальцев имеет многочисленные этнографические параллели. Погребения в скорченном виде необычайно широко были распространены по всему земному шару. Существование такого обычая отмечено у неолитических племен Европы, в Микенах, древней Италии, Ирландии, Скандинавии, Испании, древнем Египте, древнем Двуречье, в Индии, на Никобарских и Андаманских о-вах, в Индонезии, на островах Меланезии, Микронезии и Полинезии, в Австралии, у аборигенов Тасмании, алеутов, эскимосов, индейцев Северной и Южной Америки, у многих племен и народов Африки (Johnston, 1898; Crooke, 1899; Howitt, 1904; Gottschling, 1905; Sheane, 1906; Best, 1952; Постовская, 1948; Миклухо-Маклай, 1951, III, ч. I;

Ефименко, 1953; Липс, 1954; Окладников, 1955, III; «Народы Австралии и Океании», 1956; Чайльд, 1956; Бенк, 1960; Ельницкий, 1964; Шаревская, 1964).

Исследователями было предложено немало объяснений этого погребального обычая. Высказывалось, например, даже предположение о том, что трупам придавалась такая поза с тем, чтобы воспроизвести положение человеческого зародыша в утробе матери. Некоторые ученые, ссылаясь на то, что у целого ряда племен и народов покойника после придания ему скорченной позы хоронили не в лежащем, а в сидячем положении, а также на то, что нередко у этих же народов сидение в таком положении было обычной позой живых, утверждали, что целью указанного обряда было придать покойнику любимую при жизни позу (Гольмстен, 1935, стр. 38; Окладников, 1955, III, стр. 310). Не исключена возможность, что по отношению к некоторым народам последнее объяснение является правильным. Но объяснить таким образом происхождение обычая придавать трупам скорченное положение невозможно, ибо он возник задолго до появления погребений в сидячем виде. Мы не знаем ни одного сидячего погребения, которое бы относилось к мустье или позднему палеолиту, тем не менее уже в это время трупам придавалось скорченное положение.

Ответ на вопрос о причине погребения трупов в скорченном положении позволяют дать этнографические данные. Согласно этим данным, у подавляющего большинства, если не у всех племен и народов, практиковавших этот обычай, скорченное положение придавалось трупу путем связывания его ремнями, веревками, обертыванием или зашиванием его в шкуру, кожу, ткань, циновку и т. д. (Johnston, 1898, p. 444; Crooke, 1899, p. 383; Howitt, 1904, p. 451—461; Gottschling, 1905, p. 377; Best, 1952, p. 115; Гольмстен, 1935, стр. 37—38; Миклухо-Маклай, 1951, III, ч. I, стр. 87; Окладников, 1955, III, стр. 310). К этому можно добавить, что связывание веревками или завертывание в ткань, ковер и т. п. практиковалось и у тех народов, у которых обычай придавать трупу скорченное положение не существовало (Д. Анучин, 1890, стр. 4—5).

Если теперь связать эти факты с этнографическими данными, свидетельствующими о том, что подавляющее большинство погребальных обычаев имеет в своей основе страх перед мертвецами, то само собой напрашивается вывод, что скорченность трупа является следствием связывания его, а последнее — результатом стремления обезопасить живых от мертвеца. Кстати, нужно отметить, что представители народов, практиковавших обычай связывания мертвецов, на вопрос исследователей о причине такого обычая не-

редко прямо объясняли его стремлением заставить покойника оставаться в могиле и не вредить живым. Такой ответ давали, например, туземцы о-вов Фиджи (Сгоокке, 1899, р. 283), алеуты (Бенк, 1960, стр. 161—162). Мнения о том, что обычай связывания покойников, результатом которого является скорченное положение трупа, объясняется страхом перед умершими, придерживается большинство ученых (Сгоокке, 1899, р. 283—284; Фгазег, 1934, II, р. 63—97; Люке, 1930, стр. 36; Равдоникас, 1939, I, стр. 228; Липс, 1954; «Народы Австралии и Океании», 1956, стр. 476).

Подводя итоги всему сказанному выше, мы видим, что такие особенности неандертальских погребений, как наличие могильных ям, закладывание покойников камнями, землей, скорченность трупов, находят свое полное объяснение в страхе перед мертвецами, в стремлении предотвратить опасность, грозящую живым со стороны покойников. Таким образом, мысль Г. Люке о том, что в возникновении неандертальских погребений большую роль сыграл страх перед мертвецами, нельзя не признать правильной.

4. Этнографические данные о страхе перед мертвыми и формах его проявления

Понятие «страх перед мертвыми» является довольно неопределенным. Под ним можно понимать как страх перед самим мертвецом, перед трупом, так и страх перед душой покойника. Возникает вопрос, боялись ли неандертальцы только собственно мертвецов, или у них уже возникла вера в души и они испытывали страх перед духами умерших.

Г. Люке придерживался второго мнения. Говоря о страхе перед мертвыми, он имел в виду главным образом страх перед душами умерших. По его мнению, неандертальцы верили в то, что мертвецы продолжают после смерти вести жизнь, аналогичную земной, и поэтому боялись их и принимали меры самозащиты против них (стр. 36). Но эта точка зрения не находит подтверждения в имеющихся фактических данных. Особенности неандертальских погребений свидетельствуют о том, что живые боялись не духов умерших, а самих мертвецов, принимали меры защиты не от душ умерших, а от самих покойников, от трупов. Неандертальцы связывали трупы, помещали их в ямы, закладывали землей и камнями. Не могут служить доказательством существования у неандертальцев веры в загробную жизнь и находки рядом со скелетами остатков пищи и орудий. Как мы уже указывали выше, эти находки могут иметь и иное объяснение. Нет ни одной черты неандертальских

погребенной, которая могла бы послужить бесспорным доказательством существования у неандертальцев веры в души и загробную жизнь.

Но особенности неандертальских погребений, свидетельствующие о том, что неандертальцы принимали меры защиты не от душ, а от трупов, взятые сами по себе, в отрыве от исторической перспективы, не представляют собой и неопровержимого доказательства того, что у неандертальцев веры в души и загробную жизнь не существовало. Бесспорен факт, что у всех племен и народов, обладавших развитыми анимистическими представлениями, отмечено существование погребальных обрядов, которые невозможно истолковать иначе, как меры защиты от опасности, исходящей не от душ умерших, а от самих мертвецов, от трупов.

Для решения вопроса о том, существовала ли у неандертальцев вера в души и страх перед душами умерших, нужно рассмотреть отношение живых к умершим в историческом развитии.

Определенное противоречие между погребальными обрядами и верованиями, существующее у народов с развитыми анимистическими представлениями³, нельзя объяснить иначе, как результат отставания развития обрядов от развития верований. Обряды, как известно, всегда являются более консервативными, чем верования. Уже это позволяет сделать вывод, что первоначально существовал лишь страх перед трупами, что вера в души и боязнь их представляет явление более позднее. Правильность такого вывода доказывается характером самих анимистических верований.

Важнейшей бросающейся в глаза особенностью анимистических представлений является проведение довольно четкого различия между отношением к живым души человека, недавно скончавшегося, и отношением к ним душ людей, после смерти которых прошел определенный промежуток времени. Души умерших, прочно утвердившихся в своем новом положении, образуют обычно общество, подобное обществу живых и поддерживающее с последним более или менее тесные отношения. Отношения покойников такого рода к живым во многом напоминают отношения, существующие между живыми. Они могут оказать услуги живым, могут вредить им, но лишь в том случае, если последние навлекли на себя их недовольство. Гнев покойников можно отвести, задоблив их дарами, различного рода обрядами и т. п.

³ Противоречие это, как мы увидим дальше, не является полным и абсолютным, ибо у всех этих народов страх перед душами умерших в той или иной степени переплетается со страхом перед самими мертвецами, перед трупами.

Совершенно иной характер носят отношения к живым покойников в течение более или менее определенного, обычно непродолжительного промежутка времени после смерти. В течение этого периода покойник безусловно опасен для живых, причем опасность эта прежде всего состоит в том, что он всеми силами старается увлечь за собой своих родных и близких. По верованиям многих народов, пишет Л. Леви-Брюль (1930, стр. 268—269), новоумершие «вообще дурно настроены и готовы причинить зло тем, кто их пережил. Не имеет значения в данном случае даже то, что они были любезны и добры при жизни. В новой обстановке характер их совершенно иной, они раздражительны и мстительны, быть может потому, что они несчастны, слабы и болезненны в течение того времени, пока разлагается их тело... У племени бана в Камеруне „как бы добр ни был покойник при жизни, но стоило ему испустить дух, чтобы его душа стала помышлять лишь о том, чтобы причинить зло“. Зловредное действие новоумершего может проявиться в тысяче разных форм. Боятся прежде всего, чтобы он не попытался увлечь за собой одного или несколько человек из живых... Если как раз в этот момент кто-нибудь из родных заболевает или умирает, то все знают, откуда исходит удар». Однако страх перед умершим «жив лишь в первое время после смерти. С течением времени живые успокаиваются» (стр. 272).

Не приводя больше примеров, которые в изобилии можно почерпнуть из этнографической литературы, отметим лишь, что проведение различия между поведением души в первый период после смерти и ее поведением в последующее время отмечено в виде пережитка у народов, достигших высокой степени развития. Так, например, у русских, украинцев, белорусов, коми вплоть до XX в. существовало верование, что души покойников в течение 40 дней или 6 недель после смерти бродят по земле, являются в свой и чужие дома и нередко стремятся причинить живым неприятности. После истечения этого срока они отправляются в загробный мир (Бондаренко, 1890, стр. 117; Ушаков, 1896, стр. 178; Шейн, 1900, I, вып. 2, стр. 780, 794; Довнар-Запольский, 1909, стр. 304; Костоловский, 1913, стр. 248; Звонко, 1914, стр. 87, 98; Зеленин, 1914, I, стр. 338, 352, 358; 1915, II, стр. 588, 858, 860; Даль, 1957, стр. 927).

Разгадку различия между отношением души новоумершего к живым и отношением к ним покойника по истечении определенного периода времени после смерти можно найти, если детальнее рассмотреть представление о душе, существующее у народов и племен, стоявших на сравнительно низких ступенях развития. Почти у всех этих племен и народов существовала вера в наличие

у человека не одной, а нескольких отличающихся друг от друга душ (Вундт, 1910, стр. 52—120; Штернберг, 1936, стр. 307—314; Тэйлор, 1939, стр. 268 сл.; Аниспмов, 1958а, стр. 56—87; Чернецов, 1959; Чеслинг, 1961, стр. 130; Шаревская, 1964, стр. 56, 59, 67—68, 75 сл.; Roth Ling, 1891, р. 117; Karsten, 1935, р. 52—56). Так, например, по верованиям обских угров, у человека существует в зависимости от пола от четырех до пяти душ (Чернецов, 1959, стр. 177). Наибольший интерес для нас представляют две души: душа-тень (могильная душа) и урт — покинувшая тело человека после его смерти, «уходящая вниз (по реке) душа». Согласно этому верованию, урт после своего отделения от тела не сразу уходит в загробный мир. В течение определенного времени после смерти он бродит по земле, и в это время представляет опасность для живых, ибо пытается увести с собой их души. После ухода в загробный мир урт перестает быть опасным.

Если урт представляет собой существо, отличное от тела, душу в полном смысле этого слова, то могильная душа (душа-тень) не является душой в собственном смысле этого слова. «...Представления о душе-тени, называемой еще „могильной“ или „погребаемой“ душой..., рисующие ее более или менее бесплотной или полуматериальной,— пишет В. Н. Чернецов (1959, стр. 118—119),— тесно переплетаются с представлениями о „живом“ покойнике, встающем по ночам из могилы. По-видимому, четкой границы здесь даже и нет, и душа-тень мыслится не как некий дух, отдельно существующий от тела, а как само тело, обладающее, несмотря на смерть, какой-то жизненностью, по крайней мере до той поры, пока оно существует физически... Вопрос о раздельности или общности могильной души или трупа, по-видимому, чрезвычайно неясен для угров».

«„Могильные души“ или „живые покойники“ ибо, повторяем,— продолжает В. Н. Чернецов (стр. 119),— трудно бывает подчас различить, о чем идет речь, выходя из могилы, могут наносить живущим чисто физический вред». Могильная душа или «живой покойник» представляется страшным существом, особенно для своих родных или близких. Она может растерзать или убить человека, может похитить одну из его душ, что повлечет за собой болезнь и смерть. По истлении трупа могильная душа превращается в жучка, а затем бесследно исчезает. Все время своего существования могильная душа проводит на кладбище⁴.

⁴ Представление об одной из человеческих душ как связанной с трупом и обитающей на кладбище имеет широкое распространение (Вундт, 1910, стр. 52—120; Шаревская, 1964, стр. 52; Karsten, 1935, р. 52—59).

Из двух приведенных выше представлений о душе покойника, имеющихся у обских угров, второе является более древним, более архаичным. Об этом говорит хотя бы тот факт, что с представлением о могильной душе в отличие от представления об урте не связана вера в загробный мир. Сравнивая эти два типа представлений, нетрудно заметить, что поведение урта во время его пребывания на земле ничем не отличается от поведения могильной души в течение всего периода ее существования. Представление об урте возникло в результате оформления представления о могильной душе как существующей отдельно от тела и замены представления о ее исчезновении представлением о ее переходе в загробный мир.

Что из себя представляет стадия, промежуточная между представлением о могильной душе и представлением об урте обских угров, можно видеть на примере верований телеутов. Одна из семи душ, которые существуют, согласно их взглядам, у человека, носит название узута. Узут есть дух умершего, который после смерти человека в течение 40 дней живет на кладбище. Узута боятся, ибо он может увести с собой души живых, главным образом родственников, а также причинить им болезнь. Однако опасен узут лишь некоторое время после смерти человека. Постепенно он исчезает, а вместе с ним и его вредное влияние (Анохина, 1929, стр. 261—265)⁵. Узут телеутов, как видно из сказанного выше, во всех отношениях сходен с могильной душой обских угров, кроме одного — в отличие от последней он мыслится уже как существо, отличное от трупа.

Представление о могильной душе у обских угров, как видно из материалов В. Н. Чернецова, не является последовательным. В нем переплетаются представления о могильной душе как о чем-то, отличном от трупа, с представлениями о могильной душе как о «живом покойнике», как о трупе, встающем из могилы. Вряд ли, на наш взгляд, могут быть сомнения в том, что из них более архаичным является второе, которое, кстати заметить, не является еще по существу анимистическим.

Приведенный выше материал по анимистическим верованиям не только подтверждает правильность положения о том, что страх перед трупами возник до появления веры в души умерших, но и позволяет сделать вывод, что страх перед душой умершего уходит своими корнями в страх перед трупом, что душа первоначально представляла собой не что иное, как олицетворение трупа,

⁵ Представление о недолговечности существования души умершего или одной из его душ имеет распространение у многих племен и народов (Липс, 1954, стр. 399).

точнее, опасности, исходящей от трупа. Различие между поведением души в первый период после смерти человека и в течение всего последующего времени находит свое объяснение в том, что в первый период она является олицетворением трупа, а в последующем она им не является.

О происхождении боязни души умершего из страха перед трупом, о первичности страха перед трупом и вторичности страха перед душой говорит и тот факт, что даже у народов, достигших сравнительно высокого уровня развития, страх перед мертвецом всегда есть в той или иной степени и страх перед трупом. Даже у них мы по существу не встречаем страха перед душой умершего, который в той или иной мере не переплетался бы со страхом перед трупом, хотя страх перед мертвым телом, не сочетающийся со страхом перед душой умершего, встретить у них можно.

Как показывают исследования этнографов и прежде всего Д. К. Зеленина (1916), у русских, белорусов и украинцев в не очень отдаленном прошлом существовало деление умерших на два разряда: родителей, т. е. людей, умерших от старости, и заложных. К числу последних относились люди, умершие преждевременно, скоропостижно, в результате несчастного случая, насильственно умерщвленные, самоубийцы, опойцы, а также колдуны и ведьмы, хотя бы и умершие в старости⁶.

Если родители пребывали, по верованиям восточных славян, где-то далеко от живых людей и относились к ним благожелательно, то заложные покойники или мертвяки, обитавшие, как правило, на месте своей несчастной смерти или рядом с могилой, или в могиле, представляли для живых опасность. И важно отметить, что именно заложные покойники, опасные для живых, в верованиях выступали не только и не столько как блуждающие души, сколько как выходящие из могилы трупы, стремящиеся причинить вред живым (Семенова, 1898, стр. 230 сл.; Звойко, 1914, стр. 86; Зеленин, 1916, стр. 6—8, 18—21, 29—30).

Но особенно наглядно старые архаичные представления о покойниках выступают в верованиях в упырей или вампиров, являвшихся, по верованиям восточных славян, одной из категорий заложных. В этих верованиях, собственно, нет ничего анимистическо-

⁶ Существование аналогичных представлений отмечено и у других народов, в частности у древних греков, сербов, литовцев, англичан, марийцев, коми, нанайцев, многих племен и народностей Индии, асаанде, баконго (Crooke, 1896, I, p. 230—234; Hodson, 1911, p. 147; И. Смирнов, 1889, стр. 164—165; 1891, стр. 248; Серошевский, 1896, I, стр. 622—623; Гагаров, 1918, стр. 10; Зеленин, 1916, стр. 45—50; «Религиозные верования народов СССР», I, стр. 90; Шаревская, 1964, стр. 73, 83, 84).

го. Упыри или вампиры представляются как выходящие из могил кровожадные мертвецы, трупы, питающие злобу к живым и стремящиеся увлечь их за собой. Вера в упырей или вампиров имела в прошлом широкое распространение, кроме восточных славян, также среди сербов, поляков, чехов, румын, греков, немцев, англичан и других народов Европы (Потебня, 1865, стр. 282 сл.; Афанасьев, 1869, III, стр. 557 сл.; Демидович, 1896, 2—3, стр. 140—141; Колчин, 1899, стр. 46—50; Довнар-Запольский, 1909, стр. 285; Зеленин, 1915, II, стр. 614; Кагаров, 1918, стр. 21—22; Токарев, 1957а, стр. 40—41; Hazlitt, 1870, II, p. 333).

Верования, в которых не все покойники, а лишь определенная их категория выступает как существа, опасные для живых, представляют собой явление позднейшее. Первоначально все без исключения мертвецы рассматривались как существа, представляющие по крайней мере в течение определенного периода времени после смерти опасность для живущих. Об этом свидетельствуют погребальные обряды всех народов мира. Об этом говорит уже отмеченный выше факт, что у народов, стоящих на сравнительно низких ступенях развития, как опасные рассматриваются все новоумершие без исключения. Те покойники, которых восточные славяне относили к категории заложных, ими либо совсем не выделяются, либо рассматриваются как более опасные по сравнению с остальными, так же стремящимися вредить живым (Кузнецов, 1904, 2, стр. 105—106; Зеленин, 1916, стр. 41 сл.).

Наконец, доказательством правильности положения о вторичном, позднем характере деления покойников на две категории: опасных и неопасных — служит тот отмеченный этнографами факт, что у тех же восточных славян (русских, белорусов, украинцев) вплоть до XX в. рядом с такого рода представлениями существовала вера (или пережитки веры) в то, что всякий покойник представляет опасность для живых, существовал страх перед всеми мертвецами без исключения (Даль, 1880, стр. 95; Звойко, 1914, стр. 85—100; Зеленин, 1914, I, стр. 217; 1915, II, стр. 614, 909; Кагаров, 1918, стр. 21—22).

Представление о «живых» мертвецах, о трупах, выходящих из могилы и вредящих живым, является несомненно более архаичным, чем вера в души умерших, стремящихся увести с собой души живых. Однако, на наш взгляд, и оно не является самым древним типом представлений об опасности, исходящей от покойников. Если в верованиях, в которых как враждебно настроенные к живым рассматриваются не все мертвецы, а лишь некоторые из них, вред, исходящий от покойников, рассматривается прежде всего как

результат опасных для живых людей различного рода действий вышедшего из могилы «живого» трупа, то в верованиях, в которых все покойники рассматриваются как существа, вредящие живым, кроме такого рода представлений, обязательно существует, а иногда и выступает на первый план убеждение в существовании исходящего от трупа таинственного, непонятного, но вредного для живых влияния.

Существование веры в исходящее от трупа вредоносное, таинственное влияние или пережитков такой веры зафиксировано у всех без исключения народов мира. В яркой форме существовала такая вера, например, у марийцев. «С того момента,— писал С. С. Кузнецов (1904, I, стр. 77),— как черемисин испустил дух, труп его становится чем-то страшным и нечистым для семьи, чем-то таким, прикосновение к чему оскверняет, а страх побуждает даже не ночевать в избе, пока в ней находится покойник». Подобно тому, как представления о «живом» мертвце переплетаются с чисто анимистическими, убеждение в существовании исходящего от трупа опасного для живых влияния переплетается, как правило, с верой в «живых» мертвцов. Это хорошо видно хотя бы на примере верований чукчей. «Особенно вредоносным,— писал, характеризуя эти верования, В. Г. Богораз-Тан (1939, I, стр. 182),— считается мертвое тело, даже маленькая частица его. Частицы, взятые от мертвого тела, ...употребляются для изготовления „порчи“. Человек, идущий по тундре и увидевший труп, подвергается опасности навлечь на себя несчастье. Если он вернется обратно и отправится по прежней дороге, труп пойдет следом за ним, вскоре перегонит его и преградит дорогу. Тогда уже человек едва ли сможет спастись». Однако, несмотря на теснейшее переплетение с представлением об опасности, угрожающей жизни со стороны выходящих из могил мертвцов, являющееся более архаичным, чем первое, представление о вредоносном влиянии, исходящем от трупа, является относительно самостоятельным и может поэтому рассматриваться отдельно от верования в «живых» мертвцов.

Особенностью вредоносного влияния, исходящего от трупа, является его заразительность. Все предметы, находившиеся в контакте с покойником и подвергавшиеся его вредоносному влиянию, заражаются этим влиянием и в свою очередь становятся его источником (Кузнецов, 1904, I, стр. 70 сл.; Краулей, 1905, стр. 95; Липс, 1954, стр. 395; Smith Robertson, 1907, p. 369—370 и др.). Особенно заразительными считаются платья и обувь покойника, а также посуда, которой он пользовался. «С умершим,— писал С. П. Крашенинников (1949, стр. 443) об птельменах,—

выбрасывают вон все платья их и обувь, не с тем намерением, чтобы было им что носить на другом свете, но от одной опасности: ибо, по их мнению, и тому необходимо умереть должно прежде времени, кто наденет их платье. Особенно живущие на Курильской лопатке в том суеверны: не возьмут в руки никакой вещи, сколько бы она их ни льстила, ежели узнают, что осталось после мертвого».

Обычай ломать, сжигать, выбрасывать и т. п. вещи, принадлежавшие покойнику, был очень широко распространен по всему миру (Сорошевский, 1896, I; Кузнецов, 1904, I, стр. 80—81; Краулей, 1905, стр. 95—99; Пилсудский, 1914, стр. 81; Зеленин, 1914, I, стр. 400; 1915, II, стр. 547—548; Штейнен, 1930, стр. 175; «Религиозные верования народов СССР», 1931, I, стр. 66, 95; Миклухо-Маклай, 1950, II, стр. 373; Липс, 1954, стр. 395; Долгих, 1961а, стр. 103; Lumpholtz, 1903, I, p. 381; Sherring, 1906, p. 110; Green and Beckwith, 1926, p. 178—179; Karsten, 1935, p. 67, 287). У некоторых народов вещи покойника не уничтожались, но над ними совершались очистительные обряды (Karsten, 1935, p. 209; Окладников, 1955, III, стр. 338). Многочисленные пережитки подобного рода обычаев отмечены, в частности, у русских, украинцев, белорусов (Ушаков, 1896, стр. 203; Костоловский, 1906, стр. 219; Звойко, 1914, стр. 90 сл.; Зеленин, 1914, I, стр. 157, 178, 217, 402, 446; 1915, II, стр. 759 и др.).

У довольно большого числа народов, в частности у туркана, племен Малави, Замбии, Южной Родезии, банту Южной Африки, готтентотов, гереро, бабвенде, якутов, айнов, каренов Бирмы, андамцев, туземцев Малакки и о. Лусон, маори, папуасов, жителей о-вов Торрессова пролива, некоторых племен Австралии, эскимосов Аляски, Гренландии, тарахумара, майя, индейцев Гран-Чако,— было отмечено существование обычая разрушать, сжигать или покидать навсегда или на время жилища, в которых произошла смерть, а иногда даже выселяться из местности, где это печальное событие произошло (Сорошевский, 1896, I, стр. 620; Краулей, 1905, стр. 225; Пилсудский, 1914, стр. 81; Тэйлор, 1939, стр. 311; Миклухо-Маклай, 1950, II, стр. 47, 70, 379—380; Липс, 1954, стр. 398; Ланда, 1955, стр. 163; Шаревская, 1964, стр. 52; Man, 1882, p. 282; Vonney, 1883, p. 125, 135; Macdonald, 1890, p. 189; Haddon, 1890, p. 324; Lumpholtz, 1903, I, p. 381—383; Gottschling, 1905, p. 376; Werner, 1906, p. 165; Dundas, 1910, p. 69; C. Seligman and B. Seligman, 1911, p. 34; Karsten, 1935, p. 57; Best, 1952, p. 115; Spencer, 1959, p. 253).

Кроме вещей, источником вредоносного влияния могли стать и становились люди, соприкасавшиеся с покойником или даже находившиеся в соседстве с ним, а также соприкасавшиеся с вещами людей, «зараженными» вредоносным трупным влиянием. Наиболее опасными в этом отношении считались родственники покойного. «...И так как считается, — писал Ю. Липс, — что они могут „заразить“ своим „опасным состоянием“ и других, родственников заставляют иногда проводить определенное время в уединении и часто подвергают церемонии очищения, чтобы предохранить общество от приставшего к ним „яда мертвого“» (1954, стр. 352).

У маори, например, всякий, кто прикасался к трупу, помогал его нести к могиле и т. п., лишался права вступать в какие-либо отношения с другими людьми. Он не должен был входить в человеческие жилища, не должен был прикасаться к людям и предметам, чтобы не осквернить их, и т. п. Это длилось определенный промежуток времени, после чего изоляция кончалась, и он получал право вернуться в общество. Но когда это происходило, вся посуда, которой он пользовался, вся одежда, которую он носил, подвергалась основательной чистке из-за страха, чтобы они не передали другим нечисти человека, прикасавшегося к мертвому (Фрезер, 1928, II, стр. 48—49). Сходные обычаи существовали у якутов, даяков Калимантана, нага Ассама, племен Малави, Замбии, Южной Родезии, готтентотов, австралийцев, папуасов мекео, полинезийцев Тонга и Самоа, индейцев шусвап (Овчинников, 1905, стр. 174; Фрезер, 1928, II, стр. 49—50; Чеслинг, 1961, стр. 128; Шаревская, 1964, стр. 49; Woodthorpe, 1881, p. 71; Roth Ling, 1891, p. 122; Johnston, 1898, p. 443; Gordon, 1904) ⁷.

У огромного числа народов, в частности у античных греков, римлян, евреев, русских, украинцев, белорусов, сванов, марийцев, удмуртов, мордвы, чуваш, кетов, долганов, непцев, таджиков, якутов, многих этнографических групп Индии, туземцев Калимантана, Ямдена, жителей о-вов Бабар, австралийцев, мальгашей, акамба, кикуйю, батонга, яо, чева, ака (ашантц, фапти и др.), гавайцев, арауканов, дакота, навахов, эскимосов Аляски, зафиксировано было существование обрядов очищения людей, находившихся

⁷ Персжитком этих обычаев является бытовавшее у многих народов, в том числе стоявших на высоких ступенях развития, ношение траура. Ношение специальной одежды родственниками умершего первоначально имело целью предостережение посторонних от опасного контакта с людьми, зараженными вредоносным влиянием трупа, а также, возможно, и предохранение от осквернения повседневной одежды (Штернберг, 1936, стр. 206).

в контакте с покойником, или разнообразных пережитков этих обрядов, причем часто в сочетании с верованием, что соприкосновение с мертвецом делает человека нечистым (Афанасьев, 1869, III, стр. 33, 34; Даль, 1880, стр. 95; Шейн, 1890, I, ч. 2, стр. 521; Троицкая, 1893, стр. 77; Серошевский, 1896, I, стр. 618; Латышев, 1899, стр. 74—75; Кузнецов, 1904, I, стр. 90; Краулей, 1905, стр. 97; И. Васильев, 1906, стр. 327; Вундт, 1910, стр. 295; Звойко, 1914, стр. 96—97; Зеленин, 1914, I, стр. 294, 312, 411; 1915, II, стр. 545, 602, 719, 786; «Религиозные верования народов СССР», 1931, II, стр. 93, 253, 306; Штернберг, 1936, стр. 186; Тэйлор, 1939, стр. 512; Попов, 1958, стр. 94; Долгих, 1961а, стр. 104; Чеслинг, 1961, стр. 46, 128; A. Ellis, 1877, p. 24; 1890, p. 160; Connolly, 1896, p. 186; Crooke, 1896, II, p. 56—61; Sherring, 1906, p. 110; Werner, 1906, p. 161; Stigand, 1907, p. 121; Stannus, 1910; Weeks, 1914, p. 272; Hobleу, 1911в, p. 411, 418; Green and Beckwith, 1926, p. 180; Spencer, 1959, p. 253; Faron, 1963, p. 137).

Вера во вредоносное влияние, исходящее от трупа, является, на наш взгляд, самым древним типом представлений об опасности, грозящей живым со стороны мертвых, более ранним, чем вера в кровожадных выходцев из могил. Но независимо от того, насколько верно это положение, вряд ли могут быть сомнения в том, что указанные выше представления предшествовали возникновению веры в души умерших. К выводу о том, что «культ» мертвого тела предшествовал возникновению анимистических верований, пришел целый ряд исследователей, в том числе П. Ф. Преображенский (1929, стр. 268; 1930, стр. 8), Ю. Липс (1954, стр. 348) и Ю. П. Францев (1959, стр. 224).

Все это вместе взятое дает возможность с достаточным основанием предположить, что у неандертальцев анимистических представлений не существовало, что они испытывали страх не перед душами умерших, а лишь перед мертвыми телами, перед трупами.

5. Возникновение неандертальских погребений

Страх перед трупами объясняет целый ряд особенностей неандертальских погребений, но им одним невозможно объяснить их появление. Если бы неандертальцы испытывали по отношению к мертвецам только лишь страх, то они не стали бы оставлять их в своих жилищах. Они бы просто выбрасывали трупы или их уничтожали. Появление погребений можно объяснить лишь совместными действиями двух противоположных факторов: заботы о члене своего коллектива, возникшей в результате осознания един-

ства первобытного человеческого стада и побуждавшей оставлять мертвеца в пещере, снабжать его пищей и орудиями, и страха перед мертвецами, побуждавшего связывать его, помещать в яму, закладывать землей и камнями. Такое объяснение причин возникновения неандертальских погребений полностью согласуется с данными этнографии.

Как отмечают все исследователи, отношение примитивных племен и народов к своим покойникам отличается резкой двойственностью. «Все обряды, — пишет А. Элькин, характеризуя погребальные обычаи австралийцев, — отражают двойственное отношение к покойнику. С одной стороны, участники траурной церемонии и все общество хотят, чтобы умерший оставался среди них; они охраняют могилу, носят с собой тело или кости, заботятся об „удобствах“ покойного... С другой стороны, они принимают все меры, чтобы душа умершего окончательно покинула их, и наряду со знаками внимания, проявляемого к покойнику, ясно и даже настойчиво выражают это свое желание отделаться от души» (1952, стр. 243).

«В проявлениях этих отношений, — вторит ему В. Н. Чернецов, характеризуя отношение обских угров к покойнику, — наблюдается резкий дуализм. Несмотря на то, что уход того или иного лица из среды живых вызывает подчас глубокое горе, сам покойник и весь связанный с ним комплекс представлений внушает страх. Элементы любви к умершему и страх перед ним в его новом состоянии настолько тесно переплетаются, что зачастую трудно сказать, какой из этих мотивов обусловил то или иное внешнее проявление чувств. Плакание, траур, стремление устроить покойника наилучшим и наиудобнейшим способом в его могиле — все это может быть вызвано как чувством любви, так и стремлением гарантировать себя от возможного возвращения умершего... Наряду с заботами о мертвых, сознанием общности между живыми и мертвыми сородичами, мы видим и целый ряд мер, направленных к изолированию душ-теней от людей, принимающихся... с самого момента установления смерти. Окно, через которое выносят тело, закрывают, дорогу, ведущую к кладбищу, перегораживают. Труп связывают ноги, кладут камень на грудь или в рот и т. д.» (1959, стр. 122—123). Аналогичные высказывания мы находим у Дж. Фрезера (Frazer, 1933, I, p. 29), В. Вундта (1910, стр. 169—170), Р. Карстена (Karsten, 1935, p. 286—289), Ю. Липса (1954, стр. 386), В. Г. Богораза-Тана (1939, II, стр. 180—181), С. С. Кузнецова (1904, 2, стр. 63), Н. Н. Харузина (1905, IV, стр. 261), С. А. Токарева («Народы Австралии и Океании», 1956, стр. 475).

Однако с выяснением того, что неандертальские погребения обязаны своим появлением совместному действию двух факторов: заботы о мертвых и страха перед ними, проблему нельзя еще считать полностью решенной. Остается еще ответить на вопрос о причине возникновения страха перед мертвецами.

Страх перед трупом имеет настолько универсальное распространение и является столь живучим, что его нельзя объяснить, не допустив, что труп на самом деле представлял собой реальную опасность для живых. Трудно представить, чтобы страх неандертальцев перед трупом имел в своей основе не реальную опасность, исходящую от него, а воображаемую.

Если учесть, что страх перед трупами возник тогда же, когда возник запрет каннибализма и забота о покойнике, т. е. когда трупы в нетронутом виде начали оставлять в жилищах, то ответ невольно напрашивается. Причиной страха перед трупом является реальная опасность, исходящая от гниющего, разлагающегося трупа. Такое предположение мы находим в работах П. И. Беляева (1913, стр. 58), А. В. Луначарского (1923, стр. 17—18) и В. Н. Чернецова (1959, стр. 153—154).

Оно находит определенное подкрепление в этнографических данных. Как мы видели выше, опасное влияние, исходящее от трупа, мыслится, во-первых, как имеющее безусловный, автоматический характер, во-вторых, как грозящее в первую очередь родным и близким покойника, т. е. людям, первоначально обитавшим в одном с ним жилище, в-третьих, как существующее в течение сравнительно небольшого периода после смерти человека, обычно лишь в течение времени, когда идет процесс разложения трупа, и как бесследно исчезающее после окончания этого периода.

Однако это предположение не объясняет целого ряда других данных о природе опасного влияния, исходящего от трупа. В частности, придерживаясь только его одного, трудно объяснить, почему вредоносное влияние, исходящее от трупа, мыслилось как заразительное, как исходящее не только от трупа, но и от вещей, которыми пользовался умерший при жизни, и прежде всего от его одежды, обуви и посуды, а также от людей, соприкасавшихся с ним, причем исходившее от них в течение более или менее продолжительного промежутка времени после контакта с покойником. Последние данные можно объяснить, лишь предположив, что в основе формирования представления об опасном, исходящем от мертвеца влиянии лежало не только реальное вредоносное влияние разлагающегося трупа на окружающих, но и передача инфекционных заболеваний от умирающих членов коллектива к здоро-

вым. Последнее предположение мы находим в работах П. И. Скворцова-Степанова (1959, стр. 343—344). Правильность его подтверждается тем фактом, что примитивные народы рассматривают больных и умирающих как источник такого же вредоносного влияния, что и трупы, и принимают по отношению к вещам и людям, находившимся в контакте с больными, такие же меры, что и по отношению к людям, соприкасавшимся с мертвецом (Karsten, 1935, p. 67—68).

С выявлением причин возникновения страха перед мертвыми проблему неандертальских погребений можно считать в основном и главным решенной.

Перелом в процессе обуздания зоологического индивидуализма, выразившийся, в частности, в осознании единства человеческого коллектива, запрете каннибализма и появлении моральных норм, предписывающих заботу о всех членах первобытного стада, имел своим следствием оставление трупов в пещерах, служивших местами обитания неандертальцев, и снабжение их пищей и орудиями. Пребывание разлагающегося трупа в жилище вредно влияло на живых, влекло за собой болезни и смерть других членов коллектива. Ставшая обычной забота о больных членах коллектива способствовала передаче инфекции от них к здоровым членам коллектива, что также влекло за собой новые случаи заболевания и смерти.

Люди не могли с течением времени не осознать, что им со стороны покойников грозит опасность, что от покойников исходит какое-то вредоносное влияние. Вполне понятно, что раскрыть действительную природу этого вредоносного влияния неандертальцы оказались не в состоянии. Логический способ мышления оказался в данном случае бессильным, и на «помощь» пришел магический образ мысли. Реальное вредоносное влияние умирающих и мертвых было осознано как таинственное, магическое отрицательное влияние⁸. Возникло убеждение, что трупы обладают свойством магического вредного влияния на живых, возник страх перед мертвецами.

⁸ Осознание реальных, но непонятных влияний предметов как магических представляет собой нередкое явление. Многие племена и народы приписывали, например, магическое апотропейческое (предохранительное) значение луку и чесноку (Сумцов, 1881, стр. 185; Кагаров, 1929а, стр. 154). В свете данных современной биологической науки выяснилось, что в данном случае мы имеем дело не просто с суевериями. Лук и чеснок принадлежат к числу растений, интенсивно выделяющих летучие вещества — фитонциды, обладающие свойством убивать многие виды болезнетворных бактерий (Б. Ток и ц, 1960).

Осознание, хотя и в иллюзорной форме, того факта, что от умерших исходит влияние, представляющее опасность для окружающих, пришло к неандертальцам не в процессе теоретических размышлений, а в ходе практической деятельности, направленной к нейтрализации этого влияния. Человек осознал опасность, исходящую от трупов, прежде всего практически и лишь затем «теоретически». Средствами практической нейтрализации вредного влияния трупа было закладывание его ветвями, камнями, засыпание его землей, наконец помещение его в яму, с последующей засыпкой землей. Так как эти вполне реальные меры принимались против опасности, которая была осознана как магическая, то и сами эти меры были в конце концов осознаны как магические.

Все указанные выше меры нейтрализовали опасность, исходящую от разлагающегося трупа, но не могли помешать передаче инфекции от больного к здоровым. Чувствуя их недостаточность, люди начинали применять и такие по существу уже чисто магические приемы, как, например, связывание покойника.

Погребения в собственном смысле этого слова возникли лишь с практическим осознанием опасности, исходящей от мертвецов. Но эта опасность не могла быть осознана сразу. Для этого потребовался определенный период времени, в течение которого трупы просто оставались в жилище. Из этого следует вывод, что осознание единства человеческого коллектива и выявление моральных норм, предписывающих заботу о каждом члене коллектива, относится ко времени, предшествовавшему возникновению первых настоящих погребений.

Факт появления первых погребений в начале позднего мустье служит подтверждением выдвинутого в предшествующих главах положения о том, что эпоха позднего ашеля — раннего мустье была временем возникновения и расширения сферы действия половых и пищевых табу и соответственно укрепления человеческого коллектива, временем становления тотемизма — первой формы осознания его единства.

6. Некоторые проблемы эволюции первобытной религии

Разрешение проблемы неандертальских погребений дает ключ к пониманию целого ряда вопросов развития первобытной религии вообще, вопроса о возникновении анимизма в частности.

В главе XI, посвященной проблеме возникновения религии, нами уже отмечалась тенденция распространения магического образа мышления с действий человека на объективные события и различного рода предметы внешнего мира. Если первоначально

магический способ мысли состоял в приписывании магического влияния действиям человека, то в дальнейшем положительное и отрицательное магическое влияние начало во все большей степени приписываться событиям и материальным предметам.

С осознанием реальной опасности, исходящей от трупа, как магической, труп в представлениях пралюдей стал предметом, обладающим отрицательным магическим влиянием, т. е. отрицательным, вредоносным фетишем. Не исключена возможность, что труп вообще был первым фетишем. Но как бы то ни было, вряд ли, на наш взгляд, могут быть сомнения в том, что осознание опасности, исходящей от трупа, как магической, а самого мертвого тела как фетиша оказало огромное влияние на формирование фетишизма, т. е. веры в наличие у вещей свойства таинственным, непонятным, магическим образом влиять на жизнь и деятельность человека, и прежде всего на формирование представлений об отрицательных фетишах.

Передача инфекции от умирающих к другим людям, происшедшая как прямо, так и через посредство вещей и людей, будучи магически осмысленной, легла в основу формирования представлений о состоянии табу, в котором могут находиться как люди, так и вещи.

Сущность состояния табу, состояния магической нечистоты, магической заразы заключается в том, что всякий человек или любая вещь, находящиеся в таком состоянии, являются источником опасности для людей, вступающих с ними в контакт, причем опасности заразной. Всякая вещь и любой человек, соприкасающиеся с вещью или человеком, находящимися в состоянии табу, сами оказываются в таком же состоянии. Человек или вещь, находящиеся в состоянии табу, являются отрицательными, вредоносными фетишами особого рода, не только опасными, но и заражающими опасностью все, что приходит с ними в контакт.

Представление о состоянии табу сформировалось в процессе практических действий, направленных к нейтрализации реальной опасности, исходившей от людей и вещей, являвшихся носителями инфекции, в процессе выработки мер, которые смогли бы предохранить людей от реального заражения. Такими стихийно выработавшимися мерами прежде всего были изоляция вещей и людей, являвшихся источником инфекции, воздержание от контактов с ними, запрет контактов с ними. Меры эти в случае инфекционных заболеваний реально способствовали предохранению людей от опасности заражения и поэтому закрепились.

Но подобно тому, как реальная опасность распространения инфекций была осознана как магическая, как магические были осо-

знаны и реальные первоначально меры, имевшие целью нейтрализовать эту опасность. Запреты контактов с лицами и вещами, являвшимися источниками инфекции, были осознаны как магические запреты, как табу, ничем по существу не отличавшиеся от остальных табу. С осознанием этих запретов как магических, как табу оформилось представление о состоянии, в котором находились лица и вещи, являвшиеся источниками инфекции, как состоянии табу, состоянию магической заразы, нечистоты.

Нарушение этих запретов, которые можно было бы назвать магико-инфекционными табу, имело своим следствием заражение человека, что осмысливалось как переход его в состояние табу, как превращение его в магически нечистого, магически заразного. Так как люди не отличали магико-инфекционных табу от магико-этических и чисто магических, то представления, связанные с первыми, начали распространяться и на последние. Наступление состояния табу, состояния магической нечистоты начало связываться как с нарушением чисто магических, так и особенно с нарушением магико-этических табу, причем оформлению взгляда на нарушителя магико-этического табу как на находящегося в состоянии магической нечистоты способствовало то обстоятельство, что он и раньше рассматривался как личность, и сама находящаяся в опасности, и представляющая опасность для коллектива. Так возникло представление о моральной нечистоте («грехе») как о чем-то заразном, могущем быть переданным от человека к человеку, которое зафиксировано этнографами у большого числа племен и народов (Краулей, 1905, стр. 91—95; Штернберг, 1936, стр. 262—263; Левин-Брюль, 1937, стр. 224—225; Karsten, 1935, p. 238—243).

Представление о состоянии табу, возникшее как плюзорное отражение реальной опасности, которую представляли для коллектива люди и вещи, являвшиеся источником инфекции, в дальнейшем оторвалось от своей первоначальной основы и получило самое широкое распространение. Его начали приписывать людям и вещам по самым разнообразным поводам. Как находящиеся в состоянии табу начали рассматриваться все люди, которые по тем или иным причинам должны были быть изолированы от других.

В процессе практической деятельности, направленной на нейтрализацию опасности, исходящей от людей и вещей, являвшихся источниками инфекции, кроме мер пассивной защиты от инфекции, стихийно вырабатывались и меры активной защиты от нее, приемы обеззараживания, дезинфекции. Вполне понятно, что эти приемы реальной дезинфекции, реального очищения вещей или

людей от реальной заразы были осмыслены людьми как приемы очищения человека от состояния табу, как приемы удаления магической заразы, магической нечистоты, как магические очистительные обряды. Многие обряды очистительной магии несут на себе следы возникновения из реальных дезинфекционных приемов, хотя, как правило, реального обеззараживающего значения уже не имеют (Анничков, 1903, I, стр. 260—267, 325—326; Краулей, 1905, стр. 228—229; Вундт, 1910, стр. 289—297; Фрезер, 1928, II; Леви-Брюль, 1937, стр. 186—189, 222—330; A. Ellis, 1890, p. 160; Karsten, 1935, p. 239—244). Осознание приемов дезинфекции как магических обрядов, как приемов удаления с вещей и людей магической нечистоты неизбежно со временем привело к почти полной утрате ими первоначального реального содержания, к превращению их в чисто магические обряды.

Утрате приемам дезинфекции реального значения во многом способствовало то, что они стали применяться для очищения от состояния табу людей и вещей, которым магическая нечистота стала приписываться по причинам, отличным от тех, что породили само представление о магической нечистоте и реальные приемы дезинфекции. В частности, эти приемы стали применяться для очищения от состояния табу людей, навлекших его на себя нарушением этических табу, моральных запретов. Результатом было возникновение представления о моральной нечистоте (вине, «грехе») как о чем-то, что может быть удалено с человека, причем способами, во многом сходными с теми, которыми удаляется с него физическая нечистота, а также перенесено с него на другие существа или на разного рода материальные объекты (Краулей, 1905, стр. 228—229; Фрезер, 1928, IV, стр. 70—77; Штернберг, 1936, стр. 262—263; Левин-Брюль, 1937, стр. 223—227; Smith Robertson, 1907, p. 425, 446—450; Weeks, 1914, p. 250; Karsten, 1935, p. 45, 238—243).

Возникновение магико-инфекционных табу и обрядов очистительной магии — нового вида иллюзорной деятельности — во многом способствовало оформлению и закреплению фетишизма — иллюзии о существовании у материальных объектов свойств магическим образом влиять на жизнь и деятельность людей. С оформлением этой иллюзии магический способ мышления начал все в большей и большей степени ориентировать человека в области, в которой тот был практически бессилен и в которой соответственно был бессилен логический образ мышления, не столько на приписывание магических влияний действиям человека, сколько на приписывание их различного рода событиям и материальным предметам.

Не следует, однако, думать, что фетишизм своим возникновением обязан только магическому осмыслению реального вредоносного влияния, исходящего от трупа, а также от людей и вещей, являвшихся источником инфекции. Последнее сыграло большую роль в оформлении и закреплении фетишизма, но в основе переноса центра тяжести магического образа мышления с действиями человека на события и предметы лежало прежде всего то обстоятельство, что в процессе несвободной практической деятельности человек все в большей и большей степени убеждался в своем бессилии, убеждался в том, что в данной области результаты его действий зависят не столько от него, сколько от не зависящих от него, не поддающихся его контролю факторов.

С оформлением фетишизма человек начал приписывать свойство магического влияния на исход своей деятельности, на свою судьбу самым разнообразным материальным объектам, причем не только свойство вредоносного, отрицательного влияния, но и, как уже указывалось в предшествующей главе, свойство положительного влияния. Следующим шагом в развитии формирующейся религии был перенос внимания с вещей, которым приписывалось свойство магического влияния, на само приписываемое им магическое влияние. Если первоначально магическое влияние, приписываемое вещам, рассматривалось как неотъемлемое их свойство, то в дальнейшем оно все в большей и большей степени начинает рассматриваться как нечто самостоятельное, хотя и неразрывно связанное с вещами, как заключенная в вещах, обитающая в них магическая сила. Это первоначальное представление о магической силе, обитающей в вещах, легло в дальнейшем развитии в основу таких верований, как представление арунта об арункульта, племен Квинсленда — о кунта, меланезийцев и полинезийцев — о мана, племен о-вов Торресева пролива — о зого, ирокезов — об оренда, омаха — о ваконда, дакота — о вакантанка, пигмеев — о мегбе, зулусов — об умойя, балуба — о мойо и т. п. (Codrington, 1891, p. 118—120; Spencer and Gillen, 1899a, p. 548; Marett, 1909, p. 90—137; Webster, 1942, p. 15—17; 1948, p. 1—55; Norbeck, 1961, p. 37—45; Леман, 1932, стр. 97—170; Леви-Брюль, 1930, стр. 91—94; «Народы Америки», 1959, I, стр. 213, 258; Шаревская, 1964, стр. 188—191; Токарев, 1964, стр. 94—95, 342—343). С возникновением представления о магической силе магические обряды начали постепенно осмысливаться как приемы использования этой силы.

Магическая сила, первоначально рассматривавшаяся как неразрывно связанная с вещью, в последующем начала мыслиться как что-то, способное передаваться от одной вещи к другой, спо-

собное отделяться от вещи. В возникновении и оформлении такого взгляда на магическую силу большую роль опять-таки сыграли магико-инфекционные табу, неразрывно связанные, как указывалось выше, с представлением о магическом влиянии как передающемся от одной вещи к другой, и обряды очистительной магии, неразрывно связанные с представлением о магическом влиянии, магической печистоте как о чем-то, что можно удалить, снять с вещи, перенести на другую вещь.

С возникновением представления о магической силе как о чем-то, способном отделяться от вещи, открылась возможность представлять ее как нечто, существующее отдельно от вещи, как нечто самостоятельно существующее, как самостоятельное существо⁹. Иллюзорное представление о реально существующих вещах начинает постепенно перерастать в представление о существах иллюзорных, вера в существование у реальных вещей иллюзорных свойств начинает превращаться в веру в существование наряду с реальными вещами и существами существ иллюзорных. Мир в сознании человека начинает раздваиваться на мир естественный, по-сторонний и мир сверхъестественный, потусторонний, хотя грань между этими мирами человеком в течение длительного периода времени сколько-нибудь отчетливо не осознается. Завершается период формирования религии и начинается эпоха развития сформировавшейся религии. Религия перестает быть только извращенным способом мышления о реально существующих вещах и существах, она становится и верой в существование объектов, в действительности не существующих, верой в существование иллюзорных существ и вещей.

Во избежание возможных недоразумений необходимо подчеркнуть, что с возникновением веры в сверхъестественные существа не исчезла вера в существование в вещах магической силы, вера в существование у вещей свойств магического влияния на жизнь и деятельность человека, так же как не исчезла с возникновением фетишизма и веры в приметы и вера в свойство определенных человеческих действий магическим образом влиять на исход всей человеческой деятельности в целом. Характерной особенностью развития религии является то, что с возникновением новых религиозных представлений старые не исчезают, а продолжают существовать наряду с ними даже в том случае, когда они находятся с ними

⁹ Мнения о том, что вера в бытие сверхъестественных существ возникла из веры в существование у реальных, объективных предметов сверхъестественных свойств, придерживался и придерживается ряд ученых, в том числе В. Г. Богораз-Тан (1930, стр. 39—41; 1939, II, стр. 1—5). Ю. П. Францев (1940, стр. 57 сл.; 1959, стр. 198) и А. Ф. Лосев (1957, стр. 14).

в противоречии. Старые представления и обряды после возникновения новых частично претерпевают изменения, частично же сохраняются в почти неизменном виде. Религия в течение всего периода доклассового общества никогда и нигде не представляла собой сколько-нибудь стройной системы взглядов. Она являлась беспорядочным нагромождением самых разнообразных верований и обрядов, нередко находившихся в противоречии друг с другом.

Возникновение веры в сверхъестественные существа оказало влияние на магическую практику. Рядом со старыми магическими обрядами возникли новые — экзорцистские, имевшие целью либо нейтрализовать опасное влияние этих сверхъестественных существ, либо принудить их способствовать достижению желаемых человеком результатов.

Иллюзорные, сверхъестественные существа, представлявшие собой оторвавшуюся, отделившуюся от вещей их магическую силу, обычно называются в этнографической литературе духами или демонами. Первое название кажется нам не вполне удачным, ибо оно наводит на мысль, что эти существа мыслились как духовные, бесплотные, нематериальные, в то время как они представлялись как вполне материальные, телесные, но лишь незримые, да и то не всегда. Поэтому мы будем именовать их демонами. Соответственно мир демонов мы будем называть демоническим миром. Своеобразным видом демонических верований являются анимистические. Души умерших представляют собой не что иное, как своеобразную категорию демонов.

Труп, как указывалось, был вредоносным фетишем. Происходивший в сознании людей процесс раздвоения фетишей на вещи и демонов вещей не мог не коснуться и трупа. Причем не исключена возможность, что в отношении к трупу этот процесс протекал быстрее, чем в отношении других фетишей, что представление о душе мертвеца было первой формой представлений о демонах, иллюзорных существах.

Как указывалось, уже неандертальцы применяли такие меры, имеющие целью нейтрализовать опасное влияние трупа, как помещение его в могильную яму, закладывание камнями, засыпание землей, связывание. Повторяясь из поколения в поколение, они в конце концов неизбежно были осмыслены как меры, имеющие своей целью помешать мертвецу выйти из могилы. Так возникло представление о трупе, выходящем из могилы и вредящем живым, о «живом» мертвеце.

Это представление еще не было демоническим, анимистическим, ибо выходец из могилы мыслился не как отличное от трупа сверхъестественное существо, а как сам труп. Но оно уже не было

фетишистским, ибо труп, материальному предмету приписывалось не просто свойство магического вредоносного влияния на людей, не просто сверхъестественное свойство, а совершенно несвойственная ему таинственная, иллюзорная, сверхъестественная форма существования. Представления о «живом» мертвецке занимают промежуточное положение между фетишистскими и анимистическими (демоническими) верованиями. В этих представлениях реальный, материальный объект выступает одновременно и как материальный, реальный предмет, и как сверхъестественное существо, является одновременно и тем и другим.

В дальнейшем развитии происходит раздвоение представления о «живом» мертвецке. Начало такого раздвоения можно видеть на примере представлений обских угров о могильной душе, душе-тени, в которых последняя выступает то как «живой» мертвец, то как существо, отличное от трупа, т. е. как собственно душа. Следующий шаг представлен верованиями телеутов об узуте, который выступает как отличное от трупа сверхъестественное существо, как душа умершего.

Душа умершего первоначально представляла собой не что иное, как олицетворение опасности, исходящей от трупа, являлась демоном трупа. Она возникала лишь после смерти человека и существовала лишь в течение того времени, пока от трупа исходила опасность. С исчезновением последней исчезала и душа. И только в дальнейшем развитии возникло представление о душе как двойнике человека, обитающем в его теле и покидающем его после смерти, возникла вера в загробный мир, и представление о бесследном исчезновении души спустя некоторое время после смерти сменилось представлением о ее уходе в загробный мир. В оформлении представления о душе как двойнике человека сыграла, вероятно, некоторую роль также отмеченные Э. Тэйлором факторы, как сон и сновидения и т. п.

Завершение процесса формирования религии, начало процесса раздвоения мира в сознании человека на мир естественный и мир сверхъестественный, переход от стадии магии (завершающим этапом которого был фетишизм) к стадии демонизма (и анимизма) относится, по всей вероятности, к эпохе родового общества. В первобытном стаде эволюция религиозных верований дальше стадии магии, по-видимому, не пошла.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ МАГИКО-ТОТЕМИСТИЧЕСКОЙ ОБРЯДНОСТИ И ПРОБЛЕМА ЭВОЛЮЦИИ ТОТЕМИЗМА

1. Находки в Драхеилохе, Петерсхеле и им подобные и проблема их истолкования

Не меньший интерес, чем неандертальские погребения, вызывали и вызывают относящиеся к мустьерской эпохе своеобразные находки, из которых наиболее известны сделанные в пещерах Драхеилох и Петерсхеле. Дадим их краткое описание, следуя работам Б. Л. Богаевского (1931, стр. 40) и П. П. Ефименко (1953, стр. 234—237).

Пещера Драхеилох (Швейцария) состоит из трех камер, из которых две последние содержат культурные напластования. В обеих этих камерах на некотором расстоянии от стены пещеры (40—60 см) были сложены стенки из плиток известняка высотой до 80 см. В образовавшемся промежутке были сложены медвежьи кости, главным образом черепа, частично, целые, частично разбитые, по 3—4 и больше вместе, положенные в определенном порядке. При черепах находились по два первых позвонка, что показывает, что они были положены в свежем состоянии. Вместе с черепами были положены длинные кости конечностей. Перед входом в третью камеру были обнаружены шесть сложенных из плиток известняка прямоугольных ящичков, покрытых сверху каменной плитой. Ящички также оказались заполненными черепами и длинными костями конечностей медведя. И, наконец, в одном месте пещеры был найден полный череп, окруженный небольшими камнями, расположение которых следовало контуру черепа.

В пещере Петерсхеле (ФРГ) в особом нишеобразном углублении в одном из боковых отделений были найдены определенным образом подобранные кости медведя, прикрытые сверху камнями. Рядом с ним в небольших углублениях в стене были размещены медвежьи черепа. В одной из более значительных ниш были най-

дены положенные вместе пять черепов и три кости конечностей.

Вполне понятно, что эти памятники не могли не возбудить к себе интереса и не породить различных попыток дать им объяснение. Можно выделить два основных направления в интерпретации находок в Драхенлохе и Петерсхеле. Сторонники одного из них в той или иной степени склонялись к истолкованию этих находок как проявления ритуального отношения к животным, как проявления культа животных или тотемизма (Богораз-Тан, 1931, стр. 111; Равдоникас, 1939, I, стр. 183—184; Золотарев, 1939а, стр. 134; 1939б; Окладников, 1949, стр. 77—78; 1952б, стр. 167—170; В. Никольский, 1950б, стр. 70—79). Сторонники другого направления истолковывали их чисто рационалистически, видя в них не что иное, как остатки запасов мяса, остатки мясных складов неандертальцев (Богоевский, 1931, стр. 40; Ефименко, 1938, 1953, стр. 237; Арциховский, 1947, стр. 15; Б. Васильев, 1948, стр. 83; Плисецкий, 1952, стр. 148; Зыбковец, 1959, стр. 212; Першиц, 1960, стр. 155 и др.).

Со взглядами сторонников второго направления, на наш взгляд, нельзя согласиться, ибо они находятся в противоречии с фактами. Действительно, поставим вопрос: что клали в ящики Драхенлоха и ниши Петерсхеле: черепа и кости или головы и лапы? Если клали черепа и кости, то не может быть и речи о складе мяса. Однако и другой ответ не спасет сторонников «мясной» теории. К появлению такого огромного скопления остатков медведей, которое было обнаружено в ящиках Драхенлоха и нишах Петерсхеле, не могла привести одна, даже очень удачная охота. Оно могло возникнуть лишь при условии, если мустьерские охотники систематически в течение довольно длительного периода времени пополняли эти «склады», не беря из них ничего обратно. Спрашивается, что же это за странные запасы мяса, которые постоянно пополнялись, но не использовались. Можно, правда, предположить, что охотники брали головы и лапы, съедали мясо, а черепа и кости клали обратно. Но в таком случае возникает вопрос о причине, побуждавшей их складывать в ящики совершенно им бесполезные черепа и кости, и теория «склада мяса» опять оказывается бессильной дать ответ. Наконец, совершенно необъяснимой с позиций «мясной» гипотезы является находка в Драхенлохе медвежьего черепа, окруженного небольшими камнями, расположение которых следовало контуру черепа¹.

¹ Кроме того, как совершенно справедливо указывали А. М. Золотарев (1939б, стр. 111) и А. П. Окладников (1949, стр. 77), с позиций «мясной»

Еще более наглядно выступает неубедительность «рационалистического» объяснения описанных выше находок при сопоставлении их с другими, во всех отношениях с ними сходными. Такие находки были сделаны в пещерах Вильденманнлисloch (Швейцария), Зальцхофен (Австрия), Ключи (Франция) и в Югославии (Hauss, 1963, p. 32). В пещере Ключи, например, было обнаружено пять медвежьих черепов, расположенных по кругу, причем три из них были положены на каменные плиты. В пещере Зальцхофен также было найдено пять медвежьих черепов, но расположенных в нишеобразных углублениях. Каждый из них был помещен на каменную плиту, окружен со всех сторон камнями и прикрыт легким слоем древесного угля. Тут же находились и другие кости медведей. К этой же серии должны быть, по всей вероятности, отнесены и находки, сделанные А. В. Добровольским (1950, стр. 153) в правом кармане пещеры возле села Ильинка в Одесской области.

В этом кармане, помимо 836 медвежьих костей, были обнаружены у передней стенки раскопа плитки известняка, стоящие на ребре. Трудно представить, указывает А. В. Добровольский, чтобы в таком положении плитки могли оказаться естественным путем. Если с находкой стоящих на ребре у стены пещеры плиток известняка сопоставить тот факт, что в этой части раскопа медвежьих костей было значительно больше, чем на остальной площади, где встречались лишь одиночные кости, то все это вместе взятое невольно наводит на предположение, что в Ильинке, как и в Драхенлохе, кости медведей были сложены первоначально в промежутке между стеной пещеры и стенкой из плиток известняка. В передней же части кармана была найдена челюсть медведя, которая стояла зубами вверх на четырех плитках известняка и была уперта верхним концом в свод пещеры. И, наконец, там же был найден череп медведя, обложенный камнями.

Сходные по существу находки, но связанные не с медведем, а с зубром (бизоном), были сделаны в Ильской В. А. Городцовым (1941, стр. 22—23). В этой стоянке на площадке была обнаружена груда камней, расположенная по дуге окружности большого круга. К самому большому камню (45 × 40 см), находившемуся у западного конца груды, был приставлен целый череп зубра, причем так, чтобы один его рог поднимался кверху, а другой опус-

гипотезы совершенно необъяснимо, почему хранились не мясные части туши, как этого требует элементарный здравый смысл и хозяйственная потребность, а малосъедобные и скоропортящиеся медвежьи головы.

кался вниз. Недалеко от него находился второй череп со сбитыми рогами и две нижние челюсти зубра.

Большой интерес представляет находка в пещере Схул, в которой было обнаружено захоронение головы быка, носившее намеренный характер. Об этом говорит то обстоятельство, что ямой, вырытой для погребения головы быка, была уничтожена большая часть скелета Схул IX (Garrod and Bate, 1937, p. 102—103).

К этой же серии находок должна быть отнесена и та, которая была сделана А. П. Окладниковым (1949, стр. 77—79; 1952б, стр. 167—169) в гроте Тешик-Таш. В этой пещере, кроме костей горного козла, им были обнаружены козлиные рога. Уже это обстоятельство само по себе побудило А. П. Окладникова поставить вполне законный вопрос о причинах, побуждавших людей не бросать непригодные в пищу и не использовавшиеся для изготовления орудий козлиные рога, а приносить их в пещеру. Но далее им была обнаружена еще более разительная деталь. Козлиные рога не были разбросаны как попало по всей площади пещеры, а сконцентрированы в одном определенном месте, именно около погребения ребенка. Здесь лежало три пары превосходно сохранившихся рогов, а две пары были представлены обломками. При этом А. П. Окладников обращает внимание на тот факт, что самая крупная и лучше сохранившаяся пара должна была первоначально находиться в совершенно необычном положении, не плашмя, не горизонтально, а вертикально, остриями вниз. Такое сосредоточение рогов козла на небольшой площади, указывает А. П. Окладников, не могло быть делом случая. Рога явно образовывали окружность, внутри которой находилось погребение².

Находки в Зальцфене, Ильинке и особенно в Ключи, Ильской, Схул и Тешик-Таш, обнаруживающие явную аналогию с находками в Драхенлохе и Петерсхеле, никак не поддаются «рационалистическому» объяснению. Все описанные выше находки не могут быть расценены, по нашему мнению, иначе, как имеющие ритуальный характер, как связанные с ритуальным отношением к тому или иному животному. Однако мало установить

² Кроме приведенных выше, имеется еще ряд находок, возможно, относящихся к этой группе, но скудность имеющейся в нашем распоряжении информации не позволяет сделать определенных выводов. Таковы находки в Кударо I, где у входа в центральную камеру пещеры были найдены два симметрично поставленных черепа животных (Любин, Колбутов, 1961, стр. 77—78), в Ля Шапель (Люке, 1930, стр. 27—28; Замятин, 1961а, стр. 36) и, может быть, в Ахштырской пещере (Борисковский, 1957а, стр. 104—105).

этот факт. Необходимо выяснить, в чем состояло проявляющееся в этих памятниках ритуальное отношение к животному. Ответить на этот вопрос можно, лишь вступив на путь поисков к ним этнографических параллелей.

2. Памятники типа Драхеилох и зоофагические праздники

Этнографических параллелей к описанным выше находкам имеется бесчисленное множество. Обзор их начнем с тех, которые являются прямыми параллелями к находкам в Драхеилохе, Петерсхеле и другим, связанным с медведем.

Ритуальная забота о черепе и костях медведя имела самое широкое распространение по всему Северному полушарию. Существование ее отмечено в Европе у древних карелов и финнов, а также у саамов, в Азии — у хантов, манси, ненцев, алтайцев (тубаларов, теленгитов и др.), кетов, тувинцев, эвенков, эвенов, якутов, юкагиров, ульчей, ороков, орочей, удэгейцев, нивхов, нанайцев, пегидальцев, айнов, ительменов, в Америке — у монтанье, наскапи, кри, оджибве, меномини, потаватоми, лиллуэт, шусвап, томпсон, чилкотин, атапасков и многих других индейских племен (Гондатти, 1888, стр. 77; Харузин, 1898, 3, стр. 19, 32; Шренк, 1903, III, стр. 96—97; Пекарский и Цветков, 1911, стр. 350; Пилсудский, 1914, стр. 139; Богораз-Тан, 1926, стр. 75; 1928, стр. 72; Потапов, 1928, стр. 17—21; Зеленин, 1929, стр. 47—50; Золотарев, 1933, стр. 63; 1939а, стр. 134; Штернберг, 1933б, стр. 52, 67, 292, 437, 499, 536; С. Иванов, 1937, стр. 14; Калевала, 1940, стр. 321—322; Б. Васильев, 1948, стр. 93—94; Алексеенко, 1960, стр. 101; Вайнштейн, 1961, стр. 173; Гурвич, 1960, стр. 77; Johnson, 1926, II—III, p. 148; Hallowell, 1926, p. 137—142).

Формы ритуальной заботы о костях медведя были довольно разнообразны. В большинстве случаев череп и кости медведя вешались на ветви деревьев, высокие пни, столбы, шесты и т. п., несколько реже их помещали на специальный помост, складывали в специальный сруб или амбар, еще реже зарывали в землю. Отмечено и сочетание нескольких из указанных выше способов.

Особый интерес для нас представляет способ ритуальной заботы о костях медведя у нивхов района Чоме, описанный А. М. Золотаревым (1933, стр. 63). У них головы всех убитых медведей хранились в особом амбаре (лезанге), расположенном в главном родовом стойбище. В этом амбаре, расположенном в нескольких десятках шагов от стойбища, были сложены завернутые в бересту

медвежьи головы и висели на шнурках медвежьи лапы. Неподалеку от амбара находилось место погребения остальных медвежьих костей.

В данном случае мы наблюдаем прямую и очень близкую аналогию с находками в Драхенлохе. И там и тут существует особое хранилище для голов и лап, рядом с которым находится скопление остальных медвежьих костей. Аналогия настолько полная, что ее невозможно считать случайной. Эта аналогия была подчеркнута А. М. Золотаревым (1939б), указывавшим в своей рецензии на работу П. П. Ефименко «Первобытное общество» (1938), что трудно пройти мимо поразительного сходства всей обстановки находок в Драхенлохе, где были сложены в специальных каменных камерах черепа медведей, с обычаем гиляков и ульчей сохранять после медвежьего праздника череп медведя и шкуры с лап (перчатки).

Находки в Драхенлохе, Петерсхеле и другие им подобные, по нашему мнению, несомненно представляют собой явление, аналогичное имевшей широкое распространение в гораздо более позднее время в Северном полушарии ритуальной заботе о черепе и костях медведя.

У подавляющего большинства перечисленных выше племен и народов ритуальная забота о черепе и костях медведя была не изолированным явлением, а заключительным моментом довольно сложного комплекса обрядов, связанного с охотой на медведя, свежеванием его туши и поеданием его мяса и известного под названием медвежьего праздника. Не вдаваясь в описание медвежьего праздника, которое можно найти в работах Н. А. Гондатти (1888), Н. Н. Харузина (1898), А. Шренка (1899, II; 1903, III), Б. Пилсудского (1914), Л. Я. Штернберга (1933б), А. М. Золотарева, (1939а), Б. А. Васильева (1948), А. Ф. Анисимова (1958а), Е. А. Алексеенко (1960), А. Холуэлла (Hallowell, 1926), отметим, что он устраивался после удачной охоты на медведя, а у некоторых народов также и по случаю церемониального убийства специально выращенного зверя (так называемый медвежий праздник айнского типа), и носил характер коллективного пиршества. Центральным объектом праздника была голова медведя, которую обычно в течение определенного времени не отделяли от шкуры. Голову медведя клали на почетное место, причем так, чтобы она оказывалась лежащей между передними лапами. Весь праздник протекал перед медвежьей головой, являвшейся центром всех совершаемых на нем обрядов. После окончания праздника осуществлялась описанная выше забота о черепе и костях медведя.

Медвежий праздник существовал в Европе у древних карелов и финнов, саамов, в Азии — у хантов, манси, кетов, эвенков, юкагиров, ульчей, орочей, нивхов, нанайцев, негидальцев, айнов, коряков, чукчей, в Америке — у алгонкинов, в частности у монтанье, наскапи, оджибве, кри, пенобскот, майями, а также у нутка, квакиютль и тлинкитов (Гондатти, 1888; Харузин, 1898; Шренк, 1899, II; 1903; III; Пилсудский, 1914; Фрезер, 1928, IV, стр. 53; Богораз-Тан, 1928, стр. 72—73; Золотарев, 1934, стр. 26, 44; Штернберг, 1933б, стр. 26, 51—111, 424, 499, 536; Калевала, 1940, стр. 316—318; Б. Васильев, 1948; Анисимов, 1958а, стр. 110; Алексеенко, 1960; Гурвич, 1960, стр. 78; Joschelson, 1905, I, p. 88—89; Hallowell, 1926, p. 60—75, 99—100).

Отсутствие медвежьих праздников у некоторых народов, у которых имелась ритуальная забота о костях медведя, и отсутствие такой заботы у некоторых племен из числа тех, у которых отмечено существование медвежьего праздника, не может послужить основанием для отрицания наличия глубокой внутренней связи между медвежьим праздником и ритуальной заботой о черепе и костях этого животного³, ибо это представляет собой явление позднейшее. Об этом свидетельствует тот факт, что почти у всех племен и народов, у которых отсутствовал медвежий праздник, но имелась обрядовая забота о черепе и костях медведя, отмечено существование либо прямых пережитков медвежьего праздника, либо разнообразных обрядов, связанных с медведем. Существование такого рода пережитков отмечено, в частности, у алтайцев, тувинцев, якутов, долган, меномини и многих других алгонкинов, ассинибойн (Харузин, 1898, 4 стр. 5; Потапов, 1928, стр. 17—21; Попов, 1937, стр. 202; Вайнштейн, 1961, стр. 172; Hallowell, 1926, p. 72, 77). О позднем характере медвежьих праздников тлинкитов, квакиютль и нутка, у которых не отмечено (а может быть, просто не замечено) ритуальной заботы о костях медведя, говорит та их особенность, что они справляются не после каждой удачной охоты, а лишь после первой в сезоне (Hallowell, 1926, p. 74—75).

³ К этому нужно добавить, что такое несоответствие не всегда существует в действительности. Иногда оно — результат отсутствия информации или недостаточной точности ее. Установить существование или отсутствие того или иного обряда у какого-либо племени или народности — дело далеко не простое. Об этом свидетельствуют многочисленные разногласия между исследователями, в том числе и по вопросу о бытовании медвежьего праздника у той или иной народности, в частности у кетов (В. Анучин, 1906, но Алексеенко, 1960).

Все это вместе взятое дает, на наш взгляд, достаточно оснований полагать, что ритуальная забота о черепе и костях медведя в своей первоначальной форме была неразрывно связана с праздником, из которого возник современный медвежий праздник.

Существование одной ритуальной заботы о черепе и костях медведя без соответствующего праздника, а также существование медвежьего праздника без обрядовой заботы об останках медведя представляет собой результат разложения единого медвежьего культа, имевшего когда-то необычайно широкое распространение⁴.

Медведь не представляет единственного вида животных, о черепе и костях которого проявлялась обрядовая забота. Ритуальная забота о черепе и костях животных, причем самых разнообразных, имела в прошлом универсальное распространение. Не представляют собой исключительного явления и медвежьи праздники. Они являются одной из разновидностей имевших широкое распространение праздников, центральным моментом которых являлось обрядовое коллективное поедание того или иного животного. В этнографической литературе отсутствует общее название для праздников типа медвежьих, что затрудняет изложение проблемы. Мы будем в дальнейшем именовать их зоофагическими праздниками (от греческого «зоо» — животное, «фагос» — поедать, пожирать).

Большое число самых разнообразных зоофагических праздников существовало у народов Северной Азии. У чукчей, коряков, ительменов, азиатских эскимосов наряду с медвежьими праздниками существовали праздники диких оленьих быков, лося, кита, волка, тюленя, моржа, россомахи, белого дельфина (J o s h e l s o n, 1905, I, p. 66—77, 89; Б о г о р а з - Т а н, 1928, стр. 73; Ш т е р н б е р г, 1936, стр. 403; К у з н е ц о в а, 1957, стр. 289—293), у эвенков — праздника оленя и лося (Окладников, 1950а, I—II, стр. 286; А н и с и м о в, 1958а, стр. 132), у хантов — волчьих празд-

⁴ В дополнение к приведенным выше данным можно указать, что в той или иной форме медвежий культ существовал в античной Греции, Фракии, Малой Азии, Тавриде, Галлии (К а г а р о в, 1913, стр. 231—232; Б. В а с и л ь е в, 1948, стр. 78; Ш т а е р м а н, 1961, стр. 193; R u n e b e r g, 1947, p. 62—63), а также в Скандинавии, у восточных славян и неславянских народов Поволжья (Ш т е р н б е р г, 1936, стр. 390; Н. В о р о н и н, 1941, стр. 170 сл.; «История культуры древней Руси», 1951, II, стр. 63—64; Н. Н и к о л ь с к и й, 1956, стр. 98—192). Имеются основания полагать, что у восточных славян еще в XI в. существовал медвежий праздник (Н. В о р о н и н, 1941, стр. 175—176). У белорусов еще в XIX в. бытовали празднества, которые нельзя рассматривать иначе, как отдаленные пережитки настоящих медвежьих праздников (Н. Н и к о л ь с к и й, 1956, стр. 101—103).

ники (Белявский, 1833, стр. 99), у айнов — праздники лисы, енота, филина, орла, ястреба (Б. Васильев, 1948, стр. 92). Все эти праздники, как правило, включали в качестве своего момента ту или иную форму ритуальной заботы о костях животных, причем опять-таки главным объектом этой заботы были головы и конечности.

У эвенков, например, забота о черепе и конечностях оленя и лося ничем по существу не отличалась от заботы о черепе и конечностях медведя (Пекарский и Цветков, 1911, стр. 349; Васплевич, 1930, стр. 64; Анисимов, 1958а, стр. 132).

Ритуальную заботу, нередко полностью сходную с той, которая проявлялась о черепе и костях медведя, мы находим также у хантов по отношению к олепу, собаке и белухе (Шренк, 1899, II, стр. 236; Зеленин, 1936, стр. 164), у ненцев — к осетру и другим рыбам (Долгих, 1961б, стр. 62—63), у киргизов — к овце, лошади (Зелепин, 1929, стр. 48—50), у якутов — к оленю, быку, лошади (Серошевский, 1896, I, стр. 658), у юкагиров — к лосю и оленю («Религиозные верования народов СССР», 1931, I, стр. 61), у коряков — к собаке, оленю (Крашенинников, 1949, стр. 735), у эвенов — к оленю (Гурвич, 1960, стр. 77), у нивхов — к тигру, касатке, нерпе, белухе (Шренк, 1899, II, стр. 236; Штернберг, 1933б, стр. 54), у ороков — к нерпе, у айнов и орочей — к касатке, у нанайцев — к тигру (Золотарев, 1934, стр. 21, 24, 32). У целого ряда из перечисленных выше народов ритуальная забота о костях животных дополнялась целым рядом обрядов, аналогичных совершаемым во время медвежьих праздников (нивхи, орочи). Что же касается ороков, то у них существовал праздник нерпы, аналогичный медвежьему (Золотарев, 1934, стр. 14—16, 22 и др.).

По сообщению Б. О. Долгих, у долганов вплоть до самого последнего времени бытовал обычай помещать черепа оленей с рогами на крыши избышек. У нганасан и энцев черепами оленей с рогами украшались санки охотников. Согласно преданиям энцев, в прошлом оленьи черепа с рогами в огромном количестве хранились рядом с жилищами охотников⁵. Все эти обычаи вряд ли можно истолковать иначе, как пережитки ритуальной заботы о черепах оленей.

Интересно отметить, что в отношении к таким животным, как лось и олень, предметом ритуальной заботы в некоторых случаях являлись не столько череп и кости, сколько рога, а иногда и ис-

⁵ Все эти сведения были любезно предоставлены в мое распоряжение Б. О. Долгих, которому пользуюсь случаем выразить свою признательность.

ключительно лишь рога. Существование ритуального отношения к рогам оленей и лосей отмечено у чукчей и эвенков (Богораз-Тан, 1939, II, стр. 71—72, 80 и др.; Окладников, 1950а, I—II, стр. 284; Кузнецова, 1957, стр. 300, 325). Прямой аналогией с находкой в Тешик-Таш является ритуальное отношение к козлиным рогам в некоторых районах Узбекистана (Окладников, 1949, стр. 78—79).

Существование ритуальной заботы о костях самых разнообразных животных отмечено у сванов (Зеленин, 1929, стр. 50; Чурсин, 1957, стр. 83), даяков Калимантана (Roth Ling, 1892, p. 46), о головах медведей, тигров и пантер у нага, качинов, ва Юго-Восточной Азии (Б. Васильев, 1948, стр. 98; Goddop, 1896, p. 181), о челюстях диких кабанов и оленей у тораджа Сулавеси (Фрезер, 1928, IV, стр. 57; Леви-Брюль, 1937, стр. 99), о костях морских черепахах у рыбаков о. Ямдена (Фрезер, 1928, IV, стр. 57), о челюстях свиней, черепахах, различных животных и рыб у папуасов берега Маклая, туземцев о-вов Адмиралтейства, Банкс, Соломоновых, Новых Гебрид, Торресова пролива (Миклухо-Маклай, 1950, II, стр. 276, 425; 1951, III, ч. I, стр. 73, 118; Codrington, 1891, p. 101; Somerville, 1897, p. 367).

У племен Центральной Африки отмечено существование обычая ритуального погребения убитых леопардов, львов и пантер. Л. Фробениус, давший описание этого обычая, и вслед за ним В. Г. Богораз-Тан рассматривают его как явление того же порядка, что и медвежий культ у народов Северной Азии и Северной Америки (Богораз-Тан, 1936, стр. 47). Соблюдение особого ритуала по отношению к черепу убитого буйвола отмечено у багешу, по отношению к костям лося у бушменов (Фрезер, 1928, IV, стр. 54; Элленберг, 1956, стр. 160).

У некоторых племен Юго-Восточной Азии и Африки наблюдалось не просто обрядовое отношение к тому или иному убитому животному, не просто воздавание ему почестей, но настоящие праздники, аналогичные медвежьим. Таковы, например, слоновьи праздники у баила в Африке и у некоторых племен Камбоджи (Фрезер, 1928, IV, стр. 56; Леви-Брюль, 1937, стр. 96—97).

Ритуальную заботу о черепахах и костях бизонов, бобров, лосей, оленей, куниц, собак, костных остатках рыб находим мы у индейцев Северной Америки (Фрезер, 1928, IV, стр. 57—60; Леви-Брюль, 1937, стр. 103; Tout, 1905, p. 152—153). Нередко эта забота выступает как момент зоофагических праздников (Харузин, 1898, 3, стр. 30; Tout, 1905, p. 152—153). Имеются данные

о существовании ритуальной заботы о черепе и костях животных и у индейцев Центральной и Южной Америки (Фрезер, 1928, IV, стр. 55—56; Штернберг, 1936, стр. 405; Леви-Брюль, 1937, стр. 103), а также в Австралии (Штернберг, 1936, стр. 405).

Пережитки ритуальной заботы о черепе и костях животных отмечены также у целого ряда народов Европы, в частности у русских, белорусов, украинцев, мордвы, марн, чувашей, черкесов, голландцев, немцев (Афанасьев, 1865, I, стр. 636—640; Богатырев, 1916, стр. 77; Богданов, 1916, стр. 103, 107; «Религиозные верования народов СССР», 1931, II, стр. 42, 181, 253; Зеленин, 1937а, стр. 25—29).

Необычайно широкое распространение почти по всему Старому Свету имел культ быка (коровы). В той или иной форме он существовал в древности в Египте, Двуречье, на Крите, в Палестине, в Греции, Риме, Грузии, у восточных славян (Шантепиде-ля Соссеи, 1899, I, стр. 115—137, 184, 200; Кагаров, 1913, стр. 247—258; Толстой, 1936; Б. Васильев, 1948, стр. 98; «История культуры древней Руси», 1951, II, стр. 63—65; Матъе, 1956, стр. 16 сл.; Бардавелидзе, 1957, стр. 188—203, 258—260 и др.). В недалеком прошлом существование его было отмечено в Индонезии, на Филиппинах, в Индо-Китае, Индии, в Сибири, на Кавказе («Религиозные верования народов СССР», 1931, I, стр. 146; Б. Васильев, 1948, стр. 98; Бардавелидзе, 1957, стр. 188—203, 258—260). Почти у всех этих народов культ быка (коровы) был связан не с охотой, а с земледелием. И тем не менее через все позднейшие наслоения в нем просвечивают древнейшие, связанные с охотой, черты. В культе быка мы встречаемся с явлениями, поразительно сходными с теми, что наблюдаются в медвежьем культе. Так, например, у народов Индо-Китая было отмечено существование ритуальной заботы о черепе приносимого в жертву быка, почти не отличимой от ритуальной заботы о черепе медведя у народов Северной Азии (Б. Васильев, 1948, стр. 98).

Глубокое сходство с медвежьим праздником обнаруживают афинские буффонии, во время которых совершалось убиение и торжественное обрядовое поедание быка. И. И. Толстой (1936), посвятивший этому древнегреческому празднику специальное исследование, на основе детального анализа его особенностей пришел к выводу, что «сам по себе аттический обряд буффоний безусловно восходит в своей сакральной основе к обрядам типа сибирских медвежьих праздников» (стр. 264). К сходному взгляду как в отношении афинских буффоний, так и аналогичного праздне-

ства в г. Магнесии на Меандре пришел Л. Я. Штернберг (1936, стр. 418—420).

С афинскими буффониями не связано сохранение черепа и костей убитого быка. Однако ритуальная забота о животном во время их имела место, проявляясь в набивании шкуры быка сеном и изготовлении чучела. Подобная форма ритуальной заботы о животном не представляет исключительного явления. Набивание сеном или травой шкур медведей было отмечено у хантов и коряков, у которых существовали медвежьи праздники (Белявский, 1833, стр. 99; «Религиозные верования народов СССР», 1931, I, стр. 54, 206; Jochelson, 1905, I, p. 88—89). Набивали сеном шкуру жертвенного животного и монголы (Фрезер, 1928, IV, стр. 60).

Праздники, сущность которых состояла в обрядовом убийстве и поедании быка, вплоть до самого последнего времени существовали у сванов (Бардавелидзе, 1957, стр. 199 сл.). Пережитки зоофагических праздников были отмечены кое-где в России, Франции и Англии в XIX и даже XX вв. (Снегирев, 1837, IV, стр. 64—65; Афанасьев, 1868, II, стр. 255—256; Виллер, 1884, стр. 41; Минх, 1892, стр. 117—120; С. Максимов, 1903, стр. 453—454; Дуйсбург, 1933, стр. 89—90, 95—98; Зеленин, 1934, стр. 10; Сохhead, 1952, стр. 22—26), причем иногда пережитки подобного рода праздников сочетались с пережитками ритуального отношения к головам убиваемых животных (Зеленин, 1914, I, стр. 257—258).

Приведенные выше данные, по нашему мнению, дают достаточное основание для вывода, что ритуальная забота о черепе и костях по крайней мере части животных в своей исходной форме была неразрывно связана с соответствующими зоофагическими праздниками, возникла первоначально как момент этих праздников⁶. Несомненным можно считать, что с зоофагическими праздниками была связана в своей исходной форме не только забота о черепе и костях медведя, но и ритуальная забота о черепе и костях таких, например, животных, как бык (зубр, бизон, тур), олень, лось, лошадь, козел, свинья (кабан, вепрь)⁷, волк и некоторых других.

⁶ Вряд ли было бы правильным утверждать, что обрядовая забота о черепе и костях всех животных была связана с зоофагическими праздниками, ибо не исключена возможность, что ритуальная забота о черепе и костях некоторых животных возникла по аналогии с заботой о черепе и костях животных, являвшихся объектами зоофагических праздников.

⁷ Существование культов коня, свиньи и козла или их пережитков отмечено у многих народов (Терещенко, 1848, VII, стр. 3—4; Афанасьев, 1869, III, стр. 13 сл.; Катаров, 1918, стр. 41—45; Евреинов,

Все это вместе взятое даст основание для предположения, что находки в Драхенлохе, Петерсхеле, Вильденманнлихле, Зальцофене, Клюни, Ильинке, Ильской, Схул, Ля Шапелль, Тешик-Таш были связаны с какими-то первобытными праздниками, являвшимися исходной формой зоофагических праздников указанных выше народов и племен, причем первые шесть находок связаны с праздниками, являвшимися предшественниками медвежьих, следующие два (Ильская, Схул) — с празднествами, являвшимися далекими предшественниками описанных выше бычьих праздников, а последняя (Тешик-Таш) — с козлинным праздником. К сходным выводам относительно находок в Драхенлохе и Петерсхеле пришел целый ряд исследователей. В. Г. Богораз-Тан (1931, стр. 111), например, прямо утверждал, что эти находки говорят о существовании в мустье праздников, аналогичных чукотскому празднику моржовых голов. На существование генетической связи между медвежьим праздником народов Сибири и находками в Драхенлохе и Петерсхеле неоднократно указывал А. М. Золотарев (1939а, стр. 134; 1939б). А. П. Окладников (1949, стр. 77) видел в этих находках отражение тех идей, которые в Сибири и Северной Америке нашли свое развитие в сложной обрядности медвежьего праздника.

В пользу предположения о существовании теснейшей связи между памятниками типа Драхенлох и обрядами, аналогичными тем, которые имели место во время медвежьих и других зоофагических праздников, говорят данные археологии, относящиеся к верхнему палеолиту.

В позднепалеолитических стоянках сделано немало находок, ничем по существу не отличающихся от находок в Схул, Ильской, Ильинке и в то же время свидетельствующих о существовании в эту эпоху ритуальной заботы о черепе и костях животных, во всех деталях иногда сходной с той, которая отмечена у народов Сибири и в других районах земного шара. «Неоднократно отмечалось,— пишет П. П. Ефименко (1953, стр. 408—409),— особенно при раскопках позднепалеолитических поселений в СССР, где исследование палеолитических памятников поставлено несравненно лучше в смысле тщательности наблюдений, чем в Западной Европе,— что кости некоторых животных (мамонта, овцебыка, северного оленя, песца, пещерного льва и др.) часто занимают особое положение в обстановке палеолитических стоянок. В ряде

1924; Штернберг, 1936, стр. 396; Окладников, 1950а, I—II, стр. 400; «История культуры древней Руси», 1951, I, стр. 63 сл.; Боннар, 1958, I, стр. 178—179; Горюнова, 1961, стр. 138—144; Ghulam, 1905, р. 96 и др.).

известных нам случаев эти животные, с другой стороны, бывают представлены не обычными частями скелета — черепами, лапами, хвостами. Такие факты известны, например, в отношении Костенок I, где был обнаружен целый череп мускусного овцебыка — единственное, чем было представлено здесь это животное, — причем этот череп оказался лежащим поверх груды мамонтовых костей внутри одной из землянок, в таком положении, которое заставляет думать, что первоначально он должен был помещаться на кровле жилья». Такая же находка была сделана в Авдееве (стр. 409). В стоянке Елисеевичи рядом с остатками землянки было обнаружено нагромождение черепов мамонта (стр. 409), в Александровке (Костенки IV) в одном из жилищ были найдены два черепа пещерного льва (стр. 485), в Павиленде (Уэльс) рядом с погребением человека в особой яме был найден целый череп мамонта (стр. 410).

Сущность этих находок помогает выявить известное изображение на относящейся к мадлену пластинке, обнаруженной в пещере Раймонден (Шанселад). На этой пластинке видны силуэты человеческих фигур, стоящих по сторонам почти съеденной туши зубра. От последнего сохранились позвончик, характерная голова с горбатым носом и бородой и вытянутые передние ноги (Ефименко, 1953, стр. 523—524). Как указывает П. П. Ефименко (стр. 523), в позе, приданной зубру, нельзя не видеть поразительного сходства с положением, которое придавалось медведю во время соответствующих праздников у народов Сибири. Как изображение торжества, представляющего собой один из вариантов праздников, которые справлялись народами Северной Азии по случаю удачной охоты на медведей, оленей, моржей, рассматривает этот рисунок и В. Г. Богораз-Тан (1936, стр. 33).

Тот факт, что в верхнем палеолите ритуальная забота о черепе и костях животных была теснейшим образом связана с зоофагическими праздниками, свидетельствует в пользу положения о существовании такой связи и в мустьерскую эпоху.

3. Зоофагические праздники и тотемизм

Одной из важнейших проблем, касающихся зоофагических праздников вообще, медвежьих прежде всего, был и во многом остается вопрос об их связи с тотемизмом. Это факт, что почти у всех народов, у которых отмечено бытование медвежьих праздников, последние не были тотемистическими. У части этих народов тотемизм в полном смысле слова вообще отсутствовал, у них были зафиксированы лишь следы его существования в прошлом. У той же

части народов, у которых тотемизм существовал, медвежий праздник справлялся членами всех родов независимо от того, какое животное было их тотемом.

На этом основании некоторые исследователи, в частности В. Петров (1934, стр. 147), отрицали какую бы то ни было связь медвежьих праздников с тотемизмом. Однако подавляющее большинство ученых придерживалось мнения, что медвежий праздник в прошлом носил тотемистический характер. Такую точку зрения отстаивали Н. Н. Харузин (1898), В. Г. Богораз-Тан (1926, стр. 67—69; 1928, стр. 71—72; 1931, стр. 108), Л. П. Потапов (1928, стр. 15—18), Л. Я. Штернберг (1936, стр. 71—72), А. М. Золотарев (1934, стр. 16 сл.; 1939а, стр. 129—133), С. В. Иванов (1937, стр. 7—15), А. П. Окладников (1950б, стр. 7—14), А. Ф. Анисимов (1958а, стр. 112—113, 119).

В качестве доказательства былого тотемистического характера медвежьего праздника названными исследователями указывалось на его отчетливо родовой характер, на бытование среди народностей, справлявших этот праздник, взгляда на медведя как на родственника, на широкое распространение среди этих народов легенд о существовании в прошлом половых связей между людьми и медведями, о превращении людей в медведей и обратно, а кое-где и преданий о происхождении тех или иных родов от медведя, наконец, на то обстоятельство, что у некоторых из этих народов медведь вплоть до последнего времени был одним из родовых тотемов. Целый ряд исследователей обращали внимание и на такой факт, что в мифологии некоторых народов, у которых существовал медвежий праздник, медведь выступает как культурный герой, как цивилизатор (Х а р у з и н, 1898, 4, стр. 6—9; А н и с и м о в, 1958а, стр. 129).

Все эти данные имеют не одинаковую ценность для решения вопроса о том, был ли медвежий праздник в своей исходной форме тотемистическим, но взятые вместе они дают определенное основание для того, чтобы дать на него положительный ответ. Однако против подобного решения вопроса о первоначальной природе медвежьего праздника может быть выдвинуто такое возражение, как резкое его отличие от такого несомненно тотемистического праздника, каким является интичиума австралийцев.

Действительно, на первый взгляд, кажется, что медвежий праздник представляет собой полную противоположность интичиуме: первый есть комплекс обрядов, связанных с убиванием и поеданием животного, вторая — представляет собой магическую церемонию, имеющую целью умножение животных или растений, принадлежащих к тотемному виду. Но эта противополож-

ность является во многом кажущейся. Анализ медвежьего праздника и интичиумы раскрывает первоначальную общность их природы.

Интичума несомненно представляет собой магическую церемонию умножения тотемного животного или растения. Но, кроме этого господствующего момента, она включает в себя, как уже указывалось, и другой — обрядовое поедание тотемного животного или растения. Медвежий праздник, как и другие зоофагические праздники, несомненно представляет собой комплекс обрядов, связанных с убийством и поеданием животного. Но, кроме этого выступающего на первый план момента, он включает в себя и другой — ритуальную, магическую заботу о сохранении данного вида животных.

С медвежьими праздниками связана вера в воскрешение, возрождение, «обратное возвращение» убитого зверя. Часть обрядов, совершаемых во время медвежьего праздника, имеет своей целью обеспечить возрождение убитого животного и его «обратное возвращение». На это обстоятельство указывали Н. Н. Харузин (1898, 3, стр. 28—29), Дж. Фрезер (1928, IV, стр. 48), В. Г. Богораз-Тан (1926, 1931, 1936), А. Ф. Анисимов (1958а, стр. 132). Подобные же верования и обряды связаны и с другими зоофагическими праздниками, в частности и с афинскими буффониями (Кагаров, 1913, стр. 255; Толстой, 1936, стр. 257).

Подробно этот момент зоофагических праздников рассмотрен в работах В. Г. Богораз-Тана (1926, 1928, 1931, 1936), поставившего эти праздники в генетическую связь с культом умирающего и воскресающего бога. Самую сущность зоофагических праздников В. Г. Богораз-Тан видел не в убийствии и поедании животных, а в стремлении обеспечить возрождение животных, обеспечить существование и процветание данного вида и соответственно называл их праздниками воскрешения зверей. С такой точкой зрения вряд ли можно согласиться, но вместе с тем нельзя не признать значительной роли момента магического обеспечения существования вида животных в обрядности зоофагических праздников вообще, медвежьего в частности.

К числу обрядов, имеющих целью обеспечить возрождение, телесное воскрешение убитого зверя, почти все исследователи прежде всего относят ритуальную заботу о черепе и костях, и не без основания. Существование веры в то, что сохранение черепа и костей убитого животного обеспечивает его телесное воскрешение, оживление, было отмечено у многих племен и народов (Jochelson, 1926, II—III, p. 148; Фрезер, 1928, IV, стр. 60; Зеленин, 1936, стр. 76, 167; 1937а, стр. 28; Н. Ворониц, 1941,

стр. 169; Б. Васильев, 1948, стр. 94; Чурсин, 1957, стр. 82; Вайлштейн, 1961, стр. 173).

Зафиксирован и целый ряд других обрядов, имеющих своей целью обеспечить воскрешение убитого зверя (Пилсудский, 1914; Штернберг, 1933б; В. Петров, 1934). Все они имеют явно позднее происхождение, о чем говорит их теснейшая связь с верой в души зверей, духов, хозяев тайги и т. п.

Но ритуальной заботой о черепе и костях животного и упомянутыми выше обрядами явно позднего происхождения имеющее место во время зоофагических праздников магическое обеспечение существования вида животных не исчерпывается. Материалы свидетельствуют о существовании еще одной группы обрядов, имеющих целью обеспечение сохранения данного вида, причем обрядов явно архаического происхождения.

Один из самых интересных обрядов, принадлежащих к этой группе, был зафиксирован у эвенков, живших в районе Хантайского озера⁸. У них после того, как медведь был съеден, его череп и кости скелета в анатомическом порядке привязывались к палке, причем череп укреплялся на ее верхнем конце. Затем все взрослые мужчины, по очереди «боролись» с «медведем» и, «повалив» его на землю, имитировали половой акт⁹. Сходный обряд существовал у долган, но у них половой акт имитировался не со скелетом медведя, а с тушей только что убитого зверя (Попов, 1937, стр. 202). Обряды фаллического типа по отношению к медведю бытовали также у шорцев (Б. Васильев, 1948, стр. 87). У коряков на праздниках кита и белухи женщины во время плясок совершали сексуальные движения, делая вид, что они отдаются зверю (Штернберг, 1936, стр. 403). Сходные моменты существовали в обрядности зоофагических праздников и других народов Северо-Восточной Азии (Богораз-Тан, 1928, стр. 75).

С этими фактами можно сопоставить употребление деревянных фаллусов во время танцев на медвежьих праздниках обских утров, исполнение на них сценок явно эротического характера (Гондатти, 1888, стр. 80; Харузина, 1927, I, стр. 84; Б. Васильев, 1948, стр. 87), распевание песен весьма нескромного содержания на медвежьих праздниках нивхов (Штернберг, 1933б, стр. 66), определенная разнузданность отношений

⁸ Все данные об этом обряде были сообщены мне Б. О. Долгих.

⁹ В связи с этим интересно отметить, что обычай собирать скелет медведя бытовал у целого ряда народов Сибири, в частности у юкагиров, эвенков и ороков (Зеленин, 1929, стр. 48—50). Не исключена возможность, что и у них в прошлом существовал подобного же рода обычай.

между полами во время аналогичных праздников у айнов (Плсудский, 1914, стр. 130—133), а также отмеченное у нивхов, удгейцев, ороков, орочей, айнов, кетов особое ритуальное отношение к половым органам медведя (Плсудский, 1914, стр. 152; Штернберг, 1933б, стр. 229; 1936, стр. 211; С. Иванов, 1937, стр. 8, 17; Б. Васильев, 1948, стр. 87; Алексеенко, 1960, стр. 99).

Б. А. Васильев (1948, стр. 87—88), сопоставив употребление деревянных фаллусов во время танцев на медвежьем празднике обских угров с употреблением аналогичных предметов во время весеннего праздника индейцев дакота, преследующего цель способствовать размножению бизонов, пришел к выводу, что и в данном случае мы имеем дело с обрядами магического размножения животных. С этим выводом нельзя не согласиться. Как уже указывалось в главе X, половые акты, их имитирование, различного рода намеки на них и т. п. в прошлом у всех народов рассматривались как действия, магическим образом способствующие размножению животных и плодородию почвы.

Таким образом, в ритуале медвежьего и других зоофагических праздников можно отметить существование, наряду с обрядами магического воскрешения зверей, обрядов магического размножения животных. Последние обряды сохранились лишь в качестве пережитков и с ними, как правило, не было связано никаких верований, что, на наш взгляд, говорит об их глубочайшей архаичности. Все это дает основания полагать, что первоначально с зоофагическими праздниками вообще, медвежьими в частности, была связана не идея магического воскрешения убитых животных, а идея создания их изобилия путем магического способствования их размножению.

В своей ранней форме зоофагический праздник вообще, медвежий в частности, включал в себя два таких основных момента, как ритуальное поедание убитого зверя и магическое обеспечение размножения данного вида животного, т. е. те же самые моменты, что интичума австралийцев. Все это свидетельствует о том, что зоофагический праздник и интичума имеют одну общую основу, что они возникли из одного корня. Так как интичума является церемонией несомненно тотемистической, то отсюда следует, что и зоофагические праздники в своей исходной форме носили тотемистический характер, были праздниками тотемистическими.

Кроме приведенных выше, имеются и другие данные, свидетельствующие о тотемистическом характере зоофагических праздников вообще, медвежьих в частности. Так, например, многие

исследователи обращали внимание на такой факт, что на медвежьем празднике обских угров большое место занимали пляски, представляющие собой повествования из жизни медведя. Пляшущие старались подражать движению изображаемого животного (Гондатти, 1888, стр. 76—77; Харузин, 1898, 3, стр. 22—23; Зеленин, 1936, стр. 241; Б. Васильев, 1948, стр. 83). Подражание телодвижениям медведя отмечено и на празднике кетов (Алексеевко, 1960, стр. 100). По сообщению В. Г. Богораза-Тана (1939, II, стр. 81—83), на волчьих праздниках чукчей и коряков один из мужчин одевал на себя шкуру волка и совершал в ней благодарственный обряд, сопровождаемый пением и пляской. Во время этого обряда исполнитель время от времени выл, подражая волку. Во время медвежьего праздника надевалась шкура медведя.

Все эти факты, по нашему мнению, вряд ли можно истолковать иначе, как пережитки тотемистических танцев. Пляски — повествования из жизни медведя, исполнявшиеся на празднике обских угров, находят свою полную аналогию в инсценировках мифов о тотемистических предках, совершаемых на праздниках австралийцев. Интересно заметить, что участники представлений на медвежьих праздниках обских угров всегда одевали маски самого разнообразного характера и изменяли свой костюм (Гондатти, 1888, стр. 76—77). Человек, подражавший движениям медведя на соответствующем празднике кетов, приставлял себе к лицу «мордочку» (подсушенную кожу, снятую с лобно-носовой части и губ) медведя (Алексеевко, 1960, стр. 100). В данных случаях мы несомненно имеем дело с пережитками ряжения под тотемное животное, характерного для тотемистических танцев и инсценировок тотемистических мифов.

Все изложенные данные достаточно убедительно свидетельствуют о том, что зоофагические праздники вообще, медвежий в частности, в своей исходной, первоначальной форме носили тотемистический характер, были тотемистическими.

4. Возникновение тотемистической обрядности

Таким образом, нами установлено, во-первых, что находки в Драхенлохе, Петерсхеле, Вильденманнлислохе, Ключи, Зальцдорфене, Ильинке, Ильской, Схул и Тепик-Тап связаны с праздниками, являвшимися предшественниками зоофагических праздников современности, во-вторых, что зоофагические праздники в своей исходной форме носили тотемистический характер. Из этого следует вывод, что объектом ритуальной заботы в перечисленных

выше стоянках было тотемное животное, что памятники типа Драхенлох являются в своей сущности тотемистическими.

Этот вывод находит свое полное подтверждение в одной важной особенности находок в Драхенлохе, Петерсхеле, Вильденманнислохе, Ильинке, Ильской, Схул, Тешик-Таш. Эта особенность заключается в том, что в каждой из перечисленных выше стоянок объектом ритуальной заботы являлись череп и кости животных одного лишь вида, причем во всех без исключения случаях животных того вида, остатки которого преобладали в данной стоянке. Иначе говоря, во всех без исключения случаях объектом ритуальной заботы были черепа и кости животных лишь того вида, который являлся главным и основным объектом охотничьей деятельности обитателей данной стоянки. Эта особенность перечисленных выше находок получает свое полное объяснение, если принять во внимание, что тотемизм в своей первоначальной форме был органически связан со специализацией охотничьей деятельности, что при его зарождении тотемом становилось животное, являвшееся главным объектом охотничьей деятельности членов человеческого коллектива.

Вывод о тотемистическом характере перечисленных выше находок находит свое полное подтверждение и в их датировке. Драхенлох большинство исследователей единодушно относит к числу стоянок типа нижнего горизонта Ля Микок (Бонч-Осмоловский, 1928, стр. 52; Ефименко, 1934а, стр. 108; Борисковский, 1935, 1—2, стр. 17, 38; Маскурду, 1924, I, p. 141). Остальные памятники относятся к позднему или финальному мустье (см.: Пидопличко, 1949; Замятнин, 1950; Ефименко, 1953, а также главы VII и VIII настоящей работы).

Таким образом, появление первых памятников данного типа относится именно к той эпохе, которую имеются достаточные основания рассматривать как период возникновения и расширения сферы половых и пищевых табу, как время осознания единства человеческого коллектива, которое могло произойти лишь в форме тотемизма.

Именно в том факте, что осознание единства первобытного стада произошло в иллюзорной тотемистической форме, и следует искать ключ к разгадке находок в Драхенлохе, Петерсхеле и им подобным.

Сущность тотемистической формы осознания единства человеческого коллектива, как уже указывалось, состояла в том, что это единство было осознано людьми как общность всех членов коллектива и всех животных тотемного вида. Каждый член коллектива рассматривался как животное тотемного вида, а каждое

животное тотемного вида — как член человеческого коллектива. С появлением тотемизма и тем самым взгляда на животных вида, ставшего тотемом, как на членов данного первобытного стада, на них должно было распространяться действие всех правил, регулирующих отношения между членами коллектива, и прежде всего норм, предписывающих воздержание от каннибализма и заботу о каждом члене коллектива.

Отказываться от соблюдения этих норм в отношении к животным тотемного вида пралюди не могли, ибо это угрожало подрывом единства человеческого коллектива. Прямой отказ от соблюдения норм, регулирующих отношения реальных членов первобытного стада, по отношению к иллюзорным его членам, какими были животные тотемного вида, открывал возможность отказа от соблюдения этих норм и в отношении к действительным членам коллектива. И в то же время пралюди не могли прекратить охоту на животных тотемного вида, ибо последняя была главным источником их существования. Формирующиеся люди не могли ни руководствоваться в отношении к тотемным животным нормами, регулирующими отношения внутри коллектива, ни отказаться от соблюдения этих норм в отношении к животным тотемного вида.

Единственным выходом из этого противоречия было возникновение символического отказа от поедания тотемного животного и символической заботы о нем, возникновение символического соблюдения по отношению к тотемному животному норм, существующих в первобытном стаде, при действительном сохранении в неприкосновенности существовавшего положения вещей. Вместо реального отказа от поедания тотемного животного возникло подобие отказа от его поедания. Это подобие отказа, надо полагать, проявилось в строжайшем запрете поедать какие-либо определенные части животного. Таким образом, вместе с тотемизмом возникла и табуация тотемного животного, но эта табуация касалась не всего животного, а лишь его отдельных частей, скорее всего тех, которые не представляли для людей особой пищевой ценности. Вместо реальной заботы о тотемном животном возникло подобие заботы о нем. Подобие заботы о тотемном животном приняло форму заботы о части тотемного животного, причем, вероятно, о той его части, употребление которой в пищу было запрещено¹⁰. Находки в Драхенлохе, Петерсхеле и им подобные на-

¹⁰ В пользу этого положения говорит целый ряд данных. Так, например, вся обстановка погребения головы быка в Схул свидетельствует о том, что погребен был не череп, а голова (Garrod and Bate, 1937, p. 102—103). Имеются определенные основания полагать, что головы, а не черепа медведей складывались в ящики Драхенлоха и ниши Петерсхеле. С этим мож-

глядно свидетельствуют о тех формах, которые принимала в мустьерскую эпоху забота о тотемном животном.

К этому нужно добавить, что находки в Драхенлохе, Петерсхеле и т. д. говорят не только о существовании тотемизма в мустьерскую эпоху. Они свидетельствуют о том, что у неандертальцев, даже ранних, наряду с реальной практической деятельностью существовала деятельность иллюзорная, символическая, магическая, что у них наряду с логическим образом мысли существовал и магический. Невозможно допустить существование подобия заботы о тотемном животном и особенно подобия отказа от его поедания без допущения существования магического образа мышления. Тотемизм с самого своего возникновения был неразрывно связан с магией. Вся тотемистическая обрядность была магической.

Но тотемистическая обрядность не исчерпывалась ритуальной заботой о некоторых частях и остатках тотемных животных. Последняя была заключительным моментом целого цикла обрядов, связанных с поеданием тотемного зверя. Чтобы понять процесс возникновения этой обрядности, нужно прежде всего вспомнить тот факт, что, начиная примерно с середины позднего ашеля — раннего мустье, жизнь первобытного стада стала складываться из чередующихся периодов полового воздержания, которые одновременно были периодами интенсивной хозяйственной деятельности, и периодов оргиастических праздников, свободных от хозяйственных забот.

Периоды полового воздержания прежде всего охватывали время подготовки к охоте и самой охоты. Вполне понятно, что удачное завершение охоты, в результате которого неандертальцы получали значительное количество пищи, достаточное для того, чтобы более или менее беззаботно прескжить некоторое время, означало конец периода полового воздержания и начало очередного оргиастического праздника¹¹. Вследствие всего этого, начиная примерно с середины позднего ашеля — раннего мустье, поедание убитых животных после удачной охоты стало неотъемлемой

но сопоставить тот факт, что у некоторых народов Сибири объектом ритуальной заботы был не череп, а голова медведя (Б. Васильев, 1948, стр. 89—90).

¹¹ Так как периоды полового воздержания предшествовали охоте, то они одновременно являлись и периодами полуголодного существования, в течение которых людям приходилось довольствоваться в основном растительной пищей. В связи с этим возникает вопрос, не являются ли отдаленными пережитками этих периодов религиозные посты. Как известно, во время последних предписывалось воздержание от животной пищи и от половых отношений.

частью возникших в этот период оргнастических промискуитетных праздников первобытного стада. Эти праздники с самого начала в качестве своего необходимого момента включали коллективное пиршество, коллективное поедание убитых на охоте животных¹². Так как на пиршестве, которым открывался такой праздник, чаще всего поедалось животное вида, ставшего тотемом коллектива, то он, возникая, все в большей и большей степени становился праздником и тотемистическим. Это происходило по мере того, как различного рода действия, совершаемые пралюдьми во время этого праздника, первоначально не имевшие никакого ритуального значения, превращались в магические обряды, так или иначе связанные с тотемным животным.

Магическому осмыслению подвергались, в частности, совершавшиеся во время праздников половые акты. Половые акты, а следовательно, и зачатия были возможны лишь во время периодически наступающих промискуитетных праздников. Это не могло не иметь своим следствием определенную периодичность в наступлении родов у женщин коллектива. Результатом было осознание связи между оргнастическими праздниками и рождением детей, а в конце концов и осознание связи между половыми актами и рождением детей. Однако действительную природу связи между половыми сношениями и рождением детей формирующие люди понять не могли. Она была осознана ими как связь магическая. Половой акт был осознан ими как действие, магическим образом способствующее рождению детей, как магический акт¹³.

Так как животные тотемного вида рассматривались людьми как существа той же «породы», того же «мяса», что и они сами, то половые акты, совершаемые во время праздников, стали рассматриваться как действия, способствующие размножению и тотемного животного. Формирование такого взгляда на половые

¹² Связь оргнастических праздников с коллективным пиршеством ясно прослеживается по этнографическим материалам. У большинства народов, у которых отмечено существование промискуитетных праздников, ничем не ограниченное общение полов начиналось обычно после коллективного пира.

¹³ Именно этим, по-видимому, объясняется тот факт, что в дальнейшем развитии многими, если не всеми, племенами осознание связи между половым актом и рождением ребенка было утрачено. Этнографами было зафиксировано отсутствие понимания связи между половыми сношениями и рождением детей у многих австралийских племен (Spencer and Gillen, 1899a, p. 265; 1904, p. 330; Элькин, 1952, стр. 179). Э. Хартланд (Hartland, 1909, I; 1910, II) был приведен огромный материал, свидетельствующий о том, что подобного рода взгляд в определенный исторический период был присущ всему человечеству.

акты способствовало стремлению людей во что бы то ни стало найти средства, которыми они могли бы обеспечить изобилие промыслового зверя и тем самым удачу в охоте¹⁴.

С появлением взгляда на половые акты как на средство обеспечения размножения тотемного животного в число обрядов тотемистического промискуитетного праздника вошло имитирование полового сношения с убитым зверем. О существовании такого обряда в позднем палеолите свидетельствуют многочисленные рисунки, изображающие половой акт между человеком и животным (Богаевский, 1934, стр. 56 сл.; Гущин, 1937, стр. 107; Окладников, 1950а, I—II, стр. 324). Подобного рода обряды или их пережитки зафиксированы в не столь уж отдаленном прошлом у довольно большого числа народов и племен (Griffault, 1927, III, p. 189—190; Попов, 1937, стр. 202; Сообщение Б. О. Долгих об эвенках района Хантайского озера). Кроме того, у всех народов мира было отмечено существование, по-видимому, восходящих к этим обрядам мифов, легенд, преданий, сказок, повествующих о половых отношениях между людьми и животными.

По мере того, как тотемное животное все в большей и большей степени становилось центральным объектом оргнастического праздника, все большее число действий, совершаемых людьми во время этого праздника, приобретало ритуальный характер. Кроме того, в состав праздничной обрядности начали входить и такие ритуальные действия, которые первоначально возникли независимо от праздника. К числу их прежде всего следует отнести магические обряды, возникшие из репетиций, имевших место перед охотой. Так как главным объектом охоты было тотемное животное, то эти магические обряды были одновременно и тотемистическими. В ре-

¹⁴ Взгляд на половой акт как на средство магическим образом обеспечить размножение животных или пережитки такого взгляда зафиксированы у значительного числа народов, в частности у грузин и сванов (Бардавелидзе, 1957, стр. 177—186), индейцев Северной Америки (Griffault, 1927, III, p. 185). О существовании такого взгляда в эпоху верхнего палеолита в достаточной степени красноречиво говорит изобразительное искусство этого периода (Богаевский, 1933, 1934; Кагаров, 1930, стр. 212; Ефименко, 1931, стр. 19—31; 1953, стр. 465—466; Гущин, 1937, стр. 107 сл.; Окладников, 1950а, I—II, стр. 324). В более позднюю эпоху с переходом от охоты к земледелию половые акты, особенно совершаемые во время оргнастических праздников, были осмыслены как средство магического обеспечения урожая (Frazer, 1922а, II, p. 89—101; Westergaard, 1925, I, p. 84—180; Griffault, 1927, III, p. 185—209; Н. Никольский, 1956, стр. 133 и др.). В дальнейшем как средства магического обеспечения обилия животных и богатого урожая стали рассматриваться, как уже указывалось, имитации полового акта, намеки на него и т. п. (Кагаров, 1929б; Богаевский, 1916).

зультате они стали совершаться не только перед охотой, но и после нее во время тотемико-оргастического праздника. Включение обрядов, представлявших магическую инсценировку охоты, в состав праздничной обрядности оказало на них обратное влияние. Магические обряды, совершаемые перед охотой, начали включать в себя, кроме инсценировки охоты, инсценировку поедания магически убитых зверей¹⁵.

Во время совершения обрядов, представлявших инсценировку охоты на тотемное животное, исполнители рядились под это животное и подражали его движениям. В этом, вероятно, нужно видеть один из истоков тотемистических танцев, хотя, по-видимому, не главный и основной. Как указывалось в главе XI, имитирование движений животного было не только моментом охотничьей маскировки, но и средством накопления и передачи охотничьего опыта от одного поколения к другому, причем столь важным, что оно выделилось в самостоятельный вид деятельности, отличный от охоты и совершаемый в свободное от охоты время. Выделившееся в самостоятельный вид деятельности имитирование действий животного, которое совершалось охотниками, ряженными под животное; по тем же причинам, что и репетиция охоты, превратилось в магический обряд. Вполне понятно, что этот обряд был одновременно и тотемистическим, ибо люди, совершавшие его, маскировались под тотемное животное и подражали его движениям. Так возникли тотемистические пляски, ставшие важнейшей составной частью обрядности зоофагического тотемико-оргастического праздника.

Огромное значение тотемистических плясок состояло в том, что они в наглядной форме демонстрировали основную идею тотемизма — идею общности членов коллектива и животных тотемного вида и тем самым способствовали осознанию каждым членом коллектива своей общности со всеми остальными его членами, способствовали укреплению единства первобытного стада.

Признание убитого тотемного животного членом человеческого коллектива было одним из основных мотивов тотемико-оргастического праздника пралюдей. Центральным объектом этого праздника были, насколько можно судить по зоофагическим праздникам народов Северной Азии и Северной Америки, головы убитых животных, которым воздавались почести как членам коллектива. Последним актом праздника была, как об этом говорят находки в Драхенлохе, Петерсхеле и т. п., ритуальная забота об остатках тотемного животного и прежде всего о его голове.

¹⁵ Существование подобного рода обрядов отмечено у ительменов (Крашенинников, 1949, стр. 416, 420), эвенков (Анисимов, 1958а, стр. 50), индейцев Бразилии (С. Иванов, 1934, стр. 94).

Обрядовая забота об остатках тотемного животного, которой завершился праздник, мало чем по существу отличалась от заботы об умершем члене коллектива. В связи с этим тотемико-оргиастический праздник приобретал еще один аспект. Он стал помимо всего прочего поминками об умерших членах коллектива. Закреплению за праздником такого аспекта во многом способствовало такое обстоятельство, как, вероятно, нередко имевшая место во время охоты, предшествовавшей празднику, гибель тех или иных членов коллектива. В последнем случае тотемико-оргиастический праздник становился поминками по погибшим охотникам. Этот аспект зоофагического праздника сохранился до самого последнего времени. Связь медвежьего праздника с поминками по умершему члену коллектива отмечена у таких народов Дальнего Востока, как нивхи, ульчи, орочи, айны (Пилсудский, 1914, стр. 67—68, 144—147; Золотарев, 1933, стр. 63; 1939 а, стр. 106; С. Иванов, 1937, стр. 14; Б. Васильев, 1948, стр. 102).

Таким образом, тотемистический праздник пралюдей был сложным явлением, имевшим несколько разных аспектов и включавшим в себя немало самых разнообразных моментов. Он выступал одновременно и как коллективное пиршество, важнейшим моментом которого было ритуальное поедание мяса убитого тотемного животного, и как половая оргия, и как поминки по умершему члену коллектива, и как система магических обрядов, имевших целью обеспечить как размножение тотемного животного, так и удачу охоты на него, включал в себя и воздавание почестей голове убитого тотемного зверя, и ритуальную заботу об его остатках, и исполнение плясок, заключавшихся в имитировании движений тотемного животного ряженными под него людьми. И, наконец, он включал в себя в качестве момента обряды инициации юношей и девушек, первоначальная неразрывная связь которых с оргиастическими праздниками была раскрыта в одной из предшествующих глав (X).

К этому возникшему в эпоху первобытного человеческого стада многоплановому празднику генетически восходит множество праздников, обрядов, обычаев и поверий, зафиксированных этнографами у самых различных народов земного шара.

Вряд ли могут быть сомнения в существовании генетической связи между этими первобытными праздниками и зоофагическими, в частности медвежьими, праздниками обских угров, нивхов, айнов и других племен и народов. В медвежий праздник почти всех народностей Сибири вошли такие моменты первобытного тотемистического празднества, как ритуальное поедание убитого животного,

воздавание почестей его голове; ритуальная забота о черепе и костях животного, осмысленная как обряд, обеспечивающий возрождение зверя. У части народностей медвежий праздник был связан с поминками по умершему сородичу. И, наконец, в медвежьем празднике некоторых народов обнаруживаются пережитки тотемистических плясок, а также обрядов магического размножения тотемного животного. В пережитках последних обрядов содержатся намеки на былой оргиастический характер этого праздника.

В интичиуму австралийцев вошли такие моменты первобытного тотемистического праздника, как обряды магического умножения тотемного животного и в качестве пережитка ритуальное поедание его мяса. В празднествах австралийцев, совершаемых по случаю инициаций юношей, кроме посвячительных обрядов, обнаруживаются еще два момента первобытного тотемистического праздника: тотемистические пляски и в пережиточной форме промискуитетные отношения.

Черты первобытного тотемистического праздника отчетливо проступают в описаниях шабаша ведьм. Шабаш ведьм рисовался в легендах и поверьях славянских и германских народов праздником, включающим в себя такие моменты, как пиршество, во время которого подалось мясо убитых животных, пляски в звериных шкурах и, наконец, оргия. Проступают в описаниях шабаша ведьм и пережитки ритуального отношения к черепу и костям убитых животных (Афанасьев, 1869, III, стр. 473—484; Штернберг, 1936, стр. 228—230; Runeberg, 1947, p. 225—239).

Явственные отзвуки первобытных тотемико-оргиастических празднеств чувствуются в таких праздниках восточных славян; как Коляда (Святки), Масляница, Купала. Вплоть до XX в. в святочных увеселениях русского народа сочетались такие моменты, как обрядовое заклятие и поедание животного, ритуальное отношение к его голове, игры в убиение животного, ряжение под медведя, козу и других животных, известная разнузданность половых отношений, игры и пляски эротического характера, сцены шуточного погребения покойника (Афанасьев, 1865, I, стр. 717—718; А. Смирнов, 1875, стр. 11; Ушаков, 1896, стр. 200; Шейн, 1898, I, вып. I, стр. 325—331; С. Максимов, 1903, стр. 297—303; Звойко, 1914, стр. 133; Зеленин, 1915, II, стр. 779, 835; Кгаров, 1918, стр. 37—40; Мансуров, 1930, IV, стр. 10). Сочетание некоторых из этих моментов мы находим в святочных обрядах белорусов (Шейн, 1887, I, ч. I, стр. 99—105; Довнар-Запольский, 1909, стр. 304—307; Зеленин, 1915, II, стр. 692; Шайкевич, 1933, стр. 141—142). Сочетание ряжения под животных с пережитками свободы половых отношений является

характерным для Масляницы и Купальского праздника (А. Смирнов, 1875, стр. 11; Веселовский, 1894; Кагаров, 1918, стр. 45—54). Генетически восходящим к убиению тотемного животного, обрядовому чествованию и поеданию его во время тотемико-органистического праздника и следующему за ним ритуальному захоронению его остатков следует, по-видимому, считать обряд чествования и последующего уничтожения (разрывания, сожжения, потопления) куклы, чучела или другого предмета, присущий многим праздникам как восточных славян (Масляница, Русальная неделя, Купала), так и народов Западной Европы (Сумцов, 1890; Шейн, 1898, I, вып. 1; Аничков, 1903, I; Зеленин, 1916; Фрезер, 1928, III; Зернова, 1932; Пропп, 1961, 1963). Происходивший обычно в обстановке веселья, а иногда и прямо разгула, обряд этот в своей первоначальной форме имел целью обеспечить размножение животных и плодородие почвы (Пропп, 1961, 1963).

Как отдаленные пережитки первобытных тотемистических праздников следует, по всей вероятности, рассматривать отличавшиеся необузданным весельем поминальные пиры многих народов, в частности славянскую языческую тризну (Афанасьев, 1869, III, стр. 292; Штернберг, 1936, стр. 208—209), а также отмеченное у многих этнических групп (черкесы, гавайцы, микронезийцы о. Яп, меланезийцы о-вов Адмиралтейства, акан, бецилео Мадагаскара, ингалики Аляски) сочетание похорон с разнузданностью половых отношений или ее разнообразными пережитками («Религиозные верования народов СССР», 1931, II, стр. 52; Лисянский, 1947, стр. 127; Миклухо-Маклай, 1951, III, ч. I, стр. 260, 463, 504; Загуменный, 1961, стр. 131; A. Ellis, 1877, p. 240; Hartland, 1910, II, p. 155).

Сказанное выше о первобытных тотемико-органистических праздниках проливает свет на происхождение целого ряда моментов свадебной обрядности, в частности зафиксированного у русских, украинцев, белорусов, немцев обычая ставить на свадебный стол свиную голову, которую не едят в первый день или даже до конца свадьбы (Сумцов; 1881, стр. 114; Шейн, 1900, I, вып. 2, стр. 739; Зеленин, 1915, II, стр. 773; Гагенторн, 1926, стр. 185; Кагаров, 1929 а, стр. 181), и сходного обычая с конской головой у якутов (Серошевский, 1896, I, стр. 538), отмеченного у древних индейцев, античных греков, римлян, русских, белорусов, украинцев, южных славян, жителей Сардинии и Сицилии, шведов, эстонцев, саамов, коми-зырян, татар обряда сажания молодых на шкуру, вывороченную мехом вверх шубу или ковер, засвидетельствованного у русских, украинцев, белорусов, шведов, мордвы обрядового

ряжения в день свадьбы под животных, чаще всего медведей (Снегирев, 1837, IV, стр. 126, 153; Терещенко, 1848, II, стр. 196, 270, 273, 457, 471; Сумцов, 1881, стр. 109 — 110, 204; 1886 а, стр. 27, 35 — 36; Охримович, 1891, стр. 56, 65, 69; Е-ий, 1899, стр. 141; Шейн, 1900, I, вып. 2, стр. 570, 602, 629, 659, 739; Довнар-Запольский, 1909, стр. 119 — 135; Баранов, 1910, стр. 128; Зеленин, 1914, I, стр. 132, 187, 352, 377; 1915, II, стр. 690, 741, 857, 957; «Северновеликорусская свадьба», 1926, стр. 45, 62, 72, 117 и др.; Кагаров, 1929 а, стр. 163, 176, 180 — 181; Н. Воронин, 1941, стр. 167, 172 — 173; Н. Никольский, 1956, стр. 96 — 192), и, наконец, на происхождение очень своеобразного шведского обычая, заключавшегося в том, что на свадьбе «убивали» ряженного под медведя человека и «пили его кровь» (Н. Воронин, 1941, стр. 167, 172).

5. Некоторые проблемы эволюции тотемизма

Тотемизм, взятый сам по себе, только как верование, только как определенное убеждение людей, в своей первоначальной форме не может быть назван религией, ибо он не включал в себя веры в сверхъестественное влияние тотема на жизнь и деятельность людей. Но, возникая и формируясь, тотемизм неизбежно обрастал все большим и большим числом магических обрядов. Будучи связанными с тотемным животным, концентрируясь вокруг представления о тотемном животном, эти обряды одновременно были и тотемистическими. Так возникла тотемистическая обрядность, тотемистический культ. В результате тотемизм оказался неразрывно связанным с магическим образом действия и магическим образом мышления, с формирующейся религией. Возникновение магико-тотемистической обрядности рано или поздно оказало обратное влияние на характер самих тотемистических представлений. Случилось это, вероятно, уже в эпоху родового общества.

Как уже указывалось, важнейшее место в тотемистической обрядности занимали исполняемые ряженными под тотемное животное членами коллектива инсценировки как моментов из жизни тотемного животного (тотемистические танцы), так и моментов охоты на него (охотничьи тотемистические пляски). Осмысление этих плясок как действий, имеющих магическое значение, побуждало людей исполнять их на каждом тотемистическом празднике, причем в таком же точно виде, как они исполнялись раньше. Пляски эти, таким образом, передавались из поколения в поколение, причем каждое поколение передавало их новому, ссылаясь на авторитет предков.

Каждое новое поколение, исполняя тотемистические и охот-

ничье-тотемистические пляски, осознавало, что оно совершает эти ритуальные действия, причем именно в таком, а не в ином виде потому, что именно так поступали их далекие предки. Вместе с тотемистическими обрядами от поколения к поколению передавались и вера в тождество, в родство членов человеческого коллектива и животных тотемного вида, вера в превращение первых во вторых и обратно путем одевания и сбрасывания шкуры тотемного животного.

Все это привело в конце концов к новому осмыслению исполняемых ряженными под тотемное животное членами коллектива тотемистических и охотничье-тотемистических плясок. Они стали рассматриваться как сцены из жизни далеких предков, а эти последние начали представляться как существа, бывшие одновременно и людьми и животными, выступавшие то как люди, то как животные, и, наконец, как существа, бывшие полулюдьми-полуживотными. Так возникла вера в тотемистических предков.

С появлением веры в тотемистических предков ряженные под тотемное животное исполнители плясок стали рассматриваться как превратившиеся не в тотемных животных, а в тотемистических предков¹⁶. Это обстоятельство дало толчок к формированию представления о том, что исполняемые членами коллектива тотемистические и охотничье-тотемистические пляски имеют магическое влияние на жизнь и деятельность людей именно в силу того, что исполнители этих плясок в момент их совершения являются не самими собой, а тотемистическими предками коллектива. Так тотемистические предки начали постепенно наделяться способностью сверхъестественного влияния на жизнь людей.

С возникновением нового осмысления тотемистических и охотничье-тотемистических плясок передаваемые от поколения к поколению объяснения этих обрядов начали постепенно разворачиваться в более или менее связные повествования о жизни и похождениях тотемистических предков — тотемистические мифы. Возникшие как описание, объяснение и истолкование тотемистических и охотничье-тотемистических плясок тотемистические мифы в свою очередь оказали на них обратное влияние. В результате тотемистические обряды этого типа начали постепенно приобре-

¹⁶ Формированию подобного взгляда способствовало и то обстоятельство, что люди в своей практической деятельности все больше убеждались в существовании качественного различия между ними и животными. Им все труднее становилось поверить в то, что, надевая шкуру животного, они действительно становятся животными. Легче было поверить в свое превращение в тотемистических предков — существ, являвшихся полулюдьми-полуживотными.

тать облик инсценировок тотемистических мифов, драматических иллюстраций к ним.

Вместе с возникновением тотемистической мифологии возникло и представление об особой отдаленной эпохе, во время которой происходили события, описанные в мифах, во время которой жили и действовали мифические тотемистические предки (альчера у арунта, вингара у арабана и т. п.). Мир, каким он был в мифическую эпоху, рассматривался как качественно отличающийся от мира, каким он является в настоящее время. С раздвоением в сознании людей времени на мифическое и реальное произошло и раздвоение мира на мир мифический, существовавший в мифическое время, и мир реальный, действительный, существующий в настоящее время.

В результате тотемизм, кроме убеждения в существовании тождества между членами реально существующего человеческого коллектива и животными реально существующего тотемного вида, начал включать в себя веру в существование в какой-то степени наделенных сверхъестественной, магической силой иллюзорных существ (тотемистических предков) и иллюзорного (мифического) мира ¹⁷.

¹⁷ Возникновение представления о тотемистических предках и тем самым о тотеме как предке породило тенденцию к превращению частичной табуации тотемного животного в полную. Однако запрет поедать тотемное животное возник лишь у части племен. У остальных полная табуация тотема, по-видимому, никогда не имела места. Основание для подобного вывода дают не столько сами по себе факты отсутствия полной табуации тотема у многих племен и народов, в частности у многих австралийских племен, у значительного числа племен Северной и Южной Америки, Африки, Индии (Briffault, 1927, II, p. 461—462; Аверкиева, 1959, стр. 256 сл.), ибо их можно истолковать и как результат исчезновения былой табуации, сколько связанные с ними обряды и верования.

Так, например, у индейцев северо-западного побережья Америки, в частности у квакиотль, у алгонкинов северо-востока Канады и чироков, отмечено существование убеждения в том, что то или иное животное легче всего промышляется людьми рода, имеющего его своим тотемом, что люди наиболее удачливы в охоте на свое тотемное животное (Аверкиева, 1959, стр. 256; 1961, стр. 12). Представления, подобные приведенным, могли возникнуть лишь в эпоху раннего палеолита, когда существовала специализация охотничьей деятельности человеческих коллективов, когда члены каждого коллектива действительно были наиболее искусны в охоте на животное, являвшееся их тотемом. Возникшие в то время такого рода представления в дальнейшем распространились и на новые виды тотемных животных. Можно, конечно, предположить, что в историческом развитии вслед за частичной табуацией тотема у всех племен возникла полная, которая в дальнейшем у части племен исчезла. Однако мало вероятно допущение, что после исчезновения табуации тотема в полной мере возникли те представления об отношении человека к тотему, которые родились в то время, когда человеческий коллектив был специализирован

Таким образом, тот путь возникновения представлений о сверхъестественных существах и сверхъестественном мире, который был охарактеризован в предшествующей главе, не был единственным. Наряду с возникновением веры в существование таких сверхъестественных существ, как демоны вещей и души людей, совсем иным путем возникла вера в существование таких сверхъестественных существ, как тотемистические предки. Наряду с раздвоением мира в пространстве на мир реальный и мир демонический (мир демонов и душ) произошло его раздвоение и во времени на тот же реальный мир и мир мифический (мир тотемистических предков). Так наряду со знанием о реальном мире возникла вера в существование двух сверхъестественных миров: мифического и демонического, каждый из которых был населен одной из двух основных категорий сверхъестественных существ. Трудно сказать, какое из этих двух представлений возникло раньше. Но это факт, что в течение определенного времени они существовали рядом, не сливаясь. Об этом говорят данные этнографии. У многих народов было зафиксировано проведение довольно строгого различия между двумя типами предков: предками тотемистическими и предками, умершими не в столь отдаленное время (Левин-Брюль, 1937, стр. 287 сл.; Токарев, 1964, стр. 66—67, 274—276).

В процессе дальнейшего развития грань между этими двумя существовавшими в сознании людей сверхъестественными мирами начала постепенно стираться. Мифический мир все в большей и большей степени стал мыслиться как существующий и в настоящее время. Демонический мир все в большей степени стал представляться и как существовавший в прошлом. Постепенно начала стираться грань между тотемистическими предками и другими категориями сверхъестественных существ. Особенности, которые первоначально мыслились как присущие лишь демонам и душам, начали переноситься и на тотемистических предков, и, обратно, черты, вначале приписывавшиеся лишь тотемистическим предкам, стали распространяться и на другие сверхъестественные существа.

В результате представления о мифическом и демоническом мирах начали все в большей и большей степени сливаться в представление об одном сверхъестественном мире, противостоящем миру реальному. Однако этот процесс, по-видимому, не получил

в охоте на свое тотемное животное, и которые неизбежно должны были исчезнуть в период полной табуации тотема. О том, что по крайней мере у части племен полной табуации тотема никогда не было, говорят и тотемистические обряды некоторых племен салишей, сущность которых заключалась в обеспечении обилия тотемных животных и удачи охоты на них (Толл, 1905, р. 151—153).

своего завершения к тому времени, когда произошел такой крупный сдвиг в развитии религии, как возникновение веры в богов (политеизма).

Возникновение политеизма было связано с разложением родового общества и началом его превращения в классовое. Расслоение в обществе, выделение из среды ранее равных членов рода и племени могущественной рабовладельческой аристократии нашло свое плюзорное отражение в расслоении в сверхъестественном мире, в выделении из «среды» более или менее равных по значению сверхъестественных существ нескольких особо могущественных — богов.

Вполне понятно, что отмеченные выше социальные сдвиги породили представления о богах не прямо, непосредственно, а обусловив соответствующую переработку ранее существовавших религиозных представлений. Последние послужили идеологическим материалом, из которого под влиянием коренного изменения условий жизни людей сформировались представления о богах. Интересно в этой связи отметить, что основной идеологический материал для формирования представлений о богах дал не столько демонический мир, сколько мифический. В образах богов, причем не только у народов, стоявших на стадии разложения родового общества, но и народов, перешагнувших порог, отделяющий это общество от классового, явно выступают былые тотемистические черты (Шаптепи-де-ля-Соссей, 1899, I; Кагаров, 1913; Матье, 1956; Лосев, 1957; Н. Никольский, 1959; Токарев, 1964 и др.). В частности, уходит своими корнями к тотемизму и один из самых распространенных культов древнего мира — культ умирающего и воскресающего бога (Богораз-Тан, 1926, 1928, 1931, 1936).

Генетически восходят к тотемистическому культу многие обряды религий древнего мира, а через них и религий более позднего времени. Так, например, вряд ли могут быть сомнения в том, что такой христианский обряд, как евхаристия, является отдаленным пережитком ритуального поедания тотемного животного. В особенностях первобытных тотемистических праздников находят свою разгадку и многие черты религиозных торжеств классового общества. В частности, такая особенность культов умирающих и воскресающих богов, как резкая смена периодов скорби и печали, во время которых верующие постились и воздерживались от половых отношений, периодами безудержного веселья и разгула, находит свое объяснение в имевшем место в первобытном человеческом стаде чередовании периодов полового воздержания и периодов тотемико-оргастических зоофагических праздников.

КРИЗИС ПЕРВОБЫТНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СТАДА

1. Тотемистическое стадо поздних палеантропов — замкнутый, изолированный человеческий коллектив

Приведенные в трех предшествующих главах данные не только подтвердили, но и позволили конкретизировать выдвинутое в главе X положение о том, что эпоха позднего ашеля — раннего мустье была временем возникновения и постепенного расширения сферы действия половых и иных табу и тем самым постепенного, но неуклонного укрепления первобытного стада и что переход от этой эпохи к следующей — позднему мустье — был ознаменован резким повышением уровня сплоченности первобытного человеческого коллектива. Первобытное стадо, каким оно стало к концу позднего ашеля — раннего мустье, существенно отличалось от того, каким оно было к его началу.

Существовавшее в первой половине раннего палеолита аморфное стадо протантропов не представляло собой сплоченного коллектива с постоянным составом. Характерным для этой эпохи было распадение одних и образование других человеческих коллективов, перемешивание первобытных стад, перегруппировка их состава.

Первобытное стадо поздних палеантропов было крепким, сплоченным коллективом. В нем, помимо значительного числа негативных моральных норм — половых и пищевых табу, из числа которых особо следует отметить запрет каннибализма внутри стада, существовали позитивные моральные правила — нормы, предписывавшие заботу о каждом члене коллектива, взаимную помощь и поддержку. В частности, несомненно бытование в нем норм, предписывавших более или менее уравнилельное распределение пищи. Об этом, помимо приведенных в предшествующих главах данных,

говорит и характер медвежьих и пных зоофагических праздников, которые, как указывалось, уходят своими корнями к окончательно оформившимся к началу эпохи поздних палеантропов тотемико-оргиастическим праздникам пралюдей. Как указывают все без исключения исследователи, занимавшиеся изучением медвежьих праздников, важнейшей чертой пиршеств, имевших место во время этих торжеств, был их отчетливо коммунистический характер (Харузин, 1898; Пилсудский, 1914; Штернберг, 1933 б; В. Петров, 1934; Золотарев, 1934, 1939 а; Б. Васильев, 1948; Анисимов, 1958 а; Алексеенко, 1960 п др.). Черты первобытного коммунизма прослеживаются во всех зоофагических праздниках, не исключая афинских буффоний (Толстой, 1936).

Первобытное стадо поздних палеантропов было коллективом не только единым, но и осознанным (в форме тотемизма) свое единство. Осознание человеческим коллективом своего единства было в то же время неизбежно и осознанием отличия всех членов данного коллектива от всех остальных людей. С возникновением тотемизма каждое стадо стало резко противопоставлять себя всем остальным человеческим коллективам.

Все это имело своим результатом почти полное прекращение перегруппировки состава и перемешивание человеческих коллективов. Каждое из первобытных стад замкнулось в себе, изолировалось от всех остальных. Тотемистическое стадо поздних палеантропов в отличие от аморфного стада протантропов, представлявшего собой объединение полуизолированное, было коллективом замкнутым, почти полностью изолированным от остальных. В связи с этим следует отметить, что указание на замкнутость, изолированность как на одну из характерных черт коллективов неандертальцев мы находим в работах целого ряда исследователей, в частности П. П. Ефименко (1938, стр. 282—283; 1953, стр. 242—243), В. С. Сорокина (1951, стр. 148) и П. И. Борисковского (1957а, стр. 195).

Замкнутость первобытных тотемистических стад имела своим неизбежным следствием превращение каждого из них в коллектив кровных родственников. «Всякая изоляция, — писал М. В. Игнатьев (1937, стр. 35), — есть по существу создание популяции индивидов, связанных родством разной степени; скрещивание внутри этой популяции уподобляется инбридингу, тем более слабому, чем больше размер популяции». Возникновение инбридинга, причем довольно тесного, ибо размеры первобытного стада были сравнительно невелики, не могло не сказаться на физическом развитии формирующихся людей.

Чтобы понять, какое влияние мог оказать инбридинг на их эволюцию, нужно хотя бы коротко остановиться на современном состоянии проблемы следствий близкородственного скрещивания.

2. Современное состояние проблемы инбридинга

В решении вопроса о сущности инбридинга и его последствиях можно выделить два основных направления, одно из которых берет свое начало в трудах Ч. Дарвина, а другое теснейшим образом связано с классической или формальной генетикой.

Проблема инбридинга и его последствий была глубоко рассмотрена Ч. Дарвином в целом ряде его работ (1939, 1950, 1951). На основании обобщения огромного фактического материала Ч. Дарвин пришел к выводу, что близкородственное скрещивание отрицательно сказывается на потомстве. «...Продолжительное тесное родственное скрещивание между ближайшими родичами, — писал он, — уменьшает крепость конституции потомков, их размеры и плодовитость, а иногда ведет и к уродствам...» (1951, стр. 581). Сопоставив этот факт с другим, прямо ему противоположным, а именно с тем, что «скрещивание особей, принадлежащих к различным семьям одной и той же расы или к различным расам или видам, сообщает потомкам больший рост, крепость организма и, за исключением скрещивания видов, повышенную плодовитость» (стр. 553), Ч. Дарвин пришел к выводу о существовании «великого закона природы, заключающегося в том, что все живые существа извлекают пользу из случайного скрещивания с особями, не состоящими с яими в тесном кровном родстве; продолжительное же тесное родственное скрещивание приносит вред» (стр. 530).

«Наконец, — писал Ч. Дарвин (1951, стр. 555), подводя итоги всему сказанному им по этому вопросу, — когда мы рассматриваем все вышешприведенные разнообразные факты, ясно показывающие, что скрещивание [неродственное.— Ю. С.] приносит пользу, и менее ясно, что тесное родственное скрещивание приносит вред, и когда мы вспомним, что у очень многих организмов появились сложные приспособления, обеспечивающие хотя бы редкое соединение разных особей, то существование великого закона природы, гласящего, что скрещивание животных и растений, не состоящих между собой в тесном родстве, в высшей степени благотворно или даже необходимо, а родственное разведение в течение многих поколений приносит вред, — будет почти доказано».

Немало усилий приложил Ч. Дарвин, чтобы выявить природу и сущность вредного действия близкородственного скрещивания и

полезного влияния неродственного. Прежде всего он выступил против взгляда, согласно которому вредные последствия инбридинга приписывались исключительно лишь усилению патологических тенденций, в скрытом или явном виде присущих состоящим между собой в близком родстве родителям. «...Вредные последствия инбридинга,— писал он,— не зависят от накопления патологических тенденций, общих обоим родителям, хотя это накопление, несомненно, часто приносит большое зло» (стр. 581).

Вывод этот был сделан Ч. Дарвином на основе целого ряда фактов, на важнейших из которых следует остановиться. Одним из следствий инбридинга является резкое понижение плодовитости или даже наступление полного бесплодия. Но бесплодие это носит своеобразный характер. Животное или растение является бесплодным лишь при скрещивании с ближайшими родственниками. При неродственном же скрещивании оно приносит потомство. «Тот факт,— писал Ч. Дарвин (1951, стр. 555),— что такое своеобразное бесплодие является одним из результатов продолжительного родственного разведения, показывает, что действие инбридинга состоит не только в накоплении и усилении различных болезненных тенденций, свойственных обоим родителям, ибо животные с такими тенденциями, если только они не больны в данный момент, обыкновенно могут производить себе подобных».

Другой отмеченный Ч. Дарвином факт состоит в том, что вредные последствия инбридинга ослабляются или даже совсем ликвидируются, если держать членов одной и той же семьи врозь и, особенно, если подвергать их действию различных условий существования (стр. 554). Этот факт также совершенно необъясним, если считать единственной причиной вреда инбридинга накопление патологических особенностей родителей.

Эти данные позволили Ч. Дарвину не только отвергнуть приведенную выше точку зрения, но и высказать предположение о той общей причине, которая лежит в основе вреда близкородственного скрещивания и пользы неродственного. Предположение это, высказанное им в работе «Изменение домашних животных и культурных растений» (1951, стр. 582—583), нашло свое развитие и обоснование в другом его труде — «Действие перекрестного опыления и самоопыления в растительном мире» (1950, стр. 610 сл.).

Подводя в последней работе итоги своим наблюдениям, Ч. Дарвин делает два важнейших заключения: «Во-первых, что преимущества от перекрестного опыления не являются следствием какой-то таинственной силы, проистекающей от одного только соединения двух различных особей, но являются следствием того, что подобные особи подверглись на протяжении предыдущих поколений

различным условиям, или следствием того, что они изменились тем путем, который обычно называется произвольным, таким образом, как в том, так и в другом случае их половые элементы должны были в известной степени претерпеть дифференциацию. Во-вторых, что неблагоприятное действие самоопыления является следствием отсутствия подобной дифференциации половых элементов» (1950, стр. 610). Далее он снова возвращается к этому вопросу и пишет: «Во-первых, мы видим, что вредное действие от близкородственного разведения животных и от самоопыления растений не зависит обязательно от склонности к заболеванию или от слабости конституций, свойственных обоим родственным между собой родителям, и лишь косвенно зависит от их родства, поскольку они имеют склонность походить на друг друга во всех отношениях, в том числе и в отношении своей половой природы. И, во-вторых, выгоды, протекающие от перекрестного опыления, зависят от того, что половые элементы родителей в некоторой степени дифференцировались благодаря тому, что их прародители подвергались действию неодинаковых условий, или от того, что они были скрещены с особями, подвергавшимися действию подобных условий» (стр. 620).

Таким образом, основной вывод, к которому пришел Ч. Дарвин, состоял в том, что в основе вреда близкородственного скрещивания лежит отсутствие достаточного различия между половыми клетками родителей (гаметами), а в основе положительного влияния неродственного скрещивания — наличие определенной степени их дифференциации.

Иных взглядов придерживаются сторонники классической генетики. Они полагают, что инбридинг сам по себе не вреден и не полезен. Все дело в наследственной природе животных или растений, которые были подвергнуты близкородственному скрещиванию. «Обычно считают, — читаем мы в справочнике «Биология» К. Вилли (1959, стр. 526), — что инбридинг — скрещивание между собой двух близкородственных организмов — вреден и ведет к появлению уродов. Однако в самом акте инбридинга нет ничего вредного. Селекционеры-практики постоянно применяют инбридинг для улучшения своих линий рогатого скота, кошек, кукурузы или дынь. Инбридинг не обязательно вреден и для человека: он просто повышает возможность перехода рецессивных генов в гомозиготное состояние и их фенотипического проявления. Все организмы гетерозиготны по многим генам; некоторые из скрытых таким образом рецессивных генов обуславливают желательные для нас признаки, другие — нежелательные. Если линия хороша, инбридинг ее улучшит; если в линии есть много нежелательных рецессивных признаков, то в результате инбридинга некоторые из

них могут проявиться фенотипически». То же самое мы находим в работах и других сторонников этого направления (Кру, 1929; Адамец, 1930; Синнот и Денн, 1934; Т. Морган, 1936; Мюнтцинг, 1963; East and Jones, 1919; Fisher, 1949; Clolin, 1956; Saunders, 1956).

Ссылка на широкое применение инбридинга в практике животноводства и растениеводства, которую мы находим в работах К. Вилли и других генетиков, не может служить доказательством его безвредности. Определенную ценность инбридинга как практического приема селекционной работы не отрицал и Ч. Дарвин. «Следует... ясно понимать,— писал он,— что выгода от скрещивания близких родственников, поскольку дело касается сохранения признаков, бесспорна и часто перевешивает вред, состоящий в некотором ослаблении организма» (1951, стр. 528).

В качестве доказательства правильности своего взгляда на инбридинг генетики ссылаются также обычно на действительно имевшие место случаи близкородственного скрещивания без видимых вредных последствий. Такие факты были известны и Ч. Дарвину, не пропедшему мимо них в своих работах. «Наша уверенность, что тесное родственное разведение приносит вред,— писал он,— до некоторой степени опирается на опыт скотоводов-практиков, особенно таких, которые разводили много быстро размножающихся животных; но она опирается также на несколько тщательно записанных опытов. У некоторых животных можно в течение долгого времени безнаказанно производить тесное родственное скрещивание, отбирая самых сильных и здоровых особей, но рано или поздно это все же приводит к печальным последствиям. Впрочем, зло наступает так медленно и постепенно, что легко ускользает от наблюдения, однако его можно оценить по почти мгновенному восстановлению роста, крепости и плодовитости, к которому приводит скрещивание длительно инбридированных животных с представителями другой семьи» (1951, стр. 581).

Необходимо отметить, что отдельные случаи близкородственного скрещивания без заметных вредных последствий буквально тонут в огромной массе материала, свидетельствующего о вреде инбридинга. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться со сводками фактического материала по инбридингу, которые можно найти, например, в работах Е. Иста и Д. Джонса (East and Jones, 1919), Кру (1929), Л. Адамца (1930), Г. Папалашвили (1936), являющихся, отметим кстати, сторонниками классической генетики, а также в статьях А. Я. Малаховского (1938а, 1938б) и К. М. Лютикова (1949). Фактический материал столь убедительно свидетельствует о вреде инбридинга, что этого не могут не при-

знать и авторы, стоящие на позициях классической генетики¹. Так, например, основной вывод, к которому пришел Г. Папалашвили (1936), состоит в том, что подавляющее большинство экспериментальных исследований неопровержимо свидетельствует о вреде тесного инбридинга и что вред этот не в состоянии нейтрализовать даже самый жестокий отбор (стр. 142, 145). Аналогичные высказывания мы находим у П. Кудрявцева (1934), Ш. Синнота и Л. Денна (1934, стр. 338), М. Л. Карпа (1940, стр. 221), Э. Клолина (Clolin, 1956, p. 248), Дж. Поттера (1957, стр. 89), Мюнтцинга (1963, стр. 276—280). Крупнейший американский генетик Дж. Шелл (1955, стр. 31) прямо утверждает, что инбридинг на деле всегда ведет к заметному вырождению.

Не меньшим камнем преткновения явились для формальных генетиков те факты, основываясь на которых Ч. Дарвин построил свое объяснение вреда инбридинга и пользы неродственного скрещивания.

С точки зрения классической генетики совершенно необъяснимым является факт относительного характера наступающего при инбридинге бесплодия. В противоречии с положениями этой теории находится получивший свое подтверждение в экспериментальных исследованиях советских ученых (Борисенко, 1939; Лебедев, 1940; Погосян, 1946; Аракелян, 1949, 1950) факт ослабления и ликвидации вредных последствий инбридинга путем воспитания скрещиваемых близкородственных животных в различных условиях.

Но самое большое затруднение для формальных генетиков представил отмеченный Ч. Дарвином факт резкого возрастания крепости, размеров, жизнеспособности потомства от скрещивания более или менее отличных друг от друга неродственных особей. Явление резкого повышения мощности гибридов по сравнению со средней величиной родительских форм или лучшей родительской формой детально было изучено Дж. Шеллом, предложившим в 1914 г. для его обозначения термин «гетерозис». Сам Дж. Шелл (1955), в целом придерживающийся положений классической генетики, в результате своих экспериментов пришел к выводу, что гетерозис невозможно объяснить с позиций менделизма. Собственный его взгляд заключается в том, что причиной гетерозиса яв-

¹ Особенно наглядными являются эксперименты с кукурузой. Как свидетельствуют опыты, инбридинг у кукурузы всегда, во всех случаях без исключения имеет своим следствием явную депрессию. Это признают все генетики (East and Jones, 1919, p. 113—114; Mangelsdorf, 1949, p. 537; Синнот и Денн, 1934, стр. 339; Т. Морган, 1936, стр. 80; Мюнтцинг, 1963, стр. 276—278).

ляется физиологическая стимуляция, в основе которой лежит генетическая разнокачественность соединяющихся родительских половых клеток — гамет (стр. 70—71). «Другими словами, — писал он, — сама гибридность — объединение несхожих элементов, состояние гетерозиготности — оказывает, по-моему, стимулирующее влияние на физиологическую активность организма» (цит. по: Ричи, 1955, стр. 117).

Концепция гетерозиса Дж. Шелла, явно перекликающаяся со взглядами Ч. Дарвина по этому вопросу, встретила поддержку со стороны ряда исследователей, в целом стоявших на позициях классической генетики. К такому объяснению толкал их, в частности, и такой факт, как прямая зависимость величины гетерозиса от степени дифференцированности скрещиваемых линий. В дальнейшем Д. Джонсом (East and Jones, 1919, p. 173—182) было выдвинуто чисто менделеевское объяснение гетерозиса. Однако созданная им теория доминирования мало удовлетворила, как это можно судить по содержанию работы, в которой она была подробно изложена, даже самих ее авторов.

Неудивительно, что один из авторов данной работы, Е. Ист (East, 1936), выступил в последующем против теории доминирования, противопоставив ей свою собственную. В этой теории гетерозис объясняется увеличением интенсивности обмена веществ, а последнее опять-таки генетической разнокачественностью соединяющихся гамет.

Интересно отметить, что в трудах формальных генетиков мы, собственно, находим все посылки для вывода о том, что в основе гетерозиса и депрессии при инбридинге лежит одна причина — степень дифференциации гамет. Так, например, у тех же Е. Иста и Д. Джонса (East and Jones, 1919) мы, с одной стороны, находим положение о том, что «степень, в которой выражен гетерозис, находится в прямом соответствии с различием в соединяющихся гаметах» (p. 162), а с другой — положение о прямой зависимости степени уменьшения крепости, размеров жизнеспособности организма при инбридинге от степени уменьшения гетерозиготности (p. 138). Однако само собой напрашивающийся вывод так и не был им сделан. Но целый ряд других ученых, стоявших первоначально в этом вопросе целиком на позициях классической генетики, под давлением фактического материала значительно приблизились к этому выводу (Нильсон, 1937, стр. 30—44), а некоторыми из них он и прямо был сделан (Альтшуллер, Борисенко, Поляков, 1935, стр. 538, 552; Кисловский, 1937, стр. 167). Сделав этот вывод, последние фактически, а часть из них и прямо порвали с формально-генетическим объяснением инбридинга и гетерозиса и

перешли на дарвиновские позиции (Лютков, 1936, ию 1946; Борисенко, 1939, 1941, 1957; Х. Куппер, 1941а, 1941б).

Большую роль в подобной эволюции взглядов этих ученых сыграла и критика формально-генетической концепции инбридинга со стороны исследователей, придерживавшихся дарвиновских взглядов по этому вопросу (Малховский, 1938а, 1938б; Турбин, 1950 и др.).

Подводя итоги всему сказанному выше, мы должны прежде всего подчеркнуть, что накопленный наукой со времени выхода в свет трудов Ч. Дарвина огромный фактический материал полностью подтвердил правильность выдвинутых им по вопросу о близкородственном и неродственном скрещивании положений. В ходе развития науки эти его положения получили дальнейшее развитие и конкретизацию.

Если попытаться собрать воедино основные высказывания о близкородственном и неродственном скрещивании, которые мы находим в работах сторонников дарвиновского направления, дополнив их тем ценным, что имеется в трудах представителей формально-генетического направления, то современное состояние этого вопроса коротко можно свести к следующему.

Для нормального развития организма требуется определенная степень сходства и различия между родительскими половыми клетками (гаметами), определенная степень гомо- и гетерозиготности, понимаемой в широком смысле этого слова. Сходство и различие половых клеток включает в себя два неразрывно связанных момента: сходство и различие биохимического состава клеток и сходство и различие их наследственных основ (определенную степень гомо- и гетерозиготности, понимаемой в узком смысле слова).

Определенная степень сходства и различия биохимического состава гамет является необходимым условием возникновения определенной нормальной для данного вида степени интенсивности метаболизма, обмена веществ, определенной нормальной для данного вида степени жизнеспособности или жизнестойкости организма. Определенная степень сходства и различия наследственных основ гамет является необходимым условием возникновения нормальной для данного вида степени приспособительной пластичности организма. При нормальной для данного вида степени сходства и различия гамет возникающий новый организм обладает нормальной для данного вида степенью жизнеспособности и приспособительной пластичности и мало отличается по своим размерам, конституции и другим качествам от исходных родительских форм.

При скрещивании организмов, степень различия гамет которых превышает норму (и соответственно степень сходства гамет кото-

рых меньше нормы), т. е. при гибридизации, возникает организм, отличающийся от исходных родительских форм. Результатом превышающего норму различия между биохимическим составом гамет является повышенная интенсивность метаболизма, которая находит проявление в большей мощности, жизнеспособности, размерах, крепости и т. п. гибридного организма по сравнению с исходными родительскими формами, короче говоря — в гетерозисе (Малаховский, 1938б, стр. 52 сл.; Х. Кушнер, 1941а, 1941б, стр. 265—268). Результатом превышающего норму различия между наследственными основами гамет является повышенный размах изменчивости, большая по сравнению с родительскими формами гибкость организма в приспособлении к внешней среде, большая его приспособительная пластичность (Борисенко, 1939, стр. 164; 1941, стр. 251; Камшилов, 1941, стр. 221; Мичурин, 1948, I, стр. 272—273, 340, 426, 445, 534 и др.; Лысенко, 1949, стр. 76, 90, 211, 258; Турбин, 1950, стр. 172, 192; Мортон, 1952, стр. 111—116; Бербанк, 1955, стр. 80, 95—99, 132—134; East and Jones, 1919, p. 201—202).

При скрещивании организмов, степень сходства гамет которых превышает норму (и соответственно степень различия которых ниже нормы), т. е. при инбридинге, будет наблюдаться явление, прямо противоположное. Результатом превышающего норму сходства биохимического состава гамет является пониженная интенсивность метаболизма, которая находит свое выражение в меньших размерах, крепости, жизнеспособности нового организма по сравнению с исходными родительскими формами, короче говоря, в инцухт-депрессии (Нильсон, 1937, стр. 43, сл.; Малаховский, 1938а, стр. 47—48; 1938б, стр. 52 сл.). При очень большом сходстве гамет их слияние и образование зиготы становится невозможным (Дарвин, 1951, стр. 555; Малаховский, 1938б, стр. 54). Результатом превышающего норму сходства наследственных основ гамет (и тем самым превышающей норму степени гомозиготности, понимаемой в узком смысле) является меньшая по сравнению с исходными родительскими формами степень эволюционной приспособительной пластичности организма, меньшая способность организма приспособляться к среде.

Тот факт, что инбридинг неизбежно ведет к обеднению наследственной основы организма, понижению размаха изменчивости, сужению приспособительных возможностей организма, к потере им эволюционной пластичности, что инбридированные организмы отличаются необычайным консерватизмом и крайне малой изменчивостью, признают почти все последователи как придерживающиеся дарвиновских взглядов, так и стоящие на формально-генетических

позициях (К п с л о в с к и й, 1937, стр. 167; 1940, стр. 272; Б о р и с е н к о, 1939, стр. 164; 1941, стр. 249; К а м ш и л о в, 1941, стр. 221; М и ч у р и н, 1948, I, стр. 272—273, 340, 534; Л ы с е н к о, 1949, стр. 138, 193, 258; М о р т о н, 1952, стр. 81—82; Б е р б а н к, 1955, стр. 139—140, 154—155; E a s t a n d J o n e s, 1919, p. 195—207; M a r t i n, 1956, p. 121—123).

Таким образом, основной вывод, который следует из изложенного выше материала, состоит в том, что близкородственное скрещивание (инбридинг, инцухт) биологически вредно для организма, ибо имеет своим неизбежным следствием снижение жизнеспособности организма и консервацию его наследственной основы. Причиной понижения жизнеспособности и уменьшения приспособительной пластичности организма является отсутствие достаточной степени дифференциации гамет, чрезмерное сходство между ними как по биохимическому составу, так и по генетическому. Кроме этой основной причины вреда инбридинга, может действовать и другая, именно та, которая была абсолютизирована формальными генетиками,— переход в гомозиготное состояние дефективных рецессивных генов. Результатом действия этой причины является возникновение различного рода уродств и аномалий у инбредных животных и растений.

3. Проблема эволюции небольшой изолированной популяции

Однако положения, изложенные в предшествующем разделе, не могут быть сразу непосредственно применены для выяснения того, какое влияние оказал инбридинг на развитие формирующихся людей и первобытного человеческого стада. Дело в том, что все эти положения основаны главным образом на экспериментах с выделением чистых инбредных линий. Длительный тесный инбридинг неизбежно ведет к расщеплению первоначально самой сложной гетерозиготной наследственной основы на все более увеличивающееся число все менее и менее гетерозиготных (т. е. все более и более гомозиготных) и все в большей и большей степени отличающихся друг от друга генотипов. В принципе этот процесс бесконечен, ибо абсолютное тождество наследственных основ невозможно, но в действительности он рано или поздно завершается выделением нескольких практически гомозиготных, практически не расщепляющихся дальше однородных линий. Все особи, принадлежащие к каждой из этих выделившихся линий, практически не отличаются друг от друга, но зато между особями, относящимися к разным линиям, существует значительное различие.

Выделение таких чистых гомозиготных линий может произойти лишь в результате систематического длительного тесного инбридинга. В естественных условиях длительный систематический тесный инбридинг практически невозможен даже у самоопыляющихся растений, не говоря уже о других организмах (Ромашов, 1931, стр. 477). Вполне понятно, что в отношении первобытного стада ни о каком систематическом инбридинге не может быть и речи. Если рассуждать абстрактно, то следует предположить, что в первобытном стаде каждая чистая линия, не успев еще возникнуть, должна была исчезнуть в результате скрещивания с другими такими же линиями, т. е. что в нем постоянно должно было существовать различие между индивидами по их биологической природе, должно было существовать многообразие наследственных основ. Отсюда недалеко и до вывода, что в первобытном стаде инбридинг в полном смысле слова не могло быть, а следовательно, не могло иметь в нем места и вредные последствия близкородственного скрещивания. Но подобный вывод находится в противоречии с фактическим материалом.

В литературе по генетике имеются данные не только по систематическому инбридингу, но и по бессистемному. Большой материал по бессистемному инбридингу в стадах крупного рогатого скота приведен в работе Н. И. Колесника (1939). В таком стаде наблюдались два, казалось бы, прямо противоположных явления: повышение гомозиготности, с одной стороны, и размаха изменчивости — с другой (стр. 1005—1006). Это объясняется прежде всего тем, что при скрещивании родственных гетерозиготных животных происходило расщепление на гомозиготные формы и стадо распадалось на несколько групп, имеющих разные наследственные основы, которые при суммарной обработке в целом характеризовались повышенным размахом изменчивости. Другая причина повышенного размаха изменчивости состояла в том, что не выдерживался принцип инбридирования на одного предка, животное инбридировалось одновременно на нескольких (стр. 996). Иначе говоря, каждая возникающая гомозиготная линия не сохранялась в чистоте, а скрещивалась с другими, в результате чего вновь появлялись гетерозиготные формы.

Таким образом, в стаде, в котором шел бессистемный инбридинг, наблюдался процесс возникновения чистых линий, терявших, однако, скоро свою чистоту, и соответственно многообразие наследственных основ. И тем не менее в этом стаде довольно явно сказывались вредные последствия инбридинга (стр. 989).

Вопрос о вредных последствиях бессистемного инбридинга в стадах крупного рогатого скота, лишь вскользь затронутый

Н. И. Колесником, подробно рассмотрен в работе К. М. Лютикова (1936). Как убедительно показал последний, бессистемный инбридинг неизбежно ведет к потере животными жизнеспособности, снижению плодовитости, ослаблению конституции, появлению уродств и в конечном счете к вырождению стада (стр. 18—19).

Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что даже в условиях постоянного появления и исчезновения инбредных линий, в условиях сохранения внутри стада многообразия наследственных основ инбридинг приводит к вредным последствиям. Однако они не дают нам возможности приблизиться к пониманию того, что же в действительности происходило в первобытном человеческом стаде, ибо относятся к стаду домашних животных, находящемуся под контролем человека. Чтобы приблизиться к такому пониманию, нужно было бы ознакомиться с процессами, протекающими в находящемся в естественных условиях изолированном стаде животных.

В естественных условиях изолированных стад животных не существует, но зато существуют в большей или меньшей степени изолированные небольшие популяции. Первобытное человеческое стадо в определенном отношении может рассматриваться как очень небольшая популяция, микропопуляция. Поэтому изучение процессов, протекающих в небольших изолированных популяциях, может помочь приблизиться к пониманию процессов, происходивших в изолированном первобытном человеческом стаде.

Генетика популяций, к которой необходимо обратиться, чтобы получить ответ на вопрос о том, какие процессы происходят в небольших изолированных популяциях, разрабатывалась почти исключительно учеными, являвшимися сторонниками классической генетики и мутационно-селекционной теории (С. С. Четвериков, Д. Д. Ромашов, Н. П. Дубинин, С. Райт, Дж. Холден, Р. Фишер). Их схемы, пусть в очень грубой и приближенной форме, отражают некоторые моменты реальных процессов, протекающих в популяции².

Основных законов теории популяций два. Сущность первого из них — закона равновесия при свободном скрещивании (закона Харди — Вайнберга) состоит в том, что относительная численность гомозиготных (доминантных и рецессивных) и гетерозиготных индивидов в условиях свободного скрещивания и при полном отсутствии отбора остается постоянной, если произведение числа доми-

² Кстати, нужно отметить, что и сами они рассматривают свои схемы лишь как первое, очень грубое приближение к реальным процессам (Четвериков, 1926, стр. 51; Дубинин, 1931, стр. 778).

пантных гомозиготных индивидов на число рецессивных гомозиготных индивидов равно квадрату половины гетерозиготных форм. Из этого закона следует, что свободно скрещивающаяся популяция может находиться в равновесии при любом отношении численности гомозиготных доминантных и рецессивных форм. Сущность второго закона — закона стабилизирующего скрещивания (закона Харди — Пирсона) — заключается в том, что в условиях свободного скрещивания при любом исходном соотношении численности родительских гомозиготных и гетерозиготных форм в результате первого же скрещивания внутри популяции устанавливается равновесие.

Таким образом, с точки зрения генетики популяций в популяции, если на нее не действуют внешние силы, не может происходить ни гомозиготация, ни гетерозиготация. Соотношение гомозиготных и гетерозиготных форм остается в ней неизменным.

Но эти законы, да и то в значительной мере условно, применимы лишь к неограниченной популяции. В условиях же более или менее ограниченной популяции выступает своеобразный фактор, влияющий на ее генетическую структуру. Им являются генетико-автоматические процессы (генетический дрейф), теория которых в советской литературе нашла свою разработку в работах Н. П. Дубинина (1931, 1932, 1940а, 1940б; Дубинин и Ромашов, 1932) и Д. Д. Ромашова (1931).

В отличие от неограниченной большой популяции в ограниченной популяции передача данной концентрации гена следующему поколению происходит с той или иной ошибкой, с тем или иным отклонением от закона Харди — Вайнберга. Сущность генетико-автоматических процессов и состоит в колебаниях концентрации генов на основе случайных отклонений при переходе от одного поколения к другому. В процессе развития от поколения к поколению эти случайные отклонения наслаиваются друг на друга и приводят к изменению генетического состава популяции. «Эти колебания, — пишет Н. П. Дубинин (1932, стр. 137), — оказываются совсем не безразличными. Они в условиях любой величины ограниченной популяции приводят к определенному концу. Этот конец состоит в том, что через случайное наслаивание ошибок, идущее во многих случаях по запутаннейшим путям, в итоге мы всегда получаем при отсутствии отбора полную гомозиготацию популяции» (см. также: Дубинин и Ромашов, 1932, стр. 56—59; Шмальгаузен, 1946а, стр. 159—160; Вилли, 1959, стр. 549 и др.).

Действие генетико-автоматических процессов, переводящих популяцию в гомозиготное состояние, с разной силой проявляется в различных популяциях. В больших популяциях значение генетико-автоматических процессов ничтожно. Чем меньше популяция, тем

больше роль генетико-автоматических процессов, тем быстрее идет в ней процесс изогаметации, тем быстрее она приходит в гомозиготное состояние. Скорость процесса изогаметации зависит и от степени изолированности популяции. Чем более полной является изоляция популяции от всех остальных, тем быстрее она становится гомозиготной (Дубинин, 1931, стр. 469). С особой интенсивностью протекают процессы генетического дрейфа в популяциях, в которых имеет место отклонение от свободного скрещивания, в которых нет равномерного размножения (Дубинин, 1931, стр. 469; Ромашов, 1931; Дубинин и Ромашов, 1932, стр. 12). В ограниченных популяциях небольших размеров действие генетико-автоматических процессов может даже соперничать с действием естественного отбора. В ряде случаев эти процессы вопреки естественному отбору могут очень сильно увеличить концентрацию гена, определяющего относительно нецелесообразный признак (Дубинин, 1931, стр. 472; 1940б, стр. 292; Тахтаджян, 1957, стр. 601).

Таким образом, генетика популяций помогает уяснить судьбу очень небольшой изолированной популяции. В результате изоляции она начнет превращаться в группу индивидов, связанных разными степенями кровного родства. Если бы не существовало генетико-автоматических процессов, то в ней происходил бы, как уже указывалось, процесс возникновения и исчезновения чистых инбредных линий. В результате действия генетико-автоматических процессов одна из возникающих и исчезающих гомозиготных линий неизбежно должна взять верх и вытеснить все остальные. В результате такая популяция неизбежно превратится по существу в чистую инбредную линию.

На пути к превращению в чистую инбредную линию стоят все имеющиеся в природе небольшие изолированные популяции, и вполне понятно, что в них в той или иной степени должны проявляться последствия инбридинга. И эти последствия действительно проявляются. Характерной особенностью небольших изолированных популяций является потеря ими эволюционной пластичности и крайний консерватизм. «Очень малые популяции, — пишет Н. П. Дубинин (1940б, стр. 297—298), — теряют пластичность, в них создаются неблагоприятные условия для эволюции. Такие популяции часто ведут к гибели, к вырождению». «Вряд ли можно сомневаться, — вторит ему М. И. Шмальгаузен (1946а, стр. 160), — что малые изолированные популяции не имеют никаких перспектив в прогрессивной эволюции». «...Индивидуальная изменчивость малых популяций, — продолжает он несколькими страницами ниже, — поддерживается всегда на очень низком уровне. Поэтому

такие популяции очень консервативны» (стр. 164). Аналогичные высказывания мы находим у С. Райта (Wright, 1932, р. 360—362), Дж. Холдена (1935, стр. 117), А. Л. Тахтаджяна (1957, стр. 601).

4. Влияние изоляции и инбридинга на эволюцию палеантропов и развитие производства

Приведенные выше данные дают нам возможность в общих чертах представить себе, какое влияние оказали изоляция и инбридинг на эволюцию формирующихся людей и развитие первобытного человеческого стада.

Главным следствием инбридинга является понижение жизнеспособности и потеря эволюционной пластичности. Первое неблагоприятное следствие инбридинга в определенной степени может быть нейтрализовано изменением условий существования. Что же касается второго, то оно почти не поддается нейтрализации. Поэтому именно оно должно было в первую очередь оказать влияние на эволюцию формирующихся людей.

Как уже отмечалось, направление биологической эволюции пралюдей определялось развитием производства. В течение всего периода становления человека и общества производство, развиваясь, предъявляло определенные требования к морфологической организации архантропов, требовало ее дальнейшего совершенствования и прежде всего прогрессивного развития руки и мозга. Блосоциальный отбор, выполняя заказы производства, совершенствовал физическую организацию людей в требуемом направлении, а именно, в направлении, ведущем к *Homo sapiens*, и тем самым открывал дорогу для дальнейшего саморазвития производственной деятельности.

Изоляция и инбридинг имели своим неизбежным следствием обеднение наследственности формирующихся людей, утерю их физической организацией эволюционной пластичности, приобретение всем их морфологическим обликом консервативного характера. В результате стала невозможной сколько-нибудь существенная перестройка морфологической структуры архантропов, стало невозможным дальнейшее их развитие в направлении, ведущем к *Homo sapiens*, дальнейшая сапиентация, стало невозможным дальнейшее освобождение производственной деятельности от животной, рефлекторной формы. Тем самым был закрыт путь для преодоления противоречия между потребностями совершенствования производства и физической организацией пралюдей и, как следствие, стали невозможными сколько-нибудь существенные сдвиги в раз-

витии производственной деятельности. Эволюция последней должна была приобрести в определенной степени застойный характер.

Все это не могло не сказаться на развитии деятельности пра-людей по приспособленню к окружающей среде. До сих пор их приспособительная деятельность, представлявшая собой главным образом деятельность с использованием изготовленных орудий, совершенствовалась прежде всего в результате развития производственной деятельности. Последняя, эволюционируя, доставляла все более и более совершенные орудия. Использование таких орудий, естественно, делало более совершенной и деятельность по приспособленню к среде с помощью орудий. Само развитие способности к приспособительной деятельности определялось прежде всего эволюцией способности к производственной деятельности. Производственная деятельность, все в большей и большей степени освобождаясь от рефлекторной, животной формы, освобождала от нее и деятельность приспособительную. Шедший под направляющим и определяющим влиянием производственной деятельности процесс сапиентации, представлявший собой прежде всего процесс совершенствования способности к производству, был в то же время в значительной степени и процессом совершенствования способности к приспособительной деятельности.

С прекращением прогресса способности к производственной деятельности сколько-нибудь значительное совершенствование деятельности по приспособленню к среде с помощью орудий могло идти лишь по одному пути — пути совершенствования способности к самой этой и только этой деятельности. Этот путь также предполагал определенные изменения физической организации формирующихся людей, но в то время как совершенствование способности к производственной деятельности требовало и предполагало такое изменение морфологической организации человека, которое бы сделало возможным дальнейшее освобождение труда от рефлекторной формы, требовало и предполагало дальнейшее повышение уровня сапиентации, т. е. существенной перестройки морфологической организации, совершенствование способности к приспособительной деятельности возможно было и без дальнейшего освобождения человеческой деятельности от рефлекторной формы, без дальнейшей сапиентации, т. е. без сколько-нибудь существенной перестройки морфологической организации человека.

Наступившая в результате изоляции и инбридинга потеря морфологической организацией пралюдей эволюционной пластичности не могла быть, понятно, абсолютной. Консервативность всего морфологического облика формирующихся людей не означала его полной неспособности к каким бы то ни было изменениям. Она была

препятствием лишь для сколько-нибудь существенной перестройки морфологической организации архантропов. Изоляция и инбридинг, сделав невозможным дальнейшее совершенствование способности пралюдей к производственной деятельности, дальнейшую их сапиентацию, в то же время не препятствовали совершенствованию их способности к приспособительной деятельности при условии, если оно не требовало повышения достигнутого уровня сапиентного развития.

Уяснить изменения, происшедшие в биологическом развитии формирующихся людей, помогает эволюционная морфология. Одним из крупнейших представителей этой науки А. Н. Северцевым (1945в, 1949) было выдвинуто положение о существовании четырех основных направлений биологического прогресса животных. Из этих четырех направлений биологической прогрессивной эволюции животных интерес для нас представляют два: направление ароморфоза и направление идиоадаптации. Под ароморфозами А. Н. Северцев понимал такие приспособительные изменения, которые ведут к повышению морфологического уровня организации животного, под идиоадаптациями — такие изменения приспособительного характера, которые не повышают его. «...Я назвал „ароморфозами“, — писал А. Н. Северцев (1949, стр. 216), — изменения универсального характера, благодаря которым организация животных поднимается на более высокую ступень и которые дают возможность дальнейшего прогрессивного изменения, и назвал „идеоадаптациями“ все изменения приспособительного характера, все приспособления к строго определенным условиям среды, которые не повышают общей энергии жизнедеятельности животных».

В определенном смысле эти понятия условно применимы и для характеристики процесса изменения морфологического типа формирующихся людей. Совершенствование способности к производственной деятельности, развитие в сапиентном направлении, сапиентация может быть охарактеризована как явление, в определенном смысле аналогичное ароморфозу. Совершенствование способности только к приспособительной деятельности без повышения достигнутого уровня сапиентации может быть охарактеризовано как явление, в определенном отношении аналогичное идиоадаптации.

А. Н. Северцев (1949, стр. 231), раскрывая отношение между ароморфозами и идиоадаптациями, писал, что идиоадаптации могут иметь место и во время ароморфозов, но лишь такие, которые

«не стоят на пути развития активных функций данной формы». Совершенствование способности только к приспособительной деятельности имело место и в период, предшествовавший изоляции и инбридингу, но лишь в такой степени, в какой оно не мешало совершенствованию способности к производственной деятельности, процессу сапиентации. Возникновение изоляции и инбридинга сделало невозможным дальнейшее совершенствование способности пралюдей к производственной деятельности, дальнейшее их развитие в сапиентном направлении, дальнейший их ароморфоз. Остался лишь один путь — путь совершенствования способности к приспособительной орудийной деятельности без повышения достигнутого уровня сапиентации, путь идиоадаптации. В результате этого совершенствование способности только к приспособительной орудийной деятельности (идиоадаптация), бывшее раньше подчиненным моментом развития, стало основной формой эволюции морфологического облика формирующихся людей.

Таким образом, неизбежным следствием изоляции и инбридинга было отклонение развития морфологической организации формирующихся людей в сторону от направления, ведущего к *Homo sapiens*, в сторону от сапиентного направления.

Совершенствование способности к деятельности по использованию орудий без повышения достигнутого уровня сапиентации могло происходить в основном лишь путем возрастания физической силы индивидов. При всех прочих равных условиях наибольшее преимущество в деятельности по приспособлению к среде с помощью грубых, примитивных орудий дает физическая сила. Поэтому с прекращением процесса сапиентации развитие формирующихся людей неизбежно должно было пойти по линии возрастания индивидуальной физической силы, что не могло не привести к общему огрублению всего их морфологического облика.

Эволюция морфологического облика пралюдей в сторону возрастания физической силы, в асапиентном направлении, как всякая биологическая приспособительная эволюция, не могла происходить без той или иной формы отбора. Этой формой отбора не мог быть биосоциальный отбор. Последний, как указывалось, представлял собой отбор, всецело подчиненный производству и удовлетворяющий заказы производства, причем прежде всего отбор коллективов и только тем самым отбор индивидов. С потерей организациями пралюдей эволюционной пластичности биосоциальный отбор оказался бессильным выполнять требования, предъявляемые к морфологической организации пралюдей развитием производства, и в значительной степени утерять свое значение как фактор биологической эволюции архантропов. Из фактора, определявшего в со-

ответствии с требованиями производства изменение морфологического облика пралюдей в сапиентном направлении, он превратился в фактор, в лучшем случае лишь поддерживающий достигнутый организмом архантропов уровень сапиентации.

Эволюция архантропов в асапиентном направлении не только не вызывалась потребностями развития производства, но даже в определенном смысле вступала в противоречие с ними. Отбор, определявший изменение пралюдей в асапиентном направлении, не направлялся производством. Он был не подчиненным производству фактором, как биосоциальный отбор, а главным и основным фактором, определявшим направление биологической эволюции палеантропов. В этом отношении он не отличался от обычного естественного отбора. Далее, этот отбор представлял собой прежде всего отбор индивидов. В процессе этого отбора прежде всего выживали индивиды, обладавшие большей, чем остальные, физической силой. В этом отношении он также обнаруживал сходство с обычным индивидуальным естественным отбором. Однако в то же время нельзя не видеть и определенного различия между действием обычного индивидуального естественного отбора и действием отбора, определявшего развитие архантропов в асапиентном направлении.

В силу сплоченности стада палеантропов все то, что давало отдельным его членам преимущества в борьбе с природой, давало преимущества в этой борьбе и всем остальным его членам, давало преимущества всему стаду в целом. В этом смысле отбор, определявший развитие архантропов в асапиентном направлении, был отбором не только индивидов, но и коллективов. В целом все же его скорее всего можно считать стоящим ближе к естественному индивидуальному отбору. Под определяющим, направляющим действием этого отбора шло изменение морфологического облика пралюдей в сторону возрастания физической силы, в сторону огрубления всей физической организации, в сторону от направления, ведущего к *Homo sapiens*.

Временем превращения первобытного стада из коллектива полуизолированного в коллектив, замкнутый в себе, изолированный был период позднего апеля — раннего мустье. К концу этого периода и началу следующего — позднего мустье — нужно ожидать появления по крайней мере части отмеченных выше следствий изоляции и инбридинга. И они действительно появляются.

На грани раннего и позднего мустье происходит, как уже об этом говорилось раньше (глава VIII), превращение ранних палеантропов в поздних (классических неандертальцев). Общеизвестным является факт крайней консервативности всего морфоло-

гического облика классических неандертальцев. Многие ученые прямо характеризовали их как консервативных неандертальцев, противопоставляя их прогрессивным палеантропам типа Эрингсдорф. Столь же неоспоримым является и факт отклонения их эволюции от сапиентного направления, факт их развития по пути идиоадаптации, частным случаем которого является, как известно, специализация. Почти все антропологи без исключения характеризуют палеантропов типа Шапелль как крайних, специализированных неандертальцев, противопоставляя их умеренным, генерализованным неандертальцам типа Эрингсдорф.

Отчетливо идиоадаптивный, специализированный характер носило развитие всей морфологической организации классических неандертальцев, в том числе и эволюция головного мозга. Глубокий анализ различий между направлениями развития головного мозга у неандертальцев типа Шапелль и предшествовавших им неандертальцев типа Эрингсдорф находим мы в работах В. П. Якимова (1949а, 1950а, 1950б). «Наиболее значительное различие между группами европейских неандертальцев — Шапелль и Эрингсдорф, — пишет он, — заключается в объеме и развитии головного мозга, о чем вполне достоверно можно судить по строению и форме мозгового черепа» (1949а, стр. 34).

При переходе от протантропов к ранним палеантропам произошло не только увеличение массы мозга примерно на 30%, но, и это главное, его значительная морфологическая перестройка, о характере которой позволяет судить череп последних, отличающийся сравнительно высоким лбом и значительной высотой свода. «Морфологическое исследование слепков внутренней полости черепа неандертальцев группы Эрингсдорф, — пишет В. П. Якимов (1949а, стр. 37), — показывает, что это повышение свода черепа может быть связано с прогрессивным разрастанием областей локализации высших функций коры больших полушарий». «Расположение борозд, развитие отдельных областей и общая форма мозга у неандертальцев этой группы, — указывает он в другом месте той же работы (стр. 35), — обнаруживает определенное сходство с таковым у современного человека».

Объем головного мозга неандертальцев типа Шапелль доходил до 1700 см³. Он не только превышал объем мозга неандертальцев группы Эрингсдорф, но и средний объем мозга современных людей. Но большой по массе мозг классических неандертальцев отличался морфологической примитивностью. Вот что пишет по этому вопросу В. П. Якимов: «Длинный и низкий, широкий в затылочной и узкий в лобной части, он сходен не только с мозгом обезьянолюдей (питекантроп — синантроп), но даже с мозгом антропоид-

ных обезьян. Это сходство подчеркивают число и расположение борозд на поверхности мозга, а также наличие так называемого „мозгового клюва“, в котором продолжают лобные доли. Но наиболее характерным признаком строения головного мозга шапелльцев является незначительная высота мозга в лобной и теменной областях, с чем коррелятивно связана сильная покатость лба и особенно малая высота свода черепа» (1949а, стр. 35).

На основании всех этих данных В. П. Якимов делает следующее заключение о том направлении, в котором шло развитие мозга классических неандертальцев: «Общее значительное увеличение объема мозга происходило равномерно по всей массе коры и почти не сопровождалось преимущественным прогрессивным развитием областей коры, связанных с локализацией специфически человеческих функций. Для неандертальцев группы Шапелль характерно количественное преобразование мозга, а не качественная его перестройка» (1949а, стр. 37. Подчеркнуто мною.— Ю. С.).

Не менее ярко выраженный идиоадаптивный, специализированный характер, чем развитие головного мозга, носила и эволюция скелета и скелетной мускулатуры поздних палеантропов. Многочисленные признаки специализации скелета и зубного аппарата классических неандертальцев отмечены в работах Г. А. Бонч-Осмоловского (1941, 1954), М. А. Гремяцкого (1948), Я. Я. Рогинского (1949, 1956, 1959), В. П. Якимова (1949а, 1950а, 1950б), А. Валлуа (Vallois, 1954, 1962), В. Хоуэллса (Howells, 1954, р. 92—93), В. Ле Гро Кларка (Clark Le Gros, 1956, р. 103—104). Не излагая их содержание, отметим лишь, что классические неандертальцы в отличие от своих непосредственных предшественников обладали грубым, очень массивным скелетом, многие особенности которого свидетельствуют о наличии у них необычайно мощной мускулатуры и соответственно большой физической силы. На последнее обстоятельство особое внимание обращено в работах А. Н. Юзефовича (1938), Г. А. Бонч-Осмоловского (1939, стр. 7; 1941, стр. 133 сл.), Г. А. Шмидта (1948, стр. 90—92), В. П. Якимова (1949а, стр. 40; 1949б, стр. 241—244; 1950а, стр. 27—30), В. Хоуэллса (Howells, 1954, р. 92), В. П. Алексеева (1960, стр. 184—188). Все данные о морфологическом облике классических неандертальцев, которыми располагает наука, свидетельствуют о том, что их развитие шло по линии возрастания массы тела, мощности мускулатуры и соответственно физической силы. Такой вывод и был сделан В. П. Якимовым. «Развитие индивидуальной физической силы,— читаем мы у него,— характеризует путь прогрессивной специализации, приведшей к формированию

морфологического типа неандертальцев группы Шапелль» (1950а, стр. 27).

В тесной связи с этим выводом стоит и другой, сделанный им, а именно: вывод об усиленном действии естественного отбора в среде классических неандертальцев (1949а, 1950а, 1954). Усиленные действия естественного отбора, определившее, по мнению В. П. Якимова, развитие данной группы неандертальцев по пути прогрессивной специализации, он объясняет ухудшением условий существования в Западной Европе, связанным с наступлением ледника³. Сходные взгляды мы находим в работах Ф. Хоуэлла (Howell, 1951, 1952, 1958), который также связывает морфологическую специализацию классических неандертальцев с ухудшением условий существования и увеличением интенсивности естественного отбора.

Мы не можем согласиться с изложенной выше точкой зрения. Как было выяснено выше, в основе действительно имевшего место значительного усиления действия естественного отбора, определившего развитие неандертальцев по линии идиоадаптации, лежали не внешние факторы, а внутренние. Но в то же время вряд ли можно сомневаться в том, что интенсивность этого отбора в среде неандертальцев, находившихся в неблагоприятных условиях, была более велика, чем в среде неандертальцев, находившихся в сравнительно благоприятных условиях. Это делает весьма вероятным, что классические неандертальцы Западной Европы в силу неблагоприятных условий жизни дальше отклонились от сапинтного направления, чем неандертальцы на внеледниковых территориях, что они являются самыми крайними специализированными формами среди поздних палеантропов. Это предположение подтверждается находками классических неандертальцев «смягченного» типа в пещерах Шанидар, Табун и, быть может, Тешик-Таш.

Из всех проблем, связанных с особенностями морфологии классических неандертальцев, наибольшее внимание советских исследователей привлек к себе вопрос о строении кисти рук этих палеантропов вообще, о форме запястно-пястного сустава первого пальца руки в частности (Юзефович, 1938; Бонч-Осмоловский, 1939, 1941, 1944а, 1944б; Якимов, 1947а, 1949а, 1949б, 1950а, 1956; С. Семенов, 1950; В. П. Алексеев, 1960 и др.).

Как у антропоидов, так и у современного человека этот сустав имеет седловидную форму. У классических неандертальцев форма запястно-пястного сустава большого пальца руки отличалась не-

³ Напомним, что, по мнению В. П. Якимова, классические неандертальцы представляют собой не определенную стадию в эволюции палеантропов, а изолированную в пределах Западной Европы группу.

обычайной вариабельностью: у человека из Ля Шапелль он имеет шаровидную форму, у человека из Киик-Кобы — цилиндрическую, у женщины из Ля Ферасси — плоскую, а у мужчины из той же пещеры — слабо седловидную. Если учесть, что все формы пястно-запястного сустава первого пальца руки, кроме седловидной, являются нецелесообразными, затрудняющими трудовую деятельность, то вполне естественно возникает вопрос: «почему, под влиянием каких сил появились на неандертальской ступени развития нецелесообразные — с точки зрения трудовой функции кисти — формы пястно-запястного сустава первого луча; почему они могли существовать в непосредственном соседстве со старой и в конце концов пережившей их седловидной формой и почему они совершенно исчезли с переходом человека в новую стадию развития, к современному типу человека?» (Юзефович, 1938, стр. 43). Кроме А. Н. Юзефовича, на этот вопрос пытались дать ответ почти все из названных выше исследователей.

На наш взгляд, происшедшая при переходе к поздним палеантропам утрата пястно-запястным суставом первого пальца руки седловидной формы и вариабельность форм этого сустава у разных представителей классических неандертальцев должна быть поставлена в связь с изоляцией, инбридингом и генетико-автоматическими процессами. Возникшие шаровидная, цилиндрическая и плоская формы этого сустава не были отмечены отбором и заменены седловидной, ибо наличие последней не давало неандертальцам типа Шапелль никаких преимуществ. Наличие шаровидной и т. п. форм сустава было, конечно, препятствием для дальнейшего развития производственной деятельности, но не единственным и не главным. Основным препятствием, как уже отмечалось, был консерватизм всего морфологического облика поздних палеантропов.

Возникновение шаровидной и т. п. форм сустава делало руку менее способной к совершению тонких трудовых движений. Но к тому же результату вело наблюдавшееся у классических неандертальцев возрастание мощности мускулатуры кисти. «...Наличие большой мышечной массы,— писал В. П. Якимов (1950, стр. 29),— связывало более тонкие движения кисти и пальцев, какие были необходимы для дальнейшего развития и совершенствования техники изготовления каменных орудий». Наличие мощной мускулатуры кисти само по себе делало руку классического неандертальца мало способной к совершению тонких операций, независимо от формы пястно-запястного сустава первого луча кисти. Что же касается остальных операций, то в выполнении их рука с седловидной формой этого сустава не имела сколько-нибудь заметных преимуществ перед рукой с иной его формой, ибо недо-

статки шаровидной, цилиндрической, плоской формы сустава компенсировались наличием мощной мускулатуры кисти классических неандертальцев (Юзефович, 1938, стр. 42; Якимов, 1949а, стр. 40; 1949б, стр. 243; 1950а, стр. 29).

Данные антропологии свидетельствуют о том, что в результате развития по линии адаптации, линии специализации рука классических неандертальцев приобрела такое строение, которое не только было препятствием для дальнейшего совершенствования производственной деятельности, но и делало ее в определенной степени менее способной к производственной деятельности, чем руку ранних неандертальцев. К определенному снижению способности к производственной деятельности вело и наступившее в результате эволюции по линии адаптации общее огрубление морфологического облика поздних палеантропов. Все это не могло не сказаться отрицательно на развитии техники позднего мустье. В главе VII мы приводили соответствующие высказывания Г. Осборна (1924, стр. 148) и П. П. Ефименко (1953, стр. 242). Не повторяя их, отметим, что Г. Осборн прямо связывал застойный характер развития техники позднего мустье, проявление в нем черт регресса с ухудшением физической организации людей. «Мустьерские орудия по сравнению с ашельскими, — писал он, — производят такое впечатление, как будто они были изготовлены людьми, обладавшими менее развитой физической организацией» (1924, стр. 197).

Интересно в этой связи заметить, что Р. Солецкий обращает внимание не только на консервативность морфологического облика людей из Шанидар, практически не менявшегося на протяжении более чем 15 тысяч лет, но и на застойный (стагнирующий) характер их типично мустьерской индустрии, не претерпевшей никаких сколько-нибудь значительных изменений в течение всего этого времени (S o l e s k i, 1963, p. 187).

В заключение необходимо отметить, что положение о неблагоприятном влиянии на физический облик поздних неандертальцев изоляции и инбридинга в самой общей форме высказывалось П. П. Ефименко (1934а, 1934б, 1938, 1953), Ю. Кричевским (1934) и П. И. Борисовским (1935, 1957а). «Надо полагать, — писал первый, — что замкнутость еще очень примитивных мустьерских общин, имевшая своим результатом скрещивание в течение многих поколений внутри небольшой группы людей, родственных по крови, не могла не оказывать неблагоприятного влияния на физическую породу неандертальца» (1953, стр. 258—259). «Первобытное стадо, — указывает последний, — было группой эндогамной... Таким образом, господствовало кровосмешение, которое тормозило

развитие физической природы человека и в конечном счете привело к вырождению. Особенно сильно эти вредные последствия кровосмешения должны были сказываться в конце мустьерской эпохи. Раньше постоянные перекочевки, связанные с переменой окружающей среды, несколько нейтрализовали вред, приносимый кровосмешением. Теперь же, в связи с начатками оседлости, эта нейтрализация перестала оказывать влияние» (1957а, стр. 195).

К выводу, что многие особенности морфологического облика поздних палеантропов невозможно объяснить, не допустив существования тесного инбридинга в их объединениях, пришли в последнее время некоторые антропологи (Т h o m a, 1957; см. также: К о р о б к о в, 1963).

5. Кризис первобытного человеческого стада и пути выхода из него

Таким образом, превращение первобытного человеческого стада в крепкий, сплоченный и тем самым замкнутый, изолированный коллектив неизбежно привело к инбридингу, утере организмом формирующихся людей эволюционной пластичности, отклонению их развития от сапиентного направления и тем самым к прекращению дальнейшего прогрессивного развития производственной деятельности и даже к некоторой ее деградации.

Происшедшее на грани раннего и позднего мустье резкое повышение уровня сплоченности первобытного стада свидетельствовало об огромных успехах, достигнутых социальным в борьбе с биологическим. Но результатом этой победы было прекращение биологического развития человека в нужном для дальнейшего совершенствования производственной деятельности направлении, прекращение процесса сапиентации и тем самым процесса формирования производительных сил, а следовательно, и становления человеческого общества. Однако завершение формирования социальных, производственных отношений стало невозможным не только вследствие приостановки становления производительных сил. Оно зашло в тупик и само по себе.

Как уже указывалось, с момента появления половых производственных табу развитие первобытного человеческого стада состояло прежде всего в том, что производственные, социальные отношения все в большей и большей степени вытесняли половые, биологические из жизни коллектива. Процесс формирования социальных отношений был, таким образом, одновременно и процессом вытеснения половых, биологических отношений из объединения форми-

рующих людей. А это неизбежно должно было рано или поздно сказаться на воспроизводстве человека.

Как установлено наукой, зачатие у человека возможно не в любой момент менструального цикла, средняя продолжительность которого равняется 28 дням, а лишь в течение кратковременного, не превышающего, по всей вероятности, двух суток его отрезка — фертильного периода (Bergman, 1950; Farris, 1956; Виллч, 1959, стр. 463 и др.). Поэтому к нему могут привести не все вообще половые акты, а лишь те из них, которые будут иметь место во время фертильного периода или будут немного предшествовать ему. Необходимым условием зачатия является совпадение во времени половых актов с этим периодом.

Такое совпадение является наиболее вероятным, когда имеют место более или менее систематические, регулярные половые сношения. При половых сношениях, имеющих эпизодический характер, такое совпадение может произойти лишь случайно. Вероятность зачатия в последнем случае невелика. Нормальное размножение человека предполагает, таким образом, существование более или менее систематических, регулярных половых сношений.

В результате возникновения половых производственных табу половые отношения в первобытном человеческом стаде приобрели эпизодический характер. Они стали возможны лишь в течение сравнительно кратковременных отрезков времени — тотемико-оргастических праздников. И это не могло не привести на определенном этапе к падению рождаемости в тотемистическом первобытном стаде с ограниченным промискуитетом. В этом же направлении действовал и наступивший в результате изоляции инбридинг. Как уже указывалось, одним из следствий близкородственного скрещивания является понижение плодовитости. Неизбежным следствием было возникновение тенденции к превращению воспроизводства людей в первобытном стаде из расширенного в простое и далее в суженное, тенденции к уменьшению размеров первобытного стада поздних палеантропов по сравнению с размерами стада их предшественников.

В пользу предположения о существовании такой тенденции говорят некоторые данные археологии. Особенно интересными в этом отношении являются результаты раскопок Г. А. Бонч-Осмоловского в гроте Киик-Коба (1940). Исследованиями последнего было установлено, что максимальная площадь, занятая культурными остатками нижнего слоя, соответствует перекрытой сводами камере и равняется примерно 70 м² (стр. 95). Это свидетельствует о том, что в эпоху позднего апеля — раннего мустье, к которой относится нижний горизонт, пещера была очень плотно заселена.

По мнению Г. А. Бонч-Осмоловского, первобытный коллектив, обитавший в это время в гроте, насчитывал в своем составе 30—50 человек (стр. 95). Что же касается площади, занятой культурными остатками верхнего слоя, относящегося к позднему мустье, то, согласно данным Г. А. Бонч-Осмоловского (стр. 131), она равняется всего лишь 50 м². Таким образом, площадь, занятая культурными остатками верхнего горизонта Киик-Кобы, на 20 м², т. е. почти на треть, меньше площади, занятой культурными остатками нижнего слоя.

Сам Г. А. Бонч-Осмоловский выдвигает два возможных объяснения этого факта. Одно из этих объяснений, состоящее в том, что на размерах площади, занятой верхним культурным слоем, сказалась меньшая длительность заселения грота в эпоху, к которой относится этот слой, не может быть принято. Длительность заселения могла сказаться и сказалась на мощности культурного слоя, но не на его площади. Единственно правильным, на наш взгляд, является другое предложенное Г. А. Бонч-Осмоловским объяснение этого факта, заключающееся в том, что в эпоху, к которой относится верхний слой, в гроте обитал меньший по размерам коллектив, чем в ту, к которой относится нижний горизонт. Таким образом, данные, относящиеся к Киик-Кобе, свидетельствуют о меньшем размере первобытного стада классических неандертальцев по сравнению с размерами коллектива их предшественников. Эти данные не являются единственными. На основании целого ряда других фактов к выводу об уменьшении численности населения в эпоху позднего мустье пришел А. Грдличка (Hrdlička, 1929, p. 618).

Увеличение длительности периодов полового воздержания должно было непрерывно усиливать эту тенденцию, и рано или поздно неизбежно должен был быть достигнут предел расширения сферы действия половых производственных табу. По достижении этого предела процесс формирования социальных отношений прекратился. Дальнейшее вытеснение социальными отношениями половых из жизни коллектива могло иметь своим следствием лишь его исчезновение.

Таким образом, с переходом к позднему мустье первобытное человеческое стадо с ограниченным во времени промискуитетом вступило в период кризиса. Старая форма стала непреодолимым препятствием на пути развития содержания. Ни процесс формирования производственных сил, ни процесс становления производственных, социальных отношений не мог завершиться без какой-то коренной перестройки структуры формирующегося общества. И она произошла.

Развитие первобытного стада с ограниченным промискуитетом не только сделало эту перестройку необходимой, но и создало условия для ее осуществления. Вытеснение половых отношений социальными было необходимым условием развития производственной деятельности в этом стаде. Но на определенном этапе оно неизбежно привело к появлению все более углублявшейся тенденции к превращению воспроизводства основного элемента формирующихся производительных сил — человека — в суженное. В результате противоречие между производством и детопроизводством, между социальным и биологическим в тотемистическом стаде приобрело в конце концов совершенно новый характер. Оно превратилось по существу во внутреннее противоречие производства, в противоречие социального с самим собой. Так как нормальное воспроизводство человека является необходимым условием существования производственной деятельности, а тем самым и социального, то с этого момента наряду с потребностью в вытеснении половых отношений из первобытного стада в нем возникла новая, также производственная по своему содержанию, но прямо противоположная первой потребность в расширении полового общения между формирующимися людьми. По мере углубления тенденции к превращению воспроизводства людей в суженное эта потребность становилась все более настоятельной.

Однако становившееся все более жизненно необходимым расширение полового общения ни в коем случае не могло произойти даже за счет сужения сферы действия половых производственных табу, не говоря уже о полном отказе от последних. Производство, требуя для своего развития расширения воспроизводства человека, в то же время не перестало предъявлять требование ограничения полового общения во времени, требование дальнейшего обуздания полового инстинкта. Необходимым условием существования и дальнейшего развития производства стало, таким образом, одновременное удовлетворение двух взаимно исключающих, прямо противоположных потребностей — потребности в вытеснении половых отношений из жизни коллективов формирующихся людей и потребности в расширении половых отношений между этими людьми.

Насущной потребностью на определенном этапе развития тотемистического стада стало такое вытеснение половых отношений из жизни человеческих коллективов, которое не только не было бы вытеснено из жизни членов этих коллективов, а, наоборот, сопровождалось бы расширением половых отношений между людьми.

На первый взгляд, одновременное удовлетворение этих двух потребностей кажется совершенно невозможным. И оно действи-

тельно немыслимо, если иметь в виду один-единственный человеческий коллектив.

Но тотемистических стад было много. Кроме членов данного тотемистического стада, существовали люди, принадлежавшие к другим первобытным коллективам. И это обстоятельство открыло возможность разрешения назревшего конфликта между потребностью ограничения половых отношений внутри коллектива формирующихся людей и потребностью расширения этих отношений между формирующимися людьми. Для разрешения этого конфликта необходимо было, чтобы половые отношения, вытесняясь из жизни коллективов, не исчезали бы, а превращались из внутристадных в междустадные, из отношений между членами одного коллектива в отношения между членами разных коллективов.

Но половые отношения между членами разных коллективов могли стать регулярными и систематическими лишь при условии санкционирования их коллективами, в состав которых входили люди, вступившие в эти отношения, при условии введения их в определенные социальные рамки, при условии установления определенных социальных по своему существу отношений между самими коллективами. Завязывание половых отношений между членами разных коллективов неизбежно представляло собой начало перестройки структуры формирующегося общества, начало сбрасывания старой формы. И оно сделало возможным выход из того кризисного состояния, в котором оказалось формирующееся человечество в эпоху позднего мустье, сделало возможным разрешение всех назревших потребностей развития.

Установление половых отношений между членами разных коллективов делало возможным полное вытеснение детопроизводственных, половых отношений из жизни коллективов, превращение первобытного человеческого стада в коллектив экзогамный, в коллектив исключительно лишь социальный, в родовую коммуну, короче говоря, открывало возможность завершения процесса становления общественных отношений.

Делая возможными более или менее систематические и регулярные отношения между полами и кладя конец инбридингу, оно обеспечивало нормальное воспроизводство главной производительной силы — самого человека. Прекращение изоляции и инбридинга открывало возможность возобновления развития физической организации человека в сапиентном направлении, возможность превращения неандертальца в неантропа и тем самым возможность полного освобождения производственной деятельности от рефлекторной формы, короче говоря, возможность завершения процесса формирования производительных сил.

Таким образом, с началом завязывания половых отношений между членами различных тотемистических стад возникла возможность реализации давно уже назревшей производственной необходимости превращения первобытного стада в родовую коммуну, палеоантропа в неантропа, необходимости завершения процесса становления человека и общества. И эта возможность, возникая, сразу начала превращаться в действительность. Начался процесс формирования рода и *Homo sapiens*, началось завершение процесса формирования человеческого общества.

Имеющиеся в распоряжении этнографии, археологии, антропологии, генетики, эволюционной морфологии материалы дают возможность представить в общих чертах, как протекал этот процесс.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЭКЗОГАМИИ, РОДА И НОМО SAPIENS

1. Возникновение и сущность оргиастических нападений

Отправным моментом процесса превращения первобытного стада в род и неандертальца в человека современного физического типа было завязывание половых отношений между членами различных тотемистических стад. Составить представление о том, как началось завязывание половых отношений между членами разных коллективов и какую форму носили первоначально эти связи, дают возможность данные этнографии и фольклористики. Рассмотрение этих данных мы начнем с анализа одного очень своеобразного обычая, существовавшего у меланезийцев островов Тробриан. Обычай этот, носивший туземное название йауса (yau-sa), был описан в монографии Б. Малиновского «Сексуальная жизнь туземцев Северо-Западной Меланезии» (Malinowski, 1948, p. 231—233).

На островах Тробриан повсеместно был распространен порядок, согласно которому прополка огородов, каждый из которых находился во владении одной семьи, совершалась всеми женщинами деревни сообща, коллективно. На юге о. Киригина и на о. Вакута женщины, занимавшиеся коллективной прополкой, имели (по рассказам туземцев) очень странное право, а именно: право напасть на любого замеченного ими мужчину, если он только не принадлежал к числу жителей их деревни. Право это осуществлялось женщинами, как рассказывали местные информаторы Б. Малиновскому, с рвением и энергией. Передать подробности этого нападения не представляется возможным. Отметим лишь, что оно выражалось в том, что женщины, заметив мужчину, сбра-

сывали с себя всю одежду, совершенно нагими накидывались на него, подвергали насилью и совершали над ним массу самых непристойных действий.

Подробно описав, со слов своих информаторов, этот обычай, Б. Малиновский отказался дать ему какое-либо объяснение. Прошли мимо этого обычая и остальные этнографы. К тому времени, когда существование этого обычая было зафиксировано Б. Малиновским, он послал уже пережиточный, во многом даже ритуальный характер. Однако восстановить его первоначальное значение тем не менее представляется возможным.

Прежде всего следует обратить внимание на то, что йауса с начала до конца носила необычайно ярко выраженный оргнастический характер. Ее нельзя охарактеризовать иначе, чем оргнастическое нападение женщин (M a l i n o w s k i, 1948, p. 231). Все особенности йаусы свидетельствуют о том, что она в своей сущности представляет собой не что иное, как пережиток имевшего в прошлом место необычайно бурного, неудержимого, принимавшего самые дикие формы проявления полового инстинкта. Столь бурное, дикое проявление полового инстинкта можно объяснить, лишь допустив, что он предварительно в течение длительного периода времени не мог получить удовлетворения, что он предварительно в течение долгого времени обуздывался и сдерживался. Такое предположение находит свое подтверждение в имеющемся фактическом материале.

Оргнастические нападения женщин на островах Тробриан могли иметь место не в любое время. Они были возможны лишь в период общественной прополки огородов и ни в какой другой (M a l i n o w s k i, 1948, p. 356). А этот период был временем действия строжайших половых табу. Во время прополки огородов были не только строжайше воспрещены половые сношения, но вообще считалось для мужчин неприличным приближаться к женщинам, когда они были заняты этой работой (1948, p. 388, 415).

Все эти данные говорят о том, что йауса в своей первоначальной, исходной форме была не чем иным, как стихийным, бурным прорывом долгое время сдерживавшегося половыми производственными табу сексуального инстинкта.

Возникает, однако, вопрос о том, почему этот дикий, бурный прорыв полового инстинкта, имевший место во время строжайшего запрета половых отношений, не только не осуждался коллективом, непримиримо относившимся ко всякого рода нарушениям моральных табу, но был законен, санкционирован им. Прежде чем ответить на этот вопрос, приведем еще один в некотором отношении аналогичный обычай.

На о. Яп (Каролинские о-ва) в течение всего сезона ловли рыбы, длившегося 6—8 недель, рыбаки были обязаны соблюдать строжайшие половые табу (F r a z e r, 1922в, р. 193). В этот период они не только не имели право вступать в половые отношения со своими женами и вообще женщинами своего селения, но даже жить с ними под одной крышей и смотреть на них. И в то же время в каждом мужском клубе, в котором в полной изоляции от женщин должны были жить рыбаки во время пребывания на берегу, содержались 1—2 женщины, сношения с которыми ни в малейшей степени не возбранялись и не считались нарушением табу. Объяснение этого крайне странного, на первый взгляд, факта мы получим, если примем во внимание, что женщины, содержащиеся в мужских домах, были пленницами, захваченными в других селениях острова, т. е. чужеземками (F r a z e r, 1922в, р. 193). На этом примере мы сталкиваемся с одной из характерных черт родового общества, заключающейся в том, что каждый человеческий коллектив имел свою собственную мораль, нормы которой распространялись исключительно лишь на членов данного коллектива. На человека, стоявшего вне данного коллектива, не распространялись действия ни негативных, ни позитивных норм, существовавших в данном коллективе (К о в а л е в с к и й, 1913, стр. 90; Э н г е л ь с. Соч., т. 21, стр. 99; Т о к а р е в, 1960а, стр. 16). «Их поведение, — писал М. М. Ковалевский (1913, стр. 90), характеризуя поведение людей родового общества, — совершенно различно, смотря по тому, идет ли дело об иностранцах или сородичах... Что позволено по отношению к чужеродцам, то нетерпимо по отношению к сородичам. Один и тот же способ поведения может представиться то дозволенным и даже заслуживающим похвал, то запрещенным и позорным... Тот, кто нарушает обычаи, тем самым обнаруживает злую волю по отношению к сородичам и должен быть поэтому извергнут из своей среды. Те же самые действия, совершенные над иностранцами, над липами, стоящими вне группы, теряют всякую нравственную квалификацию, они не считаются ни дозволенными, ни запрещенными, или, вернее, интерес группы придает им ту или другую природу».

Эта черта, довольно отчетливо проявлявшаяся на стадии родового общества и не исчезнувшая полностью даже в период его разложения, в гораздо большей степени должна была сказываться в эпоху формирования человеческого общества, когда каждое первобытное стадо представляло собой совершенно самостоятельный, изолированный от остальных человеческий коллектив. Понимание этой особенности первобытной морали дает возможность ответить на вопрос, почему оргиастическое нападение женщин не

только не было осуждено, но даже санкционировано обычаем. Объектом такого нападения всегда и во всех случаях был исключительно лишь чужеземец, человек из чужой деревни. В силу этого оргиастическое нападение женщин не представляло собой нарушение полового производственного табу и поэтому не могло быть осуждено коллективом.

Все это позволяет уточнить представление о том, что собой представляла йауса — оргиастическое нападение женщин — в своей исходной форме. Это был стихийный прорыв необычайно долго сдерживаемого табу полового инстинкта, ставший возможным вследствие появления объекта удовлетворения этого инстинкта, не подпадавшего под сферу действия половых запретов.

Основные особенности оргиастических нападений женщин не позволяют отнести их появление к эпохе родового общества. Они могли возникнуть лишь в эпоху первобытного стада, точнее выражаясь, в эпоху тотемистического стада с ограниченным промискуитетом. Постепенное расширение сферы действия половых производственных табу, имевшее место в эту эпоху, делало все более длительными периоды полового воздержания и все более редкими и короткими периоды тотемико-оргиастических праздников. Чем больше подавлялся и обуздывался половой инстинкт, тем больше он стремился прорваться. Прорыв полового инстинкта внутри стада был исключен. Коллектив беспощадно карал нарушителей половых табу. Но, кроме людей, принадлежавших к данному коллективу, существовали люди, к нему не принадлежавшие, люди, на отношения к которым не распространялось действие норм стадной морали вообще, половых табу в частности.

Хотя каждое из тотемистических стад было замкнутым в себе, совершенно самостоятельным коллективом, однако их изоляция друг от друга не могла быть абсолютной. Они не могли время от времени ни встречаться, ни сталкиваться. На предшествовавшей стадии развития случайные встречи людей, принадлежавших к различным коллективам, не вели к завязыванию каких-либо связей между стадами. На стадии, когда подавление полового инстинкта достигло такой степени, что дальнейшее его сдерживание становилось все более и более затруднительным, даже невозможным, когда обуздываемый и подавляемый половой инстинкт все время стремился прорваться, встречи людей, принадлежащих к различным коллективам, все чаще начали принимать форму оргиастических нападений более сильной стороны на слабую.

Кроме оргиастических нападений женщин на мужчин, о существовании которых говорит йауса меланезиск о-вов Тробриан, несомненно имели место и оргиастические нападения мужчин на

женщин. Однако последние не требовали численного превосходства и поэтому не могли приобрести столь ярко выраженного характера, как первые.

Возникновение оргиастических нападений явилось закономерным этапом в развитии первобытных человеческих стад. Вытеснение половых отношений из жизни коллектива, сужение возможности удовлетворения полового инстинкта внутри коллектива неизбежно должно было породить на определенной ступени эволюции тотемистического стада у всех его взрослых членов стремление к половому общению с членами иных коллективов, настоятельную потребность в таком общении. Эта субъективная потребность возникла примерно на том же этапе развития тотемистического стада, когда появилась и оформилась производственная потребность в расширении полового общения между формирующимися людьми и тем самым в превращении половых отношений из внутриколлективных в междукolleктивные, и, возникнув, она явилась своеобразной формой проявления последней потребности. Реализация субъективной потребности членов тотемистического стада в половом общении с членами других коллективов сделала возможным удовлетворение производственной потребности в расширении детопродукции, в ликвидации изолированности человеческих коллективов.

Предположение о том, что оргиастические нападения представляют собой не случайность, а являются закономерным результатом развития первобытного человеческого стада, находит свое полное подтверждение в данных этнографии и фольклористики, которые свидетельствуют об их универсальной распространенности в далеком прошлом человечества.

Иначе как пережитки оргиастических нападений женщин, нельзя рассматривать целую группу обычаев и обрядов, имевших место у большого числа племен и народов, находившихся на самых различных ступенях развития.

К числу их можно отнести совершаемый женщинами во время засухи обряд магического вызывания дождя, отмеченный в Африке у баронга (Briffault, 1927, III, p. 13, 204). Готовясь к совершению этого обряда, женщины сбрасывали с себя все обычные одежды и надевали пояса, сделанные из особого растения. Затем они образовывали длинную процессию, которая двигалась по полям, исполняя самые бесстыдные песни и непристойные танцы. Ни один мужчина не мог попасть на глаза женщинам без того, чтобы он не был подвергнут самому жестокому обращению с их стороны. Существование сходных в целом ряде отношений обычаев или их иногда очень отдаленных пережитков отмечено

у племен Трансвааля (Garbutt, 1909, p. 550), Малави (Briffault, 1927, III, p. 204), у народов Индии (Crooke, 1896, I, p. 68—71; Чаттопадхьяя, 1961, стр. 321), а также у сербов, болгар, румын, греков, грузин (Аничков, 1903, I, стр. 212; Богаевский, 1916, стр. 60; Фрезер, 1928, I, стр. 96—98; Зеленин, 1934, стр. 6; 1937а, стр. 52—54).

Разнообразные обряды вызывания дождя, совершаемые нагими женщинами, были зафиксированы в Индии. Подобного же рода церемонии совершались женщинами и для отвращения от города или деревни эпидемий и эпизоотий. В качестве примера можно указать на совершавшийся ночью и в строжайшем секрете от мужчин обряд опахивания деревни (Crooke, 1896, I, p. 68—71).

Существование подобного же обычая отмечено у восточных славян, в частности у русских, а также у чувашей (Афанасьев, 1865, I, стр. 232, 241; 1869, III, стр. 483; Бондаренко, 1890, стр. 115—116; С. Максимов, 1903, стр. 260—263; «К вопросу об опахивании», 1910; Зеленин, 1914, I, стр. 348, 383; 1915, стр. 526, 544, 555; Денисов, 1959, стр. 131 и др.). Опахивание совершалось, когда на деревню надвигалась эпидемия или эпизоотия, причем происходило оно глубокой ночью в тайне от мужчин. Все женщины, принимавшие участие в обряде, распускали волосы и оставались в одних нижних рубашках (С. Максимов, 1903, стр. 269; Зеленин, 1914, I, стр. 348 и др.), а иногда и раздевались донага (Афанасьев, 1865, I, стр. 232, 241; 1869, III, стр. 483; Зеленин, 1915, II, стр. 589, 603). Затем вся процессия с криком неслась вокруг деревни. Ни один мужчина не мог попасть на глаза в это время без риска быть жестоко избитым разъяренными женщинами (Даль, 1880, стр. 106—107; Бондаренко, 1890, стр. 116; С. Максимов, 1903, стр. 263).

К этой же группе обычаев следует, вероятно, отнести многие обряды земледельческой магии, в которых главную роль играли обнаженные женщины. Бытование их отмечено у многих народов. Из числа тех, которые еще не упоминались, можно назвать чехов (Афанасьев, 1869, III, стр. 799).

Кроме такого рода обычаев, почти по всему миру отмечено существование отличавшихся неприличием слов и действий особых женских праздников, на которые мужчины не допускались, а также подобного же рода женских процессий и обрядов во время общих праздников. Такие праздники или их пережитки существовали в древнем Египте, у древних евреев, в античной Греции, Этрурии, Риме, Галлии, древней Британии, средневековой Фландрии, а также у племен Конго, туземцев о-вов Лоялти, в Индии, у кетов,

якутов, грузин, осетин, русских, украинцев, белорусов, чехов, ижор, пемцев, коми, мордвы, марийцев, удмуртов и других народов (В. Миллер, 1884, стр. 26; Геродот, 1885, I, стр. 140; И. Смирнов, 1890, стр. 134; 1893, 5, стр. 468—469; Троицкая, 1893, стр. 78; С. Максимов, 1903, стр. 421—431; В. Анучин, 1914, стр. 21—23; Богаевский, 1916, стр. 59, 183; Евринов, 1924, стр. 70—71; Гаген-Торн, 1930, стр. 70—79; «Религиозные верования народов СССР», 1931, II, стр. 157; Кагаров, 1937, стр. 57—58; Белицер, 1958, стр. 298; Плутарх, 1961, I, стр. 117; Crooke, 1896, I, p. 68—69; 1919, p. 247—248; Briffault, 1927, III, p. 204—206).

Во время афинского праздника Тесмофорий женщины самого знатного происхождения собирались вместе в особом здании, куда доступ мужчинам был строго воспрещен. Здесь они обращались друг к другу с шутками непристойного содержания и сквернословии. Неприличные действия совершались и непристойные песни распевались женщинами и во время праздничной процессии (Новосадский, 1887, стр. 125, 130; Богаевский, 1916, стр. 59, 183; Briffault, 1927, III, p. 206). Интересно в связи с этим отметить, что знатные женщины, принимавшие участие в праздничных обрядах, готовили себя к ним строгим постом и длительным половым воздержанием (Богаевский, 1916, стр. 184; Briffault, 1927, III, p. 126—127). Непристойностью слов и действий отличался праздник римских женщин в честь Вона Деа. Мужчины не только не могли принимать участие в этом празднике, но даже присутствовать на нем в качестве зрителей. Считалось, что всякий мужчина, хотя бы случайно увидевший, как совершаются обряды этого праздника, неизбежно должен ослепнуть (Briffault, 1927, III, p. 206; Плутарх, 1963, II, стр. 455—456).

Но особенно ярко черты былых оргиастических нападений проявлялись в греческих вакханалиях, являвшихся первоначально исключительно женскими праздниками (Nilsson, 1957, p. 5—8). По свидетельству Плутарха, во время этого праздника женщины самым яростным образом набрасывались на плющ, который считался мужским растением и рассматривался как воплощение Вакха. Они хватали его, с ожесточением разрывали на части и жевали (Штернберг, 1936, стр. 470). Свидетельством происхождения вакханалий из оргиастических нападений женщин является легенда о растерзании Пенфея вакханками-менадами (Эврипид, 1916, I, стр. 194 сл.; Анненский, 1916, стр. 190—192; Кагаров, 1937, стр. 57).

Во время бытовавшего вплоть до XX в. у мордвы женского праздника всякий мужчина, который имел несчастье попасть на-

встречу двигавшейся по деревне с пением грубо эротических песен процессии пьяных жепщин, становился объектом самых безобразных издевательств (И. С м и р н о в, 1893, 5, стр. 468—469). Оргиастический момент присутствовал также в обрядности женских праздников русских, украинцев, немцев, марийцев, удмуртов, ижор, хотя и в значительно смягченном виде. Проявлялся он обыкновенно в обязательном пьянстве всех женщин, принимавших участие в празднике, а иногда также в отступлении его участниц от обычаев, нарушение которых в обычное время считалось крайним неприличием (Г а г е н-Т о р н, 1930, стр. 70—79). Так, например, один из очевидцев, описавший женский праздник в Яранском уезде Вятской губернии, сообщал, что во время его женщины доходят до того, «что сдергивают с себя головные уборы и остаются простоволосые, что в другое время — величайший позор для всякой порядочной женщины, так как оно — признак крайней разнузданности» (Г а г е н-Т о р н, 1930, стр. 76. Ср.: С. М а к с и м о в, 1903, стр. 431). Присуща была многим женским праздникам перечисленных народов и такая черта, как замкнутость, хотя в ряде случаев наблюдается постепенное ее исчезновение. Интересно отметить, что кое-где этнографами было отмечено бытование поверья о том, что мужчина, оказавшийся свидетелем обрядов женского праздника, должен ослепнуть (Г а г е н-Т о р н, 1930, стр. 76).

Не менее убедительными свидетельствами в пользу правильности положения об универсальной распространенности в прошлом оргиастических нападений являются данные фольклористики.

На о-вах Тробриан Б. Малиновским была записана любопытная легенда, теснейшим образом связанная с обычаем оргиастического нападения женщин. Меланезийцы о-вов Тробриан были твердо убеждены, что где-то далеко в море лежит остров Кауталуги, населенный исключительно лишь женщинами. Обитательницы этого острова ходят нагими и отличаются ненасытным желанием. Когда к острову приплывает лодка и моряки выходят на берег, женщины набрасываются на них, заставляя их непрерывно удовлетворять свои желания и в конце концов замучивают до смерти. Как утверждают сами рассказчики-туземцы, нападение обитательниц о. Кауталуги на мужчин полностью сходно с тем, которое совершали женщины юга о. Киригина и о. Вакуты во время общественной прополки огородов, т. е. полностью сходно с обычаем йауса (M a l i n o w s k i, 1948, p. 356). Все это дает основание для вывода, что в данном случае мы имеем дело не с чем иным, как с отражением в фольклоре оргиастических нападений женщин.

Легенда эта не стоит одиноко. Она примыкает к целому циклу преданий о так называемых амазонках, прекрасную сводку кото-

рых мы находим в работе М. О. Косвена «Амазонки. История легенды» (1947, 2 и 3). Указав на универсальную распространенность легенд этого типа, а также на тот факт, что до сих пор не имеется ни одного сколько-нибудь удовлетворительного их толкования, сам М. О. Косвен (1947, 3, стр. 32; 1948а, стр. 140) не дал им никакой интерпретации.

На наш взгляд, ключ к пониманию сущности по крайней мере части амазонских легенд лежит в оргиастических нападениях женщин, имевших место в последний период существования первобытного человеческого стада. Отображение этих нападений и составило основное, первоначальное ядро этих легенд, на которое в дальнейшем наслоились новые моменты, что привело к его более или менее значительному изменению. В целом ряде случаев эти изменения носили столь серьезный характер, что от первоначального ядра, собственно, ничего не осталось.

Первым и основным типом амазонских легенд являются предания, подобные тому, которое было записано Б. Малиновским на о-вах Тробриан. Этот тип легенд об амазонках включает три основных момента: 1. Существование местности (часто — острова), населенной исключительно лишь женщинами. 2. Вступление последних в половую связь со случайно появившимися в этой местности чужеземцами. 3. Последовавшую затем смерть чужеземцев.

Рассказ, почти полностью тождественный с записанным Б. Малиновским, находим мы в относящейся к X в. н. э. книге «Чудеса Индии», представляющей собой арабский сборник баснословных повествований моряков, авторство которого приписывается Бузургу ибн-Шахрияру (1959, стр. 36). Сходные легенды имеются в фольклоре нивхов и айнов (Штернберг, 1908, стр. 159—164; Косвен, 1947, 2, стр. 52). В версии легенды, приводимой в книге Чжень Цюй-фей «Линь Вай дай да», написанной в 1178 г., к указанным выше трем моментам добавлен четвертый — мотив чудесного зачатия. Женщины легендарной страны беременеют от ветра (Косвен, 1947, 2, стр. 50—51).

Интересная версия содержится в приписываемом Ибрахиму ибн Валиф-Шаху «Очерке чудес». В этой книге рассказывается о существовании народов, состоящих только из женщин, которые беременеют от ветра и рожают лишь девочек. Эти женщины обладают чарующим голосом, завлекающим людей. На одном острове, населенном этими женщинами, побывал мужчина. Женщины намеревались убить его, но одна из них сжалилась над ним, посадила его на бревно и пустила в море (Косвен, 1947, 2, стр. 52—53). Указание на чарующий голос, которым женщины завлекают моряков на смерть, позволяет включить в данный цикл легенду

о сиренах, которую мы встречаем в «Одиссее» (Гомер, 1935, стр. 210, 214—215). Наконец, еще одна версия, которую мы находим в дневнике участника первого кругосветного путешествия А. Пигафетты (1928, стр. 156). В нем имеется относящаяся к 1522 г. запись о том, что в Молуккском море взятый в качестве лоцмана старый туземец рассказал о существовании за Явой о. Околоро, на котором живут женщины, оплодотворяемые ветром. Если какой-либо мужчина осмелится явиться на остров, женщины его убивают.

Легенды приведенного выше типа являются исходными. Из них путем выпадения одних моментов и добавления других возникли предания остальных типов, причем в целом ряде случаев мы даже можем проследить, как это произошло. В некоторых легендах мы наблюдаем исчезновение одного из основных моментов — представления о стране женщин. В них сохраняется лишь мотив опасности, грозящей мужчине от первого сочетания с женщиной. Связь имеющих широкое распространение в мировом фольклоре сказок, содержащих этот мотив, с легендами амазонского типа раскрыта в работе В. Я. Проппа (1946, стр. 304—306).

Нужно отметить, что представление об опасности первого сочетания с женщиной не было лишь фольклорным мотивом. У многих народов этнографами было зафиксировано наличие живой веры в опасность первого сочетания, а также существование многочисленных обрядов, имеющих целью эту опасность нейтрализовать (Краулей, 1905, стр. 319—354; Westermarck, 1925, II, p. 496—542; Briffault, 1927, III, p. 239—243).

В другой линии развития амазонских легенд мотив существования страны женщин сохраняется, но зато исчезает представление об опасности, грозящей мужчинам-чужеземцам. На первый план в таких легендах часто выступает мотив чудесного зачатия, который изредка встречается и в преданиях первого типа. Такого рода легенды можно найти в фольклоре чукчей, китайцев, японцев, туземцев Суматры и о-вов Ментавай, а также в старинных норвежских хрониках (Косвен, 1947, 2, стр. 47—48, 50—52; Хенниг, 1961, II, стр. 462). В других легендах этого типа момент чудесного зачатия отсутствует. В них речь идет лишь о далеких странах, населенных исключительно лишь женщинами. Такой характер носят буддийская тибетская легенда, бурятская, корейская (Косвен, 1947, 2, стр. 52; Пак, 1961, стр. 124), а также старокельтское предание об острове, населенном прекрасными девушками, которое нашло свое развитие в ирландском эпосе в сагах «Плавание Брана, сына Фебала» и «Плавание Майль-Дуйна» («Ирландские саги», 1933, стр. 241—245, 316—317).

Но наибольший интерес для нас представляет третья линия развития амазонских легенд, ибо в ней, должны мы сказать, забегая вперед, нашли отражение реальные сдвиги в отношениях между тотемистическими стадами, начало которым (отношениям) было положено оргиастическими нападениями. В этой линии развития наблюдается, во-первых, превращение случайных, эпизодических связей между первоначально совершенно чужими друг другу женщинами и мужчинами в прочные и постоянные, во-вторых, смягчение, а в дальнейшем и полное исчезновение опасности, грозящей мужчинам со стороны женщин.

В старинном индийском сказании «Махабхарата» имеется интересный рассказ о стране, населенной исключительно лишь женщинами. Когда мужчины-чужеземцы прибывают в эту страну, женщины становятся их женами. Но если мужчина оставался в стране больше месяца, его предавали смерти. Поэтому всякий мужчина убежал, если имел возможность, из этой страны через 20—25 дней (Косвен, 1947, 2, стр. 54). Сходная во всех основных моментах легенда была записана у папуасов Новой Гвинеи (Косвен, 1947, 2, стр. 57). Испанский монах де Мендоза, побывавший в Китае во второй половине XVI в., рассказывал, что недалеко от Японии открыты острова, населенные женщинами. Ежегодно в определенное время на эти острова прибывают из Японии суда с товарами. Мужчины, прибывшие на судах, ведут себя с местными жительницами как с женами, но лишь в течение определенного срока, после окончания которого они должны удалиться (Косвен, 1947, 2, стр. 53).

В последней легенде связи между мужчинами и женщинами продолжают носить эпизодический характер, но опасность исчезает. В некотором отношении обратную картину мы наблюдаем в легенде, содержащейся в апокрифическом «Послании пресвитера Иоанна», правителя баснословной страны, находящейся где-то на границе с Индией, к византийскому императору Мануилу Комнину (XII). В ней рассказывается об амазонках, живущих на острове, окруженном со всех сторон водой. Мужья этих женщин не живут на острове и не осмеливаются на нем появиться под страхом немедленной смерти. Лишь в определенное время они приплывают на остров, живут со своими женами 10—15 дней, а затем удаляются (Косвен, 1947, 2, стр. 43).

Наконец, в следующих легендах говорится о существовании прочных связей между мужчинами и женщинами и ни слова об опасности, проистекающей из этих отношений. Характерным примером является рассказ Страбона (68 г. до н. э.—20 г. н. э.) об амазонках, живущих на Кавказе рядом с народом гаргарейцев

(по другим версиям, рядом с племенами гелов и легов). В течение большей части года амазонки ведут совершенно самостоятельное существование. Но у них имеется два месяца весной, когда они поднимаются на гору, отделяющую их от гаргарейцев. Последние также по древнему обычаю поднимаются на гору и вступают с амазонками в связь. Девочек, родившихся в результате этих отношений, амазонки оставляют у себя, мальчиков отдают гаргарейцам (Страбон, 1964, стр. 477—478). Вариант этого предания имеется в жизнеописании Помпея (Плутарх, 1963, II, стр. 359). Сходное предание мы находим у «Псевдо-Каллисфена» («Известия древних писателей о Скифии и Кавказе», 1900, I, вып. 3, стр. 902).

В «Книге Марко Поло» (1955, стр. 200) содержится рассказ о существующих в Аравийском море двух островах — мужском и женском. Ежегодно в марте мужчины отправляются на женский остров, где и остаются до конца мая. Остальные девять месяцев мужчины и женщины живут изолированно. Интересно объяснение причины изоляции мужчин от женщин, приводимое в итальянской версии Рамузио, относящейся к XVI в. «Это оттого, — говорится в указанном варианте «Книги Марко Поло», — что климат не позволяет мужчинам постоянно жить вместе с женщинами, так как они умерли бы» (стр. 332). Вряд ли можно расценить это объяснение иначе, как отголосок легенд первого типа, основным моментом которых является опасность, грозящая мужчинам.

Рассказ, почти во всех деталях тождественный содержащемуся в «Книге Марко Поло», приводит со слов туземцев-араваков Х. Колумб («Путешествия Христофора Колумба», 1952, стр. 184—189). Подобного рода легенды конкистадоры и путешественники встретили у самых различных племен Центральной и Южной Америки (Косвен, 1947, 3, стр. 9—14). Сходные рассказы мы находим в трудах арабского путешественника и географа XII в. Аль-Идриси, помещавшего мужской и женский острова в Северный океан, а также в описании Индии, принадлежащем церковному писателю Палладию, жившему в конце IV — начале V в. (Косвен, 1947, 8, стр. 46, 54). Наконец, сходные мотивы мы находим в мифах арунта (аранда), в которых рассказывается о существовании в эпоху альчера самостоятельных женских или мужских групп, имевших различные тотемы. Между представителями этих групп, обитавших недалеко друг от друга, существовали половые связи (Strehlow, 1947, p. 92).

Интересно отметить, что в преданиях арунта мы встречаем намеки и на существование в былом оргиастических нападений мужчин. Так, например, в одном из мифов рассказывается о мужчине, принадлежащем к тотему дикой кошки, который шел от страны

соленой воды на север и по пути насиловал и убивал женщин (Spencer and Gillen, 1899a, p. 401, 416). В других мифах рассказывается о целых группах мужчин тотема дикой кошки, марширующих по стране. В полном противоречии с существовавшим в раннем и среднем альчера порядком, согласно которому мужчины жили с женщинами своего тотема, мужчины тотема дикой кошки вступали в сношения с женщинами других тотемов (1899a, p. 416—420). «Сношения мужчин дикой кошки с женщинами других тотемов,— писали по этому вопросу В. Спенсер и Ф. Гиллен (p. 419),— может быть, имели своей основой насилле, практикуемое ими как группой завоевателей, и поэтому не подчинялись никаким ограничениям». Важно отметить, что путешествия мужчин тотема дикой кошки, следствием которых были их сношения с женщинами других тотемов, относятся к среднему альчера, т. е. ко времени, непосредственно предшествовавшему введению экзогамии и других брачных норм (p. 420—422).

2. Возникновение дуально-стадной организации

Оргиастические нападения, носившие в своей исходной форме дикий и жестокий характер, не могли первоначально не привести к известному обострению отношений между первобытными коллективами, к возникновению вражды между ними, которая могла выливаться и в кровавых столкновениях¹. Вполне понятно, что половые связи между членами разных коллективов не могли в такой обстановке не носить эпизодического, случайного характера. Ясно также, что оргиастические нападения совершались членами какого-либо стада не обязательно на членов какого-либо определенного другого стада. Они совершались на членов любого находившегося в соседстве коллектива.

В дальнейшем развитии характер отношений между тотемистическими стадами начал постепенно меняться, причем именно в том направлении, которое нашло отражение в третьей линии развития амазонских легенд. В основе изменения характера отно-

¹ Как отдаленные пережитки этого периода следует, по всей вероятности, рассматривать имевшие место у целого ряда народов, в частности у некоторых племен Новой Гвинеи и Новой Британии, обычаи ритуального разграбления родственниками невесты имущества жениха, а иногда даже и домов и садов селения, жителем которого являлся жених (Griffault, 1927, I, p. 517—518; Danks, 1889, p. 293). Существование следов сходных обычаев отмечено в свадебной обрядности русских, украинцев (Терещенко, 1848, II, стр. 286, 533, 593; Сумцов, 1881, стр. 204, Шейн, 1900, I, вып. 2, стр. 381, 467, 630, 717, 724 и др.; Зеленин, 1914, I, стр. 174; 1915, II, стр. 902) и коми-зырян (Зеленин, 1940, стр. 201).

шений между стадами лежало то обстоятельство, что в существовании половых отношений между представителями разных коллективов на данном этапе развития были заинтересованы в равной степени все тотемистические стада. Только нормализация отношений между стадами могла обеспечить удовлетворение подавляемого внутри каждого коллектива и рвущегося вовне его полового инстинкта, удовлетворение потребности в расширении полового общения между формирующимися людьми.

Постепенно половые отношения между представителями разных коллективов начали все в большей и большей степени иметь место с обоюдного молчаливого согласия обоих стад, начали все в большей степени молчаливо санкционироваться ими. На смену оргиастическим нападениям пришли новые формы организации половых отношений между представителями разных коллективов. О том, что собой представляли эти новые формы отношений, позволяют составить некоторое представление данные этнографии. Б. Малиновским (Malinowski, 1948, p. 221—230) было отмечено существование на о-вах Тробриан двух интересных обычаев, носивших название улатиле (ulatile) и катайауси (katakauasi).

Улатиле представлял собой экспедицию юношей одной деревни, имевшую целью вступить в половые отношения с девушками другой. Хотя такие экспедиции и были узаконены обычаем, но тем не менее сборы к ним и отправление окружались покровом строгой тайны. Тайно покинув свою деревню, юноши двигались дальше открыто с песнями, пока не приближались к намеченной деревне. Подойдя к ней, они прятались в чаще, куда к ним тайком прокрадывались девушки. Если место встречи обнаруживалось жителями данной деревни, могла произойти схватка, которая в прошлом иногда влекла за собой войну между селениями.

Таким образом, улатиле характеризовался двойственностью. С одной стороны, он был узаконен обычаем, а с другой — мог привести к серьезным столкновениям между жителями двух деревень. Такой же двойственностью отличался и катайауси, представлявший собой женский вариант улатиле, — любовная экспедиция девушек в одну из соседних деревень. Улатиле и катайауси меланезийцев о-вов Тробриан не стоят особняком. Существование обычая, в некотором отношении сходного с катайауси, отмечено, например у бушменов (Элленбергер, 1956, стр. 218).

Все подобного рода обычаи нельзя, на наш взгляд, истолковать иначе, как пережитки этапа в развитии отношений между стадами, пришедшего на смену периоду оргиастических нападений. В пользу генетической связи этих форм организации половых

отношений с оргиастическими нападениями свидетельствует, в частности, и такой факт, как общность корня слова, обозначающего оргиастическое нападение женщин (*yausa*), и слова, обозначающего любовную экспедицию девушек (*katayausi*), в языке туземцев о-вов Тробриан.

На этой стадии половые отношения между членами разных стад были молчаливо узаконены обоими коллективами, однако формально отношения между ними продолжали оставаться враждебными. Но вражда эта в процессе развития все в большей и большей степени становилась фиктивной, все в большей и большей степени приобретала чисто ритуальный характер. Как отдаленный пережиток эпохи, когда половые отношения между членами различных коллективов хотя фактически были уже узаконены, но формально продолжали считаться непозволительными, следует, по-видимому, также рассматривать и имевший широкое распространение обычай, согласно которому муж имеет право посещать свою жену лишь в тайне от ее родственников (Briffault, 1927. I, p. 513—516; А. Максимов, 1902, стр. 52—68; Краулей, 1905, стр. 331—332, 458—459; Сигорский, 1930, стр. 50 сл.; Косвен, 1961, стр. 42—50). Пережитком той же эпохи является, по всей вероятности, существовавшее у целого ряда примитивных народов (туземцы о-вов Фиджи, Соломоновых, Ару, Ветар, Новой Гвинеи, Новой Каледонии, гонды, уитото) правило, запрещавшее мужу и жене вступать в половое общение иначе, как вдали от селения, в чаще леса, причем обязательно в тайне от остальных членов коллектива (Краулей, 1905, стр. 37 сл.; Токарев, 1933, 2, стр. 53; Somerville, 1897, p. 394; Schurtz, 1902, S. 237; Ford, 1945, p. 28).

Получив молчаливую санкцию обоих коллективов, половые отношения между их членами становятся все более частыми и в конце концов из случайности становятся правилом, становятся нормой. В результате этого с них начинает постепенно спадать покров тайны. Легализуясь, половые отношения между членами разных коллективов принимают, в частности, и форму оргиастических праздников. Наряду с оргиастическими праздниками, в которых могли принимать участие лишь члены данного коллектива, появились и такие, в которых участвовали члены разных коллективов. В связи с этим следует отметить, что оргиастические праздники целого ряда народов, перечисленных в главе X, являются скорее всего пережитками не непосредственно стадных, а более поздних межстадных празднеств. Об этом говорит факт участия в них членов различных коллективов. Таковы, в частности, праздники индейцев Калифорнии (Bancroft, 1875, I,

р. 352; Powers, 1877, р. 28—31), меланезийцев о-вов Тробриан (Malinowski, 1948, р. 217—218). У австралийцев большая свобода общения полов допускалась, как правило, лишь в тех случаях, когда собирались вместе люди, принадлежащие к различным локальным группам (Spencer and Gillen, 1899a, р. 96—98; 1904, р. 137—138; Malinowski, 1913, р. 95—97).

С легализацией половых отношений между членами различных коллективов вражда между стадами окончательно стала чисто ритуальной, окончательно превратилась в фикцию. Как позволяют предположить данные этнографии, во время совместных оргиастических праздников эта фиктивная вражда проявлялась в форме ритуальной борьбы между мужчинами и женщинами, принадлежащими к разным коллективам. Борьба эта представляла собой не что иное, как пережиток утративших к этому времени всякое реальное значение оргиастических нападений вообще, оргиастических нападений женщин в частности.

Существование различных форм ритуальной борьбы и состязаний между полами или же их пережитков отмечено у довольно значительного числа народов, в частности у австралийцев (Fison and Howitt, 1880, р. 201—205; Cameron, 1885, р. 350; Spencer and Gillen, 1899a, р. 352, 364—365; Howitt, 1904, р. 148—151, 273—274; Краулей, 1905, стр. 45—46, 449—451), меланезийцев о-вов Тробриан (Malinowski, 1948, р. 217—219) и Фиджи (Краулей, 1905, стр. 289), у нага и меитхеев Ассама (Hodson, 1906, р. 94; 1911, р. 168) и многих других племен Индии (Crooke, 1896, II, р. 94—97, 315—325; Dalton, 1960, р. 290; Краулей, 1905, стр. 357), чукчей и азиатских эскимосов (Богораз-Тан, 1936, стр. 32), восточных славян (Охримович, 1892, стр. 52—53; Веселовский, 1894, стр. 316; Зеленин, 1916, стр. 256; Н. Никольский, 1956, стр. 65—70)². Из перечисленных выше этнографических групп у меланезийцев о-вов Тробриан (Malinowski, 1948, р. 217—219), меитхеев и

² По всей вероятности, как генетически восходящие к ритуальной борьбе между полами и в конечном счете к оргиастическим нападениям следует рассматривать такие, например, обычаи, как наблюдавшееся у целого ряда народов (древние германцы, древние арабы, некоторые племена Индии, коми, черкесы, калмыки, монголы, тибетцы, коряки, ительмены) обрядовое избивание жениха, а иногда и сопровождавших его лиц мужского пола женской родней и подругами невесты (Сумцов, 1881, стр. 19; Дружинин, 1907, стр. 285; А. Максимов, 1908б, стр. 127 сл.; Зеленин, 1940, стр. 201; Крашенинников, 1949, стр. 434—435, 458; Hutchinson, 1897, р. 14; Crooke, 1899, р. 233; Griffault, 1927, I, р. 516—517) и теснейшим образом связанный с ним входивший в состав свадебной обрядности почти всех народов мира обычай (или пережитки обычая) ритуальной борьбы, ритуального сражения между сторонами жениха и не-

нага (Hodson, 1906, p. 94; 1911, p. 168) ритуальные состязания между мужчинами и женщинами происходили во время промискуитетных праздников и завершались всеобщим смешением полов. Связь ритуальной борьбы между полами с бытовавшими в прошлом оргиастическими праздниками довольно явственно прослеживается также, кроме нага и мейтхеев, и у целого ряда других народностей Индии (Crooke, 1896, II, p. 315—317). Все эти данные позволяют отнести возникновение обычая ритуальной борьбы (состязания) между полами к эпохе завязывания и укрепления связей между первобытными человеческими стадами.

Таким образом, половые отношения между членами разных первобытных коллективов и после их легализации сопровождались проявлениями фиктивной вражды между стадами. Однако в действительности к этому времени они уже окончательно превратились из фактора, порождавшего вражду между коллективами, в фактор, связывавший коллективы и тем самым предотвращавший столкновения между ними. И это обстоятельство не могло не найти своего проявления в практической деятельности людей. Наряду с рассмотренными выше превратившимися в чисто ритуальные формы поведения людей возникли новые формы действий, исходившие из реально сложившейся обстановки. Пережитками их являются некоторые обычаи аборигенов Австралии.

По сообщению Б. Спенсера и Ф. Гиллена (Spencer and Gillen, 1899a, p. 97—98; 1904, p. 139—140), у части австралийских племен существовал обычай посылать вместе с вестниками, несущими другим локальным группам приглашение на праздник и т. п., женщин. Если члены локальной группы, которой было направлено приглашение, соглашались принять его, то все принадлежавшие к ней мужчины вступали в связь с прибывшими вместе с вестниками женщинами. Если предложение отклонялось,

весты (А. Смирнов, 1875, стр. 151 сл.; Сумцов, 1881, стр. 5—21; И. Смирнов, 1889, стр. 128—130; 1890, стр. 146—149; 1891, стр. 214—218; 1893, 5, стр. 462—463; Охримович, 1891, стр. 86 сл.; 1892, стр. 19 сл.; Тизик, 1892, стр. 157; Кашежев, 1892, стр. 150 сл.; Серошевский, 1896, стр. 554 сл.; Е-ий, 1899, стр. 135—140; Шейн, 1900, I, вып. 2, стр. 487, 705 и др.; Краулей, 1905, стр. 357—359; Дружинин, 1907, стр. 263—293; Довнар-Запольский, 1909, стр. 67—70; 362—368, 400—403; Гордлевский, 1914, стр. 40—41; Масленников, 1928, стр. 199—200; Кагаров, 1929a, стр. 192—193; Инал-Ипа, 1954, стр. 104; Н. Никольский, 1956, стр. 51—91; Чурсин, 1957, стр. 166—177; Аверкиева, 1961, стр. 101; Steward, 1823, p. 272—273; Hutchinson, 1897, p. 13—15, 67—68, 103—123 и др.). О теснейшем родстве этих обычаев и их генетической связи с ритуальной борьбой между мужчинами и женщинами свидетельствует тот факт, что в целом ряде случаев фиктивное сражение между сторонами жениха и невесты и прямо является борьбой между полами (Шейн, 1900, I, вып. 2, стр. 705; Н. Никольский, 1956, стр. 65—70).

то такая связь не могла иметь место. Другой австралийский обычай состоял в том, что когда к лагерю какой-либо локальной группы приближался отряд мужчин чужой группы, имевший намерение совершить убийство одного из членов первого коллектива, то обитатели лагеря могли предложить им женщин. Если мстители соглашались вступить в отношения с предложенными им женщинами, то ссора считалась полностью улаженной. Принятие этого предложения считалось знаком дружбы. Наоборот, отказ от него рассматривался как проявление вражды, как демонстрация намерения довести месть до конца (Spencer and Gillen, 1899a, p. 97—98; 1904, p. 139—140; Элькин, 1952, стр. 128).

В тесной связи с последним обычаем находится так называемая гостеприимная проституция (или гостеприимный гетеризм), имевшая в прошлом универсальное распространение. Наличие гостеприимного гетеризма или его пережитков установлено у племен и народов всех обитаемых частей света (Jochelson, 1910, I, p. 65—66; Westermarck, 1925, I, p. 225—230; Briffault, 1927, I, p. 636—639; II, p. 33—37, 66—67, 99, 105—107; III, p. 378, 413—414; Malinowski, 1948, p. 221—222; Крашенинников, 1949, стр. 449—450, 728; Элькин, 1952, стр. 128 и др.). О теснейшей связи гостеприимного гетеризма с описанным выше австралийским обычаем говорит тот факт, что принятие гостем предложения рассматривалось как знак дружбы, а отказ от него как проявление вражды. У довольно большого числа племен и народов, в частности у коряков, чукчей, мальгашей, гостя, отклонившего предложение, убивали (Westermarck, 1925, I, p. 227; Briffault, 1927, I, p. 635; Крашенинников, 1949, p. 450). И это вполне объяснимо.

С точки зрения человека родового общества всякий чужеземец был потенциальным врагом. «Все, что было вне племени,— писал Ф. Энгельс (соч., т. 21, стр. 99),— было вне закона. При отсутствии заключенного по всей форме мирного договора царил война между племенами...» Предложение чужеземцу женщины было по существу не чем иным, как предложением последнему отказаться от враждебных намерений по отношению к представителям данного коллектива, предложением мира. Отклонение гостем этого предложения, естественно, рассматривалось как свидетельство о том, что он не желает отказаться от своих враждебных замыслов. Интересы коллектива требовали уничтожения этого человека, прежде чем он успеет претворить эти свои замыслы в жизнь. И его убивали³.

³ Кстати, именно в этом ключ к разгадке трагического характера первого знакомства с ауками (Бакаев, 1957).

И описанные выше австралийские обычаи, и гостеприимный гетеризм являются пережитками той отдаленной эпохи, когда половые отношения из фактора, порождавшего вражду между коллективами, превратились в фактор, способствовавший завязыванию и укреплению связей между тотемистическими человеческими стадами. Превращение половых отношений между членами разных коллективов из случайности в правило, из фактора, обостряющего отношения между коллективами, в фактор, связывающий их, имело огромное значение для жизни первобытных стад. В результате этого каждое из ранее изолированных тотемистических стад оказалось в большей или меньшей степени прочно связанным с одним из остальных человеческих коллективов. Повсеместно возникли системы, состоящие из двух взаимобрачующихся тотемистических стад, — дуально-стадные организации.

Каждая из дуально-стадных организаций представляла собой формирующуюся дуально-родовую организацию, а каждое из входящих в состав такой организации тотемистических стад являлось не чем иным, как становящимся родом.

3. Дуально-стадная организация — очаг трансформации неандертальцев в людей современного физического типа

Каждое из тотемистических стад являлось с биологической точки зрения инбредной линией. Соответственно завязывание половых отношений между членами различных тотемистических стад представляло с точки зрения генетики не что иное, как скрещивание инбредных линий — одну из разновидностей внутривидовой гибридизации. Чтобы выяснить, к каким последствиям должно было привести завязывание половых отношений между членами разных стад, необходимо остановиться несколько подробнее на вопросе о следствиях гибридизации вообще, скрещивания инбредных линий в частности. Задача эта несколько облегчается тем, что основные положения по этому вопросу были изложены нами, хотя и очень кратко, в предшествующей главе.

Как уже указывалось, следствием гибридизации является гетерозис — резкое возрастание мощности, крепости, жизнеспособности, а в случае внутривидовой гибридизации и плодовитости потомства по сравнению с исходными родительскими формами. Как говорят фактические данные, скрещивание инбредных линий не только полностью и целиком ликвидирует последствия предшествовавшего длительного инбридинга, но и нередко имеет своим результатом повышение жизнеспособности, крепости, мощ-

ности потомства по сравнению с тем уровнем, которым обладали их не подвергшиеся инбридированию предки (см. по этим вопросам: Синнот и Дени, 1934, стр. 341—342; Хаджинов, 1935, стр. 435—442; Т. Морган, 1936, стр. 82; Малаховский, 1938б, стр. 52 сл.; Кушнер, 1941а, 1941б, стр. 265—268; Ми-чурин, 1948, I, стр. 406—407; IV, стр. 542; Турбин, 1950, стр. 168; Дарвин, 1951, стр. 528, 581—583; Хэйс, 1956, стр. 76; Поттер, 1957, стр. 95; Виллп, 1959, стр. 526—527; Мюнтцинг, 1963, стр. 281, 283, 423; Mangelsdorf, 1949, p. 558; Clolin, 1956, p. 259 и др.).

Другим важным следствием гибридизации, как также указывалось, является резкое повышение размаха изменчивости, возрастание эволюционной пластичности организма, увеличение его способности приспосабливаться к внешней среде (Холден, 1935, стр. 62; Борисенко, 1939, стр. 164; 1941, стр. 251; Камшилов, 1941, стр. 221; Мичурин, 1948, I, стр. 272—273, 340, 406—407, 426, 445, 534; III, стр. 52; IV, стр. 411, 532, 556; Лысенко, 1949, стр. 76, 90; Турбин, 1950, стр. 172—192; Мортон, 1952, стр. 111—112, 116; Бербанк, 1955, стр. 80, 95—99, 132—134; Цицин, 1960, стр. 126—131; East and Jones, 1919, p. 200—201). Подавляющее большинство из указанных выше ученых рассматривают гибридизацию как важнейший фактор эволюционного процесса, во многом ускоряющий его и способствующий появлению новых видов. Так, например, Дж. Холден прямо писал, что гибридизация представляет собой «способ получения быстрого эволюционного скачка. Известно, что она может привести к непосредственному образованию новых видов благодаря возникновению аллополиплоидии. Помимо этого, гибридизация (там, где гибриды плодовиты) обычно вызывает взрыв изменчивости во втором поколении; оно может заключать в себе новые и ценные типы, которые не могли бы возникнуть внутри вида благодаря медленным темпам эволюции» (стр. 62). «Не будет преувеличением сказать,— писал Н. В. Цицин, раскрывая значение возникновения гибридизации для эволюции органического мира,— что этот новый фактор — гибридизация — поднял эволюцию на новую, более высокую ступень, как важное условие расширения процесса формообразования... В результате этого нового приспособительного фактора, на базе основной закономерности единства организма и среды в эволюционный процесс как его стимулятор включился новый мощный элемент, ведущий к многообразию форм и к более активной роли естественного отбора» (стр. 127—128).

Имеющее место при гибридизации слияние гамет, обладающих различными наследственными основами, приводит не только к

обогащению наследственной основы гибридного организма, но и к ее расплыванию. В результате обогащения и особенно расплывания наследственной основы гибридного организма у последнего могут появиться и появляются многообразные признаки, которых не было ни у исходных родительских форм, ни у ближайших их предков. Эти признаки можно разделить на две категории. К первой категории следует отнести признаки новые в полном смысле этого слова, т. е. такие, которых не было не только у родительских форм и их непосредственных предшественников, но и у отдаленных предков гибридного организма, ко второй — признаки, которых не было у исходных родительских форм и их ближайших предшественников, но которые были присущи отдаленным предкам гибридного организма, т. е. признаки атактистического характера.

На явлении гибридного атактизма нужно остановиться, ибо оно проливает свет на некоторые особенности процесса человеческой эволюции.

Одним из первых глубоко исследовал это явление Ч. Дарвин (1939, стр. 385—389; 1951, стр. 457—484). На основе обобщения огромного фактического материала им был сделан вывод о том, что «при скрещивании двух рас или видов наблюдается сильнейшая склонность к вторичному появлению у потомков давно утраченных признаков, отсутствовавших как у обоих родителей, так и у ближайших предков» (1951, стр. 475). Вывод этот нашел свое полное подтверждение в трудах последующих исследователей, в частности в работах И. В. Мичурина, рассматривавшего явление у гибридных организмов признаков их отдаленных предков как одно из наиболее частых следствий гибридизации (1948, I, стр. 195—196, 270, 466, 663 и др.). «Надо иметь в виду, — писал он, — что наследственно передаются признаки и свойства гибриду главным образом не от ближайших производителей, не исключительно от отца и матери, а от более дальних родичей как по матери, так и по отцу» (1948, I, стр. 663). Как важнейшая закономерность процесса гибридизации рассматривается гибридный атактизм в работе А. С. Серебровского, специально посвященной проблемам гибридизации животных (1935, стр. 228—230).

Гибридный атактизм не стоит одиноко среди известных биологических фактов. Он представляет собой не что иное, как частный случай явления возвращения утраченных в процессе эволюции признаков, подробно рассмотренного в главе VIII. Соответственно в основе появления у гибридов атактистических признаков лежит тот же механизм, что и в основе явления возвращения утраченных признаков вообще — «помолодения» организма.

Гибридизация, таким образом, является процессом, во многом способствующим «помолодению» организма, возвращению утраченных признаков и тем самым деспециализации организма.

Приведенные данные по гибридизации вообще, скрещиванию гибридных линий в частности, дают возможность более или менее конкретно представить, какое влияние на физический облик и эволюцию классических неандертальцев оказало завязывание половых отношений между членами различных первобытных стад.

Прежде всего половые отношения между членами двух тотемических стад должны были привести к резкому возрастанию рождаемости в каждом из этих коллективов. Появившееся гибридное потомство должно было отличаться повышенной мощностью, жизнеспособностью и плодовитостью. Все это не могло не привести к тому, что после завязывания половых отношений между членами разных стад эти коллективы оказались состоящими исключительно из людей гибридного происхождения.

Но главным и основным результатом гибридизации было обогащение и распатывание наследственности классических неандертальцев, полная ликвидация ее консерватизма, резкое возрастание эволюционной пластичности их организмов. Тем самым гибридизация сделала возможным разрешение давно уже назревшего конфликта между развитием производства и физической организацией палеантропов, сделала возможным удовлетворение давно уже назревшей потребности в коренной перестройке морфологической структуры классических неандертальцев. Возникшая возможность сапиентации классических неандертальцев стала под действием вновь обретшего силу биосоциального отбора быстро превращаться в действительность. Начался процесс трансформации неандертальцев в людей современного физического типа.

Но, распатав и обогатив наследственную основу классических неандертальцев, гибридизация не только сделала возможным их превращение в *Homo sapiens*. Дав мощный толчок эволюционному процессу, она необычайно ускорила это превращение. В огромной степени процессу трансформации палеантропов в неантропов способствовало также наступившее в результате гибридизации «помолодение» организма, сделавшее возможным деспециализацию поздних палеантропов и возвращение на новой основе сапиентных признаков, имевших место у ранних палеантропов, но утраченных их потомками.

Все это вместе взятое и обусловило ту необычайную быстроту, с которой протекал процесс превращения неандертальцев в людей

современного физического типа, которая является одной из причин, заставивших многих исследователей прийти к выводу об отсутствии преемственной связи между палеантропами и неантропами, по крайней мере на территории Западной Европы (Boule, 1924; Vallois, 1954; Я. Рогинский, 1959, стр. 74; Koenigswald, 1964, p. 26, и др.).

Необходимо отметить, что на большую роль смешения между отдельными группами неандертальцев в процессе превращения последних в современных людей указывал целый ряд советских ученых. «Могучим толчком в формировании современного человеческого типа,— писал, например, П. П. Ефименко (1953, стр. 259),— должен был явиться переход от замкнутой эндогамной организации первобытных ячеек к экзогамной» (см. также: 1934а, 1934б, 1938, 1953, стр. 309, 414). «Смешение было не только сопутствующим, но и одним из основных процессов, приведших к формированию *Homo sapiens*»,— подчеркивал Г. Ф. Дебеч (1950, стр. 46). Сходные высказывания мы находим у П. И. Борисковского (1935, 1957а, стр. 193), Я. Я. Рогинского (1949, стр. 95, 101—104), С. П. Толстова (1950б, стр. 60 сл.).

Половые отношения между членами различных коллективов стали носить систематический характер лишь с образованием дуально-стадных организаций. Дуально-стадные организации являлись, таким образом, своеобразными котлами, в которых быстрыми темпами шел процесс переплавки неандертальцев в людей современного типа. Эпоха существования дуально-стадной организации, представлявшей собой становящуюся дуально-родовую организацию, была временем существования неандертальцев, находившихся в процессе превращения в *Homo sapiens*. Палеантропы, уже становившиеся, но еще не ставшие неантропами, жили в тотемистических стадах, уже становившихся, но еще не ставших до конца родами. Эпоха превращения неандертальцев в людей современного физического типа была одновременно и эпохой превращения тотемистического стада в первобытную родовую коммуну.

Все это находится в полном соответствии с выдвинутым в первой главе положением о том, что становление рода и формирование *Homo sapiens* являются не двумя самостоятельными процессами, а двумя сторонами единого процесса — процесса становления человека и общества (антропосоциогенеза) в его завершающей фазе.

Так как процесс переплавки палеантропов в неантропов мог иметь место только в таком котле, каким была дуально-стадная организация, то отсюда следует, что везде, где мы встречаем неандертальцев типа Схул, везде, где мы встречаемся с финальному-

сьюерской индустрией, мы должны обнаружить и следы существования такой организации. И они обнаруживаются.

Прежде всего следует вспомнить уже неоднократно нами упоминавшиеся пещеры горы Кармел — Табун и Схул. Как уже указывалось, имеются определенные основания полагать, что Табун I и II жили во время несколько более раннее, чем то, к которому относятся индивиды, остатки которых были найдены в Схул. Но пещера Табун оставалась обитаемой вплоть до перехода к позднему палеолиту. Это дает основание думать, что где-то ближе к концу раннего палеолита обе пещеры в течение определенного периода времени были населены одновременно. Таким образом, если не Табун I и II, то их потомки могли жить и жили в Вади-эль-Мугара в одно время с людьми, остатки которых были найдены в Схул.

Схул и Табун находятся не только в одной местности и даже не только в одной долине, но буквально рядом. Расстояние между ними не превышает 200 м (Garrod and Bate, 1937, p. 4, 59, 61). Уже само по себе то обстоятельство, что два коллектива охотников жили в одно и то же время в одной местности на расстоянии всего лишь нескольких сот метров друг от друга, говорит о существовании какой-то прочной и постоянной связи между ними, о существовании какой-то силы, притягивавшей их друг к другу, причем значительно превосходящей силу отталкивания, действующую между охотничьими коллективами.

Этой силой, на наш взгляд, было взаимное стремление к удовлетворению полового инстинкта, обоюдная заинтересованность в существовании систематических половых отношений между членами этих коллективов. Оба коллектива были связаны половыми, детопродуктивными отношениями и составляли дуально-стадную организацию, являвшуюся очагом трансформации неандертальцев в людей современного физического типа.

Как известно, сложнейшей антропологической проблемой был и до сих пор остается вопрос об отношении между людьми из гротов Схул и Табун. Данные по этому вопросу отличаются противоречивостью. Отсюда колебания исследователей. Как сообщают Т. Мак Коун и А. Кизс (Mc Cown and Keith, 1939, p. 12), вначале они на основе имевшихся в их распоряжении костных остатков палестинских неандертальцев пришли к выводу, что обитатели Табун и Схул принадлежали к двум совершенно различным антропологическим типам, к двум различным «породам» («сортам», «разновидностям») человека. Однако, продолжаят они, по мере того, как исследования продолжались, мы встретились с таким множеством черт, связывающих обитателей двух пещер, что вынуждены были считать доказанным, что перед нами остатки пред-

ставителей одного «шарода», что Схул и Табун — крайние представители одной «серии» (р. 12). Но и прийдя к такому выводу, Т. Мак Коун и А. Кизс не отказались полностью и от первого. Об этом свидетельствует целый ряд мест из их работ, в которых прямо говорится о принадлежности обитателей Схул и Табун к различным человеческим типам, к разным «народам» (р. 265, 373).

Стремление примирить эти противоречия привело Т. Мак Коуна и А. Кизса в конце концов к выводу о том, что обитатели Схул и Табун представляют собой один «народ», но находящийся в процессе разделения на два ствола (р. 13).

Высказанное выше предположение позволяет объяснить все эти противоречия. Табун I и II являются представителями «чистого» табунского морфологического типа, каким он был до завязывания отношений между первобытным стадом, которое обитало в этой пещере, и первобытным коллективом, впоследствии поселившимся в Схул. Что же касается найденных в Схул палеантропов, то все они были одновременно и продуктом скрещивания людей табунского типа с людьми протосхулского типа, и продуктом начавшегося процесса превращения их в *Homo sapiens*. Отсюда и значительные различия между Табун I и II, с одной стороны, Схул I — X — с другой, и многочисленные черты сходства между ними.

В пользу предположения о гибридизации говорит и необычайное разнообразие людей из Схул. Как известно, многообразие форм гибридов, начиная со второго поколения, является твердо установленным биологией фактом. В данном же случае многообразие объясняется не только гибридизацией, но и трансформацией.

Как указывалось в главе VIII, все советские ученые и некоторые из зарубежных исследователей придерживаются взгляда на палестинских неандертальцев как на формы, переходные к неантропу. Важно отметить, что часть из них предполагает протекание в гротах горы Кармел наряду с процессом трансформации также и процесса гибридизации (Я. Рогинский, 1949, стр. 45; 1959, стр. 178; Толстов, 1950б, стр. 59—60; Урысон, 1964, стр. 138—139).

Не находятся в противоречии с положением о том, что превращение палеантропов в неантропов необходимо предполагает существование дуальной организации, и данные, имеющиеся о других неандертальцах типа Схул.

На расстоянии 200 м от пещеры Мугарет-эль-Зуттие, в которой были найдены остатки галилейского человека, находится грот Мугарет-эль-Эмирах, фауна которого идентична с фауной первой

пещеры. Каменный инвентарь Эмирех представляет собой смесь мустьерских форм орудий с верхнепалеолитическими с преобладанием последних (Keith, 1931, p. 174, 200). Скорее всего в Эмирех мы имеем два смешавшихся слоя — финальномустьерский и позднепалеолитический (Garrod and Bate, 1937, p. 116).

Остатки человека, стоящего на грани превращения в неантропа, найдены были в пещере Староселье. На расстоянии примерно километра от этой пещеры было обнаружено Бахчисарайское местонахождение, несомненно относящееся к эпохе финального мустье (Крайнов, 1947, стр. 24—25).

Рядом с гротом Тешик-Таш находилось четыре пещеры, из которых одна всего лишь в 100 м от него (Окладников, 1949, стр. 14). Было бы интересно обследовать их. Возможно, что в одной из этих пещер обитало второе стадо. Однако возможно, что оно обитало в соседнем саяе Амир-Темир в гроте того же названия. Каменная индустрия Амир-Темира, находящегося по прямой линии в 1—1,5 км от Тешик-Таш, почти идентична с индустрией последнего (Окладников, 1940в, стр. 68—69).

4. Возникновение *Homo sapiens*

Завязывание связей между тотемистическими стадами классических неандертальцев и образование дуально-стадных организаций — очагов формирования человека современного физического типа — представляло собой явление, закономерно обусловленное всем предшествующим ходом исторического развития формирующихся людей и формирующегося общества. Поэтому оно имело место по всей территории расселения человека. Процесс формирования *Homo sapiens* охватывал всю ойкумену. Однако это положение нельзя понимать упрощенно.

Прежде всего не следует думать, что все без исключения классические неандертальцы превратились в людей современного типа. Кажется очень вероятным, что немалое число тотемистических стад поздних палеантропов вымерло под действием тех причин, которые были подробно охарактеризованы в предшествующей главе, раньше, чем в них созрела тенденция к завязыванию половых связей с другими стадами.

Трудно также допустить, что процесс завязывания половых связей между стадами и образования дуально-стадных организаций начался абсолютно одновременно по всей ойкумене. В одних областях начало этого процесса могло быть отсрочено и он мог быть замедлен действием целого ряда самых разнообразных причин, в других, наоборот, ускорено.

В тех областях, в которых процесс трансформации неандертальцев в людей современного физического типа начался раньше, чем в остальных, происходило быстрое возрастание численности населения, резкое увеличение числа человеческих коллективов. Наоборот, в тех областях, в которых начало этого процесса под влиянием целого ряда неблагоприятных причин было отсрочено, все более усиливавшееся действие факторов, обуславливавших падение рождаемости, вело ко все более резкому падению численности населения, к сокращению числа человеческих коллективов. Естественно ожидать поэтому передвижения человеческих коллективов, особенно только что возникших вследствие разделения старых, из областей плотно заселенных в менее заселенные.

Тотемистические стада неандертальцев, уже начавших превращаться в современных людей, проникая в область, занятую неандертальцами, еще не втянутыми в этот процесс, вступали в связь с последними. В результате последние также начинали превращаться в *Homo sapiens*. Но причиной этого было вовсе не то обстоятельство, что люди, с которыми вступали в связь оставшиеся до этого момента чисто классическими неандертальцы, уже стояли на пути превращения в современного человека, обладали сапиентными чертами. Подобный же результат последовал бы и в случае их скрещивания с неандертальцами, ничем от них не отличавшимися.

Наличие у пришельцев сапиентных черт само по себе не могло вызвать процесса трансформации классических неандертальцев, обитавших в данной области, в *Homo sapiens*, оно могло лишь в некоторой степени ускорить его. Поэтому нет никаких оснований рассматривать классических неандертальцев, начавших превращаться в современных людей в результате скрещивания с палеантропами, уже до этого вступившими на путь трансформации, как дополнительный, второстепенный материал для формирования *Homo sapiens*. Они являются столь же равноправными участниками процесса формирования *Homo sapiens*, как и первые.

Проникновение палеантропов типа Схул в область, заселенную неандертальцами, еще не вступившими на путь превращения в людей современного физического типа, могло приблизить начало трансформации последних в *Homo sapiens*, однако оно не было необходимым условием возникновения этого процесса. Он рано или поздно начался бы и в том случае, если бы это проникновение не имело места.

Не останавливаясь подробнее на вопросе, насколько часто имело место проникновение позднейших палеантропов в области, населенные поздними палеантропами, и имело ли оно место вооб-

ще, ибо это вопрос фактов, отметим только, что процесс трансформации неандертальцев в *Homo sapiens* даже в том случае, если бы он начался лишь в одной какой-либо ограниченной области ойкумены, что крайне мало вероятно, неизбежно должен был по прошествии определенного периода времени охватить всю территорию расселения человека, принять панойкуменный характер.

Все это, а также ряд других соображений, которые были изложены в главе VIII, не позволяют нам признать правильной моноцентрическую концепцию происхождения человека современного физического типа, не исключая и того ее варианта, который был предложен Я. Я. Рогинским под названием теории «широкого» моноцентризма.

Защищая и обосновывая свою теорию, Я. Я. Рогинский выдвинул против концепции панойкуменного происхождения современного человека целый ряд возражений. В качестве первого аргумента он указал на отсутствие морфологического соответствия между локальными формами древнейших (протантропы) и древних (палеантропы) гоминид, с одной стороны, и современными человеческими расами — с другой (1949, стр. 104). В качестве второго — на огромное сходство всех ныне живущих рас современного человека во множестве морфологических признаков, причем нередко в таких, по которым существовали большие различия между локальными группами древнейших и древних людей (1949, стр. 104).

Прежде всего следует отметить, что если рассматривать эти доводы как достаточно убедительно опровергающие концепцию панойкуменного происхождения современного человека, что делает Я. Я. Рогинский, то их нужно рассматривать и как в достаточной степени убедительно опровергающие и защищаемую им теорию «широкого» моноцентризма.

В работе «Теория моноцентризма и полицентризма в проблеме происхождения современного человека и его рас» (1949) Я. Я. Рогинский в качестве области, в которой шел процесс формирования неантропа, указал на Южную Азию, Переднюю Азию, Восточное Средиземноморье и Восточную Африку (стр. 104). В последующих работах им были предположительно включены в эту область Закавказье, Крым и южная часть Восточной Европы (1950, стр. 47—50). На этой огромной территории, охватывающей половину, если не больше, ойкумены, какой она была в эпоху формирования современного человека, в настоящее время живут люди, принадлежащие к различным расам. Нет сомнений, что расовые различия существовали и между неандертальцами, населявшими различные районы этой обширной территории. Таким образом, все

доводы Я. Я. Рогинского против концепции панойкуменного происхождения *Homo sapiens* в равной степени направлены и против его теории «широкого» моноцентризма.

Если принять его доводы, то нужно признать правильной теорию моноцентризма в том ее, критикуемом, добавим к стати, Я. Я. Рогинским варианте, в котором человек современного физического типа рассматривается как возникший в одном очень ограниченном районе и отсюда распространившийся по всей ойкумене. В связи с этим нельзя не указать на ту эволюцию, которую претерпели взгляды Я. Я. Рогинского по данному вопросу. В его последних статьях (1956, стр. 14; 1959, стр. 179) мы встречаем положения, ничем по существу не отличающиеся от тех, которые выдвигаются сторонниками теории «узкого» моноцентризма. И это закономерно. Последовательно проведенная любая теория моноцентризма вообще неизбежно ведет к теории «узкого» моноцентризма.

Единственно согласующейся со взглядом на процесс человека и общества как на единый процесс, идущий по одним единым закономерностям, является концепция панойкуменного происхождения *Homo sapiens*. Те возражения, которые были выдвинуты против нее Я. Я. Рогинским, нельзя признать в достаточной мере убедительными.

Прежде всего нельзя признать полностью правильным утверждение об отсутствии морфологического соответствия между локальными группами палеантропов, с одной стороны, и расами современного человека — с другой. Как признает сам Я. Я. Рогинский, черты морфологического сходства обнаруживаются между европейскими пренеандертальцами, классическими неандертальцами и современными европеоидными расами (1949, стр. 104). К этому следует добавить, что трудами китайских и советских ученых все более выявляется существование прямой преемственности между ранне- и позднепалеолитическим населением Восточной Азии (У Жу-кан и Чебоксаров, 1959, стр. 19).

Однако даже полное отсутствие морфологического соответствия между локальными группами палеантропов и современными человеческими расами не могло бы служить доводом против теории панойкуменного происхождения человека современного типа. Превращение палеантропов в неантропов представляло собой столь коренную перестройку всей морфологической структуры формирующихся людей, что такого соответствия, собственно, и не следует ожидать.

Что же касается второго довода Я. Я. Рогинского, то на него можно ответить словами другого советского антрополога —

М. Ф. Нестурха. «Даже если бы древнейшее человечество возникло из разных видов антропоидов,— писал последний,— то и тогда под влиянием факторов метисации и труда разные группы человека приобрели бы многие черты сходства, которые привели бы человечество к сильному единству и большому их сходству, увеличивающемуся по мере усиления воздействия фактора труда и общественного развития, факторов социальных вообще». Но полигенизм исключен. «Поэтому тем более должны мы учитывать конвергирующее влияние социальных факторов, эволюционирующих по законам развития общества, которые общи разным группам человечества на сходных ступенях культуры» (1948, стр. 30—31).

Процесс трансформации неандертальцев в людей современного типа, протекавший под усиленным воздействием биосоциального отбора, интенсивно преобразовывавшего морфологическую структуру человека в соответствии с давно уже назревшими, но в течение длительного времени не удовлетворявшимися потребностями производства, причем в условиях, когда организм неандертальцев приобрел под влиянием гибридизации необыкновенную пластичность, не мог не представлять одновременно и процесса возрастания морфологического единства человечества.

Подводя итоги всему сказанному, мы должны отметить, что из всех теорий, рассматривавших проблему происхождения *Homo sapiens*, наиболее близкой к истине, на наш взгляд, является концепция панойкуменного формирования человека современного типа, выдвинутая Г. Ф. Дебецом (1950). «Мне кажется,— говорил он, полемизируя с Я. Я. Рогинским,— что имеющиеся археологические и антропологические данные говорят скорее в пользу того, что процесс развития человеческого общества, будучи единым в основном по всей территории расселения неандертальского человека, привел к формированию нового вида человека по всей ойкумене. Исключить при этом важную и существенную роль смешения между отдельными группами совершенно невозможно. Смешение было не только сопутствующим, но одним из основных процессов, приведших к формированию *Homo sapiens*. Но количество очагов было настолько велико и они были настолько равномерно рассеяны по всей ойкумене, что настаивать на локализации этого процесса в определенной территории, на противопоставлении Передней Азии и ближайших к ней территорий Южной Африке, Восточной Азии и Западной Европе — невозможно» (стр. 46). Однако, на наш взгляд, вряд ли можно признать правильной характеристику этой теории как полицентрической, ибо она не обязательно предполагает существование нескольких крупных центров трансформации неандертальцев в неантропов. Лучше всего име-

новать ее просто панойкуменной теорией происхождения Homo sapiens.

Охвативший всю территорию расселения человечества процесс трансформации неандертальцев в Homo sapiens завершился возникновением человека современного физического типа, морфологическая организация которого не ставит преград на пути развития познания и практики. Поэтому с возникновением неантропа завершился процесс формирования человека как производительной силы и тем самым процесс формирования производительных сил человеческого общества. Труд полностью освободился от своей животной, рефлекторной формы, стал подлинно человеческим трудом.

Со времени появления человека современного типа развитие производства перестало приходить в противоречие с морфологической организацией человека, перестало предъявлять требование ее дальнейшей перестройки. Исчезла, таким образом, дальнейшая необходимость в биосоциальном отборе, и он перестал действовать, а следовательно, и существовать.

Что же касается естественного отбора, существовавшего наряду с биосоциальным в качестве фактора, влиявшего на физическую организацию формирующихся людей, но, за исключением периода поздних палеантропов, не направлявшего ее эволюцию, то он не исчез сразу после возникновения Homo sapiens. Как и у формирующихся людей, у неантропов под действием естественного отбора происходила выработка морфологических приспособлений, в определенной степени нейтрализующих неблагоприятное влияние на организм факторов внешней среды, устранить которое люди оказались не в состоянии. Так возникли и закрепились расовые различия (Б у н а к, 1923; С. Се м е н о в, 1951, 1960; К у н, 1958). Не исключена возможность и того, что естественный отбор в определенной степени способствовал поддержанию и повышению общей жизнеспособности организма. В дальнейшем развитии человечества с выработкой искусственных средств защиты от неблагоприятных факторов среды естественный отбор постепенно сошел на нет.

Таким образом, естественный отбор мог привести и приводил на стадии готового человека в течение определенного периода и в определенных конкретных условиях к некоторым изменениям второстепенных морфологических признаков человека современного физического типа, но он не был способен привести к сколь угодно значительной перестройке его морфологической организации, тем более определить его дальнейшую биологическую эволюцию. С возникновением современного человека и исчезновением

биосоциального отбора человек как биологический вид перестал развиваться. Такого взгляда придерживаются в настоящее время многие советские исследователи (Я. Рогинский, 1951; Рогинский и Левин, 1955; Быстров, 1957 и др.).

5. Возникновение экзогамии и рода.

Превращение дуально-стадной организации в дуально-родовую

Завершение процесса формирования *Homo sapiens* было одновременно и окончанием процесса становления экзогамии, рода и дуально-родовой организации.

Выше уже были подробно рассмотрены причины, обусловившие завязывание половых отношений между членами разных коллективов и превращение этих отношений из случайности в правило. Как указывалось, на определенном этапе развития первобытного стада в результате расширения сферы действия половых табу сексуальные отношения между членами коллектива стали настолько ограниченными во времени, что не могли обеспечить нормального удовлетворения полового инстинкта и нормального воспроизводства основной производительной силы — самого человека. Единственным выходом из положения было образование дуально-стадной организации.

Половые отношения между членами разных коллективов в отличие от подобных отношений между индивидами, принадлежавшими к одному стаду, могли осуществляться в любое время. Поэтому превратившиеся из случайности в правило междуколлективные половые отношения необходимо стали играть главную, решающую, основную роль в обеспечении удовлетворения полового инстинкта и нормального воспроизводства людей. Что же касается половых отношений внутри коллектива, то с возникновением дуально-стадной организации они перестали быть необходимыми и неизбежно превратились по существу в малозначачее дополнение к ставшим господствующими и преобладающими междуколлективным отношениям полов.

Возникновение дуально-стадной организации, обеспечившей полное удовлетворение полового инстинкта людей путем общения с индивидами, принадлежащими к другому коллективу, сняло все препятствия, мешавшие неограниченному расширению сферы действия половых табу. Результатом было быстрое возрастание длительности периодов воздержания от половых отношений между членами коллектива и сокращение числа промискуитетных праздников, приведшее к тому, что половое общение внутри коллектива

было сведено до минимума, утратило всякое реальное значение и в конце концов фактически перестало практиковаться, за исключением лишь кратковременных периодов, приобретших чисто ритуальное значение оргиастических празднеств.

Происшедшее по существу полное вытеснение половых отношений из жизни коллектива в определенной степени было обусловлено потребностями развития производства. Половые отношения между членами коллектива и в этот период, возможно, в какой-то мере мешали производству орудий, охоте и другим видам хозяйственной деятельности. Но этим дело не исчерпывалось.

Как уже указывалось, на протяжении всего периода существования первобытного стада всем ходом жизни формирующихся людей в их головы вбивалось сознание опасности половых отношений между членами коллектива для самого коллектива, сознание того, что эти отношения вредно влияют на исход человеческой практической деятельности, что они угрожают самому существованию коллектива и тем самым его членов. Это стихийно вырабатывавшееся на протяжении десятков и сотен тысячелетий сознание вредности половых отношений между членами коллектива окончательно оформилось в эпоху завязывания и упрочения половых отношений между членами разных тотемистических стад.

Как уже было выяснено выше, скрещивание между членами разных тотемистических стад в необычайно короткий срок ликвидировало все вредные последствия предшествовавшего длительного инбридинга. Следствием завязывания половых отношений между членами разных коллективов было резкое возрастание рождаемости и появление необычайно жизнеспособного, крепкого и плодотворного потомства. Контраст между результатами половых отношений внутри коллективов и результатами половых отношений между членами разных коллективов был столь разительным, что не мог остаться незамеченным. Осознание вреда кровосмешения в таких условиях было неизбежно. И он был осознан, но своеобразно.

Вредные биологические последствия кровнородственного скрещивания, осознаваясь, выступали перед людьми этой эпохи как зримое, наглядное, конкретное проявление той социальной по своей природе опасности половых отношений между членами коллектива, убеждение в существовании которой навязывалось формирующимся людям на протяжении всей истории первобытного стада объективными условиями их жизни. Осознание вредных биологических последствий длительного и тесного кровнородственного скрещивания, становясь, возникало, таким образом, как форма осознания социальной по своему источнику опасности половых отно-

шений между членами коллектива для коллектива. И тем самым бывшее до этих пор крайне смутным и неопределенным сознание опасности половых отношений между членами коллектива для самого коллектива, получая данную форму, оформляясь, становилось все более отчетливым. Так шло формирование, становление экзогамного табу, экзогамного запрета⁴.

Формируясь как отражение становившейся реальной, объективной экзогамии человеческого коллектива, экзогамное табу оказывало обратное влияние на породившие его отношения, закрепляя возникавшую экзогамию. С окончательным оформлением экзогамного запрета тотемистическое стадо стало полностью экзогамным коллективом, окончательно превратилось в род, родовую коммуну.

Убеждение в том, что половые отношения внутри коллектива представляют для него величайшую опасность, оформившееся в период становления экзогамии и рода, настолько глубоко вошло в сознание людей родового общества, что, как об этом свидетельствуют данные этнографии, сохранялось долгое время спустя и после того, как причины, породившие его, давно уже исчезли. Экзогамное табу на всем протяжении существования и развития родового общества было одной из основных норм его морали. Нарушение экзогамного запрета рассматривалось как действие, навлекающее опасность на весь коллектив, как преступление против коллектива и сурово каралось. Обычным наказанием за нарушение экзогамии была смерть (Fison and Howitt, 1880, p. 63—66; Codrington, 1889, 1891; Spencer and Gillen, 1899a, p. 100; Howitt, 1904, p. 183, 332; G. Brown, 1910, p. 27; Rivers, 1914b, I; Frazer, 1914, IV, p. 157; Powdermaker, 1933, p. 266; Malinowski, 1948, p. 389, 424—425 и др.).

С окончательным вытеснением половых отношений из жизни коллектива, с возникновением экзогамии половые отношения между членами разных коллективов из правила превратились в необходимость. В результате связь между двумя коллективами стала нерасторжимой. Дуально-стадная организация превратилась в дуально-родовую.

⁴ О том, что в оформлении экзогамного запрета определенную роль сыграло осознание вреда кровнородственного скрещивания, говорит такой факт, как существование у большого числа племен и народов убеждения, что половые отношения между сородичами ведут к бесплодию и появлению уродства (Харузин, 1903, II, стр. 119; Золотарев, 1964, стр. 57; Howitt, 1904, p. 480—481; Durham, 1910, p. 458; Frazer, 1914, IV, p. 157—195; Briffault, 1927, I, p. 238; R. Berndt, C. Berndt, 1951, p. 62 и др.).

Дуально-родовая система возникла как социальная организация половых отношений между членами двух человеческих коллективов, т. е. как организация брачная. Первой нормой брака был, таким образом, брак не между индивидами, взятыми сами по себе, а между двумя родами, коллективами, группами людей, брак коллективный, групповой, дуально-родовой. О том, что первоначальные брачные отношения носили именно такую форму, свидетельствуют особенности классификационных систем родства тураногованского типа (Fison and Howitt, 1880, p. 58—60; Rivers, 1907, 1914a, p. 72—77; 1914b, II, p. 80—85; 1932, p. 66—67; Кричевский, 1936, стр. 260 сл. и др.).

Таким образом, на заре родового общества экономические, производственные отношения, с одной стороны, и половые, детопроизводственные — с другой, полностью исключали друг друга. Люди, входившие в состав одного хозяйственного коллектива, не могли вступать в половые отношения друг с другом. Производственный коллектив был строго экзогамным, т. е. был родом. Соответственно люди, имевшие право вступать в половые отношения, не могли принадлежать к одному хозяйственному коллективу. Они обязательно должны были входить в состав разных производственных ячеек общества, а следовательно, и жить раздельно. Если экономический коллектив был экзогамным, то дуально-родовой брак носил, если можно так выразиться, дисэкономический, а поэтому и дислокальный характер⁵. Взгляда на первоначальный брак как на дислокальный придерживались такие крупные советские этнографы, как С. П. Толстов (1935, стр. 34—35), А. М. Золотарев («Очерк истории родового строя», стр. 71—74, 94, 121), М. О. Косвен (1948б, стр. 7—9; 1957, стр. 126).

В силу дисэкономичности и дислокальности дуально-родового брака человек мог принадлежать только к тому коллективу, в состав которого входила его мать, и ни к какому другому. Принадлежность человека к полностью совпавшему с родом определенному хозяйственному коллективу была столь само собой разумеющейся, что никакой потребности в исчислении родства не было. Не было никакого счета родства, в том числе и материнского. Человек считался принадлежавшим к тому или иному роду вовсе не потому, что к нему принадлежала его мать, а потому, что действительно к нему принадлежал и ни к какому другому принадлежать не мог. Род практически был материнским, но это обстоятельство на той стадии никак не осознавалось и не играло никакой роли. Фор-

⁵ Подробнее об этом см.: Ю. Семенов. 1964а, а также нашу работу «О периодизации первобытной истории» (СЭ, 1965, № 5).

мой осознания единства первоначального рода, как и формой осознания единства позднего первобытного стада, был тотемизм.

Как уже указывалось в главе II, по вопросу о том, как образовалась дуально-родовая организация, существуют различные точки зрения. Одни ученые считают, что она возникла в результате разделения эндогамного коллектива на два экзогамных, другие — что она возникла в результате соединения двух ставших с ее образованием экзогамными первоначально совершенно самостоятельных коллективов. Из этих двух точек зрения единственно правильной, по нашему мнению, является вторая. Кроме приведенных выше данных, в пользу такого взгляда говорит обширный фактический материал, которым располагает этнографическая наука. На этом материале следует хотя бы коротко остановиться, ибо он позволяет уточнить некоторые моменты процесса становления дуально-родовой организации.

У довольно большого числа племен и народов, сохранивших дуальное деление, отмечено существование глубокого убеждения в том, что члены двух фратрий отличаются друг от друга рядом физических, а иногда и духовных особенностей, хотя объективными научными исследованиями реальных различий между ними не обнаруживается. Так, например, арунта говорили о членах одной половины как о «больших людях», а о членах другой как о «маленьких людях» и рассматривали первых как обладателей прямых волос, а вторых — как обладателей курчавых волос (Spencer and Gillen, 1927, I, p. 42). На деле никаких реальных различий между людьми двух половин племени ни в размерах тела, ни в характере волос обнаружено не было (1927, I, p. 42; II, p. 597—599). Существование подобного рода верований зафиксировано почти по всей Австралии (Mathew, 1910), причем они нередко сочетаются с легендами, повествующими о происхождении фратрий от двух различных групп предков, одна из которых пришла из далекой страны (Золотарев, 1931, стр. 67—68). Так, например, согласно преданию аранда (арунта), племя это образовалось во времена мангаркингеркина (= альчера) из неразвитых существ, делившихся на две строго отличные группы: жителей земли и жителей моря (Золотарев, 1931, стр. 67).

Существование глубоко укоренившегося убеждения в наличии физических и духовных различий между людьми, принадлежащими к разным фратриям, было отмечено на Новой Гвинее, Новой Ирландии, Новой Британии, о-вах Герцога Йоркского, Соломоновых, Санта-Крус, Банкс (Rivers, 1914в, I, p. 22; II, p. 502—507; 1932, p. 28; Fox, 1919, p. 122—123; 1924, p. 34—37; Wirz, 1924, S. 97; Токарев, 1933, 2, стр. 73). Б. О. Долгих было выявлено

существование пережитков подобных верований у иганасанов⁶. Важно подчеркнуть, что на всех перечисленных выше островах Меланезии подобного рода убеждение было неразрывно связано с преданиями об имевших место в прошлом вооруженных столкновениях между членами разных фратрий и с сохранявшейся до самого последнего времени ритуальной враждой между ними. «В старые времена,— писал В. Риверс (Rivers, 1914в, I, p. 22), характеризуя отношения между фратриями в Меланезии,— члены двух фратрий ненавидели друг друга, и чувство вражды между ними и теперь еще существует». Существование ритуальной вражды между фратриями или более или менее отдаленных ее пережитков отмечено исследователями также у аборигенов Австралии, на о-вах Торрессова пролива, на о-вах Онтонг-Джава, Тикопия, Яп, Понапе, у игоротов Филиппин, в Индонезии, у нага Северо-Восточной Индии, буршиков, по всей древней Средней Азии, у народов Кавказа, Сибири (селькупов, кетов, эвенков, ульчей, нивхов, пегидальцев, ительменов), в Древнем Египте, у гереро Африки, в Северной Америке (эскимосы, глинкиты, ирокезы, крики, чикасава, чоктава, натчи, осэджи, виннибаго, хопи, пима, опата), у многих племен Южной Америки (кепикириват, бороро, канелла, апинаже, шеренте), в древнем Перу (Прокофьев, 1928, стр. 102; Л. Морган, 1934а, стр. 56; 1934б; С. Иванов, 1935; Анисимов, 1936, стр. 119—120, 167—177; 1959, стр. 67—69; Золотарев, 1939а, стр. 135—148; 1964, стр. 76, 117—120, 143—200, 207—219, 250—256; Толстов, 1948, стр. 282—292; Шиллинг, 1949, стр. 171; Аверкиева, 1960, стр. 58; Косвен, 1961, стр. 32; Файнберг, 1964, стр. 148—150; N. Thomas, 1906, p. 53—55; Spencer and Gillen, 1927, II, p. 509; Rivers, 1932, p. 29; «Handbook of South American Indians», III, 1948, p. 375; Murdock, 1949, p. 90; Egan and Scott, 1963, p. 49).

Отзвуками былой вражды между фратриями являются предания, повествующие о борьбе между животными или птицами — тотемами фратрий. Существование таких преданий зафиксировано у австралийцев (N. Thomas, 1906, p. 53—55; Золотарев, 1931, стр. 66—68), а также у народов Сибири (Окладников, 1950а, I—II, стр. 327—328; 1950б, стр. 12—14). Следы былой вражды между фратриями мы находим в близнечных и иных сходных с ними мифах, истоки которых, как показал А. М. Золотарев, лежат в дуальном делении родового общества. Характерной чертой этих имеющих универсальное распространение мифов является вражда между братьями (Золотарев, 1939а,

⁶ Устное сообщение Б. О. Долгих автору настоящей работы.

стр. 146—148; 1964; Тэйлор, 1939, стр. 451—456; Толстов, 1948, стр. 289 сл.; Василевич, 1959, стр. 173—184; Мелетинский, 1957, стр. 177 сл.). В дальнейшем своем развитии подобного рода мифы легли в основу дуализма многих религий древнего мира (Толстов, 1948, стр. 286—291; Золотарев, 1964).

Из всех этих данных напрашивается один вывод, который одним из первых был сделан В. Риверсом (Rivers, 1914, I, p. 563), а именно, вывод о том, что дуальная организация возникла в результате соединения двух ранее совершенно самостоятельных и не находившихся в родстве коллективов.

Приведенный выше фактический материал подтверждает также правильность изложенного выше взгляда на процесс завязывания связей между двумя коллективами, процесс становления дуальной организации. Ритуальную вражду между фратриями вряд ли, по нашему мнению, можно рассматривать иначе, как пережиток реальной вражды между двумя коллективами, которые в дальнейшем образовали дуальную организацию. Существование вражды между двумя коллективами и следовало ожидать, если исходить из того, что первой формой завязывания половых отношений были оргиастические нападения членов одного тотемистического стада на членов другого. Последнее не могло не привести к обострению отношений между коллективами.

С неизбежно наступившим в дальнейшем изменением характера отношений между коллективами вражда между ними все в большей и большей степени становится фиктивной, все в большей и большей степени приобретает ритуальный характер. В последней форме она продолжала кое-где сохраняться и долгое время спустя после превращения дуально-стадной организации в дуально-родовую, после завершения процесса становления родового общества — первой формы существования готового, сформировавшегося человеческого общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Человеческое общество было вызвано к жизни возникновением и развитием производства. Процесс становления производственной деятельности был основой процесса превращения животных в людей, а зоологического объединения в подлинно человеческий коллектив, в чисто социальный организм.

Зародившаяся в недрах предчеловеческого стада производственная деятельность, развиваясь, неизбежно вступила в непримиримое противоречие с существовавшими в этом объединении зоологическими отношениями, прежде всего с существовавшей в нем биологической гаремной организацией половых отношений, в противоречье с господствовавшим в этом объединении зоологическим индивидуализмом. Возникший конфликт мог быть разрешен лишь при условии появления новых, производственных, социальных по своему характеру отношений, при условии ограничения зоологического индивидуализма, при условии ликвидации гаремной организации отношений полов, иначе говоря, при условии превращения зоологического объединения, каким было стадо предлюдей, в качественно отличное от него производственное, экономическое в своей основе объединение — первобытное человеческое стадо.

Сменившее стадо предлюдей первобытное человеческое стадо уже не было зоологическим объединением, однако оно еще не было и подлинно социальным организмом, подлинно человеческим обществом. Оно представляло собой организм социально-биологический, формирующееся человеческое общество. Возникновение первобытного стада положило начало процессу обуздания животного индивидуализма, процессу борьбы социального и биологического. С возникновением первобытного стада старая, биологическая организация половых отношений исчезла, а новая, социальная не появилась. В результате половые отношения — от-

ношения чисто биологические — приобрели совершенно неорганизованный, беспорядочный характер. В таком виде они стали существовать рядом с формирующимися социальными отношениями.

Возникновение первобытного человеческого стада — объединения более крепкого и сплоченного, чем предшествовавшее ему стадо предлюдей, — сделало возможным дальнейшее совершенствование производственной деятельности. Развитие производственной деятельности необходимо предполагало повышение уровня сплоченности первобытного стада, дальнейшее вызревание производственных отношений. Развиваясь, производство рано или поздно неизбежно должно было потребовать такого уровня сплоченности первобытного стада, который был несовместим с существованием в нем неограниченного промискуитета, должно было потребовать таких отношений между формирующимися людьми, существование которых было несовместимо с существованием между ними ничем не ограниченных, беспорядочных половых сношений.

Новый возникший конфликт не мог быть преодолен путем появления социальной организации половых отношений. Формирующиеся производственные отношения не были еще настолько сильны, чтобы подчинить себе половые отношения, упорядочить и организовать их. Однако они уже настолько окрепли к тому времени, что были способны частично вытеснить остающиеся неупорядоченными половые отношения из жизни коллектива, превратить эти отношения из постоянно существующих в периодически возникающие. В результате первобытное стадо раздвоилось во времени на коллектив почти чисто производственный, социальный организм и на почти полностью биологическое воспроизводительное объединение.

Дальнейшее развитие первобытного стада прежде всего состояло в том, что в результате прогресса производственной деятельности формирующиеся производственные, социальные отношения все в большей и большей степени вытесняли отношения половые, детопроизводственные из жизни людей, т. е. в том, что оно все в большей и большей степени становилось коллективом социальным, производственным и все в меньшей и меньшей степени объединением детопроизводственным, биологическим.

Логическим завершением этого процесса должно было бы быть полное вытеснение отношениями социальными отношений половых, биологических из жизни первобытного стада, т. е. его превращение из организма биосоциального, каким оно являлось, в организм исключительно лишь производственный, в подлинно

социальный. Однако в действительности процесс становления человеческого общества завершиться путем постепенного, плавного вытеснения половых, биологических отношений не мог. Первобытное человеческое стадо с полным вытеснением половых отношений из жизни его членов не превратилось бы в подлинно социальный организм. Оно просто перестало бы существовать.

Биосоциальный организм не мог превратиться в социальный путем постепенного заполнения старой формы новым содержанием. Производственные, социальные отношения могли более или менее успешно формироваться в оболочке первобытного стада лишь до определенного предела. По достижении его первобытное человеческое стадо вступило в период своего кризиса. Старая форма стала непреодолимым препятствием на пути развития содержания. Ни процесс формирования производительных сил, ни процесс становления производственных, социальных отношений не мог завершиться без коренной перестройки структуры формирующегося общества. И она произошла.

Развитие первобытного стада с ограниченным промискуитетом не только сделало эту перестройку необходимой, но и создало условия для ее осуществления. Вытеснение половых отношений социальными было необходимым условием развития производственной деятельности в этом стаде. Но на определенном этапе оно неизбежно привело к появлению все более углублявшейся тенденции к превращению воспроизводства основного элемента формирующихся производительных сил — человека — в суженное. Так как нормальное воспроизводство человека является необходимым условием существования производственной деятельности, то с этого момента наряду с потребностью в вытеснении половых отношений из первобытного стада в нем возникла новая, также производственная по своему источнику, но прямо противоположная ей потребность в расширении полового общения между формирующимися людьми.

Конфликт между этими двумя взаимно исключавшими друг друга потребностями мог быть разрешен только путем превращения вытесняемых из жизни человеческих коллективов детопроизводственных отношений, из отношений между членами объединения в отношения между членами разных объединений. Завязывание половых связей между членами разных первобытных стад неизбежно было и установлением определенных, социальных по своему существу, отношений между стадами. Возникли системы, состоявшие из двух взаимобрачующихся первобытных стад, — дуально-стадные организации. Появление их создало возможность окончательного и полного вытеснения биологических, половых

отношений из жизни каждого коллектива, полной и окончательной победы социальных отношений внутри коллектива, превращения этих отношений в единственно существующие в коллективе, иными словами, создало возможность возникновения экзогамного коллектива — рода.

Каждая из дуально-стадных организаций представляла собой формирующуюся дуально-родовую организацию, а каждый из входивших в состав такой системы коллективов являлся не чем иным, как формирующейся родовой коммуной.

Начало превращения первобытного стада в род, начало сбрасывания старой формы и возникновения новой сделало возможным выход из кризиса и завершение процесса формирования производительных сил и социальных отношений. С возникновением рода и дуально-родовой организации детопроизводство было подчинено производству, биологические половые отношения подчинены производственным, социальным, был обуздан и поставлен под постоянный повседневный контроль коллектива самый мощный и антиобщественный из всех зоологических инстинктов — инстинкт размножения, половой. Обуздание полового инстинкта было ведущим моментом процесса обуздания зоологического индивидуализма. Поэтому завершение обуздания полового инстинкта означало завершение обуздания зоологического индивидуализма вообще. С завершением становления рода и дуально-родовой организации окончился процесс борьбы социального и биологического, процесс становления человеческого общества.

Род возник, когда социальные, производственные отношения одержали окончательную победу над отношениями половыми, биологическими и полностью вытеснили последние из человеческого коллектива. Экзогамия, таким образом, является отнюдь не внешним признаком рода. В негативной форме в ней выражается сущность рода, состоящая в том, что род является первым коллективом, в основе которого лежат исключительно лишь социальные отношения, первым чисто социальным, чисто производственным объединением¹. Возникновение рода было появлением первого

¹ Подобная характеристика рода, на первый взгляд, кажется находящейся в резком противоречии с общепринятым определением рода как коллектива людей, связанных узами родства, как коллектива, покоящегося на кровнородственных связях. На деле здесь нет никакого противоречия. Как уже указывалось выше (см. раздел 2 главы XI), понятие о родстве, существовавшее в тотемистическом стаде и на ранних этапах развития рода, было выражением не физиологического, физического родства между людьми, а экономического в своей основе единства коллектива, было выражением производственной, социальной в своей основе общности всех членов коллектива.

подлинно социального организма, первой формой существования готового, сформировавшегося человеческого общества. С превращением первобытного человеческого стада в род закопчился один крупный период истории человечества — период становления человеческого общества и начался другой — период развития готового, сформировавшегося человеческого общества.

Производство, каким оно было вплоть до появления прибавочного продукта, предполагало и требовало такого объединения производящих существ, в котором поведение каждого из его членов определялось бы не стремлениями удовлетворить свои инстинкты, а выражающими потребности производства (и тем самым потребности производственного объединения) нормами и правилами, одинаково обязательными для всех членов объединения, в котором все его члены независимо от физической силы и других индивидуальных качеств обладали бы одинаковыми правами и обязанностями, предполагало и требовало такого объединения, которое было бы подлинным коллективом, было бы коммуной, предполагало и требовало коллективистических, коммунистических отношений, отношений равенства, дружбы и взаимопомощи. И весь процесс становления человеческого общества был процессом формирования такого коллектива, процессом формирования первобытной коммуны. Человеческое общество формировалось как первобытнокоммунистическое общество. Человеческие, социальные отношения становились как первобытнокоммунистические отношения. Человек, формируясь как общественное существо, формировался как существо непосредственно общественное, как коллективист. Это вытекало из самой сущности процесса становления человеческого общества как процесса обуздания зоологического индивидуализма. Отрицанием зоологического индивидуализма мог быть только человеческий, социальный коллективизм, только первобытный коммунизм. Подлинный человек мог возникнуть только как коллективист и он возник как коллективист.

Процесс формирования первобытной коммуны завершился с возникновением рода. Первобытная коммуна возникла как коммуна родовая. Первобытный коммунизм был родовым коммунизмом. Отношения собственности в родовой коммуне всецело носили коллективистический характер. Никакой другой формы собственности, кроме коллективной, родовой собственности, в первобытной коммуне не существовало. Члены рода совместно владели средствами производства, сообща производили и сообща потребляли. Характерной чертой родовой коммуны было полное равенство всех ее членов. Между сородичами существовали от-

ношения дружбы, сотрудничества и взаимопомощи. Род был мо-
нолитным, сплоченным коллективом.

Но родовой коммунизм носил по необходимости ограниченный
характер. Эта ограниченность родового коммунизма была обус-
ловлена той же причиной, которая обусловила коммунистический
характер первобытного производства,— именно низким уровнем
развития производительных сил.

Ограниченность первобытного коммунизма проявлялась преж-
де всего в том, что коммунистические отношения были замкнуты
в пределах рода, ограничены рамками каждого отдельного кол-
лектива. Соответственно такой же ограниченный характер носила
и первобытнокоммунистическая мораль. Действие ее норм,
предписывавших заботу о каждом члене коллектива, взаимопо-
мощь и т. п., распространялось лишь на членов данного конкрет-
ного рода. Все, что было вне рода, было вне сферы действия норм
и правил, определявших взаимоотношения членов рода. Родовая
коммуна для каждого из его членов была всем. Существование
человека вне рода было абсолютно невозможным. Поэтому каж-
дый человек родового общества мог мыслить и мыслил себя преж-
де всего как неотъемлемую часть коллектива. Господствовавший
в роде коллективизм, возникший в борьбе с зоологическим инди-
видуализмом и как отрицание последнего, был настолько силен,
что не только исключал какой бы то ни было индивидуализм,
но и делал невозможным развитие человеческой индивидуаль-
ности.

Имевший своей основой неразвитость производства родовой
коммунизм неизбежно должен был рано или поздно в результате
развития производительных сил уступить место новому общест-
ву — классовому. Возникновение последнего было крупным шагом
вперед. В течение целого периода истории человеческого общества
только классовые производственные отношения могли обеспе-
чить возможность совершенствования производительных сил. Но
переход от родового общества к классовому, представлявший со-
бой явление в целом несомненно прогрессивное, был в определен-
ном отношении и регрессом. Для подавляющего большинства че-
ловечества классовое общество принесло с собой тяжкий соци-
альный гнет, нищету, голод, страдания, полное подавление лич-
ности. Трудящиеся массы были задавлены непосильной работой
на других, лишены права на достойное человека существование,
низведены до положения животных. Возможность развития своей
индивидуальности была исключена для представителей эксплуа-
тируемых классов существовавшими общественными отноше-
ниями.

Частная собственность и неразрывно связанные с ней отношения эксплуатации и угнетения, возникнув, разъединили людей, обособили их, поставили во враждебные отношения друг к другу. «Старое общество,— писал В. И. Ленин, характеризуя классовое общество,— было основано на таком принципе, что либо ты грабишь другого, либо другой грабит тебя, либо ты работаешь на другого, либо он на тебя, либо ты рабовладелец, либо ты раб» (ПСС, т. 41, стр. 312). Классовое общество возникло как отрицание родового общества и тем присущего последнему коллективизма. Вместе с ним вновь возник индивидуализм.

Этот индивидуализм отличался от подавленного родовой коммуной зоологического эгоизма. С возникновением классового общества человек не перестал быть существом общественным. Он им был и остался. И именно в силу этого он превратился в индивидуалиста. Индивидуалистом его сделали новые общественные отношения, пришедшие на смену родо-коммунистическим,— отношения эксплуатации и угнетения. Возникший вместе с классовым обществом индивидуализм был порождением общественных отношений, был проявлением общественной сущности человека, но проявленном извращенным, искаженным, проявлением, отрицавшим свою собственную сущность.

Поэтому индивидуализм не только не смог обеспечить расцвета человеческой личности, но, наоборот, сделал его невозможным. Развитие индивидуализма опустошало, уродовало, калечило человека. Отрицание индивидуализмом общественной сущности человека не могло не привести к известному возрождению зверя в человеке. Хотя основой пришедшего на смену родовому коллективизму индивидуализма были не зоологические инстинкты, а антагонистические общественные отношения, его возникновение неизбежно привело к известному возрождению зоологического индивидуализма, к известному освобождению животных инстинктов из-под контроля общества².

Крайнее свое проявление возникший вместе с частной собственностью и отношениями эксплуатации индивидуализм получил в буржуазном обществе. При капитализме наивысшего развития достигают все противоречия классового общества, в том числе и антагонизм между личностью и обществом, между общественными и личными интересами. Обострив до предела все противоречия классового общества, капитализм создал возможность своего уничтожения и тем самым уничтожения общества, осно-

² Подробнее об общественной природе личности, об индивидуализме и коллективизме см. работы П. Е. Кряжева (1959, 1960, 1962).

ванного на эксплуатации человека человеком. «Капитализм, — указывается в Программе КПСС, — последний эксплуататорский строй. Гигантски развив производительные силы, он превратился затем в величайшую преграду на пути общественного прогресса. Если XX век — век колоссального роста производительных сил и развития науки — еще не покончил с нищетой сотен миллионов людей, не принес изобилия материальных и духовных благ всем людям на Земле, то в этом повинен только капитализм. Усиливающийся конфликт между производительными силами и производственными отношениями властно ставит перед человечеством задачу — разорвать прогнившую капиталистическую оболочку, раскрепостить мощные производительные силы, созданные человеком, и использовать их на благо всего общества» (1961, стр. 7).

И эта задача успешно осуществляется. Более трети человечества уже освободилось из-под власти капитализма и успешно создает новое, бесклассовое, коммунистическое общество. В авангарде строителей мирового коммунизма идут трудящиеся нашей страны, возглавляемые великой партией Ленина. В СССР завершено строительство социалистического общества и непосредственной практической задачей в настоящее время является переход от первой фазы коммунистического общества ко второй его фазе, от социализма к собственно коммунизму.

Коммунистический строй, идущий на смену последней классовой общественно-экономической формации — капитализму, имеет черты, роднящие его с первобытным родовым коммунизмом. Таковыми чертами являются наличие общественной собственности на средства производства и соответственно отсутствие частной собственности, коллективизм, равенство всех членов общества и соответственно отсутствие классов, эксплуатации, государства и др. Однако в то же время между родовым коммунизмом и коммунистическим обществом существует и коренное, качественное различие.

Первобытный коммунизм имел своей основой крайне низкий уровень развития производства, при котором люди с трудом могли обеспечивать свое физическое существование, был коммунизмом бедности. Поэтому коммунистические отношения, носившие уравнилельный характер, были замкнуты в узких рамках родового коллектива. Ограниченный характер носил родовой коллективизм, возникший как отрицание зоологического индивидуализма. Он замыкал личность в пределах узкой человеческой группы, целиком растворяя ее в коллективе, ограничивал развитие человеческой индивидуальности.

Новый коммунизм возникает на базе такого уровня развития производительных сил, которые создают изобилие материальных и духовных благ и дают возможность перейти к распределению по потребностям. Коммунизм, возникая, лишь временно ограничен рамками одной страны. В дальнейшем своем развитии он неизбежно объединит все человечество. «Коммунизм,— говорится в Программе КПСС,— выполняет историческую миссию избавления всех людей от социального неравенства, от всех форм угнетения и эксплуатации, от ужасов войны и утверждает на земле **Мир, Труд, Свободу, Равенство, Братство** и **Счастье** всех народов» (1961, стр. 6).

Отрицая основанное на частной собственности, угнетении и эксплуатации классовое общество, коммунизм отрицает и присутствующий ему индивидуализм и тем самым окончательно, полностью и навсегда вытесняет из жизни людей остатки животного эгоизма, окончательно, полностью и навсегда делает людей людьми. С коммунизмом, пишет Ф. Энгельс, «прекращается борьба за отдельное существование. Тем самым человек теперь — в известном смысле окончательно — выделяется из царства животных и из звериных условий существования переходит в условия действительно человеческие» (соч., т. 20, стр. 294). Коммунизм, отрицая индивидуализм и возрождая на новой основе коллективизм, не только не отрицает человеческую индивидуальность, а, наоборот, создает все условия для всестороннего, свободного и гармоничного развития человеческой личности. «Коммунизм,— указывается в Программе КПСС.— это строй, где расцветают и полностью раскрываются способности и таланты, лучшие нравственные качества свободного человека» (1961, стр. 65).

1. Указатель литературы на русском языке ²

Сокращения

- АЖ — Антропологический журнал.
БЖ — Биологический журнал.
БКЧП — Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода СССР.
БМОИП — Бюллетень Московского общества испытателей природы.
Ван — Вопросы антропологии.
Ват — Воинствующий атеизм.
ВДИ — Вестник древней истории.
ВИ — Вопросы истории.
ВИМК — Вестник истории мировой культуры.
ВИРА — Вопросы истории религии и атеизма.
ВЛУ — Вестник Ленинградского университета.
ВФ — Вопросы философии.
ДАН — Доклады Академии наук СССР.
ЕМИРА — Ежегодник Музея истории религии и атеизма.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
ЖОБ — Журнал общей биологии.
ЖС — Живая старина.
ЖЭБ — Журнал экспериментальной биологии.
ЗЖ — Зоологический журнал.
ЗНОМ — Записки научного общества марксистов.
ИАН — Известия Академии наук СССР.
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры.
- ИОИАЭ — Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете.
ИОЛЕАЭ — Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете.
КС — Киевская старина.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии.
КСИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
ПЖ — Проблемы животноводства.
ПЗМ — Под знаменем марксизма.
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ.
РАЖ — Русский антропологический журнал.
САН — Советская антропология.
САР — Советская археология.
СГАИМК — Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры.
СМАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии.
СФ — Советский фольклор.
СЭ — Советская этнография.
ТПАЭ — Труды Института антропологии, археологии и этнографии.

¹ Настоящий указатель не является списком использованной литературы. Из всех использованных работ в нем приведены лишь те, на которые имеются прямые ссылки в тексте.

² В этот же указатель включены работы на украинском языке.

ТИЭ — Труды Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия.

ТИЭФП — Труды Института эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности имени И. П. Павлова.

ТМКАИЧПЕ — Труды II Международной конференции Ассоциации изучения четвертичного периода Европы.

УЗКГПИИ — Ученые записки Красноярского государственного педагогического института.

УЗЛГУ — Ученые записки Ленинградского государственного университета.

УЗМГУ — Ученые записки Московского государственного университета.

УЗМОПИ — Ученые записки Московского областного педагогического института.

УЗТГУ — Ученые записки Таджикского государственного университета.

УСВ — Успехи современной биологии.

ФЗ — Философские записки.

ФНТ — Фронт науки и техники.

ЭО — Этнографическое обозрение.

ЮВ — Юридический вестник.

Абрамзон С. М. К семантике киргизских этнонимов. СЭ, 1946, 3.

Абрамова З. А. Элементы одежды и украшений на скульптурных изображениях человека эпохи верхнего палеолита в Европе и Сибири. МИА, № 79. М.— Л., 1960.

Авдеев А. Д. Происхождение театра. М.— Л., 1959.

Аверкиева Ю. П. К вопросу о тотемизме у индейцев северо-западного побережья Северной Америки. ТИЭ, т. 51. М., 1959.

Аверкиева Ю. П. К истории общественного строя у индейцев северо-западного побережья Северной Америки. ТИЭ, т. 58. М., 1960.

Аверкиева Ю. П. Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки. ТИЭ, т. 70. М., 1961.

Адамсц Л. Общая зоотехния. М.— Л., 1930.

Алексеев В. А. Некоторые проблемы теории антропогенеза. ВФ, 1959, 11.

Алексеев В. П. Некоторые вопросы развития кисти в процессе антропогенеза. (О месте кинк-кобинца среди неандертальских форм). ТИЭ, т. 50. М., 1960.

Алексеева Л. В., Нестурх М. Ф. Морфофизиологические особенности полового цикла у обезьян. САН, 2, 3. 1958.

Алексеев Е. А. Культ медведя у кетов. СЭ, 1960, 4.

Алиман А. Доисторическая Африка. М., 1960.

Альтшулер В. Е., Борисенко Е. А. и Поляков А. Н. Гомо- и гетерозиготность как факторы жизнеспособности и продуктивности. БЖ, 4, 3, 1935.

Ананьев Б. Г. Социогенетическая теория развития поведения человека. В сб. «Рефлексология и смежные направления». Л., 1930.

«Английские народные сказки». М., 1960.

Анисимов А. Ф. Родовое общество эвенков (тунгусов). Л., 1936.

Анисимов А. Ф. К вопросу об аниматизме и антропоморфизме. КСИЭ, 8, 1949.

Анисимов А. Ф. Религия эвенков. М.— Л., 1958а.

Анисимов А. Ф. Религия эпохи расцвета матриархата. ЕМИРА, 2. М.— Л., 1958б.

Анисимов А. Ф. Космологические представления народов Севера. М.— Л., 1959.

Анисимов А. Ф. Об исторических истоках и социальной основе тотемистических верований. ВИРА, 8. М., 1960.

Аничков Е. В. Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян, ч. I. СПб., 1903.

- Апичков Е. В. Язычество и древняя Русь. СПб., 1914.
- Апянский И. Ф. Дионис в религии и поэзия. В кн. «Эврипид. Драммы», т. 1, 1916.
- Анохина А. В. Душа и ее свойства по представлениям телеутов. СМАЭ, 8, Л., 1929.
- Анучин В. И. Предварительный отчет о поездке к енисейским осякам. «Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии», 1906, 6.
- Анучин В. И. Очерк шаманства у енисейских кетов. СМАЭ, т. 2, вып. 2. СПб., 1914.
- Анучин Д. Н. Сани, лабья и кони как принадлежности похоронного обряда. М., 1890.
- Анучин Д. Н. Находка неандертальского черепа в Южной Африке. РАЖ, 12, 3—4, 1923.
- Аракелян М. А. Влияние различных условий воспитания на ослабление депрессии при родственном спаривании. «Агробиология», 1949, 5.
- Аракелян М. А. Условия воспитания при родственном разведении животных. «Агробиология», 1950, 2.
- Аристотель. Метафизика. М.—Л., 1934.
- Арсеньев В. К. Дерсу Узала. М., 1960.
- Арциховский А. В. Введение в археологию. М., 1947.
- Арциховский А. В. Основы археологии. М., 1955.
- Астанин Л. П. Органы тела млекопитающих и их работа. М., 1958.
- Афанасьев А. Н. Поэтическое воззрение славян на природу, т. I. М., 1865; т. II, 1868; т. III, 1869.
- Афанасьев А. Н. Народные русские сказки, т. I—III. М., 1957.
- Бадер О. Н. Новые данные по палеолиту горного Крыма. БКИЧП, № 6—7. М.—Л., 1940а.
- Бадер О. Н. Новая мустьерская стоянка в Крыму. БКИЧП, № 6—7. М.—Л., 1940б.
- Бадер О. Н. О мустьерской стоянке у Волчьего грота. ВДИ, 1940в, 2.
- Бадер О. Н., Брюсов А. Я., Киселев С. В., Формозов А. А. Некоторые вопросы возникновения человеческого общества. САР, 1957, 1.
- Бакаев В. Трагическое знакомство с ауками. «Вокруг света», 1957, 3.
- Балов В. А. Очерки Пошехонья. ЭО, кн. 51, 4, 1901.
- Баранов П. Н. Свадебные обычаи мордвы-эрзп. ЭО, кн. 86—87, 3—4, 1910.
- Бардавалидзе В. В. По этапам развития древнейших религиозных верований и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957.
- Бахта В. М. Рец.: П. И. Борисковский. Древнейшее прошлое человечества. М.—Л., 1957.—СЭ, 1958, 4.
- Бахта В. М. К вопросу о структуре первобытного производства. ВИ, 1960, 7.
- Белицер В. И. Очерки по этнографии народов коми. ТИЭ, т. 45. М., 1958.
- Белявский Фр. Поездка к Ледовитому морю. М., 1833.
- Беляев П. И. Религиозные и психологические представления первобытных народов. ЭО, кн. 96—97, 1—2, 1913.
- Бенк Т. Колыбель ветров. М., 1960.
- Бербанк Л. Избранные сочинения. М., 1955.
- Бернштам А. Н. Материнский и отцовский род, возникновение малой семьи, племени и условия его образования. В сб. «Первобытное общество». М., 1932.

- Библиков С. Н. Ранненеолитическое поселение Лука Врублевцевая на Днестре. МИА, № 38. М.—Л., 1955.
- Библикова В. И. Некоторые замечания по фауне из мустьерской пещеры Аман-Кутан I. САР, 1958, 3.
- Боас Ф. Ум первобытного человека. М.—Л., 1926.
- Богаевский Б. Л. Земледельческая религия Афин, т. I. Пг., 1916.
- Богаевский Б. Магия и религия. ВАГ, 1931, 12.
- Богаевский Б. Л. К выяснению значения нового изображения в пещере «Трех братьев» на юге Франции. СЭ, 1933, I.
- Богаевский Б. Л. О значении изображения «колдуна» в пещере «Трех братьев». СЭ, 1934, 4.
- Богатырев П. Г. Верования великоруссов Шенкурского уезда. ЭО, кн. 111—112, 3—4, 1916.
- Богданов В. В. Древние и современные обряды погребения животных в России. ЭО, кн. 111—112, 3—4, 1916.
- Богораз В. Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, ч. I. Образцы народной словесности чукоч. СПб., 1900.
- Богораз-Тан В. Г. Миф об умирающем и воскресающем звере. «Художественный фольклор», I, 1926.
- Богораз-Тан В. Г. Христианство в свете этнографии. М.—Л., 1928.
- Богораз-Тан В. Г. К вопросу о применении марксистского метода к изучению этнографических явлений. «Этнография», 1930, 1—2.
- Богораз-Тан В. Г. Культ воскресающего зверя и культ Христа. ВАГ, 1931, 4.
- Богораз-Тан В. Г. Основные типы фольклора Северной Евразии и Северной Америки. СФ, 4—5. М.—Л., 1936.
- Богораз-Тан В. Г. Чукчи, ч. I. Социальная организация. Л., 1934; ч. II. Религия. Л., 1939.
- Бодуэн де Куртене П. А. Лингвистические заметки и афоризмы. ЖМНП, ч. 346, 347; 4, 5, 1903.
- Бодянский П. Н. Римские вакханалии и преследование их в VI веке от основания Рима. Киев, 1882.
- «Болгарские народные сказки». М., 1951.
- Бондаренко В. Поверья крестьян Тамбовской губернии. ЖС, 1890, I.
- Боннар А. Греческая цивилизация, т. 1. М., 1958; т. 2, 1959.
- Бонч-Осмоловский Г. А. К вопросу об эволюции древнепалеолитических индустрий. «Человек», 1928, 2—4.
- Бонч-Осмоловский Г. А. Шайтан-Коба, крымская стоянка типа Абри Оди. БКИЧП, № 2, 1930.
- Бонч-Осмоловский Г. А. К проблеме комплексного изучения четвертичного периода. СГАИМК, 1932, 3—4.
- Бонч-Осмоловский Г. А. Итоги изучения крымского палеолита. ТМКАИЧПЕ, вып. 5. Л.—М.—Новосибирск, 1934.
- Бонч-Осмоловский Г. А. Кисть ископаемого человека из грота Киик-Коба и ее значение в проблеме антропогенеза. КСИИМК, 2, 1939.
- Бонч-Осмоловский Г. А. Грот Киик-Коба. «Палеолит Крыма», вып. 1. М.—Л., 1940.
- Бонч-Осмоловский Г. А. Кисть ископаемого человека из грота Киик-Коба. «Палеолит Крыма», вып. 2. М.—Л., 1941.
- Бонч-Осмоловский Г. А. Эволюционное значение противопоставления большого пальца. ЖОБ, 5, 1, 1944а.
- Бонч-Осмоловский Г. А. Патологические рефлексы в вопросе антропогенеза. ДАН, 44, 5, 1944б.

- Бонч-Осмоловский Г. А. Скелет стопы и голени ископаемого человека из грота Кинк-Коба. «Палеолит Крыма», вып. 3. М.—Л., 1954.
- Борпсенко Е. А. Влияние условий развития на последствия инбридинга. «Ярвизация», 1939, 5—6.
- Борисенко Е. А. Генетический анализ гетерозиса. ЖОБ, 2, 2, 1941.
- Борисенко Е. А. Разведение сельскохозяйственных животных. М., 1957.
- Борисковский П. И. К вопросу о стадиальности в развитии верхнего палеолита. ИГАИМК, т. 14, вып. 4, 1932.
- Борисковский П. И. Исторические предпосылки оформления так называемого Homo sapiens. ПИДО, 1935, 1—2, 5—6.
- Борисковский П. И. Некоторые вопросы становления человека. КСИЭ, 9, 1950а.
- Борисковский П. И. Начальный этап первобытного общества. Л., 1950б.
- Борисковский П. И. Палеолит Украины. МИА, № 40. М.—Л., 1953.
- Борисковский П. И. Новые данные о происхождении человека. Л., 1955.
- Борисковский П. И. Современная наука о происхождении человека. Л., 1956.
- Борисковский П. И. Древнейшее прошлое человечества. М.—Л., 1957а.
- Борисковский П. И. Очерки по палеолиту Центральной и Юго-Восточной Европы, ч. I. САР, т. 27, 1957б; ч. II. САР, т. 29—30, 1959.
- Бромлей Г. Ф. Гималайский медведь. ЗЖ, 35, 1, 1956.
- Брюсов А. Я. Рец.: «Происхождение человека и древнее расселение человечества». ТИЭ, т. 16. М., 1951.—ВДИ, 1953, 2.
- Бузург ибн Шахрияр. Чудеса Индии. М., 1959.
- Бунак В. В. Об акклиматизации человеческих рас и сравнительном значении определяющих ее факторов. Этюд по биологии человека. РАЖ, 13, 1—2, 1923.
- Бунак В. В. Муляж мозговой полости палеолитического детского черепа из Тешик-Таш (Узбекистан). СМАЭ, 13, 1951а.
- Бунак В. В. Начальные этапы развития мышления и речи по данным антропологии. СЭ, 1951б, 3.
- Бунак В. В. Происхождение речи по данным антропологии. ТИЭ, т. 16. М., 1951в.
- Бунак В. В. Современное состояние проблемы эволюции стопы у предков человека. В кн.: Г. А. Бонч-Осмоловский. Скелет стопы и голени ископаемого человека из грота Кинк-Коба. М.—Л., 1954.
- Бунак В. В. Череп человека и стадии его формирования у ископаемых людей и современных рас. ТИЭ, т. 49. М., 1959а.
- Бунак В. В. Международное совещание по проблемам гоминизации. САН, 3, 1, 1959б.
- Бунак В. В., Нестурх М. Ф., Рогинский Я. Я. Антропология. М., 1941.
- Бутянов Н. А. Проблема экзогамии. ТИЭ, т. 14. М., 1951.
- Быковский С. Н. К вопросу о тотемизме. В сб. «Из истории докапиталистических формаций». ИГАИМК, вып. 100. М.—Л., 1933.
- Быстров А. П. Прошлое, настоящее, будущее человека. Л., 1957.
- Вагнер В. А. Возникновение и развитие психических способностей, вып. 8. Психология питания и ее эволюция. Л., 1928.
- Вагнер В. А. Возникновение и развитие психических способностей, вып. 9. Психология размножения и ее эволюция. Л., 1929.
- Вайндтейн С. И. Тувинцы-тоджинцы. М., 1961.
- Вайндтейн С. И. К истории ранних форм семейно-брачных отношений. СЭ, 1964, 2.
- Вайян Дж. История ацтеков. М., 1949.

- Василевич Г. М. Некоторые данные по охотничьим обрядам и представлениям у тунгусов. «Этнография», 1930, 3.
- Василевич Г. М. Ранние представления о мире у звенков. ТИЭ, т. 51. М., 1959.
- Васильев Б. А. Медвежий праздник. СЭ, 1948, 4.
- Васильев И. Обзорение языческих обрядов, суеверий и верований вотяков Казанской и Вятской губернии. ИОАИЭ, т. 22, вып. 3, 4, 5, 1906.
- Васманян Э. Итоги сравнительной психологии. Киев, 1906.
- Вацуро Э. Г. К вопросу о механизме поведения человекообразной обезьяны (шимпанзе). Сообщение 1. ТИЭФП, т. 1, 1947.
- Вацуро Э. Г. Исследование высшей нервной деятельности антропоида (шимпанзе). М., 1948.
- Вацуро Э. Г., Штодин М. П. К вопросу о механизме поведения человекообразной обезьяны (шимпанзе). Сообщение 2. ТИЭФП, т. 1, 1947.
- Вдовин И. С. Из истории общественного строя чукчей. СЭ, 1948, 3.
- Вебер М. Приматы. М.—Л., 1936.
- Вейнерт Г. Происхождение человечества. М.—Л., 1935.
- «Венгерские народные сказки». М., 1958.
- Вербов Г. Д. Пережитки родового строя у ненцев. СЭ, т. 2. М.—Л., 1939.
- Верещагин Н. К., Колбутов А. Д. Остатки животных на мустьерской стоянке под Сталинградом и стратиграфическое положение палеолитического слоя. «Труды Зоологического института», т. 22. М.—Л., 1957.
- Веселовский А. Н. Гетеризм, побратимство и кумовство в купальской обрядности. ЖМНП, ч. 291, 2, 1894.
- Веселовский А. Н. Три главы из исторической поэтики. Собрание сочинений, серия I, т. 1. СПб., 1913.
- Вилли К. Биология. М., 1959.
- Винников И. Н. Некоторые вопросы социальной организации австралийских племен. СЭ, 1934, 4.
- Винников И. Н. Из архива Л. Г. Моргана. М.—Л., 1935.
- Винников И. Н. Четвертое издание книги Фр. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». В сб. «Вопросы истории доклассового общества». ТИААЭ, т. 4. М.—Л., 1936.
- Воеводский М. В. Ранний палеолит Русской равнины. УЗМГУ, вып. 158, 1952.
- Войно М. С. Современное состояние проблемы пресapiенса. САН, 3, 1, 1959.
- Войно М. С. Речь как одна из важнейших специфически человеческих особенностей. В сб. «У истоков человечества». М., 1964.
- Войтонис Н. Ю. Характерные особенности поведения обезьян. АЖ, 1936, 4.
- Войтонис Н. Ю. Поведение обезьян с точки зрения сравнительной психологии. ФНТ, 1937, 4.
- Войтонис Н. Ю. Поведение обезьян с точки зрения антропогенеза. ПЗМ, 1940, 9.
- Войтонис Н. Ю. Поведение обезьян и зарождение трудовой деятельности. «Природа», 1948, 6.
- Войтонис Н. Ю. Предыстория интеллекта. М.—Л., 1949.
- Волчек Б. Я. Следы дуальной организации у народов мунда. СЭ, 1959, 6.
- Вольфсон С. Я. Семья и брак в их историческом развитии. М., 1937.
- Воронин Л. Г. Сравнительная физиология высшей нервной деятельности. М., 1957.
- Воронин Н. Н. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в. МИА, № 6. М.—Л., 1941.

- Врангель Ф. Путешествие по северным берегам Сибири по Ледовитому морю, ч. II. СПб., 1841.
- «Всемирная история», т. 1. М., 1955.
- Вундт В. Миф и религия. СПб., 1910.
- Выготский Л. С. Мышление и речь. М.—Л., 1934.
- Выготский Л. С., Лурья А. Р. Этюды по истории поведения. М.—Л., 1930.
- Выдра Р. Объективный момент в парциальном мышлении. ПЗМ, 1924, 12.
- Выдра Р. «Загадки» первобытного мышления и их разгадка. ПЗМ, 1925, 7.
- Гагенторн Н. Свадьба в Салтыковской вол. Моршанского уезда Тамбовской губернии. В кн. «Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР», вып. 1. Л., 1926.
- Гаген-Торн Н. О «бабьем празднике» у ижор. «Этнография», 1930, 3.
- Гак Г. М. Учение об общественном сознании в свете теории познания. М., 1960.
- Гарнер Р. Л. Язык обезьян. СПб., 1899.
- Гартман К. Некоторые результаты новейших исследований по физиологии размножения обезьяны-резус. УСБ, 5, 4, 1936.
- Гаузе Г. Ф. Генетика и экология в учении об естественном отборе. УСБ, 6, 1, 1937.
- Гаузе Г. Ф. Естественный отбор у животных ЗЖ, 18, 4, 1939.
- Гаузе Г. Ф. Роль приспособляемости в естественном отборе. ЖОБ, 1, 1, 1940.
- Гексли Дж. Естественный отбор и эволюционный прогресс. УСБ, 7, 1, 1937.
- Герасимов М. М. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек). ТИЭ, т. 28, 1955.
- Геродот. История в девяти книгах, т. I. М., 1885; т. II, 1888.
- Гинзбург В. В. Энгельс и антропология. «Природа», 1946, 4.
- Гинзбург В. В. Древние и современные антропологические типы Средней Азии. ТИЭ, т. 16. М., 1951.
- Гольмстен В. В. О происхождении скорченности костяков в погребениях родового общества. ПИДО, 1935, 5—6.
- Гомер. Одиссея. М.—Л., 1935.
- Гондатти Н. Л. Культ медведя у инородцев Северо-Западной Сибири. ИОЛЕАЭ, т. 48, вып. 2, 1888.
- Горбачева Н. П. К вопросу о пересмотре периодизации Моргана. СЭ, 1952, 1.
- Гордлевский В. А. Османская свадьба. ЭО, кн. 103—104, 3—4, 1914.
- Городцов В. А. Значение изучения древней техники в археологии. В сб. «Техника обработки камня и металла». М., 1930.
- Городцов В. А. К истории развития техники первобытных каменных орудий. СЭ, 1935, 2.
- Городцов В. А. Результаты исследования Ильской палеолитической стоянки. МИА, № 2. М.—Л., 1941.
- Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, № 94. М., 1961.
- Граммш А. Тюремные тетради. Избранные произведения, т. III. М., 1959.
- Грей Дж. Разделение и связь наук. «Курьер Юнеско», 1961, 7—8.
- Гремяцкий М. А. Проблема антропогенеза. АЖ, 1934, 3.
- Гремяцкий М. А. Проблема промежуточных и переходных форм от неандертальского человека к современному. УЗМГУ, вып. 115, 1948.
- Гремяцкий М. А. Череп ребенка-неандертальца из грота Тешик-Таш,

- Южный Узбекистан. В сб. «Тешик-Таш. Палеолитический человек». М., 1949.
- Гремяцкий М. А. О филогенетических связях древнейших гоминид. КСНЭ, 15, 1952.
- Григорьев Г. П. К вопросу о происхождении ориньякской культуры во Франции. ВАН, 14, 1963.
- Гримм (братья). Сказки. Минск, 1954.
- Громов В. И. Палеонтологические и археологические обоснования стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие палеолит). «Труды Института геологических наук», вып. 64, геолог. серия, № 17. М., 1948.
- Громов В. И. Геологический возраст палеолита на территории СССР. В сб. «Материалы по четвертичному периоду СССР». М.—Л., 1950.
- Громова В. О различных типах изменения признаков в эволюции животных. ДАН, 54, 5, 1946.
- Громова В. И. Плейстоценовая фауна млекопитающих из грота Тешик-Таш, Южный Узбекистан. В сб. «Тешик-Таш. Палеолитический человек». М., 1949.
- Гурвич И. С. Эвены Камчатской области. ТИЭ, т. 56. М., 1960.
- Гущин А. С. Происхождение искусства. М.—Л., 1937.
- Давиденков С. Н. Эволюционно-генетические проблемы в невропатологии. Л., 1947.
- Давиташвили Л. Ш. Развитие идей и методов в палеонтологии после Дарвина. М.—Л., 1940.
- Давиташвили Л. Ш. История эволюционной палеонтологии от Дарвина до наших дней. М.—Л., 1948.
- Даль В. И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. СПб., 1880.
- Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1957.
- Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора. Сочинения, т. II. М.—Л., 1939.
- Дарвин Ч. Изменение домашних животных и культурных растений. Сочинения, т. IV. М.—Л., 1951.
- Дарвин Ч. Происхождение человека и половой отбор. Сочинения, т. V. М.—Л., 1953.
- Дарвин Ч. Действие перекрестного опыления и самоопыления в растительном мире. Сочинения, т. VI. М.—Л., 1950.
- Дебец Г. Ф. Новая находка неандертальского человека. АЖ, 1934, 1—2.
- Дебец Г. Ф. О черепе из Тешик-тапской пещеры. КСИИМК, 2, 1939.
- Дебец Г. Ф. Об антропологических особенностях человеческого скелета из Тешик-Таша. «Труды Узбекского филиала АН СССР». Серия I, вып. 1. Ташкент, 1940.
- Дебец Г. Ф. О положении палеолитического ребенка из пещеры Тешик-Таш в системе ископаемых форм человека. М., 1947.
- Дебец Г. Ф. О систематике и номенклатуре ископаемых форм человека. КСИИМК, 23, 1948а.
- Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. ТИЭ, т. 4. М.—Л., 1948б.
- Дебец Г. Ф. Выступление на дискуссии по проблеме происхождения Homo sapiens. КСИЭ, 9, 1950.
- Дебец Г. Ф. Заселение Южной и Передней Азии по данным антропологии. ТИЭ, т. 16. М.—Л., 1951а.
- Дебец Г. Ф. Антропологические данные о заселении Африки. ТИЭ, т. 16. М.—Л., 1951б.

- Дебец Г. Ф. Основные итоги палеоантропологических исследований в СССР. М., 1956.
- Дебец Г. Ф. Сорок лет советской антропологии. САУ, 1, 1, 1957.
- Дебец Г. Ф., Трофимова Т. А., Чебоксаров Н. Н. Проблема заселения Европы по антропологическим данным. ТИЭ, т. 16. М., 1951.
- Дембовский Я. Психология обезьян. М., 1963.
- Демидович П. П. Из области верований и сказаний белорусов. ЭО, кн. 28, 29—30, 1, 2—3, 1896.
- Денисов П. В. Религиозные верования чуваш. Чебоксары, 1959.
- Державин Н. С. Обычай «умыкания» невест в древнейшее время и его переживание в свадебных обрядах современных народов. В сб. статей, посвященном акад. В. И. Ляманскому. СПб., 1907.
- Джолли А. и Роз Ф. Место туземцев Австралии в эволюции общества. СЭ, т. 7—8. М.—Л., 1947б.
- Джолли А. и Роз Ф. Значение табу в первобытном обществе. СЭ, т. 7—8. М.—Л., 1947б.
- Дикшит С. К. Введение в археологию. М., 1960.
- Добровольский А. В. Пещера коло с. Іллінки, Одеської обл. «Археологія», т. 4. Київ, 1950.
- Доброгаев С. М. Ч. Дарвин о происхождении речи и умственной деятельности. М.—Л., 1945.
- Доброгаев С. М. Членораздельная речь и мышление в процессе возникновения их у первобытного человека. «Природа», 1946, 6.
- Доброгаев С. М. Речевые рефлексы. М.—Л., 1947.
- Довнар-Запольский М. В. Исследования и статьи, т. 1. Киев, 1909.
- Долгих Б. Кеты. М.—Иркутск, 1934.
- Долгих Б. О. Родоплеменной состав и расселение кетов. «Доклады и сообщения исторического факультета МГУ», кн. 9. 1950.
- Долгих Б. О. Некоторые данные о заключении брака и свадебных обрядах у кетов в прошлом. КСИЭ, 16, 1952.
- Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1958.
- Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. ТИЭ, т. 55. М., 1960.
- Долгих Б. О. О похоронном обряде кетов. САУ, 1961а, 3.
- Долгих Б. О. Мифологические сказки и исторические предания энецов. ТИЭ, т. 66. М., 1961б.
- Донини А. Люди, идолы, боги. М., 1962.
- Дубинин Н. П. Генетико-автоматические процессы и их значение для механизма органической эволюции. ЖЭБ, 7, 5—6, 1931.
- Дубинин Н. П. О некоторых основных проблемах генетики. БЖ, 1, 1—2, 1932.
- Дубинин Н. П. Генетика и «Происхождение видов» Чарльза Дарвина. ЖОБ, 1, 1, 1940а.
- Дубинин Н. П. Дарвинизм и генетика популяций. УСБ, 13, 2, 1940б.
- Дубинин Н. П., Ромашев Д. Д. Генетическое строение вида и его эволюция. БЖ, 1, 5—6, 1932.
- Дуйсбург А. Я. Праздник «барапа» в деревне Б. Будагощ. СЭ, 1933, 5—6.
- Евреинов Н. Н. Азazel и Дионис. Л., 1924.
- Е-ий В. Описание сельской свадьбы в Сангилеевском уезде, Симбирской губернии. ЭО, кн. 42, 3, 1899.
- Елигулашвили И. С. Беременность и роды у обезьян. М., 1955.
- Ельницкий Л. А. Возникновение и развитие рабства в Риме в VIII—III вв. до н. э. М., 1964.

- Ефименко П. П. Значение женщины в ориньякскую эпоху. ИГАИМК, т. 11, вып. 3—4, 1931.
- Ефименко П. П. Дородовое общество. М.—Л., 1934а.
- Ефименко П. П. Мустьерская орда. СЭ, 1934б, 1—2.
- Ефименко П. П. Первобытное общество. Изд. 2. Л., 1938. Изд. 3. Киев, 1953
- Жаков М. П. К постановке генетических проблем истории доклассового общества. В сб. «Из истории докапиталистических формаций». ИГАИМК, вып. 100. М.—Л., 1933.
- Жаков М. П. К вопросу о генезисе человеческого общества. ПИДО, 1934а, 5.
- Жаков М. П. Труд, техника и отношения производства возникающего общества. ПИДО, 1934б, 6.
- Жданко Т. А. Родоплеменная структура и расселение каракалпаков низовьев Аму-Дарьи в XIX — начале XX вв. КСИЭ, 6, 1949.
- Жегалов С. Б. Закономерности наследования пола у животных. УСБ, 30, 1 (4), 1950.
- Житков Б. М. Возрастная изменчивость и эволюция. М., 1922.
- Загуменный В. Две книги об атапасках Аляски. СЭ, 1961, 3.
- Замятин С. Н. Итоги последних исследований Ильского палеолитического местонахождения. ТМКАИЧПЕ, вып. 5. М.—Л.—Новосибирск, 1934.
- Замятин С. Н. Палеолит Абхазии. Сухуми, 1937.
- Замятин С. Н. О характере культурных остатков в пещере у с. Ильинки, Одесской области. «Археология», т. 4. Київ, 1950.
- Замятин С. Н. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода. ТИЭ, т. 16. М., 1951.
- Замятин С. Н. Некоторые вопросы изучения хозяйства в эпоху палеолита. ТИЭ, т. 54. М.—Л., 1960.
- Замятин С. Н. Очерки по палеолиту. М.—Л., 1961а.
- Замятин С. Н. Сталинградская палеолитическая стоянка. КСИА, 82, 1961б.
- Звойко Г. К. Верования, обычаи и обряды великоруссов Владимирской губернии. ЭО, кн. 103—104, 3—4, 1914.
- Зеленин Д. К. Описание рукописей Ученого Архива Императорского Русского географического общества, вып. 1. Пг., 1914; вып. 2, 1915.
- Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии, вып. 1. Умершие неестественной смертью и русалки. Пг., 1916.
- Зеленин Д. К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии, ч. I. Запреты на охоте и иных промыслах. СМАЭ, 8. Л., 1929; ч. II. Запреты в домашней жизни. СМАЭ, 9. Л., 1930.
- Зеленин Д. К. Истолкование пережиточных религиозных обрядов. СЭ, 1934, 5.
- Зеленин Д. К. Магическая функция слов и словесных произведений. В сб. «АН СССР — академику Н. Я. Марру». М.—Л., 1935а.
- Зеленин Д. К. Идеологическое перенесение на диких животных социально-родовой организации людей. ИАН, серия общественных наук, 1935б, 4.
- Зеленин Д. К. Культ онгонов в Сибири. ТИААЭ, т. 14, этн. серия, 3. М.—Л., 1936.
- Зеленин Д. К. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. ТИААЭ, т. 15, вып. 2, этн. серия, 5. М.—Л., 1937а.

- Зеленин Д. К. Проблема первобытной религии. СЭ, 1937, 4.
- Зеленин Д. К. Обзор рукописных материалов Ученого архива Всесоюзного географического общества СССР, I. Башкиры, бесерманы, болгары, венсы, евреи, калмыки, коми, коми-пермяки. СЭ, т. 4. М.—Л., 1940.
- Зелигман А. Л. Опыт экспериментального исследования действия стабилизирующего отбора на плодовитость *Cyclops surgulatus*. ЖОБ, 7, 4, 1946.
- Зенкевич Л. А. Очерки по эволюции двигательного аппарата животных. ЖОБ, 5, 3, 1944.
- Зернова А. Б. Материалы по сельскохозяйственной магии в Дмитровском уезде. СЭ, 1932, 3.
- Зибер Н. И. Очерки первобытной экономической культуры. В кн. «Избранные экономические произведения», т. II. М., 1959.
- Золотарев А. М. Происхождение экзогамии. ИГАИМК. т. 10, вып. 2—4, 1931.
- Золотарев А. М. Общественные отношения дородовой коммуны. В сб. «Первобытное общество». М., 1932.
- Золотарев А. М. Пережитки родового строя у гиляков района Чомэ. «Советский Север», 1933, 2.
- Золотарев А. М. Пережитки тотемизма у народов Сибири. Л., 1934.
- Золотарев А. М. Исторические предпосылки формирования *Homo sapiens* в освещении советских археологов. АЖ, 1936, 3.
- Золотарев А. М. Расовая «теория» и этнография. В сб. «Наука о расах и расизм». М.—Л., 1938.
- Золотарев А. М. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск, 1939а.
- Золотарев А. М. Рец.: П. П. Ефименко. Первобытное общество. Л., 1938. ВДИ, 1939, 2.
- Золотарев А. М. К истории ранних форм группового брака. УЗМОПИ, т. 2, 1940а.
- Золотарев А. М. «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса и современная наука. «Историк-марксист», 1940, 12.
- Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964.
- Золотарев А. М. Очерк истории родового строя. Рукопись, хранящаяся в архиве Института этнографии АН СССР.
- Золотаревская И. Дискуссия о проблеме экзогамии. СЭ, 1947, 3.
- Зубов А. А. О систематике австралопитековых. ВЛн, 17, 1964.
- Зыбковец В. Ф. Опыт интерпретации мустьерских погребений (был ли неандерталец религиозным). ВИРА, 4. М., 1956.
- Зыбковец В. Ф. К проблеме длительности дорелигиозного периода. ВИРА, 5. М., 1958а.
- Зыбковец В. Ф. Проблема происхождения религии в советской науке. ВИРА, 6. М., 1958б.
- Зыбковец В. Ф. Дорелигиозная эпоха. М., 1959.
- Зыбковец В. Ф. От бога ли нравственность? М., 1961.
- Иванов А. Н. К вопросу о так называемой «профетической фазе» в эволюции *cosmoseratidea*. БМОИП, отдел геологический, т. 20 (1—2), 1945а.
- Иванов А. Н. Изменчивость скорости онтогенеза у аммонитов и общее значение этого явления. «Палеонтологическое обозрение», вып. 5. М.—Л., 1945б.

- Иванов П. П. Эмбриональные черты в строении человека. «Человек», 1928, 2—4.
- Иванов С. В. Сибирские параллели к магическим изображениям из эпохи палеолита. СЭ, 1934, 4.
- Иванов С. В. Орнаментика, религиозные представления и обряды, связанные с амурской лодкой. СЭ, 1935, 4—5.
- Иванов С. В. Медведь в религиозном и декоративном искусстве народностей Амура. В сб. «Памяти В. Г. Богораза». М.—Л., 1937.
- Игнатьев М. В. Статистические константы в изолированной популяции. АЖ, 1937, 3.
- «Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе». Собрал и издал с русским переводом В. В. Латышев, т. I. Греческие писатели. вып. I. СПб., 1893; вып. II, 1896; вып. III, 1900.
- Инал-Ипа Ш. Очерки по истории брака и семьи у абхазов. Сухуми, 1954.
- «Ирландские легенды и сказки». М., 1960.
- «Ирландские саги». М.—Л., 1933.
- «История культуры древней Руси», т. II. М.—Л., 1951.
- «История религий и тайных религиозных обществ древнего и нового мира». «Древний мир», т. V. СПб., 1871.
- «История философии», т. I. М., 1957.
- «Итальянские сказки». М., 1959.
- «К вопросу об опавивании». ЭО, кн. 86—87, 3—4, 1910.
- Кавелин К. Д. Рец.: Быт русского народа. Соч. А. Терещенко. СПб., 1848. В семи частях. Сочинения, ч. 4. М., 1859.
- Кагаров Е. Культ фетишей, растений и животных в древней Греции. СПб., 1913.
- Кагаров Е. Г. Религия древних славян. М., 1918.
- Кагаров Е. Г. Состав и происхождение свадебной обрядности. СМАЭ, 8. Л., 1929а.
- Кагаров Е. Г. Классификация и происхождение земледельческих обрядов. ИОАИЭ, т. 34, вып. 3—4, 1929б.
- Кагаров Е. Г. О двойном антиподально расположенных изображениях в примитивном искусстве. СМАЭ, 9. Л., 1930.
- Кагаров Е. Г. Пережитки первобытного коммунизма в общественном строе древних греков и римлян. ТИААЭ, т. 15, вып. 1, этн. серия, 4. М.—Л., 1937.
- Каждан А. П. Религия и атеизм в древнем мире. М., 1957.
- Калевала. Петрозаводск, 1940.
- Камшилов М. М. Доминирование и отбор. ДАН, 22, 6, 1939а.
- Камшилов М. М. Эксперименты с отбором на приспособленность. ДАН, 22, 9, 1939б.
- Камшилов М. М. Отбор как фактор, меняющий зависимость признака от изменения внешних условий. ДАН 23, 4, 1939в.
- Камшилов М. М. Естественный отбор как творческий фактор эволюции. «Природа», 1939, 11.
- Камшилов М. М. К вопросу об отборе на холодоустойчивость. ЖОБ, 2, 2, 1941.
- Камшилов М. М. Исследования советских биологов в области эволюционной теории за 30 лет. УСБ, 24, 2 (5), 1947.
- Камшилов М. М. Изменчивость и естественный отбор. ЗЖ, 36, 2, 1957.
- Карп М. Л. Индухт и гетерозис. ИАН, серия биологическая, 2, 1940.
- Каруновская Л. Э. Следы группового брака у батаков Суматры. В сб. «Вопросы истории доклассового общества». ТИААЭ, т. 4. М.—Л., 1936.

- Каутский К. Общественные инстинкты в мире животных. В кн. «Очерки и этюды». СПб., 1907а.
- Каутский К. Общественные инстинкты у людей. В кн. «Очерки и этюды». СПб., 1907б.
- Каутский К. Этика и материалистическое понимание истории. М., 1922.
- Каутский К. Возникновение брака и семьи. Пг., 1923а.
- Каутский К. Размножение и развитие в природе и обществе. Харьков, 1923б.
- Каутский К. Происхождение морали. В сб. «Марксизм и этика». Киев, 1925а.
- Каутский К. Каннибальская этика. В сб. «Марксизм и этика». Киев, 1925б.
- Кашежев Т. Свадебные обычаи кабардинцев. ЭО, кн. 15, 4, 1892.
- Келер В. Исследование интеллекта человекоподобных обезьян. М., 1930.
- Кирпичников В. С. Роль ненаследственной изменчивости в эволюции. БЖ, 4, 5, 1935.
- Кирпичников В. С. Значение приспособительных модификаций в эволюции. ЖОБ, 1, 1, 1940.
- Киршенблат Я. Д. Половые циклы самок млекопитающих. «Природа», 1951, 10.
- Кисловский Д. А. Проблема овладения процессом эволюции домашних животных. ИАН, серия биологическая, 1937, 1.
- Кисловский Д. А. Материалы к построению теории племенной работы. В сб. «Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных», т. I. М.—Л., 1940.
- Клингер В. П. Животное в античном и современном суеверии. Киев, 1907.
- «Книга Марко Поло». М., 1955.
- Ковалевский М. М. Пшавы. ЮВ, 27, 2, 1888.
- Ковалевский М. М. Первобытное право, вып. I—II. М., 1886.
- Ковалевский М. М. Родовой быт в его настоящем, недавнем и отдаленном прошлом, вып. I—II. СПб., 1905.
- Ковалевский М. М. Социология, т. I—II. СПб., 1910.
- Ковалевский М. М. Обособление дозволенных и недозволенных действий. «Новые идеи в социологии», сб. 4. СПб., 1913.
- Ковалевский М. М. Происхождение семьи, рода, племени, собственности, государства и религии. В кн. «Итоги науки в теории и практике». М., 1914.
- Колбин А. Критика идеалистической концепции Леви-Брюля о первобытном мышлении. «Антирелигиозник», 1932, 15—16.
- Колесник Н. Родственное разведение и жизнеспособность телят ярославского скота. ИАН, серия биологическая, 1939, 6.
- Колчин А. Верования крестьян Тульской губернии. ЭО, кн. 42, 3, 1899.
- Корнфорт М. Диалектический материализм. М., 1956.
- Коробков И. И. Новые данные о неандертальских скелетах из пещеры Шанидар (Ирак). ВАН, 15, 1963.
- Косвен М. Половые отношения и брак в первобытном обществе. М.—Л., 1928.
- Косвен М. О. К проблеме группового брака. КСИЭ, 1, 1946а.
- Косвен М. О. Очерки по этнографии Кавказа. СЭ, 1946б, 2.
- Косвен М. О. О периодизации первобытной истории. СЭ, 1952, 3.
- Косвен М. О. Матриархат. История проблемы. М.—Л., 1948а.
- Косвен М. О. Авантюрат. СЭ, 1948б, 1.
- Косвен М. О. Об историческом соотношении рода и племени. СЭ, 1951б, 2.

- Косвен М. О. О перподизации первобытной истории. СЭ, 1952, 3.
- Косвен М. О. Очерки истории первобытной культуры. М., 1957.
- Косвен М. О. К вопросу о военной демократии. ТИЭ, т. 54. М.—Л., 1960.
- Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. М., 1961.
- Костоловский И. В. Из поверий Ярославской губернии. ЭО, кн. 70—71, 3—4, 1906.
- Костоловский И. В. Из поверий Ярославского края. ЭО, кн. 96—97, 1—2, 1913.
- Крайнов Д. А. Новые мустьерские стоянки Крыма и Кавказа. БКИЧП, № 9, 1947.
- Красногорский Н. И. Развитие учения о физиологической деятельности мозга у детей. Л., 1939.
- Красногорский Н. И. Труды по изучению высшей нервной деятельности человека и животных, т. I. М., 1954.
- Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М.—Л., 1949.
- Краулей Э. Мистическая роза. Исследование о первобытном браке. СПб., 1905.
- Крейнович Е. А. Морской промысел гиляков деревни Куль. СЭ, 1934, 5.
- Крестьянский В. А. Переход от ведущей роли отбора к ведущей роли труда. УСБ, 14, 2, 1941.
- Кричевский Е. Ю. Морган и марксизм-ленинизм. СГАИМК, 1932, 7—8.
- Кричевский Е. Ю. Ленин и проблема родового строя. ПИДО, 1934а, 1.
- Кричевский Е. Ю. Марксизм и социал-фашистские извращения в вопросах истории семейных отношений первобытного общества. В сб. «К. Маркс и проблемы истории докапиталистических формаций». ИГАИМК, вып. 90. М.—Л., 1934б.
- Кричевский Е. Ю. Энгельс и вопросы развития социальной организации австралийских племен. ПИДО, 1935, 7—8.
- Кричевский Е. Ю. Системы родства как источник реконструкции развития социальной организации австралийских племен. В сб. «Вопросы истории доклассового общества». ТИААЭ, т. 4. М.—Л., 1936.
- Кропоткин П. Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса. Пг.—М., 1922.
- Кру. Генетика животных. М., 1929.
- Крывелев И. А. Об основном определяющем признаке понятия «религия». ВИРА, 4, 1956.
- Крывелев И. А. Гносеологические корни религии. ВИРА, 6. М., 1956.
- Крывелев И. А. Неудачные книги на важную тему. СЭ, 1962, 2.
- Кряжев В. Я. Высшая нервная деятельность животных в условиях общения. М., 1955.
- Кряжев П. Е. Марксизм-ленинизм об обществе и личности. «Ученые записки Читинского госпединститута», вып. 4, 1959.
- Кряжев П. Е. В. И. Ленин об общественной природе личности. УЗКГПИ, т. 18, 1960.
- Кряжев П. Е. Общество и личность. М., 1962.
- Кудрявцев П. О бессистемном инбридинге в свиноводстве. ПЖ, 1934, 6.
- Кузнецов С. С. Культ умерших и загробные верования луговых черемис. ЭО, кн. 60—61, 1—2, 1904.
- Кузнецова В. Г. Материалы по праздникам и обрядам амгуэмских оленых чукчей. ТИЭ, т. 35. М.—Л., 1957.
- Кулишер М. И. Кавелин и русская этнография. «Вестник Европы», 1885, 8.
- Кун С. К. Климат и расы. В кн.: Х. Шепли. Изменение климата. М., 1938.

- Кунигвальд Г. Заглядывая в предысторию человека. «Курьер Юнеско», 1961, 7—8.
- Кунов Г. Марксова теория исторического процесса, общества и государства, т. II. М.—Л., 1930.
- Кушнер П. Очерк развития общественных форм. М., 1924.
- Кушнер Х. Ф. О физиологической природе гетерозиса животных гибридов. ДАН, 30, 2, 1941а.
- Кушнер Х. Ф. О генетической и физиологической природе гетерозиса и инцухт-депрессии. ЖОБ, 2, 2, 1941б.
- Лавров Л. И. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев, ТИЭ, т. 51. М., 1959.
- Ладыгина-Котс Н. Н. Приспособительные моторные навыки макака в условиях эксперимента. М., 1928.
- Ладыгина-Котс Н. Н. Дитя шимпанзе и дитя человека. М., 1935.
- Ладыгина-Котс Н. Н. Развитие психики в процессе эволюции организмов. М., 1958.
- Ладыгина-Котс Н. Н. Конструктивная и орудийная деятельность вышших обезьян. М., 1959.
- Лакин Г. Ф. Продолжительность беременности у павианов, гамадрилов и некоторых других низших обезьян. САН, 3, 1, 1959.
- Ланда Диего де. Сообщение о делах в Юкатане. М.—Л., 1955.
- Ларичев В. Е. Ашельско-мустьерские памятники и остатки палеолитического человека в Китае. ВАН, 1, 1960.
- Латышев В. В. Очерк греческих древностей, ч. II. СПб., 1899.
- Лафарг П. Экономический детерминизм Карла Маркса. Сочинения, т. 3. М.—Л., 1931.
- Леббок Дж. Доисторические времена или первобытная эпоха человечества. М., 1876.
- Лебедев М. Влияние условий развития на результат родственного спаривания животных. «Яровизация», 1940, 5.
- Лебединец Г. М. О корнях религии. Львов, 1959.
- Лев Д. Н. Новая находка древнего палеолита в пещере Аман-Кутан близ города Самарканда. «Природа», 1949, 6.
- Лев Д. Н. Пещера эпохи палеолита вблизи Самарканда. «Природа», 1953, 7.
- Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М., 1930.
- Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1937.
- Левин М. Г. Проблема происхождения Homo sapiens в советской антропологии. КСИЭ, 9, 1950.
- Леман Ф. Р. Мага. В сб. «Происхождение религии в понимании буржуазных ученых». М., 1932.
- Ленин В. И. Рецензия на книгу А. Богданова «Краткий курс экономической науки». Полное собрание сочинений, т. 4.
- Ленин В. И. Социализм и религия. Полное собрание сочинений, т. 12.
- Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. Полное собрание сочинений, т. 18.
- Ленин В. И. Философские тетради. Полное собрание сочинений, т. 29.
- Ленин В. И. Государство и революция. Полное собрание сочинений, т. 33.
- Ленин В. И. Задачи союзов молодежи. Полное собрание сочинений, т. 41.
- Ленин В. И. Письмо к А. М. Горькому. Ноябрь 1913. Полное собрание сочинений, т. 48.
- Леонтьев А. А. Возникновение и первоначальное развитие языка. М., 1963.
- Ливингстон Д. Путешествия и исследования в Южной Африке. М., 1955.

- Липс Ю. Происхождение вещей. М., 1954.
- Лисянский Ю. Ф. Путешествие вокруг света на корабле «Нева». М., 1947.
- Лосев А. Ф. Античная мифология. М., 1957.
- Лукин Е. И. О параллелизме наследственной и ненаследственной изменчивости. «Ученые записки Харьковского госуниверситета», кн. 6—7, 1936.
- Лукин Е. И. Приспособительные наследственные изменения организмов и их эволюционная судьба. ЖОБ, 3, 4, 1942.
- Луначарский А. Введение в историю религии. М.—Пг., 1922.
- Лысенко Т. Д. Агробиология. М., 1949.
- Лысенко Т. Д. Новое в науке о биологическом виде. В сб. «Философские вопросы современной биологии». М., 1951.
- Лысенко Т. Д. Теоретические основы направленного изменения наследственности сельскохозяйственных растений. «Агробиология», 1963, 1.
- Лысенко Т. Д., Нуждин Н. И. За материализм в биологии. М., 1958.
- Любин В. П. Нижнепалеолитические памятники Юго-Осетии. МИА, № 79, М.—Л., 1960.
- Любин В. П., Колбатов А. Д. Древнейшее поселение человека на территории СССР и палеогеография антропогена. БКИЧП, № 26. М., 1961.
- Люке Р. Религия ископаемого человека. М., 1930.
- Лютиков К. М. Последствия родственного разведения при отсутствии генетической проверки и подбора животных. ПЖ, 1936, 3.
- Лютиков К. М. Об инбридинге при разведении сельскохозяйственных животных. УСБ, 22, 3 (6), 1946.
- Ляцкий Е. А. Представление белоруса о нечистой силе. ЭО, кн. 7, 4, 1890.
- Максимов А. Н. Из истории семьи у русских инородцев. ЭО, кн. 52, 1, 1902.
- Максимов А. Н. Групповой брак. ЭО, кн. 78, 3, 1908а.
- Максимов А. Н. Об одном свадебном обычае. ЭО, кн. 79, 4, 1908б.
- Максимов А. Н. Материнское право в Австралии. М.—Л., 1930.
- Максимов С. В. Нечистая, певедомая и крестная сила. СПб., 1903.
- Малаховский А. Я. Биологические особенности тесного инбридинга. ПЖ, 1938а, 11.
- Малаховский А. Я. Биологические особенности тесного инбридинга в свете экспериментальной проверки. ПЖ, 1938б, 12.
- Мамлеев В. Проблема первобытной примитивной психики. «Антирелигиозник», 1930, 5, 6.
- Мангельсдорф П. Гибридная кукуруза. В сб. «Гибридная кукуруза». М., 1955а.
- Мангельсдорф П. Гибридизация и эволюция кукурузы. В сб. «Гибридная кукуруза». М., 1955б.
- Мансуров А. А. Описание рукописей этнологического архива общества исследователей Рязанского края, вып. 4. Рязань, 1932.
- Маркс К. Тезисы о Фейербахе. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 3.
- Маркс К. Замечания на книгу А. Вагнера «Учебник политической экономии». К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 19.
- Маркс К. Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Первобытное общество», Архив Маркса и Энгельса, т. 9. М., 1941.

- Маркс К. Капитал, т. I. М., 1953.
- Маркс К. Капитал, т. II. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 24.
- Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956.
- Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология. Сочинения, изд. 2, т. 3.
- Марр Н. Я. Предисловие к книге Л. Леви-Брюля «Первобытное мышление». М., 1930.
- Масленников Н. Свадьба мордвы с. Атяшево. ИОАИЭ, т. 34, вып. 1—2, 1928.
- Матье М. Э. Древнеегипетские мифы. М.—Л., 1956.
- Мегрелидзе К. Р. О ходячих суевериях и «пралогическом» способе мышления. В сб. «АН СССР — академику Н. Я. Марру». М., 1935.
- Мелетинский Е. М. Мифологический и сказочный эпос меланезийцев (по материалам фольклора гуантуна). ТИЭ, т. 38. М., 1957.
- Машковцев А. А. Биологическое и физиологическое значение полового диморфизма у позвоночных животных. ЖОБ, 1, 1, 1940.
- Мензбир М. Общества животных. ЮВ, 9, 1, 1882.
- Мензбир М. За Дарвина. М.—Л., 1927.
- Месин Ф. Леви-Брюль и его теория пралогизма. «Научное слово», 1929, 9.
- Миклухо-Маклай Н. Н. Собрание сочинений, т. II. М.—Л., 1950; т. III, ч. I, 1951.
- Миллер А. Д. Проблема первобытного мышления. «Психология», 2, 1, 1929.
- Миллер В. Русская масленица и западноевропейский карнавал. М., 1884.
- Мних А. Н. Моления и обряды мордвы Саратовской губернии. ЭО, кн. 15, 4, 1892.
- Мичурин И. В. Сочинения, т. I—IV. М., 1948.
- Монгайт А. Л. Археология в СССР. М., 1955.
- Монгайт А. Л., Першиц А. И. Некоторые проблемы первобытной истории в советской литературе послевоенных лет. ВИ, 1955, I.
- Морган Л. Г. Древнее общество. Л., 1934а.
- Морган Л. Г. Дома и домашняя жизнь американских индейцев. Л., 1934б.
- Морган Т. Г. Экспериментальные основы эволюции. М.—Л., 1936.
- Мортилье Г. и А. Доисторическая жизнь. СПб., 1903.
- Мортон А. Советская генетика. М., 1952.
- Мэн Г. С. Древний закон и обычай. М., 1884.
- Мюллер Р. Сексуальная биология. М., 1913.
- Мюллер-Льер Ф. История культуры. М., 1924.
- Мюнтцинг А. Генетические исследования. М., 1963.
- Нансен Ф. На крайнем севере. Жизнь эскимосов. М.—Л., 1926.
- «Народы Австралии и Океании». М., 1956.
- «Народы Америки», т. I. М., 1959.
- Наумов Н. П. Экология животных. М., 1955.
- Наумов Н. П. Мечение млекопитающих и изучение их внутривидовых связей. ЗЖ, 35, 1, 1956.
- Немилов А. В. Биологическая трагедия женщины. Л., 1929.
- Нестурх М. Ф. Против идеализма на фронте антропогенеза. ФНТ, 1937, 5.
- Нестурх М. Ф. Обезьянолюди и их отношения к прочим ископаемым гоминидам. УЗМГУ, вып. 115, 1948.
- Нестурх М. Ф. Выступление на дискуссии по проблеме происхождения Homo sapiens. КСИЭ, 9, 1950.
- Нестурх М. Ф. Ископаемые гигантские антропоиды Азии и ортогенети-

ческая гипотеза антропогенеза Вейденрейха. УЗМГУ, вып. 166, 1954.

- Нестурх М. Ф. Типы локомотии у обезьян и прямохождение у человека в связи с антропогенезом. СЛн, 1, 2, 1957.
- Нестурх М. Ф. Происхождение человека. М., 1958.
- Нестурх М. Ф. Приматология и антропология. М., 1960а.
- Нестурх М. Ф. Дарвин и современные проблемы антропогенеза. ВАН, 2, 1960б.
- Никольский В. К. Очерк первобытной культуры. М., 1928.
- Никольский В. К. Пралогическое мышление — рабочая гипотеза Леви-Брюля. В кн.: Л. Левп-Брюль. Первобытное мышление. М., 1930.
- Никольский В. К. Является ли магия религией? ВАН, 1931, 12.
- Никольский В. К. Первобытно-коммунистическая формация. В кн.: В. Д. Преображенский. Краткий очерк экономики докапиталистических формаций. М., 1933.
- Никольский В. К. Предисловие к книге Л. Леви-Брюля «Сверхъестественное в первобытном мышлении». М., 1937.
- Никольский В. К. Антинаучность буржуазного мифа об исконности семьи и частной собственности. УЗМОПИ, т. 14, вып. 1, 1950а.
- Никольский В. К. Начало религии. УЗМОПИ, т. 14, вып. 1, 1950б.
- Никольский В. К. К вопросу о древнейшей форме религии. УЗМОПИ, т. 28, вып. 2, 1953.
- Никольский В. К. Происхождение религии и веры в бога. ВИРА, 5, М., 1955.
- Никольский Г. В. Об изменчивости организмов. ЗЖ, 34, 4, 1955.
- Никольский Г. В. Выступление на Всесоюзном совещании по философским вопросам естествознания. В кн. «Философские проблемы современного естествознания». М., 1959.
- Никольский Г. В., Пиккулева В. А. О приспособительном значении амплитуды изменчивости видовых признаков и свойств организмов. ЗЖ, 37, 7, 1958.
- Никольский Н. М. Происхождение и история белорусской свадебной обрядности. Минск, 1956.
- Никольский Н. М. Культура древней Вавилонии. Минск, 1959.
- Нильсон Г. Проверка путей и теорий индукта. «Яровизация», 1937, 4 (13).
- Новосадский Н. И. Елевсийские мистерии. СПб., 1887.
- Новоселов С. Л. Образование навыка использования палки у шимпанзе. ВАН, 2, 1960.
- Обермайер Г. Доисторический человек. СПб., 1913.
- Овчинников М. Исчезнувшая форма погребения у инутов. ЭО, кн. 64, 1, 1905.
- Огнев С. Обратим ли процесс эволюции? БМОИП, отдел биологический, т. 50, вып. 1—2, 1945.
- Огнев С. И. Экология млекопитающих. М., 1951.
- Окладников А. П. Мустьерская стоянка в гроте Тешик-Тап в Узбекистане. КСИИМК, 2, 1939.
- Окладников А. П. Неандертальский человек и следы его культуры в Средней Азии. САР, т. 6. М.—Л., 1940а.
- Окладников А. П. Исследование палеолитической пещеры Тешик-Тап. «Труды Узбекского филиала АН СССР», серия 1, вып. 1. Ташкент, 1940б.
- Окладников А. П. Амир-Темир, новый памятник каменного века в горах Байсуи-Тау (Узбекистан). КСИИМК, 6, 1940в.

- Окладников А. П. Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца из грота Тешик-Таш, Южный Узбекистан (Средняя Азия). В сб. «Тешик-Таш. Палеолитический человек». М., 1949.
- Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. I—II. МИА, № 18. М.—Л., 1950а; ч. III. МИА, № 43. М., 1955.
- Окладников А. П. Культ медведя у неолитических племен Восточной Сибири. САР, т. 14. М.—Л., 1950б.
- Окладников А. П. К вопросу о происхождении искусства. СЭ, 1952а, 2.
- Окладников А. П. О значении захоронений неандертальцев для истории первобытной культуры. СЭ, 1952б, 3.
- Окладников А. П. Итоги и узловые проблемы изучения палеолита в СССР за 40 лет. САР, 1957, 4.
- Окладников А. П. Становление человека и общества. В сб. «Проблемы развития в природе и обществе». М.—Л., 1958а.
- Окладников А. П. Исследование памятников каменного века Таджикистана. МИА, № 66. М.—Л., 1958б.
- Окладников А. П., Борисковский П. И. О времени и условиях становления человеческого общества. ВИ, 1956, 11.
- Оленов Ю. М. Ненаследственная изменчивость и эволюция. ЖОБ, 7, 4, 1946.
- Оленов Ю. М. Некоторые проблемы эволюционной генетики и дарвинизма. М.—Л., 1961.
- Ольдерогге Д. А. Кольцевая связь родов или трехродовой союз, 1945. Рукопись, хранящаяся в архиве Института этнографии АН СССР.
- Ольдерогге Д. А. Из истории семьи и брака. СЭ, 1947, 1.
- Ольдерогге Д. А. О социальном строе отсталых племен Южной Америки. СЭ, 1948, 1.
- Ольдерогге Д. А. Малайская система родства. ТИЭ, т. 14. М., 1951.
- Ольдерогге Д. А. Некоторые вопросы изучения систем родства. СЭ, 1958, 1.
- Осборн Г. Ф. Человек древнего каменного века. Л., 1924.
- «Очерки общей этнографии. Общее введение. Австралия и Океания. Америка. Африка». М., 1957.
- Охримович В. Значение малорусских свадебных обрядов и песен в истории эволюции семьи. ЭО, кн. 11, 4, 1891; кн. 15, 4, 1892.
- Павлов И. П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. М., 1951.
- Павлов И. П. Лекции о работе больших полушарий головного мозга. М., 1952а.
- Павлов И. П. Физиология и патология высшей нервной деятельности. В кн.: И. М. Сеченов, И. П. Павлов, Н. Е. Введенский. «Физиология нервной системы», вып. 4. М., 1952б.
- «Павловские среды», т. I—III. М.—Л., 1949.
- Пак М. Н. Описание корейских племен начала нашей эры. «Проблемы востоковедения», 1961, 1.
- Паничкина М. З. Палеолит Армении. Л., 1950.
- Паничкина М. З. К вопросу о назначении шельских орудий. КСИИМК, 46, 1952.
- Паничкина М. З. Шельский комплекс древнепалеолитического местонахождения Сатани-Дар. МИА, № 39. М.—Л., 1953.
- Папалашвили Г. Проблема инбридинга в свете экспериментальных исследований. ПЖ, 1936, 10.
- Парамонов А. А. Курс дарвинизма. М., 1945.

- Пекарский Э. и Цветков В. Прианские тунгусы. ЖС, 1911, 3—4.
- Першиц А. И. Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории. ТИЭ, т. 54. М.—Л., 1960.
- Першиц А. И. Проблемы истории первобытного общества в советской этнографии. М., 1956.
- Петров В. Опыт стаднального анализа «охотничьих игрлиц». СЭ, 1934, 6.
- Петров Г. И. Новые данные о шитекантроне. КСПИМК, 6, 1940.
- Пигафетта А. Впервые вокруг света. Л., 1928.
- Підопличко І. Розкопки палеолітичної стоянки Іллінка в 1946 р. «Археол. пам'ятки УРСР», т. 2. Київ, 1949.
- Пилсудский Б. На медвежьем празднике айнов о. Сахалин. ЖС, 1914, 1—2.
- Пиотровский А. Б. Тасманийцы. СЭ, 1933, 3—4.
- Плеханов Г. В. О так называемых религиозных исканиях в России. Сочинения, т. 17. М., 1925.
- Плеханов Г. В. Предисловие к книге А. Деборина «Введение в философию диалектического материализма». Сочинения, т. 18. М., 1923.
- Плисецкий М. С. О так называемых неандертальских погребениях. СЭ, 1952, 2.
- Плисецкий М. С. Еще раз о так называемых неандертальских погребениях. Саян, 1, 1, 1957.
- Плутарх. Сравнительные жизнеописания, т. I. М., 1961; т. II, 1963.
- «Повесть временных лет», ч. I—II. М.—Л., 1950.
- Погосян С. А. Преодоление депрессии потомства инкутируемых растений. «Агробиологин», 1946, 1.
- Попов А. А. Охота и рыболовство у долган. В сб. «Памяти В. Г. Богораза». М.—Л., 1937.
- Попов А. А. Пережитки древних дорелигиозных воззрений долганов на природу. СЭ, 1958, 2.
- Поршнев Б. Ф. О древнейшем способе добывания огня. СЭ, 1955а, 1.
- Поршнев Б. Ф. Новые данные о высекании огня. КСИЭ, вып. 23. М., 1955б.
- Поршнев Б. Ф. Материализм и идеализм в вопросах становления человека. ВФ, 1955в, 5.
- Поршнев Б. Ф. Еще к вопросу о становлении человека. Саян, 1, 2, 1957.
- Поршнев Б. Ф. К спорам о проблеме возникновения человеческого общества. ВИ, 1958а, 2.
- Поршнев Б. Ф. Проблема возникновения человеческого общества и человеческой культуры. ВИМК, 1958б, 2.
- «Послание Елизарова монастыря игумена Памфила псковским наместнику и властям о прекращении народных игрлиц в день рождества св. Иоанна Предтечи, 1505 г.» — «Дополнение к актам историческим», т. 1. СПб., 1846. «Чтения в императорском обществе истории и древностей российских», т. 4, 1846.
- Постовская Н. М. Египет при I династии в свете новых археологических открытий. ВДИ, 1948, 4.
- Потапов Л. Пережитки культа медведя у алтайских турок. «Этнограф-исследователь», 1928, 2—3.
- Потебня А. А. О мифическом значении некоторых обрядов и поверий. М., 1865.
- Поттер Дж. К. Генетика улучшения шерсти. В сб. «Новое в овцеводстве». М., 1957.
- Преображенский П. Ф. Курс этнологии. М.—Л., 1929.

- Преображенский П. Ф. Реализм первобытных религиозных верований. «Этнографія», 1930, 3.
- «Программа Коммунистической партии Советского Союза (принята XXII съездом КПСС)». М., 1961.
- Прокофьев Г. Н. Остатки-самоеды Туруханского края. «Этнографія», 1928, 2.
- Пропи В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946.
- Пропи В. Я. Исторические основы некоторых русских религиозных праздников. ЕМИРА, 5. М.—Л., 1961.
- Пропи В. Я. Русские аграрные праздники. Л., 1963.
- Проспери Ф. На Лужных островах. М., 1957.
- Протасеня П. Ф. Происхождение сознания и его особенностей. Минск, 1959.
- Протасеня П. Ф. Проблема общения и мышления первобытных людей. Минск, 1961.
- Протопопов В. П. Исследование высшей нервной деятельности в естественном эксперименте. Киев, 1950.
- «Путешествия Христофора Колумба (дневники, письма, документы)». М., 1952.
- Равдоникас В. И. К вопросу о социологической периодизации палеолита в связи со взглядами Маркса и Энгельса на первобытное общество. ИГАИМК, т. 9, вып. 2. М., 1931.
- Равдоникас В. И. О периодизации истории доклассового общества. ПИДО, 1934, 7—8.
- Равдоникас В. И. Следы тотемистических представлений в образах наскальных изображений Онежского озера и Белого моря. САР, т. 3. М.—Л., 1937.
- Равдоникас В. И. История первобытного общества, ч. I. Л., 1939; ч. II. Л., 1947.
- Расмуссен К. Великий санний путь. М., 1958.
- Ратцель Ф. Народоведение, т. I—II. СПб., 1901.
- Резников Л. О. Проблема образования понятий в свете истории языка. ФЗ, 1, 1946.
- Рейнак С. Орфей. Всеобщая история религий, вып. 1. М., 1919.
- Рейнак С. Общие явления животного тотемизма. «Атеист», 1925, 1.
- Рейнак С. Несколько замечаний о табу. «Атеист», 1926, 5.
- Рейтерскиельд Э. Тотемизм. «Атеист», 1927, 21—22.
- «Религиозные верования народов СССР», т. I—II. М.—Л., 1931.
- Ричи Ф. Селекция кукурузы. В сб. «Гибридная кукуруза». М., 1955.
- Ровинский В. И. Млечный корабль. М., 1957.
- Рогинский Г. Э. Навыки и зачатки интеллектуальных действий у антропоидов (шимпанзе). Л., 1948.
- Рогинский Г. Э. Высшая нервная деятельность человекообразных обезьян. «Природа», 1955, 2.
- Рогинский Я. Я. Помоложение в процессе человеческой эволюции (положение и критика теории Л. Болька). АЖ, 1933, 3.
- Рогинский Я. Я. К вопросу о периодизации процесса человеческой эволюции. АЖ, 1936, 3.
- Рогинский Я. Я. Проблема происхождения Homo sapiens. УСБ, 9, 1 (4), 1938.
- Рогинский Я. Я. Некоторые проблемы позднейшего этапа эволюции человека в современной антропологии. ТИЭ, т. 2. М.—Л., 1947а.
- Рогинский Я. Я. К вопросу о древности человека современного типа (место сванскомбского черепа в системе гоминид). СЭ, 1947б, 3.

- Рогинский Я. Я. Происхождение современного человека и теории «полицентризма». СЭ, 1947в, 1.
- Рогинский Я. Я. Теории моноцентризма и полицентризма в проблеме происхождения современного человека и его рас. М., 1949.
- Рогинский Я. Я. Выступление на совещании по проблеме происхождения Homo sapiens. КСИЭ, 9, 1950.
- Рогинский Я. Я. Основные антропологические вопросы в проблеме происхождения современного человека. ТИЭ, т. 16. М., 1951.
- Рогинский Я. Я. К вопросу о переходе от неандертальца к человеку современного типа. СЭ, 1954а, 1.
- Рогинский Я. Я. Морфологические особенности черепа ребенка из позднемустьеьского слоя пещеры Староселье. СЭ, 1954б, 1.
- Рогинский Я. Я. Некоторые проблемы происхождения человека. СЭ, 1956, 4.
- Рогинский Я. Я. О некоторых общих вопросах теории антропогенеза. ВФ, 1957, 2.
- Рогинский Я. Я. О проблеме «пресapiенса» в современной литературе. СЭ, 1959, 6.
- Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Основы антропологии. М., 1955.
- Рожин В. Гегель и Фейербах о религии. М.—Л., 1925.
- Ромашов Д. Д. Об условиях равновесия в популяции. ЖЭБ, 7, 4, 1931.
- «Румынские народные песни и легенды». М., 1953.
- Рыжков В. Л. Генетика пола. Харьков, 1936.
- Русселе Л. Индия раджей. СПб., 1877.
- Сагацкий А. И. Труд и возникновение общества. ПИДО, 1936, 3.
- Сардарян С. А. Палеолит Армении. Ереван, 1954.
- «Северновеликорусская свадьба». В кн. «Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР», вып. 1. Л., 1926.
- Северцов А. Н. Современные задачи эволюционной теории. Собрание сочинений, т. 3. М.—Л., 1945а.
- Северцов А. Н. Историческое направление в зоологии. Собрание сочинений, т. 3. М.—Л., 1945б.
- Северцов А. Н. Эволюция и психика. Собрание сочинений, т. 3. М.—Л., 1945в.
- Северцов А. Н. Морфологические закономерности эволюции. Собрание сочинений, т. 5. М.—Л., 1949.
- Семенов С. А. О противопоставлении большого пальца руки неандертальского человека. КСИЭ, 11, 1950.
- Семенов С. А. О сложении защитного аппарата глаз монгольского расового типа. СЭ, 1951, 4.
- Семенов С. А. Первобытная техника. МИА, № 54. М.—Л., 1957.
- Семенов С. А. О каменных орудиях австралошителя. САР, 1958, 3.
- Семенов С. А. Проблема происхождения волосяного покрова современного человека. ТИЭ, т. 50. М., 1960.
- Семенов С. А. Очерк развития материальной культуры и хозяйства палеолита. В сб. «У истоков человечества». М., 1964.
- Семенов Ю. И. Возникновение и основные этапы развития труда (в связи с проблемой становления человеческого общества). УЗКГПИ, т. 6, 1956а.
- Семенов Ю. И. Возникновение и основные этапы развития труда (в связи с проблемой становления человеческого общества). Томск, 1956б.
- Семенов Ю. И. К вопросу о первой форме классового общества. УЗКГПИ, т. 9, вып. 1, 1957.

- Семенов Ю. И. Объективная логика развития высшей нервной деятельности животных. УЗКГПИ, т. 12, вып. 2, 1958а.
- Семенов Ю. И. Материальное и идеальное в высшей нервной деятельности животных. УЗКГПИ, т. 12, вып. 2, 1958б.
- Семенов Ю. И. К вопросу о причине матрильности первоначального рода. УЗКГПИ, т. 13, вып. 2, 1958в.
- Семенов Ю. И. К дискуссии по проблемам возникновения труда и становления человеческого общества. САН, 2, 4, 1958г.
- Семенов Ю. И. В. И. Ленин о тождестве логики, диалектики и теории познания диалектического материализма. Красноярск, 1958д.
- Семенов Ю. И. «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса и современные данные этнографии. ВФ, 1959, 7.
- Семенов Ю. И. О месте «классических» неандертальцев в человеческой эволюции. ВАН, 3, 1960а.
- Семенов Ю. И. В. И. Ленин о творческом характере человеческого познания. УЗКГПИ, т. 18, 1960б.
- Семенов Ю. И. В. И. Ленин о категории «общественно-экономический уклад». УЗКГПИ, т. 18, 1960в.
- Семенов Ю. И. О корнях религии и философского идеализма. «Философские записки» вузов г. Красноярска, 1962.
- Семенов Ю. И. Рец.: «Social life of early man» N. Y., 1961.— ВАН, 14, 1963.
- Семенов Ю. И. Грушовой брак, его природа и место в эволюции семейно-брачных отношений. М., 1964а.
- Семенов Ю. И. Возникновение общественных отношений. В сб. «У истоков человечества». М., 1964б.
- Семенов Ю. И. Учение Моргана, марксизм и современная этнография. СЭ, 1964в, 4.
- Семенов Ю. И. Проблема социально-экономического строя Древнего Востока. «Народы Азии и Африки», 1965а, 4.
- Семенов Ю. И. О периодизации первобытной истории. СЭ, 1965б, 5.
- Семенова О. П. Смерть и душа в поверьях и рассказах крестьян и мещан Рязанского, Рязанбургского и Данковского уездов Рязанской губернии. ЖС, 1898, 2.
- Сергеев А. М. О необратимости эволюции. «Природа», 1935, 12.
- Серебровский А. С. Гибридизация животных. М.— Л., 1935.
- «Серебряная волынка». М., 1959.
- Серошевский В. Л. Якуты. Опыт этнографического исследования, т. I. СПб., 1896.
- Сигорский М. Брак и брачные обычаи на Кавказе. «Этнография», 1930, 3.
- Скворцов-Степанов И. И. Избранные атеистические произведения. М., 1959.
- «Словацкие сказки». М., 1955.
- Смирнов А. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа, вып. 1—2. М., 1878.
- Смирнов И. Н. Черемисы. Историко-этнографический очерк. Казань, 1889.
- Смирнов И. Н. Вотяки. Историко-этнографический очерк. ИОАИЭ, т. 8, вып. 2, 1890.
- Смирнов И. Н. Пермяки. Историко-этнографический очерк. ИОАИЭ, т. 9, вып. 2, 1891.
- Смирнов И. Н. Мордва. Историко-этнографический очерк. ИОАИЭ, т. 10, вып. 1, 2, 3, 6, 1892; т. 11, вып. 5, 6, 1893.
- Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды, вып. I—IV. М., 1837—1838.

- Соболев Д. Начала исторической биогенетики (б. м.), 1924.
- Соболева Г. М. Выступление на дискуссии по проблеме происхождения *Homo sapiens*. КСИЭ, 9, 1950.
- Соболевский А. К истории народных праздников в Великой Руси. ЖС, 1890, 1.
- Сокольский В. В. К учению об организации семьи и родства в первобытном обществе, преимущественно у кельтов и германцев. ЖМНП, ч. 114, 116, 4, 7, 1881.
- Сорокин В. С. Некоторые вопросы истории первобытного общества. СЭ, 1951, 3.
- Сорокин В. С. О локальных различиях в культуре нижнего палеолита. СЭ, 1953, 3.
- Сорокин В. С. Об одной ошибочной концепции в вопросе происхождения человечества. СЭ, 1958, 1.
- Спенсер Г. Основания социологии, т. I—II. СПб., 1898.
- Спиркин А. Г. Происхождение языка и его роль в формировании мышления. В сб. «Язык и мышление». М., 1957.
- Спиркин А. Г. Происхождение сознания. М., 1960.
- Старке К. Н. Первобытная семья, ее возникновение и развитие. СПб., 1901.
- Старынкевич И. Д. Формы заключения брака у турецких племен Сибири и у кочевников Средней Азии. СМАЭ, 9, Л., 1930.
- Страбон. География. М., 1964.
- Сумцов Н. Ф. О свадебных обрядах, преимущественно русских. Харьков, 1881.
- Сумцов Н. Ф. К вопросу о влиянии греческого и римского свадебного ритуала на малорусскую свадьбу. КС, 14, 1, 1886а.
- Сумцов Н. Ф. Досветки и посиделки. КС, 14, 3, 1886 б.
- Сумцов Н. Ф. Культурные переживания. Киев, 1890.
- Сутерланд А. Происхождение и развитие нравственного инстинкта. СПб., 1900.
- Сухов А. Д. Социальные и гносеологические корни религии. М., 1961.
- Сухов А. Д. К вопросу о первоначальной форме религии. В кн. «Философские проблемы атеизма». М., 1963.
- Сушкин П. Обратим ли процесс эволюции? «Новые идеи в биологии», сб. 8. Общие вопросы эволюции, I. Пг., 1915.
- Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен, кн. 1, ч. I. М., 1768.
- Тахтаджян А. Л. Прямое приспособление или естественный отбор? «Ботанический журнал», 42, 4, 1957.
- Тахтарев К. М. Очерки по истории первобытной культуры. Л., 1924.
- Теплов В. П. К вопросу о соотношении полов у диких млекопитающих. ЗЖ, 33, 1, 1954.
- Те Ранги Хироа (П. Бак). Мореплаватели солнечного восхода. М., 1959.
- Тереценко А. Быт русского народа, ч. I—VII. СПб., 1848.
- Тизик К. Свадебные обряды у астов Ристинского прихода. ЭО, кн. 12, 1, 1892.
- Тимирязев К. А. Исторический метод в биологии. Избранные сочинения, т. 3. М., 1949а.
- Тимирязев К. А. Чарлз Дарвин и его учение. Избранные сочинения, т. 4. М., 1949б.
- Тих Н. А. Стадная жизнь обезьян и средства их общения в свете проблемы антропогенеза, т. I—III, 1947. Рукопись диссертации на соиска-

ние ученой степени доктора биологических наук, хранящаяся в Центральной медицинской библиотеке в г. Москве.

- Тих Н. А. К вопросу о филогенезе человека. УЗЛГУ, № 214, серия философских наук, вып. 9, 1956.
- Тих Н. А. Поведение обезьян в свете проблемы антропогенеза. В сб. «Материалы совещания по психологии». М., 1957.
- Токарев С. А. О системах родства австралийцев. «Этнография», 1929, 1.
- Токарев С. А. Родовой строй в Меланезии. СЭ, 2, 3—4, 5—6, 1933.
- Токарев С. А. Энгельс и современная этнография. ИАН, серия истории и философии, 3, 1, 1946.
- Токарев С. А. Новая книга о происхождении религии. ВФ, 1955, 3.
- Токарев С. А. Проблема происхождения и ранних форм религии. ВФ, 1956, 6.
- Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX века. М., 1957а.
- Токарев С. А. О происхождении и ранних формах религии. В сб. «Наука и религия». М., 1957б.
- Токарев С. А. Происхождение общественных классов на островах Тонга. СЭ, 1958, 1.
- Токарев С. А. Сущность и происхождение магии. ТИЭ, т. 51. М., 1959.
- Токарев С. А. Предисловие к книге «Сыны Дехевая», М., 1960а.
- Токарев С. А. Происхождение религии. М., 1960б.
- Токарев С. А. Ранние формы религии и их развитие. М., 1964.
- Токин Б. П. Губители микробов — фитонциды. М., 1960.
- Токин Н. И. Первобытное искусство и тотемизм. «Атеист», 1928, 24.
- Токин Н. Очерк происхождения религиозных верований. М., 1929.
- Толстов С. П. Проблемы родового общества. СЭ, 1931, 3—4.
- Толстов С. П. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен. ПИДО, 1935, 9—10.
- Толстов С. П. К вопросу о периодизации истории первобытного общества. СЭ, 1946, 1.
- Толстов С. П. Этнография и современность. СЭ, 1946, 1.
- Толстов С. П. Советская школа в этнографии. СЭ, 1947, 4.
- Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948.
- Толстов С. П. В. И. Ленин и актуальные проблемы этнографии. СЭ, 1949, 1.
- Толстов С. П. Выступление на дискуссии по проблеме происхождения Homo sapiens. КСИЭ, 9, 1950б.
- Толстой И. И. Обряд и легенда афинских буффоний. СФ. 4—5. М.—Л., 1936.
- Томсон Дж. Исследования по истории древнего общества, т. I. Доисторический Эгейский мир. М., 1958; т. II. Первые философы, 1959.
- Третьяков П. Н. Первобытная охота в Северной Азии. ИГАИМК, вып. 107, 1935.
- Троицкая Н. Черемисы Арбанской волости. ИОАИЭ, т. 11, вып. 1, 1893.
- Трофимова Т. А., Чебоксаров Н. Н. Значение учения о языке Н. Я. Марра в борьбе за марксистско-ленинскую антропологию. АЖ, 1934, 1—2.
- Трусова С. А. Раскопки в пещере Аджи-Коба в 1933 г. САр, т. 5. М., 1940.
- Тумаркин Д. Д. К вопросу о формах семьи у гавайцев в конце XVII — начале XIX в. СЭ, 1954, 4.

- Тумаркин Д. Д. Рец.: Народы Австралии и Океании. М., 1956. СЭ, 1957, 5.
- Тумаркин Д. Д. Из истории гавайцев в конце XVIII — начале XIX века. СЭ, 1958, 6.
- Тумаркин Д. Д. Вторжение колонизаторов в «край вечной весны». М., 1964.
- Турбин В. Генетика с основами селекции. М., 1950.
- Тэйлор Э. Первобытная культура. М., 1939.
- Тюменев А. И. Возникновение религий и первые шаги религиозного развития. ЗНОМ, 1922а, 3.
- Тюменев А. И. Первобытная религия. ЗНОМ, 1922б, 4.
- Угринович Д. М. О специфике религии. М., 1961.
- Ужу-кан и Чебоксаров Н. Н. О непрерывности развития физического типа, хозяйственной деятельности и культуры людей древнего каменного века на территории Китая. СЭ, 1959, 4.
- «Украинские народные сказки». М., 1956.
- Урысон М. И. Новейшие палеоантропологические открытия в Африке. САН, 1, 1, 1957.
- Урысон М. И. Новые книги о неандертальцах. САН, 3, 2, 1959.
- Урысон М. И. Международный конгресс «Столетие открытия неандертальца». Дюссельдорф, 26—30 авг. 1956 г. ВАН, 1, 1960.
- Урысон М. И. Начальные этапы становления человека. В сб. «У истоков человечества». М., 1964.
- Успенский С. И. Новый метод вычисления емкости эндокрана и его биологическая основа. САН, 2, 2, 1958а.
- Успенский С. И. Новый метод морфологического исследования нейрокрана человека. «Биологические науки», 1958б, 3.
- Ухтомский А. А. Учение о доминанте. Собрание сочинений, т. 1. Л., 1950.
- Ухтомский А. А. Очерк физиологии нервной системы. Собрание сочинений, т. 4. Л., 1954.
- Ушаков Д. Материалы по народным верованиям великоруссов. ЭО, кн. 29—30, 2, 3, 1896.
- Фабри К. Е. Обращение с предметами у низших обезьян и проблема зарождения трудовой деятельности. САН, 2, 1, 1958.
- Файнберг Л. А. К вопросу о родовом строе у эскимосов. СЭ, 1955, 2.
- Файнберг Л. Общественный строй эскимосов и алеутов. М., 1964.
- Файсон Л. Письма к Л. Моргану. В кн.: И. Н. Винников. Из архива Льюиса Г. Моргана. М.—Л., 1935.
- Формозов А. А. Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите. МИА, № 71. М., 1958а.
- Формозов А. А. Проблема локальных различий в древнем палеолите СССР. САН, 2, 1, 1958б.
- Францев Ю. П. Фетишизм и проблема происхождения религии. М., 1940.
- Францев Ю. П. У истоков религии и свободомыслия. М.—Л., 1959.
- «Французские народные сказки». М., 1959.
- Фрезер Д. Золотая ветвь, вып. I—IV. М., 1928.
- Фрейд З. Тотем и табу. М.—Пг., 1923.
- «Ф. Энгельс и проблемы современной этнографии (к 75-летию выхода в свет книги Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства)». СЭ, 1959, 6.
- Хаджинов М. И. Гетерозис. В сб. «Теоретические основы селекции растений», т. I. М.—Л., 1935.

- Хайтун Д. Е. Сущность тотемизма УЗТГУ, т. 2. Сталинабад, 1954.
- Хайтун Д. Е. Пережитки тотемизма у народов Сибири и Дальнего Востока. УЗТГУ, т. 14. Сталинабад, 1956.
- Хайтун Д. Е. Проблема тотемизма в освещении современной науки. М., 1957.
- Хайтун Д. Е. Тотемизм. Его сущность и происхождение. Сталинабад, 1958.
- Харузин Н. «Медвежья присяга» и тотемистическая основа культа медведя у остяков и вогулов. ЭО, кн. 38, 39, 3, 4, 1898.
- Харузин Н. Н. Этнография, вып. I. СПб., 1901; вып. II, 1903; вып. III, 1903; вып. IV, 1905.
- Харузина В. Н. Примитивные формы драматического искусства. «Этнография», 1927, 1, 2; 1928, 1, 2.
- Хенниг Р. Неизвестные земли, т. II. М., 1961.
- Хильченко А. Е. Исследование высшей нервной деятельности шимпанзе. «Вопросы физиологии», 4. Киев, 1953.
- Холден Дж. Факторы эволюции. М.—Л., 1935.
- Холличер В. Природа в научной картине мира. М., 1960.
- Хрисанфова Е. Н. Эволюция соотношения мозгового и лицевого отделов черепа в семействе Hominidae. САН, 2, 3, 1958.
- Хрустов Г. Ф. Против вульгаризации марксистской науки о происхождении человека и общества. ВАН, 2, 1960.
- Худяков М. Г. Пережитки группового брака и матриархата в Поволжье (у мари и удмуртов). В сб. «Вопросы истории доклассового общества». ТИААЭ, т. 4. М.—Л., 1936.
- Хэйл Г. Е. Письмо Л. Моргану от 30 декабря 1878 г. В кн.: И. Н. Виликов. Из архива Льюиса Г. Моргана. М.—Л., 1935.
- Хэйс Г. Развитие представлений о гетерозисе. В сб. «Гибридная кукуруза». М., 1955.
- Цейтлин З. А. Философия и логика спиритуалистического мышления. ВАТ, 1931, 5, 6.
- Цицин Н. В. О некоторых важных проблемах современной биологии. В кн. «Совещание заведующих кафедрами общественных наук вузов РСФСР. Материалы для обсуждения на секции заведующих кафедрами философии». М., 1960.
- Чайльд Г. Прогресс и археология. М., 1949.
- Чайльд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956.
- Чайльд Г. В. Археологические документы по предистории науки. ВИМК, 1957, 1, 2.
- Чаттопадхьяя Д. Локаята Даршана. М., 1961.
- Чердынцев В. В. Об изотопном составе радиоэлементов в природных объектах в связи с вопросами геохронологии. «Труды III сессии Комиссии по определению абсолютного возраста геолог. формаций». М., 1955.
- Чердынцев В. В. Определение абсолютного возраста палеолита. САР, 25, 1956.
- Чердынцев В. В. и Мешков В. И. Определение возраста четвертичных окаменелых костей. «Труды I сессии Комиссии по определению абсолютного возраста геолог. формаций». М., 1954.
- Чернецов В. Фратриальное устройство обско-угорского общества. СЭ, т. 2. М.—Л., 1939.
- Чернецов В. Н. Представления о душе у обских угров. ТИЭ, т. 51. М., 1959.

- Черныш А. П. Мустьерские слои стоянки Молодова V. КСИА, 82, 1961.
- Чеслинг У. Среди кочевников Северной Австралии. М., 1961.
- Четвериков С. С. О некоторых моментах эволюционного процесса с точки зрения современной генетики. ЖЭБ, 2, 1, 1926.
- «Чешские народные сказки». М., 1956.
- Чулков А. И. Господствующие и направляющие факторы в развитии предков человека. ВЛУ, 1958, 17.
- Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1957.
- Шайкевич Б. А. К вопросу о генезисе и развитии колядных песен и обрядов. СЭ, 1933, 1.
- Шантепиде-ля-Соссей Д. П. Иллюстрированная история религии, т. I—II. М., 1899.
- Шаревская Б. И. Анимизм. БСЭ, изд. 2, т. 2. М., 1950.
- Шаревская Б. И. Против антимарксистских извращений в освещении вопросов первобытного мышления и первобытной религии. СЭ, 1953, 3.
- Шаревская Б. И. Популярная книга по истории первобытной культуры. ВФ, 1955, 1.
- Шаревская Б. И. О методологической и терминологической путанице в вопросах первобытного мышления (по поводу статьи А. А. Попова). СЭ, 1958, 6.
- Шаревская Б. И. Проблема первобытной религии в трудах современных буржуазных ученых. ТИЭ, т. 51. М., 1959.
- Шаревская Б. И. Старые и новые религии Тропической и Южной Африки. М., 1964.
- Шахнович М. И. А. М. Горький о происхождении религии. ЕМИРА, 1. М.—Л., 1957.
- Шахнович М. И. О «психо-аналитическом методе» изучения первобытной религии (по поводу статьи А. А. Попова). СЭ, 1958, 5.
- Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, т. 1, ч. I. СПб., 1887; ч. II, 1890.
- Шейн П. В. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказаниях, легендах и т. п., т. 1, вып. I. СПб., 1898; вып. II, 1900.
- Шелл Дж. Возникновение концепции гетерозиса. В сб. «Гибридная кукуруза». М., 1955.
- Шемякин Ф. И. Теория Леви-Брюля на службе империалистической реакции. ФЭ, 5. М., 1950.
- Шиллинг Е. М. Кубачинцы и их культура. ТИЭ, т. 8. М.—Л., 1949.
- Шмальгаузен И. И. Организм как целое в индивидуальном и историческом развитии. М.—Л., 1938.
- Шмальгаузен И. И. Пути и закономерности эволюционного процесса. М.—Л., 1940.
- Шмальгаузен И. И. Факторы эволюции. М.—Л., 1946а.
- Шмальгаузен И. И. Проблемы дарвинизма. М., 1946б.
- Шмальгаузен И. И. Новое в современном дарвинизме. «Природа», 1947, 12.
- Шмидт А. В. Типы родового общества по археологическим данным. В сб. «Первобытное общество». М., 1932.
- Шмидт Г. А. Проблема отбора в антропогенезе. УЭМГУ, вып. 115, 1948.
- Шовен Р. Жизнь и нравы насекомых. М., 1960.
- Шренк Л. Об инородцах Амурского края, т. I. СПб., 1883; т. II, 1889; т. III, 1903.
- Штаерман Е. М. Мораль и религия угнетенных классов Римской империи. М., 1961.

- Штейнен К. Среди диких народов Бразилии. М.—Л., 1930.
- Штернберг Л. Я. Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора, т. 1. Образцы народной словесности, ч. I. Эпос. СПб., 1908.
- Штернберг Л. Я. Семья и род у народов Северо-Восточной Азии. Л., 1933а.
- Штернберг Л. Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933б.
- Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936.
- Штодин М. П. Новые данные в изучении высшей нервной деятельности обезьян. ТИЭФП, т. 1, 1947.
- Шурц Г. История первобытной культуры, вып. 1—2. М., 1923.
- Эврипид. Драмы, т. 1. М., 1916.
- Эйльдерман Г. Первобытный коммунизм и первобытная религия. М., 1923; М., 1930 (второе, заново переработанное издание).
- Экли К. В сердце Африки. М., 1923; М., 1935.
- Элленбергер В. Трагический конец бушменов. М., 1956.
- Элькин А. Коренное население Австралии. М., 1952.
- Энгельс Ф. Карл Маркс. К критике политической экономии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 13.
- Энгельс Ф. Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 20.
- Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 20.
- Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 21.
- Энгельс Ф. Письмо к П. Л. Лаврову 12—17 ноября 1875 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 34.
- Энгельс Ф. Письмо к Каутскому 16 февраля 1884 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 36.
- Эншлен Ш. Происхождение религии. М., 1954.
- Эрнст Н. Л. Четвертичная стоянка в пещере у деревни Чокурча в Крыму. ТМКАИЧПЕ, 5. М.—Л., Новосибирск, 1934.
- Эспинас А. Социальная жизнь животных. СПб., 1882.
- Юзефович А. Н. Кисть неандертальца. «Природа», 1938, 9.
- Юзефович А. Н. Перерывы постепенности в эволюции человека. «Природа», 1939, 11.
- Юровицкий Ю. Г. К вопросу об изменчивости организмов. ЗЖ, 36, 6, 1957.
- Юровский С. В. К вопросу о гносеологических корнях религии. ВЛУ, 23, 1953.
- Якимов В. П. Развитие скелета передних конечностей человека и некоторых млекопитающих. ЗЖ, 26, 4, 1947а.
- Якимов В. П. Гигантские ископаемые антропоиды (Hominidae?). «Природа», 1947б, 12.
- Якимов В. П. О двух морфологических типах европейских неандертальцев. «Природа», 1949а, 10.
- Якимов В. П. О противопоставлении большого пальца руки. ЖОБ, 10, 3, 1949б.
- Якимов В. П. Европейские неандертальцы и проблема формирования Homo sapiens. КСИЭ, 9, 1950а.
- Якимов В. П. Выступление на дискуссии по проблеме происхождения Homo sapiens. КСИЭ, 9, 1950б.

- Якимов В. П. Данные о людоедстве у людей эпохи нижнего палеолита. «Природа», 1950в, 2.
- Якимов В. П. Ранние стадии антропогенеза. ТИЭ, т. 16. М., 1951.
- Якимов В. П. Проблема соотношения ископаемых людей современного и неандертальского типов. СЭ, 1954, 3.
- Якимов В. П. «Атлантроп» — новый представитель древнейших гоминид. СЭ, 1956, 3.
- Якимов В. П. Неандертальская проблема в трудах советских антропологов. САУ, 1, 2, 1957а.
- Якимов В. П. Позднепалеолитический ребенок из погребения на Городовской стоянке в Костенках. СМАЭ, 18. М.—Л., 1957б.
- Якимов В. П. Антропогенез. «Философская энциклопедия», т. 1. М., 1960а.
- Якимов В. П. Сведения о древних людях в журнале «Vertebrata palaeosiaica», № 1—3 за 1959 г. ВАН, 3, 1960б.
- Якимов В. П. Открытие костных остатков нового представителя австралопитековых в Восточной Африке. ВАН, 4, 1960в.
- Якимов В. П. От обезьяны к человеку, от животного стада к обществу. В кн. «Очерк диалектики живой природы», М., 1963.
- Якимов В. П. Ближайшие предшественники человека. В сб. «У истоков человечества». М., 1964.
- Якушкин Е. И. Обычное право. Материалы для библиографии обычного права, вып. 1. Ярославль, 1875.
- Яцута К. З Неандерталоидные признаки на черепах современного человека. «Ученые записки Ростовского-на-Дону университета», вып. 6, 1935.

2. Указатель литературы на иностранных языках

Сокращения

- AA — American Anthropologist.
- AEHO — African ecology and human origin, Viking fund publications in anthropology, № 36. N.Y., 1963.
- AJPA — American Journal of the Physical Anthropology.
- ARSI — Annual report of the Board of Regents of the Smithsonian Institute.
- AS — Advancement of Science.
- BS — Biological Simposia. A series of volumes devoted to current simposia in the field of biology. Lancaster, Pennsylvania.
- BSPF — Bulletin Society prehistorique française.
- CA — Current Anthropology.
- CHE — Classification and human evolution, Viking fund publications in anthropology, N 37. N. Y., 1963.
- CPM — Comparative Psychology Monographs.
- ED — Evolution after Darwin, Vols I—II. Chicago, 1960.
- EMFE — Early man in the Far East. Studies in physical anthropology, N° 1. Detroit, 1949.
- HJN — Hundert Jahre Neanderthaler. Neanderthal centenary. 1856—1956. Utrecht, 1958.
- IHE — Ideas on human Evolution, Selected essays. Cambridge, Harvard University press, 1962.
- JASB — Journal of the Asiatic Society of Bengal.
- J(R)AI — Journal of (Royal) Anthropological Institute of Great Britain and Ireland.
- MASB — Memoirs of the Asiatic Society of Bengal.
- PPMAAE — Papers of Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology, Harvard University.

PPS — Proceedings of Prehistoric Society.

SA — Scientific American.

SLEM — Social life of Early man, Viking

fund publications in anthropology.

N 31, N.Y., 1961.

TMM — Transvaal Museum Memoirs.

РЖБ — Реферативный журнал «Биология».

- Aberle D. F., Bronfenbrenner U., Hess E. H., Miller D. R., Schneider D. M., Spuhler J. N. The incest taboo and the mating patterns of animals. AA, 65, 2, 1963.
- Agogino G. A. Comments on the article of C. L. Brace. CA, 5, 1, 1964.
- Allee W. C. The social life of animals. N. Y., 1938.
- Allee W. C. Social dominance and subordination among vertebrates. B. S., vol. 8, 1942.
- Alford V. Introduction to English folk-lore. Ld., 1952.
- Arambourg C. Seance de la Societe prehistorique française 26 jan. 1956. BSPF, 53, 1—2, 1956 (РЖБ, 1957, 24).
- Arambourg C. A recent discovery in human paleontology: atlanthropus of Ternifine. (Algeria). AJPA, 13, 2, 1955.
- Arambourg C., Biberson P. The fossil human remains from the paleolithic site of Sidi Abderrahman. AJPA, 14, 3, 1956.
- Asdell S. A. Patterns of mammalian reproduction. Ithaca, N. Y., 1946.
- Bach H. Die Bedeutung des Neanderthalers für die Menschheitsentwicklung. «Urania», 18, 4, 1955.
- Bachofen J. J. Das Mutterrecht. Eine Untersuchung über die Gynaiokratie der alten Welt noch ihrer religiösen und rechtlichen Natur. Stuttgart, 1861.
- Bancroft H. H. The native races of the pacific states of North America. Vols. 1—5, 1875—1876.
- Barnett A. The human species. Ld., 1957.
- Barrett W. E. H. Notes on the customs and beliefs of the Wa-giriama, etc. British East Africa. JRAI, 41, 1911.
- Bartholomew G. A. and Birdsell S. B. Ecology and the protohominids. AA, 55, 4, 1953.
- Beach F. A. Evolutionary changes in the physiological control of mating behavior in mammals. «The Psychological review», 56, 6, 1947.
- Bentham J. I. Theory of legislation. Ld., 1864.
- Bergman P. Sexual cycle, time of ovulation and time of optimal fertility in women. Lund. 1950.
- Bergounioux F. M. Notes on the mentality of primitive man. SLEM, 1961.
- Berndt R. M., Berndt C. H. Sexual behavior in Western Arnhem Land. N. Y., 1951.
- Best E. The maori as he was. Wellington, 1952.
- Biggs B. Maori marriage. Wellington, 1960.
- Blanc A. C. Torre in Pietra, Saccopastore, Monte Circeo. HJN, 1958.
- Blanc A. C. Some evidence for the ideologies of early man. SLEM, 1961.
- Bloom J. A. Folk-lore, old customs and superstitions in Shakespeare Land, Ld., 1929.
- Bonney F. On some customs of the aborigines of the river Darling, N. S. Wales. JAI, 13, 2, 1883.
- Bordes F. Le paléolithique inférieur et moyen de Jabrud (Syrie) et la question du Pré-aurignacien. «L'Anthropologie», 1955, 6.
- Bordes F. H. Evolution in the paleolithic cultures. ED, vol. II, 1960.

- Bordes F. Mousterian cultures in France. «Science», 134, 3482, 1961.
- Boule M. Les hommes fossiles: Eléments de paléontologie humaine. Paris, 1921.
- Bourlière F. Patterns of social grouping among wild primates. SLEM, 1961.
- Brace C. L. Refocusing on the neanderthal problem. AA, 64, 4, 1962.
- Brace C. L. The fate of the «classic» Neanderthals: a consideration of hominid catastrophism. CA, 5, 1, 1964.
- Braidwood R. J. Note on the age of the Galilee and Mt. Carmel skeletal material. AA, 45, 4, 1943.
- Brain C. K., Lowe C. v. R., Dart R. A. Kafuan stone artefacts in the post-australopithecine breccia at Makapansgat. «Nature», 175, 4444, 1955.
- Breitinger E. On the earliest phase of hominid evolution. IHE, 1962a.
- Breitinger E. On the phyletic evolution of Homo sapiens. IHE, 1962b.
- Briffault R. The Mothers. Vols I—III. Ld., 1927.
- Brodrick A. H. Early man. A survey of human origins. Ld., 1948.
- Broom R. The genera and species of the south-african fossil ape-man. AJPA, 8, 1, 1950.
- Broom R. Finding the missing link. Ld., 1951.
- Broom R., Robinson J. T. Man contemporaneous with the Swartkrans ape-men. AJPA, 8, 2, 1950.
- Broom R., Robinson J. T., Schepers J. W. H. Sterkfontein ape-man: plesianthropus. TMM, N 4. Pretoria, 1950.
- Broom R., Schepers G. W. H. The south-african fossil ape-men: the australopithecinae. TMM, N 8. Pretoria, 1946.
- Brothwell D. R. The people of Mount Carmel. A reconsideration of their position in human evolution. PPS, 27, 1961.
- Brown A. R. Notes on the social organisation of australin tribes. JRAI, 48, 1918, 53, 1923.
- Brown G. Melanesian and Polynesian. Ld., 1910.
- Bullough W. S. Vertebrate sexual cycles. Ld., 1951.
- Cameron A. L. Notes on some tribes of New South Wales. JAI, 14, 4, 1885.
- Campbell B. Just another «man-ape»? «Discovery», 25, 6, 1964.
- Carpenter C. R. A field study of the behavior and social relations of howling monkeys. CPM, vol. 10, N 2. Baltimore, 1934.
- Carpenter C. R. Societies of monkeys and apes. BS., vol. 8, 1942.
- Carpenter C. R. Tentative generalisation on the grouping behavior of non-human primates. In: «The non-human primates and human evolution». Detroit, 1955.
- Castillo-Fiel. Las últimas novedades en paleantropología. «Estudios geol.», 10, 23—24, 1955 (PHE, 1956, 17).
- Chance M. R. A. The nature and special features of the instinctive social bond of primates. SLEM, 1961.
- Chance M. R. A. and Mead A. P. Social behavior and primate evolution. «Symposia of the Society for experimental biology», vol. 7. Cambridge, 1953.
- Childe V. G. The Story of tools. Ld., 1944.
- Childe V. G. Man makes himself. Ld., 1948.
- Childe V. G. Social evolution. Ld., 1951.
- Churye G. S. Dual organisation in India. JRAI, 53, 1923.
- Clark J. D. Sites yielding hominid remains in Bed I Olduvai Gorge. «Nature», 189, 4768, 1961.

- Clark W. E. Le Gros. The fossil evidence for human evolution. Chicago, 1955.
- Clark W. E. Le Gros. History of the primates. Ld., 1956.
- Clark W. E. Le Gros. The antecedents of man. Edinburgh, 1959.
- Clolin E. C. Elements of genetics. N. Y., Toronto, 1956.
- Cobbett E. H. Some paleontological principles significant in human evolution. EMFE, 1949.
- Codrington R. N. On social organisation in Melanesia. JAI, 18, 4, 1889.
- Codrington R. N. The Melanesians. Oxford, 1891.
- Cole S. The prehistory of East Africa. AA, 56, 6, 1954.
- Collias N. and Southwick C. A field study of population density and social organisation in howling monkeys. «Proc. of Amer. Philosophical Society», 96, 2, 1952.
- Connolly R. M. Social life in Fany-Land. JAI, 26, 2, 1896.
- Coult A. D. Causality and cross-sex prohibitions. AA, 65, 2, 1963.
- Count E. W. The biological basis of human sociability. AA, 60, 6, 1958.
- Coxhead J. R. W. Old Devon customs. Exmouth, 1957.
- Crooke W. The popular religion and folk-lore of northern India. Vols. 1—2, Westminster, 1896.
- Crooke W. The hill tribes on the Central Indian Hills. JAI, 28, 3—4, 1899.
- Crooke W. Primitive rites of disposal of the dead, with special reference to India. JAI, 29, 3—4, 1899.
- Crooke W. Nudity in India in customs and ritual. JRAI, 49, 1919.
- Crowley A. E. Exogamy and the mating of cousins. In «Anthropological essays presented to E. B. Tylor». Oxford, 1907.
- Crawford M. P. The cooperative solving of problems by young chimpanzees. CPM, vol. 14, № 2, 1937.
- Dalton E. T. Descriptive ethnology of Bengal. Calcutta, 1960.
- Danks B. Marriage customs of the New Britain Group. JAI, 18, 3, 1889.
- Dart R. The Makapansgat proto-human australopithecus prometheus, AJPA, 6, 3, 1948.
- Dart R. The predatory implemental technique of australopithecus. AJPA, 7, 1, 1949.
- Dart R. Australopithecus prometheus and telanthropus capensis. AJPA, 13, 1, 1955a.
- Dart R. The australopithecine fragment from Makapansgat pebble culture stratum. «Nature», 176, 4473, 1955b.
- Dart R. The osteodontokeratic culture of australopithecus prometheus. TMM, № 10, 1957.
- Debetz G. F. The social life of early paleolithic man as seen through the work of the soviet anthropologists. SLEM, 1961.
- De Beer G. R. Embriology and the evolution of man. «R. Broom commem. vol.», Pretoria, 1948.
- De Vore I., Washburn S. L. Baboon ecology and human evolution. AEHO, 1963.
- Dice L. K. Natural communities. Ann Arbor, 1952.
- Dietrich W. O. Australopithecinae. «Forsch. and Fortchr.», 32, 9, 1958.
- Dobzansky T. Evolution, genetics and man. N. Y., 1955.
- Dobzansky T. The biological basis of human freedom. N. Y., 1956.
- Dobzansky T. and Allen G. Does natural selection continue to operate in modern mankind. AA, 58, 4, 1956.
- Dollo L. Les lois de l'évolution. «Bull. de la Societe Belge de Géologie», 8, 1893.

- Drennan M. R. The Saldanha skull and its associations. «Nature», 172, 4383, 1953.
- Drennan M. R. Note on morphological status of the Swanscombe and Fontshévéde skulls. AJPA, 14, 1, 1956.
- Dundas K. P. Notes on the tribes inhabiting the Baringo district, East Africa Protectorate. JRAI, 40, 1910.
- Durham M. E. High Albania and its custom in 1908. JRAI, 40, 1910.
- Durkheim E. La prohibition de l'inceste et ses origines. «L'Annee Sociologique», I, Paris (1896—1897), 1898.
- Durkheim E. Les formes élémentaires de la vie religieuse. Paris, 1912.
- East E. M. Heterosis. «Genetics», 21, 4, 1936.
- East E. M. and Jones D. F. Inbreeding and outbreeding. Philadelphia, 1919.
- Eggen F. and Scott W. H. Ritual life Igorots of Sagada, from birth to adolescence. «Ethnology», 2, 1, 1963.
- Ellis A. B. The Tshi-speaking peoples of the Gold Coast of West Africa. Ld., 1877.
- Ellis A. B. The Ewe-speaking peoples of Slave Coast of West Africa. Ld., 1890.
- Ellis H. H. Studies in the psychology of sex. Vol. IV. Philadelphia, 1906.
- Emiliani C. Dating human evolution. ED, vol. II, 1960.
- Etkin W. Social behaviour and the evolution of man's mental faculties. «Amer. Naturalist», 88, 840, 1954.
- Faron L. C. Death and fertility rites of the Mapuche (araucanian) indians of Central Chile. «Ethnology», 2, 2, 1963.
- Farris E. J. Human ovulation and fertility. Philadelphia — Montreal, 1956.
- Firth R. Primitive economics of the New Zealand Maori. Ld., 1929.
- Firth R. Primitive polynesian economy. Ld., 1939.
- Fischer R. A. The theory of inbreeding. Ld.—Edinburgh, 1949.
- Fison L. The Nanga, or sacred stone enclosure of Wainimala, Fiji. JAI, 14, 1, 1884.
- Fison L. and Howitt A. W. Camiloroi and Curnai. Melbourne, Sydney, Adelaide and Brisbane, 1880.
- Forbes H. O. On the ethnology of Timor-Laut. JAI, 13, 1, 1883.
- Ford C. S. A comparative study of human reproduction. Yale, 1945.
- Ford C. S. and Beach F. A. Patterns of sexual behavior. N. Y., 1951.
- Fortune R. Incest. «Encyclopedia of social sciences», vol. VII, Ld., 1932.
- Fox C. E. Social organisation in San Cristoval, Solomons Islands. JRAI, 49, 1919.
- Fox C. E. The treshold of Pacific. N. Y., Ld., 1924.
- Frazer J. G. Totemism and exogamy. Vols I—IV. Ld., 1914.
- Frazer J. G. The magic arts and evolution of kings. Vols I—II, Ld., 1922a. (The Golden Bough, Pt. 1).
- Frazer J. G. Taboo and perils of souls. Ld., 1922b. (The Golden Bough. Pt. 2, Vol. III).
- Frazer J. G. Taboo. In: «Garnered sheaves, essays, adresses and reviews». Ld., 1931.
- Frazer J. G. The fear of the dead in primitive religion. Vol. I. Ld., 1933; Vol. II, 1934.
- Frazer J. G. Totemica. A supplement to «Totemism and exogamy». Ld., 1937.
- French-Sheldon. Customs among the natives of East Africa from Tieta to Kilimegalia. JAI, 21, 4, 1892.

- Garbutt H. W. Native witchcraft and superstitions in South Africa. JRAI, 39, 1909.
- Garrod D. A. E. The ancient shore-lines of the Lebanon and the dating of Mt. Carmel man. HJN, 1958.
- Garrod D. The middle palaeolithic of the Near East and the problem of Mount Carmel men. JRAI, 92, pt. 2, 1962.
- Garrod D. A. E. and Bate D. M. A. The stone age of Mount Carmel. Vol. I. Oxford, 1937.
- Ghulam M. Festivals and folklore of Gilgit. MASB, 1, 7, 1905.
- Gieseler W. Der Herkunft des Menschen besonders des Homo sapiens. «Math. und Naturwiss. Unterr.», 9, 3, 1956.
- Givens D. Comments on the article of C. L. Brace. CA, 5, 1, 1964.
- Goddon G. M. Naga and other frontier tribes of North-West India. JAI, 26, 2, 1896.
- Gordon P. R. T. Note on the khasis, syntengs and allied tribes, inhabiting the Khasi and Jaintia Hills district in Assam. JASB, 73, pt. 3, 4, 1904.
- Gottschling E. The Bawenda: a sketch of their history and customs. JRAI, 35, 1905.
- Green L. S. and Bewitch M. W. Hawaiian customs and beliefs relating to sickness and death. AA, 28, 1, 1926.
- Guise R. E. On the tribes inhabiting the mouth of the Wanigela river, New Guinea. JAI, 28, 3—4, 1899.
- Haddon A. C. The ethnography of the Western tribes of Torres straits. JAI, 19, 3, 1890.
- Hahn F. Some notes on the religion and superstitions of the oraos. JASE. 72, pt. 3, 1, 1903.
- Hallowell A. J. Bear ceremonialism in the Northern hemisphere. AA, 23, 1, 1926.
- Hallowell A. J. The protocultural foundations of human adaptation. SLEM, 1961.
- «Handbook of South-American Indians». Vol. 3. Washington, 1948.
- Handy, Emory, Buck, Wise and other. Ancient Hawaiian civilization. Honolulu, 1933.
- Harlow H. F. Basical social capacity for culture. In: «The evolution of man's capacity for culture». Detroit, 1959.
- Hartland E. S. Primitive paternity. Vol. I. Ld., 1909; vol. II, 1910.
- Hays H. R. In the beginnings. Early man and his gods. N. Y., 1963.
- Hazlitt W. Popular antiquities of Great Britain. Vols I—II, Ld., 1870.
- Heberer G. The subhuman evolutionary history of man. IHE, 1962.
- Hegel G. W. F. Vorlesungen über die Philosophie der Religion. Bd. I. Sämtliche Werke, Bd. 15. Stuttgart, 1928.
- Heinzeln J. de. Observations on the absolute chronology of the upper pleistocene. AEHO, 1963.
- Hibben F. C. Prehistoric man in Europe. Ld., 1959.
- Higgs E. S. Some pleistocene faunas of the Mediterranean coastal areas. PPS, 27, 1961.
- Higgs E. Mediterranean coastal pleistocene faunas. AS, 18, 75, 1962.
- Hobley C. W. Notes on the Wa-sanie. JRAI, 41, 1911a.
- Hobley C. W. Further researches into Kikuyu and Kamba religious beliefs and customs. JRAI, 41, 1911b.
- Hockett Ch. F. and Ascher R. The human revolution. CA, 5, 3, 1964.
- Hodson T. C. The «genna» amongst the tribes of Assam. JRAI, 36, 1906.

- Hodson T. C. The Naga tribes of Manipur. Ld., 1911.
- Hooijer D. A. The geological age of pithecanthropus, Meganthropus and Gigantopithecus. AJFA, 9, 3, 1951.
- Hooton E. A. Up from the ape. N. Y., 1947.
- Howell F. C. The place of Neanderthal man in human evolution. AJPA, 9, 4, 1951.
- Howell F. C. Pleistocene glacial ecology and the evolution of «classic Neanderthal» man. «Southwestern J. of Anthropology», 8, 4, 1952.
- Howell F. C. The age of the Australopithecines of South Africa. AJPA, 13, 4, 1955.
- Howell F. C. Upper Pleistocene men of the South-West Asian Mousterian. HJN, 1958.
- Howell F. C. The Villafranchian and human origins. IHE, 1962.
- Howell F. C. Comments on the article of C. L. Brace. CA, 5, 1, 1964.
- Howell F. C. and Clark J. D. Acheulian hunter—gatherers of sub-Saharan Africa. AEHO, 1963.
- Howells W. Back of history. N. Y., 1954.
- Howitt A. W. The Jeraeil, of initiation ceremonies of the Curnai tribe. JAI, 14, 4, 1885.
- Howitt A. W. The natives tribes of South-East Australia. Ld., 1904.
- Hrdlička A. The Neanderthal phase of man. ARSI for 1928. Washington, 1929.
- Hutchinson H. N. Marriage customs. Ld., 1897.
- James E. O. Prehistoric religion. Ld., 1957.
- Jochelson W. The Koryak. Religion and Myth. Jesup North Pacific Expedition. Memoir of the American Museum Natural History, vol. 6, pt. 1. Leiden—N. Y., 1905.
- Jochelson W. The Yakaghir and Yakaghirized Tungus. Jesup North Pacific Expedition. Memoirs of American Museum Natural History, vol. 9, pt. 1, 1910; pt. 2—3, 1926. Leiden—N. Y.
- Johnston H. H. The people of Eastern Equatorial Africa. JAI, 15, 1, 1885.
- Johnston H. H. British Central Africa. Ld., 1898.
- Julien R. Les Néandertaliens et l'homme sapiens. BSPF, 53, 10, 1957 (PЖБ, 1958, 12).
- Karsten R. The origin of religion. Ld., 1935.
- Keith A. The antiquity of man. Vols I—II. Ld., 1929.
- Keith A. New discoveries relating to the antiquity of man. N. Y., 1931.
- Keith A. A new theory of human evolution. Ld., 1948.
- Keith A. and McCown T. D. Mount Carmel man and his bearing on the ancestry of modern races. In: «Early man». Philadelphia, 1937.
- Koenigswald G. H. R. A review of the stratigraphy of Java and its relations to early man. In: «Early man». Philadelphia, 1937.
- Koenigswald G. H. R. The discovery of early man in Java and Southern China. EMFE, 1949.
- Koenigswald G. H. R. Fossil hominids from the lower Pleistocene of Java. «Intern. Geol. Congress. Report of the 18-th session, Great Britain, 1948, Pt. 9. Proc. of section «H». Ld., 1950.
- Koenigswald G. H. R. Comment on the article of C. L. Brace. CA, 5, 1, 1964.
- Kohler W. The mentality of apes. Ld., 1948.
- Kroeber A. L. The societies of primitive man. B.S., vol. 8, 1952.
- Krzywicki L. Primitive society and its vital statistics. Warsaw, 1934.
- Kurten B. The dating of the earliest hominids. AS, 18, 75, 1962.

Kwang-chin Chang. New evidence on fossil man in China. «Science», 136, 3518, 1962.

Lang A. The secret of the totem. N. Y., Bombay, 1905.

Lang A., Atkinson J. Social origins and primal law. Ld., 1903.

Latham R. E. Ethnology of araucanos. JRAI, 39, 1909.

Leakey L. S. B. Adam's ancestors. Ld., 1953.

Leakey L. S. B. A new fossil skull from Olduvai. «Nature», 184, 4685, 1959.

Leakey L. S. B. The origin of the genus Homo. ED, vol. II, 1960a.

Leakey L. S. B. Recent discoveries at Olduvai Gorge. «Nature», 188, 4755, 1960b.

Leakey L. S. B. New finds at Olduvai Gorge. «Nature», 189, 4765, 1961a.

Leakey L. S. B. The juvenile mandible from Olduvai. «Nature», 191, 4786, 1961b.

Leakey L. S. B. Very early East African hominidae and their ecological setting. AEHE, 1963a.

Leakey L. S. B. East African fossil hominoidea and the classification within the super-family. CHE, 1963b.

Leakey L. S. B. and Leakey M. D. Recent discoveries of fossil hominids in Tanganyika: at Olduvai and near lake Natron. «Nature», 202, 4927, 1964.

Leakey L. S. B., Tobias P. V., Napier J. R. A new species of genus Homo from Olduvai Gorge. «Nature», 202, 4927, 1964.

Levi-Straus C. The family. In: «Man, culture and society». N. Y., 1956.

Levy G. R. The gate of horn. Ld., 1948.

Lowie R. H. Primitive society. N. Y., 1947.

Lumholtz C. Unknown Mexico. Vol. I. Ld., 1903.

Luquet G. H. The art and religion of fossil man. N. Y., Ld., 1930.

Mac Curdy G. G. Human origins. A manual of prehistory. Vols I—II. N. Y., 1924.

Macdonald J. Manners, customs, superstitions and religions of South African tribes. JAI, 19, 3, 1890.

Makarius R. et L. L'origine de l'exogamie et du totémisme. Paris, 1961.

Malinowski B. The family among the australian aborigines. Ld., 1913.

Malinowski B. Argonauts of Western Pacific. Ld., 1922.

Malinowski B. Myth in primitive psychology. Ld., 1926.

Malinowski B. Sex and repression in savage society. Ld., 1927.

Malinowski B. Culture. «Encyclopedia of social, sciences». Vol. IV. N. Y., 1931.

Malinowski B. The sexual life of savages in North-Western Melanesia. Ld., 1948.

Man E. H. On the andamanese and nicobarese objects. JAI, 12, 3, 1883.

Mangelsdorf P. C. Hybrid corn: its genetic basis and its significance in human affairs. In: «Genetics in the 20 century». N. Y., 1951.

Marett R. R. The threshold of religion. Ld., 1909.

Marshall F. H. A. The physiology of reproduction. Ld., 1922.

Martin C. R. Psychology, evolution and sex. Springfield, 1956.

Mathew J. The origin of australian phratries and explanations of some of the phratry names. JRAI, 40, 1910.

Mayr E. Taxonomic categories in fossil hominids. IHE, 1962.

Mayr E. The taxonomic evaluation of fossil hominids. CHE, 1963.

Mc Burney C. B. M. Evidence for the distribution in space and time of neanderthaloids and allied strains in Northern Africa. NJH, 1958.

- Mc Burney C. B. M. Absolute chronology of the paleolithic in Eastern Libya and the problem of upper paleolithic origins. AS, 18, 75, 1962.
- Mc Burney C. B. M., Trevor J. C., Wells L. H. The Haua Fteach fossil-jaw. JRAI, 83, pt. 1, 1953.
- Mc Cown T. D. and Keith A. The stone age of Mount Carmel. Vol. 2. The fossil human remains from the levalloise-mousterian. Oxford, 1939.
- Mc Lennan J. F. Studies in ancient history: comprising a reprint «Primitive marriage». Ld., 1886.
- Miller G. S. The primate basis of human sexual behavior. «The quarterly review of biology», 6, 4, 1931.
- Montagy M. F. Ashley. Review: T. D. Mc Cown and A. Keith. The Stone age of Mount Carmel, 1939. AA, 42, 3, pt. 1, 1940.
- Montagy M. F. Ashley. An introduction to physical anthropology. Springfield, 1945.
- Montagy M. F. Ashley. Neanderthal and modern type of man. AJPA, 10, 3, 1952.
- Montagy M. F. Ashley. Time, morphology and neoteny in evolution of man. AA, 57, 1, 1955.
- Morgan L. H. Ancient society. Cambridge, Massochussets, 1964.
- Movius H. L. Early man and pleistocene stratigraphy in Southern and Eastern Asia. PPMAAE, vol. 19, N 3, 1944.
- Movius H. L. Lower paleolithic archaeology in Southern Asia and the Far East. EMFE, 1949.
- Movius H. L. The old Stone Age. In: «Man, culture and society». N. Y., 1956.
- Mukerjee R. Sex taboos in primitive society. In: «Essays in anthropology presented to Rai Bahadur Sarat Chandra Roy». Luknow.
- Müller-Beck H. Comments on the article of C. L. Brace. CA, 5, 1, 1964.
- Murdock G. P. Social structure. N. Y., 1949.
- Murphy J. The origin and history of religion. Manchester, 1952.
- Napier J. Five steps to man. «Discovery», 25, 6, 1964a.
- Napier J. R. Profile of early man at Olduvai. «New Scientist», 386, 1964b.
- «Neanderthal found in Iraq».—«Science news letter», 72, Octobre, 12, 1957, 15.
- Nelson E. The Eskimos about Bering Strait. Washington, 1899.
- Nilsson M. R. The dionysiae mysteries of the Hellenistic and Roman age. Lund, 1957.
- Norbeck E. Religion in primitive world. N. Y. and Evanston, 1961.
- Oakley K. P. Dating of the australopithecinae of Africa. AJPA, 12, 1, 1954.
- Oakley K. P. Man the tool-maker. Ld., 1956.
- Oakley K. P. Tools makyth man. «Antiquity», 31, 124, 1957a.
- Oakley K. P. Stratigraphical age of the Swanscombe skull. AJPA, 15, 2, 1957b.
- Oakley K. P. Use of fire of Neanderthal man and his precursors. HJN, 1958a.
- Oakley K. P. The dating of Broken Hill (Rhodesian man). HSN, 1958.
- Oakley K. P. On man's use of fire, with comments on tool-making and hunting. SLEM, 1961.
- Oakley K. P. Dating the emergence of man. AS, 18, 75, 1962.
- Ozegović Fr. Die Bedeutung der Entdeckung des diluvialen Menschen von Krapina in Kroatien. HJN, 1958.
- Pannekock A. Anthropogenesis. A study of the origin of man. Amsterdam, 1953.

- Parsons T. The incest taboo in relation to social structure and the socialization of the child. «British J. of Sociology», 5, 1954.
- Patterson B. The geologic history of non-hominid primates in the Old World. In: «The non-human primates and human evolution». Detroit, 1955.
- Pei Wen-Chung. Paleolithic industries in China. In: «Early man». Philadelphia, 1937.
- Pei Wen-Chung. Giant ape's jaw bone discovered in China. AA, 59, 5, 1957.
- Powdermaker H. Life in Lesu. Ld., 1933.
- Powers S. Tribes of California. Washington, 1877.
- Rivers W. H. R. On the origin of the classificatory system of relationship. In: «Anthropological essays presented to E. B. Tylor». Oxford, 1907.
- Rivers W. H. R. Kinship and social organisation. Ld., 1914a.
- Rivers W. H. R. The history of Melanesian society. Vols I—II. Cambridge, 1914b.
- Rivers W. H. R. Psychology and ethnology. Ld., 1926.
- Rivers W. H. R. Social organisation. Ld., 1932.
- Robinson J. T. Meganthropus, australopithecines and hominids. AJPA, 11, 1, 1953a.
- Robinson J. T. Telanthropus and its phylogenetic significance. AJPA, 11, 4, 1953b.
- Robinson J. T. The genera and species of the australopithecinae. AJPA, 12, 2, 1954.
- Robinson J. T. Further remarks on the relationship between «meganthropus» and australopithecines. AJPA, 13, 3, 1955.
- Robinson J. T. Australopithecines and their bearing on the origin of man. ARSI for 1961. Washington, 1962.
- Robinson J. T. Adaptive radiation in the australopithecines and the origin of man. AEHO, 1963.
- Robinson J. T. Homo «habilis» and the australopithecines. «Nature», 205, 4967, 1965.
- Robinson J. T., Mason R. S. Occurrence of stone artefacts with australopithecus at Sterkfontein. «Nature», 180, 4585, 1957.
- Roscoe J. Notes on the Bageshu. JRAI, 39, 1909.
- Roth H. Ling. The natives of Borneo. JAI, 21, 2, 1891; 22, 1—2, 1892.
- Roth H. Ling. The aborigines of Tasmania. Halifax, 1899.
- Roth W. E. Ethnological studies among the North-West-Central Queensland aborigines. Brisbane, Ld., 1897.
- Runeberg A. Witches, demons and fertility magic. Helsingfors, 1947.
- Sahlins M. D. Social stratification in Polynesia. Seattle, 1958.
- Sahlins M. D. The social life of monkeys, apes and primitive man. In: «The evolution of man's capacity for culture». Detroit, 1959.
- Sahlins M. D. The origin of society. SA, 203, 3, 1960.
- Sauter M. R. Préhistoire de la méditerranée. Paléolithique-mésolithique. Paris, 1948.
- Schaller G. B. and Emlen J. T. Observations on the ecology and social behavior of the mountain gorilla. AEHO, 1963.
- Schultz A. H. Some factors influencing the social life of primates in general and of early man in particular. SLEM, 1961.
- Schurtz H. Alter-klassen und Männerbünde. Berlin, 1902.
- Seligman B. Z. Incest and descent: their influence on social organisation. JRAI, 59, 1929.

- Seligman B. Z. The problem incest and exogamy. A restatement. AA, 52, 3, 1950.
- Seligman C. G. The Melanesians of British New Guinea. Cambridge, 1910.
- Seligman C. G. and Seligman B. Z. The Veddas. Cambridge, 1911.
- Sellnow I. Grundprinzipien einer Periodisierung der Urgeschichte. Berlin, 1961.
- Senyurek M. S. Fossil man in Tangier. PMAAE, vol. 16, N 3. Cambridge, Massachusetts, 1940.
- Sergi S. The neanderthal palaeantropi in Italy. IHE, 1962a.
- Sergi S. Morphological position of the «prophaneranthropi» (Swanscombe and Fontèshevide). IHE, 1962b.
- Sheane J. H. West. Some aspects of the Awemba religion and superstitions observances. JRAI, 36, 1906.
- Sherring C. A. Notes on the Bhotias of Almora and British Carhwall. MASB, vol. 1, N 8, 1906.
- Singer R. The Saldanha skull from Hopefield, South Africa. AJPA, 12, 3, 1954.
- Singer R. Evolution and man. «Antiquity», 31, 124, 1957.
- Singer R. The Rodesian, Florisbad and Saldanha skulls. HJN, 1958.
- Skèrlj B. Human evolution and neanderthal men. «Antiquity», 34, 134, 1960.
- Slater M. K. Ecological factors in the origin of incest. AA, 61, 6, 1959.
- Smith W. Robertson. Kinship and marriage in early Arabia. Cambridge, 1885.
- Smith W. Robertson. Lectures on the religion of the Semites. Ld., 1907.
- Solecki R. S. The adult neanderthal skeletons from Shanidar Cave, Northern Iraq. ARSI for 1959. Washington, 1960.
- Solecki R. S. Prehistory in Shanidar valley, Northern Iraq. «Science», 139, 3551, 1963.
- Sollas W. J. Ancient hunters and their modern representatives. Ld., 1924.
- Somerville B. T. Ethnographical notes in New Georgia, Solomons Islands. JAI, 26, 4, 1897.
- Spencer R. F. The north Alaskan eskimo. Washington, 1959.
- Spencer B. and Gillen F. J. The native tribes of Central Australia. Ld., N. Y., 1899a.
- Spencer B. and Gillen F. J. Some remarks on totemism as applied to australian tribes. JAI, 28, 3—4, 1899b.
- Spencer B. and Gillen F. J. The northern tribes of Central Australia. N. Y., 1904.
- Spencer B. and Gillen F. J. Arunta. Vol. I—II. Ld., 1927.
- Spuhler J. N. Somatic path to culture. In: «The evolution of man's capacity for culture». Detroit, 1959.
- Stannus H. S. Notes on some tribes of British Central Africa. JRAI, 40, 1910.
- Steiner F. Taboo. Ld., 1956.
- Steward W. G. The popular superstitions and festive amusements of the highlanders of Scotland. Edinburgh, 1823.
- Stewart T. D. The restored Shanidar I skull. ARSI for 1958. Washington, 1959.
- Stigand C. H. Notes on the natives of Nyasaland, N. E. Rhodesia, Portuguese Zambezia, their arts, customs and modes of subsistens. JRAI, 37, 1907.
- Straus W. L. Pithecanthropus in Africa. «Science», 123, 3195, 1956.
- Straus W. L. Saldania man and his culture. «Science», 125, 3255, 1957.
- Strehlow T. G. H. Aranda traditions. Melbourne, 1947.

- Thomas A. Métissage ou transformation? Essai sur les hommes fossiles de Palésthine. «Anthropologie», t. 61, 1957; t. 62, 1958.
- Thomas N. W. Kinship organisation and group marriage in Australia. Cambridge, 1906.
- Thomas N. W. The origin of exogamy. In: «Anthropological essays presented to E. B. Tylor». Oxford, 1907.
- Thomas W. J. Primitive behavior. N. Y., Ld., 1937.
- Finbergen N. Social behavior in animals. Ld., 1953.
- Tobias P. V. Comment on the article of C. L. Brace. CA, 5, 1, 1964a.
- Tobias P. V. The Olduvai Bed I hominine with special reference to its cranial capacity. «Nature», 202, 4927, 1964b.
- Tobias P. V., Koenigswald G. H. R. A comparison between the Olduvai hominines and those of Java and some implications for hominid phylogeny. «Nature», 204, 4958, 1964.
- Torday E. and Joyce T. A. Notes on the ethnography of the Ba-huana. JRAI, 36, 1906.
- Tout C. Hill. Report on the ethnology of the Stlatlumph of British Columbia. JRAI, 35, 1905.
- Tylor E. B. On a method of investigating the development of institutions; applied to laws of marriage and descent. JAI, 18, 3, 1889.
- Tylor E. B. The matriarchal family system. «The Nineteenth Century», 40, 1896.
- Tylor E. B. Remarks on totemism, with especial reference to some modern theories respecting it. JAI, 28, 1—2, 1898.
- Twisselmann F. Regards sur l'évolution de l'homme. «Rev. Univér. Bruxelles», 9, 5, 1957 (PЖБ, 1958, 21).
- Vallois H. V. The Fonteshevade fossil men. AJPA, 7, 3, 1949.
- Vallois H. V. Neandertals and praesapiens. JRAI, 84, pt. 1, 2, 1954.
- Vallois H. V. The pre-mousterian human mandible from Montmaurin. AJPA, 14, 2, 1956.
- Vallois H. V. Les singes géants fossiles de la Chine quaternaire. «La Nature», 3270, 1957 (PЖБ, 1959, 1).
- Vallois H. V. The social life of early man: the evidence of skeletons. SLEM, 1961.
- Vallois H. V. The origin of Homo sapiens. IHE, 1962.
- Vaufrey R. Paléolithique et mésolithique palestiniens. «Revue scientifique», 77, 1939.
- W. L. S. Swanscombe man. «Science», 123, 3193, 1956.
- Wake C. S. The nature and origin of group-marriage. JAI, 13, 2, 1883.
- Ward H. Ethnographical notes relating to the Congo tribes. JAI, 24, 3, 1895.
- Warden C. J. and Galt W. A study of cooperation, dominance, grooming and other social factors. «J. of Genetic Psychology», 63, second half, 1943.
- Washburn S. L. Speculations on the interrelations of the history of tools and biological evolution. In: «The evolution of man's capacity for culture». Detroit, 1959.
- Washburn S. L. Tools and human evolution. SA, 203, 3, 1960.
- Washburn S. L. and De Vore I. Social behavior of baboons and early man. SLEM, 1961.
- Washburn S. L. and Howell F. C. Human evolution and culture. ED, vol. II, 1960.
- Washburn S. L. and Patterson B. Evolutionary importance of the south-african man-apes. «Nature», 167, 1951.

- Webster H. Taboo. A sociological study. Ld., 1942.
- Webster H. Magic. A sociological study. Ld., 1948.
- Weckler J. E. The relationships between neanderthal man and Homo sapiens. AA, 56, 6, pt. 1, 1954.
- Weeks J. H. Anthropological notes on the Bangala of the Upper Congo river. JRAI, 39, 1909.
- Weeks J. H. Among the primitive Bakongo. Ld., 1914.
- Weidenreich F. Some problems dealing with ancient man. AA, 42, 3, pt. 1, 1940.
- Weidenreich F. The «neanderthal man» and the ancestors of «Homo sapiens». AA, 45, 2, 1943a.
- Weidenreich F. The skull of sinanthropus pecinensis. Paleontologia Sinica, ser. D. Lancaster, 1943b.
- Weidenreich F. The paleolithic child from the Teshic-Tash cave in Southern Uzbekistan (Central Asia). AJPA, 3, 2, 1945a.
- Weidenreich F. Giant early man from Java and Southern China. «Anthrop. Papers American Museum Natural History», vol. 40, pt. I. N. Y., 1945b.
- Weidenreich F. Apes, giants and man. Chicago, 1946, 1956.
- Weidenreich F. Facts and speculations concerning the origin of Homo sapiens. AA, 49, 2, 1947a.
- Weidenreich F. Some particulars of skull and brain of early hominids and their bearing on the problem of the relationship between man and anthropoids. AJPA, 5, 4, 1947b.
- Weidenreich F. The duration of life fossil man in China and the pathological lesions found in his skeleton. In: «The shorter anthropological papers». N. Y., 1948.
- Weiner J. S., Campbell B. G. The status of the Swanscombe skull in the hominid lineage. AS, 18, 75, 1962.
- Weinert H. Die Neanderthaler-Gruppe und die «Praesapiens» — Funde. «Forsch. und Fortschr.», 29, 10, 1955.
- Weinert H. Ist der Neanderthaler ausgestorben. «Kosmos», 53, 2, 1957.
- Werner A. The natives of British Central Africa. Ld., 1906.
- Westermarck E. History of human marriage. Vols I—III. Ld., 1925.
- Wheelwright C. A. Native circumcision lodges in the Zoutpansberg district. JRAI, 35, 1905.
- White L. A. The definition and prohibition of incest. AA, 50, 3, 1948.
- White L. A. The science of culture. N. Y., 1949.
- Willoughby W. C. Notes on the totemism of the Becwana. JRAI, 35, 1905.
- Wirz P. Anthropologische und ethnologische Ergebnisse der Zentral Neu-Guinea Expedition. Leiden, 1924.
- Woodthorpe R. G. Notes on the wild tribes inhabiting the so-called Naga hills. JAI, 11, 1—2, 1881.
- Wright S. The roles of mutation, inbreeding, crossbreeding and selection in evolution. «Proc. of the 6 Intern. Congress of Genetics», vol. 1. N. Y., 1932.
- Yerkes R. M. Chimpanzees. A laboratory colony. New Haven, 1943.
- Yerkes R. M. and Yerkes A. W. The great apes. A study of anthropoid life. Ld., 1929.
- Zeuner F. E. Dating the Past. An introduction to geochronology. Ld., 1952.
- Zeuner F. E. The replacement of neanderthal man by Homo sapiens. HJN, 1958.
- Zuckerman S. The social life of monkeys and apes. Ld., 1932.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Австралопитеки — см. предлюди
Амазонки (легенды о них) 485—489
Анимизм 387, 392—397, 402, 406, 412—413
См. также: душа, страх перед мертвыми, неандертальские погребения, погребальные обряды
Антагонизм стада и гаремной семьи 111—114, 129—136, 139, 161—173
Антропогенез 30, 64—79, 251—257
Антропиды 90, 106, 108, 110—112, 121—129
Антропосоциогенез 31—33, 182, 257, 500, 506
Ароморфоз 464—465
Архантропы (пралюди, формирующиеся люди) 12, 15, 18, 177—179, 181—182, 237—241, 242—257, 262—275
См. также: протантропы, палеантропы
Археолит — см. ранний палеолит
Альчера — см. мифическое время
См. также: тотемистические мифы, тотемистические предки
Атлантропы — см. протантропы
Ашель — см. индустрия каменная, ранний палеолит
Биосоциальный отбор 263—274, 278, 287, 462, 465—466, 499, 508
Близкородственное скрещивание — см. инбридинг
Брак 37—40, 44—46, 511—512
Групповой 44—46
Парный 37, 38, 39, 40, 45—46
Моногамный 39, 40, 45, 46
См. также: дуально-родовой дислокальный брак, семейно-брачные отношения, семья, промискуитет
Брачноклассовая система 13, 62
Буффони афинские 424—425, 429, 448
Высшая нервная деятельность 80—88, 153—154, 156, 168—170
См. также: условные рефлексы
Гарем и гаремная семья 104, 107—108, 110—114, 123, 129—133, 161, 164—165, 172—174, 283—284
Генетика 273, 448—461, 470
Гетерозис 453—456, 496—499, 510
Гибридизация 453—456, 496—499, 502
Гибридный атавизм 497—498
Гигантопитек 138—139
Гоминиды — см. архантропы, неоантропы
Гостеприимный гетеризм 495—496
Групповой отбор 65—68, 78—79, 151—152, 157, 171, 262—263
Дарвинизм 257—262
Двух скачков теория 22—25, 30
Демонизм 411—413, 445—446
Долг 246—249, 280
Доминирование — см. система доминирования
Дошелль — см. индустрия каменная
Дуальная организация 59—63, 509—515, 519
Дуально-родовой дислокальный брак 511—512
Дуально-стадная организация 496, 501—502, 509—511, 515, 518
Душа (вера в нее) 387, 392—397, 412—413, 445
См. также: анимизм, страх перед мертвыми, погребальные обряды
Естественный отбор 69—73, 134—136, 151—153, 257—264, 272, 465—466, 508
Женские праздники 483—485
«Живые» мертвецы 395—399, 402, 412—413

- Зинджантроп** — см. предлюди
- Зоологический индивидуализм** 16—17, 80—89, 93—95, 114, 161—169, 172, 242, 248—250, 252—254, 274, 278—281, 387, 516—519, 521, 522
- См. также: инстинкты, система доминирования, обуздание зоологического индивидуализма
- Зоологические объединения** 89—90, 95—100, 161—168, 175, 242, 248—250, 516
- Безусловные** 100—108
- Условные** 109—111
- См. также: стадо, гарем, материнская семья
- Зоофагические праздники** 419—432, 435—440, 448
- См. также: буффонии афинские, медвежий праздник
- Идеализм** 368—370
- Идиоадаптация** 464—471
- Изоляция** 448—449, 457—466, 471—473
- Инбридинг** 51—53, 449—466, 471—473, 496
- Индивидуализм** 247, 522
- Индустрия каменная**
- Кафуанская 158—159
- Олдовайская 146, 158—160
- Дошелльская 158—159
- Шелльская 185—186, 189—191, 210
- Апельская 185—186, 210
- Раннеапельская 191—193
- Позднеапельская 194—198
- Мустьерская 185—186, 198
- Раннемустьерская 196—197, 212—213
- Леваллуа 197
- Стоянок с атипичным инвентарем 194—197
- Классического, типичного мустье 211—220, 226, 471
- Леваллуа-мустье 200, 215, 216—217, 219
- Мустье с апельской традицией 199—200
- Ашело-леваллуа-мустье 200
- Финального мустье 202, 218, 500, 503
- См. также: ранний налеолит
- Инициации** 302—309, 344, 439—440
- Инстинкты** 82—89
- См. также: пищевой инстинкт, половой инстинкт, зоологический индивидуализм
- Интичиума** 342, 428—429, 431, 440
- Инфекция** 404—410
- Искусство** 377—379
- Каннибализм** 252—253, 310—311, 318, 383—386, 404—405, 447
- Кафуанская культура** — см. индустрия каменная
- Классификационные системы родства** 37—43, 512
- Турано-ганованская 37—42, 512
- Малайская (гавайская) 37—42
- Классические неандертальцы** — см. палеантропы
- Коммунизм** 523—524
- Кровнородственная семья** 13, 15, 20, 35—48, 50
- Куль умиряющего и воскресающего бога** 429, 446
- Леваллуа** — см. индустрия каменная
- Логическое и историческое** 7—9
- Магия** 360—379, 406—412, 435—439, 442—443
- Подражательная 360, 378—379
- Инициальная (начинательная) 360
- Парциальная (части) 360
- Гадательная (мантика) 365
- Апотропейская (оберегательная) 405
- Негативная 361—362
- Очистительная 407—409
- Опосредственная 366
- Размножения и плодородия 299—300, 342, 428—432, 436—437, 439—441
- См. также: табу, очистительные обряды
- Магический (паразитический, символический) образ действия** 352—379, 406—412, 434, 435, 436, 442
- Магический (паразитический) образ мышления** 358—379, 406—412, 435, 442
- Магическая сила (вера в нее)** 410—411
- Мана** — см. магическая сила

- Материнская семья (у животных) 101—102
- Медвежий праздник 418—421, 424—425, 427, 439—440, 448
- Мифическое время (вера в него) 308, 309, 336, 338, 340—341, 444, 489—490, 513
- Мифический мир (вера в него) 440—446
- Мифология — см. тотемистические мифы
- Мораль 171—175, 243—251, 254, 274—281, 383—387, 345—346, 405—406, 434, 447, 480, 511, 521
См. также: долг, совесть, честь, обуздание зоологического индивидуализма, табу
- Мустье — см. индустрия каменная, равний палеолит
- Мутационно-селекционная теория 258, 261, 459—462
- Мышление 156—157, 160, 169—171, 239—241, 320—322, 352—376
См. также: прагматического мышления теория
- Насамонийский обычай — 307—308
- Находки в Петерскеле, Драхеблохе и им подобные 414—419, 426, 432—435
- Неандертальские погребения 380—393, 402—406
- Неандертальцы — см. палеантропы
- Неоантропы 19, 20, 21, 22, 23, 24, 33, 74—79, 210, 211, 216, 218, 221, 222, 223, 227, 230, 231—237, 241, 264, 462, 463, 476, 478, 496—509
- Неодарвинизм 258
- Неоламаркизм 259—260
- Необратимость эволюции 227—231
- Обезьяны 88, 90—94, 96—99, 105—114, 115—119, 131—133
См. также: антропоиды
- Оборотничество (вера в него) 325—329
- Обуздание зоологического индивидуализма 16—18, 55—56, 161—177, 242—257, 262—318, 345, 385, 405, 472—476, 481, 516—521
См. также: мораль, табу, производство и детопроизводство
- «Общества» насекомых 134—135, 176
- Общественная воля — см. мораль
- Общественное бытие 177—178, 242—251, 281, 345—346, 519—521
См. также: производственные отношения
- Общественное сознание 172—178, 242—251, 282, 345—346
См. также: мораль, тотемизм, религия, табу, обуздание зоологического индивидуализма, искусство, философия
- Общественно-экономическая форма-ция 26—30, 32, 256, 369
- Огонь 202—203
- Олдовайская культура — см. индустрия каменная
- Опахивание 483
- Органистические нападения 478—490, 515
- Органистические праздники 295—303, 306—308, 435—439, 473—481, 492—494, 509—510
- Орудия труда естественные 116—118, 120, 125, 127
- Орудия труда искусственные 117—118, 141—144, 154—157, 160, 180—181
См. также: индустрия каменная, техника обработки камня
- Отбор — см. естественный отбор, биосоциальный отбор, групповой отбор
- Очижительные обряды 408—409
- Охота 127—129, 138, 142—143, 150, 162—163, 192, 267—269, 285—289, 315—316, 320—325, 329—331, 339—345, 352—354, 433—436
- Охотничья маскировка 321—325, 339—345
- Палеантропы 19—24, 120, 204, 207, 210—241, 316, 321, 324, 377—379, 380—387, 433—436, 505
- Ранние (типа Эрингсдорф) 212—216, 221, 234, 237—238, 241, 316, 318, 466—467, 471
- Поздние, классические (типа Шанелль) 211—212, 216, 219—227, 230—238, 318—345, 466—472, 496—508
- Позднейшие (типа Схул) 215—221, 227, 230—233, 237—238, 318, 499—508

- Парантропы — см. предлюди
- Первобытнообщинная формация 26—29
- Первобытная коммуна 16—18, 243—250, 291, 477, 500, 519—521
- См. также: род, первобытный родовой коммунизм
- Первобытное человеческое стадо — 12, 16—20, 171—178, 185, 250—251, 254, 256, 262—274, 309—318, 476—478, 500, 511—512, 516—519
- С неограниченным промискуитетом (аморфное) 272—273, 313, 316, 447—448
- С ограниченным промискуитетом (тотемистическое) 310—318, 345—346, 447—449, 457—459, 462, 466, 472—477, 481—482, 490—494, 496—511
- Первобытный родовой коммунизм 17, 19, 243—250, 520—521, 523
- Питекантропы — см. протантропы
- Пищевой инстинкт 82—83, 93, 108, 123—124, 127, 310—311
- Погребальные и иные связанные с похоронами обряды 389—393, 399—403, 406, 412, 439—441
- Плейстоцен 208
- Поздний палеолит 19—20, 22—24, 120, 182—184, 202, 210, 218, 234—235, 238—239, 323—324, 331, 348, 426—427
- Политеизм 446
- Половой инстинкт 55—56, 101—108, 111, 114, 129—136, 164—169, 171—177, 282—285, 304—306, 479, 481—482, 502, 519
- Половые производственные табу 55—57, 285—295, 309—310, 312—317, 362, 385, 405, 433, 447, 472—475, 479, 509
- «Помолодение» организма 228—230, 233, 498, 499
- Популяция 273, 459—462
- Посвятительные обряды — см. инициации
- Посты религиозные 435
- Праздники восточных славян (Кояда или Святки, Масляница, Русальная неделя, Купала) 440—441
- Практика 347—368, 375—376
- См. также: труд, производственная деятельность
- Пралогического мышления теория 366—376
- Пралюди — см. архантропы
- Предлюди 119, 124—139, 145—146, 209—210
- Австралопитек африканский 128, 132, 137, 209
- Австралопитек прометей 128, 132, 137, 149, 209
- Плезантроп трансваальский — 128, 132, 137, 149, 209
- Парантроп массивный 132, 137—139, 209
- Парантроп крупнозубый 137—139, 209
- Энджантроп 146—147, 209
- Предчеловеческий рефлекторный труд 116—120, 124—128, 140—145, 149—150
- Приметы (вера в них) 364—365
- Приспособительная деятельность 80—88, 152—154, 180—181, 463—466
- Производственная деятельность 78, 141—145, 149—178, 179—180, 239—241, 251—252, 254—257, 262—271, 354—355, 462—471, 508, 510, 516—518
- Производство 177—180, 242—250, 262—271, 462—477, 508, 516—520
- Производство и детопроизводство 164—169, 171—177, 282—301, 309—310, 312—318, 479—482, 490—512
- Производительные силы 177—242, 255, 271, 273, 472—477, 500
- Производственные отношения 177—178, 242—257, 272—281, 283—285, 309—320, 345—346, 447—448, 472—477, 512, 516—524
- См. также: распределение, ответственность
- Промискуитет 13, 19, 34—35, 39, 44—48, 50—51, 174—175, 284—285, 291, 300—301, 516—519
- См. также: оргиастические праздники
- Протантропы (перволюди) 19—24, 120, 171, 176—177, 204—207, 214—215, 316, 321, 377, 467, 505
- Ранние (ребенок из Моджокерто.

- питекантроп IV, телантроп) 147—148, 205—207, 210
- Поздние (питекантропы I, II, III) 205—207, 210
- Позднейшие (синантропы, атлантропы) 204—205, 207, 210, 214—215, 221, 271, 316
- Пуналуа семья 15, 38—40, 45—46, 50
- Ранний палеолит (археолит) 19—20, 22—24, 35, 120, 182—183, 203, 208, 210, 237—240, 315—316
- Шель 184—187, 189—191, 207, 210, 381
- Ранний ашель 187, 191—193, 203, 205, 207, 210, 215, 271, 315, 321, 381
- Поздний ашель — раннее мустье 187, 194—198, 202, 205, 211—214, 216, 221, 234, 236, 238, 315, 318, 321, 381, 385, 406, 435, 447, 466, 474, 476
- Позднее мустье 198—202, 210—211, 220, 221, 226, 234, 236—238, 318, 381, 385, 406, 447, 466, 471, 473, 474, 476, 406
- Финальное мустье 202, 217—218, 221, 234, 236, 237, 238, 318, 381, 500, 501—503
- Распределение 243, 250, 310—311, 447—448, 520
- Расы 508
- Религия 335—336, 366—370, 406—413, 442—446
- См. также: магия, анимизм, демонизм, фетишизм, приметы, политеизм, табу, культ умирающего и воскресающего бога и др.
- Ритуальная борьба между полами 493—494
- Ритуальная забота о черепе и костях животных 414—427, 429—430, 434—435
- Род 13, 14, 15—20, 33—34, 59—63, 334, 339, 476—477, 496, 500, 509—512, 519—521
- См. также: первобытная коммуна
- Родовое общество 13, 14, 15—20, 26—29, 32—33, 515
- Родовой коммунизм — см. первобытный родовой коммунизм
- Родство 233—234, 512—513, 519
- См. также: системы родства
- Ручное рубило 158, 185, 190—193, 197—198
- Свадебные обряды 307—308, 441—442, 490, 493—494
- Сверхорганизм 134—135, 176, 262
- Свобода и необходимость 348—352
- Семейно-брачные отношения 36—46
- См. также: брак, семья, промискуитет
- Семья 36—39, 45
- См. также: брак, кровнородственная семья, пуналуа семья
- Синантропы — см. протантропы
- Система доминирования 90—95, 107, 112—114, 133, 242
- Системы родства 36—42
- См. также: классификационные системы родства
- Собирательство 315
- Собственность 243, 250, 520
- Совесть 246—249, 280
- Современного физического типа человек — см. неолит
- Социальное и биологическое 16—18, 166—169, 171—178, 247—257, 262—318, 462—477, 481—482, 490—511, 516—520
- Социальные отношения — см. производственные отношения, общественное бытие, социальное и биологическое, общественное сознание
- Социальный инстинкт 95—99, 242—251
- Социогенез 11—33, 242—251, 516—520
- Стадо 109—114
- Обезьян 110—114, 123—126, 164, 283
- Ранних предлюдей 125—139, 164, 166, 283
- Поздних предлюдей 161—175, 283
- Страх перед мертвыми 387—402
- Табу — запреты 275—281, 361—362, 406—408
- См. также: половые производственные табу
- Табу — состояние магической нечистоты 407—409
- Техника обработки камня 142—143, 159—160, 182—183, 187—188, 189—202, 171

Тотем 333—336, 444
Тотемизм 331—346, 385, 406, 427—
446, 448, 513

Тотемистическая обрядность 341—
344, 427—439, 442—444

См. также: интичума

Тотемистические и охотничье-тоте-
мистические пляски 324, 327,
343—344, 432, 438—439, 442—443

Тотемистические мифы 336—344,
432, 443—446, 489—490

Тотемистические предки 336—341,
344, 443—446

Труд 11, 116—119, 239—241, 508

См. также: предчеловеческий
рефлекторный труд, производ-
ственная деятельность

Условные рефлексy 80—88, 153—154,
170

Фаллические культы 301

Фетишизм 365—366, 406—410, 412—
413

Физиология размножения животных
102—108, 123, 129

Физиология размножения человека
472—473

Философия 368—370

См. также: идеализм

Фольклор 300, 326—328, 440, 478,
485—490, 513—514

Формирующиеся люди — см. архан-
тропы

Честь 246—249

Экзогамия 32—33, 48—59, 60—62, 296,
307, 338—339, 509—512, 519

Эолит 158—160, 184

Язык 170—171, 251, 274, 320—322

Homo habilis — 146—149, 158—159,
206—207, 210

Homo sapiens — см. неантропы

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Вводная часть	
Глава I. Современное состояние проблемы становления человеческого общества	11
1. Классики марксизма о становлении человеческого общества. Л. Морган и проблема социогенеза	11
2. Дискуссия по проблеме становления человеческого общества в советской науке	18
3. Постановка проблемы становления человеческого общества	26
Глава II. Современное состояние вопроса о дородовом человеческом коллективе и проблемы возникновения экзогамии и рода	34
1. Современное состояние вопроса о дородовом человеческом коллективе. Проблема кровнородственной семьи	34
2. Проблема возникновения экзогамии и рода	48
3. Проблема первоначальной организации родового общества	59
Глава III. Современное состояние вопроса о движущих силах и закономерностях становления человека и проблемы происхождения Homo sapiens	64
1. Проблема движущих сил и закономерностей антропогенеза в трудах Ч. Дарвина и некоторых современных зарубежных ученых	64
2. Проблема движущих сил и закономерностей антропогенеза в трудах советских ученых	68
3. Проблема происхождения Homo sapiens в трудах советских ученых	74
Основная часть	
Глава IV. Зоологический индивидуализм и зоологические объединения	80
1. Поведение высшего животного и факторы, его определяющие	80
2. Взаимоотношения особей в зоологических объединениях. Система доминирования	89
3. Основа зоологических объединений и их типы	95
4. Безусловные зоологические объединения. Гаремная семья обезьян	101
5. Условные зоологические объединения. Стадо обезьян	109
6. Антагонизм гаремной семьи и стада у обезьян	111

а в а V. Возникновение предчеловеческого труда, предлюдей и предчеловеческого стада	115
1. Проблема возникновения труда	115
2. Возникновение предчеловеческого стада	120
3. Антагонизм предчеловеческого стада и гаремной семьи предлюдей	129
Гла в а VI. Возникновение производства и первобытного человеческого стада	140
1. Возникновение рефлекторной производственной деятельности	140
2. Особенности развития рефлекторной производственной деятельности	150
3. Конфликт между производственной деятельностью и зоологическим индивидуализмом в стаде поздних предлюдей	161
4. Начало освобождения производства от рефлекторной формы и возникновение первобытного человеческого стада	169
Гла в а VII. Формирование производительных сил. Развитие каменной индустрии в эпоху становления человека и общества	179
1. Развитие производства орудий труда — ведущий и определяющий момент процесса формирования производительных сил, процесса становления производства	179
2. Ранний палеолит (археолит) — эпоха формирования человека и общества	182
3. Эволюция каменной индустрии первой половины археолита (раннего палеолита)	189
4. Эволюция каменной индустрии второй половины археолита (раннего палеолита)	194
Гла в а VIII. Формирование производительных сил. Становление физического типа человека	204
1. Основные стадии формирования человека — стадия протантропов и стадия палеантропов. Этапы развития протантропов	204
2. О датировке ступеней формирования человека и развития его каменной индустрии	207
3. Неандертальцы и неандертальская проблема	211
4. Проблема места классических неандертальцев в развитии палеантропов и закон необратимости эволюции	227
5. Проблема места классических неандертальцев в человеческой эволюции и некоторые данные антропологии и археологии	231
6. Развитие архантропов и эволюция каменной индустрии археолита (раннего палеолита) — две неразрывно связанные стороны процесса формирования производительных сил	237
Гла в а IX. Особенности и закономерности процесса становления человеческого общества	242
1. Процесс становления общественного бытия и общественно-го сознания — процесс обуздания зоологического индивидуализма	242
2. Изменение физического типа человека — необходимый момент процесса развития первобытного человеческого стада, процесса становления производства и общества	251
3. Естественный отбор — главный фактор биологической эволюции	257

4. Становящееся производство, первобытное человеческое стадо, формирующиеся люди и отбор	262
5. Табу — первые моральные нормы, средства обуздания зоологического индивидуализма	275
Глава X. Основные этапы развития первобытного человеческого стада	282
1. Подавление полового инстинкта — ведущий момент процесса обуздания зоологического индивидуализма	282
2. Возникновение и сущность половых производственных табу	285
3. Возникновение и сущность промискуитетных оргнастических праздников	295
4. Возрастные инициации, их происхождение и сущность	302
5. Основные этапы развития первобытного человеческого стада	309
Глава XI. Возникновение тотемизма — первой формы осознания единства человеческого коллектива	319
1. Вызревание предпосылок осознания единства первобытного человеческого коллектива	319
2. Возникновение и сущность тотемизма	331
3. Этнографические данные о времени возникновения тотемизма	337
4. Этнографические данные о генетической связи тотемизма с охотой и охотничьей маскировкой	339
Глава XII. Возникновение магии — формирующейся религии	347
1. Две сферы человеческой практической деятельности	347
2. Раздвоение человеческой практики. Возникновение символического, иллюзорного образа действий	352
3. Раздвоение человеческого познания. Возникновение иллюзорного, магического образа мышления	358
4. Первобытная магия — формирующаяся религия	366
5. Л. Леви-Брюль и проблема эволюции человеческого мышления	370
Глава XIII. Неандертальские погребения, их происхождение и сущность	380
1. Проблема существования неандертальских погребений	380
2. Неандертальские погребения и осознание единства человеческого коллектива	382
3. Неандертальские погребения и страх перед мертвыми	387
4. Этнографические данные о страхе перед мертвыми и формах его проявления	392
5. Возникновение неандертальских погребений	402
6. Некоторые проблемы эволюции первобытной религии	406
Глава XIV. Возникновение магико-тотемистической обрядности и проблема эволюции тотемизма	414
1. Находки в Драхенлохе, Петерсхеле и им подобные и проблема их истолкования	414
2. Памятники типа Драхенлох и зоофагические праздники	418
3. Зоофагические праздники и тотемизм	427
4. Возникновение тотемистической обрядности	432
5. Некоторые проблемы эволюции тотемизма	442

Глава XV. Кризис первобытного человеческого стада	447
1. Тотемистическое стадо поздних палеантропов — замкнутый, изолированный человеческий коллектив	447
2. Современное состояние проблемы инбридинга	449
3. Проблема эволюции небольшой изолированной популяции	457
4. Влияние изоляции и инбридинга на эволюцию палеантропов и развитие производства	462
5. Кризис первобытного человеческого стада и пути выхода из него	472
Глава XVI. Возникновение экзогамии, рода и Homo sapiens	478
1. Возникновение и сущность оргиастических нападений	478
2. Возникновение дуально-стадной организации	490
3. Дуально-стадная организация — очаг трансформации неандертальцев в людей современного физического типа	496
4. Возникновение Homo sapiens	503
5. Возникновение экзогамии и рода. Превращение дуально-стадной организации в дуально-родовую	509
Заключение	516
Алфавитный указатель литературы	525
1. Указатель литературы на русском языке	525
2. Указатель литературы на иностранных языках	554
Предметный указатель	567

Юрий Иванович Семенов

КАК ВОЗНИКЛО ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

Утверждено к печати

*Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Академии наук СССР*

Редактор издательства
А. Е. Сидоренко

Художник
С. П. Чалхриян

Технический редактор
П. С. Кашкина

Сдано в набор 29 X 1965 г.
Подписано к печати 17 XII 1965 г. Формат 60 × 84^{1/16}
Печ. л. 36 = 33,48 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 35,9
Тираж 40 000 экз. Т-16495. Изд. № 46/65
Тип. зак. № 902.

Цена 2 р. 40 коп.
Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
1-я тип. изд. «Наука»
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12.
Отпечатано с матриц
2-ой тип. изд. «Наука»